

СОВРЕМЕННИКЪ

1859

№ XI НОЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА
(На Невскомъ, домъ Завѣтнова № 58)

Стр.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СОВРЕМЕННИКЪ

СОВРЕМЕННИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И (СЪ 1859 ГОДА) ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА

И. ПАНАЕВЫМЪ И Н. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ LXXVIII

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА

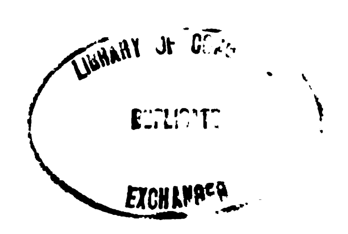
1859

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, ноября 1 дня 1859 года.

Цензоръ *Д. Мацкевичъ.*
Цензоръ *В. Бекетовъ.*

ЗАДУШЕВНАЯ ИСПОВѢДЬ.

НАЗИДАТЕЛЬНАЯ БЫЛЬ.

СЪ ВАРІЯЦІЯМИ НА ТЕМУ «ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.»

Пусть будетъ пѣснь твоя дика. Какъ мой вѣнецъ
Мнѣ тягостны веселья звуки!
Я говорю тебѣ: я слезъ хочу, пѣвецъ,
Иль разорвется грудь отъ муки.
Страданьями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно;
И грозный часъ насталъ — теперь она полна,
Какъ кубокъ смерти яда полный.

(ЛЕРМОНТОВЪ).

«Всѣмъ сестрамъ — по серьгамъ, всѣмъ братьямъ — по платьямъ.»

(Русская пословица).

Н. МАКАРОВА.

МОЕМУ СЫНУ,

ПО ДОСТИЖЕНІИ ИМЪ СОВЕРШЕННОЛѢТІЯ.

Будьте осторожны въ выборѣ друзей:
невѣрный другъ гораздо опаснѣе врага.
(Изъ моего завѣщанія.)

Находясь въ изгнаніи на островѣ св. Елены, Наполеонъ писалъ мемуары, гдѣ между прочимъ была глава — «о великихъ полководцахъ». Главу эту посвятилъ онъ своему сыну при слѣдующемъ эпиграфѣ:

«Lisez, relisez l'histoire de leurs campagnes; modelez vous sur eux» (*).

Я же скажу тебѣ, любезный мой сынъ: читай и перечитывай мою исповѣдь, но отнюдь не бери себѣ за образецъ главнаго героя моего разсказа. Въ особенности ни за что не усвоивай его правилъ, въ родѣ слѣдущаго: «никакого мелкаго дѣла я не оставляю ни для какого крупнаго чувства». Помни, мой сынъ, что въ сердцѣ честнаго и нравственнаго человѣка возникаютъ иногда такія высокія, святыя чувства, что ими не слѣдуетъ жертвовать не только *всякому мелкому дѣлу*, но даже и очень крупному. Не дѣлай никогда изъ своего сердца аукціонной камеры или биржевой залы и, не пренебрегая матеріальными вопросами жизни, ставь всегда выше вопросы нравственные, вопросы долга, чести и совѣсти. Никогда не оцѣнивай дружбу «одними только результатами въ чистыхъ рубляхъ». Лучше получить менѣе чистыхъ рублей, — да изъ честныхъ рукъ.

Да благословитъ же тебя Богъ на жизненный путь, трудный и тяжелый для всякаго, истинно-честнаго и нравственнаго человѣка, который непремѣнно, рано или поздно, долженъ искупить страданіями свою высокую честность, и особенно свою правдивость. Не пугайся такого труднаго, но прямаго пути, и никогда и ни для чего

(*) Читай, перечитывай исторію ихъ походовъ; бери ихъ себѣ за образецъ.

не сворачивай на проселки и околицы. Не бойся страданій и приготовься къ нимъ заранѣе: это неизбѣжныя пошлины, которыя на таможнѣ здѣшней жизни приходится непремѣнно уплачивать за все, что̀ есть истинно-добраго, честнаго, благороднаго и справедливаго. Несовершенства и немощи человѣческой природы имѣютъ здѣсь тоже свой роковой тарифъ!

Иди же прямо, мой сынъ! Мужайся, крѣпись и не отъ благодарности людской жди себѣ награды: въ собственной своей совѣсти, въ чувствѣ справедливости и въ сознаніи неуклоннаго исполненія долга чести, правды и человѣколюбія почерпай эту награду, единственную и лучшую, какой ты можешь ожидать здѣсь. Знай, что толпа часто любитъ рукоплескать не талантамъ и уму, а искусству и ловкости знаменитыхъ гаеровъ, и что даже самая народная молва вѣнчаетъ иногда не истинную добродѣтель, а одно умѣнье превосходно драпироваться и *хоронить концы*. Въ заключеніе помѣщу здѣсь слѣдующіе стихи Гейне, въ прекрасномъ переводѣ г. Михайлова, которые совѣтую тебѣ затвердить и повторять почаще, какъ символъ высокой честности и безстрашной правдивости.

«Съ толпой безумною не стану
Я пляску дикую плясать,
И золоченому болвану,
Поддавшись гнусному обману,
Не стану ладонъ воскурять.
Я не повѣрю рукожатьямъ
Мнѣ яму роющихъ друзей;
Я не отдамъ себя объятьямъ
Надменныхъ наглостью своей
Прелестницъ... Шумной вереницей
Пусть за побѣдной колесницей
Своихъ боговъ бѣжитъ народъ!
Мнѣ чуждо идолослуженье;
Толпа въ слѣпомъ своемъ стремленьи
Меня съ собой не увлечетъ!
Я знаю, — рухнетъ дубъ могучій;
А надъ послушнымъ камышемъ
Безвредно пронесутся тучи,
И прогудитъ сердитый громъ...
Но лучше пасть, какъ дубъ въ ненастье,
Чѣмъ камышемъ остаться жить,
Чтобы потомъ считать за счастье —
Для франта тросточкой служить».

Пускай эти прекрасные стихи сдѣлаются символомъ и твоей жизни, любезный мой сынъ!

Итакъ, прими благословеніе любящаго тебя отца, и — съ Богомъ въ добрый жизненный путь!

С.-Петербургъ.
1859 г. 15 [illegible]

ПРОЛОГЪ.

Гласность, гласность и гласность! Вотъ современная и модная тема въ Россіи, тема, которую распѣваютъ на разные тоны и различными голосами, то громкими, свѣтлыми и очень вѣрными, то хриплыми и фальшивыми, — тема, на которую сочиняютъ множество варіяцій и фантазій, то дѣльныхъ и доказательныхъ, то нелѣпыхъ и пошлыхъ. Но несмотря на этотъ нестройный и оглушительный концертъ по поводу гласности, никто изъ современно-образованныхъ людей не будетъ оспоривать огромнаго значенія, которое имѣетъ въ новѣйшей цивилизаціи гласность, этотъ главнѣйшій рычагъ прогресса среди образованныхъ народовъ нашего столѣтія. Гласность играла и играетъ важную и спасительную роль не въ однѣхъ только странахъ и эпохахъ, обладающихъ либеральными учрежденіями, но вездѣ, гдѣ только могла она проложить себѣ дорогу къ общественному мнѣнію посредствомъ изустнаго или печатнаго слова. Одно изъ убѣдительныхъ тому доказательствъ мы можемъ найти въ статьѣ напечатанной въ «Revue des Deux Mondes» за 1853 годъ, подъ заглавіемъ: «Beaumarchais, sa vie, ses écrits et son temps.» Въ этой занимательной статьѣ разсказанъ между прочимъ процессъ, который Бомарше имѣлъ съ Гецманомъ, однимъ изъ совѣтниковъ парламента. Въ то время Франція была еще очень далека отъ либеральныхъ учрежденій; въ ней не существовало ни суда присяжныхъ, ни открытаго судопроизводства; въ ней въ то время процвѣтали еще Бастилія и «lettres de cachet.»

Бомарше былъ совершенно правъ; но пристрастіе и несправедливость восторжествовали, и онъ проигралъ свое дѣло. Пред-

видя это заранѣе, Бомарше обратился къ суду общественнаго мнѣнія. Онъ сталъ излагать свое дѣло подробно, съ свойственными ему остроуміемъ и краснорѣчіемъ, и такимъ образомъ успѣлъ возбудить сперва любопытство, а потомъ самое живое сочувствіе къ своему дѣлу во всѣхъ образованныхъ людяхъ Франціи.

Гласность въ Россіи, это — едва родившійся младенецъ. Результатомъ этой новорожденной гласности было пока появленіе въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ нѣсколькихъ обличительныхъ статей; между ними была одна, которая произвела нѣкоторый эффектъ въ извѣстной части читающей публики. Статья эта была напечатана въ мартовской книжкѣ «Современника» за нынѣшній годъ, подъ заглавіемъ: «Подольско-Витебскій откупъ».

Не имѣю чести знать автора вышеупомянутой статьи; не знаю также побудительныхъ причинъ, заставившихъ его написать и напечатать такой обвинительный актъ. Но утвердительно могу сказать, что актъ этотъ не могъ окончательно достигнуть своей цѣли: осуждаемому довольно легко было опровергнуть взводимыя на него обвиненія въ отвѣтныхъ статьяхъ, которыя помѣстилъ онъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» подъ заглавіемъ: «Обличительное дѣло», и которыя, къ чести автора, отличаются необыкновеннымъ спокойствіемъ и умѣренностію.

Кромѣ того,—обвинительный актъ напалъ на лицо имъ описываемое, какъ на откупщика, то есть съ той стороны, съ которой онъ облеченъ въ двойную броню и не боится ничьихъ нападеній, имѣя возможность всегда легко отразить ихъ; ибо, кто что ни говори, а описываемая личность въ сказанномъ обвинительномъ актѣ— все-таки лучше многихъ откупщиковъ, что впрочемъ, еще ничего не доказываетъ: мулатъ хотя и бѣлѣе негра, но все-таки ему далеко до бѣлизны лица, напримѣръ, англичанокъ. Но оставимъ въ сторонѣ и эту статью, и героя этой статьи, о которыхъ мы упомянули вскользь, и то только по поводу гласности. У насъ есть другой герой, которымъ и займемся мы теперь съ особенною любовію. Герой нашъ, въ самое короткое время и изъ самой скромной доли «дошелъ до степеней извѣстныхъ», то есть до обладанія многими мильонами, домами, дачами, картинными галлереями и кучею разныхъ акцій. И добрался онъ до такой выспренней точки современнаго блаженства, благодаря прочности своего акцизно-коммиссіонерскаго экипажа и быстрому бѣгу удалой, кровной тройки, называемой—сложною цѣною, переы-

ручкою и переборомъ. Но, для большаго удобства нашего исторического разсказа, слѣдуетъ дать названіе нашему герою, котораго и назовемъ.... Какъ бы его назвать?... Ну, назовемъ хоть Василіемъ Андроновичемъ Штукаревымъ. Итакъ, окрестивши нашего героя, покажемъ теперь связь, которую имѣетъ онъ съ началомъ этого пролога, то есть съ гласностію.

Вмѣсто того, чтобы мирно наслаждаться скоро и благо-пріобрѣтенными сладостями жизни, Василій Андроновичъ Штукаревъ вдругъ заболѣлъ страшнымъ недугомъ: всепожирающею, неутолимою жаждою гласности; сталъ всѣми силами, средствами и ухищреніями добиваться извѣстности мецената, — публициста, экономиста, писателя, капиталиста-учредителя и двигателя обширнѣйшихъ промышленныхъ и всякихъ другихъ предпріятій, гражданина, человѣка передоваго, поборника правды и обличителя всякаго зла, мужа совѣта и человѣка государственнаго, новаго Лафита, наконецъ — извѣстности честнѣйшаго, великодушнѣйшаго, щедрѣйшаго, гуманнѣйшаго, безпристрастнѣйшаго, и справедливѣйшаго человѣка!!!...

Изъ этого перечня видно, что г. Штукаревъ далеко не гомеопатъ въ своихъ желаніяхъ, стремленіяхъ, въ своемъ честолюбіи, и у него такое явное призваніе къ гиперболѣ, что родись онъ не въ вологодскихъ лѣсахъ, а гдѣ нибудь поюжнѣе, — хоть, напримѣръ, на берегахъ Тигра и Ефрата, — онъ былъ бы однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ поэтовъ Востока. Изъ этого же самаго перечня явствуетъ еще, что, выйдя изъ тѣсной и односторонней сферы откупной дѣятельности и вступивъ въ обширнѣйшую сферу дѣятельности универсальной, г. Штукаревъ представляетъ уже для нападенія, то есть для строгаго критическаго разбора, не одну откупную сторону, а великое множество сторонъ, какъ прямое и неизбѣжное слѣдствіе притязаній его на всестороннее значеніе. Но возвратимся къ гласности.

Въ средѣ шумнаго концерта, затѣяннаго въ пользу этой новорожденной гласности, г. Штукаревъ принималъ дѣятельное участіе, и голосъ его раздавался и часто, и громко. Онъ то запѣвалъ хвалебные гимны въ честь новорожденной, ласкалъ ее, прибаюкивалъ, заигрывалъ съ нею; то порою, — странное противорѣчіе! — дразнилъ ее, вызывалъ на плачъ и пискъ. Какъ будто бы г. Штукаревъ не сознавалъ и не понималъ того, что гласность — орудіе обоюду-острое, и что обращаться съ нею должно очень осторожно. Въ этомъ отношеніи онъ выказывалъ

даже необыкновенное безстрашіе, жертвуя своею собственною персоною, то есть предлагая не разъ въ пищу гласности самого себя, свои слова, рѣчи, поступки и дѣянія. Можетъ быть г. Штукаревъ полагалъ, что у гласности вкусъ черезчуръ разборчивъ, тонокъ, прихотливъ, и что для удовлетворенія своего аппетита она бросится не на всякое блюдо, а тѣмъ болѣе не бросится на такое, какое предлагалъ ей г. Штукаревъ. Нѣтъ, г. Штукаревъ, не такъ! Видно вы мало знакомы со свойствами гласности: это всеядное чудовище, ничѣмъ не насытимое, вѣчно голодное, жадно бросающееся на все, что у него на глазахъ и подъ руками; пожирающее и переваривающее въ своемъ страусовомъ желудкѣ всякую пищу, будь это блюда тонкія, изящныя, съ ароматомъ трюфелей и прочими пряностями; или будь это яства безвкусныя, грубыя, тяжелыя, грязныя, даже отзывающіяся запахомъ самой скверной сивухи: все ей по вкусу и по желудку!...

Итакъ, г. Штукаревъ затрогивалъ и дразнилъ нашу новорожденную русскую гласность до того, что, пожалуй, иному могъ онъ показаться новымъ Катономъ, Брутомъ, или хоть Баярдомъ, рыцаремъ безъ страха и безъ упрека. Полно такъ ли, г. Штукаревъ? Вы что-то ужь очень смѣло,—чтобы не сказать болѣе,—бросаете перчатку нашей гласности и нашему общественному мнѣнію. Увѣрены ли вы въ томъ, что никто не захочетъ или не посмѣетъ поднять эту тщательно-вымытую перчатку? Увѣрены ли вы въ безукоризненности и въ непомрачаемой свѣтлости вашего прошедшаго? Углубитесь хорошенько въ самого себя, поройтесь, пошарьте въ вашей душѣ и въ памяти, которою вы когда-то щеголяли. Обернитесь-ко назадъ и бросьте хоть бѣглый взглядъ на пройденный вами путь. Ну что? Ничего не видите?... Не открыли ничего такого, что̀ по прошествіи досады и гнѣва, должно непремѣнно возбудить горькое сожалѣніе и никогда не позднее раскаяніе въ сердцѣ каждаго истинно-честнаго, благороднаго, добраго и въ особенности справедливаго человѣка,—и отчего всегда дѣлается очень неловко тому, кто имѣетъ одни только притязанія на эти высокія душевныя качества?...

Нѣтъ,—г. Штукаревъ, кажется, ничего не откроетъ даже и тогда, когда будетъ смотрѣть черезъ огромный телескопъ Пулковской обсерваторіи. Вѣдь удовлетворенное тщеславіе и самообольщеніе, безпрерывно поддерживаемое фиміамомъ похвалъ и лести, который вожигается раболѣпными поклонниками чу-

щихъ мильоновъ, дѣйствуетъ чрезвычайно наркотически на самыя крѣпкія головы; дѣйствуетъ сильнѣе гашиша и не слабѣе дурмана, опіума и другихъ одуряющихъ зелій. И потому, по всей вѣроятности, г. Штукаревъ никогда не проснется самъ отъ летаргіи памяти и своей совѣсти, если только кто нибудь или что нибудь не разбудитъ его.

Но вотъ наконецъ родилась у насъ гласность; — попробую взяться за это орудіе и разскажу повѣсть, грустную и мрачную, но поучительную. Повѣсть эта — не игра воображенія, не плодъ фантазіи, а исторія истинная, основанная на фактахъ и документахъ—ясныхъ, какъ день, неопровержимыхъ, какъ математическая аксіома. Это — исторія двѣнадцатилѣтнихъ страданій, гоненій и оскорбленій всякаго рода. Пусть каждый изъ читателей рѣшитъ безпристрастно: кто правъ и кто виноватъ въ этомъ простомъ и безъискусственномъ разсказѣ.

ГЛАВА I.

ЗНАКОМСТВО МОЕ СЪ ШТУКАРЕВЫМЪ.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.
ПУШКИНЪ.

Я служилъ въ одномъ изъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ. Въ началѣ 1834 года я вышелъ въ отставку и уѣхалъ изъ Петербурга. У меня было небольшое имѣніе въ Костромской губерніи, на берегу рѣки Унжи. Какъ ни живописно было мѣстоположеніе этого имѣнія, я не рѣшился поселиться въ немъ: оно находилось въ страшной глуши, вдалекѣ отъ всего, что хоть сколько нибудь напоминало бы цивилизованную Европу. Но у меня былъ родной дядя по матери, В. М. Ми..ринъ, который жилъ въ своемъ имѣніи, въ двухъ верстахъ отъ уѣзднаго города Со.... Онъ радушно предложилъ мнѣ жить у него, я воспользовался его предложеніемъ... Дядя этотъ былъ такой чудакъ, что о немъ стоитъ сказать нѣсколько словъ.

Воспитанный въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и выпущенный оттуда въ 1812 году въ конную артиллерію, онъ потомъ былъ переведенъ въ Литовскій гвардейскій полкъ и служилъ въ Варшавѣ, подъ начальствомъ покойнаго цесаревича Константина Павловича. Въ началѣ 1823 года онъ пріѣзжалъ въ отпускъ въ

Костромскую губернію, тогда же взялъ меня съ собою въ Варшаву и, почти ребенкомъ, опредѣлилъ подпрапорщикомъ въ гвардейскій Литовскій полкъ. Въ проѣздъ свой черезъ Москву онъ женился, или, вѣрнѣе сказать, его женили на какой-то юродивой княжнѣ. Бракъ этотъ былъ однимъ изъ самыхъ неудачныхъ, и всякій другой на мѣстѣ моего дяди былъ бы несчастнѣйшимъ человѣкомъ. Но дядя имѣлъ способность ничего не принимать близко къ сердцу, ни отъ чего не приходить въ отчаяніе. Онъ былъ человѣкъ очень умный, но вмѣстѣ съ тѣмъ безалаберный, беззаботный, разсѣянный и постоянно веселый, чрезвычайно вспыльчивый, но не злой. Сверхъ того, у него была наклонность къ цинической философіи, которая, вслѣдствіе несчастной его женитьбы, усилилась, развилась въ немъ и утѣшала его, или, вѣрнѣе сказать, мѣшала ему чувствовать весь ужасъ своего домашняго очага. Цинизмъ этотъ былъ для него, если не радикальнымъ, то пальятивнымъ средствомъ, чѣмъ-то въ родѣ хлороформа: онъ не исцѣлялъ недуга, но притуплялъ производимыя имъ страданія. Наконецъ въ 1828 году дядя вышелъ въ отставку, съ чиномъ гвардіи полковника, и поселился въ своемъ имѣніи близь Со........

Первымъ дѣломъ его, по водвореніи въ деревнѣ, было—выстроить большой домъ и въ немъ — огромную залу съ хорами. Потомъ онъ завелъ музыку, пѣвчихъ и домашній театръ. Но что̀ это былъ за театръ, что̀ это были за пѣвчіе, и особенно—что̀ это была за музыка!—Злополучнѣйшій квартетъ, о которомъ нельзя даже было сказать, что

«Они немножечко дерутъ,
Зато ужь въ ротъ хмѣльнаго не берутъ»;

потому что его четыре доморощенные артиста и сильно урили драли, и сильно кутили. Въ будни они исполняли различныя работы по сельскому хозяйству: въ полѣ, на скотномъ дворѣ, даже въ кузницѣ. А по воскресеньямъ, по большимъ праздникамъ и во время званыхъ обѣдовъ или вечеровъ, они наигрывали увертюру изъ Калифа Багдадскаго и разные допотопные танцы. То же было и съ пѣвчими и актерами. По этому можно судить о художественности исполненія!

Дядя мой былъ знакомъ съ цѣлымъ городомъ, съ цѣлымъ уѣздомъ и съ половиною губерніи. Домъ его былъ открытъ всегда и для всѣхъ. Въ знакомствахъ и приглашеніяхъ на свои обѣды и

вечера, — или, пожалуй, какъ онъ называлъ ихъ, балы, — онъ заботился не о качествѣ, а о количествѣ посѣтителей; да и во всемъ прочемъ у него было главное—количество, а не качество. На его обѣды и вечера собиралось иногда человѣкъ до шестидесяти,—цифра громадная для уѣзднаго закоулка, который на мѣстномъ языкѣ называли «концомъ свѣта». Да подъ этимъ названіемъ Со........ извѣстенъ всей губерніи,—и вотъ на какомъ основаніи: почта, проѣхавъ чрезъ всю Россію, потомъ черезъ всю губернію, доѣзжала до Со........, ночевала въ немъ и потомъ возвращалась вспять: далѣе некуда было ѣхать, — начинались лѣса и непроходимыя болота Во....дской губерніи.

Какъ я сказалъ выше, дядя мой придерживался циническихъ началъ, которыя проявлялись у него во всемъ, особенно въ костюмѣ. Онъ имѣлъ обыкновеніе черезъ каждые четыре или пять лѣтъ ѣздить зимою въ Москву мѣсяца на три для свиданія со своею сіятельною тещею и другими женинными родными, которыхъ было очень много и которые принадлежали къ московской аристократіи. Во время этого путешествія «на поклоненіе важнымъ роднымъ» дядя заказывалъ себѣ въ Москвѣ пару визитнаго платья, которое потомъ въ деревнѣ висѣло въ шкапѣ неприкосновенно и надѣвалось только въ торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ во время посѣщенія какой либо важной особы, какъ-то: губернатора, губернскаго предводителя, архіерея и т. п., или для присутствія на именинныхъ обѣдахъ и пирахъ. Обыкновенный же его домашній костюмъ состоялъ изъ нанковаго сюртука, такихъ же брюкъ и необыкновенно-длиннаго жилета, который маскировалъ отсутствіе помочей. Онъ былъ человѣкъ очень тучный и ему всегда и вездѣ было жарко и душно; поэтому онъ по большей части ходилъ безъ галстука, а лѣтомъ въ башмакахъ на босую ногу. Не только одинъ дома, но и при большей части гостей онъ рѣдко измѣнялъ свой костюмъ, потому что, въ качествѣ новѣйшаго циника, онъ никогда, ничѣмъ и никѣмъ не женировался.

Дядя былъ необыкновенно трезвой жизни: онъ не пилъ ни водки, ни чаю, ни кофе. Но зато онъ истреблялъ въ страшномъ количествѣ квасъ, который приготовлялся у него особенно вкуснымъ образомъ и который по большей части сопровождалъ его всюду, такъ что, когда онъ отправлялся куда нибудь въ гости, къ ближнему или дальнему сосѣду, съ нимъ въ экипажѣ всегда было нѣсколько бутылокъ квасу. Отъѣдетъ, бывало, верстъ пять

и кричитъ «стой!» Достанетъ бутылку, потянетъ изъ нея, ѣдетъ далѣе и, повторяя такія остановки, опорожнитъ нѣсколько бутылокъ, пока доѣдетъ до цѣли. Подшучивая надъ этимъ безмѣрнымъ употребленіемъ квасу, отъ котораго дядя не разъ бывалъ боленъ, я иногда говорилъ ему:

— Эй, дядя! Вы умрете безславной смертію: люди опиваются иногда водкою, ромомъ, пуншемъ; вы же погибнете отъ квасу!...

Увы! шуточное предсказаніе мое сбылось: въ 1850 году дядя пріѣхалъ въ Москву лѣчить свою больную жену, которая и умерла вскорѣ по пріѣздѣ туда. Это было въ іюлѣ, въ страшную жару. Возвращаясь съ похоронъ, онъ заѣхалъ въ квасной рядъ и въ короткое время уничтожилъ нѣсколько бутылокъ квасу, кислыхъ щей и меду. Въ тотъ же вечеръ у него сдѣлалась холера, и такъ какъ никакія докторскія убѣжденія и ничьи просьбы не могли заставить его отказаться, хоть на время болѣзни, отъ квасу, то черезъ нѣсколько дней его не стало на свѣтѣ. Онъ былъ похороненъ мною на кладбищѣ Новоспасскаго монастыря, рядомъ съ его женою, которая, какъ говорится, «заѣла его вѣкъ». Но окончу характеристику дяди, чтобы поскорѣе добраться до главнаго героя этого разсказа.

Пріѣхалъ я къ дядѣ изъ Петербурга и поселился въ его домѣ, въ концѣ мая. У него жила моя сестра, выпущенная въ 1831 году изъ московскаго екатерининскаго института. Дядя былъ бездѣтенъ. Впрочемъ, безплодіе нисколько не огорчало его; онъ смѣясь говаривалъ: «какое счастіе, что у меня нѣтъ дѣтей! Воображаю, что за уроды родились бы отъ меня и отъ моей Катеньки!»

Въ короткое время послѣ моего пріѣзда, я познакомился со всѣмъ городомъ и съ цѣлымъ уѣздомъ, начиная съ предводителя, судьи, городничаго, исправника и кончая разными засѣдателями, секретарями, протоколистами, письмоводителями и самыми мелкотравчатыми, ископаемыми дворянами, въ невѣроятныхъ, археологическихъ костюмахъ, и которые далѣе уѣзднаго города нигдѣ не были и во всю свою жизнь ничего не читали, кромѣ Брюсова календаря да Снотолкователя.

Въ числѣ обычныхъ городскихъ посѣтителей дома дяди былъ одинъ шестнадцатилѣтній молодой человѣкъ, худощавый, бѣлокурый, очень скромный, почти застѣнчивый, не совсѣмъ ловкій, который садился на кончикѣ стула, порою не зналъ, что дѣлать со своими руками. Но, несмотря на отсутствіе не только

серьёзнаго, но даже и всякаго поверхностнаго образованія, этотъ молодой человѣкъ,—или, какъ его называли въ нашемъ кругу, «юноша»,—выказывалъ много природнаго ума, такта и особливо той русской смѣтливости, которая, за неимѣніемъ положительныхъ знаній, умѣетъ многое угадывать и прикладывать къ дѣлу, безъ всякихъ предварительныхъ теорій. Этотъ бѣлокурый, худенькій и застѣнчивый юноша былъ — будущая знаменитость, будущій обладатель мильоновъ на серебро, великолѣпныхъ дачъ, домовъ въ обѣихъ нашихъ столицахъ, картинныхъ галлерей; будущій предъявитель правъ на званіе мецената, публициста, писателя, и пр. и пр.; однимъ словомъ,—это былъ Василій Андроновичъ Штукаревъ.

Въ ту, относительно говоря, отдаленную эпоху своей скромной дѣятельности, Штукаревъ управлялъ въ Со........ соловареннымъ заводомъ своего дяди и жилъ очень тихо, въ маленькомъ домикѣ, довольствуясь сперва пяти-сотеннымъ, а потомъ полутора-тысячнымъ жалованьемъ на ассигнаціи. Я очень скоро сошелся съ нимъ, несмотря на восьмилѣтнюю разницу въ возрастѣ и полюбилъ его за наблюдательный, серьёзный и практическій умъ, за добросовѣстность, толковость и неутомимость его дѣятельности, хотя и не обширной въ то время, за его любознательность и смѣлую пытливость во всемъ, за предупредительную его обязательность и готовность на все хорошее, наконецъ — за современность его понятій, привычекъ и даже вкусовъ, въ чемъ онъ далеко опередилъ не только свой медвѣжій уголъ, но и всю губернію. Я видался съ нимъ очень часто, то въ домѣ моего дяди, то въ Со........ у П. П. З—кова, который служилъ тамъ солянымъ приставомъ и, стало быть, имѣлъ безпрестанныя сношенія съ Штукаревымъ и большое вліяніе на всю соляную его дѣятельность. Бывалъ я время отъ времени и въ домѣ самого Штукарева, который собиралъ иногда у себя всю городскую публику на чай, вечеринки или завтраки съ блинами, икрой, балыкомъ, семгою, Со.......чскими калачами, имѣвшими большую мѣстную извѣстность и наконецъ съ неизбѣжною «старою остъ-индскою мадерою» тоже мѣстнаго произведенія.

Вотъ когда и какъ познакомился и сблизился я съ Штукаревымъ, и—признаюсь—много пріятнѣйшихъ минутъ провелъ съ нимъ и съ З—ковымъ, однимъ изъ добрѣйшихъ и любезнѣйшихъ людей, у котораго собирались мы часто втроемъ. Сколько тутъ было искренней веселости, непринужденнаго смѣха! Сколько

разсказано анекдотовъ, прочитано стиховъ Пушкина и другихъ поэтовъ, печатныхъ и непечатныхъ!

Двадцать-пять лѣтъ,—цѣлая четверть столѣтія,—прошло съ тѣхъ поръ, а какъ живо представляется мнѣ все это!.. Какъ пріятно, какъ весело было бы мнѣ теперь смотрѣть въ калейдоскопъ этихъ воспоминаній, если бы они не были омрачены, отравлены послѣдующими событіями! Но я не буду распространяться объ этой первой эпохѣ моихъ сношеній съ Штукаревымъ—юношею, и особенно о дальнѣйшемъ моемъ пребываніи въ домѣ дяди. Проживши у него полтора года, я сталъ сильно скучать отъ бездѣйствія: обѣды, вечера, имянинные пиры, домашніе спектакли, разъѣзды по помѣщикамъ,—все это не могло долго занимать меня, а тѣмъ болѣе сдѣлаться пищею для моей души, которая искала дѣятельности болѣе серьёзной и полезной. Къ тому же въ іюлѣ 1835 года сестра моя, нѣжно мною любимая, вышла замужъ; съ удаленіемъ ея изъ дома дяди, въ немъ все измѣнилось; непочтенная моя тетушка, урожденная московская княжна, способна была не оживить общество, а нагнать только уныніе. Самъ дядя сдѣлался не такимъ безпечнымъ и гостепріимнымъ; не измѣнился въ немъ только цинизмъ, а, напротивъ, развился сильнѣе и сталъ принимать формы болѣе грубыя.

Итакъ, я рѣшился сказать «прости» моей родинѣ. Сказано—сдѣлано. Въ началѣ 1836 года я оставилъ домъ дяди и, простившись съ нимъ и съ добрымъ З—ковымъ, а равно и съ юношею Штукаревымъ, уѣхалъ въ Петербургъ. Не имѣя въ виду ничего такого, чему бы могъ посвятить свою дѣятельность, на чемъ бы могъ попробовать свои силы и способности, я снова вступилъ въ военную службу, въ тотъ же самый гвардейскій полкъ, въ которомъ началъ свое военное поприще въ 1823 году въ Варшавѣ. Перебѣгу бѣглымъ шагомъ черезъ послѣдующія событія моей жизни, для того, чтобы какъ можно скорѣе приступить ко второй эпохѣ моихъ сношеній съ Штукаревымъ.

Сейчасъ по вступленіи моемъ въ службу, я подружился съ однимъ изъ моихъ товарищей, съ Б—тинымъ, выпущеннымъ въ полкъ изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ, во время моей отставки. Въ мартѣ того же года, мать Б—тина пріѣхала въ Петербургъ изъ отдаленной провинціи за своими двумя дочерьми, которыя вышли изъ Смольнаго монастыря. Это было доброе, прекрасное семейство, съ которымъ я познакомился сейчасъ же и, какъ подобало двадцати-шестилѣтнему гвардейцу того вре-

мени,—далеко не такъ матеріальнаго и холоднаго, какъ нынѣшнее,—страстно влюбился въ младшую сестру Б—тина, красивую брюнетку, съ высокимъ, стройнымъ станомъ, съ живымъ умомъ, добрымъ сердцемъ и веселымъ характеромъ, превосходную піанистку и пѣвицу.

Наступило лѣто 1836 года; мы стояли тогда въ лагерѣ подъ Краснымъ селомъ. Отпроситься и пріѣхать изъ лагеря въ Петербургъ, гдѣ, сидя у фортепьяно и прослушавъ блистательную фантазію Герца, тогдашняго льва фортепьянной музыки, признаться въ любви и, въ отвѣтъ на признаніе, услышать—*да*, потомъ сдѣлать оффиціальное предложеніе и получить согласіе матери,—все это было для меня дѣломъ двухъ дней. Но, что̀ скоро, то̀ бываетъ не споро. — Увы! — Я испыталъ на себѣ справедливость этой пословицы.

Принявъ мое предложеніе, мать и братья моей невѣсты позабыли одно: спросить отца, который остался въ своей нижегородской деревнѣ,—согласится ли онъ? Это сдѣлали тогда, когда я былъ уже принимаемъ въ домъ, какъ женихъ. Черезъ мѣсяцъ лихорадочнаго ожиданія, пришелъ отвѣтъ — уклончивый: старикъ писалъ, что не можетъ принять моего предложенія, не увидавъ прежде своей дочери, съ которою не видѣлся много лѣтъ. Итакъ, на этотъ разъ суворовская тактика, примѣненная къ дѣлу любви, оказалась несостоятельною, и мои скороспѣшныя надежды потонули въ мучительной неизвѣстности!

Въ августѣ, семейство Б—тиныхъ, мать съ двумя дочерьми уѣхали изъ Петербурга въ деревню. Положеніе мое стало еще ужаснѣе.

Наконецъ въ декабрѣ, одинъ изъ братьевъ моей невѣсты объявилъ мнѣ рѣшеніе отца, что въ настоящее время онъ не рѣшается еще дать свое согласіе на бракъ своей дочери со мною, потому что она очень молода.

Разумѣется, это былъ чистѣйшій отказъ, который едва меня не убилъ: я былъ близокъ къ помѣшательству и отдѣлался наконецъ тѣмъ, что схватилъ горячку. По выздоровленіи, желая чѣмъ нибудь заглушить тоску, я вздумалъ перемѣнить и родъ службы, и мѣсто жительства, и подалъ просьбу о переводѣ меня въ армейскую кавалерію, въ Рижскій драгунскій полкъ. Это было въ началѣ февраля 1837 года. А недѣлю спустя, вдругъ получаю письмо отъ старика Б—тина, который пишетъ, что,

убѣдившись наконецъ въ истинной, глубокой любви ко мнѣ его дочери, онъ соглашается на нашъ бракъ.

Радость, которую я почувствовалъ по прочтеніи этого письма, описать невозможно. Несмотря на просьбы товарищей и полковаго командира — взять обратно мое прошеніе о переводѣ въ армію, я этого не сдѣлалъ: видно ужь суждено было такъ, подумалъ я, — и можетъ быть это состояло въ связи съ моимъ счастіемъ.

Въ апрѣлѣ я получилъ позволеніе жениться, вмѣстѣ съ 28 дневнымъ отпускомъ, и, въ самую распутицу, по скверной дорогѣ поѣхалъ въ деревню, гдѣ жила моя невѣста и куда я прибылъ наканунѣ самаго Свѣтлаго праздника. Радость нашей встрѣчи — тоже выше всякаго описанія. Но я жестоко ошибся въ надеждѣ на скорую свадьбу: отецъ моей невѣсты назначилъ свадьбу въ сентябрѣ, послѣ нижегородской ярмарки, и уже никакія мольбы, никакія убѣжденія не могли заставить его измѣнить слово: это былъ типъ самого упрямаго и несговорчиваго старика, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ высшей степени честнаго. И я прожилъ въ деревнѣ Б—тина до сентября, т. е. пять мѣсяцевъ, имѣя отпускъ только на 28 дней.

Наконецъ я достигъ цѣли своихъ пламенныхъ желаній: 3 сентября совершилась моя свадьба въ маленькой, деревянной сельской церкви, въ присутствіи лишь нѣсколькихъ близкихъ родныхъ, и съ величайшею простотою. Но и маленькая деревянная церковь подарила мнѣ огромное счастіе: жаль только, что оно длилось самое короткое время и вскорѣ надолго было прервано. Такова судьба всей моей жизни!...

Мѣсяца за полтора до свадьбы, я узналъ изъ газетъ, что вслѣдствіе моей просьбы, я былъ уже переведенъ въ Рижскій драгунскій полкъ, который находился въ то время на маневрахъ подъ Вознесенскимъ. А недѣли черезъ двѣ послѣ свадьбы, я получилъ увѣдомленіе изъ полка о томъ, что я долженъ спѣшить явиться туда, потому что инспекторскій департаментъ, безъ вѣдома полковаго начальства, можетъ выключить меня изъ службы за долгое пребываніе въ отпуску. Шутить было нечего: я поспѣшно собрался въ далекій одинокій путь. Я не могъ взять съ собою мою жену; прежде надо было рѣшиться на что нибудь: или устроиться въ полку, если бы я вздумалъ оставаться на службѣ; или подать въ отставку и тогда распорядиться иначе съ временнымъ моимъ мѣстопребываніемъ. Полкъ стоялъ въ концѣ

Курской губерніи, въ Коронѣ, грязнѣйшемъ и скучнѣйшемъ уѣздномъ городишкѣ. Итакъ, черезъ три недѣли послѣ свадьбы, я разстался съ моею молодою, любимою женою! Въ сквернѣйшую погоду, по ужаснѣйшей дорогѣ, протащился я на перекладныхъ болѣе тысячи верстъ и прибылъ въ свой новый полкъ, которымъ командовалъ тогда полковникъ Л—дь. Это былъ татаринъ, но въ добротѣ сердца, въ высокой честности, благородствѣ характера превосходилъ многихъ православныхъ.

Вскорѣ послѣ пріѣзда моего въ Корочу, я увидѣлъ, что, мнѣ женатому невозможно продолжать службу въ этой трущобѣ, и потому, послѣ трехъ недѣль осаднаго положенія, въ которомъ держала меня невылазная грязь, я подалъ въ отставку по болѣзни. Между тѣмъ, съ величайшимъ нетерпѣніемъ я ожидалъ наступленія зимы: передъ отъѣздомъ моимъ изъ деревни тестя, мнѣ торжественно было обѣщано, что, по первому же зимнему пути, теща привезетъ ко мнѣ въ Корочу мою жену, проѣздомъ въ свое курское имѣніе. Съ невыразимою радостію привѣтствовалъ я первый снѣгъ и, на мое счастіе, довольно раннее наступленіе зимы. Разумѣется, я каждую почту переписывался съ женою. Прошло три недѣли зимняго пути, а жену ко мнѣ не привозили. Наконецъ она увѣдомила меня, что ея «maman» нескоро еще думаетъ отправиться въ дальній путь; быть можетъ въ январѣ, а пожалуй и въ февралѣ. Испытаніе это было сильнѣе моего тогдашняго терпѣнія, которое и лопнуло. Я попросилъ краткаго отпуска сперва у полковаго командира и получилъ отказъ, потому что онъ не имѣлъ права разрѣшать отпуски офицерамъ,—потомъ у дивизіоннаго командира,—такой же отказъ и по той же самой причинѣ; наконецъ, я поѣхалъ въ Курскъ просить отпуска у корпуснаго командира; тоже отказъ, но только уже вотъ на какомъ основаніи: «я имѣю правило никогда и ни для чего не давать отпуска тѣмъ изъ офицеровъ, которые подали въ отставку». Резонно, но только не для меня и не во время моей молодости. Недолго раздумывая, я уѣхалъ къ женѣ безъ отпуска и безъ всякаго, отъ кого бы то ни было, позволенія. Бѣглецомъ проскакалъ я черезъ Москву и, 5 декабря въ 8 часовъ вечера, явился въ домъ моего тестя, къ которому съѣзжались тогда почти всѣ родные, состоявшіе изъ дядей, стариковъ временъ Екатерины и Павла.

Никто не ожидалъ моего пріѣзда, который несказанно обрадовалъ мою жену, а всѣхъ другихъ удивилъ, если только не

испугалъ. Послѣ первыхъ объятій и цѣлованій, меня спросили:

— Ты вѣрно взялъ отпускъ, въ ожиданіи отставки?

— Ни чуть не бывало.

— Ну такъ получилъ откомандировку?

— Тоже нѣтъ.

Лица стариковъ начинали вытягиваться и хмуриться.

— Такъ какимъ же образомъ ухитрился ты оставить полкъ и пріѣхать къ намъ за тысячу-двѣсти верстъ?

— А самымъ простымъ образомъ: просился въ отпускъ, не пустили; я и поѣхалъ безъ отпуска.

Старики пришли въ ужасъ.

— Да что же тебѣ будетъ за это?

— Не бойтесь, не разстрѣляютъ! Самое большее: отдадутъ подъ судъ и разжалуютъ въ солдаты, — отвѣчалъ я, обнимая и цалуя жену.

— И тебѣ не стыдно, не грѣшно дѣлать и говорить такія вещи! Вѣдь ты теперь — женатый человѣкъ, а черезъ полгода будешь отцомъ! завопили хоромъ старики.

— А вольно же вамъ не держать своего обѣщанія и не привезти ко мнѣ жену по первому зимнему пути, который начался уже болѣе мѣсяца.

Старики тяжело вздохнули, пожали плечами и замолчали. Если не убѣдила, то побѣдила ихъ моя молодая логика.

Несмотря ни на какія убѣжденія, обѣщанія и просьбы родныхъ, я три недѣли провелъ въ домѣ моего тестя, наслаждаясь такимъ счастіемъ, за которое не жаль и не дорого было бы поплатиться моими эполетами и капитанскимъ чиномъ. Но на этотъ разъ судьба мнѣ покровительствовала и, за счастіе мое, я не поплатился ничѣмъ, кромѣ безпокойства проскакать на перекладныхъ изъ Корочи въ Сергачскій уѣздъ и обратно, что составляло 2,400 верстъ.

Въ концѣ декабря я снова разлучился съ женою, но на этотъ разъ уже ненадолго. Мнѣ поклялись привезти ее черезъ мѣсяцъ въ курскую деревню моей тещи, куда и я долженъ былъ пріѣхать къ тому времени.

Въ началѣ января 1838 года я возвратился въ полкъ изъ моего любовнаго набѣга или побѣга. Натурально, сейчасъ же явился къ полковому командиру. Онъ очень обрадовался, но съ притворно-суровымъ видомъ строгаго начальника спросилъ:

— Капитанъ! Гдѣ же это вы были и пропадали болѣе мѣсяца?

— Къ женѣ ѣздилъ,—отвѣчалъ я.

— Я такъ и думалъ, и потому отправилъ къ вамъ въ Сергачъ предписаніе—явиться немедленно въ полкъ. Разумѣется, чтобы не компрометировать васъ, я велѣлъ надписать на конвертѣ: «находящемуся въ отпуску капитану Макарову».

Добрѣйшая, благороднѣйшая душа!...

— Вотъ видите ли, капитанъ, продолжалъ полковникъ,—что наиболѣе меня тревожило во время вашего отсутствія: нашъ корпусной командиръ имѣетъ привычку давать иногда порученія тѣмъ изъ офицеровъ, которымъ онъ отказалъ въ отпускѣ! Ну, что, если бы онъ сдѣлалъ подобное въ отношеніи къ вамъ? И вамъ, а еще болѣе мнѣ, была бы страшная бѣда за то, что я не рапортовалъ объ вашемъ отсутствіи. Но теперь, надѣюсь, вы поживете съ нами?

— Да, недѣли три. А тамъ я буду просить васъ отпустить меня въ имѣніе моей тещи, въ Рыльскій уѣздъ, куда привезутъ ко мнѣ мою жену, и гдѣ я буду ожидать моей отставки.

— Хорошо, хорошо, но только тогда отрапортуйтесь больнымъ; это будетъ безопаснѣе и для васъ, и для меня.

Итакъ всѣ мои треволненія окончились благополучно. Подавъ рапортъ о болѣзни, я въ концѣ января оставилъ иппохондрическую Корочу и уѣхалъ въ Рыльскій уѣздъ, въ имѣніе тещи, которая, вслѣдъ за мною, пріѣхала туда съ моею женою и другою старшею дочерью. Въ маѣ получилъ я отставку, а въ іюнѣ родилась у меня дочь, увеличивъ наше семейное счастіе.

Родители моей жены были люди богатые; но у нихъ было восемь человѣкъ дѣтей—шесть сыновей и двѣ дочери. Жену мою наградила мать, очень добрая женщина, давъ за ней въ приданое одну изъ своихъ тульскихъ деревень, лежащую между Тулой и Москвой, въ 20 верстахъ отъ первой и 150-ти отъ послѣдней. Въ этомъ-то имѣніи поселился я съ семействомъ, переѣхавъ туда изъ Курской губерніи въ августѣ 1838 года. Шесть съ половиною лѣтъ тихой и счастливой жизни провелъ я въ этомъ мирномъ пріютѣ, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, а еще болѣе музыкою, которую любилъ я страстно, и изученію которой предался я со всѣмъ увлеченіемъ моего пылкаго характера и съ величайшею настойчивостію. Каждую зиму бывалъ я въ Москвѣ и время отъ времени въ Петербургѣ. Въ концѣ 1839

года ѣздилъ я на родину повидаться съ чудакомъ дядею и съ сестрою. Мелькомъ встрѣтился я тамъ съ Штукаревымъ, въ которомъ нашелъ большую перемѣну. Онъ выросъ, очень пополнѣлъ, одѣвался щегольски и совершенно утратилъ свою застѣнчивость: говорилъ смѣло и громко, садился уже не на кончикъ стула и нисколько не затруднялся тѣмъ, куда дѣть свои руки.

Послѣ этого короткаго свиданія съ Васильемъ Андроновичемъ, я потерялъ его изъ виду. Слышалъ потомъ, что онъ поступилъ къ Ж...... для управленія его дѣлами; а далѣе не было о немъ ни слуху, ни духу.

Эта первая и начало второй главы моего разсказа обнимаютъ длинный, десяти-лѣтній періодъ моей жизни, который сжалъ я такъ для того, что послѣдующія событія требуютъ гораздо большаго развитія. Но прежде чѣмъ приступлю къ изложенію этихъ дальнѣйшихъ событій, я хочу разсказать одинъ случай изъ жизни съ первою моею женою, и тѣмъ доказать полную откровенность моей исповѣди, въ которой намѣренъ я сознаться въ моихъ прошедшихъ ошибкахъ, увлеченіяхъ, заблужденіяхъ и прегрѣшеніяхъ. Вотъ этотъ случай, который помѣщаю я въ этой первой главѣ подъ названіемъ:

Прогулка съ хлыстомъ и съ пистолетами.

Находясь въ Москвѣ въ началѣ 1842 года, я нанялъ тамъ одну нѣмку въ няньки къ моей дочери. По возвращеніи моемъ въ деревню, дочь моя, изъ рукъ русской няни Катерины, перешла въ руки Марьи Ивановны, дебелой нѣмки съ одутловатымъ и багровымъ лицомъ. Вскорѣ послѣ того заѣхала къ намъ въ гости моя теща, проѣздомъ въ курское свое имѣніе. Пробывши у насъ нѣсколько дней, она собралась въ дальнѣйшій путь и уговорила меня отпустить съ нею жену и дочь, обѣщая привезти ихъ ко мнѣ обратно весною, сейчасъ по просухѣ. Но настала и весна, и лѣто, а жены все нѣтъ-какъ нѣтъ. Дѣла задержали тещу въ ея курскомъ имѣніи долѣе, чѣмъ она предполагала, а потому и жена ко мнѣ не возвращалась. И вдругъ я получаю отъ нея письмо, въ которомъ она горько жалуется на нѣмку, няню моей дочери. Эта негодная Марья Ивановна начала вести себя самымъ неприличнымъ образомъ, чтобы не сказать болѣе. Она заботилась не столько о моей дочери, сколько о лакеѣ моей те-

щи, высокомъ, черноволосомъ и красивомъ парнѣ. «Представь себѣ, безцѣнный Коля! писала мнѣ жена:— эта негодная Марья Ивановна, когда я стала дѣлать ей выговоръ за ея дурное поведеніе, имѣла дерзость сказать мнѣ: вы лучше смотрѣли бы за поведеніемъ своего мужа, чѣмъ за мною; это было бы полезнѣе для васъ. И потомъ эта дрянь осмѣлилась утверждать во-всеуслышаніе, при людяхъ мамаши, что будто бы ты къ ней неравнодушенъ. Какова, негодная!»

Я не докончилъ письма жены; со мной едва не сдѣлался ударъ отъ сильнаго прилива крови въ головѣ. Я вскочилъ и закричалъ во все горло:«Эй, человѣкъ! прикащика ко мнѣ, живо, сейчасъ!» Прикащикъ явился, и я сказалъ ему, задыхаясь отъ гнѣва: «сейчасъ заложить коляску, мигомъ, такъ чтобы черезъ три четверти часа она стояла у крыльца; слышишь?»: — «Слушаю-съ», отвѣчалъ прикащикъ; и ровно черезъ три четверти часа коляска была подана. Между тѣмъ успѣли уложить со мною необходимое платье и бѣлье, а равно собралась со мною въ дорогу и бывшая русская няня моей дочери. Я сѣлъ въ коляску, положилъ возлѣ себя пару пистолетовъ и поскакалъ въ Тулу. Теперь слѣдуетъ объяснить, что̀, какъ и для чего намѣревался я сдѣлать.

Во первыхъ, я хотѣлъ примѣрно наказать подлую и дерзкую нѣмку за ея гнусную клевету, за то, что она посягнула на мое семейное счастіе, осмѣлившись бросить сѣмена раздора между мужемъ и женою, которые жили душа въ душу и обожали другъ друга. Подобной дерзости я не простилъ бы никому и жестоко наказалъ бы всякаго, кто позволилъ бы себѣ малѣйшее поползновеніе къ оскверненію святыни моего домашняго очага.

Во вторыхъ, между родными моей жены въ Курской губерніи былъ одинъ господинъ, впрочемъ очень умный и, пожалуй, честный малый, но страшный сплетникъ. Онъ любилъ пользоваться всякими, даже самыми нелѣпыми слухами, съ помощію которыхъ умѣлъ выводить чрезвычайно затѣйливые арабески по канвѣ своего сплетническаго воображенія, не уступая въ этомъ искусствѣ ни одной губернской чиновницѣ, ни одной уѣздной попадьѣ. Вотъ для этого-то господина и взялъ я пару пистолетовъ, съ приличнымъ количествомъ пуль и пороха, чтобы такимъ пальятивнымъ средствомъ удержать его язычокъ въ границахъ благоразумнаго молчанія и заставить его повоздержаться отъ излишнихъ разглагольствованій насчетъ исторіи о тол-

стомордой нѣмкѣ и о предстоящей расправѣ за ея гнусную клевету.

Пріѣхавши въ Тулу, я послалъ человѣка за подорожною и за почтовыми лошадьми, а самъ отправился въ шорную лавку, гдѣ встрѣтилъ меня молодой купчикъ.

— Есть у васъ хлысты? спросилъ я его.

— Какіе хлысты-съ?

— Хлысты для верховой ѣзды.

— Есть-съ, отвѣчалъ купчикъ, и досталъ мнѣ связку хлыстовъ, сдѣланныхъ изъ китоваго уса и оправленныхъ въ ручки, сплетенныя изъ ремешковъ.

— Мнѣ нуженъ хорошій, прочный хлыстъ, который не изломался бы при двадцати полновѣсныхъ ударахъ.

— Самый лучшій, высокій сортъ-съ: выдержитъ и двѣсти, а не только двадцать, сказалъ купчикъ съ самоувѣренностію.

Я выбралъ и вытащилъ изъ связки одинъ хлыстъ и сталъ махать имъ по воздуху.

— А что стоитъ?

— Два рубля-съ.

— Дамъ двадцать рублей, если только онъ выдержитъ двадцать ударовъ и не изломается, сказалъ я, продолжая помахивать хлыстомъ.

— Честью ручаюсь, что выдержитъ; а если нѣтъ, такъ всѣ эти хлысты отдаю даромъ, отвѣчалъ купчикъ съ лицомъ сіяющимъ желаніемъ получить вдесятеро за свой товаръ.

— Хорошо, куда не шло, даю за хлыстъ двадцать рублей, но только съ небольшимъ условіемъ.

И, говоря это, я досталъ кошелекъ, вынулъ изъ него пятнадцать рублей ассигнаціями и пять рублей монетою и раздѣлилъ такъ: направо положилъ я на прилавокъ два рубля, а налѣво восьмнадцать рублей и продолжалъ:

— Теперь повернись ко мнѣ затылкомъ для того, чтобы я могъ сейчасъ отсчитать двадцать полновѣсныхъ ударовъ по твоей спинѣ. Если хлыстъ выдержитъ, тогда эти восьмнадцать рублей присоединяются къ этимъ двумъ и поступаютъ въ твой карманъ, а испробованный хлыстъ въ мою собственность. Если же хлыстъ не выдержитъ, а сломается хотя бы послѣ двадцатаго удара, ты получаешь за него только два рубля; и мы до тѣхъ поръ будемъ повторять пробу хлыстовъ, пока найдемъ такой, который бы выдержалъ двадцать ударовъ. Согласенъ ты на это

условіе для полученія двадцати рублей вмѣсто двухъ? Если да, такъ становись въ позицію, прибавилъ я, продолжая махать хлыстомъ по воздуху.

Купчикъ скорчилъ обиженную рожу, тряхнулъ кудрями, и сказалъ:

— Помилуйте-съ!

Итакъ проба хлыста не состоялась и я выбралъ изъ связки одинъ, который показался мнѣ прочнѣе другихъ, заплатилъ за него два рубля и возвратился къ своей коляскѣ. Вскорѣ послѣ того я мчался уже на почтовыхъ по дорогѣ въ Курскъ. Я не жалѣлъ давать на водку, ѣхалъ день и ночь и черезъ двое сутокъ по отъѣздѣ изъ Тулы пріѣхалъ въ деревню тещи. Это было въ прекрасный іюньскій день. Меня никто не ожидалъ. Я вошелъ въ залу, держа подъ мышкою пистолеты, а въ рукахъ хлыстъ; и въ то же время изъ гостиной вышла ко мнѣ навстрѣчу теща и сказала съ радостною, добродушною улыбкою:

— Вотъ сюрпризъ! Какъ же вы насъ обрадовали! Да что это такое у васъ въ рукахъ?

— Это—*пирогъ съ грибами*, сказалъ я, кладя пистолеты на столъ.—Онъ назначенъ для тѣхъ, которые не держатся пословицы: «ѣшь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами». А вотъ это поучительный инструментъ для той подлой мерзавки, которая посягнула на мое семейное спокойствіе и осмѣлилась распускать обо мнѣ самыя гнусныя клеветы, — прибавилъ я, приподнявъ руку съ хлыстомъ, который тоже положилъ на столъ возлѣ пистолетовъ.

Теща поблѣднѣла и опустилась на стулъ.

— Чего вы такъ перепугались, chère maman, сказалъ я цалуя руку у тещи, добрѣйшей и безобиднѣйшей въ свѣтѣ женщины. — А гдѣ Саша и Анюта?

— Въ саду.

Въ эту минуту жена вошла въ комнату и мы бросились въ объятія другъ къ другу.

— Саша, безцѣнный мой другъ, мое божество, мое сокровище, мое все! говорилъ я, — и неудержимыя рыданія вырвались изъ моей глубоко-взволнованной груди. Я сталъ на колѣни передъ женою, покрылъ поцѣлуями ея руки, ноги, приговаривая прерывающимся отъ слезъ голосомъ:

— И меня хотѣли оклеветать въ твоихъ глазахъ, хотѣли бросить между нами сѣмена раздора, нарушить тишину и ясность нашей жизни!

— Успокойся, Коля, дорогой, лучшій единственный мой другъ! говорила мнѣ Саша, обнимая меня, крѣпко прижимая къ себѣ и смѣшивая свои слезы съ моими.—Неужели ты могъ подумать, что я когда нибудь и кому нибудь повѣрю болѣе, чѣмъ тебѣ? Еще разъ прошу тебя успокоиться : вѣдь ты знаешь, что до сихъ поръ ни малѣйшая тѣнь сомнѣнія не появлялась въ моемъ сердцѣ. Ты знаешь, что ревность незнакома мнѣ и что я всегда была выше этого мелочнаго, эгоистическаго чувства.

Въ эту патетическую минуту отворилась дверь изъ передней и нѣмка вошла въ залу, держа за руку дочь мою. Саша не успѣла передать мнѣ, что, по ангельской добротѣ своего сердца, она простила эту глупую Марью Ивановну, которой люди моей тещи растолковали, какой грозѣ подвергается она, болтая обо мнѣ всякій вздоръ, и которая бросилась наконецъ на колѣни передъ моею женою и вымолила себѣ прощеніе. Едва завидѣлъ я эту Марью Ивановну, какъ въ одинъ мигъ очутился у стола, схватилъ хлыстъ и, подбѣжавъ къ нѣмкѣ, вырвалъ изъ ея руки мою дочь, которой сказалъ: «иди къ мамашѣ», даже не поцаловавъ ее. Потомъ грозно спросилъ я нѣмку:

— Какъ смѣешь ты пачкать мою дочь, прикасаясь къ ней своими нечистыми, погаными лапами!

— Шьто такой? Какой пашкать лапы!... Какъ фи смѣете кафарить мнѣ такъ!

— Какъ я смѣю?... А вотъ какъ и что я смѣю!

И съ этимъ словомъ я схватилъ нѣмку за плечо, повернулъ ее лицомъ къ двери и въ то же самое мгновеніе хлыстъ взвизжалъ въ воздухѣ и два перекрестные и полновѣсные удара упали на жирныя плечи Марьи Ивановны и обозначились пунцовыми полосами. Послѣ четырехъ моихъ пинковъ, она изъ залы очутилась въ сѣняхъ, гдѣ и произведено было мною продолженіе назидательнаго поученія. Опасенія мои насчетъ непрочности хлыста оказались справедливыми: онъ не выдержалъ и, послѣ пятнадцати или шестнадцати ударовъ, изломался и я окончилъ положенное число ударовъ рукояткою хлыста.

Не стану описывать визгъ нѣмки: онъ походилъ на всѣ остальные визги — нѣмецкіе, французскіе, татарскіе и всѣхъ прочихъ

народовъ. Языкъ физической боли — языкъ космополитическій, общій для всѣхъ странъ свѣта.

Послѣдній, двадцатый ударъ былъ отсчитанъ Марьѣ Ивановнѣ уже на дворѣ, куда выбѣжала она въ чаяніи избавиться отъ заслуженой расправы. Толпа дворовыхъ людей стояла и смотрѣла съ замираніемъ сердца на казнь визжавшей нѣмки; для деревенскихъ зѣвакъ это было такъ же интересно, какъ и бой быковъ для испанцевъ. Послѣ финальнаго удара, я подозвалъ къ себѣ двоихъ изъ дворовыхъ людей и сказалъ имъ:

— Возьмите эту нѣмку, отведите ее во флигель и до дальнѣйшаго моего приказанія никуда ни на шагъ ее не выпускать. Поняли вы меня?

— Поняли-съ.

Нѣмку повели во флигель, а я велѣлъ позвать къ себѣ старосту и спросилъ его:

— Можно ли нанять въ селѣ подводу до Москвы, чтобы отвезти туда нѣмку, да только нанять сегодня же, сейчасъ же?

— Отчего же нельзя? отвѣчалъ староста. Все можно, только не пожалѣть лишній десятокъ рублей.

— Ну, такъ ступай и нанимай проворнѣе; да чтобъ только лошадь была хорошая и телега тоже. Если черезъ два часа все будетъ готово, то получишь отъ меня цѣлковый на чай.

И черезъ два часа подвода была готова, нѣмка разсчитана, вещи ея уложены въ телегу, и она отправилась въ Москву, имѣя дорогою достаточно времени для размышленій о непрочности земнаго счастія и тульскихъ хлыстовъ.

Между тѣмъ въ домѣ моей тещи все было въ страхѣ, и я имѣлъ, на ту пору, значеніе Батыя въ миніатюрѣ. Когда же по окончаніи экзекуціи я вошелъ въ залу, Саша встрѣтила меня, погрозила пальцемъ и, обнявъ меня одною рукою и пристально глядя мнѣ въ глаза, сказала, покачивая головкою:

— Буйная ты моя головушка! Когда ты уходишься? Пора: вѣдь твоей дочери пятый годъ!

— Никогда, если только коснется дѣло до святыни моего домашняго счастья!... А если я *уймусь* въ этомъ отношеніи, то это будетъ значить, что я началъ любить тебя гораздо менѣе, чѣмъ теперь люблю, моя несравненная!

И я страстно цаловалъ мою жену.

— Нѣтъ! сказала мнѣ Саша послѣ минутнаго молчанія: — лучше оставайся навсегда такимъ, какимъ создалъ тебя Богъ и

обстоятельства, да только не переставай любить меня попрежнему. Вѣдь не все же придется имѣть дѣло съ Марьями Ивановнами.

И длинный поцѣлуй, данный мнѣ моею чудесною Сашею, заключилъ эту патетическую сцену изъ домашней жизни. Въ домѣ тещи все ожило и повеселѣло. Я пробылъ у нея недѣли три, разъѣзжая по роднымъ и знакомымъ. Исторія о хлыстѣ и пистолетахъ быстро разнеслась по цѣлому уѣзду, и меня принимали вездѣ съ необычайнымъ почетомъ, боясь оскорбить не только дѣломъ или словомъ, но и взглядомъ. Я хохоталъ въ душѣ и думалъ про себя: «о люди, люди! Неужели пистолеты и хлыстъ даютъ въ вашихъ глазахъ болѣе правъ на уваженіе, чѣмъ умъ, воспитаніе, благородство характера, доброта сердца и высокая честность?»

Вмѣстѣ съ женою и дочерью возвратился я въ тульскую деревню, гдѣ уже болѣе ничто не возмущало счастія моей жизни до того дня, когда я встрѣтился въ тульской почтовой гостинницѣ въ Васильемъ Андроновичемъ Штукаревымъ. Но объ этомъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА II.

ВСТУПЛЕНІЕ МОЕ ВЪ ДѢЛА ШТУКАРЕВА.

«Зачѣмъ, отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной,
Вступилъ ты въ этотъ свѣтъ завистливый и душный?
Зачѣмъ ты руку далъ клеветникамъ безбожнымъ?
Зачѣмъ повѣрилъ ихъ словамъ и клятвамъ ложнымъ?»

ЛЕРМОНТОВЪ.

Въ концѣ 1844 года, по случаю родовъ жены, я жилъ въ Тулѣ. Въ началѣ декабря принесли мнѣ съ почты письмо. Смотрю на надпись — рука незнакомая; смотрю на штемпель — Ор... Отъ кого бы это? Въ Ор... у меня ни души не было знакомой. Распечатываю и, не взглянувъ предварительно на надпись, читаю, приблизительно, вотъ что: «Я слышалъ, что вы живете гдѣ-то около Тулы, многоуважаемый Николай Петровичъ! Мнѣ бы очень хотѣлось побывать у васъ и повидаться съ вами. Въ концѣ декабря я буду проѣзжать черезъ Тулу и потому прошу васъ оставить свой адресъ въ Петербургской гостинницѣ, гдѣ я остановлюсь, и объяснить въ немъ подробно, какъ, по какой дорогѣ

и чрезъ какія селенія могу я доѣхать до вашей деревни. А еще было бы лучше, еслибы вы сами пріѣхали въ Тулу около 27 декабря. Въ настоящее время я, вмѣстѣ съ Александромъ Александровичемъ Б....овымъ, управляю въ Ор.. пьянымъ царствомъ.

Примите увѣреніе и пр. и пр.

преданный вамъ *В. Штукаревъ.*»

Это неожиданное письмо чрезвычайно обрадовало меня, обѣщая мнѣ скорое свиданіе съ тѣмъ, кто, будучи еще юношею, умѣлъ заставить меня полюбить и уважать себя. И много пріятнаго сулило мнѣ это свиданіе. Такъ какъ я думалъ прожить въ Тулѣ до января, то и отослалъ въ Петербургскую гостинницу адресъ моей тульской квартиры. 27 или 28 декабря, не припомню, въ восемь часовъ вечера явился ко мнѣ служитель изъ Петербургской гостинницы съ извѣстіемъ, что Василій Андроновичъ Штукаревъ сейчасъ пріѣхалъ въ Тулу и проситъ меня къ себѣ. Я поѣхалъ немедленно. Непритворна и взаимно-радостна была наша встрѣча. Распросивъ сперва меня съ видимымъ участіемъ о томъ, какъ я живу, что дѣлаю и что думаю дѣлать, Василій Андроновичъ сообщилъ мнѣ о себѣ слѣдующее:

Съ ноября онъ управлялъ, на особыхъ правахъ, ор...скимъ откупомъ, содержатель котораго оказался неисправнымъ въ отношеніи къ казнѣ. Теперь же онъ ѣхалъ въ С. Петербургъ съ отчетомъ въ своихъ дѣйствіяхъ. «Я надѣюсь, прибавилъ онъ, что отдадутъ и еще много другихъ откуповъ въ мое распоряженіе, и потому мнѣ необходимы сотрудники для будущихъ моихъ дѣлъ. Можете ли вы свободно располагать собою и своимъ временемъ?»

— Я совершенно свободенъ, отвѣчалъ я.

— Такъ вступайте въ мои дѣла.

— Да вѣдь я не имѣю ни малѣйшаго понятія объ откупахъ.

— О, это ничего не значитъ! Съ вашею любознательностію, энергіею и настойчивостію вы скоро поймете и изучите эту откупную науку, которая далеко не такъ мудрена, какъ многіе о томъ думаютъ. Ну, что жь? Рѣшайтесь и дайте мнѣ слово, что не откажетесь отъ моего предложенія, когда я къ вамъ напишу, что нуждаюсь въ васъ,—человѣкѣ, котораго способности и высокую честность я давно понялъ и оцѣнилъ.

Я былъ въ раздумьи и въ большой нерѣшительности: мнѣ казалось и страшнымъ, и недобросовѣстнымъ приняться за дѣло,

вовсе для меня новое, чуждое, незнакомое. Между тѣмъ вошелъ человѣкъ и доложилъ, что лошади готовы.

— Перестаньте же упрямиться и рѣшайтесь поскорѣе; мнѣ пора ѣхать. Я предлагаю вамъ выгодное дѣло, которое можетъ обезпечить васъ навсегда. Ну, чего вы можете ожидать отъ своего деревенскаго хозяйства, гдѣ доходы собираются рублями да копѣйками? Это мелочь, недостойная предпріимчиваго человѣка. То ли дѣло откупа: тутъ обращаются десятки, сотни тысячъ и мильоны. Къ тому же я предлагаю вамъ быть—не управляющимъ откупомъ, а моимъ товарищемъ и участникомъ въ моихъ дѣлахъ. Ну, давайте же вашу руку, прибавилъ онъ, протянувъ мнѣ свою.

Машинально подалъ я ему свою руку, которую онъ крѣпко сжалъ, сказавъ:

— Итакъ рѣшено: вы принимаете мое предложеніе?

— Принимаю.

— И я смѣло могу разсчитывать на ваше содѣйствіе и надѣяться на то, что, впослѣдствіи, вы не откажетесь отъ моего предложенія?

— Можете разсчитывать и надѣяться.

Крѣпко обнялъ онъ меня, надѣлъ шубу и направился изъ комнаты къ санямъ. Я послѣдовалъ за нимъ на улицу, гдѣ мы еще разъ обнялись и поцаловались.

— Прощайте, дорогой Николай Петровичъ, до скораго свиданія! Изъ Петербурга я увѣдомлю васъ, когда и какъ вы должны будете приняться за дѣло.

И почтовая тройка помчалась, а я возвратился домой, гдѣ съ большимъ нетерпѣніемъ и любопытствомъ ожидала меня жена и выслушала мой разсказъ о свиданіи съ Штукаревымъ. Все это было для насъ такъ неожиданно, такъ ново и необыкновенно, что мы не знали, должны ли мы были радоваться или печалиться. До тѣхъ поръ намъ не случалось имѣть сношеній ни съ однимъ изъ откупныхъ дѣятелей, которые представлялись намъ какими-то особенными существами, царіями порядочнаго общества; а питейныя конторы — грязными и смрадными вертепами, заглянуть въ которыя считалъ я стыдомъ для порядочнаго человѣка.

— Ахъ, Коля,—я боюсь за тебя: вѣдь откупной воздухъ будетъ отравою для твоей честной души, сказала мнѣ жена послѣ глубокаго раздумья. — И неужели мнѣ придется жить съ тобою

въ этомъ отвратительномъ гнѣздѣ, которое называютъ питейною конторою?

Тутъ прекрасное и кроткое лицо моей жены выразило сильнѣйшій ужасъ и отвращеніе.

— Но у насъ трое дѣтей, а состояніе очень небольшое, проговорилъ я самымъ грустнымъ голосомъ. — А Василій Андроновичъ обѣщаетъ мнѣ большія выгоды. Покоримся судьбѣ, и пожертвуемъ своими понятіями и привычками благосостоянію нашихъ дѣтей!

И снова глубокое и общее раздумье.

— Хорошо, сказала наконецъ моя жена, въ которой главными чертами были любовь и самоотверженіе. Да будетъ Его святая воля! Благословляю тебя, мой другъ! Благословляю на..... незнакомую тебѣ жизнь.

Жертва была принесена.

— Только слушай меня, Коля! Когда ты окончишь свои откупныя занятія, то долженъ будешь сейчасъ же отправиться за границу, чтобы провѣтриться и вывести изъ себя угарный запахъ сивухи, которымъ, воображаю, ты будешь пропитанъ!

И она смотрѣла мнѣ въ глаза съ такою нѣжностію, съ такимъ состраданіемъ; смотрѣла па меня, какъ на жертву, обреченную тяжкимъ испытаніямъ и самой непочетной службѣ, точно какъ бы я запродалъ себя нечистой силѣ.

Такъ понимали мы оба вступленіе мое на сцену откупной дѣятельности.

Увы! — чувствовала ли она тогда, что дни ея сочтены, что недолго придется мнѣ получать отъ нея совѣты и ласки, и что ей не суждено омрачить ясность своей непорочной души, вдыхая въ себя зачумленный воздухъ питейной конторы?

Болѣе четырнадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и теперь, при одномъ воспоминаніи, жгучія слезы медленно сбѣгаютъ по моимъ щекамъ!...

Въ январѣ 1845 года переѣхалъ я изъ Тулы въ деревню. Январь и февраль прошли, а отъ Василья Андроновича вѣстей не было. Въ концѣ февраля жена моя занемогла, и повидимому самою неопасною болѣзнію — ревматизмомъ. Но кто имѣлъ несчастіе прибѣгать къ нашимъ провинціальнымъ эскулапамъ, тотъ согласится со мною, что, при пользованіи у нихъ, нѣтъ легкихъ и неопасныхъ болѣзней. Какъ у нѣкоторыхъ свирѣпыхъ

начальниковъ «каждая вина виновата», точно такъ же у провинціальныхъ эскулаповъ «каждая болѣзнь опасна», то есть они имѣютъ даръ — сдѣлать опасною, иногда смертельною, всякую незначительную болѣзнь, хоть маленькій прыщикъ на пальцѣ. Увы! — я два раза испыталъ это на близкихъ себѣ, и очень много разъ видѣлъ на другихъ.

И вотъ тульскій эскулапъ объявилъ мнѣ и женѣ моей, что нѣтъ ни малѣйшей опасности въ ея болѣзни. Оно и было бы такъ, когда бы ей поставили піявки, о чемъ она, по какому-то предчувствію, сама просила. Но эскулапъ давалъ ей какія-то микстурки. Надо сказать, что жена моя обладала крѣпкимъ сложеніемъ и превосходнымъ здоровьемъ. Въ продолженіе семи съ половиною лѣтъ супружества она ни разу не была серьёзно больна.

Марта 4-го, я получилъ наконецъ изъ Петербурга письмо отъ Штукарева; онъ писалъ, что всѣ планы его удались какъ нельзя лучше, что ему отдали въ распоряженіе еще много откуповъ въ Ор...ской и К...ской губерніяхъ и что, наконецъ, я долженъ, сейчасъ же по полученіи этого письма, отправиться въ Ор..., къ Александру Александровичу, который и введетъ меня въ откупное дѣло, давъ мнѣ въ управленіе одинъ изъ вновь поступившихъ къ нему откуповъ. Само собою разумѣется, что я не рѣшился «сейчасъ же» отправиться въ Ор...., хотя болѣзнь жены и продолжала не представлять никакой опасности. 5 и 6 марта положеніе жены было одинаково. Докторъ наѣзжалъ къ намъ изъ Тулы черезъ день, и именно 6-го вечеромъ, уѣзжая отъ насъ, возобновилъ свои увѣренія, что нѣтъ ни малѣйшей опасности. Насталъ наконецъ роковой для меня день 7-го марта. Утромъ жена не чувствовала перемѣны ни къ лучшему, ни къ худшему, и я не допускалъ еще и мысли объ опасности. Но въ полдень у нея сдѣлался бредъ; она начала забываться.... Вдругъ тогда, — и только тогда — меня озарило какимъ-то зловѣщимъ свѣтомъ и я, съ ужасомъ и смертельною тоскою неприготовленнаго къ казни человѣка, началъ сознавать возможность опасности. Я сейчасъ же послалъ тройку въ Тулу за докторомъ, потомъ лошадь за священникомъ и лошадь за фельдшеромъ къ ближнему сосѣду. Священникъ успѣлъ еще причастить мою жену, но фельдшеръ опоздалъ: пытался онъ бросить кровь изъ обѣихъ рукъ, но кровь не пошла. Вскорѣ Саша моя перестала узнавать меня: началась агонія, — и въ три часа по полудни тихо,

безъ страданій, перешла она въ вѣчность. Ревматизмъ палъ ей на легкое, образовалъ нарывъ, который и задушилъ ее...

Кто и какими словами въ состояніи изобразить весь ужасъ моего тогдашняго положенія? Въ деревнѣ, одинъ одинёшенекъ; около меня ни одного лица, ни одного слова утѣшительнаго; а передъ глазами бездыханное тѣло обожаемой жены, которая составляла мою радость, гордость, счастіе!...

Черезъ три дня послѣ ея смерти, за нею послѣдовала и наша младшая дочь, прелестный четырехъ-мѣсячный ребенокъ, котораго она сама кормила. Итакъ, въ три дня потерялъ я и жену, и дочь, похоронивъ ихъ въ одной общей могилѣ. Этого достаточно было бы для сокрушенія самого непоколебимаго мужества. Но я не палъ духомъ, не потерялся: сердце мое было истерзано, но голосъ долга громко и повелительно напоминалъ мнѣ, что я отецъ двухъ сиротъ, лишенныхъ навѣки заботливости матери. Невѣроятнымъ усиліемъ побѣдилъ я отчаяніе, твердо всталъ на ноги, сказалъ вѣчное и покорное прости прошедшему, — и дѣти мои были спасены отъ круглаго сиротства!

Я поспѣшилъ увѣдомить Штукарева о постигшемъ меня грозномъ несчастіи и просилъ у него отсрочки для явки моей въ ор...кую питейную контору, по той причинѣ, что прежде слѣдовало мнѣ пристроить своихъ дѣтей: — шестилѣтнюю дочь и полутора-годоваго сына. Штукаревъ не замедлилъ отвѣчать и разрѣшилъ мнѣ безсрочную отсрочку для устройства моихъ дѣтей, изъявляя притомъ живѣйшее соболѣзнованіе о моей судьбѣ.

Въ маѣ отвезъ я сына своего къ его бабушкѣ, моей тещѣ, въ Нижегородскую губернію. Оттуда въ іюнѣ проѣхалъ я въ Петербургъ, гдѣ оставилъ дочь свою у ея старшаго и женатаго дяди, Б...тина, который служилъ въ одномъ изъ министерствъ. Наконецъ въ іюлѣ явился я въ ор....кую питейную контору къ Б.....ову; но Штукарева не нашелъ тамъ: онъ уѣхалъ снова въ Петербургъ. Итакъ, я въ питейной конторѣ, и эта ор...ская питейная контора должна была сдѣлаться для меня школою, а Б....овъ учителемъ откупной науки! Какова была эта школа и въ особенности каковъ былъ этотъ учитель, я постараюсь дать нѣкоторое о томъ понятіе. Начну съ учителя.

Александръ Александровичъ Б....овъ служилъ когда-то въ гусарахъ, былъ за что-то сосланъ на Аландскіе острова, зналъ Пушкина, Жуковскаго и многихъ другихъ поэтовъ, да и самъ пописывалъ стишки и даже печатывалъ ихъ въ какомъ-то

альманахѣ. Потомъ, какъ обыкновенно бываетъ съ большею частію россійскихъ столбовыхъ и нестолбовыхъ дворянъ средней руки, вышелъ въ отставку, женился на очень красивой барышнѣ и поселился въ деревнѣ, въ которой было у него сто душъ. Къ этимъ ста ревизскимъ душамъ присоединилъ онъ вскорѣ еще сто—борзыхъ и гончихъ собакъ, съ доѣзжачимъ и стремянными, разумѣется. Потомъ, какъ подобаетъ мужу очень красивой и здоровой жены, завелся и ребятишками. Но мѣстная хроника гласитъ, что нашъ ex-гусаръ и quasi-поэтъ заботился всегда гораздо болѣе о благосостояніи своихъ борзыхъ и гончихъ, нежели о своихъ ревизскихъ душахъ, о своей красивой и здоровой женѣ и о своихъ законныхъ ребятишкахъ.

Вслѣдствіе такой излишней заботливости о борзыхъ и гончихъ ex-гусаръ поразстроился въ своихъ дѣлахъ до того, что долженъ былъ искать частной службы, которую вскорѣ и нашелъ, благодаря нѣкоторымъ счастливымъ шансамъ своей семейной обстановки. Онъ поступилъ въ управляющіе дѣлами къ одному пожилому холостяку, тоже ex-кавалеристу, а потомъ откупщику, очень богатому, хотя и не совсѣмъ тароватому, который любилъ и умѣлъ собирать деньги и десятками тысячъ, и тысячами, и рублями, и копѣйками, и который, по тѣлосложенію своему, будучи великимъ сибаритомъ и любителемъ всякихъ сладостей жизни, а въ отношеніи духовномъ обладая большими экономическими способностями, старался пріобрѣтать эти сладости, сколько возможно дешевле, торгуясь до нельзя на каждое большое и маленькое наслажденіе. Вотъ что значитъ сила привычки къ «торгамъ и переторжкамъ!» Впрочемъ это былъ очень хорошій человѣкъ, и баринъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Долго ли, коротко ли нашъ quasi-поэтъ управлялъ дѣлами разсчетливаго сибарита, это для насъ все равно; но важно намъ узнать то, что онъ когда-то оказалъ покровительство неизвѣстному еще тогда Василью Андроновичу Штукареву. Потомъ ex-кавалеристы не поладили между собою и разстались; поэтъ возвратился въ свою деревню и снова взялъ въ руки бразды правленія въ царствѣ Немврода; а сибаритъ продолжалъ попрежнему отыскивать и пріобрѣтать жизненныя сладости какъ можно дешевле, не выпуская впрочемъ никогда изъ рукъ бразды правленія въ царствѣ Бахуса, доставшемся ему въ силу сенатской переторжки. А такъ какъ въ началѣ своей откупной дѣятельности Василій Андроновичъ не считалъ благодарность из-

лишнею роскошью, или даже глупостію, то вступивъ въ управленіе ор...скимъ откупомъ, онъ вспомнилъ о Б....овѣ, своемъ бывшемъ покровителѣ, и, выписавъ его въ Ор...., сдѣлалъ своимъ сотрудникомъ, соучастникомъ, своимъ alter ego, предоставивъ въ полное его распоряженіе и ор...ской и всѣ прочіе откупа, отданные ему въ то время. Познакомившись съ исторіею Б...ова, взглянемъ теперь на его курьёзную личность и на систему его управленія откупами.

Личность эта была одна изъ самыхъ непривлекательныхъ для всякаго, въ комъ только было развито нравственное и эстетическое чувство. Вотъ фотографическій снимокъ съ этой личности. Въ физическомъ отношеніи: человѣкъ средняго роста и среднихъ лѣтъ, но чрезвычайно моложавый, свѣжій, румяный, одаренный необыкновенно-крѣпкимъ здоровьемъ и неутомимою, лихорадочною подвижностію. Звукъ голоса — самый рѣзкій, непріятный, крикливый, способный произвести истерику у женщины даже не очень нервной; а къ этому присоединялось еще самое образцовое картавое произношеніе, какъ напримѣръ:

«У меня, бьятъ, не дьемьи! Я тебя, юбезный дьюгъ, запьячу туда, куда Макай тейятъ не гоняй!»

Прибавьте къ этому маневры невѣроятныя, невиданныя и недопускаемыя даже въ полупорядочномъ обществѣ. И трудно было рѣшить: маневры ли эти были созданы для питейныхъ конторъ и кабаковъ, или кабаки и питейныя конторы созданы были для такихъ маверъ?... Теперь отъ физической перейдемъ къ нравственной, или, вѣрнѣе, къ безнравственной сторонѣ незабвеннаго Айександья Айександьича.

Ни малѣйшаго слѣда какой бы то ни было нравственности въ этомъ олицетвореніи самаго грубаго, самаго грязнаго цинизма!... Умъ — довольно острый и оригинальный, но совершенно сбитый съ толку самыми превратными, кривыми понятіями; умъ, не признававшій ничего возвышеннаго, насмѣхавшійся надъ всѣмъ и надъ всѣми и готовый посягнуть на все, что для другихъ было почетно, свято и дорого. Характеръ — неукротимо буйный, дерзкій и раздражительный. Однимъ словомъ, — нравственное безобразіе, соединенное съ грубымъ и грязнымъ развратомъ, съ отвратительными страстями и привычками!...

Вотъ каковъ былъ сотрудникъ, соучастникъ, намѣстникъ, alter ego Василья Андроновича. Теперь обратимся къ системѣ его откупнаго управленія.

Систему эту составляло нѣчто въ родѣ откупнаго «терроризма». Главными двигателями этой системы были—безпрестанная брань, угрозы, неистовый крикъ и ругательства, не находящіяся ни въ одномъ печатномъ лексиконѣ. Это, по мнѣнію Александра Александрыча, были только пальятивныя, мягкія средства. Болѣе же дѣйствительныя, радикальныя состояли изъ огромнаго числа такихъ мѣръ и дѣйствій, которыя подробно описывать здѣсь было бы и трудно, и тошно. Упомяну о нихъ только вкратцѣ; вотъ эти радикальныя средства: кулаки, палки, нагайки, плюхи, затрещины, тумаки, фонари подъ глазами, потасовки, выбиваніе зубовъ, скулъ, избіеніе до нельзя нагайкою и цаловальниковъ, и повѣренныхъ, и даже постороннихъ, не служащихъ въ откупѣ людей, а только подвернувшихся подъ пьяную руку сотоварища Васплья Андроновича. Но этотъ укротитель откупнаго зла имѣлъ притязаніе быть не однимъ только человѣкомъ грубой силы; онъ хотѣлъ еще прослыть за тонкаго политика и дипломата. Основаніемъ и сущностію его политики и дипломаціи было самое размашистое хлѣбосольство. Для этого двери о...вской, да и всѣхъ прочихъ питейныхъ конторъ, когда въ нихъ наѣзжалъ нашъ extra-политикъ и дипломатъ, растворялись настежь передъ каждымъ отчаяннымъ аматеромъ обжорства, попоекъ и кутежа. Особливо въ ор...ской конторѣ почти ежедневно собиралась самая разнокалиберная компанія. Чего и кого тутъ не было!... и городовой сухопарый врачъ, и жирный, краснощокій частный приставъ, и аптекарь, бѣлобрысый нѣмецъ, и водочный мастеръ неизвѣстнаго происхожденія, и нѣсколько чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, болѣе или менѣе прикосновенныхъ къ откупу, и нѣкоторые изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, отставные драбанты, охотники до даровыхъ попоекъ и до неистовой кутни, и наконецъ нѣсколько такихъ лицъ, для которыхъ не придумано еще названій и разрядовъ.

Для большей исторической вѣрности разсказа и полноты картины, слѣдуетъ еще упомянуть объ одной весьма рельефной личности, которую Василій Андроновичъ привезъ съ собою изъ Петербурга и помѣстилъ въ ор...скомъ откупѣ. Но съ какою цѣлью, на какой предметъ,—этого я еще до сихъ поръ не могъ себѣ растолковать; развѣ для того только, чтобы предсѣдательствовать на попойкахъ и оргіяхъ въ ор...ской и прочихъ конторахъ, да заказывать завтраки, обѣды и ужины, для чего у этой привозной личности былъ огромный талантъ; или наконецъ

для того, чтобы писать и потомъ распѣвать густѣйшимъ, лаблашевскимъ басомъ куплеты на ор...скія власти и даже на самаго себя, какъ напримѣръ:

«Яковъ Өедосѣичъ
Пьянъ завсегда;
Пьетъ онъ ерофѣичъ,
Ромъ — иногда.»

Впрочемъ эта личность—былъ человѣкъ очень умный, пріятный, академикъ и талантливый живописецъ, теперь уже покойникъ, а когда-то хорошо извѣстный всему Петербургу. Но, увы! это былъ самый горькій, самый неисправимый пьяница.

Тоже для полноты картины, упомяну еще объ одномъ лицѣ, которое нашелъ я въ конторѣ: это молоденькій, полненькій, румяный и очень смазливый черкесъ, привезенный Б...овымъ въ ор...скую контору съ коренной ярмарки изъ одного страннопріимнаго дома. Черкесъ этотъ носилъ имя «Каролинхенъ» и состоялъ «по особымъ порученіямъ» при особѣ Б...ова.

Итакъ вотъ въ какую школу и къ какому учителю попалъ я изъ моего тихаго, деревенскаго пріюта. Пророчески справедливы были опасенія моей покойной жены. Впрочемъ справедливость требуетъ сказать, что все видѣнное мною и происходившее тогда въ ор...скомъ и прочихъ откупахъ, бывшихъ въ коммиссіонерствѣ у Штукарева и находившихся подъ скандалезнымъ управленіемъ Б...ова, составляло исключительную привиллегію этихъ коммиссіонерствъ и, вѣроятно, надолго сохранится въ памяти мѣстныхъ жителей, наравнѣ съ чумой, холерой, Пугачовщиной и прочими народными бѣдствіями.

ГЛАВА III.

ЧТЕНІЕ ЛЕКЦІЙ ОТКУПНОЙ НАУКИ, ПО МЕТОДѢ УСОВЕРШЕНСТВОВАННОЙ И ПРИВИЛЛЕГИРОВАННОЙ.

«Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.»
ГРИБОѢДОВЪ.

Въ самый день моего пріѣзда въ Ор..., я нашелъ питейную контору наполненную разнымъ сбродомъ, окружавшимъ большой круглый столъ, ничѣмъ не покрытый; но весь уставленный

бутылками, графинами и штофами съ хересами, мадерами, очищеннымъ, настойками и наливками, и разными соленостями и холодными яствами. Б......овъ встрѣтилъ меня очень любезно и радушно и предложилъ сейчасъ же приняться за изученіе откупной науки на самомъ дѣлѣ, потому что онъ въ тотъ же день долженъ былъ отправиться для объѣзда и обзора всѣхъ ор...скихъ откуповъ. Найденная мною въ конторѣ пестрая толпа собралась туда справлять проводы Александру Александровичу, а вѣрнѣе — для истребленія всего того, чѣмъ обыкновенно уставлялся большой круглый конторскій столъ въ подобныхъ случаяхъ. Провожальный завтракъ заключился распитіемъ множества бутылокъ плохаго шампанскаго и куплетами, сочиненными и пропѣтыми Яковомъ Ѳедосѣичемъ.

По окончаніи завтрака, подали къ крыльцу конторы два тарантаса, запряженныхъ лихими тройками. Въ одномъ изъ нихъ помѣстились Б....овъ, я, и между нами черкесъ Каролинхенъ; а въ другомъ — Яковъ Ѳедосѣичъ, его сынъ 15-ти лѣтній мальчикъ, присутствіе котораго въ питейной конторѣ я тоже не могъ себѣ объяснить, и наконецъ повѣренный. На козлахъ размѣстились два безсрочно-отпускныхъ солдата, усачи съ атлетическими формами, — это была почетная стража, тѣлохранители бурнаго Александра Александровича, родъ древнихъ римскихъ ликторовъ, но только вооруженные не топорами и розгами, а нагайками, висѣвшими у нихъ черезъ плечо. Самъ же Александръ Александровичъ былъ вооруженъ и нагайкою черезъ плечо, и палкою въ рукахъ, которыми онъ владѣлъ превосходно, упражняясь ими очень часто и поочередно, ad libitum, на спинахъ прогнѣвавшихъ его питейныхъ индивидуумовъ. Снаряженіе нашей откупной экспедиціи было дополнено ящикомъ съ бутылками хереса, шампанскаго, рома, различныхъ водокъ, и другимъ ящикомъ съ балыкомъ, икрой, колбасой, сыромъ, бѣлымъ и пеклеваннымъ хлѣбомъ.

Все готово; раздалось — «пошелъ!» — и мы помчались во всю прыть по дорогѣ въ Сѣ..... Путешествіе наше, какъ это будетъ видно впослѣдствіи, можно было бы довольно вѣрно сравнить съ появленіемъ баши-бузуковъ между христіанскими населеніями Оттоманской Порты, или опричниковъ на улицахъ древней Москвы.

Отъѣхали верстъ десять; стой! — кабакъ. Тарантасы остановились; сидѣвшіе въ нихъ поспѣшно выскочили и гурьбой ввалили

лись въ кабакъ. Изба довольно просторная, свѣтлая и опрятная. За стойкою стоялъ молодой сидѣлецъ; предъ стойкою—тоже молодой парень. Александръ Александровичъ, какъ ураганъ налетѣлъ на стоявшаго предъ стойкою молодаго парня и принялся отпускать ему полновѣсные удары палкою по спинѣ, плечамъ и по чему попало, приговаривая: «а, мейзавецъ, вой! Попайся!.. Вотъ я тебя пьяучу, какъ дѣять недоимки!» и пошелъ, и пошелъ.....

Фу ты, Боже мой, что за артистъ былъ Айександъ Айександьичъ! Что за вдохновенный виртуозъ по части палокъ и нагаекъ!...

Но вдохновеніе его скоро было прервано,—на самое короткое время, разумѣется: послѣ десяти или пятнадцати ударовъ палка изломалась. Тогда онъ взялся за нагайку, приказавъ сперва двумъ своимъ ликторамъ, т. е. атлетическимъ усачамъ растянуть на глиняномъ полу и держать крѣпко несчастнаго. Самъ же принялся работать нагайкою съ увлеченіемъ, съ одушевленіемъ, съ «експрессіею» — достойными лучшаго назначенія.

Тутъ, какъ изволите видѣть, и судъ и расправа производились въ одно и то же время, однимъ и тѣмъ же лицомъ; и нашъ ех-гусаръ и quasi-поэтъ любилъ исправлять самъ должность палача.

Истязаніе длилось долго и было неистово, подъ вліяніемъ еще не испарившихся хересовъ и водокъ.

Я былъ въ остолбѣненіи и едва вѣрилъ глазамъ.

Наконецъ профессоръ усталъ,—рука его опустилась, нагайка изъ нея выпала, раздирающіе вопли и стоны истязаемаго замолкли; слышно было только глухое всхлипываніе. Но этимъ еще не окончился «первый отчунной урокъ» данный мнѣ Б.....овымъ. Переведя немного духъ, онъ бросился на стоявшаго за стойкою сидѣльца и совершилъ на его спинѣ второе изданіе перваго урока, изданіе «исправленное и умноженное».

Я не дождался и выбѣжалъ изъ кабака къ тарантасу, съ отвращеніемъ и негодованіемъ въ душѣ.

—«Ай да Василій Андроновичъ! подумалъ я. Вотъ къ какимъ почетнымъ и пріятнымъ занятіямъ пригласилъ онъ меня! Какъ видно, въ этихъ занятіяхъ, болѣе «достойныхъ предпріимчиваго человѣка», обращаются—не одни десятки, сотни тысячъ и мильоны рублей, но и удары палокъ и нагаекъ въ несмѣтномъ количествѣ!»... Въ этихъ послѣднихъ наверное никогда не было недобора у незабвеннаго Александра Александровича.

Вышла наконецъ изъ кабака и вся толпа, предшествуемая своимъ начальникомъ, который, какъ ни въ чемъ не бывало, обратился ко мнѣ съ веселою, непринужденною улыбкою и сказалъ, потирая руки:

— Ну что? отчего вы ушьи? Не пьивыкьи еще? Пьивыкнете! Тои еще будетъ! Надо хайяшенько учить этихъ войовъ, мейзавцевъ!

Теперь слѣдуетъ объяснить, для чего и почему происходило это мамаево побоище. Парень, стоявшій въ кабакѣ передъ стойкою, былъ незадолго предъ тѣмъ сидѣльцемъ въ этомъ же самомъ питейномъ домѣ, сдѣлалъ три рубля недоимки и бѣжалъ. Стало быть, слѣдовало непремѣнно наказать бывшаго сидѣльца за то, «что онъ сдѣлалъ недоимку и бѣжалъ», а настоящаго—для того, «чтобы онъ не слѣлалъ недоимки и не бѣжалъ».

Самая откупная, убѣдительная логика и самый мудрый, справедливый судъ!... но Соломоновъ или Шемякинъ, — рѣшите сами... Впрочемъ все зависитъ отъ того, кто съ какой точки зрѣнія будетъ смотрѣть на вещи. Вѣдь нынѣ найдено и придумано столько различныхъ точекъ зрѣнія для всякихъ откупныхъ и неоткупныхъ продѣлокъ, что бѣдное человѣчество скоро совсѣмъ собьется съ толку и растеряетъ послѣдній свой здравый смыслъ, среди этого мильона точекъ зрѣнія.

Вотъ, для примѣра, возьмемъ хоть какого нибудь важнаго, великолѣпнаго откупщика-мильонера и взглянемъ на него «съ нашей точки зрѣнія». Вчера удалось ему взять много откуповъ, въ которыхъ онъ утопаетъ, — не въ винѣ, нѣтъ!... Откупщики не тонутъ ни въ винѣ, ни въ водѣ, а развѣ только въ возрастающихъ недовыручкахъ и въ постоянномъ недоборѣ. — Итакъ положимъ, что этотъ откупщикъ-мильонеръ утопаетъ въ блаженствѣ громадныхъ перевыручекъ и перебора; тогда, по его мнѣнію, откупа—вещь отличная, гуманная: вотъ вамъ первая «точка зрѣнія на откупа». А сегодня тотъ же самый откупщикъ выбылъ изъ откуповъ и смертельно скучаетъ отъ бездѣйствія, страдаетъ отъ жажды гласности: тогда, по его мнѣнію, откупа—вещь скверная, антигуманная,—долой ихъ; вотъ вамъ и «другая точка зрѣнія на откупа.» И такимъ образомъ стоитъ только поналовчиться, и для всякаго предмета и дѣла можно найти десятки точекъ зрѣнія, съ помощію которыхъ очень легко сдѣлать черное—бѣлымъ, а бѣлое—чернымъ. Такъ обыкновенно и поступаютъ откупные тузы. И у многихъ изъ нихъ вся премудрость

откупная и даже неоткупная составлена именно изъ однихъ «точекъ зрѣнія». Но отъ этихъ точекъ, откупныхъ и неоткупныхъ, возвращусь къ нашему баши-бузукскому путешествію.

Прочитавъ передо мною эту первую лекцію новой откупной науки, по методѣ имъ же самимъ изобрѣтенной, усовершенствованной и привиллегированной, прочитавъ не на каѳедрѣ, а на спинахъ двухъ беззащитныхъ парней,—учитель мой приказалъ достать изъ тарантаса завѣтный ящикъ съ питіями и проглотилъ рюмки двѣ водки, а потомъ стакана два хересу для того, чтобы возстановить свои силы и свое вдохновеніе, необходимыя для прочтенія мнѣ второй лекціи, при первомъ удобномъ случаѣ, на пріисканіе которыхъ онъ былъ великій мастеръ. Учитель мой, какъ видите, тоже придерживался правила свирѣпыхъ начальниковъ: «всякая вина виновата.» По исполненіи этого обряда возліяній, наблюдаемаго имъ съ точностію при наступленіи каждаго изъ многочисленныхъ адмиральскихъ часовъ его дня, Б....овъ снова усѣлся въ тарантасъ. Примѣру его послѣдовала вся наша компанія. Раздался пронзительный «пошелъ!»,—колокольчики зазвенѣли и мы снова поскакали во всю лошадиную прыть.

Отъѣхавъ еще верстъ десять, мы перемѣнили лошадей, и при этомъ случаѣ снова былъ соблюденъ адмиральскій часъ. Потомъ проѣхали мы еще двѣ станціи, съ двумя адмиральскими часами, и остановились передъ питейнымъ домомъ. Б—овъ рѣшилъ — прочитать мнѣ тутъ вторую лекцію откупной науки.

Послѣ самаго жаркаго іюльскаго дня наступилъ уже вечеръ. Мы вошли въ кабакъ, тѣсный, душный и грязный. Б—овъ докуривалъ трубку и держалъ въ рукѣ черешневый чубукъ. Вмѣсто цаловальника, за стойкою стояла его жена, молодая женщина, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ.

— Гдѣ сидѣецъ? грозно спросилъ мой учитель.

— Пошелъ купаться, отвѣчала жена сидѣльца.

— Йжешь, мейзавка, дьянь! Не купаться, а мошенничать пошей онъ; навѣйное дѣяетъ свой йозьивъ (*), негодяйка ты эдакая!

— Да за что же вы ругаетесь? возразила сидѣльчиха довольно смѣло.

(*) Навѣрное «дѣлаетъ свой розливъ.» Въ этомъ состоитъ одна изъ обыкновенныхъ плутней сидѣльцевъ.

— Ка-а-акъ! Что-о-о! ты смѣешь гъюбіянить, — закричалъ, аки левъ, мой учитель. — Вотъ я же тебя пьяучу, негодная!

И съ этимъ словомъ онъ принялся «пьяучивать»: въ одинъ прыжокъ очутился онъ за стойкою кабака, и сейчасъ же раздались удары чубука, сыпавшіеся на бѣдную женщину. Я бросился къ Б....ову и старался вырвать у него чубукъ, говоря: перестаньте, стыдитесь, что̀ вы дѣлаете!

Въ то самое время, когда я старался вырвать чубукъ изъ его рукъ, вошелъ въ питейный домъ самъ сидѣлецъ, съ мокрыми волосами на головѣ и на бородѣ, и въ мокрой, приставшей къ тѣлу рубашкѣ, то есть съ явными доказательствами справедливости показаній сидѣльчихи насчетъ купанья мужа.

— А-а-а, мейзавецъ! наконецъ ты пьишой! Вотъ я тебя пьяучу! завопилъ Б....овъ, увидавъ вошедшаго сидѣльца. И бросивъ жену, онъ принялся «пьяучивать» мужа!...

Невозможно описать послѣдовавшую затѣмъ сцену невообразимаго смятенія и хаоса. Нагайка заступила мѣсто изломаннаго чубука.

И я, и Яковъ Ѳедосѣичъ, и его сынъ пытались сперва урезонить, усовѣстить, а потомъ остановить руку съ нагайкою Б....ова, бѣшенный пароксизмъ котораго достигъ уже той степени силы, вслѣдъ за которою должна начинаться гидрофобія, то есть — настоящее бѣшенство. Только послѣ многихъ тщетныхъ усилій удалась наша попытка: ураганъ затихъ, рука Б....ова опустилась, скорѣе отъ утомленія, чѣмъ отъ жалости, которая была ему незнакома въ отношеніи людей, — но не въ отношеніи борзыхъ и гончихъ, къ которымъ онъ былъ чрезвычайно сострадателенъ.

Такъ произошла и кончилась вторая лекція откупной науки, которую преподавать мнѣ взялся Б....овъ, соучастникъ и alter-ego Василья Андроновича Штукарева.

Ограничусь описаніемъ этихъ двухъ сценъ, которыя могутъ дать ясное понятіе о томъ, что̀ и какъ происходило въ откупахъ Штукарева въ 1845 году.

Путешествіе наше продолжалось около мѣсяца. Мы объѣхали пять откуповъ. Побоищъ было много. Въ окончательномъ же результатѣ объѣзда и обзора откуповъ было множество жалобъ, поданныхъ на Б....ова Ор...скому губернатору, а вслѣдъ за жалобами возникло и множество дѣлъ, затѣянныхъ Александру Александровичу и ор...ской питейной конторѣ. . . . .

Вотъ какое образцовое было управленіе Б....ова, котораго Василій Андроновичъ такъ любилъ, не переставая благодѣтельствовать ему до самой его смерти, послѣдовавшей, если не ошибаюсь. въ 1854 году!

Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Ор... изъ путешествія, которое произвело во мнѣ сильнѣйшее отвращеніе къ откупнымъ занятіямъ, я получилъ изъ Петербурга письмо отъ Штукарева; онъ писалъ, чтобы я поспѣшилъ пріѣхать туда, ибо онъ имѣетъ въ виду дать мнѣ два отдѣльные откупа....

Не теряя ни минуты, я оставилъ ор...скую питейную контору. И какъ легко вздохнулъ я, выѣхавъ за заставу города! Казалось, я избавился отъ тяжелаго кошмара или проснулся отъ долгаго сна, во время котораго снились мнѣ самыя страшныя и отвратительныя гадости и чертовщина.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, я не скрылъ отъ Штукарева тяжелаго впечатлѣнія, которое произвела на меня ор...ская контора и вся система тамошняго управленія, и потомъ разсказалъ ему нѣкоторые эпизоды этого пресловутаго управленія. Василій Андроновичъ пожалъ плечами и промолвилъ:

— Нечего дѣлать! Видно пришла пора положить конецъ всѣмъ этимъ «убиваніямъ.»

Василій Андроновичъ любилъ иногда выражаться живописно и метафорически. Подъ словомъ «убивать» онъ разумѣлъ все то, что было слѣдствіемъ несдерживаемой вспыльчивости и неукротимаго гнѣва. Черезъ двѣ недѣли послѣ этого свиданія и разговора, Б....ова уже не было въ Ор..,—онъ возвратился въ свою деревню — къ женѣ, дѣтямъ и собакамъ. Вскорѣ отъѣзжее поле утѣшило его въ потерѣ «пьянаго ор...скаго царства.» О томъ же, что сталось съ черкесомъ Каролинхенъ, современные ор...скіе лѣтописцы умалчиваютъ.

Недѣли двѣ прожилъ я въ Петербургѣ. Семейства моего шурина, Б—тина, стало быть, и моей дочери тамъ не было: они проводили лѣто въ Гельзингфорсѣ, откуда не возвратились еще. Василій Андроновичъ былъ со мною до-нельзя любезенъ, ласковъ, предупредителенъ. Онъ выказалъ мнѣ столько участія, такъ желалъ сдѣлать мнѣ добро, что я съ каждымъ днемъ начиналъ сильнѣе къ нему привязываться. Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ онъ представилъ меня министру, какъ своего сотрудника. Дѣло шло о двухъ неисправныхъ откупахъ Вятской губерніи — Елабугѣ и Глазовѣ, которые должны были посту-

нить въ мое распоряженіе, при половинномъ участіи въ нихъ Василья Андроновича. Просьба на сей предметъ лично подана была мною министру, который сказалъ мнѣ:

— Надѣюсь, что вы оправдаете рекомендацію г. Штукарева.

Я поклонился и затѣмъ вышелъ изъ кабинета министра.

Но надежды мои на независимую откупную дѣятельность были непродолжительны, и вятскіе откупа сдѣлались для меня миѳомъ или пуфомъ. Почему и какъ, — это долго разсказывать. Въ началѣ сентября выѣхалъ я изъ Петербурга, вмѣстѣ съ Васильемъ Андроновичемъ и цѣлою компаніею его помощниковъ или просто знакомыхъ. Мы взяли цѣлый дилижансъ первоначальнаго заведенія, и путешествіе наше изъ Петербурга въ Москву было одно изъ самыхъ веселыхъ и пріятнѣйшихъ.

Изъ Москвы, гдѣ мы пробыли недолго, Штукаревъ поѣхалъ въ Ор…, а я сперва заѣхалъ въ тульскую деревню—поклониться праху моей Саши и поплакать надъ ея раннею могилою. Потомъ я снова очутился въ о…ской питейной конторѣ. Но какую огромную перемѣну нашелъ я въ ней: все было чинно, тихо, добропорядочно. Ни слѣда, ни тѣни прежнихъ оргій, буйства и побіеній. Въ управленіе ор…скими и к..скими дѣлами послѣ Б…ова вступилъ И. Ѳ. М…товъ, человѣкъ добрѣйшей и благороднѣйшей души, умный, и превосходно практически-знающій откупное дѣло. Разумѣется, система его откупнаго управленія нисколько не походила на пресловутую систему «ех-гусара и quasi-поэта» и во многомъ была діаметрально ей противоположна.

Забылъ упомянуть о Яковѣ Ѳедосѣичѣ: онъ съ сыномъ своимъ сейчасъ по отъѣздѣ Б…ова изъ Ор.., возвратился въ Петербургъ къ своей женѣ—помогать ей окончить иконостасъ, который заказанъ былъ ему нѣсколько лѣтъ донскими казаками. Хотя Яковъ Ѳедосѣичъ и не принесъ никакой пользы для ор…скихъ откуповъ, но Василій Андроновичъ, по своей щедрой, широкой натурѣ, назначилъ довольно значительное ежемѣсячное пособіе его семейству. Впрочемъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ Ор…, и повсюду, Василій Андроновичъ сорилъ деньгами, выказывалъ къ нимъ какое-то рыцарское равнодушіе, чтобы не сказать презрѣніе. Ни одной открытой имъ нужды не оставлялъ онъ безъ помощи, ни одного встрѣченнаго горя безъ утѣшенія. Благодаренія и благословенія слѣдовали за нимъ всю-

ду. Служащихъ у себя,—не говорю уже о его помощникахъ и сотрудникахъ,—награждалъ онъ щедро, по-царски. Дѣлать добро безъ всякой задней мысли, помогать всѣмъ и каждому безъ малѣйшаго разсчета было тогда, какъ мнѣ казалось, главною потребностію души Василья Андроновича, необходимою стихіею его жизни.

Все это было для меня такъ ново, казалось мнѣ столь необычайнымъ, такъ далеко выходящимъ изъ уровня обыкновенной, мелочной, щепетильной благотворительности, которая часто съёживается и торгуется, когда предстоитъ ей хоть мало-мальски значительное пожертвованіе, и которая, наконецъ, сдѣлавъ добра на копѣйку, хвастаетъ на цѣлые рубли!... И какая необъятная разница была тогда между нимъ и всѣми прочими откупщиками, особливо стараго покроя. Это былъ — гигантъ съ широкими и далекими взглядами среди близорукихъ пигмеевъ. Постепенно и невольно я былъ ослѣпленъ, увлеченъ, покоренъ Васильемъ Андроновичемъ, и наконецъ склонился передъ нимъ, какъ передъ необыкновеннымъ феноменомъ, являющимся только въ высшихъ сферахъ человѣческой дѣятельности. Обаяніе было полное, способное увлечь даже самаго закоренѣлаго скептика.

О, еслибы навсегда остаться мнѣ при такихъ понятіяхъ, при такихъ отрадныхъ вѣрованіяхъ! Но ничего нѣтъ прочнаго, а тѣмъ болѣе ничего нѣтъ «неизмѣняемаго» на землѣ вообще, а въ мірѣ откупномъ въ особенности. Дорого поплатился я впослѣдствіи за мое слѣпое, ребяческое вѣрованіе въ эту «неизмѣнность»! Но не буду забѣгать впередъ и возвращусь къ хронологическому порядку моего разсказа.

Недѣли двѣ прожилъ я въ ор—ской конторѣ безъ всякаго назначенія, безъ малѣйшаго занятія, и начиналъ уже считать себя лишнимъ, ненужнымъ для дѣлъ Василья Андроновича. И вотъ однажды онъ объявилъ мнѣ, что, въ замѣнъ Елабуги и Глазова, онъ назначаетъ мнѣ Щи..., и даетъ мнѣ въ этомъ откупѣ *двадцать-пять паевъ*.

Съ величайшею благодарностію принялъ я это новое предложеніе, которое считалъ огромнымъ для меня благодѣяніемъ со стороны Василья Андроновича. Онъ самъ хотѣлъ водворить меня въ откупѣ и ввести въ дѣло. Въ половинѣ сентября отправились мы съ нимъ въ Щи..., гдѣ управлялъ откупомъ нѣкто Сиѣ—ковъ, рутинеръ старой откупной школы, но знавшій свое дѣло. Онъ былъ оставленъ въ своей должности, для того, чтобы по-

свящать меня во всѣ подробности и тайны довольно сложнаго механизма откупнаго управленія.

Не болѣе сутокъ Василій Андроновичъ пробылъ въ Щи... и уѣхалъ въ Су.... Сердце мое было переполнено чувствами удивленія, уваженія, благодарности и любви. Все это требовало изліянія, просилось высказаться, но не успѣло, по случаю краткаго пребыванія со мною въ Щи... того, кто возбудилъ во мнѣ эти чувства. Къ тому же Василій Андроновичъ обѣщалъ заѣхать ко мнѣ на возвратномъ пути изъ Су.... Съ невыразимымъ, лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ я этого заѣзда; а между тѣмъ принялся за дѣло съ необыкновеннымъ рвеніемъ, входя во всѣ его мелочи, изучая малѣйшія его подробности, съ тѣмъ увлеченіемъ и настойчивостію, на которыя былъ я способенъ и которыя доказалъ потомъ. Но ожиданія мои не сбылись. Василій Андроновичъ прислалъ мнѣ изъ Су..., вмѣсто себя, ящикъ отличнаго крымскаго бордо изъ садовъ князя Воронцова и письмо, самое теплое, задушевное, и проѣхалъ прямо въ Ор.... Письмо это было искрою, упавшею въ порохъ. Послѣдовалъ взрывъ — и потекла лава самыхъ кипучихъ и нѣжныхъ изліяній. Но описаніе этого особеннаго рода изверженія, нисколько не похожаго на изверженія Этны или Везувія, хоть сестра моя и дала мнѣ когда-то названіе «Аммалата Везувьевича», — описаніе это войдетъ въ слѣдующую главу моего разсказа.

ГЛАВА IV.

САНТИМЕНТАЛЬНАЯ ИСТОРІЯ, ИЗЛОЖЕННАЯ ПО ДОКУМЕНТАМЪ.—НОВАЯ СЕРДЕЧНАЯ ВСТРѢЧА.

«Дружба дружбой, а служба службой. Чѣмъ крѣпче дружба, тѣмъ тщательнѣе должна быть высказана любовь къ дѣлу, съ засвидѣтельствованіемъ ея результатами въ чистыхъ рубляхъ.»

(Изъ сочиненій В. А. Штукарева).

«Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты».

ПУШКИНЪ.

Документъ первый.

Это — письмо, которое написалъ я къ Васелью Андроновичу въ Ор..., подъ вліяніемъ восторженнаго настроенія моихъ чувствъ и мыслей.

Письмо это состояло изъ двухъ частей: въ первой, названной мною «оффиціальною», я говорилъ о дѣлѣ, которое начиналъ уже хорошо понимать, и излагалъ въ этой части мои взгляды на откупа и мои мнѣнія насчетъ того, какъ слѣдуетъ вести дѣло. Пропускаю эти страницы и помѣщаю здѣсь остальныя; вотъ онѣ:

ЧАСТЬ II, НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ (ИСПОВѢДЬ СЕРДЦА).

«Никогда языкъ мой не пошевелится сказать то, чего нѣтъ въ моемъ сердцѣ. Пусть губернскій франтъ или дамскій угодникъ приходитъ въ восторгъ, когда какая нибудь барышня промяукаетъ романсъ Варламова, или пробарабанитъ на «фортоплясахъ» варіяціи Герца! Если это будетъ дурно, то я скорѣе выйду въ другую комнату, чтобы не высказать моего неодобрительнаго мнѣнія; тѣмъ болѣе не повернется языкъ мой для незаслуженныхъ похвалъ.

«Итакъ, если вы *вполнѣ* вѣрите такому моему прямодушію, то продолжайте читать мое письмо; когда же нѣтъ, или вѣрите, да не вполнѣ, — лучше сожгите эту часть, потому что прочтеніе ея будетъ тогда безполезно и для васъ, и для меня.

«Много и долго разочаровывался я въ жизни и въ людяхъ, и часто самымъ жестокимъ образомъ. Вмѣсто благородныхъ и безкорыстныхъ чувствъ, находилъ я часто убійственный эгоизмъ, холодъ и порою недобросовѣстность. Это оскорбляло меня до глубины души, вѣчно любящей, вѣчно горящей и сочувствующей всему прекрасному. Часто мнѣ хотѣлось возненавидѣть людей и стать самому эгоистомъ; но—увы!—при первой надеждѣ встрѣтить благороднаго человѣка, я летѣлъ навстрѣчу отрадной мечтѣ съ негибнущею довѣрчивостію и пылкостію. И — новый обманъ, новое разочарованіе! Я утомлялся въ этихъ безплодныхъ попыткахъ, но ничуть не исправлялся. Мало того, я уже дѣлался гораздо снисходительнѣе къ людямъ, требовалъ гораздо менѣе отъ дружбы, и понемногу, постепенно убавлялъ изъ множества блестящихъ и высокихъ достоинствъ, какими щедро надѣляло мое нескупое воображеніе идеалъ благороднаго человѣка и друга, лѣтъ пятнадцать тому назадъ.

«Правда, иногда удавалось мнѣ, изъ десяти разочарованій, встрѣтить доброе, искреннее и сочувствующее сердце. И потому, несмотря на безчисленныя разочарованія, несмотря на то, что бѣды и несчастія уже много разъ обрушались на мою главу, распугали и разогнали много веселыхъ надеждъ, а умножающіяся у меня сѣдины и морщины охлаждаютъ пылъ молодыхъ лѣтъ: и теперь я готовъ вѣрить въ прекрасное, благородное и высокое, и часто, особливо въ эту минуту, благословляю провидѣніе за возможность такого вѣро-

ванія, которое, въ награду за горечь разочарованія, много отраднаго доставляетъ душѣ моей, все еще любящей. Но приступаю къ результату этихъ размышленій.

«Одиннадцать лѣтъ тому назадъ узналъ я васъ, и зналъ тогда за добраго, умнаго и честнаго юношу, много обѣщавшаго въ будущемъ. Съ тѣхъ поръ судьба развела насъ надолго на поприщѣ жизни и свѣта. Въ концѣ прошедшаго декабря встрѣтился я съ вами въ Тулѣ. Изъ юноши вы стали вполнѣ человѣкомъ, и не только оправдали, но и превзошли самыя смѣлыя надежды, самыя прихотливыя ожиданія. Съ участіемъ добраго и благороднаго стараго знакомца предложили вы мнѣ вступить въ откупныя дѣла. И я, и покойная моя жена,—этотъ кроткій ангелъ,—почувствовали съ той же поры самую искреннюю къ вамъ благодарность за непритворное ваше желаніе намъ добра. Вамъ извѣстны дальнѣйшія событія моей страшно испытуемой жизни. Не буду повторять ихъ и приступлю прямо къ послѣднему періоду моей отнынѣ скитальческой и одинокой жизни.

«Когда, подобно страннику, застигнутому въ полѣ внезапною грозою, я былъ застигнутъ въ Петербургѣ *порчею дня* одного изъ сильныхъ русскаго міра вообще, а откупнаго въ особенности, и, вслѣдствіе этой *порчи*, остался, такъ сказать, *между небомъ и землею*,—я возвратился съ вами въ Ор..., гдѣ, въ ожиданіи *исправленія дня* (*), я былъ совершенно лишній для настоящихъ вашихъ откупныхъ дѣлъ. И чего могъ и долженъ былъ я ожидать? Поступить, какъ я вамъ тогда говорилъ, въ с...кій или д...ровскій откупъ, съ жалованьемъ въ 1,000, и много уже—въ 1,500 р. сер. въ годъ. Такъ сдѣлалъ бы со мною всякій другой на вашемъ мѣстѣ, не переставая нисколько быть честнымъ, добрымъ и благороднымъ человѣкомъ и не теряя ни капли изъ моего къ нему уваженія.

«Но вы поступили со мною иначе: вы превзошли все, что могъ я ожидать. Благородству, безкорыстію и великодушію вашему нѣтъ предѣловъ и нѣтъ имени. Вы осуществили все высокое, о чемъ я мечталъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Въ короткое время, въ эти нѣсколько дней, которые провелъ я съ вами въ дорогѣ изъ Ор.. до Щи....., я не успѣлъ собраться съ мыслями и духомъ, чтобы высказать вамъ всю непритворную благодарность моего сердца. Но я молча опредѣлялъ, анализировалъ васъ и поклонился вамъ въ глубинѣ моей души, какъ умственному и нравственному величію. Не принимайте за комплименты мои слова: я не умѣю и не захочу говорить ихъ. Вотъ почему пламенно желалъ я свидѣться съ вами до по-

(*) «Порча» и «исправленіе дня» — техническія выраженія, означавшія на метафорическомъ языкѣ Василья Андроновича дурное расположеніе духа какого либо важнаго начальника.

ѣздки вашей въ Петербургъ, чтобы высказать вамъ всю безпредѣльную благодарность моей души и, въ замѣнъ вашего великодушнаго ко мнѣ участія и расположенія, предложить вамъ мою искреннюю, неизмѣнную, преданную и вѣчную дружбу,—дружбу на жизнь и смерть. Съ отрадною и теплою вѣрою и надеждою, что уже не разочаруюсь, протягиваю вамъ мою руку; берите ее смѣло: она никогда вамъ не измѣнитъ. И что̀ бы ни произошло въ моей жизни,—если бы судьба и разлучила насъ на поприщѣ дѣятельности и я выбылъ бы изъ откупныхъ дѣлъ,—я всегда и навѣки останусь вашимъ преданнымъ другомъ и буду любить васъ всею силою моей благодарной и горячей души—любить васъ, какъ брата.... болѣе, нежели какъ брата: какъ человѣка,—осуществившаго долго ненаходимый и недосягаемый идеалъ высокой дружбы и всего прекраснаго и благороднаго. Не бойтесь ошибиться во мнѣ, какъ и я не боюсь ошибиться въ васъ; не боюсь, потому что въ послѣднемъ вашемъ со мною поступкѣ ярко и съ непреложною опредѣлительностію выказалась вся ваша благородная душа.

«Но прочь отъ меня и отъ васъ въ эту торжественную минуту всякая мысль о дѣлахъ и интересѣ, какъ недостойная и оскверняющая святыню тѣхъ высокихъ чувствъ, которыя породили вы во мнѣ и которыя смѣло и довѣрчиво я вамъ высказываю. Я никогда не торговалъ своими чувствами и скорѣе откажусь отъ всѣхъ богатствъ Индіи, нежели унижусь до грязныхъ разсчетовъ корысти, когда дѣло идетъ о сердцѣ. Вѣрьте въ непорочность и искренность предложенія моей дружбы, какъ отъ всей души вѣрю и я въ ваше безкорыстіе и благородство. Не бойтесь помѣняться со мною чувствами и сердцемъ: не можетъ быть непрочна моя къ вамъ дружба, родившаяся въ чувствѣ моего глубокаго къ вамъ уваженія и развитая изъ чувства безпредѣльной къ вамъ благодарности. Дайте обнять себя, какъ друга и брата, и меня также обнимите. Все, что для насъ священно, т. е. честь, благородство, умъ, безкорыстіе, великодушіе—да будутъ свидѣтелями и поруками въ чистотѣ и искренности обмѣна нашихъ чувствъ.... И да исчезнетъ отнынѣ между нами холодное *вы*, если не отвергнетъ моей дружбы тотъ, кому я скажу наконецъ *ты*.

«Болѣе мнѣ уже нечего говорить: я все высказалъ и съ нетерпѣніемъ буду ждать—не *вашего*, а *твоего* отвѣта. Дорого далъ бы за то, чтобы увидѣть и обнять тебя, отнынѣ моего неоцѣненнаго и благороднаго друга, къ которому привязался я всѣми силами моей души, благодарной и все еще юношески-огненной. Отказался бы, кажется отъ половины откупныхъ выгодъ для того, чтобы, если уже не всегда, то какъ можно чаще, быть вмѣстѣ и дѣлить съ тобою всѣ

мои мысли и чувства. И когда, и гдѣ увижусь я съ тобою? Прощай, дорогой другъ! Цалую тебя съ нѣжною любовію друга и брата, какими на вѣки пребудетъ твой

Н. Макаровъ.

Щи....
1845 года, 15 октября.

Написавъ это страстное объясненіе въ любви, которое вполнѣ выражало тогдашнее состояніе моего сердца и головы, я однако придержался правила Василья Андроновича: «не дѣйствовать подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія», и отложилъ дня на два отправленіе моего любовнаго посланія. По дѣламъ откупа я поѣхалъ въ К..... и уже оттуда отправилъ въ Ор... мое письмо, приложивъ къ нему еще слѣдующее прибавленіе:

К...., 17 октября.

«Говорятъ, что вообще всѣ пылкія объясненія, любовныя или другаго рода, надо посылать по назначенію не прежде, какъ прочитавъ ихъ дня черезъ два послѣ написанія. Я сдѣлалъ тоже, потому что это письмо слѣдовало отправить отсюда по эстафетѣ, чтобы скорѣе увѣдомить тебя насчетъ порученія твоего о Су...чевѣ. Хотя и рано (въ 10 часовъ утра) выѣхали мы вчера изъ Щи....., но прибыли сюда уже въ шестомъ часу, такъ что ничего не успѣли сдѣлать.

«Прочелъ я снова мое къ тебѣ письмо: ни фразы, ни одного слова лишняго,—все вполнѣ согласно съ моими чувствами. Мало того, если бы я зналъ, что письмо мое найдетъ тебя еще въ Ор.., а въ тебѣ *полное сочувствіе*, то несмотря на гнусную погоду и гнуснѣйшую дорогу, сейчасъ же бы ѣхалъ въ Ор..., чтобы взглянуть на тебя и поцаловать тебя поцалуемъ друга и брата.

«Другъ! Неужели я не найду сочувствія? Мнѣ страшно отъ одной этой мысли! Послѣ того я уже перестану вѣрить во все прекрасное: и въ добродѣтель, и въ безсмертіе души, и въ.... Я предаюсь тебѣ съ такою довѣрчивостію и простосердечіемъ!... И обмануться!... Нѣтъ, это невозможно! Я долго и глубоко соображалъ всѣ твои дѣйствія, мысли, слова, привычки, правила, и изъ самыхъ непреложныхъ данныхъ вывелъ заключеніе о рыцарской честности, о безкорыстіи, благородствѣ, добротѣ, великодушіи твоего характера. Вѣдь что нибудь да значитъ же моя двадцати-двухъ-лѣтняя опытность съ тѣхъ поръ, какъ я началъ служить и имѣть уже непосредственное столкновеніе съ интересами и страстями людей.

«Встрѣчалъ и находилъ я много друзей, порою болѣе или менѣе искреннихъ, порою болѣе или менѣе мнимыхъ. Какъ часто случалось,

что дружба нѣкоторыхъ походила на бронзу болѣе или менѣе искусно позолоченную! При рѣдкомъ употребленіи она сохраняла еще свою позолоту; но при малѣйшемъ треніи теряла ее и выказывала свою мѣдь, готовую превратиться въ ядовитую окись.

«Интересъ!.. Вотъ самый вѣрный пробный камень и для дружбы, и для другихъ сокровенныхъ свойствъ души! Повѣрка человѣка интересомъ — непреложна. Сто разъ испыталъ я это. Потому-то и предаюсь тебѣ теперь съ такимъ вѣрованіемъ и надеждою, и вѣрую въ возможность осуществленія тобою того высокаго идеала дружбы, какой составилъ я себѣ лѣтъ двадцать тому назадъ, въ самомъ пылу моей молодости, въ самомъ разгарѣ юношескаго воображенія.

«Неужели и въ эту минуту я обманываюсь и обращаюсь къ холодному, насмѣшливому , хотя и благороднѣйшему скептику?.. О, да минуетъ меня эта горькая чаша, эта губительная отрава души!,.

«Другъ! Не отвергай моей дружбы! Ты молодъ, можешь еще найти много утѣхъ, наслажденій, получить и богатство, и извѣстность; но не найдешь уже себѣ такого, какъ я, друга,—такого искренняго и навѣки преданнаго тебѣ сердца, если бы прожилъ ты вѣкъ Мафусаила. Духъ мой очищенъ и укрѣпленъ страданіями, характеръ закаленъ въ бѣдахъ и несчастіяхъ и дружба моя надежна и прочна, какъ сталь Дамаска.»

Написавъ и запечатавъ все это, я отправилъ съ эстафетой въ Ор... на имя Василья Андроновича Штукарева. Потомъ возвратился я въ Щи... Можно себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я отвѣта! Дней черезъ шесть, въ два часа ночи, я былъ разбуженъ стукомъ въ ворота конторы. Это была эстафета изъ Ор... Вошелъ почтальонъ и подалъ мнѣ пакетъ. Сидя на постелѣ, я судорожно распечаталъ конвертъ, на надписи котораго я увидѣлъ руку Штукарева.

Документъ второй.

Это—коротенькое письмо ко мнѣ отъ Василья Андроновича, полученное съ эстафетой въ отвѣтъ на мое длинное посланіе. Но какіе страшные контрасты заключало оно въ себѣ! И радость, и грозную невзгоду! И жизнь, и смерть! И колыбель для вѣрованій друга, и могилу для надеждъ отца! Вотъ содержаніе этого письма:

«Николай!

«На письмо твое изъ Щи.... и К..... я готовился отвѣчать ного, но вдругъ получилъ отъ А. П. Б—тина громовое письмо. Подъ влія-

ніемъ перваго, тревожнаго и горькаго впечатлѣнія, не знаю, обдуманно ли я поступаю, пославъ къ тебѣ эстафету съ тѣмъ, чтобы ты сію же минуту прискакалъ сюда. Мы вдвоемъ обдумаемъ, ѣхать ли тебѣ въ Питеръ, или нѣтъ; и если ѣхать, то уѣдемъ вмѣстѣ. Нѣтъ словъ для выраженія того огорченія, которое произвела на меня болѣзнь Аннеты, и болѣзнь опасная. Какъ совершенный мужъ, который долженъ, передъ всѣми волненіями жизни, быть выше рока, приготовься ко всему: она отчаянно больна; и потому не кляни судьбу, если мать ее призоветъ къ себѣ, оставивъ тебѣ сына. Выѣзжая изъ Щи...., прикажи письма, которыя будутъ къ тебѣ изъ Петербурга присылать въ Ор... съ нарочными. Я здѣсь проживу до 5 ноября.

Вполнѣ твой

В. Штукаревъ.»

13 октября, Ор....

При письмѣ своемъ Штукаревъ приложилъ и то письмо, въ которомъ шуринъ мой Б—тинъ увѣдомлялъ его изъ Петербурга объ отчаянной, безнадежной болѣзни моей осьмилѣтней дочери, прося его приготовить меня къ этому новому несчастію.

Что сдѣлалось со мною по прочтеніи этого громоваго письма, — передать трудно. У меня все перепуталось и потемнѣло въ головѣ. Я закрылъ лицо руками, опустился на постель и громко, истерически зарыдалъ... И долго раздавались мои отчаянные, болѣзненные стоны и рыданія....

Управляющій откупомъ и кассиръ сбѣжались на мои вопли, въ недоумѣніи и страхѣ смотрѣли на меня и старались меня успокоить. Но я никого не видѣлъ, ничего не слышалъ—передъ глазами моими стоялъ гробъ дочери....

Наконецъ я изнемогъ и впалъ въ какую-то одеревенѣлость, въ которой пробылъ до утра. Когда я очнулся, передо мною стоялъ управляющій и ждалъ моихъ приказаній.

— Подорожную!... Лошадей!.. Живо, сейчасъ же!..

Черезъ два часа я уже сидѣлъ въ тарантасѣ и по ужаснѣйшей осенней дорогѣ ѣхалъ въ Ор....

Свѣжій воздухъ и движеніе экипажа привели меня въ себя; я собралъ разсѣянныя свои мысли и сосредоточилъ ихъ на настоящемъ моемъ положеніи: оно было ужасно! Съ одной стороны, на мой горячій, задушевный призывъ откликнулось сочувствующее сердце — я нашелъ друга, друга на жизнь и смерть, какъ мнѣ тогда казалось. Съ другой стороны—я терялъ мое любимое дитя...

Что за роковая участь всѣхъ надеждъ и радостей въ моей жизни! Едва коснется до меня теплый лучъ солнца, и прежде нежели успѣетъ онъ согрѣть меня,—мрачная туча заслонитъ его....

Три дня тащился я до Ор.. на почтовыхъ,—такъ дурна была дорога. Наконецъ я у знакомой мнѣ ор...ской питейной конторы; взбѣгаю по лѣстницѣ, взволнованный донельзя самыми разнообразными чувствами... Василій Андроновичъ встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями. Я бросился къ нему на шею и зарыдалъ, произнося безсвязныя слова. Сердце мое было такъ полно и сладкимъ и горькимъ...

— Успокойся другъ! сказалъ мнѣ Василій Андроновичъ съ участіемъ.—Твоя дочь, быть можетъ, будетъ спасена. И онъ подалъ мнѣ второе письмо отъ моего шурина, полученное наканунѣ, въ которомъ онъ пишетъ вотъ что: «докторъ, пользующій Анюту, объявилъ, что есть надежда, хотя и слабая, на ея изцѣленіе, если только послѣдуетъ счастливый кризизъ въ ея болѣзни. Дня черезъ три это будетъ извѣстно.»

Не болѣе двухъ дней провелъ я въ Ор..., употребивъ эти два дня на изустныя изліянія и обмѣнъ тѣхъ высокихъ чувствъ, которыя высказалъ я въ письмахъ моихъ отъ 13 и 15 октября. И, какъ казалось мнѣ тогда, обмѣнъ этотъ былъ самый полный, самый искренній: живая, пламенная рѣчь моя раздавалась не въ безотвѣтной пустынѣ, падала не на каменистую и безплодную почву, а напротивъ—находила громкій отголосокъ и вызывала слова, полныя непритворнаго сочувствія... Но одно только будущее можетъ рѣшить, насколько правды бываетъ въ настоящемъ....

Итакъ, послѣ двухдневнаго пребыванія въ Ор.., я выѣхалъ въ Петербургъ одинъ: Василій Андроновичъ долженъ былъ послѣдовать за мною дней черезъ десять. Въ Москвѣ я остановился на самое короткое время, для того только, чтобы взять для себя мѣсто въ почтовой каретѣ, да еще,—чтобы сдѣлать короткій визитъ въ одинъ домъ, съ которымъ познакомился я нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Но такъ какъ изъ этого недавняго знакомства суждено было впослѣдствіи произойти огромному перевороту въ моей судьбѣ, то я считаю нелишнимъ сообщить нѣкоторыя краткія о немъ свѣдѣнія.

И. М. Бо—евскій принадлежалъ къ одной изъ почтеннѣйшихъ фамилій Малороссіи и былъ членомъ многочисленнаго семейства, состоявшаго изъ двадцати одного человѣка род-

ныхъ братьевъ и сестеръ, изъ которыхъ только половина была въ живыхъ въ эпоху моего съ нимъ знакомства. Онъ былъ закадышный другъ моего шурина Б—тина, и сотоварищъ его по воспитанію въ бывшемъ московскомъ университетскомъ пансіонѣ. За полгода передъ тѣмъ, онъ пріѣхалъ изъ Малороссіи съ своимъ, тоже не малымъ, семействомъ и поселился въ Москвѣ для воспитанія дѣтей. Онъ постоянно и часто переписывался съ моимъ шуриномъ, и потому я надѣялся получить отъ него новѣйшія свѣдѣнія изъ Петербурга о болѣзни моей дочери. И я не ошибся.

По пріѣздѣ къ нему въ домъ, меня встрѣтила въ залѣ его меньшая сестра, Софія М.. умная, милая,—и хотя двадцати четырехъ-лѣтняя, но прекрасная собою,—дѣвушка, которой на видъ никто не могъ дать болѣе 17 лѣтъ. Она была послѣднее дитя изъ этого многочисленнаго и благословеннаго семейства.

Не дождавшись моего вопроса, она сказала:

— Утѣшьтесь! ваша Аннета—спасена: братъ Игнатій получилъ вчера письмо отъ Аполлона Петровича, который пишетъ, что кризисъ кончился благополучно и дочь ваша внѣ всякой опасности.—При этомъ двѣ крупныя слезы, выкатились изъ большихъ черныхъ глазъ дѣвушки и задрожали на ея длинныхъ рѣсницахъ.

Я заплакалъ.... и какъ сладки были эти слезы!

Проведя не болѣе часу въ этомъ миломъ и умномъ семействѣ, я простился съ нимъ, и черезъ два часа послѣ того уже ѣхалъ по дорогѣ въ Петербургъ, куда прибылъ въ первыхъ числахъ ноября. Прямо изъ почтоваго отдѣленія отправился я къ моему шурину; но пріѣхавъ къ нему, я долженъ былъ наблюдать большую осторожность въ изліяніи моего восторга при встрѣчѣ съ дочерью, — она была уже внѣ опасности, но еще очень слаба. Этимъ я заключу эпизодъ ея болѣзни и перейду къ дальнѣйшимъ событіямъ.

Недѣли двѣ спустя, пріѣхалъ въ Петербургъ и Василій Андроновичъ. Мы видались очень часто. Однажды онъ привезъ ко мнѣ для подписи прошеніе министру объ отдачѣ мнѣ въ коммиссіонерство неисправнаго ставропольскаго откупа, Симбирской губерніи, сказавъ, что на этотъ разъ «я могу быть увѣренъ въ успѣхѣ полученія этого откупа». Но прошло довольно много времени, а о Ставрополѣ ни слуху. Какъ-то разъ, кстати, я спросилъ Василья Андроновича:

— А что же ставропольскій откупъ?

— «День испорченъ» — отказано.

Впослѣдствіи я узналъ, что «порчи дня» и отказа вовсе не было, но что, вмѣсто моего прошенія, подано было другое отъ И. О. Ма—това, которому и отдали этотъ откупъ. Занятый тогда моею новорожденною дружбою, съ которою нянчился я, какъ съ капризною любовницею, я былъ совершенно равнодушенъ и къ откупамъ, и ко всему прочему, кромѣ моей дочери, которая уже совершенно выздоровѣла и утѣшала меня. Поэтому я не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на это «второе изданіе порчи дня» и неудавшагося откупа, тѣмъ болѣе, что я принялъ за правило никогда ничего не просить для себя у Василья Андроновича.

Прожилъ я въ Петербургѣ зиму, дождался весны 1846 года, а Василій Андроновичъ ни слова не говорилъ мнѣ о томъ, когда я долженъ буду отправиться изъ Петербурга, чтобы заняться дѣломъ. Между тѣмъ въ Щи.... назначенъ былъ другой управляющій. Мнѣ было и скучно, и совѣстно жить безъ занятій и имѣть даромъ откупные паи; потому я сталъ убѣдительно и настоятельно просить моего друга разрѣшить мнѣ ѣхать въ Щи.., чтобы управлять откупомъ самому, безъ помощи управляющаго. Я не постигалъ, почему Штукаревъ самъ не дѣлалъ мнѣ этого предложенія. Быть можетъ потому, что онъ тогда былъ страшно занятъ приготовленіями къ предстоявшимъ торгамъ на откупа.

Наконецъ нетерпѣливо-ожидаемое мною разрѣшеніе послѣдовало, и я въ началѣ мая оставилъ Петербургъ, взявъ съ собою мою дочь, которую, вмѣстѣ съ гувернанткою, отвезъ въ нижегородскую деревню къ ея бабушкѣ и брату. Дорогою схватилъ я жестокую лихорадку, которая однако не помѣшала мнѣ думать о дѣлѣ; и потому, хотя совершенно больной, я изъ Нижняго проѣхалъ въ Курскъ, гдѣ по назначенію Штукарева ожидалъ его пріѣзда на торги. Извѣстно, что торги на откупа происходили тогда не въ одномъ Петербургѣ, а въ разныхъ городахъ, въ томъ числѣ и въ Курскѣ, гдѣ они начались и кончились въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Вмѣсто того, чтобы послѣ курскихъ торговъ отпустить меня въ Щи..., Штукаревъ взялъ съ собою въ Ор... и оставилъ меня тамъ для окончательнаго изученія дѣла, и вмѣстѣ для наблюденія за откупнымъ управленіемъ, сказавъ, что Ор... пред-

ставляетъ поприще болѣе обширное, нежели Щи..., для моей любознательности и дѣятельности. Мѣсто Б—лова и потомъ Ма—това занималъ тогда въ Ор... нѣкто Ве—га. Это былъ человѣкъ съ понятіями немного устарѣлыми, характера тяжелаго, но превосходно зналъ дѣло, и могъ приносить ему большую пользу, пока находился «въ нормальномъ состояніи». Эта нормальность нарушалась иногда, хотя и рѣдко да мѣтко,—нарушалась... хересомъ, отличнымъ ли, дурнымъ ли—все равно; главное—въ количествѣ. «Хересоманія» начиналась обыкновенно съ одной, и потомъ постепенно доходила до пяти бутылокъ въ день.

Въ эпоху пріѣзда и во все время дальнѣйшаго моего пребыванія въ Ор..., Ве—га находился въ самомъ нормальномъ состояніи, и потому управлялъ откупами превосходно, толково посвящая меня во всѣ тонкости откупной науки, которую понималъ онъ совершенно иначе, нежели незабвенный «Айександъ Айександьичъ, россійскій столбовой дворянинъ». Между тѣмъ, по желанію Штукарева, я каждую недѣлю писалъ къ нему въ Петербургъ и посылалъ разныя небольшія откупныя статьи и замѣчанія на нѣкоторыя параграфы новаго положенія объ откупахъ. Но на всѣ мои письма долго не имѣлъ я отвѣта. Это меня сильно безпокоило. Наконецъ получилъ я отъ него письмо, которое составляетъ —

Документъ третій.

17 августа 1846 г. С.-П-бургъ.

«Здѣшніе торги такъ много причиняютъ мнѣ хлопотъ, суеты и труда, что я торги губернскіе нахожу, сравнительно съ здѣшними, отдохновеніемъ отъ дѣлъ. По этой причинѣ я такъ давно ничего не пишу къ тебѣ, дорогой другъ Николай, на твои письма. Натурально, что когда голова набита всѣмъ тѣмъ, что слышишь отъ Ев—хіевъ тогда она не способна дѣлается къ переложенію на бумагу своихъ мыслей. Я скажу тебѣ, однакожь, коротко то, что хотѣлъ бы сказать подробно съ разными замѣтками и отмѣтками.

«Всѣ твои письма меня чрезвычайно утѣшаютъ. Они рѣшительно утверждаютъ меня въ томъ мнѣніи, что дѣло у тебя пойдетъ хорошо и что система *убиванія* навсегда исчезла. Очень радъ тому, что взглядъ и опредѣленія твои вѣрны, и въ особенности насчетъ Ор....

«Ве—га оставилъ во мнѣ грустное и непріятное впечатлѣніе, не оказавъ Су—чеву пособія, ни даже участія при выкупѣ его на волю. Я Су—чева очень люблю, какъ человѣка мнѣ преданнаго (хотя и безсознательно) и извѣстнаго мнѣ по опытамъ за честнѣйшаго. Замѣть это Ве—гѣ; а я пишу къ нему объ этомъ такое письмо, какое можетъ написать раздражительный человѣкъ, подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, коему (забывая мое правило) я добровольно предаюсь, потому что дѣло идетъ *о самородкѣ Су—чевѣ*.

«Торги окончатся 20 августа. Изъ откуповъ Смоленской и Псковской губерніи нѣкоторые поступятъ въ мое хозяйственное управленіе на слѣдующее четырехлѣтіе. Окончаніе торговъ дастъ мнѣ возможность написать тебѣ *многое*.

«Обнимаетъ тебя весь твой

В. Штукаревъ».

Первая половина этого письма успокоила и обрадовала меня, но вторая сильно огорчила. А почему,—для объясненія этого необходимо войти въ нѣкоторыя подробности.

Съ той поры, какъ я сталъ всматриваться пристальнѣе въ Штукарева, въ его дѣйствія и откупныя распоряженія, я началъ открывать въ немъ *нѣчто*, которое заставляло меня сперва призадумываться. Но я старался не останавливаться на этихъ тяжелыхъ впечатлѣніяхъ, и увѣрялъ самъ себя, что вѣроятно я ошибаюсь. Это *нѣчто* состояло въ капризѣ и произволѣ, въ пристрастіи и несправедливости относительно служащихъ въ его дѣлахъ. Напримѣръ, случалось иногда, что въ откупныя дѣла Василья Андроновича, несмотря на зоркій и строгій присмотръ, проберется какой нибудь хищный волкъ въ должность управляющаго или повѣреннаго, а потомъ, при первомъ удобномъ случаѣ, запуститъ лапу въ знаменитую перевыручку, да и цапнетъ себѣ въ карманъ кушъ, сообразный длинѣ его когтей, умѣнью и вдохновенью. Положимъ, что потомъ и накроютъ этого волка — управляющаго или повѣреннаго, потянутъ его на «цигундеръ»,— да вѣдь въ откупахъ, какъ и во всякомъ другомъ денежномъ фокусъ-покусѣ, «что съ возу упало, то и пропало». Ну, и вытурятъ вонъ изъ дѣлъ откупнаго фокусника: что съ него взять, взамѣнъ куша, вырваннаго имъ изъ благословенной перевыручки,—не когти же его! На что они? Свои имѣются про всякій случай для «домашнихъ торговъ», да «для разверстки паевъ», напримѣръ. И остается этотъ волкъ безъ мѣста, и бродитъ вокругъ откуповъ, да зубами пощелкиваетъ. Но если у него спинной

хребетъ очень гибокъ, а лобъ вполнѣ мѣдный, то онъ не умретъ съ голоду. Забѣжитъ, бывало, къ прежнему своему патрону и бухъ ему въ ноги. «Пошелъ вонъ, мерзавецъ, воръ!» А волкъ опять ему въ ноги, и кланяется пуще прежняго, и умилостивляетъ жалобнымъ голосомъ: «Батюшка! такой-сякой! Будь мнѣ отецъ и благодѣтель, не дай умереть съ голоду!» Ну, посердятся, покричатъ, полаются, да и примутъ на службу, хоть куда нибудь въ ревизоры, или въ оберъ-кордонные,—а потомъ и опять сдѣлаютъ управляющимъ. Только бы умѣлъ выслушивать, не поморщась, всякія крупныя словца и эпитеты. И чѣмъ крупнѣе эти словца, и чѣмъ безстыднѣе чело, т. е. мѣдный лобъ кающагося волка, тѣмъ лучше будетъ ему впослѣдствіи, по пословицѣ «стерпится—слюбится», и онъ далеко пойдетъ, и дойдетъ, пожалуй, «до степеней извѣстныхъ»... разумѣется если у него при томъ окажутся умъ, смѣтливость, расторопность и разные другіе откупные таланты къ усовершенствованію разсыропокъ, сложныхъ цѣнъ, для облавъ на шинки, ренсковые погреба и трактирныя заведенія, и для разныхъ другихъ хитросплетеній и выдумокъ въ родѣ «шведскихъ водокъ». Но что бывало еще лучше и вѣрнѣе для успѣха въ откупахъ, такъ это—умѣнье искусно щекотать самолюбіе, льстить тщеславію, и угадывая заднія мысли своего откупнаго падишаха, называть иногда бѣлое чернымъ и наоборотъ.

Съ другой стороны, сколько разъ случалось мнѣ видѣть служащихъ—и честныхъ, и дѣльныхъ, и способныхъ, да безъ мѣднаго лба, безъ гибкости въ спинномъ хребтѣ, безъ умѣнья поддакивать, говорящихъ всегда правду и называющихъ бѣлое бѣлымъ, а черное чернымъ. Вотъ и терпятъ ихъ до поры до времени, пока некѣмъ замѣнить. А тамъ и придерутся къ чему нибудь, да и похерятъ ихъ, и похерятъ такъ, что уже больше никогда имъ не вернуться къ откупнымъ дѣламъ. Но я отвлекся подъ вліяніемъ воспоминанія о томъ, что и самъ я когда-то сдѣлался жертвою собственной правдивости... Пора возвратиться къ моему послѣднему пребыванію въ Ор..., и къ поясненію исторіи о «самородкѣ-Су—чевѣ».

Этотъ Су—чевъ, чей-то крѣпостной человѣкъ, хитрый, угрюмый, сосредоточенный и человѣконенавистный, былъ когда-то и гдѣ-то конторщикомъ при особѣ Василья Андроновича. Въ началѣ августа 1846 года, онъ ѣхалъ черезъ Ор.... къ своему помѣщику, кажется въ Курскую губернію, для того, чтобы вы-

купиться на волю. Въ Ор... онъ мелькнулъ въ конторѣ и не только не просилъ Ве—гу о пособіи для его выкупа, но даже ни слова не сказалъ объ этомъ ни ему, ни мнѣ. А между тѣмъ, неизвѣстно по какой причинѣ и съ какою цѣлію, написалъ въ Петербургъ къ Штукареву, что Ве—га не оказалъ ему ни сочувствія, ни малѣйшаго пособія.

Когда я окончилъ чтеніе письма Штукарева отъ 17 августа, въ которомъ говорилось о самородкѣ-Су—чевѣ, ко мнѣ вошелъ Ве—га, грустный, убитый и подалъ мнѣ письмо, полученное имъ тоже отъ Штукарева, сказавъ: — вотъ какъ Василій Андроновичъ награждаетъ за усердную и добросовѣстную службу!

Я прочелъ. Письмо было наполнено самыми рѣзкими выраженіями, самыми горькими и язвительными упреками. Я едва вѣрилъ своимъ глазамъ и падалъ съ неба при мысли, что тотъ, кого я считалъ образцомъ всего прекраснаго и высокаго, тотъ, кто проповѣдовалъ всегда и всякому *не убивать*, *не дѣйствовать подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія*, самъ позволялъ себѣ все это и еще въ такой сильной степени, на основаніи перваго ложнаго извѣта.... Не наводя ни малѣйшей справки, онъ сейчасъ же учинилъ и судъ и расправу, жестоко оскорбивъ своимъ желчнымъ письмомъ человѣка, который служилъ ему честно, усердно, съ величайшею пользою для дѣла!

Я не могъ переварить такой несправедливости и считалъ священнымъ долгомъ дружбы высказать откровенно мое мнѣніе Василью Андроновичу. Сейчасъ же написалъ я къ нему письмо, въ которомъ, говоря ему горькія истины, не поскупился на иронію и сарказмы. Между тѣмъ, къ возникнувшему неудовольствію по поводу ложнаго извѣта Су—чева, присоединились другія непріятности, которыя усложнили затруднительность моего положенія въ главной ор...ской конторѣ. Штукаревъ прислалъ нѣсколько служащихъ въ ор..скіе и к...скіе откупа. Многіе изъ нихъ оказались большими негодяями, были пойманы и уличены въ явномъ воровствѣ и, разумѣется, уволены отъ службы вслѣдствіе формально даннаго мнѣ Васильемъ Андроновичемъ права опредѣлять и увольнять служащихъ по всѣмъ дѣламъ ор..ской конторы. Выгнанные негодяи отправили къ Штукареву самыя нелѣпыя письма, наполненныя бездоказательными доносами и грубою клеветою. Слѣдствія этихъ доносовъ были

тѣже, или даже еще хуже, нежели послѣ письма Су—чева, какъ это видно изъ 5-го документа, который я приведу ниже.

Тутъ я снова и окончательно убѣдился въ отсутствіи всякаго чувства справедливости въ Штукаревѣ, а именно: сдѣлавъ какую нибудь несправедливость, онъ уже потомъ ни за что не сознавался въ ней, какъ бы ясно ни была она ему доказана. Да впрочемъ никто, кромѣ меня, и не старался, не смѣлъ даже—не только доказать, но и сказать ему, что онъ былъ неправъ. Поэтому, вмѣсто сознанія, которое не унижаетъ, а напротивъ возвышаетъ истинно-высокій характеръ, онъ упорно держался своего прежняго мнѣнія и дѣлалъ новую несправедливость на несправедливость, до тѣхъ поръ, пока зданіе неправды было «подведено подъ крышу» и закончено. Тогда вновь водворенные въ дѣлѣ негодяи торжествовали, потирали себѣ руки и говорили «что взялъ?» А честные, усердные и полезные дѣятели были осмѣяны, унижены и парализованы для пользы дѣла, если только не совершенно уничтожены, что̀ также зачастую случалось. Но я рѣшился вывести Василья Андроповича на свѣжую воду моими донельзя откровенными письмами. Несмотря на непріятности и огромную переписку, завязавшуюся по этому поводу между мною и Штукаревымъ, я съ настойчивостію преслѣдовалъ изученіе откупнаго дѣла. Слѣдствіемъ такого изученія было нѣсколько дѣльныхъ статей, которыя написалъ и послалъ я къ Штукареву, напр. «Сортировка», «О злоупотребленіяхъ бывшаго казеннаго управленія,» «Физіологія откуповъ» и наконецъ «Программа полнаго и раціональнаго руководства къ управленію откупами,» раздѣленная на части и на главы, въ которыхъ я исчислилъ и ясно опредѣлилъ всѣ стороны и подробности многосложнаго механизма откупнаго управленія.

За это я получилъ отъ Штукарева письмо, въ которомъ говорилъ онъ, что я «не только раскусилъ, но и проглотилъ откупную науку.» Въ этомъ же письмѣ подтверждалъ онъ то, о чемъ писалъ мнѣ передъ тѣмъ, а именно: онъ давалъ мнѣ 50 гласныхъ паевъ въ Б..... который взялъ онъ на торгахъ въ Москвѣ. Письмо это составляетъ 4 документъ въ приложеніяхъ.

Документъ четвертый.

С.П.-бургъ. 4 сентября 1846 г.

«Всѣ твои письма очень меня радуютъ, дорогой другъ Николай. Изъ нихъ видно, что ты откупное дѣло не только раскусилъ, *но даже*

проглотилъ. За Бо... Ба—нниковъ предлагалъ 6 т. р., но я отказалъ, главнѣйше имѣя въ виду тебя, т. е. то, что тебѣ дѣло доставитъ болѣе выгоды, чѣмъ половина изъ 6 тыс. руб. (*), и то, что дѣло тебѣ нужно, ибо на здѣшнихъ торгахъ я ничего не взялъ, слѣдовательно кругъ моихъ дѣйствій остается въ томъ же размѣрѣ, какъ и послѣ губернскихъ торговъ. Я пришлю къ тебѣ доношеніе, для подачи въ тульскую казенную палату, что *предоставлю тебѣ въ Бо.... половину за моими залогами и тогда ты будешь гласный участникъ*. Въ ноябрѣ надо тебѣ быть тамъ, т. е. въ Бо....

«Отвѣчать подробно на твои письма буду съ Ив. Ѳедоровичемъ, который на 20 сентября будетъ въ Ор.... Мнѣ сдается, что взглядъ твой на Ве—гу слишкомъ уже для него выгоденъ... Мнѣ кажется, что Ве—га умѣлъ искусно поставить передъ тобою эффектныя мѣста своихъ дѣйствій и тѣмъ выиграть выгодное о себѣ мнѣніе. Но чтобъ натура его его была такова, какъ у Су—чева, то съ этимъ никогда не соглашусь. Разсмотри ближе, и ты убѣдишься. Су—чевъ честный малый, но онъ ни съ кѣмъ не уживется. Онъ не любитъ ни Ивана Ѳедоровича, ни Сем. Вас., но они его любятъ, зная, что за рѣдкость такая (т. е. Су..чевъ называемая) между откупнымъ человѣчествомъ его разряда. Предоставляя себѣ право опредѣлять Су—чева по опытамъ, я не только передъ Ве—гою, но даже передъ любимой женой (еслибъ имѣлъ ее) не скрылъ бы моего огорченія за несодѣйствіе ему въ столь важномъ для него дѣлѣ, какъ выкупъ на волю. Всѣ твои возраженія о Ве—гѣ вполнѣ, мой другъ, односторонни. Ве—га дѣйствуетъ хорошо по разсчету, честно—потому, что ты въ Ор....; а Су—чевъ дѣйствовалъ всегда честно, по убѣжденію, притомъ же онъ тогда былъ преданно-честнымъ у меня исполнителемъ, когда ни въ чемъ не могъ разсчитывать на меня. Ему помогъ И—новъ выкупиться, и мнѣ все равно, И—новъ ли помогъ, или какой нибудь К—цовъ, или еще хуже, но я благодаренъ и не И—нову, и не К—цову, а лицу, оказавшему пособіе. Имѣя правило дѣйствовать честно и прямо, я всегда останусь привязаннымъ къ безсознательной честности Су—чева, чуждой всякихъ разсчетовъ, и въ тоже время отдамъ благодарность честности Ве—га, основанной на здравомысліи. Убѣдись въ томъ, что, въ дѣйствіяхъ людскихъ, побужденія важные

(*) Однакоже это не помѣшало Штукареву передать впослѣдствіи Бо.... Ба—никову за 6 тыс. руб., не взирая на мои просьбы и убѣжденія не дѣлать этого,—на томъ основаніи, что черезъ уѣздъ этотъ должны были вести шоссе, стало быть и выгоды отъ откупа были бы огромныя. Онѣ и были потомъ, только эти выгоды получилъ не я, а Б—нниковъ. Мнѣ же взамѣнъ 50 гласныхъ въ Бо—кѣ, дано было 25 паевъ негласныхъ въ Гжа.... Какъ называютъ на откупномъ языкѣ такой поступокъ?

дѣйствій. Отличай умы Ве—гъ денежными наградами, а собачью привязанность С—чевыхъ — теплою любовію къ нимъ. Я увѣренъ, что ты это поймешь и скажешь — да!

«Обнимаю тебя горячо, горячо, весь твой

В. Штукаревъ.»

И—новъ, о которомъ упоминается въ письмѣ Василья Андроновича, управлялъ тогда щи...вскимъ откупомъ и немилосердно обкрадывалъ этотъ несчастный откупъ, гдѣ были и мои несчастные 25 паевъ. Я писалъ не разъ объ этомъ Штукареву, но онъ оставлялъ безъ вниманія всѣ мои увѣдомленія. Наконецъ я потерялъ терпѣніе и послалъ обревизовать щи...вскій откупъ. Ревизія эта открыла страшные безпорядки и злоупотребленія: откупъ потерялъ болѣе пяти тысячъ руб. сер., изъ которыхъ большая часть была украдена или проиграна въ карты И—новымъ, а остальная пропала отъ нерадѣнія и безпорядковъ.

ГЛАВА V.

ПЕРВЫЙ РАЗРЫВЪ И ПРИМИРЕНІЕ.—ПРОДОЛЖЕНІЕ САНТИМЕНТАЛЬНОЙ ИСТОРІИ.

«Хоть громъ гремѣлъ надъ нами,
Но насъ не поражалъ».

КАРАМЗИНЪ.

Въ концѣ августа ѣздилъ я съ Ве—гою въ Дми.... смѣнять управляющаго. Возвратясь въ Ор..., мы нашли нелѣпѣйшія предписанія, присланныя изъ Петербурга Штукаревымъ главной ор...ской конторѣ. Натурально, я не смолчалъ, какъ дѣлали другіе, и тогда и послѣ. Письмо мое составляетъ документъ 5 и доказываетъ, съ какою полною и безстрашною откровенностію высказывалъ я свои мысли Василью Андроновичу, дружбу ко мнѣ котораго хотѣлъ я попробовать.

Документъ пятый.

Ор.... 1846 года, 6 сентября.

«Въ 1835 году я былъ немного твоимъ учителемъ, дорогой другъ Василій, знакомя тебя съ разными «не со—чскими идеями» и особливо со стихами. А въ началѣ 1846 года ты сталъ моимъ учи-

телемъ, по статьямъ воздержанія отъ *убиванія* и отъ дѣйствій *подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія*.

«Сѣмена твоего ученія пали, кажется, не на безплодную почву, такъ что изъ ученика, пожалуй, я могу снова сдѣлаться твоимъ учителемъ, и вотъ почему: почтенный мой учитель отличился въ послѣднее время, и не разъ, дѣйствуя подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, а именно: въ послѣднихъ письмахъ твоихъ къ Ве—гѣ и въ знаменитомъ твоемъ предписаніи гл. ор...ской конторѣ отъ 23 августа.

«Сверхъ того, что меня до-нельзя огорчила и оскорбила твоя последняя переписка съ Ор...., она меня ужасно испугала *возможностію новаго и страшнаго для меня разочарованія*!!.. Да! я страшился и за себя, и за тебя, котораго я такъ высоко поставилъ и въ умѣ моемъ, и въ сердцѣ, и которому поклонился я, какъ идеалу не только честности и благородства, но и какъ образцу возвышеннаго ума и характера. И вдругъ показалось мнѣ, что этотъ Василій, котораго полюбилъ я такъ безпредѣльно, которому я удивлялся и поклонялся такъ почтительно, какъ человѣку необыкновенному,—этотъ самый Штукаревъ низошелъ съ пьедестала своей необыкновенности и умалился до скудныхъ, жалкихъ размѣровъ человѣка самаго обыкновеннаго, мелочнаго, пошлаго, какъ и всѣ прочіе грѣшные смертные. Раскрою передъ тобою источникъ моего предполагаемаго разочарованія; онъ состоитъ въ слѣдующихъ выводахъ.

1) «Часть основанія моему разочарованію брошена уже прежде и показана въ моемъ послѣднемъ къ тебѣ письмѣ отъ 26 августа.

2) «Необыкновенный человѣкъ» тщательно избѣгаетъ противорѣчій не только въ поступкахъ, но и въ самыхъ словахъ и мысляхъ. А можно ли отличиться противорѣчіемъ, болѣе вопіющимъ, какъ напримѣръ благодарить Ве—гу въ письмѣ отъ 10 августа за всѣ его распоряженія, за увольненіе Бѣ—сова, К—цова и даже *дать ему право выгонять всѣхъ мерзавцевъ*, и потомъ вдругъ, по прошествіи только нѣсколькихъ дней, писать оскорбительнымъ тономъ тому же В—гѣ и дѣлать ему выговоры за увольненіе однихъ и тѣхъ же негодяевъ, основываясь въ этомъ на ихъ письмахъ и забывая то, что всякой негодяй, даже пойманный и уличенный воръ, старается себя оправдывать. Слѣдовательно, на письма изъ Ор... и *отъ другихъ лицъ* не надо было обращать вниманія, подъ опасеніемъ противорѣчія и *разжалованія изъ необыкновенныхъ въ обыкновенные*.

3) «Необыкновенный человѣкъ не спѣшитъ, а осторожно обдумываетъ каждую официальную бумагу, потому что подобная поспѣшность раждаетъ часто несообразность, нелѣпость, которыя почти всегда компрометируютъ *самую необыкновенную и всѣми признанную*

необыкновенность и часто влекутъ за собою вредныя послѣдствія. А что можетъ быть необдуманнѣе и нелѣпѣе твоего предписанія ор...ской конторѣ! Вѣдь оно достойно быть вставленнымъ въ рамку и на показъ, какъ примѣръ минутнаго затмѣнія самого свѣтлаго ума, и какъ урокъ человѣческой гордости и самонадѣянности. Неужели ты самъ не увидишь, не поймешь и не сознаешь своей оффиціальной нелѣпости?... Нѣтъ!... Упрямъ, мой отецъ!... Хорошо! доберемся потомъ и до этого упрямства, а пока докажемъ нелѣпость знаменитаго *собственноручнаго предписанія*.

«Во-первыхъ, предписаніе гласитъ... нѣтъ «вопіетъ:»

«......Буду просить Ивана Өедоровича разсмотрѣть все на мѣстѣ, потому что онъ скоро пріѣдетъ въ Ор..., а потому *объявить всѣмъ тѣмъ служащимъ*, *которые уволены*, *чтобы они дождались его пріѣзда*......»

«Справедливо ли, умно ли, такъ гласно, оффиціально унижать главноуправляющаго обѣщаніемъ разбирать его съ тремя или пятью выгнанными мерзавцами, то есть ставить его на очныя съ ними ставки?...

«Во-вторыхъ, предписаніе «вопіетъ»:

«Остановиться въ преслѣдованіи ихъ (уволенныхъ) со стороны конторы *по сдѣланнымъ начетамъ!*»

«Дѣльно! Подъ судъ и подъ кнутъ Ве—гу и меня за то, что не дали ворамъ воспользоваться украденными ими деньгами: Бѣ—совымъ около 180 руб. сер., а К—цовымъ 130 руб. сер. И въ самомъ дѣлѣ, мы настоящіе преступники въ глазахъ г. коммиссіонера Штукарева за то, что осмѣлились не допустить украсть изъ его коммиссіонерскаго кармана 310 руб. сер.

«Подъ судъ и подъ кнутъ насъ за это!...

«Въ-третьихъ, предписаніе «вопіетъ еще»:

«При чемъ присовокупляю, чтобы тѣ изъ служащихъ, которые теперь находятся, оставались на своихъ мѣстахъ до пріѣзда Ивана Өедоровича».

«Отъ прабабушки Еввы и до нашихъ временъ едва ли написалъ и даже сказалъ кто подобную нелѣпость? Оффиціально и *собственноручно* объявлять такъ конторѣ, значитъ — разрушить всю нравственную силу управляющаго, столь необходимую для откупнаго управленія; уничтожить почтительность и повиновеніе подчиненныхъ къ начальнику, то есть произвести между ними бунтъ, снять съ нихъ узду страха и дать имъ поводъ и право сдѣлать слѣдующій алскій силлогизмъ:

«Отнынѣ увольнять насъ не смѣютъ, какъ бы мы ни служили; а служить и воровать — гораздо для насъ выгоднѣе, нежели доволь-

ствоваться однимъ жалованьемъ: стало быть, начнемъ же съ этой поры служить и воровать, потому что насъ не смѣютъ выгнать».

«О Боже, Боже! Чѣмъ и какъ объяснить и оправдать такую непростительную и вопіющую нелѣпость и близорукость ума свѣтлаго, дальновиднаго, характера возвышеннаго? Развѣ вотъ чѣмъ: безчисленныя и безпрерывныя посѣщенія Ев....хіевъ производятъ такой удушливый угаръ глупости, что отъ него угараютъ иногда и самыя крѣпкія головы, а угорѣвъ — начинаютъ бредить и нести околесную не хуже «63 параграфа съ прочей братіей вопіющихъ параграфовъ».

«Въ заключеніе этого вывода скажу, что по мнѣ, лучше вовсе отказать управляющему отъ должности, чѣмъ унижать его въ такой степени и съ тѣмъ вмѣстѣ унижать и самого себя въ предшествовавшихъ ему похвалахъ и благодарностяхъ.

«4) Необыкновенный человѣкъ никогда, безъ особенно важной причины, не отнимаетъ того, что даритъ. А какъ же объяснить слѣдующій поступокъ? Дать своему другу право увольнять и опредѣлять, прибавя, что и *самыя ошибки по этому случаю могутъ быть полезны для изученія откупнаго дѣла,*—и послѣ этого подарка, то есть дарованнаго мнѣ права увольнять, написать собственноручно въ ту же самую контору, *чтобы не смѣть никого увольнять до пріѣзда!*... Это— новое противорѣчіе, недостойное ума и характера необыкновенныхъ; это манера дарить и отнимать, свойственная только самымъ обыкновеннымъ людямъ.

«5) Необыкновенный человѣкъ никогда не хвастаетъ своею силою, не кичится своимъ могуществомъ и никого не дразнитъ, на подобіе того, какъ дразнятъ на улицѣ оборванные и босоногіе мальчишки-шалуны какую нибудь беззащитную старушонку, бросая въ нее пескомъ и камешками. А что же другое значитъ, какъ не хвастать своею силою и всемогуществомъ, и не дразнить главноуправляющаго, написавъ къ нему между прочимъ:

«Изъ сего вы можете заключить, что со многими уволенными обойдусь гораздо снисходительнѣе вашего...»

«То есть: «опредѣлю ихъ снова на службу.» Не правда ли?

«И книги вамъ въ руки: принимайте, ради Бога, принимайте и опредѣляйте! На что же и *всемогущество* существуетъ, какъ не на то, чтобы порою, для каприза, принимать на службу не только уволенныхъ негодяевъ и воровъ, но и бѣглыхъ каторжниковъ, если бы они случились подъ рукою. А вѣдь, право, эффектъ былъ бы не дуренъ: пара или тройка бѣглыхъ каторжниковъ на службѣ ор...скаго откупа!...

«6) Необыкновенный человѣкъ не спѣшитъ дѣлать заключенія и замѣчанія, особливо щекотливыя, какъ напримѣръ выручка и взно-

сы. Надо прежде подумать и сообразить, нѣтъ ли какихъ неизбѣжныхъ причинъ неудовлетворительности выручки по 17-е августа; а подумавъ, можно сейчасъ увидѣть, что первая половина августа, какъ *половина постная*, всегда бываетъ несравненно хуже второй, *половины праздничной и скоромной*, что и доказала окончательная выручка за августъ, превзошедшая прошлогоднюю болѣе, чѣмъ четырьмя тысячами руб. сер.

«7) Твердость характера есть одно изъ существенныхъ свойствъ человѣка необыкновеннаго; но между твердостію и упрямствомъ необъятная разница. Нѣтъ непреложной мудрости на землѣ, а потому иногда ошибаются и самые необыкновенные умы, особливо въ выборѣ довѣренныхъ людей. Но, увидя свою ошибку, убѣдясь что выборъ палъ на недостойнаго человѣка (какъ напримѣръ щигровскій И—новъ), необыкновенный человѣкъ, какъ чуждый ложному и мелочному самолюбію, сейчасъ же сознается въ своей ошибкѣ и спѣшитъ исправить ее карою или отринутіемъ отъ себя навѣки негодяя и уличеннаго вора.

«Упрямство несовмѣстно необыкновенному человѣку столько же, какъ и слабость характера; и никто, кромѣ глупцовъ да близорукихъ, не приметъ упрямство за твердость; всякій знаетъ, что первое составляетъ одно изъ главныхъ свойствъ ослиной породы, — какъ изъ четвероногихъ, такъ и изъ двуногихъ.

«Но кончаю мои выводы, которые начали-было подрывать основаніе храма моего почтительнаго удивленія къ человѣку ума и характера необыкновеннаго,—храма, сооруженнаго моимъ сердцемъ и умомъ, вѣчными поклонниками всего истинно-высокаго и прекраснаго.

«Умоляю Твою благость, о мой Создатель! Да уцѣлѣетъ этотъ храмъ! да не падетъ съ своего высокаго пьедестала мой кумиръ и не разобьется, какъ обыкновенно разбиваются всѣ кумиры, не вылитые изъ чистаго золота, а вылѣпленные изъ глины и потомъ позолоченные!...

«Надѣюсь, что ты не разсердишься на меня за истины, хотя и горькія, которыя высказалъ я тебѣ. Вѣдь ты не пигмей и не ребенокъ въ области ума, чтобы обижаться или отталкивать отъ себя горькое, но спасительное лѣкарство. Да и кому же, какъ не другу, высказывать тебѣ истины, необходимыя для довершенія твоей 28-лѣтней опытности. Не мнѣ, а другимъ предоставь льстить тебѣ и подобострастно смотрѣть въ глаза, *хоть бы чрезъ самыя зеленѣйшія или синѣйшія стекла очковъ*... Я никогда и ни за какія блага не льстилъ никому, а тѣмъ болѣе другу, за котораго готовъ положить

мою душу. Не бойся принять въ даръ эту преданную тебѣ душу: *она не ревизская, не заложенная; ее не надо выкупать...*

«Весь и навсегда твой

Н. Макаровъ.»

Отвѣтъ, ожидаемый мною съ нетерпѣніемъ, пришелъ и, на этотъ разъ, несказанно меня обрадовалъ: проба прошла какъ нельзя болѣе благополучно. Письмо Штукарева, хотя и коротенькое, — было самое дружеское, задушевное. Оно составляетъ документъ шестой.

Документъ шестой.

13-го Сентября, 1846 г. С.-Петербургъ.

«Письмо твое, дорогой другъ, отъ 6-го сентября, писанное по возвращеніи твоемъ изъ Дми.,. я получилъ сію минуту и спѣшу тебѣ сказать: 1) Нисколько не сержусь,—пиши что хочешь, потому что я твердо увѣренъ, что рукою твоею руководитъ дружба, а слово подсказываетъ тебѣ твой внутренній голосъ. 2) Вѣря во всемъ собственно тебѣ, извини, мой дружокъ, за то, что я предполагаю въ тебѣ человѣка, коего можно обманывать, какъ и всѣхъ людей. 3) Напрасно ты думаешь, что если я приму кого либо изъ уволенныхъ тобою, то это означаетъ неудовольствіе. Что я тебя люблю, это ты знаешь, а что я не могу не исполнить моихъ внутреннихъ побужденій, то это опять другое дѣло. Это-то и важно въ жизни, что надо умѣть все согласить. Напримѣръ: С—кова я беру опять потому, что меня пилитъ его мать и Гавр. Ив. Штукаревъ, а за Бѣ—сова упрекаетъ матушка.

«Въ С....ской губерніи у меня будетъ 8 городовъ, а именно: Вя...., Гжа...., Доро...., Дух...., Ел..., Юх...., Бѣ..., и Сы...., и сверхъ того Пс.... и Пор.....

«Ив. Өедоровичъ будетъ жить въ Вя.... Онъ выѣзжаетъ въ Ор.... 17-го сентября

На вѣки твой

В. Штукаревъ.»

Какъ ни задушевно было это письмо, я однако увидѣлъ, что Штукаревъ никогда не сознается въ томъ, что былъ неправъ и донельзя будетъ упорствовать въ своемъ пристрастіи и несправедливости; и потому я махнулъ рукой.

Вся эта дѣятельная переписка, продолжавшаяся около мѣсяца, вся эта логика, аргументація и діалектика, израсходованныя по-пустому и бывшія «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ», оставн-

ли во мнѣ самое тяжелое и тревожное чувство и нарушили, возмутили ясность моей души, такъ не легко мною достигнутую. Дружескія письма Штукарева не въ состояніи были разогнать эту душевную тревогу, вслѣдствіе которой я написалъ къ нему письмо, казалось бы самое невинное; но — увы! — оно произвело страшную бурю и едва не разрушило одиннадцати-мѣсячное зданіе моей дружбы съ Васильемъ Андроновичемъ. Вотъ оно.

Документъ седьмой.

Ор... 1846 года, 23-го сентября.

«Дорогой другъ, Василій!

«Мрачна, глубока и неизвѣданна бездна сердца человѣческаго! это — тотъ же океанъ. Посмотри на этотъ послѣдній: повисли надъ нимъ грозныя тучи, заревѣлъ, забушевалъ сильный вѣтеръ и взволновалъ, взбороздилъ спокойную до того поверхность. Сѣдыя волны, какъ горы, какъ безчисленное стадо разъяренныхъ гигантскихъ чудовищъ, побѣжали по этой влажной, зыбкой поверхности, подъ которою находятся неизвѣданные мракъ и глубина. Потомъ стихнетъ вѣтеръ, разсѣются тучи, заблистаетъ снова яркое солнце; но взволнованный океанъ не скоро успокоится, не скоро приметъ ровную, зеркальную поверхность, которая такъ величественно отражаетъ и солнце, и небо, и звѣзды.

«Такъ бываетъ съ сердцемъ и съ душою человѣка! Тишина и самодовольствіе царствуютъ въ нихъ. И вдругъ взволновала ихъ невзгода, сомнѣніе, — обманутыя надежды открылись и снова облились кровью едва зажившія раны сердца... И вотъ голосъ друга хочетъ успокоить это волненіе, рука его хочетъ исцѣлить открывшіяся раны. Но увы! Облегчается страданіе, но не скоро водворится равновѣсіе взволнованной души, не скоро возвратятся спокойствіе, вѣра и надежда въ испуганное и измученное сердце.

«Со мною происходитъ подобное; послѣднія твои ко мнѣ письма разсѣяли невзгоду извѣстной корреспонденціи съ Ор..... И обрадовали они меня, но совершенное равновѣсіе и спокойствіе не водворяются въ моей душѣ. И какъ странно сердце: радуетъ его успокоительный голосъ друга, и въ тоже время грусть свинцомъ падаетъ на дно его; ему снова обѣщаютъ и подаютъ надежды, а оно упорно удерживаетъ въ себѣ сомнѣніе и недовѣрчивость, этихъ угрюмыхъ дѣтей напуганнаго воображенія и невѣрующей опытности.

«И что, и какъ будетъ со мною?... И дождусь ли я какого нибудь результата отъ будущаго...

«И не кажусь ли я похожимъ съ моею преданностью на маменьку спѣлыхъ дочекъ, которыхъ она всѣмъ навязываетъ?...

«И не на одной ли я доскѣ съ «самородкомъ?...»

«И не берется рѣшить эти вопросы мое воображеніе, хотя все еще пылкое, но напуганное неудачами и обманутыми надеждами — *Елабугъ, Глазовыхъ и Ставрополей*...

«И не берется разсѣять своихъ сомнѣній мое сердце, поставленное въ параллель другихъ преданностей...

«А энергія, а неутомимая дѣятельность, а горячее усердіе къ дѣлу? Это—фруктовое дерево весною. Посмотрите, какъ оно, подъ вліяніемъ животворныхъ лучей солнца, зазеленѣло и одѣлось роскошною ризою цвѣтовъ. Какой обильный сборъ плодовъ обѣщаетъ оно осенью!

«И вдругъ подулъ отъ полуночи холодный вѣтеръ; солнце закатилось, настала ночь. И хотя утро прогоняетъ потомъ эту ночь, но холодный иней успѣлъ уже прикоснуться къ цвѣтущему фруктовому дереву своимъ леданымъ, мертвящимъ дыханіемъ. И хотя солнце снова свѣтитъ и грѣетъ, но цвѣтки дерева опали, листья его свернулись. И много надо тепла, чтобы дерево снова зазеленѣлось; и надо ожидать другой весны, чтобы оно покрылось новыми цвѣтами и принесло плоды... Но у дерева — всякій годъ весна; а для сердца одна весна въ жизни... Теперь о дѣлѣ.

«Посылаю тебѣ два документа противъ терпимости на службѣ И—нова:

«1-й—письмо его къ Ве—гѣ, гдѣ онъ забѣгаетъ для замаскированія большаго воровства, говоря, *что въ откупъ можетъ вкрасться зло*!...

«2-й—не полную ревизію, а только бѣглый взглядъ Пле—кова на Щи—вское дѣло, открывшій страшные безпорядки и 572 руб. сер. явнаго недочета. Стало быть тайный долженъ быть несравненно болѣе. . . . .

. . . .

«Согласись, другъ, — что я имѣю право не радоваться терпимости И—нова на службѣ въ Щи.... По полученіи перваго извѣстія, я было хотѣлъ немедленно отправиться въ Щи...., и сейчасъ же И—нова въ три шеи оттуда. *Но вѣчная благодарность* твоя къ нему, но манера дарить и отнимать — возстали передо мною, какъ грозные будущіе мои обвинители, и я одумался, улыбнулся, сложилъ на груди свои руки и сижу съ покорностью судьбѣ восточнаго фаталиста.

«Да будетъ Его святая и потомъ — штукаревская воля!

«Прощай и будь здоровъ!

«Весь и навсегда твой

Н. Макаровъ»,

Вотъ оно, письмо это — имѣло, кажется, болѣе права на снисхожденіе, нежели мое длинное отъ 6-го сентября съ «выводами о необыкновенномъ человѣкѣ», и на которое однако же отвѣчали мнѣ: «Нисколько не сержусь,—пиши что хочешь....» Но электричество начало уже скопляться въ облакахъ, окружавшихъ нашего ор.....скаго Юпитера, пребывавшаго тогда въ Петербургѣ и который, на подобіе своего олимпійскаго собрата, принялся хмурить брови и браться за перуны, не олимпійскіе, а откупные. Итакъ, нахмуривъ свои густыя брови съ подобающимъ его сану достоинствомъ, откупной ор...скій громовержецъ приподнялъ горѣ свою десницу и со всего размаху пустилъ въ своего ор...скаго друга связку перуновъ, на этотъ разъ впрочемъ, не очень гремящихъ и разящихъ. Перуны эти заключались въ письмѣ, наполненномъ ироніею и язвительными сарказмами. Къ великому моему сожалѣнію, я не могу помѣстить въ приложеніяхъ этого письма, потому что оно затеряно. Помню только, что оно было написано отъ 30-го сентября и начиналось словами: «Недовольство твое», а заключалось: «Прошу отвѣчать мнѣ — безъ таинственныхъ точекъ и восклицательныхъ знаковъ, — чего ты хочешь....»

Но все таки это письмо, несмотря на всѣ иронія и сарказмы, было написано тономъ дружбы, хотя и раздраженной, но только «карающей, а не убивающей». И какая необъятная разница была между этимъ, хотя и рѣзкимъ, но все-таки дружескимъ письмомъ и тѣмъ, которое было написано мнѣ 26-го ноября 1847 года и которое найдетъ здѣсь свое мѣсто! Двѣнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а это страшное письмо, chef-d'oeuvre въ своемъ родѣ, все еще памятно мнѣ.... Но объ этомъ послѣ.

Получилъ и прочиталъ я грамотку отъ моего друга — Юпитера, и прочиталъ довольно хладнокровно и мужественно, если судить по наружности, владѣть которою я уже понаучился въ школѣ моего Пилада,—получилъ, и черезъ два дня послѣ письма я оставилъ Ор.... и ѣхалъ по дорогѣ въ Тулу, написавъ передъ отъѣздомъ письмо къ Василью Андроновичу.

Документъ восьмой.

Ор.... 1846 года, 7-го октября.

«Вся бѣда произошла отъ того, что я совершенно не понялъ своей роли. Разумѣется,—я виноватъ, и въ оправданіе свое могу только

сказать пословицу: «на всякаго мудреца довольно простоты». Сколько людей до конца жизни не понимали своей роли, и оттого во всю жизнь дѣлали глупости! Такъ и я взялся не за свою роль и надѣлалъ пошлѣйшихъ глупостей; но, благодаря Бога, образумился во время и чистосердечно раскаялся въ моихъ проступкахъ. Послѣднее мое къ тебѣ письмо отъ 4-го октября вполнѣ выразило это искреннее сознаніе и полное раскаяніе. Теперь, чтобы окончательно досказать тебѣ все это и объяснить таинственные вопросы съ точками, я изложу слѣдующее:

Во-первыхъ, меня оскорбила сперва совершенная недовѣрчивость къ моимъ письмамъ, вслѣдствіе которой и завязалась у тебя переписка съ Ве—гою и съ конторою. Это было началомъ всѣхъ бѣдъ. Но совѣсть моя чиста, потому что я вступился за правое дѣло.

Во-вторыхъ, меня оскорбило то, что ты не повѣрилъ моимъ словамъ и добросовѣстности, когда я ручался честію, что Ве—га не думалъ отказывать Су—чеву ни въ участіи, ни въ помощи. Стало быть, — такъ казалось мнѣ тогда, — и въ добросовѣстности, и въ преданности вѣришь ты гораздо болѣе Су—чеву, нежели мнѣ.

Въ-третьихъ, меня оскорбило совершенное невниманіе и, такъ сказать, презрѣніе къ увѣдомленіямъ моимъ о Щи...., которыя—увы! были слишкомъ справедливы и которыя имѣлъ я право дѣлать, если только участіе мое въ Щи..... было истинно, а не пуфъ.

Вотъ что выражала большая часть вопросовъ съ точками.

. . . . (*)

«А что я недовѣрчиво смотрѣлъ на будущее и не совсѣмъ былъ доволенъ настоящимъ, въ этомъ извиняютъ меня слѣдующія обстоятельства: мнѣ почти не съ чѣмъ отсюда выѣхать и доѣхать до Тулы! Хорошо, что я продалъ Ве—гѣ свой тарантасъ, брошенный въ Щи.....

«Теперь отвѣчу ясно, безъ точекъ, — что̀ мнѣ нужно, т. е. что мнѣ было нужно.

«Мнѣ нужна была твоя дружба, одна твоя дружба и уваженіе, да еще возможность — быть какъ можно болѣе тебѣ полезнымъ, чтобы уплатить тебѣ часть долга твоихъ благодѣяній. Интересъ, деньги, всѣ откупныя богатства,— но безъ твоей дружбы и уваженія,—для меня прахъ и грязь, которые осквернятъ мою благородную и любящую душу. А чтобы доказать тебѣ это на дѣлѣ, я отказываюсь и отъ Бо........, и отъ всякаго другаго участія въ твоихъ дѣлахъ, ко-

(*) Какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ другихъ письмахъ, приведенныхъ здѣсь, точки протянутыя на цѣлую линейку означаютъ пропуски слишкомъ длинныхъ подробностей, неидущихъ къ настоящей цѣли этихъ писемъ.

торыя, безъ твоей дружбы и уваженія, для меня тошны и гадки. Чтобы окончательно и разъ навсегда пояснить тебѣ сокровенную мысль моихъ послѣднихъ писемъ, столь для меня гибельныхъ, я сдѣлаю слѣдующе предположеніе.

«Положимъ, что я поселяюсь въ Бо......... и управляю дѣломъ со всевозможнымъ усердіемъ и честностію. Какую особенную пользу принесу я тебѣ собственно своею фигурою? Ту, какую можетъ принести всякій хорошій управляющій, которому красная цѣна за труды 1,500 руб. За что же получу я болѣе, а именно: половину барышей, которые могутъ быть велики? За что получу ихъ я, который пламенно хотѣлъ *быть какъ можно болѣе тебѣ полезнымъ*, и готовъ былъ положить за тебя животъ и душу?

«Виноватъ, каюсь, что я заблуждался, мечталъ играть какую-то ненужную для тебя роль и самъ не зналъ, чего хотѣлъ. Но неужели *вопросы съ точками* такъ виновны, что меня нельзя было извинить и пощадить, и я достоинъ былъ такого строгаго наказанія, какъ твое послѣднее письмо, въ жосткихъ и колкихъ фразахъ котораго ты забылъ даже, что «лежачаго не бьютъ»,—забылъ это правило всякаго незлаго и великодушнаго человѣка. Забылъ ты и то, что благодѣяніемъ не попрекаютъ, иначе оно становится тяжкою обидою. Забылъ ты, что еще такъ недавно писалъ ты ко мнѣ: *нисколько не сержусь, пиши, что хочешь*, и потомъ еще: *что я тебя люблю, ты это знаешь*.... Нѣтъ! кого любятъ—того щадятъ, а не оскорбляютъ за нѣсколько фразъ, хотя бы съ милліонами точекъ.

«Или сознайся: не нравилась тебѣ моя короткость, которую навязалъ я и которую принялъ ты въ торопяхъ, въ октябрѣ прошлаго года? Если такъ, то возврати мнѣ назадъ несносное для тебя мѣстоимѣніе этой короткости, которое вымѣнялъ ты на *вы*.

«Прощай, и прости меня на прощаньи за всѣ непріятности и хлопоты, которыя надѣлалъ тебѣ мой пылкій характеръ. А я все еще вѣрю въ благородство твоего сердца. . . . .
. . . .
По крайней мѣрѣ, въ успокоеніе своей совѣсти, я могу сказать, что едва ли кто другой можетъ любить тебя такъ искренно, такъ горячо, такъ свято, какъ чтилъ и любилъ тебя бывшій твой

Н. Макаровъ.»

При сильной волѣ, можно передѣлать, пересоздать свой характеръ и дойти до искусства — вполнѣ владѣть движеніями сердца, т. е. не позволять имъ проявляться наружу, когда того требуютъ благоразуміе и наши выгоды. Но едва ли возможно притупить совершенно свою чувствительность и впечатлитель-

ность. Никто изъ служившихъ въ ор—ской конторѣ не подмѣтилъ на моемъ лицѣ ни малѣйшаго слѣда, не подслушалъ ни фразы, ни слова, которыя могли бы обличить досаду, негодованіе, пылъ гнѣва. Но, какъ я уже замѣтилъ выше, тяжело отозвался въ моемъ сердцѣ ударъ отъ руки друга, и я, совершенно больной и душой и тѣломъ, пріѣхалъ 9 октября въ Тулу, гдѣ пробылъ три дня у моей кузины, написавъ къ Штукареву еще два письма, въ которыхъ выказалъ я величайшее христіанское смиреніе: обвинялъ во всемъ самого себя, раскаявался и просилъ прощенія.

Изъ Тулы проѣхалъ я въ деревню. Но для лучшаго обрисованія и уразумѣнія тогдашняго состоянія моего духа, я сдѣлаю нѣсколько выписокъ изъ моего дневника, которыя въ то же время будутъ и современною исторіею полутора мѣсяца моей жизни.

Рожествино. 12 октября.

«Пора образумиться, пора къ дѣлу, г. Макаровъ! Скоро, 4-го февраля будущаго 1847 года, стукнетъ вамъ уже 37 лѣтъ. Пора приняться за духовную пищу. До 35 лѣтъ дремалъ я въ простотѣ сердца и невѣдѣніи жизни. Наконецъ грозная бѣда обрушилась на мою голову. 7 марта 1845 года потерялъ я любимую жену. Это несчастіе было благовѣстомъ неба, который разбудилъ меня отъ безвѣрія: я образумился, увѣровалъ, сталъ христіаниномъ, и могу теперь горячо молиться и плакать. Страданія были огненнымъ, но искупительнымъ крещеніемъ моего духа. Съ тѣхъ поръ я началъ прозрѣвать.

Послѣдній годъ моей жизни былъ тоже полонъ страданій, разочарованій и поучительныхъ событій. Я узнаю людей все лучше и лучше, не вѣрю ни ихъ участію, ни ихъ дружбѣ; и потому одной бумагѣ буду повѣрять мои думы, страданія, чувства. Она не измѣнитъ мнѣ, не перетолкуетъ слова мои вкривь и вкось, не будетъ насмѣхаться надъ сердцемъ и чувствами.

Сегодня въ пять часовъ пополудни пріѣхалъ я сюда изъ Тулы и, послѣ 4-хъ мѣсячнаго отсутствія моего отсюда, нашелъ все въ порядкѣ. Я вполнѣ доволенъ моимъ прикащикомъ.

13 октября, утро.

Два сильныя потрясенія имѣлъ я въ жизни: первое — смерть жены, слѣдствіемъ котораго было обрѣтеніе мною вѣры; второе — послѣднее письмо ко мнѣ Штукарева отъ 30 сентября. Вмѣстѣ съ невыразимыми страданіями, оно принесло мнѣ слѣдующую пользу.

Много страдалъ я въ своей жизни; страдалъ отъ судьбы, страдалъ отъ людей, страдалъ отъ своей пылкой головы, но всего чаще страдалъ отъ своего еще болѣе пылкаго сердца. И потому слѣдуетъ принять мѣры, издать строгіе законы противъ этого неисправимаго сердца. Вотъ эти законы,—слѣдствіе пристальнаго анализа прошедшихъ моихъ ошибокъ:

Мои догматы или катехизисъ моего сердца.

«*Догматъ 1-й.* Никогда и ни для кого не преступлю я вторую заповѣдь и не сотворю себѣ кумира».

«Каюсь: я любилъ Штукарева, не какъ друга, а какъ кумира.

«*Догматъ 2-й.* Исчезла во мнѣ навсегда вѣра *въ невозможность возможнаго. Невозможно* одно только *невозможное*, какъ напримѣръ, чтобы мнѣ съ неба спалъ мильонъ руб., или, чтобы Петербургъ вдругъ очутился въ Индіи.

«Бывало скажутъ мнѣ: «такой-то можетъ сдѣлать то-то», а я въ отвѣтъ: «какъ! это *невозможно*: онъ этого никогда не сдѣлаетъ!...

«Или скажутъ мнѣ: «такой-то не сдѣлаетъ того-то». А я отвѣчаю: *невозможно*, чтобы не сдѣлалъ; я хорошо его знаю и увѣренъ въ немъ.

«Отнынѣ для меня нѣтъ невозможностей, ни отрицательныхъ, ни положительныхъ. *Все возможно, что возможно.*

«*Догматъ 3-й.* Не вѣрую я въ «неразочаруемость» кого бы то ни было. Однимъ только величайшимъ умамъ и геніямъ суждено никогда не разочаровывать, да и то не во всѣхъ случаяхъ; поэтому-то и и говоритъ французская пословица: «нѣтъ великаго человѣка для своего камердинера.»

«*Догматъ 4-й.* Не вѣрую въ неизмѣнность чьей бы то ни было дружбы, кромѣ одной — дружбы вполнѣ доброй жены. Всѣ остальныя дружбы—измѣнчивы, и только болѣе или менѣе непрочны.

«*Догматъ 5-й.* Не вѣрую въ искренность и прочность дружбы ко мнѣ, какъ бы кто меня ни увѣрялъ въ ней, если только я не получилъ отъ него прежде самыя неоспоримыя доказательства его ко мнѣ искренняго уваженія, безъ котораго нѣтъ и не можетъ быть дружбы.

«*Догматъ 6-й.* Никогда и никому не буду вполнѣ высказывать мои задушевныя мысли, или говорить *всякую правду вполнѣ, а не до извѣстной степени*, какъ бы кто ни казался ко мнѣ расположенъ, если только я не получилъ отъ него самыя неоспоримыя доказательства его возвышеннаго ума и характера, или глубокаго ко мнѣ уваженія.

«*Догматъ 7-й.* Не вѣрую въ «непогрѣшительность» даже наивеличайшихъ умовъ: не даромъ и на солнцѣ бываютъ пятна.

«*Догматъ 8-й.* Никому не буду давать совѣтовъ, ни предлагать свои услуги или преданность, если ихъ не спрашиваютъ, или не увѣренъ, что меня уважаютъ.

14-го октября.

«Дѣла, дѣла! Чтò-то принесете вы мнѣ хорошаго? Я же принесъ для васъ въ жертву, въ теченіе года, много радостей и желаній сердца. До сихъ поръ я получилъ только одно разочарованіе въ человѣкѣ, котораго высоко чтилъ и любилъ... И будетъ ли, и чтò будетъ отвѣчать онъ мнѣ на послѣднія мои къ нему письма? Тогда только узнаю я окончательно, чтò это за человѣкъ?

«А я мечталъ, что совершенно узналъ его!... Какой же я былъ ребенокъ!

«Я безропотно покорился судьбѣ и жду спокойно рѣшенія моей участи... А тоска все грызетъ мое сердце!...

«Ужасно потерять вѣру, хотя бы и ложную, ребяческую! А я вѣрилъ такъ искренно въ дружбу этого человѣка!... Богъ съ нимъ!...

Москва. 20-го октября.

«Не дождавшись отъ него отвѣта на послѣднія мои къ нему письма, я рѣшился видѣться съ нимъ. Изъ письма ко мнѣ Ве—ги видно, что онъ (Штукаревъ) долженъ былъ пріѣхать въ Москву къ 15-му числу, и потому я выхалъ изъ деревни 17-го, а 18-го утромъ былъ уже въ Москвѣ. Увы! Штукарева не было здѣсь: онъ остался въ Петербургѣ недѣли на три; и Ве—га, котораго я нашелъ здѣсь, того же числа (18) уѣхалъ въ Петербургъ. Я написалъ съ нимъ къ Штукареву еще коротенькое письмо, гдѣ повторилъ мои мольбы о прощеніи меня. Богъ съ нимъ! Я не даромъ сталъ христіаниномъ: онъ оскорбилъ меня — а я прошу у него прощенія.

«Жду здѣсь отвѣта, который долженъ я получить въ середу 23-го. Чѣмъ-то рѣшится моя судьба?... Но чтò бы ни случилось, я пребуду твердъ, не паду духомъ и не забуду своего высокаго долга— отца двухъ сиротъ, дѣтей моей Саши.

«Скучно мнѣ здѣсь! Не хочется даже отыскивать нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ.

24-го октября.

«Громъ гремѣлъ и мрачныя тучи висѣли надъ моею головою. Но слава Богу! Тучи разсѣялись, небо прояснилось, и я вышелъ побѣдителемъ изъ новой борьбы съ судьбою. Благодарю Провидѣніе за ниспосланіе мнѣ этой побѣды.

«Вчера получилъ я письмо изъ Петербурга отъ Штукарева. Оно меня воскресило, и я снова вѣрю, что «онъ» вполнѣ благородный и великодушный человѣкъ. Но все-таки не измѣню правилъ, почерпнутыхъ изъ послѣдняго страшнаго моего потрясенія. Сегодня уѣзжаю изъ Москвы, остановлюсь дня на два въ Тулѣ, гдѣ дождусь Ве—ги и поѣду съ нимъ до Ор..., а оттуда въ Щи.. ., которыми буду управлять лично до новаго года. Въ январѣ, если ничто не измѣнится, поѣду въ Вя.... къ Штукареву, а оттуда уже въ Бо........., гдѣ и останусь на житье, для управленія откупомъ, половину котораго Штукаревъ уступилъ мнѣ за своими залогами.

Тула, 28-го октября.

«Возвратился я сюда съ Ле—вымъ. Грусть не покидаетъ меня ни на минуту. Письмо Штукарева я прочиталъ еще нѣсколько разъ: въ немъ мало того тепла, которое въ состояніи было бы вылечить вполнѣ мою душу.... Наставленія, нравоученія!... Онъ принимаетъ меня за ребенка! А самъ-то онъ что?... Но онъ дорого заплатилъ за свою самонадѣянность. Вчера пріѣхалъ сюда изъ Петербурга В—га и привезъ мнѣ множество новостей о Штукаревѣ. Боже, Боже! Что за толпа воровъ и негодяевъ вторглась-было въ нѣкоторыя его дѣла!.. . . . .

. . . .

«Многими десятками тысячъ рублей поплатился онъ за пристрастіе, несправедливость и неумѣніе или нежеланіе оцѣнивать служащихъ у него по достоинству, а не по минутному капризу. Наконецъ онъ понялъ «ихъ», которымъ довѣрялъ такъ много, и сознался самъ, сказавъ, что «это былъ вертепъ разбойниковъ....» А мнѣ онъ не довѣрялъ!... Не вѣрилъ моему дружескому голосу! Мало того,— безжалостно обидѣлъ меня и не сознался въ этомъ. Богъ съ нимъ... Сегодня я ѣду въ Ор... съ Ве—гою.»

Щи..., 4-го ноября, вечеръ.

«Только два дня провелъ я въ Ор..., гдѣ въ управленіе дѣлами вступилъ Ма—товъ. Я спѣшилъ къ своему дѣлу и сегодня въ 8 часовъ утра пріѣхалъ сюда. Съ совершеннымъ хладнокровіемъ встрѣтился я съ здѣшнимъ управляющимъ И—новымъ, величайшимъ и злѣйшимъ воромъ, котораго пріѣхалъ я наконецъ смѣнить и который ограбилъ здѣшній откупъ. Ну что, если бы, вмѣсто меня, пріѣхалъ сюда на смѣну неистово-буйный Б—овъ! Что бы онъ сдѣлалъ съ этимъ негодяемъ И—новымъ! По всей вѣроятности, — изломалъ бы объ его спину и чубукъ свой, и палку. И по дѣломъ! Б—овъ поступилъ бы совершенно справедливо на этотъ разъ.

«Однако же назначенная мною ревизія Пле—нова принесла большую пользу дѣлу: октябрь выручилъ здѣсь болѣе 20-ти тыс. рублей. Это очень хорошо.

18-го ноября.

«Около трехъ недѣль, какъ я здѣсь, и наконецъ началъ поправлять совершенно-разстроенныя щигровскія дѣла. Но сколько негодяевъ надо было выгнать отсюда, чтобы очистить откупъ отъ страшнаго, накопившагося въ немъ сора!

«Вчера былъ со мной здѣсь казусъ, отъ котораго Штукаревъ, вѣроятно, придетъ въ восторгъ и выдастъ мнѣ «похвальный листъ, какъ свидѣтельство и награду за то, что, какъ онъ выражается, «система убиванія» у меня совершенно исчезла. Вотъ что и какъ случилось.

«Я былъ вечеромъ у окружнаго; это — единственный здѣсь чинъ, похожій на порядочнаго человѣка. Играли въ преферансъ. Вдругъ входитъ господинъ, котораго вижу я въ первый разъ, но который былъ на меня золъ за то, что я прекратилъ ежемѣсячную выдачу ему изъ конторы даровой водки. Онъ уже порядкомъ хлебнулъ гдѣ-то нашего питейнаго нектара, хотя для него теперь и не дароваго. Спустя нѣсколько минутъ по своемъ пріѣздѣ, онъ начинаетъ ко мнѣ придираться. Натурально, я достодолжно отразилъ его придирки. И чтожь! Видя, что ему не подъ силу бороться со мною на словахъ, и «вящимъ жаромъ возгоря» онъ вдругъ схватываетъ со стола шандалъ со свѣчою, съ явнымъ намѣреніемъ пустить его въ меня. Хозяинъ дома, зорко слѣдившій за всѣми движеніями своего нетрезваго гостя, алчущаго даровой водки, въ одно мгновеніе подскочилъ къ нему, схватилъ его за руку и вырвалъ изъ нея шандалъ. Потомъ, повернувъ его къ дверямъ, выпроводилъ, почти вытолкалъ его изъ своей гостиной въ переднюю.

«Ну что, еслибы такая штука случилась со мною года два или три тому назадъ, когда преобладала у меня вышеупомянутая «система убиванія?» Плохо было бы этому щигровскому господину, если бы онъ не согласился сейчасъ же стрѣляться со мною. Но теперь я хорошо понимаю, что въ откупахъ никуда не годится рыцарская расправа, и поэтому дѣйствую совсѣмъ иначе: «нормально, охлажденно». На всѣ придирки и поползновеніе къ «шандальной или шкандальной перепалкѣ», я всталъ со стула и самымъ спокойнымъ голосомъ сказалъ, обращаясь къ хозяину дома и прочимъ его гостямъ:

— Господа! прошу прислушаться и присмотрѣться!

«И, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ игру въ преферансъ и досидѣлъ до конца вечера съ неизбѣжной закуской.

«На другой день я написалъ письмо къ губернатору, и приносилъ ему частно жалобу на сказаннаго щигровскаго господина. Нѣсколько дней спустя, баринъ этотъ былъ вытребованъ въ губернскій городъ и, послѣ знаменитой распеканціи, посаженъ на цѣлую недѣлю на гауптвахту. Затѣмъ я уже болѣе нигдѣ не встрѣчалъ этого разочарованнаго любителя даровой водки, который, послѣ освѣжительнаго урока гауптвахты, сдѣлался «ниже травы, тише воды.»

23-го ноября.

«Вчера я слышалъ, что будто бы Штукаревъ снова принялъ на службу И—нова, бывшаго здѣшняго управляющаго, который уже нѣсколько разъ бывалъ пойманъ и уличенъ въ нагломъ воровствѣ, и выгоняемъ изъ дѣлъ Штукарева съ позоромъ, а иногда и съ напутствованіемъ нѣсколькихъ ударовъ кулакомъ по шеѣ и чубукомъ по спинѣ. Вотъ что значитъ мѣдный лобъ, гибкая спина, да способность глотать и переваривать, не поморщась, разныя откупныя пилюли, изобрѣтенныя незабвеннымъ Александромъ Александровичемъ Б—овымъ, этимъ бывшимъ эмпирическимъ лѣкаремъ и аптекаремъ откупнаго зла!

«Итакъ, если справедливъ слухъ о принятіи И—нова вновь на службу Штукарева, то этотъ послѣдній рѣшительно не стоитъ уваженія. Я теперь ясно и вполнѣ постигаю его: и умъ и характеръ въ немъ — самые обыкновенные. Но ему везетъ необычайное счастіе. Не онъ создалъ обстоятельства, а обстоятельства создали его, т. е. онъ подвернулся подъ эти счастливыя обстоятельства и воспользовался ими довольно хитро и ловко; а это съумѣлъ бы сдѣлать на его мѣстѣ всякій умный и ловкій человѣкъ, особливо одаренный трансцендентальнымъ талантомъ откупныхъ Пинетти, Боско и Германа съ братіей. Но посмотримъ какъ-то и чѣмъ-то онъ кончитъ свою «скороспѣлую важность». Вотъ нѣкоторые изъ моихъ послѣднихъ заключеній объ этомъ человѣкѣ:

«Штукаревъ не умѣетъ выбирать людей.

«Штукаревъ не умѣетъ создавать людей.

«Штукаревъ не умѣетъ по достоинству награждать людей, потому что не умѣетъ по справедливости наказывать ихъ. Кто не умѣетъ «карать зло», тотъ не умѣетъ и «награждать добро»,—это неоспоримая истина.

«Штукаревъ въ высшей степени пристрастенъ и несправедливъ.

«Поэтому Штукаревъ никогда не съумѣетъ пріобрѣсти и въ особенности «удержать на своей службѣ» истинно честныхъ и благородныхъ людей, если только совершенно не измѣнитъ своей методы вести дѣла и обращаться съ служащими; или если ему не измѣнитъ

постоянно слѣпое счастіе, которое до сихъ поръ его не покидало. Поживемъ — увидимъ.»

Здѣсь прекращаю я выписки изъ моего дневника 1846 года, и принимаюсь за мое повѣствованіе и за документы.

Сейчасъ по прибытіи моемъ въ Щи..., того же дня я отправилъ къ Василью Андроновичу письмо, въ которомъ описывалъ ему все, что и какъ я сдѣлалъ въ откупѣ. Онъ не замедлилъ отвѣчать мнѣ и осыпалъ меня похвалами.

Документъ девятый.

21-го ноября, Вя....

«Письмо твое, дорогой другъ Николай, отъ 1-го ноября изъ Щи..., полученное мною при выѣздѣ изъ Петербурга, доставило мнѣ большое удовольствіе. Въ немъ все такъ *ровно* и *тихо*, безъ всякихъ скачковъ, какъ будто бы ты перелился въ мою форму, то есть въ форму необходимую для успѣха въ дѣлахъ, въ чемъ и самъ ты теперь, по многимъ опытамъ, долженъ быть убѣжденъ. Жду тебя сюда, въ Вязьму, на 15 января съ извѣстіемъ о тихомъ и спокойномъ окончаніи щигровскихъ дѣлъ. Дѣла мнѣ здѣсь, при образованіи откуповъ, бездна. Во.... переданъ за 12 тысячъ. Это очень хорошо, потому что есть намъ по шести тысячъ вѣрной пользы, безъ хлопотъ; а для полученія дальнѣйшаго дохода можно приложить хлопоты и труды къ другимъ дѣламъ. Объ этомъ поговоримъ пространно въ Вя..... Появившаяся въ тебѣ ровность въ дѣйствіяхъ подаетъ мнѣ большія надежды и даетъ возможность разсчитывать на тебя гораздо болѣе и совсѣмъ подругому.

«Прощай и всего на мѣсяцъ, —

весь твой *В. Штукаревъ.*»

Послѣ слуховъ о принятіи вновь на службу И—нова и нѣкоторыхъ другихъ выгнанныхъ негодяевъ, я не удержался, чтобы не написать объ этомъ къ Штукареву и не сдѣлать нѣсколько горькихъ размышленій. Отвѣтъ его вскорѣ послѣдовалъ.

Документъ десятый.

Вя.... 30-го ноября.

«Письма твои отъ 12-го и 23 ноября я получилъ сего дня . . . .

. . . .

«По всему этому ты можешь вообразить, что за процессъ совершается въ головѣ моей, а потому и самъ убѣдишься въ томъ, что от-

вѣчать на письмо твое отъ 23 ноября подробно я не могу, а отвѣчу тебѣ на все лично. Скажу только, что несмотря на всѣ твои ироніи (*многоуважаемость* и прочее) и *придирчивость* (напримѣръ къ слову *тихо*, которое можно приложить съ пользою не только къ дѣламъ, но даже и къ чувствамъ), *я былъ, есмь и буду постоянный почитатель твоей высокой честности и горячей преданности сердца*,—и довѣряя тебѣ все, что угодно, извини, дорогой другъ Николай, если до времени не совсѣмъ довѣрю то, въ чемъ нужна полная стройность; потому что боюсь твоего излишняго и порывистаго усердія. Это мое мнѣніе я не считаю нужнымъ скрывать, какъ равно не скрою и того, когда оно исчезнетъ. Выводимыя тобою ошибки мои въ выборѣ людей могутъ показаться для наглядпаго наблюдателя дѣйствительными. Но если знать всѣ событія минувшаго, то онѣ покажутся не только сносны, но даже и необходимы или неизбѣжны. Объ этомъ тоже лично . . . .

. . . .

весь твой

В. Штукаревъ.»

Изъ этого письма, хотя въ немъ и находились разныя нѣжности ко мнѣ, а въ томъ числѣ и знаменитая—«я былъ, есмь и буду постоянный почитатель твоей высокой честности и горячей преданности сердца»,—итакъ, изъ этого письма и особливо изъ нѣкоторыхъ другихъ, которыя найдутъ здѣсь послѣ свое мѣсто, видно, что Штукаревъ превосходно, мастерски умѣлъ играть логикою и здравымъ смысломъ, такъ что, съ помощію тонкихъ софизмовъ и разныхъ «точекъ зрѣнія», которые были у него чѣмъ-то въ родѣ нравственной шпанской мушки, ему всегда удавалось натягивать и притягивать кажущуюся справедливость къ той сторонѣ своихъ дѣйствій, которая нуждалась въ перекраскѣ изъ чернаго цвѣта въ бѣлый, и на оборотъ,—къ той сторонѣ чужихъ дѣйствій, которую хотѣлось ему сдѣлать изъ бѣлой черною.

Наконецъ наступило 31 декабря: я сдалъ щп....скій откупъ содержателю и 1-го января 1847 года выѣхалъ изъ Щи....., скучнѣйшаго городишка. Черезъ два дня я былъ уже въ Вя...., гдѣ нашелъ одного только Ве—гу, назначеннаго главноуправляющимъ всѣми см......кими откупами Штукарева. Вскорѣ прибылъ въ Вя.. и Василій Андроновичъ. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ и съ нѣкоторымъ страхомъ ожидалъ я нашей встрѣчи послѣ шестимѣсячной разлуки. Много уплыло воды, многое измѣнилось въ это полугодіе, — и отъ встрѣчи нашей зависѣло свойство нашихъ будущихъ взаимныхъ отношеній.

Слава Богу! Встрѣча эта была такая, какой мнѣ нельзя было лучше желать. Мы упали въ объятія другъ къ другу, —и братскій, крѣпкій поцалуй запечатлѣлъ воскресеніе нашей дружбы. Все было предано забвенію.

ГЛАВА VI.

РАЗРУШЕНІЕ ЯЗЫЧЕСКАГО КАПИЩА, ПОСТРОЕННАГО НА НЕГОДНОМЪ ЦЕМЕНТѢ.

«Пришолъ городовой, подчаска подозвалъ,
По пунктамъ отобралъ допросъ отмѣнно строгій.»

НЕКРАСОВЪ.

«Прочь, прочь слеза позорная!
Кипи, душа моя!
Твоя измѣна черная
Понятна мнѣ, змѣя»!

ЛЕРМОНТОВЪ.

На другой день утромъ послѣ свиданія нашего, — мы спали въ одной комнатѣ, — я проснулся рано, хотя и поздно легъ наканунѣ. Самыя разнородныя душевныя ощущенія и рой мыслей въ головѣ прервали мой и безъ того недлинный и некрѣпкій сонъ. Но мнѣ было не до сна: съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ я пробужденія Штукарева. Проснулся наконецъ и онъ, и у насъ сейчасъ же завязался самый дружескій, задушевный разговоръ и длился долго: надо же было «разрядить» наши сердца, заряженныя разными недоразумѣніями, сомнѣніями, недомолвками, или, вѣрнѣе сказать, недописками и множествомъ неразрѣшенныхъ вопросовъ. И все это, благодаря обоюдной и полной откровенности, было разрѣшено, порѣшено и сдано въ архивъ воспоминаній. Согласіе между нами было возстановлено по всѣмъ пунктамъ; мирный трактатъ заключенъ и подписанъ.

Одна изъ статей этого трактата гласила, что, вмѣсто бо...... цкаго дѣла, гдѣ я имѣлъ 50 гласныхъ паевъ, я получалъ въ Гжа.... 25 негласныхъ паевъ. Но въ то время мнѣ и въ голову не приходило—не только замѣтить и сказать, но и подумать, что это было не совсѣмъ справедливо со стороны Штукарева въ отношеніи ко мнѣ. Я былъ такъ счастливъ возстановленіемъ того, что̀ грозило паденіемъ, такъ счастливъ,—что былъ совершенно равнодушенъ ко всѣмъ откупамъ и паямъ, и не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на ту новую «точку зрѣнія» на откупа, по

которой непреложно-правдивая математика (вѣроятно откупная только) начинала нести околесную, утверждая, что 25—тоже самое, что 50, а 50—тоже самое, что 25; однимъ словомъ—что дважды два уже дѣлались—два, а не четыре.

Пробывши въ Вя.... нѣкоторое время, мы съ Штукаревымъ отправились въ Гжа..., гдѣ возвелъ онъ меня на сѣдалище управляющаго и затѣмъ уѣхалъ въ Москву. Вскорѣ порадовалъ онъ меня письмомъ (безъ означенія числа), въ которомъ подразумѣвался тотъ похвальный листъ, — за сцену мою съ щигровскимъ господиномъ,—о которомъ говорилъ я выше въ моемъ дневникѣ. Въ письмѣ этомъ Штукаревъ просто объяснялся мнѣ въ любви, говоря между множествомъ разныхъ похвалъ и нѣжностей, что онъ, Штукаревъ, «бываетъ полонъ чистѣйшаго удовольствія, когда подумаетъ, что я, настоящій родникъ чести и любви къ дѣлу....» и пр.; или еще: «что онъ радъ тому, что могъ осуществить давно лелѣянную имъ идею имѣть друга по душѣ....» Натурально, я отъ души вѣрилъ тогда всему этому.

Документъ одиннадцатый.

«Стройное окончаніе дѣлъ по Щи..... и та перемѣна въ самомъ тебѣ, которыя рѣзко и замѣтно обличаютъ въ тебѣ человѣка съ твердой волей, потому что ты заставилъ себя уничтожить всѣ тѣ привычки, которыя усвоились тебѣ отъ Варшавы, В. М. Ми—рина (*), пакости людей и разныхъ неудачъ, и которыя никакъ не могутъ быть у мѣста, въ теперешнемъ твоемъ коммерческомъ быту, гдѣ нуженъ охлажденный разсудокъ. Признаюсь, дорогой другъ, что я бываю полонъ чистѣйшаго удовольствія, когда подумаю, что ты, настоящій родникъ чести и любви къ дѣлу, — сдѣлался наконецъ, по собственному сознанію, тихимъ, уклончивымъ и предусмотрительнымъ, отбросивъ прежнюю торопливость, разсѣянность и *взбудоражиmельность*. Я радъ всему этому, не какъ сребролюбецъ, который видитъ въ томъ свою выгоду, но радъ совершенно по другимъ двумъ причинамъ: во-первыхъ, — что ты самъ будешь покойнѣе и довольнѣе собою; а во-вторыхъ, — что я могу осуществить давно лелѣянную мною идею — имѣть друга по душѣ, и въ немъ же сотрудника въ дѣлахъ, говоря съ нимъ о нихъ безъ огляди и раздумья.

«Прощай, весь твой

В. Штукаревъ.»

(*) Моего покойнаго дяди-чудака.

Итакъ, Вѣра, Надежда и Любовь снова возвратились въ мое сердце, изгнали изъ него недовѣрчивость, сомнѣніе и малѣйшій страхъ за мое будущее, и водворили въ немъ чудную тишину и ясность. Съ неутомимою энергіею занялся я дѣломъ и имѣлъ очень частую и постоянно задушевную переписку съ Штукаревымъ, который въ концѣ зимы порадовалъ меня своимъ посѣщеніемъ, хотя и на короткое время. Дѣло гжатское шло хорошо и «всѣ» были имъ довольны, всѣ, кромѣ главной вя...ской конторы. Но считаю лишнимъ говорить здѣсь о тѣхъ безчисленныхъ непріятностяхъ, которыя дѣлала мнѣ эта главная вя...ская контора, т. е. главноуправляющій см......кими откупами Штукарева. Богъ съ нимъ! Лучшей благодарности ожидалъ я за мое смѣлое заступничество за него въ Ор.. въ предъидущемъ году. — Видно откупная благодарность тоже имѣетъ «свои точки зрѣнія.» Итакъ, оставлю въ покоѣ это непріятное воспоминаніе, которое оправдываетъ пословицу: «не вспоивъ, не вскормивъ, — ворога не видать.»

Настала весна. Между тѣмъ явился случай, по которому мнѣ необходимо было отлучиться на время изъ откупа для того, чтобы исполнить священную обязанность отца. Дочери моей исполнилось уже девять лѣтъ, стало быть надо было серьёзно позаботиться о ея воспитаніи. Хорошія гувернантки ни за что не рѣшались ѣхать въ такую глушь, какъ Сергачскій уѣздъ, гдѣ жила моя дочь у своей бабушки. Одно средство было—привезти ее въ Москву и отдать или въ институтъ, или въ хорошій пансіонъ. Хотя я былъ не простой управляющій, а участникъ, товарищъ Штукарева по гжа.....му откупу, однако не прежде, какъ получа его разрѣшеніе и сдавши откупъ новому управляющему, оставилъ я Гжатскъ и поѣхалъ за дочерью.

Взявши мою дочь отъ бабушки, я проѣхалъ изъ Нижегородской губерніи въ Костромскую, для свиданія съ сестрою и дядею, и послѣ самаго короткаго у нихъ пребыванія пріѣхалъ въ Москву, гдѣ и остановился у Штукарева. Черезъ нѣсколько дней помѣстилъ я дочь мою въ одномъ изъ лучшихъ московскихъ пансіоновъ и хотѣлъ было возвратиться въ Гжа...., чтобы снова приняться за дѣло, но Василій Андроновичъ удержалъ меня при себѣ, говоря, что въ Гжа.... теперь отличный управляющій, дѣло идетъ превосходно, и стало быть нѣтъ никакой надобности ѣхать мнѣ туда, а лучше остаться при немъ въ Москвѣ. Такимъ образомъ зажилъ и прожилъ я съ нимъ до конца

іюля, разъѣзжая по окрестностямъ Москвы и посѣщая народныя гулянья, которыя очень нравились тогда Василью Андроновичу. Въ концѣ же іюля мы пустились съ нимъ въ дальній путь, на юго-западъ Россіи. Посѣтили мы сперва Харьковъ, гдѣ прогостили пять дней у покойнаго и добрѣйшаго В. К. Ку—на, который оказалъ намъ самое радушное и самое широкое гостепріимство. Ужь чѣмъ онъ насъ не угощалъ, чѣмъ не подчивалъ! Развѣ не было только птичьяго молока!... Великолѣпнѣйшіе обѣды, отличнѣйшія старыя вина, заготовленныя еще его покойнымъ отцомъ, который былъ въ свое время настоящимъ патрономъ Харькова, превосходнѣйшіе фрукты, гулянья по городу и за городъ въ прелестныхъ экипажахъ парижской работы, запряженныхъ чудными бѣгунами орловской породы.

Пять дней прожили мы въ этомъ эльдорадо, гдѣ буквально катались,—какъ сыръ въ маслѣ. Распростившись наконецъ съ нашимъ Амфитріономъ, мы въ началѣ августа поѣхали въ Кіевъ, величественная красота котораго поразила насъ и привела въ неописанный восторгъ, не охлаждавшійся во всѣ три дня пребыванія нашего въ этомъ городѣ. Наконецъ въ половинѣ августа мы возвратились въ Москву, совершивъ длинное и чрезвычайно пріятное путешествіе.

Василій Андроновичъ продолжалъ не говорить мнѣ ни слова о необходимости поѣздки моей въ Гжа.... Напротивъ, онъ собирался въ Петербургъ въ сентябрѣ и заявилъ мнѣ желаніе взять меня туда съ собою. Такъ какъ до того времени оставалось еще недѣли двѣ, то я и воспользовался этимъ промежуткомъ, чтобы посѣтить Крапивну, гдѣ у меня было 25 паевъ, вмѣстѣ съ моимъ родственникомъ А. И. Ле....вымъ, который самъ управлялъ откупомъ. Дѣло это шло очень хорошо, несмотря на неопытность моего родственника, который нигдѣ и никогда до того времени не занимался откупными дѣлами, и только по моей рекомендаціи и просьбѣ былъ введенъ Штукаревымъ въ откупныя дѣла.

Возвратясь изъ Крапивны въ Москву, я въ началѣ сентября поѣхалъ съ Штукаревымъ въ Петербургъ. Болѣе полутора мѣсяца прожилъ я тамъ съ нимъ. Ничто не возмущало полнаго между нами согласія, ничто не омрачало ясности нашихъ дружескихъ отношеній, которыя, казалось, не боялись болѣе никакихъ невзгодъ, никакихъ потрясеній, никакихъ измѣненій. Наконецъ пора было приниматься мнѣ и за дѣло и оставить Петербургъ съ его соблазнами, какъ-то: итальянской оперой, завтра-

ками у Елисѣева и Смурова, обѣдами и ужинами у Дюссо и разными прочими «сладостями жизни», которыя, надо сказать правду, Василій Андроновичъ любилъ пріобрѣтать безъ всякихъ торговъ и переторжекъ, — не такъ, какъ разные прочіе экономные сибариты.

Насталъ день моего выѣзда. Это было въ концѣ октября. Василій Андроновичъ проводилъ меня до отдѣленія почтовыхъ каретъ и, когда я садился въ почтовый экипажъ, обнялъ и поцаловалъ меня крѣпко, крѣпко.... Въ Москвѣ я остановился въ домѣ Василья Андроновича и думалъ пробыть не болѣе трехъ или четырехъ дней. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Въ этотъ пріѣздъ мой въ Москву суждено было совершиться огромнымъ переворотамъ и потрясеніямъ въ моей жизни, и безъ того уже довольно потрясенной.

Въ четвертой главѣ этого разсказа я упомянулъ объ одномъ малороссійскомъ семействѣ, съ которымъ познакомился въ іюлѣ 1845 года и которое съ тѣхъ поръ посѣщалъ я всякій разъ, когда проѣзжалъ черезъ Москву; а это случалось довольно часто, въ продолженіе всего времени моихъ откупныхъ треволненій. Въ той же главѣ говорится и о двухъ слезахъ, выкатившихся изъ большихъ черныхъ глазъ, при сообщеніи мнѣ радостной вѣсти о спасеніи моей дочери. Эти прекрасныя двѣ слезы не пропали даромъ. Съ той поры, при каждомъ посѣщеніи моемъ милаго семейства Бо—евскихъ, я встрѣчался съ обладательницею черныхъ глазъ, и все лучше и короче знакомился съ нею и узнавалъ и оцѣнивалъ ее...

Съ другой стороны одинокая и скитальческая моя жизнь все болѣе и болѣе тяготила меня. Пусто, жалко и безотрадно было существованіе, которое влачилъ я въ питейныхъ конторахъ да въ тарантасахъ и дилижансахъ во время безпрерывныхъ моихъ переѣздовъ и объѣздовъ. Кто разъ испыталъ полное счастіе въ семейной жизни, тому всякая другая будетъ казаться мерзостію и запустѣніемъ.

Въ первый же день моего пріѣзда въ Москву я отправился въ домъ Бо—евскихъ и провелъ тамъ восхитительный вечеръ. Какъ блистали знакомые черные глаза, какъ звучалъ знакомый серебристый голосъ! А на другой день былъ я на имянинномъ вечерѣ, у зятя Бо—евскаго, Х—рова. Софи и тамъ не имѣла соперницъ. Вечеръ этотъ рѣшилъ мою участь.

На другой день, 4 ноября вечеромъ, послѣ долгой нерѣшительности, высказалъ я мою тайну брату Софи. Не знаю, предугадывалъ ли онъ что нибудь, или нѣтъ; но онъ принялъ мое предложеніе съ изъявленіемъ своего полнаго сочувствія и обѣщаніемъ завтра же передать его своей сестрѣ и быть моимъ у нея ходатаемъ. Мы разстались, и я получилъ разрѣшеніе пріѣхать къ нему на слѣдующій день вечеромъ, чтобы узнать мою участь. Въ эту ночь я не много спалъ.

Насталъ день 5 ноября. Нескончаемо тянулись для меня срочные часы. Въ полдень братъ Софи пріѣхалъ ко мнѣ и сообщилъ, послѣ перваго объясненія съ сестрою, слѣдующій отвѣтъ: «если бы я слушала только голосъ моего сердца, я сейчасъ же, съ благодарностію, приняла бы предложеніе Николая Петровича. Но сверхъ обязанностей жены, любящей своего мужа, я должна еще принять на себя священныя обязанности матери, долженствующей заботиться о счастіи его дѣтей. И потому мнѣ необходимо подумать, съумѣю ли я быть и хорошею женою, и хорошею матерью». Вечеромъ явился я въ домъ Бо—евскихъ съ сильнымъ трепетомъ сердца. Братъ Софи встрѣтилъ меня ласково, взялъ за руку, посадилъ на диванъ и, сказавъ «побудьте здѣсь», вышелъ изъ гостиной. Вскорѣ отворилась дверь и вошла Софи, сильно взволнованная. Щоки ея горѣли ярче обыкновеннаго, грудь вздымалась. Я всталъ при первомъ движеніи отворявшейся двери. Тихо, робко подошла ко мнѣ Софи и, не будучи въ состояніи проговорить ни слова, протянула мнѣ руку, которую я покрылъ поцалуями...

Но здѣсь я кладу перо. Въ жизни такихъ впечатлительныхъ людей, какъ я, бываютъ иногда минуты такого неизреченнаго блаженства или такихъ ужасающихъ страданій, изображеніе которыхъ невозможно.

Итакъ, я былъ счастливъ... Но нѣтъ ничего прочнаго на землѣ вообще, а въ откупномъ мірѣ въ особенности.

Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ изъ Петербурга, до меня начали доходить разные слухи о Васильѣ Андроновичѣ: говорили, будто онъ сосватанъ, скоро женится и съ этой цѣлью отдѣлываетъ себѣ въ Петербургѣ квартиру. Я принималъ эти слухи за выдумку, полагая, что Василій Андроновичъ не сталъ бы таить отъ меня, своего друга, такого важнаго намѣренія, какъ женитьба. Да и къ чему скрывать то, что должно же сдѣлаться извѣстнымъ всѣмъ и каждому? Но я не зналъ тогда, что откупщики, особен-

но великолѣпные, любятъ корчить изъ себя дипломатовъ, столько же тонкихъ, какъ Меттернихи и Талейраны.... Но покамѣстъ отдохнемъ и соберемся съ силами, чтобы разсказать достойнымъ образомъ грозно-пасквильную развязку гнилой откупной дружбы, развязку, которая отравила и настоящее мое счастье—счастье влюбленнаго жениха, и затѣмъ счастье семейное.

Возвратясь домой далеко за полночь, послѣ согласія Софіи, я сейчасъ же принялся за перо, чтобъ, не откладывая ни минуты, и еще подъ свѣжимъ вліяніемъ восторга, подѣлиться моимъ счастьемъ съ «дорогимъ другомъ». Двадцатилѣтній и самый мечтательный юноша, описывая свою первую любовь, ничего не могъ бы придумать страстнѣе того, что̀ писалъ я къ Василью Андроновичу!

Написалъ, запечаталъ и отправилъ я на почту эпопею моихъ страстныхъ чувствъ къ моему Оресту или Пиладу XIX столѣтія. Но проходитъ время, достаточное для полученія отвѣта, а отвѣта нѣтъ. Проходитъ и еще день, другой, третій, отвѣта все нѣтъ. А между тѣмъ слухи о его женитьбѣ становились все громче; я терялся въ догадкахъ. Наконецъ, недѣли черезъ двѣ послѣ моей помолвки, получаю отвѣтъ. Штукаревъ поздравлялъ меня съ важнымъ событіемъ моей жизни, желалъ мнѣ «отъ всей души» полнаго счастія, разрѣшалъ оставаться въ Москвѣ до самой моей свадьбы, сообщалъ мнѣ между прочимъ, что онъ женился на ***. Потомъ посылалъ въ подарокъ моей невѣстѣ брошку и заключилъ письмо слѣдующею фразою:

«Весною *всѣ мы* ѣдемъ за границу.»

Письмо это, которое я тоже затерялъ, вполнѣ меня успокоило. Я принялъ за чистую монету и поздравленія и желанія. По непостижимому ослѣпленію, я не обратилъ вниманія на то, что другъ мой такъ долго и неестественно умалчивалъ о своей женитьбѣ. На этотъ разъ я измѣнилъ своему постоянному обычаю —строго анализировать и свои собственные, и чужіе поступки, имѣвшіе какую нибудь относительную важность. Слѣдствіемъ такого ослѣпленія было то, что въ отвѣтъ на поздравительное письмо образцоваго друга я послалъ къ нему, при письмѣ отъ 17 ноября, разныя мои впечатлѣнія и мысли, изложенныя въ формѣ дневника. Въ этомъ же послѣднемъ письмѣ моемъ отъ 17-го я сказалъ, между прочимъ: «надѣюсь, другъ, что ты возьмешь и меня, когда поѣдешь за границу». Къ впечатлѣніямъ присоединилъ я еще три строфы поэтической прозы, въ кото-

рыхъ восхвалялъ мою Софію. Восторженны были эти строфы, сознаюсь въ томъ; но что жь за бѣда! Не всѣ одинаково созданы и не всѣ въ равной степени могутъ владѣть чувствами и движеніями сердца и отмѣривать ихъ на аршины, четверти и вершки, или отвѣшивать по фунтикамъ, золотникамъ и гранамъ. Не каждому дана блистательная способность великолѣпныхъ откупщиковъ—*никакого мелкаго дѣла не откладывать ни для какого крупнаго чувства*, и еще — оцѣнивать *дружбу по результатамъ въ чистыхъ рубляхъ* и копѣйкахъ. Наконецъ, я надѣюсь, читатель согласится со мной, что ничего нѣтъ безчестнаго, ни даже предосудительнаго въ чувствахъ восторга къ невѣстѣ и въ изложеніи этихъ чувствъ своему другу, «*всегдашнему почитателю нашей высокой честности и горячей преданности сердца*».

Казалось бы такъ? Но на повѣрку вышло далеко не такъ.

Наступила наконецъ развязка гнилой дружбы: въ концѣ ноября я получилъ отъ Штукарева письмо, написанное не на почтовой, а на сѣрой писчей, почти оберточной бумагѣ. Вотъ это образцовое произведеніе ума, чувствъ, правилъ и особенно «точекъ зрѣнія» великолѣпнаго откупщика. Предоставляю этотъ документъ на судъ всѣхъ честныхъ и въ особенности благовоспитанныхъ людей.

Документъ двѣнадцатый.

С. Петербургъ. 26 ноября, 1847 года.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

«Письма твои отъ 15 и 17 ноября и впечатлѣнія, изложенныя въ особой запискѣ, я получилъ по возвращеніи изъ Пскова, куда ѣздилъ на недѣлю. Прочитавъ всѣ твои *писанія*, я сдѣлался полонъ самой тяжелой грусти, потому что изъ нихъ вынесъ свѣжее, сильное и вѣрное убѣжденіе въ томъ, что ты никогда не будешь ровенъ и предумотрителенъ. Въ доказательство этого *я вызываю факты изъ самыхъ писемъ и дѣйствій твоихъ* (*). 1) Не буду говорить о твоей непомѣрной восторженности, которая ни къ чему не ведетъ; ибо въ вѣкъ разума, истинное счастіе созидается на тихости и на господствѣ разума надъ всѣми чувствами, что справедливо замѣтила тебѣ въ этомъ родѣ твоя Софи. Не возражай того, что изліянія твои отно-

(*) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

сятся къ одному мнѣ; ибо я знаю, что и другіе получаютъ ихъ въ достаточномъ количествѣ. Впрочемъ все это не мое дѣло, и если я началъ съ этого, то потому, что отсюда слѣдуетъ тотъ важный выводъ, который будетъ выраженъ въ окончаніи первой части моего письма. 2) Ты знаешь, что я постоянно занятъ текущими дѣлами и разными экстрами; знаешь равно и то, что *никакого мелкаго дѣла я не оставляю ни для какого крупнаго чувства*, чему примѣромъ служитъ то, что въ день свадьбы я былъ у Ф. П., на другой день въ 10-мъ часу утра — въ Д...., а черезъ семь дней — въ Псковѣ. Я дѣйствую такъ потому, что понимаю зависимость спокойствія въ жизни отъ степени моей подвижности и дѣятельности. Вслѣдствіе этого въ январѣ и февралѣ я буду въ Казани и Саратовѣ, а потому и не могу приглашать тебя въ Петербургъ. 3) Выѣхавъ отсюда мѣсяцъ тому назадъ, ты не только не думаешь быть въ Гжа.... ни къ Рожеству, ни къ новому году, хотя на недѣлю; но даже заявляешь намѣреніе ѣхать въ Петербургъ и мечтаешь не о дѣлѣ, а о поѣздкѣ за границу (*). Изъ всего этого слѣдуетъ вотъ что: а) для гжатскаго дѣла потеряны всѣ лучшіе мѣсяцы, въ которыхъ нуженъ надзоръ хотя временный (**); б) изъ многихъ опытовъ ты знаешь, что я имѣю порокъ, заключающійся въ излишней деликатности, и оттого хочу, чтобы каждый зналъ свою обязанность безъ напоминаній. Если ты это подмѣтилъ, то вѣрно подсмотрѣлъ и то, какъ стараюсь глубоко я проникать въ смыслъ дѣйствій и писемъ тѣхъ лицъ, которые занимаются дѣлами, углубляясь въ это изъ желанія измѣрять степень ихъ ума и такта, дабы по симъ даннымъ опредѣлить потомъ, на кого изъ нихъ какую массу дѣлъ можно возложить. Напоминаніе объ обязанностяхъ есть, помоему, вступленіе въ совершенный разрывъ со мною. Это вступленіе съ твоей стороны уже зашло далеко (***). Въ оправданіе свое ты, можетъ быть, приведешь двѣ причины, т. е. дружбу и женитьбу. На первое скажу то, что *дружба дружбой, а служба службой. Тѣмъ крѣпче дружба, тѣмъ тщательнѣе должна быть выказана любовь къ дѣлу, съ засвидѣтельствованіемъ ея результатами въ чистыхъ рубляхъ*. На второе — скажу то, что очень легко 20 тысячъ женитьбѣ уладить съ возможностію дѣлать дѣло и ѣздить въ Гжа...., хоть къ однимъ учетамъ, тѣмъ болѣе когда бы было подумано хоть мимоходомъ о томъ, что изъ этого проистекаетъ возможность для самой

(*) Меня удерживало тогда въ Москвѣ еще и лѣченіе опаснаго недуга, какъ это видно будетъ впослѣдствіи изъ моего письма.

(**) Ничего не было тогда потеряно въ Гжа...., который и управлялся, и шелъ превосходно.

(***) Никогда и ни разу не приходилось г. Штукареву напоминать мнѣ о моихъ обязанностяхъ!...

жизни. Всякій другой (пари держу за Сем... Вас....,.. (¹) нарочнѣ бы стремился показать для примѣра другимъ, что его стремленія не охлаждаетъ и самая женитьба; и в) хотя многіе давно убѣдились въ томъ, что я требую сильной любви къ дѣлу и безъ этого ни съ кѣмъ не уживусь, но это мнѣ стоило не малаго труда, теперь разрушаемаго въ глазахъ всѣхъ явнымъ твоимъ пренебреженіемъ къ дѣлу. 3) Я не столько богатъ, чтобы могъ предоставлять участіе въ дѣлахъ, не требуя за то платы отъ участниковъ разумною ихъ дѣятельностію (²) Я не столько неразуменъ, чтобы не понять, какъ много отъ этого примѣра, поданнаго (кѣмъ же?) тобою, должна страдать моя администрація (³). Если ты такъ дѣйствуешь, то почему же не вправѣ Ив. Ѳед., Сем. Вас., Вас. Ник. и Ник. Гавр. бросить дѣла на руки Ястребцовыхъ? Они болѣе на это имѣютъ права, ибо нѣсколько лѣтъ трудятся, не отрываясь отъ дѣла (⁴). Если же они устоятъ и останутся вѣрны своему долгу, то тогда какую же форму въ глазахъ ихъ будетъ имѣть моя голова? 4) Если бъ ты мнѣ написалъ, что женясь тотчасъ ѣдешь въ Гжатскъ работать (безъ Ястребцова, объ чемъ я просилъ вѣжливо, а теперь скажу, что я упрямъ въ этомъ

(¹) Хотѣлось бы мнѣ знать, каковъ-то теперь взглядъ г. Штукарева на этого достославнаго мужа Сем... Вас.......

(²) Не мѣшало бы г. Штукареву помнить, что участіе въ Гжа.... дано мнѣ было, какъ вознагражденіе, не за личное мое управленіе дѣломъ, а въ замѣнъ 50 гласныхъ паевъ, которые долженъ былъ я имѣть въ Бо......... Я умолялъ г. Штукарева не продавать этого дѣла, но онъ меня не послушалъ, и потомъ, вмѣсто 50 гласныхъ, далъ мнѣ 25 негласныхъ паевъ въ Гжа..... Быть можетъ съ его точки зрѣнія этотъ поступокъ — «такъ себѣ ничего». Но «съ общечеловѣческой точки зрѣнія» этотъ поступокъ — далеко не такъ себѣ, а *очень и очень того!!....*

(³) *Моя администрація!!!* Какъ это громко сказано, г. Штукаревъ! Вы любите трескучія фразы, особливо когда пуститесь въ умозрѣнія на своихъ пресловутыхъ *бы, да кабы*. Полноте морочить православный народъ, а вмѣстѣ съ нимъ и меня грѣшнаго. Ни на волосъ не пострадала ваша «администрація» 1847 года отъ того, что, съ вашего же разрѣшенія, пробылъ я въ Москвѣ мѣсяцъ.

(⁴) Да когда же я отрывался самъ, произвольно отъ дѣла? Укажите, хоть одинъ случай, г. Штукаревъ! Въ первый разъ, оставилъ я Щи... по вашему же приглашенію и вслѣдствіе отчаянной болѣзни моей дочери. Во второй разъ, я оставилъ Гжа.... съ вашего разрѣшенія и для исполненія высокой и священной обязанности отца. Вѣдь надо же было позаботиться о воспитаніи дѣтей. Это дѣло не менѣе важно, какъ и выручки съ перевыручками. По крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія моей, да и всѣхъ умныхъ, добрыхъ и нравственныхъ людей. Не знаю, какъ съ вашей?... Въ третій разъ, я оставилъ Ор... въ 1846 году; но вѣдь я тамъ не имѣлъ никакой должности; а когда въ Щи... хотѣлъ ѣхать управлять ими лично, такъ вы мнѣ этого не разрѣшили, вѣроятно для того, чтобы доставить удовольствіе И—нову обокрасть тотъ несчастный откупъ съ моими еще болѣе несчастными 25-ю паями. Вотъ и всѣ случаи, когда я, какъ вы изволите выражаться, «отрывался отъ дѣла!» На чемъ же основано это обвиненіе ваше, г. Штукаревъ? На вашихъ же «собственныхъ точкахъ зрѣнія?»..

случаѣ), безъ всякихъ идей о развлеченіяхъ внѣ Гжатска, то я не имѣлъ (бы) причины писать эти скучные листы; но какъ ты наполняешь свою голову не дѣломъ, а фантазіями, то я обязываюсь сказать, что для фантазій нужны деньги, а для денегъ нуженъ трудъ. Разсмотри свое положеніе: въ Кранивнѣ у тебя $^1/_4$ часть и такая же въ Гжа.... Если будетъ барышъ отъ первой, то это плодъ добросовѣстнаго труда разумнѣйшаго А. И. который трудится безъ всякихъ фантастическихъ бредовъ, какъ муравей. Если отъ послѣдней хочешь имѣть деньги, то ихъ слѣдовало вырабатывать трудомъ, ибо еще разъ повторю, что участіе въ дѣлахъ предоставляется въ обмѣнъ за личное управленіе (*). Эта мѣра вознагражденія сопровождается успѣхами отъ Сем. Вас. и Вас. Ник. и совершеннымъ неуспѣхомъ съ твоей стороны. 5) Наконецъ я прихожу къ двумъ заключеніямъ. *Первое:* если угодно дѣло дѣлать, то прошу дѣлать его такъ, какъ я здѣсь дѣлаю, т. е. съ утра до вечера. *Второе:* и потому мнѣ надо знать, угодно ли тебѣ послѣ свадьбы тотчасъ ѣхать въ откупъ и не оставлять его безъ моего на то согласія. Управлять же откупомъ самому. 6) Высказавъ все то, что долженъ высказать человѣкъ дѣловой, дѣйствующій въ дѣлахъ безъ всякихъ увлеченій и опредѣляющій людей по ихъ дѣйствіямъ и сообразно онымъ оцѣнивающій ихъ честно,—я наконецъ скажу нѣсколько словъ отъ лица человѣка мыслящаго. Вотъ эти слова: мнѣ чрезвычайно не понравилась твоя духовная, какъ вещь великолѣпно нестройная, но я не говорилъ тебѣ, ибо хотѣлъ хорошенько повѣрить свои мысли на счетъ ея. Вызываю вопросы изъ смысла самой духовной. *Первый:* откупъ Бар—кову переданъ за 12 тысячъ, если онъ не перемѣнитъ залоговъ Га—ра; а когда перемѣнитъ, то платитъ 8 тыс. (Ба—ковъ увѣдомилъ уже, что онъ перемѣняетъ залоги). *Второй:* по смерти одного изъ участниковъ по закону учреждается надъ откупомъ опека. Не нужно ли было, въ огражденіе А. И.

(*) Вы повторяете, г. Штукаревъ! Повторю и я: *не за личное управленіе, а за Богородицкъ дано было мнѣ участіе въ Гжа.....* Хотѣлъ ли бы я, или нѣтъ управлять откупомъ лично, во всякомъ случаѣ я имѣлъ въ немъ пай, которыхъ вы не имѣли ни малѣйшаго права лишать меня, потому что это было бы уже очень скверно даже и съ «вашей точки зрѣнія». Относительно управленія, разница была только въ томъ, что управляя дѣломъ самъ, я получалъ, по вашему назначенію, 150 руб. въ мѣсяцъ за мое управленіе; а если бы не захотѣлъ управлять, тогда эти 150 руб. получалъ бы управляющій. Но я никогда до сей поры не заикнулся сказать вамъ хоть одно слово о моихъ правахъ; никогда ни о чемъ не просилъ я васъ, а за все только благодарилъ. Стало быть вамъ не подобаетъ слишкомъ хвастать тѣмъ, *что вы имѣете порокъ, заключающійся въ излишней деликатности.* Ужь не знаю, на чьей сторонѣ окажется эта деликатность, послѣ строгаго разбора бывшихъ между нами отношеній?...

Де—ва сказать, что онъ опекунъ по откупу? Всякая духовная, какъ послѣдній актъ въ жизни человѣка, должна, для уваженія къ памяти его, выражать глубокую осмотрительность, а отнюдь не быть сборникомъ фразъ и обезпеченій въ родѣ мыльныхъ пузырей. Разсмотри строго свою духовную и ты увидишь что въ ней много кой чего имѣется (*).

Независимо отъ душевнаго огорченія, произведеннаго скороспѣлой духовной, чувства мои окончательно пострадали отъ прочтенія записки объ Софи въ трехъ періодахъ, начинающихся со слова: «Если». Боже мой! какая дерзость и какая глупость (**), превосхо-

---

(*) Отчего же это, г. Штукаревъ, вы ничего не говорили мнѣ насчетъ моей духовной, когда я былъ еще въ Петербургѣ? Во первыхъ, это была ваша прямая обязанность, какъ друга; во вторыхъ, я вѣдь не могъ знать святымъ Духомъ, что Бар—ковъ перемѣняетъ залоги, даже вовсе не зналъ о существованіи такого условія. Наконецъ въ третьихъ, я не юристъ, вамъ хорошо это было извѣстно, и потому мнѣ извинительно было не знать закона, по которому, по смерти одного изъ участниковъ въ откупѣ, назначается опека. Но неизвинительно было ничего не сказать мнѣ объ этомъ *вамъ*, которому извѣстенъ былъ такой законъ. Поэтому и ваши доводы, г. Штукаревъ, суть не что иное, какъ мыльные пузыри. Они доказываютъ одно только, а именно: къ вашему громадному таланту для гиперболы и особливо для изобрѣтенія безчисленныхъ «точекъ зрѣнія», вы присоединяете еще трансцендентальный талантъ обвинителя. И будь это во Франціи, вы съ величайшимъ блескомъ могли бы занять тамъ должность генеральнаго прокурора въ уголовномъ судѣ низшей инстанціи. Плохо пришлось бы тогда подсудимымъ того суда, въ которомъ вы составляли бы свои прокурорскія реквизиціи. Этотъ выводъ мой объ васъ, г. Штукаревъ, подтверждается страшнымъ письмомъ вашимъ, отъ 26-го ноября, наполненнымъ самыми неосновательными обвиненіями, и которое осмѣяло, опозорило и убило самыя лучшія и дорогія вѣрованія моего сердца. Лишить дружбы и уваженія человѣка «высокой честности» за то только, что онъ вздумалъ созидать свое счастіе на восторженной любви къ своей невѣстѣ, а *не на господствѣ разума надъ всѣми чувствами!!* Такимъ образомъ формулированное обвиненіе сдѣлало бы честь и самому Фукье-Тенвиллю съ братіею.

(**) Потише, г. Штукаревъ! Позвольте вамъ замѣтить, что когда разрываютъ дружескія связи съ человѣкомъ «высокой честности», то должны говорить съ нимъ, какъ можно вѣжливѣе. А вѣдь въ написанной вами *глупости* — гораздо болѣе *дерзости*, чѣмъ въ моихъ трехъ строфахъ. Съ вашей стороны было не совсѣмъ благоразумно выражаться такъ о человѣкѣ, пропитанномъ до костей духомъ воинской чести. Неровенъ часъ, и немудрено эдакъ наткнуться на какой нибудь *казусъ* самаго непріятнаго свойства, отъ котораго не въ силахъ защитить «всѣ ваши точки зрѣнія», вмѣстѣ взятыя.

Я оставилъ безъ разбора два удивительно-гуманныя правила, вѣроятно почерпнутыя изъ катихизиса вашего сердца, г. Штукаревъ, и начинающіяся такъ: «никакого мелкаго дѣла» и потомъ: «чѣмъ сильнѣе дружба». Особливо превосходны неоцѣненныя слова: *съ засвидѣтельствованіемъ ея, т. е. вашей дружбы результатами въ чистыхъ рубляхъ!!!....* Великолѣпно!.... Какая гуманность, прогрессивность! Да вѣдь и самъ Игнатій Лойола, помноженный на Макіавелли,

дящая даже персидскую поэзію! Я убѣжденъ въ томъ, что твоя разумная Софи (какою я разумѣю ее въ замѣчаніи ея о неумѣстныхъ восторгахъ) устыдилась бы этого сочиненія. Что касается до меня, то я болѣе не другъ твой, а просто знающій тебя человѣкъ. Вотъ онъ — выводъ упоминаемый въ первомъ пунктѣ письма. Обращаюсь ко второй части *и хороню навсегда слово—ты.*

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

«Милостивый государь,
Николай Петровичъ!

«Мнѣ нужно для полноты моихъ соображеній знать, когда вы можете приступить къ дѣламъ; а потому потрудитесь меня объ этомъ извѣстить. Въ Гжа.... теперь вамъ ѣздить не нужно, ибо время не допускало медленности, и я всѣ распоряженія сдѣлалъ отсюда самъ. Прошу васъ не стѣсняться и назначить то время, въ которое вы будете свободны, ибо дѣло для васъ будетъ всегда готово.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть покорнѣйшимъ слугою,

В. Штукаревъ.»

ГЛАВА VII.

ПЕРЕМѢНА ДЕКОРАЦІЙ.—ПЕРВЫЙ АКТЪ ДРАМЫ, СЪ ПЕРСПЕКТИВОЮ НОВОЙ РАННЕЙ МОГИЛЫ.

Я былъ у моей невѣсты и сидѣлъ съ нею въ залѣ, когда подали мнѣ вышеприведенную грамотку *по пунктамъ* отъ Василья Андроновича. Ничего не подозрѣвая, я распечаталъ и, развернувъ большой листъ оберточной бумаги, принялся читать. Съ первыхъ же словъ начало вѣять на меня холодомъ. Напрасны были мои усилія скрыть подъ улыбкою впечатлѣніе, произведенное чтеніемъ: лицо Софи становилось грустнѣе и мрачнѣе. Наконецъ я кончилъ чтеніе и все продолжалъ улыбаться; но лицо Софи не прояснялось. А что происходило въ глубинѣ моей души!... Одному Богу да мнѣ извѣстно, какое средневѣковое ду-

не придумалъ бы ничего лучшаго!... Такъ вотъ откуда, изъ какихъ правилъ почерпаются милліоны, дачи и картинныя галлереи великолѣпныхъ откупщиковъ!!!... Извините меня за эти восклицательные знаки съ точками, г. Штукаревъ!

шевное колесованіе я тогда вытерпѣлъ! Да еще извѣстно это было моей невѣстѣ, потомъ женѣ, а теперь уже пять лѣтъ какъ покойницѣ; извѣстно потому, что она прочувствовала тоже самое, что и я, и въ одно и тоже время. Не читая письма, она на моемъ лицѣ прочитала все, что было у меня въ душѣ и чѣмъ былъ исписанъ оберточный листъ, этотъ свадебный подарокъ отъ щедротъ Василія Андроновича.

Итакъ, когда я окончилъ чтеніе роковаго письма, въ которомъ Штукаревъ такъ презрительно возвратилъ мнѣ, или, вѣрнѣе сказать, швырнулъ въ лицо дружеское «ты», я положилъ въ карманъ оберточный листъ, стараясь придать своему лицу безпечное выраженіе. Софи взяла меня за руку и глядя мнѣ пристально въ глаза, сказала взволнованнымъ голосомъ:

— Nicolas! ты получилъ самое непріятное письмо отъ Штукарева. Не хитри и не скрывай отъ меня своего горя: меня не обманетъ твоя ненатуральная улыбка. Могу ли я знать, какого рода невзгоду заключаетъ въ себѣ этотъ мелко-исписанный листъ сѣрой бумаги?

Послѣ этихъ словъ вдругъ исчезла искусственная моя веселость, лицо мое сдѣлалось мрачно. Я не скоро могъ отвѣчать. Положеніе было самое щекотливое — и вотъ почему.

Собственно мое состояніе было очень невелико. У Софи тоже было немного, самый маленькій капиталъ. Но когда я сдѣлалъ ей предложеніе, у меня были блестящія надежды, оправдываемыя тѣсною дружбою съ однимъ изъ сильныхъ откупнаго міра. Сколько разъ случалось во время интимныхъ бесѣдъ съ Васильемъ Андроновичемъ, когда разговоръ касался женитьбы, слышать отъ него: «тебѣ не для чего смотрѣть на состояніе при выборѣ жены: самъ будешь богатъ.» Никогда не допустилъ бы я себя увлечься въ мои годы, если бъ не вышеприведенныя слова Василья Андроновича, повторенныя неоднократно; онъ зналъ о моемъ намѣреніи относительно Софи; зналъ и вполнѣ одобрялъ его.

И что жь! Когда я сдѣлалъ предложеніе, — этотъ другъ, подъ самыми пустыми предлогами, лишаетъ меня своей дружбы, да еще и оспориваетъ мои неотъемлемыя права на безусловное участіе въ Гжа...комъ откупѣ, то есть оспориваетъ у меня бòльшую часть насущнаго хлѣба въ будущемъ.

Въ домѣ моей невѣсты меня всегда и всѣ принимали за человѣка, обладающаго очень хорошими средствами къ жизни, хотя

я никогда не дѣлалъ и не говорилъ ничего такого, что могло бы породить подобное мнѣніе. Вѣроятно, тѣсная моя дружба съ Штукаревымъ подала поводъ думать, что я богатъ, или по крайней мѣрѣ буду богатъ. Сейчасъ же вслѣдъ за моимъ предложеніемъ и еще до принятія его, братъ Софи объявилъ мнѣ, что за его сестрою ничего нѣтъ, кромѣ самаго незначительнаго капитала. Я отвѣчалъ, что надѣюсь самъ пріобрѣсти средства, достаточныя для хорошей жизни. Письмо Штукарева вдругъ уничтожило всѣ эти надежды, и потому долгъ чести повелѣвалъ мнѣ открыть это и моей невѣстѣ, и ея роднымъ. Но когда и какъ это сдѣлать? Вотъ какого рода думы затрудняли мой умъ, когда Софи спросила меня, что̀ за невзгоду заключало въ себѣ письмо Штукарева, и когда одна мысль, что можетъ разстроиться моя женитьба, приводила меня въ ужасъ.

Я не далъ прочитать ей безчеловѣчнаго, грубаго и дерзкаго письма. Но объяснилъ ей коротко, что Штукаревъ разрываетъ со мною дружескія связи; что, вслѣдствіе такого разрыва, уничтожаются мои надежды на широкія средства въ будущемъ и что поэтому я предоставляю ей полное право снова обдумать и рѣшить, можетъ ли она отдать свою руку мнѣ и надѣется ли быть со мною счастлива при измѣнившихся условіяхъ. — Рѣшайте. Я безъ малѣйшаго ропота покорюсь моей участи, прибавилъ я.

Лицо Софи приняло какое-то вдохновенное выраженіе, глаза заблистали ярче обыкновеннаго, и она, положивъ одну руку на мое плечо, а другою крѣпко сжавъ мою руку, сказала:

— Nicolas! Неужели ты думаешь, что мною руководили какіе нибудь разсчеты, когда я отдавала тебѣ мою руку? И неужели я выдерну назадъ эту руку оттого, что измѣнились твои обстоятельства и рушились нѣкоторыя твои надежды? Никто и ничто въ мірѣ не въ силахъ заставить меня взять назадъ мое слово, если только ты самъ не найдешь нужнымъ возвратить мнѣ его. Что̀ бы и какъ бы съ тобою ни случилось, я на вѣки твоя, послѣдую за тобою всюду и буду довольна всѣмъ, что ты дашь мнѣ.

Какъ она была хороша, произнося эти слова! Какой поцалуй запечатлѣлъ это вторичное и неразрывное сочетаніе нашихъ сердецъ! Какимъ спасительнымъ свѣтомъ озарилась моя душа! Безкорыстная, преданная и уже перешедшая черезъ горнило испытанія любовь утушила и вознаградила меня вполнѣ за утрату

гнилой дружбы человѣка, который разцѣнивалъ чувства «по результатамъ въ чистыхъ рубляхъ», то есть основывалъ свою дружбу на перевыручкахъ, а уваженіе на сложной цѣнѣ, и дѣлалъ изъ своего собственнаго сердца нѣчто въ родѣ прейсъ-куранта для винныхъ магазиновъ и штофныхъ лавочекъ.

Такъ совершилось разрушеніе языческаго капища, которое, въ слѣпотѣ моего безумнаго идолопоклонства, построилъ я, за два года передъ тѣмъ, изъ самыхъ непрочныхъ матеріаловъ, на самомъ негодномъ, *разсыропленномъ* цементѣ, и въ которомъ покланялся я не истинному богу дружбы, а истукану, оболваненному изъ обыкновенной, простой глины и разсыпавшемуся въ прахъ отъ малѣйшаго къ нему прикосновенія. И сколько драгоцѣнныхъ перловъ сердца расточилъ я для украшенія алтаря въ томъ храмѣ! И сколько на этомъ алтарѣ я сжегъ фиміама чистѣйшихъ чувствъ, не догадываясь, не подозрѣвая, что для грубо-сболваненаго глинянаго истукана былъ бы несравненно пріятнѣе запахъ сивухи, но только исходящій изъ перевыручекъ и большой сложной цѣны!

Многіе, вѣроятно, упрекнутъ меня за то, что, мѣстами, въ этой исповѣди я не сохранилъ достаточнаго спокойствія и умѣренности въ выраженіяхъ. Но пусть только подумаютъ о томъ, что дѣлалъ со мною Штукаревъ! Сколько горя и оскорбленій нанесъ онъ мнѣ, не щадя ни моего самолюбія, ни моей гордости, ни сердца, которое безчеловѣчно осмѣялъ, опозорилъ и растерзалъ онъ, и которое по сю пору болитъ и ноетъ. А ранняя могила любимой жены! А дочь-сирота, лишенная ласкъ матери! Пусть всякій изъ моихъ читателей, прежде нежели броситъ въ меня камень осужденія, представитъ себя на моемъ мѣстѣ и тогда уже рѣшитъ: бросать или нѣтъ въ меня этотъ камень?

Невозможно изобразить теперь состояніе духа, въ которомъ я возвратился домой, по прочтеніи роковаго письма. Чувство оскорбленнаго самолюбія, горечь разочарованія и крушеніе недавнихъ вѣрованій, стыдъ выброшеннаго мнѣ обратно «ты»... Но любовь къ Софи утишила душевную бурю; я принесъ ей въ жертву обиды и оскорбленія, которая мутили мнѣ душу, требуя немедленнаго удовлетворенія. Я смирился и написалъ на другой день къ Штукареву слѣдующее письмо.

Документъ тринадцатый.

Москва. 1847 года, 1 декабря.

Милостивый государь,

Василій Андроновичъ!

«Изъ письма вашего ко мнѣ отъ 26 ноября, я увидѣлъ негодованіе ваше на меня за то, что я до сихъ поръ не былъ въ Гжа..., и потому имѣю честь васъ увѣдомить, что я теперь совершенно свободенъ послѣ моей помолвки и первыхъ необходимыхъ приготовленій къ предстоящему браку, который будетъ не ранѣе 10 января. Прошу васъ убѣдительно разрѣшить мнѣ поѣздку въ Гжа...., гдѣ до свадьбы, для которой, вѣроятно, вы не откажете мнѣ въ двухнедѣльномъ отпускѣ, я могу заняться дѣломъ и надѣюсь доказать, что я не потерялъ ни любви, ни способности къ дѣлу. Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь и проч. и проч.»

Не дожидаясь отвѣта, я черезъ два дня написалъ еще письмо.

Документъ четырнадцатый.

3-го декабря.

«Несчастная тетрадь моихъ впечатлѣній, которыя написалъ я подъ вліяніемъ глубокой любви къ моей невѣстѣ и счастія, столь для меня неожиданнаго, была однимъ изъ главныхъ поводовъ того между нами разрыва, вслѣдствіе котораго вы лишили меня и дружбы, и уваженія. И потому прошу васъ убѣдительно возвратить мнѣ эту тетрадь, которая для васъ ненужна и непріятна. Этого требуетъ уваженіе къ моей невѣстѣ, которая ничего не знаетъ ни о содержаніи той тетради, ни о томъ, что я послалъ ее вамъ.

«Не откажите мнѣ въ исполненіи этой просьбы, тѣмъ болѣе, что вы и сами теперь семьянинъ и понимаете, сколь важно уваженіе къ той, которую избрали мы въ подруги нашей жизни. Еще нѣсколько словъ:

«Я стою въ вашемъ домѣ, но послѣ вашего ко мнѣ письма пребываніе это должно быть тягостно для насъ обоихъ. Оставить же вашъ домъ, не узнавъ предварительно вашего о томъ мнѣнія, я тоже не долженъ, потому что не хочу разглашать нашъ разрывъ и дѣлать участниками моего бѣдствія всѣхъ живущихъ въ вашемъ домѣ. Пусть одинъ Богъ знаетъ о моихъ невыразимыхъ страданіяхъ, которыя схоронилъ я въ глубинѣ моей души, какъ и вы «схоронили

навсегда слово *ты*». Поэтому прошу сказать мнѣ откровенное свое мнѣніе о пребываніи моемъ въ вашемъ домѣ. Повторю еще мою просьбу — о разрѣшеніи мнѣ поѣздки въ Гжа.... до свадьбы, тѣмъ болѣе, что я теперь совершенно свободенъ. Но недѣли три тому назадъ была важная причина пребыванія моего въ Москвѣ: отъ дороги и холода я застудилъ ужаснѣйшій насморкъ, сильно меня безпокоившій, такъ что я обратился къ И—цову, который объявилъ мнѣ, что болѣзнь моя можетъ имѣть самыя опасныя послѣдствія, если я сейчасъ же не прибѣгну къ лѣченію холодной водою. И слава Богу, я теперь почти избавился отъ недуга и скоро буду въ состояніи къ выѣзду изъ Москвы и къ дѣлу. Я не писалъ вамъ прежде объ этомъ обстоятельствѣ, потому что не думалъ, что по послѣдствіямъ оно будетъ такъ важно въ исторіи моей жизни и моего сердца.

«На другой день послѣ помолвки я просилъ убѣдительно родныхъ моей невѣсты сдѣлать свадьбу поскорѣе для того, чтобы до поста отправиться мнѣ въ Гжа.... и приняться за дѣло. Но мнѣ сказали, что это невозможно, и я по неволѣ долженъ былъ дожидаться до января. Потомъ захватила меня болѣзнь и необходимость лѣчиться по совѣту И—цова. По роковой забывчивости я не писалъ вамъ объ этомъ; но думалъ ли я тогда, что меня осудятъ и накажутъ, не выслушавъ прежде моего оправданія, тогда какъ прощались вами часто люди, разстроившіе ваши дѣла своимъ дурнымъ поведеніемъ, нерадѣніемъ и недобросовѣстностію. Ожидалъ ли я, что послѣ ласкаваго вашего письма отъ 11 ноября и присланнаго вами подарка моей невѣстѣ, произойдетъ такой быстрый переворотъ и въ мысляхъ и въ чувствахъ вашихъ?

Но да будетъ Его святая воля! Совершеннаго счастія не дано смертнымъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю и пр. и пр.»

Ждалъ я отвѣта на эти письма, но прошло двѣнадцать дней, а отвѣта не было. Тогда я написалъ еще письмо.

Документъ пятнадцатый.

М. Г. В. Ан.

«Двумя письмами отвѣчалъ я на ваше письмо отъ 26 ноября и просилъ васъ убѣдительно: 1) разрѣшить мнѣ поѣздку въ Гжа.... до моей свадьбы; 2) возвратить мнѣ тетрадь моихъ впечатлѣній и 3) сказать свое мнѣніе о пребываніи моемъ въ вашемъ домѣ. Но прошло уже двѣ недѣли, а вы не удостоили меня вашимъ отвѣтомъ. Объяснить это молчаніе можно только или тѣмъ, что письма мои не дошли

до васъ, или тѣмъ, что сверхъ неуваженія, вы хотите еще выказать мнѣ пренебреженіе, котораго никто не вправѣ мнѣ выказывать.... Поэтому прошу васъ убѣдительно еще разъ отвѣчать ясно и положительно на мои вопросы. Держать меня въ неизвѣстности насчетъ положенія моего въ вашихъ дѣлахъ — не принесетъ вамъ ни малѣйшей пользы, а мнѣ надѣлаетъ величайшій вредъ. Я и такъ довольно наказанъ вашимъ письмомъ отъ 26 ноября, которое сверхъ личныхъ мнѣ оскорбленій, омрачило счастіе моей женитьбы и даже потрясло его въ самомъ основаніи. И потому, если намѣреніе ваше было — сдѣлать мнѣ какъ можно болѣе зла, вы должны теперь порадоваться, потому что вполнѣ достигли этой цѣли черезъ ваше страшное письмо. Тяжелый грѣхъ примете вы на свою душу, Василій Андроновичъ, если погубите честнаго человѣка, отца двухъ сиротъ, котораго вся вина состояла въ томъ, что онъ слишкомъ искренно и преданно полюбилъ васъ и увѣровалъ въ искренность и прочность вашей дружбы.

Съ истиннымъ и пр. и пр.»

Отвѣтъ на это письмо послѣдовалъ немедленно.

Документъ шестнадцатый.

М. Г. Ник. Петр.

«Всѣ письма ваши имѣлъ удовольствіе получить въ свое время, но долго не отвѣчалъ *единственно потому*, что былъ страшно занятъ дѣлами по будущимъ акцизнымъ откупамъ. Теперь освободясь отъ этихъ занятій, нахожу нужнымъ отвѣчать вамъ слѣдующее:

1) На поѣздку вашу въ Гжа.... я согласенъ, но съ тѣмъ, чтобъ вы поѣхали послѣ свадьбы, то есть когда будете въ болѣе спокойномъ положеніи, а теперь по случаю окончанія года, я уже не хочу мѣшать тѣмъ общимъ распоряженіямъ по откупамъ, которые должны проистекать отъ И. О—ча, вслѣдствіе данныхъ ему мною наставленій.

2) Требуемыя вами въ возвратъ «писанія» ваши я вамъ вышлю, но тѣ изъ нихъ, гдѣ рѣчь идетъ объ архангелахъ и т. д, я говорю вамъ, какъ честный человѣкъ, что я уничтожилъ, и ихъ никто не увидитъ, потому что онѣ сгорѣли въ каминѣ.

3) Насчетъ пребыванія вашего у меня въ домѣ, я предоставляю вашему усмотрѣнію и скажу то, что въ хозяйство домовое я не мѣшаюсь: оно принадлежитъ маменькѣ.

Съ истиннымъ почт. и пр.

В. Штукаревъ.»

Но уже за недѣлю до полученія этого отвѣта, я оставилъ домъ Штукарева и переѣхалъ на квартиру, которую нанялъ напротивъ дома, гдѣ жила моя невѣста; меблировалъ ее прилично, но сколь возможно проще и экономнѣе.

На другой же день, по полученіи извѣстнаго письма, нѣкоторыя особы въ домѣ моей невѣсты уже знали о томъ, что я попалъ въ немилость у г. Штукарева. А какъ только узнали, то сейчасъ же и началась перемѣна декорацій. Радушіе, любезность, вниманіе, предупредительность, какую мнѣ оказывали прежде, начали мало-по-малу исчезать и замѣняться церемонностію, натянутостію, чопорностію и потомъ холодностію, которая увеличивалась съ каждымъ днемъ и наконецъ перешла въ чувство явнаго ко мнѣ нерасположенія, даже непріязни, уже нисколько не скрываемой и даже не прикрываемой никакимъ благовиднымъ предлогомъ. Положеніе мое въ домѣ Бо—вскихъ становилось день ото дня затруднительнѣе и наконецъ сдѣлалось невыносимымъ. О, сколько вытерпѣлъ я, а вмѣстѣ со мною и Софи! Она была поставлена между любовью къ жениху и дружбою и уваженіемъ къ брату, который заступалъ ей родителей. Тяжело вспоминать теперь о тѣхъ сценахъ, которыя со дня перемѣны декорацій повторялись чаще и чаще и принимали характеръ все болѣе и болѣе мрачный, раздражающій и открыто враждебный. Раза три доходило до того, что, возвратясь домой, я принимался за перо и приготовлялъ записку слѣдующаго содержанія:

«Мил. гос. И. М.

«Не имѣю чести знать, какъ и что вы думаете о вчерашней между нами сценѣ; я же думаю вотъ что: прошу васъ покорнѣйше назначить на завтрашнее утро мѣсто и время *для болѣе удовлетворительнаго и окончательнаго между нами объясненія*. Вы меня понимаете...

«Примите увѣреніе и пр.»

И всякій разъ, написавъ такую записку, я откладывалъ отправленіе по адресу до другаго утра. А по пословицѣ «утро вечера мудренѣе», на другой день перечитавъ ее и вообразивъ, какимъ громовымъ ударомъ разразится вѣсть о ней въ душѣ Софи, я разрывалъ роковую записку въ мелкіе куски, и снова побѣждалъ въ себѣ жажду мщенія.

Наконецъ семейная драма начала приносить горькіе и гибельные плоды. Софи была въ высшей степени чувствительна, впечатлительна и нервна. Вскорѣ начались у нея нервные припадки:

вздрагиваніе, мгновенныя и обильныя слезы, всхлипываніе и наконецъ сильная дрожь и раздирающія сердце рыданія. Это повторялось чаще и чаще, особенно послѣ стычекъ на словахъ между мною и ея братомъ.

Эти сцены, продолжавшіяся до 17 январи, т. е. до дня нашей свадьбы, имѣли гибельное вліяніе на здоровье Софи.

Настало наконецъ 17 января. За два дня передъ тѣмъ свирѣпствовалъ еще страшнѣйшій семейный ураганъ. Бури наконецъ утихли, небо прояснилось. Софи сдѣлалась моею женою. Снова ослѣпительно, ярко блеснуло счастіе въ моей жизни, но блеснуло звѣздою падучею, блеснуло и вскорѣ померкло на вѣки.

ГЛАВА VIII.

ДАЛЬНѢЙШЕЕ РАЗВИТІЕ ДРАМЫ.—ПРОЯСНЕНІЕ ОТКУПНАГО ГОРИЗОНТА И ВРЕМЕННОЕ СМИРЕНІЕ ПИТЕЙНАГО ЮПИТЕРА.

«Журавль свой носъ по шею
Засунулъ волку въ пасть, и съ трудностью большою
Кость вытащилъ и сталъ за трудъ просить.
«Ты шутишь!» звѣрь вскричалъ коварный: —
«Тебѣ за трудъ? Ахъ ты, неблагодарный!
А это ничего, что ты свой долгій носъ,
И съ глупой головой, «изъ горла цѣлъ унесъ!».
КРЫЛОВЪ

29 января 1848 года оставилъ я Москву и на другой день былъ уже въ Гжа...., гдѣ и поселился въ питейной конторѣ вмѣстѣ съ Софи, которая съ необыкновенною кротостію, терпѣніемъ и покорностію приняла новую и нисколько неподходящую къ ея идеямъ и вкусамъ откупную жизнь, т. е. діаметрально противуположную тому, что составляетъ изящную жизнь благовоспитанныхъ, благонравныхъ и развитыхъ людей. За два дня до нашего отъѣзда изъ Москвы, Софи, въ сопровожденіи своей старшей сестры, ѣздила куда-то съ визитомъ. Сойдя съ высокой лѣстницы и по своему обыкновенію довольно скоро, она почувствовала себя очень дурно. Сестра завезла ее къ себѣ и разными притираньями и нюханьями возвратила ей бодрость. Но отъ меня скрыли этотъ случай, чтобы не огорчить и не испугать меня.

И вотъ зажилъ я въ Гжа.... съ молодою женою. Съ моимъ обычнымъ рвеніемъ и энергіею принялся я за откупное дѣло, не отвлекаясь ничѣмъ другимъ. Попрежнему началъ я объѣзжать уѣздъ съ его многочисленными питейными домами, штофными лавочками и водочными магазинами, накрывая и раскрывая разныя плутни и продѣлки мелкой откупной братіи. Попрежнему сдѣлался я грозою всѣхъ негодяевъ, воровъ «цапателей», т. е., говоря болѣе живописнымъ языкомъ, откупныхъ волковъ, лисицъ и разныхъ другихъ хищныхъ звѣрей. А для того, чтобы Софи менѣе скучала, я выписывалъ множество журналовъ — и русскихъ, и французскихъ. Мало-по-малу начало проясняться у меня на душѣ.

Въ это время главноуправляющимъ с....ми дѣлами былъ мой однофамилецъ и теска Николай Гавриловичъ, одинъ изъ прекраснѣйшихъ людей,—умный, честный, добрый, превосходно знавшій дѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ скромный. Съ особеннымъ удовольствіемъ отдаю эту дань хвалы его памяти. Его тоже нѣтъ теперь въ живыхъ. Миръ праху твоему, истинно-добрый и благородный человѣкъ, съ какимъ отрадно встрѣтиться не только на поприщѣ откупной, но и всякой другой жизни, и который угасъ въ цвѣтѣ лѣтъ и въ то самое время, когда улыбнулось-было ему счастіе взаимной любви и прозвучала въ его ушахъ восхитительная мелодія словъ «люблю тебя»,—этихъ двухъ словъ, составляющихъ основный аккордъ въ гармоніи всего живущаго.

Что касается до Ве—ги, прежняго главноуправляющаго и нашего стараго знакомца по Ор..., то уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онъ выбылъ изъ с....кихъ дѣлъ по причинѣ, которую вы вѣроятно отгадаете, если не забыли приведенную здѣсь мною его характеристику. Вотъ видите ли: долго онъ воздерживался, крѣпился, да вдругъ и прорвался. Открылась у него хересоманія, самая неистовая, какая только когда либо его поражала. Не умѣю вамъ сказать, до какого количества бутылокъ дошелъ Ве—га на этотъ разъ; но знаю только, что его вытребовали въ Москву, и затѣмъ въ Вя...... не было о немъ никакого слуха.

Занимаясь пристально дѣломъ, я между тѣмъ поддерживалъ оффиціальную переписку съ Васильемъ Андроновичемъ, посылая къ нему собственно мною составленные и написанные отчеты о ходѣ дѣла. Онъ былъ чрезвычайно доволенъ всѣмъ, что̀ и какъ я ни дѣлалъ, и изъявлялъ мнѣ свои похвалы и благодаренія.

Между прочимъ я написалъ очень дѣльную статью о спиртомѣрѣ академика Гесса. Штукаревъ былъ чрезвычайно доволенъ моею статьею, показывалъ ее самому Гессу, который вполнѣ сознался въ справедливости моихъ замѣчаній. Итакъ казалось, все вокругъ меня вошло въ нормальную колею. Но мнѣ не суждено было долго наслаждаться миромъ души и семейнымъ счастіемъ.

Сильныя потрясенія и безпрерывныя огорченія, которыя перенесла Софи въ продолженіе семи недѣль передъ свадьбою, не прошли ей даромъ. Вся ея нервная система была сильно потрясена и разстроена. По пріѣздѣ въ Гжа.... она, казалось, поздоровѣла, посвѣжѣла, но ненадолго. Мѣсяцъ спустя, она начала чувствовать какое-то томленіе и усталость, но не говорила мнѣ ничего объ этомъ, боясь огорчить меня. Итакъ она перемогалась, продолжала улыбаться, казалась веселою и была въ высшей степени ко мнѣ внимательна.

Къ вечеру 25 марта Софи вдругъ почувствовала сильнѣйшія боли внизу живота и сейчасъ же слегла въ постелю. Я обезумѣлъ отъ испуга и отчаянія. Послалъ за мѣстнымъ лѣкаремъ, но тутъ же убѣдился, что на него плохая надежда. Мнѣ сказали, что верстахъ въ 15 отъ Гжа...., въ имѣніи князя Го—на, есть домашній врачъ, хорошо знающій свое дѣло. Немедленно отправленъ былъ за нимъ гонецъ, и врачъ этотъ явился въ контору на другое утро. Это былъ одинъ изъ военныхъ полковыхъ докторовъ, вышедшій въ отставку и, по приглашенію князя Го—на поселившійся въ его имѣніи. Докторъ этотъ сейчасъ же поставилъ женѣ моей піявки, а къ вечеру еще сдѣлалъ тоже. Боли утихли, за то Софи страшно ослабѣла. Но я сокращу донельзя разсказъ мой о ея болѣзни. Здоровье ея не поправлялось, и она не вставала съ постели. Я сейчасъ же написалъ въ Москву къ ея старшей сестрѣ и умолялъ ее пріѣхать въ Гжа.... и увезти Софи съ собою для того, чтобы пользовать ее у московскихъ врачей. Въ половинѣ апрѣля, т. е. по первому возможному весеннему пути, сестра пріѣхала къ намъ въ Гжа.... и я разстался съ моею несравненною Софи. О, что это было за разставанье! Съ какою силою обняла она меня, прижала къ себѣ, покрыла мое лицо горячими поцалуями и столь же горячими слезами; съ рыданіями сѣла въ карету—и черезъ мигъ все исчезло въ моихъ глазахъ, и я остался одинъ и долго смотрѣлъ въ слѣдъ удалявшейся и исчезнувшей вдали каретѣ.

Снова одинокъ въ опустѣлой конторѣ, которая казалась мнѣ могилою и которую оставилъ я въ тотъ же вечеръ и поѣхалъ объѣзжать уѣздъ.... Прошло два мѣсяца съ отъѣзда Софи. Каждую почту писалъ я къ ней и получалъ объ ней свѣдѣнія. Болѣзнь ея привела въ тупикъ лучшихъ московскихъ докторовъ. Она таяла и гасла. Наконецъ сестра, Х—рова, увѣдомила меня, что Софи такъ тоскуетъ обо мнѣ, что если я не пріѣду въ Москву и не поживу тамъ съ нею нѣкоторое время, то нѣтъ никакой надежды на выздоровленіе. Написалъ я обо всемъ этомъ въ Петербургъ къ Василью Андроновичу и въ самомъ скоромъ времени получилъ отъ него разрѣшеніе ѣхать въ Москву и жить тамъ до тѣхъ поръ, пока не возстановится здоровье моей жены. Сдавши откупъ новому управляющему, котораго Штукаревъ прислалъ нарочно по этому случаю въ Гжа...., я въ половинѣ іюня пріѣхалъ въ Москву и поселился въ гостинницѣ у Мясницкихъ воротъ. Софи жила на дачѣ, въ Сокольникахъ, у своего брата. Боже, какъ она перемѣнилась! Это была тѣнь прежней Софи. Каждый день ѣздилъ я къ ней, проводилъ съ нею время—то въ чтеніи, то въ прогулкѣ по сосновой рощѣ Сокольниковъ. Такъ прожилъ я въ Москвѣ съ недѣлю, и женѣ моей видимо сдѣлалось лучше. Но все утѣшительное было скоротечно въ моей жизни, въ которой бѣды, неудачи и скорби свили себѣ постоянное гнѣздо.

Однажды ночью, часа въ два, разбудилъ меня стукъ въ двери моего нумера. Я позвалъ человѣка, который и отперъ дверь. Вошелъ почтальонъ и подалъ мнѣ пакетъ и книгу для росписки въ полученіи этого пакета, присланнаго ко мнѣ изъ Вя.... по эстафетѣ. Распечатываю не безъ нѣкотораго волненія: это было слѣдующее донесеніе ко мнѣ изъ главной вя...ской конторы:

«Главноуправляющій с......кими дѣлами Василья Андроновича, Николай Гавриловичъ Макаровъ, объѣзжая откупа, скончался холерою на половинѣ дороги изъ Сы...... въ Гжа.....»

При этомъ донесеніи было приложено письмо управляющаго вя...скимъ откупомъ, Ко—това, который писалъ ко мнѣ, что с.....скія дѣла остались безъ малѣйшаго надзора, ибо Ив. Ѳ. Ма—товъ, компаньонъ и главноуправляющій всѣми дѣлами Василья Андроновича, находился далеко—въ Пермской губерніи. Ко—товъ прибавлялъ, что въ Вя.... свирѣпствовала въ это время сильнѣйшая холера, что всѣ откупные служащіе бѣгутъ изъ вя...скаго откупа; да и въ прочихъ откупахъ было тоже самое,

ибо холера болѣе или менѣе обняла всѣ с......кіе города. Писалъ онъ мнѣ еще, что мой однофамилецъ, бывши въ Сы......., сдѣлалъ предложеніе дочери тамошняго городничаго, въ которую былъ влюбленъ, получилъ согласіе, и потомъ, сейчасъ послѣ своей помолвки, вдругъ скончался холерою, отъѣхавъ двѣ станціи по дорогѣ отъ Сы.... въ Гжа.... «Пріѣзжайте хоть вы взять въ свои руки с......кіе откупа, иначе будетъ очень худо, и Василій Андроновичъ можетъ понести огромныя потери». Этими словами оканчивалось письмо ко мнѣ Ко—това.

Того же утра я увѣдомилъ Штукарева о случившейся бѣдѣ въ его с......кихъ дѣлахъ, и заключилъ мое письмо слѣдующими словами:

«С......кія дѣла ваши остались безъ всякаго надзора и подвергаются большой опасности. Если бы подобное случилось во время прежнихъ между нами отношеній, то, разумѣется, не взирая на болѣзнь любимой жены, — для выздоровленія которой пребываніе мое въ Москвѣ необходимо, — несмотря на страшную холеру, которая свирѣпствуетъ теперь въ Вя...., я бы сейчасъ же поскакалъ туда и принялъ бы дѣла въ свои руки, въ ожиданіи дальнѣйшихъ вашихъ приказаній. Но въ настоящее время я могу только скорбѣть о преждевременной кончинѣ добрѣйшаго Николая Гавриловича, и потомъ довести это до вашего свѣдѣнія и ожидать, на что̀ вы рѣшитесь.»

Но я напередъ зналъ, на что̀ рѣшится Василій Андроновичъ, который обыкновенно цѣнилъ людей, не *по одной ихъ пользѣ для дѣлъ*, а и потому, *насколько они необходимы для дѣлъ*, а особливо цѣнилъ ихъ тогда, *когда ихъ некѣмъ было замѣнить*. У меня и теперь въ памяти его слова: «нынче *нѣтъ нужныхъ людей*»... Вслѣдствіе такихъ соображеній, я началъ приготовлять мою жену къ возможности скорой разлуки, что̀ несказанно огорчило ее; но она не противорѣчила.

Отвѣтъ Штукарева не заставилъ себя ожидать. По прошествіи времени, необходимаго на быстрый переѣздъ изъ Москвы въ Петербургъ и обратно, — въ эту минуту я ѣхалъ съ Софи къ ея сестрѣ въ красныя казармы, — меня догналъ на лихомъ извощикѣ одинъ изъ повѣренныхъ Штукарева, остановилъ мою карету и подалъ мнѣ пакетъ, только что полученный по эстафетѣ. Это было письмо ко мнѣ отъ Василья Андроновича, письмо коротенькое.

Документъ семнадцатый.

С.-Петербургъ. 1848 г. 26 іюня.

«Громовое письмо ваше сію минуту я получилъ. Отвѣчаю вамъ съ эстафетою»,...

Потомъ: «Благодарю васъ за готовность приложить вашу дѣятельность къ с......кимъ откупамъ и прошу васъ отправиться въ Вя.... и живя тамъ, наблюдать за ходомъ всѣхъ дѣлъ.... Довѣренность вамъ вышлю въ Вя....».

А въ постскриптумѣ этого письма значилось: «Надо беречь себя теперь, т. е. надо имѣть во всемъ осторожность, и въ пищѣ, и въ одеждѣ. Мнѣ объ этомъ маменька поручила вамъ написать, дабы вы не употребляли зелени и *носили на животъ фланель, а на ногахъ теплые чулки*».

По всему видно, что, съ тогдашней точки зрѣнія на меня Василья Андроновича, я былъ человѣкомъ «необходимымъ» въ его глазахъ, а главное—не имѣлось подъ рукой никого другаго, чтобы послать въ Вя..... Причина болѣе, нежели достаточная «для заботливости о моемъ здоровьѣ!»

Итакъ, я почти напросился на новую разлуку съ изнемогающею женою, лишая ее тѣмъ наилучшаго для нея лѣкарства — моего присутствія въ Москвѣ и возможности видѣть меня ежедневно. За то кàкъ и оцѣнили потомъ такое полное мое самопожертвованіе! Какъ и отблагодарили меня за него! И какіе питательные, вкусные, великолѣпные плоды созрѣли на лучахъ этой откупной благодарности! И ужь какъ же покушалъ я этихъ плодовъ отъ «древа питейнаго вертограда»! Вдоволь покушалъ! Но только мнѣ

«Не поздоровилось отъ этакихъ плодовъ», —

могу я сказать, пародируя грибоѣдовскій стихъ.

Итакъ, на другой же день по полученіи письма отъ Штукарева, послѣдовала новая, тяжелая разлука съ женою,—разлука, которую принесъ я, какъ жертвоприношеніе, откупному Молоху на алтарѣ — не дружбы... фи, какъ это старо и какъ это пошло!... — на алтарѣ «крупныхъ итоговъ» для сооруженія изъ нихъ будущихъ виллъ, съ чудесами изъ «Тысячи одной ночи»...

Стремглавъ поскакалъ я въ Вя...., поселился тамъ въ главной конторѣ, гдѣ, въ успокоеніе и въ утѣшеніе мое въ разлукѣ

съ болѣющею женою, я могъ веселить мой взоръ зрѣлищемъ погребальныхъ процессій, которыя по нѣскольку разъ въ день проходили мимо оконъ конторы, шествуя на кладбище съ жертвами жестокой эпидеміи.

Первымъ моимъ дѣломъ по пріѣздѣ въ Вя.... было—принять самыя скорыя и строгія мѣры для охраненія цѣлости откупныхъ капиталовъ и для предупрежденія малѣйшаго поползновенія къ запущенію лапы въ денежные сборы акцизно-откупныхъ с...кихъ коммиссіонерствъ Василья Андроновича. Потомъ я сейчасъ же принялся за изученіе тѣхъ дѣлъ, взятыхъ въ совокупности и потомъ каждаго отдѣльно. Я окружилъ себя массою всевозможныхъ откупныхъ свѣдѣній, испещренныхъ безконечными цифрами; погрузился весь въ эти итоги, вдумывался въ нихъ, соображалъ, сравнивалъ, прокладывалъ на счетахъ и вносилъ въ листы бумаги разныя замѣтки и отмѣтки. Цѣлую недѣлю провелъ я въ этой утомительной работѣ, отуманивающей и умъ, и зрѣніе. И наконецъ изъ всего этого хаоса цифръ я создалъ нѣчто стройное и замѣчательно-ясное цѣлое, гармонически связанное въ своихъ восьми отдѣльныхъ частяхъ, т. е. въ восьми с......кихъ откупахъ, и проникнутое одною общеею идеею, направленное къ одной цѣли — къ результатамъ съ наивозможно-крупнѣйшими «итогами». Это было «Соображеніе о с......кихъ откупахъ», т. е. основанный на откупной стратегіи планъ, какъ вести эти откупа сообразно новой откупной системѣ, новому взгляду на откупа и въ особенности—сообразно тѣмъ исключительнымъ условіямъ и привиллегіямъ, которыя заключали въ себѣ с...кія дѣла Штукарева и которыхъ не было въ дѣлахъ прочихъ откупщиковъ. Окончивъ вчернѣ это соображеніе, я сейчасъ же принялся переписывать набѣло самъ своею рукою эти двадцать страницъ мелкаго письма, въ которыхъ заключалось множество, такъ сказать, откупныхъ семейныхъ тайнъ, а тайны эти должны были быть скрываемы отъ мелкой откупной челяди. Переписавъ, сейчасъ же и отправилъ я это соображеніе къ Василью Андроновичу, который не замедлилъ отвѣчать и написать между прочимъ: «Весьма много благодаренъ вамъ за это соображеніе, потому что оно проникнуто глубокимъ и правильнымъ созерцаніемъ всѣхъ дѣлъ.» Потомъ написалъ я еще и послалъ въ Петербургъ очень дѣльную статью подъ заглавіемъ: *Нѣчто о сложной цѣнѣ и объ аглицкой водкѣ*. Въ этой статьѣ ясно доказывалъ я зло и вредъ для самыхъ же откуповъ, отъ черезчуръ-высокой цѣны на

разлитое вино, чему я всегда и вездѣ противился. Итакъ, всѣ умственныя, душевныя и тѣлесныя мои силы посвятилъ я на служеніе Штукареву, который писалъ ко мнѣ почти каждую почту, и самымъ любезнымъ и ласковымъ тономъ. Между прочимъ, независимо отъ составленнаго мною общаго соображенія, я положилъ составлять ежемѣсячно особое соображеніе, въ которомъ предначертывалось движеніе капиталовъ, выборы и переборы питій и высылка денегъ въ Петербургъ. Цѣлый мѣсяцъ работалъ я неутомимо—для приведенія въ стройный порядокъ и въ ясность многосложную отчетность, для поддержанія строгой и толковой администраціи, которая начала-было шататься, и наконецъ, для соблюденія единства въ распоряженіяхъ и въ разнородныхъ требованіяхъ каждаго изъ восьми откуповъ.

Въ концѣ іюля получилъ я отъ Софи письмо, въ которомъ умоляла она меня пріѣхать въ Москву и взять ее съ собою въ Вя...., увѣряя, что живя вмѣстѣ со мною, если она и не совсѣмъ выздоровѣетъ, то все-таки получитъ болѣе облегченія, нежели пользуясь у московскихъ врачей въ разлукѣ со мною. Съ разрѣшенія Штукарева я поѣхалъ за женою въ Москву на самое короткое время, и 16 августа возвратился вмѣстѣ съ нею въ Вя..... И точно, ей видимо сдѣлалось легче, она начала поправляться, хотя еще была очень далека отъ выздоровленія, которое потомъ, вслѣдствіе письма ко мнѣ Штукарева, сдѣлалось еще болѣе сомнительнымъ.

Между тѣмъ Ма—товъ возвратился изъ своего дальняго путешествія и 21 августа пріѣхалъ въ Вя..... Онъ одобрилъ всѣ мои распоряженія; но, по пословицѣ «у всякаго свой умъ — царь въ головѣ», онъ сдѣлалъ многія измѣненія въ моихъ ежемѣсячныхъ соображеніяхъ. Измѣненія эти совершенно парализовали многія мои распоряженія и предположенія. Въ концѣ августа поѣхали мы съ нимъ обозрѣвать откупа: посѣтили До........, Ел..., Ду....... и потомъ проѣхали въ С......къ, гдѣ я представлялся губернскимъ властямъ въ качествѣ новаго главноуправляющаго г-на Штукарева. Сентября 2-го возвратились мы въ Вя.... и Ма—товъ уѣхалъ въ Москву. Въ концѣ сентября, несмотря на сквернѣйшую погоду, я снова пустился объѣзжать откупа, для того, чтобы уладить многіе споры и ссоры, возникшіе между управляющими откупами и мѣстными властями. Это была чисто дипломатическая поѣздка, которая увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, то есть заключеніемъ «мирныхъ трактатовъ». Прочны ли

были эти трактаты, — это уже дѣло не мое, а будущаго біографа Василья Андроновича и историка бывшаго комиссіонерства его въ с......кихъ откупахъ.

ГЛАВА IX.

НОВОЕ ПОРУГАНІЕ. — КАЗУСНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ. — РАЗМѢНЪ ПРИВѢТЛИВОЙ УЛЫБКИ НА ШЕМЯКИНЪ СУДЪ.

«Не счесть и тяжкихъ оскорбленій!
Во всѣхъ углахъ я былъ язвимъ —
То рѣчью, полной ухищреній,
То словомъ грубо площаднымъ».
ГЕЙНЕ.

«У сильнаго всегда безсильный виноватъ».
КРЫЛОВЪ.

Итакъ, повидимому все шло хорошо, и небо надъ с......кими откупами и надо мною было ясно; нигдѣ ни одной тучки. Барометръ стоялъ постоянно на хорошей погодѣ. Но откупная метеорологія такая мудреная вещь, что не многіе могутъ примѣниться къ ней, особливо когда ею управляютъ не на основаніи неизмѣнныхъ законовъ справедливости, а по наитію минутной прихоти, произвола, хамелеоновскаго расположенія духа и сообразно полному и возмутительно-циническому неуваженію къ личностямъ, къ заслугамъ и къ достоинству. Къ тому же, въ атмосферѣ, окружающей акцизно-питейныхъ юпитеровъ, бываетъ чрезвычайно много углекислоты, которая, по волѣ уродливой и раздражительной фантазіи, наподобіе тлетворнаго самума, быстро переносится въ самыя отдаленныя мѣстности, и отравляетъ и задушаетъ все, противъ чего была направлена эта губительная струя акцизно-юпитеровской углекислоты.

Въ началѣ октября Ма—товъ снова посѣтилъ Вя...., сдѣлалъ опять перемѣны и помарки въ моихъ распоряженіяхъ и соображеніяхъ и, послѣ недѣли пребыванія своего въ гл. конторѣ, уѣхалъ въ Москву. Видя, что я «толку воду» съ моими соображеніями, исполнять которыя мнѣ препятствовали, я перересталъ посылать ихъ въ Петербургъ и смиренно покорился мелочной надо мною опекѣ московской гл. конторы. Впрочемъ сношенія со мною кабинета нашего акцизнаго падишаха продолжали отличаться благосклонностію, и я время отъ времени бывалъ удо-

стоиваемъ полученіемъ отъ него всеакцизнѣйшихъ благоволеній. А наконецъ послѣдовала и награда—два ящика тенерифу и медоку и бутылокъ двадцать отличнѣйшей мадеры и портвейна. Но подарокъ, или, вѣрнѣе сказать, гостинецъ этотъ заставилъ меня призадуматься: я вспомнилъ золотую змѣю, которую Василій Андроновичъ прислалъ въ подарокъ моей невѣстѣ, послѣ помолвки ея со мною и незадолго до полученія мною отъ него другаго, самаго великолѣпнаго, самаго свадебнаго подарка—мелко-исписаннаго листа сѣрой оберточной бумаги. Урокъ изъ римской исторіи объ императорѣ Домиціанѣ не былъ забытъ мною, и я приготовился къ грозѣ, хотя и не постигалъ, почему, отъ чего и для чего могла бы она произойти. Но нашъ акцизный и ловкій Фукье-Тенвилль никогда не затруднялся и въ карманъ за «пунктами» не лазилъ, когда раждалась у него идея, а потомъ и желаніе—обвинять человѣка, который уже пересталъ быть «необходимымъ» и особенно—котораго «можно было замѣстить». Несмотря на то, горизонтъ надъ Вя..... продолжалъ быть ясенъ, и корреспонденція, получаемая мною изъ Петербурга, не выходила изъ границъ нормальной вѣжливости. Тяжелое на меня впечатлѣніе присланнаго мнѣ гостинца начинало сглаживаться, тѣмъ болѣе, что с......кія дѣла шли превосходно и въ четыре мѣсяца моего управленія перевыручили 68,000 руб., невзирая на холеру и временное разстройство дѣлъ послѣ смерти моего предмѣстника; а къ концу года обѣщали огромную прибыль. Но, какъ я сказалъ выше, въ кажущейся тишинѣ атмосферы скрывается иногда зародышъ близкой и страшной грозы.

Въ концѣ ноября Ма—товъ пріѣхалъ снова въ Вя..... Онъ былъ грустенъ, не въ своей тарелкѣ. Послѣ разныхъ оговорокъ, приготовленій, намёковъ, онъ вручилъ мнѣ письмо отъ Василья Андроновича, но не въ особенномъ и адресованномъ на мое имя конвертѣ, а посланное въ письмѣ отъ него къ Ма—тову, стало быть съ явнымъ намѣреніемъ, чтобы послѣдній прочиталъ написанное ко мнѣ письмо и чтобы, черезъ такую утонченность, сдѣлать еще чувствительнѣе тѣ оскорбленія и обиды, которыя заключались въ этомъ новомъ для меня подаркѣ, написанномъ на этотъ разъ не на оберточной, а на почтовой бумагѣ. Здѣсь помѣщаю этотъ важный документъ, образчикъ благодарности Штукарева за самоотверженіе и честную службу.

Документъ восьмнадцатый.

С.-Петербургъ. 17-го ноября 1848 года.

«М. Г. Ник. Петр.

«Между тѣмъ, какъ теперь лучшіе мѣсяцы по выручкѣ, то я считаю необходимымъ обратить на ходъ дѣла наибольшее вниманіе. Въ этихъ видахъ я прошу И—на Ѳе—ча отправиться немедленно въ Вя.... и жить въ ней въ ожиданіи меня—не въ видѣ наблюдателя или совѣтника, а въ видѣ дѣйствователя, то есть не тратить напрасно времени, которое у васъ идетъ въ соображеніяхъ, перепискахъ, въ бумажномъ размѣнѣ мыслей, изъ чего никакихъ результатовъ никогда не бываетъ; примѣръ этому я приведу слѣдующій. Начну съ того, что не имѣю времени всѣ вѣдомости разсматривать во всей подробности, да и не люблю этого (*), а опредѣляю дѣло бѣгло, по сложнымъ цѣнамъ продажи и расходовъ, а главное—по частому полученію денегъ отъ дѣлъ.

«Какъ со времени смерти Николая Гавриловича, я имѣю удовольствіе ни копѣйки не получать отъ васъ, то мнѣ и кажется, что дѣло идетъ плохо (**). Мнѣ кажется, что это опредѣленіе и просто, и ясно, и вѣрно. Въ іюлѣ и августѣ *вы меня водили за носъ въ отношеніи высылки* 10 тыс. (о которыхъ я писалъ), и все-таки не выслали. Потомъ прислали соображеніе о движеніи денежныхъ суммъ во второмъ полугодіи, по которому опредѣлили выслать въ Петербургъ въ августѣ 5 тыс., октябрѣ—10 т. и ноябрѣ—22 т.; а на дѣлѣ, всѣ эти опредѣленія вышли *мыльные пузыри*, несмотря даже на то, что въ соображеніи вашемъ предположено перевыручить. На все это вы можете возразить одно, а именно: предположенный излишекъ въ суммахъ исчезъ потому, что увеличили выборъ вина. На это возраженіе отвѣчаю вамъ вотъ что: въ соображеніи вашемъ о движеніи капиталовъ во второмъ полугодіи вы предназначали выбрать вино въ іюлѣ, августѣ, сентябрѣ и октябрѣ 91,788 ведеръ, а выбрали 103,781, слѣдовательно, болѣе 11,993 ведеръ, на что нужно было денегъ

(*) Да какой же порядочный и толковый откупщикъ, кромѣ васъ, г. Штукаревъ, не просматриваетъ откупныхъ вѣдомостей, если уже не во всѣхъ ихъ подробностяхъ, то по крайней мѣрѣ въ тѣхъ графахъ, въ которыхъ значится, куда и на что пошли откупные капиталы?

(**) Еще разъ скажу: вольно же было вамъ, г. Штукаревъ, не просмотрѣть графу о движеніи откупныхъ капиталовъ, въ присылаемыхъ къ вамъ вѣдомостяхъ? Просмотрѣли бы вы вышереченныя графы,—тогда увидѣли бы, что не плохо, а очень хорошо шли с......кія дѣла, если въ четыре мѣсяца перевыручили 68 т. рублей, а къ январю дали 146 т. руб. чистаго барыша. И вѣроятно тогда вы не написали бы ко мнѣ такого оскорбительнаго письма.

35.000 рублей. А какъ вы имѣли излишество въ перевыручкѣ на 50 т. руб. сер., то поэтому, покрывая ими сумму излишнихъ расходовъ на вино, все-таки, кажется, могли съ избыткомъ осуществить ваши предположенія насчетъ втораго полугодія, и доказать, что цифры, вами высчитываемыя, не суть призракъ и мечта, а чистѣйшая дѣйствительность. Все это меня до такой степени сбиваетъ съ толку, что я началъ бояться, чтобы и остальные *два года не были подобны соображенію о второмъ полугодіи, и тогда дѣло будетъ горькое* (*). Побуждаемый этимъ опасеніемъ, я прошу Ивана Ѳе—ча не выѣзжать изъ Вя.... до пріѣзда моего; но это не значитъ, что я отдаляю васъ отъ дѣла. Я даже на васъ и не сержусь (**), а пишу то, что чувствую и нахожу нужнымъ передать вамъ». . . . .

Вотъ какого рода было письмецо, переданное мнѣ, по коммиссіи, Ма—товымъ!... Вотъ тебѣ и «фланель на животъ»!... Вотъ тебѣ и «теплые чулки на ноги»!... По всему видно, что у Василья Андроновича была тоже своя особенная «точка зрѣнія» и на фланель, и на теплые чулки; особливо, когда «здоровье выручекъ» было уже обезпечено не однимъ моимъ здоровьемъ, но и возможностію замѣстить меня.

Должно быть очень не весело было мое лице, когда, прочитавъ это письмо, написанное хотя и не «по пунктамъ», но все-таки по наитію каприза и хамелеоновскаго расположенія духа, я вошелъ въ комнату жены: она поблѣднѣла, взглянувъ на меня, и опустилась на кресла, закрывъ лицо руками и боясь заговорить со мною и услышать отъ меня вѣсть о новой бѣдѣ. Нѣсколько минутъ продолжалось гробовое молчаніе, которое прервалъ я, сказавши:

— Вотъ какъ Василій Андроновичъ отблагодарилъ меня за честную, усердную службу и за ту готовность, съ которою поѣхалъ я въ Вя.... спасать отъ разстройства его дѣла, несмотря на личную для меня опасность отъ бывшей тогда здѣсь холеры и бросивъ тебя въ Москвѣ больную и убитую разлукою со мною и опасеніями за мою жизнь.

И, сказавъ это, я подалъ женѣ письмо Штукарева. Она быстро пробѣжала его и блѣдность ея уступила мѣсто румянцу

(*) Да, точно горькое! Но только не для васъ, г. Штукаревъ, а для меня, на котораго бросали вы такую оскорбительную тѣнь подозрѣнія въ вашемъ вопіющемъ и безсовѣстномъ письмѣ.

(**) Какое великодушіе! Чувствительнѣйше васъ за него благодарю, г. Штукаревъ! Но только осмѣливаюсь замѣтить вамъ, что такъ же, какъ и отъ вашей благодарности, не поздоровилось мнѣ отъ вашего «кесаревскаго» великодушія.

негодованія. Она заплакала. Я принялся успокоивать, утѣшать ее, хотя и самъ нуждался въ утѣшеніи. Свѣжее и кровавое оскорбленіе растравило и прежнія, еще далеко не зажившія раны моего самолюбія и сердца и кипящимъ масломъ упало на эти раны. Независимо отъ оскорбленій и обидъ, меня приводила въ негодованіе черная неблагодарность и самая возмутительная несправедливость. Но послѣ глубокаго раздумья, я побѣдилъ въ себѣ мое законное негодованіе и еще разъ смирился, чтобы хоть этимъ ослабить, смягчить нѣсколько зловредное дѣйствіе, которое произвело на Софи чтеніе не менѣе зловреднаго письма Штукарева. Я сейчасъ же написалъ къ нему самымъ покойнымъ, нормальнымъ тономъ отвѣтъ, въ которомъ вполнѣ опровергнулъ всѣ его обвиненія обратилъ въ прахъ всю его гнилую аргументацію. Хотя письмо это наполнено цифрами, сухими и ни для кого не интересными, но считаю необходимымъ помѣстить его здѣсь.

Документъ девятнадцатый.

Вя..... 1848 года, 26 ноября.

М. Г. В. А.

«Для оправданія моего въ томъ, что я не исполнилъ высылки денегъ въ Петербургъ, какъ я назначилъ въ моемъ соображеніи на 2-е полугодіе, приведу слѣдующіе факты и цифры:

«1) Въ моемъ соображеніи назначенъ выборъ полуцѣннаго вина только въ Вя...., всего 5,000 ведеръ. Вмѣсто того переборы еще назначены и открыты въ Ел..., Дух......, и Дор......., а для этого я долженъ былъ, вмѣсто отсылки въ Петербургъ, сосредочивать къ ноябрю капиталы въ Вя...., откуда уже и послалъ въ помощь для выбора вдругъ двухъ-мѣсячной пропорціи: въ Ел... 9,000 руб., Дор...... 5,500 руб. и Дух....... 6.500 руб. всего 21,000 руб., которые и послалъ бы я въ Петербургъ.

«2) Въ соображеніи назначено за залоги въ ноябрѣ 5,914 руб., а мнѣ предписано было для освобожденія ихъ внести въ ноябрѣ же и за декабрь 5,914 руб., которые послалъ бы я въ Петербургъ.

«3) По Гжа..., Сы....., Бѣ... и Юх.... должно было, по моему соображенію, оставаться на 1 октября недобору противъ обязательной 3,481 ведро. Недоборъ этотъ предписано было очистить непремѣнно въ сентябрѣ и я внесъ тогда лишнихъ 10,373 р., изъ которыхъ, по соображенію, слѣдовало очистить 2,000 ведеръ только въ ноябрѣ, и потому я бы могъ выслать въ Петербургъ еще 6,000 рублей.

«4) Въ сентябрѣ, по предписанію И—на Ѳе—ча, послано въ Ма.... дышъ 2,000 рублей, да еще въ октябрѣ послано въ Москву 2,500 руб. на разные предварительные расходы и покупку имущества, внѣ моего соображенія. Эти 4,500 руб. я бы могъ выслать въ Петербургъ. Всего же по сіе время я выслалъ бы въ Петербургъ слишкомъ 37,000 руб., вмѣсто назначенныхъ мною 15,000 руб., если бы позволили мнѣ дѣйствовать по моему іюльскому соображенію.

«Вслѣдствіе этого въ сентябрѣ я уже пересталъ посылать въ Петербургъ соображенія, видя что ихъ нельзя исполнять и нельзя—не по моей винѣ. Но дѣлъ я не разстроилъ и денегъ въ свой карманъ не клалъ, а равно и не давалъ ихъ тратить попусту; а всѣ онѣ употреблены на выборъ вина, на очищеніе недоборовъ, на вступленіе въ выборъ полуцѣннаго и на выкупъ залоговъ. Но результатъ прибылей отъ этого нисколько не пострадалъ, а только отсрочился: вмѣсто того, чтобы вынуть деньги изъ дѣлъ для отсылки въ Петербургъ,—съ августа по ноябрь 15 т.. и потомъ до января 52 т., всего 67 т.,—можно вынуть теперь, имѣя уже свободу въ движеніи капиталовъ, къ серединѣ декабря до 50,000 руб., а къ январю еще 20,000 рублей.

«Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ 1-мъ полугодіи:

«1) Взята въ январѣ мѣсячная обязательная пропорція по всѣмъ городамъ подъ залоги безъ денегъ.

«2) Сдѣланъ былъ по всѣмъ дѣламъ недоборъ противъ обязательной пропорціи, на основаніи § 23 и 26.

«По принятіи мною См....кихъ дѣлъ оставалось на нихъ долгу за залоги 34,938 руб. Да еще недобора противъ обязательной было 16,919 ведеръ, для очищенія котораго слѣдовало внести 50,119 руб. Двѣ эти суммы, составляющія 85,057 руб., были вынуты изъ дѣлъ въ 1-мъ полугодіи на счетъ 2-го полугодія. Но изъ этой суммы должно исключить 8,893 руб., которые оставались въ дѣлахъ на 1 іюля. Затѣмъ 2-е полугодіе должно было уплатить всего 76,164 руб., вынутыхъ во 2-мъ полугодіи и которые, поэтому, принадлежатъ къ барышу не 1-го, а 2-го полугодія. Стало быть, съ предполагаемымъ вынутіемъ въ декабрѣ еще 70,000 руб., второе полугодіе дастъ барыша 146 т. рублей.

«Съ истиннымъ почтеніемъ, и пр.

Написавъ и отправивъ въ Петербургъ это письмо, я терпѣливо сталъ ждать отвѣта, надѣясь, что авось образумится наконецъ эта откупная натура, избалованная, испорченная постоянными удачами во всемъ и доведенная до самыхъ крайнихъ, уродливыхъ размѣровъ самообожанія и вѣрованія въ свою непогрѣшительность. Но откупное *самопоклонство* несравненно хуже

всякаго идолопоклонства: это слѣпота кротовъ, неизлѣчимая, вѣчная.

Ма—товъ хотя и поселился въ Вя...., но оставилъ мнѣ свободу управлять попрежнему дѣлами. Надо отдать полную справедливость деликатности его обращенія со мною. Онъ выказывалъ живое сочувствіе къ моимъ огорченіямъ и, какъ можно было замѣтить, далеко не одобрялъ поступковъ со мною Штукарева. Однажды, въ первыхъ числахъ декабря, онъ по обыкновенію, обѣдалъ у меня. Въ половинѣ стола входитъ въ залу конторщикъ и подаетъ Ма—тову большой пакетъ, только что полученный изъ Петербурга по эстафетѣ. Взглянувъ мелькомъ на поданный конвертъ, адресованный въ главную вя—скую контору, я замѣтилъ на печати готическій вензель Штукарева. Ма—товъ, предугадывая, по какому-то тонкому чутью, что полученный конвертъ скрывалъ нѣчто недоброе, возвратилъ его конторщику, сказавъ:

— Отнеси ко мнѣ на квартиру; прочитаю послѣ.

— Извините, добрѣйшій И. Ѳ— этотъ конвертъ адресованъ въ главную контору; а такъ какъ я еще не отстраненъ отъ управленія с—кими дѣлами Василья Андроновича, то и прошу васъ покорнѣйше распечатать этотъ пакетъ при мнѣ и сейчасъ же прочитать, что̀ въ немъ находится.

Дѣлать было нечего. М—товъ вскрылъ конвертъ и вынулъ оттуда не листъ, а цѣлую тетрадь, исписанную собственною рукою нашего отца и благодѣтеля Василья Андроновича Штукарева. Но едва прочиталъ нѣсколько строкъ, какъ яркая краска стыда и негодованія бросилась ему въ лицо,—онъ пересталъ читать. Я взялъ тетрадь и принялся продолжать назидательное чтеніе: тетрадь была наполнена самыми грубыми, дерзкими выраженіями, бранью, ругательствами. «Дураки, скоты, ослы, болваны» были разсыпаны щедрою рукою въ этомъ сатирическомъ опытѣ русскаго откупнаго Ювенала; это, изволите видѣть, была аттическая соль Василья Андроновича.

Послѣ оскорбительнаго ко мнѣ письма отъ 17 ноября, и не дождавшись на него отвѣта, Штукаревъ изволилъ еще разъ разгнѣваться, а за что̀, — я и до сихъ поръ не совсѣмъ понимаю.

Непонравилась, видите, ему форма откупныхъ вѣдомостей и въ особенности слова «со счета на счетъ». (И форма, и слова эти были выдуманы не мною, а велись въ откупахъ съ незапамят-

ныхъ временъ, отъ откупныхъ Адама и Евы). Ну вотъ и изволилъ разгнѣваться!

Грубости, пошлости и брань были обращены, конечно, не на меня, а попеременно, то на главную контору, то на мѣстнаго вя—скаго управляющаго Ко—това: прямо ко мнѣ обращать ихъ онъ не посмѣлъ.

По прочтеніи мною первыхъ строкъ посланія, жена моя, приведенная въ ужасъ и негодованіе, чувствуя приближеніе нервнаго припадка, ушла въ свою комнату....

По уходѣ Софи, продолжалось и окончилось чтеніе знаменитой тетради. Настала глубокая тишина. Вторую половину обѣда принесли и унесли назадъ непочатою. Впечатлѣніе письма было невообразимо. Ма—товъ первый прервалъ молчаніе и, несмотря на свою всегдашнюю осторожность и тонкій, дипломатическій умъ, сказалъ тономъ глубоко оскорбленнаго человѣка.

— Вотъ вамъ и награда за наши честные труды и усердіе! Послѣ этого остается только Василью Андроновичу пріѣхать въ Вя...., взять палку и колотить насъ по чемъ попало....

Пора было окончить литературный сеансъ по поводу сатирическаго сочиненія г. Штукарева. Мы встали изъ-за стола. Ма—товъ ушелъ къ себѣ, а я къ женѣ. Войдя къ ней, я объявилъ, что завтра утромъ ѣду въ Петербургъ, для объясненія съ Штукаревымъ. Она поблѣднѣла. Понимая, что не всегда сходитъ съ рукъ игра огнемъ, а тѣмъ болѣе дерзкая попытка курить сквернѣйшую сигару надъ боченкомъ пороху, она хотѣла было отклонить меня отъ этой поѣздки, но послѣ первой своей фразы, замолчала, прочитавъ на моемъ лицѣ одну изъ тѣхъ рѣшимостей, которыхъ ничто и никто не въ силахъ побороть. О, какая раздирающая сцена произошла вслѣдъ за тѣмъ въ комнатѣ жены! Слезы, рыданія, сильнѣйшая дрожь, такъ что слышно было щолканіе зубовъ, однимъ словомъ—все, отъ чего было освободилась моя Софи, возвратилось теперь къ ней съ бо̀льшею силою. Что происходило тогда въ глубинѣ моей души! Все тамъ было потрясено, поругано, измучено и растерзано. На мои собственныя, личныя кровавыя обиды падала еще смертельная тоска опасеній и жалости, при видѣ возвратившихся страданій жены; и до такой пытки нравственной и физической доведены мы были нашимъ неутомимымъ, свирѣпымъ гонителемъ, нашимъ питейнымъ Торквемадою!

На другое утро я оставилъ Вя...., а въ ней жену, которая слегла въ постель. О, что это было за прощанье съ нею! Съ воплями и рыданіями она судорожно прижала мою голову къ своей груди и осыпала ее поцѣлуями, обливала слезами, какъ будто бы эта голова обречена была желѣзу гильотины!

Простился я и съ Ма—товымъ. Онъ тоже пытался отклонить меня отъ поѣздки въ Петербургъ, говоря, что «все перемелется и мука будетъ». Но вѣдь такихъ людей, какъ я, «никакая мукà» не въ состояніи вознаградить за тяжкія, кровавыя обиды. Итакъ, день и ночь мчался я на почтовыхъ и 13 декабря въ полдень прибылъ въ Петербургъ, остановился у Демута и черезъ часъ послѣ того вошелъ уже въ кабинетъ Василья Андроновича. Онъ былъ дома. Внезапное и неожиданное мое появленіе передъ его глазами ошеломило его. Онъ поспѣшно всталъ съ креселъ, пошелъ ко мнѣ навстрѣчу и, протянувъ мнѣ руку съ самою привѣтливою улыбкою, похожею на фальшивую ассигнацію, усадилъ возлѣ себя на диванъ и сказалъ голосомъ, изобличавшимъ скрытое безпокойство:

— Получили вы мое письмо?

— Отъ семнадцатаго ноября? Имѣлъ честь и удовольствіе получить его! отвѣчалъ я сухо и отрывисто.

— О нѣтъ,—не то, а послѣднее мое письмо къ вамъ отъ четвертаго декабря, проговорилъ Василій Андроновичъ нетерпѣливо и смущаясь все болѣе и болѣе.

— Никакого другаго письма не получалъ я; а получилъ я еще отъ *васъ* тетрадь *ругательствъ*, адресованную въ главную вя—скую контору, которою имѣю *счастіе* управлять, — произнесъ я медленно и сильно ударяя на слова: отъ васъ, ругательствъ и счастіе.

Минута была торжественная, грозная. Василій Андроновичъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понять эту *торжественность*, чреватую *казусами*, не совсѣмъ удобоваримыми даже и для его здороваго желудка. Онъ поспѣшно всталъ и взявъ меня за руку, сказалъ все съ тою же привѣтливою улыбкою, подъ которою умѣлъ мастерски прятать свои заднія мысли.

— Очень сожалѣю, что вы не получили моего послѣдняго письма: оно бы вполнѣ васъ успокоило и удовлетворило. И мнѣ только остается теперь просить у васъ прощенія. Мало того, я готовъ извиняться передъ вами при цѣломъ Петербургѣ, и нисколько не считаю этого для себя унизительнымъ.

— *Этого* съ меня довольно, и на этотъ разъ я болѣе ничего отъ васъ не требую.

И мы оба вздохнули свободнѣе; а сверхъ того Василій Андроновичъ избавился отъ самаго тяжелаго, мучительнаго кошмара.

— Долго пробудете въ Петербургѣ? спросилъ онъ меня послѣ нѣкотораго молчанія, въ продолженіе котораго окружавшая насъ атмосфера освобождалась отъ избытка скопившагося въ ней электричества, не произведя ни грома, ни молніи.

— Сегодня пріѣхалъ я сюда, а завтра выѣзжаю отсюда въ Вя.....

— Очень радъ. Я тоже завтра выѣзжаю въ Вя...., гдѣ мы увидимся. Итакъ, до скораго свиданія.

— До свиданія.

И мы разстались.

На другой же день послѣ этой достопамятной сцены *избытнутыхъ казусовъ* я уже мчался обратно въ Вя....., *съ твердымъ намѣреніемъ оставить службу Штукарева*. А пока я туда ѣду, прочтемте письмо Штукарева отъ 4 декабря, которое, по его словамъ, должно было *вполнѣ меня и успокоить, и удовлетворить*. Оно получено было въ Вя.... вскорѣ послѣ моего оттуда выѣзда.

Документъ двадцатый.

С. Петербургъ. 4 декабря 1848 года.

«М. Г. Ник. Петр.

«Письмо ваше отъ 26 ноября я получилъ. Отвѣтъ на него сдѣлаю вамъ лично въ половинѣ сего мѣсяца, а теперь скажу то, что хотя вы на меня и посердитесь за письмо мое (доставленное вамъ Ив. Ѳед.), *но за то послѣ это слюбится;* ибо во всѣхъ насъ, откупныхъ дѣятеляхъ, не достаетъ самаго главнаго, это — торговой простоты въ счетахъ и умѣнья каждомѣсячно отдѣлять отъ дѣлъ прибыль, безъ всякихъ путанныхъ разсчетовъ. Все это въ подробности я передамъ вамъ лично.

«Что вы дѣлъ не разстроили и денегъ попустому не тратили, то въ этомъ я столько убѣжденъ, сколько и вы сами; но сознайтесь въ томъ, что дѣло требуетъ привитія къ нему простоты и логичности, основанной не на запутанныхъ формахъ, а на простомъ русскомъ счетѣ. Мало того что я убѣжденъ въ томъ, что вы денегъ попусту не тратили, я даже думаю, что вы скорѣе всѣхъ войдете (послѣ часа личной бесѣды) въ мою идею о упрощеніи счетовъ и о присвоеніи дѣламъ способности выражать свои результаты каждомѣсячно чистыми рублями, а не статьями: *со счета и на счетъ*.

«Прощайте *до пріятнѣйшаго* свиданія въ сердцевинѣ самаго дѣла, т. е. въ Вя.....

«*Искренно* вамъ *преданнѣйшій*

В. Штукаревъ.»

Изъ этого образчика удивительной діалектики и аргументаціи, т. е. изъ набора пустозвонныхъ словъ и фразъ, видно однако же, что Штукаревъ, по полученіи моего оправдательнаго отвѣта, сознался въ душѣ, что оскорбительные упреки его не имѣли ни малѣйшаго основанія. А отчего же онъ не подождалъ этого оправданія, прежде нежели рѣшиться нанести новыя кровавыя оскорбленія сочиненіемъ и отправкою въ Вя.... своего сатирическаго опыта? Оттого, что онъ, Штукаревъ, все позволялъ и извинялъ себѣ, и ничего — другимъ; оттого, что роль волка въ извѣстной баснѣ Крылова, насчетъ права сильнаго, была совершенно понутру ему, Штукареву. Поэтому-то, въ окончательномъ результатѣ, онъ, Штукаревъ, всегда и во всемъ оказывался правымъ, а всѣ прочіе виноватыми.

Вечеромъ 17 декабря возвратился я въ Вя...., а двумя часами позднѣе пріѣхалъ туда Василій Андроновичъ и остановился въ нарочно-приготовленной для него квартирѣ. На другой день утромъ посѣтилъ онъ контору и меня. Разумѣется, онъ не забылъ взять съ собою и свою, столь извѣстную «привѣтливую улыбку». Съ этою улыбкою было тоже, что обыкновенно бываетъ со всякимъ сомнительнымъ знакомъ цѣнности: ее поспѣшили размѣнять на..... дѣйствія христіанской любви и евангельскаго милосердія, и вотъ какъ:

Во первыхъ, были чрезвычайно любезны съ моею женою, этою кроткою страдалицею, которая, обрадовавшись донельзя благополучному моему возвращенію изъ *казусной* поѣздки, встала съ постели и, хотя черезъ силу, пришла въ гостиную взглянуть на своего Пилата, распинавшаго ее столько разъ на крестѣ страданій, и подготовившаго ей послѣднее тихое убѣжище на кладбищѣ Алексѣевскаго монастыря.

Во вторыхъ, соблаговолили пригласить меня къ своему обѣденному столу.

Въ третьихъ, прочитали мнѣ самымъ медоточивымъ голосомъ слѣдующую откупную притчу, впрочемъ сказанную по всѣмъ правиламъ семинарской риторики: «По зрѣломъ соображеніи нашли, что главная контора въ Вя.... въ настоящее время—вещь совершенно лишняя, по той причинѣ, что Ив. Ѳед.

Ма—товъ, живя въ Москвѣ, можетъ каждый мѣсяцъ наѣзжать въ Вя...., дѣлать всѣ необходимыя распоряженія и потомъ возвращаться въ Москву, предоставляя мѣстному управляющему Ко—тову наблюдать за исполненіемъ его распоряженій.... Изъ всего этого слѣдуетъ: а) рѣшено упразднить главную вя...скую контору; б) съ упраздненіемъ главной конторы упраздняется и мѣсто главноуправляющаго с......кими дѣлами; и наконецъ в) чувствительнѣйше меня благодарятъ за добросовѣстную мою службу, которую я могу теперь оставить, дабы отдохнуть отъ столькихъ понесенныхъ мною трудовъ и еще озаботиться лѣченіемъ моей супруги....

Такая заботливость о здоровьѣ моей жены пробудила во мнѣ нѣкоторыя воспоминанія изъ моей давно-прошедшей военной жизни. Въ то «блаженное» время, въ числѣ многихъ другихъ антиковъ, процвѣтали особаго рода отцы-командиры, впрочемъ отличные фронтовики, которые вздуютъ, бывало, кого нибудь изъ своихъ нижне-чинныхъ подчиненныхъ,—вздуютъ, разумѣется, за важное преступленіе, какъ напримѣръ: ошибся во фронтѣ, или при заряжаніи на 12 темповъ сказалъ «два, три», (а слѣдовало сказать «два, два»),—и поэтому вздуютъ его на славу; за то съ какою же нѣжною заботливостію чадолюбиваго отца отсылаютъ потомъ, послѣ ученія, провинившагося подчиненнаго въ полковой лазаретъ для залѣченія его плечъ, спины и прочаго.

Чтеніе откупной притчи было окончено. Это чтеніе—послѣднее явленіе послѣдняго акта траги-комедіи: *Акцизно-откупная дружба и комиссіонерская благодарность*, данной въ бенифисъ великаго акцизно-откупнаго артиста и чародѣя Василья Андроновича Штукарева. Роли выдержаны превосходно, и особливо роль—*друга по душѣ и почитателя высокой честности и горячей преданности сердца....*

Почтеннѣйшая публика! хлопай въ ладоши, кричи—браво-о-о, да погромче!... Но только, пожалуйста, не кричи bis — чуръ меня отъ такого *биса*, и латинскаго, и малороссійскаго!

Такъ окончилась моя служба у Василья Андроновича Штукарева, который въ концѣ 1844 года уговорилъ меня оставить мой тихій сельскій пріютъ и вступить въ его дѣла, «гдѣ обращаются сотни тысячъ и милліоны», обѣщая сдѣлать меня своимъ сотрудникомъ и участникомъ въ этихъ милліонныхъ дѣлахъ и «вполнѣ обезпечить мою будущность». И великолѣпная эта программа была имъ исполнена самымъ акцизнымъ образомъ.

Вскорѣ затѣмъ сцена вя..:скаго откупнаго театра опустѣла: бенефиціантъ, великій художникъ и чародѣй уѣхалъ въ Петербургъ, чтобы на сценѣ несравненно обширнѣйшей разыгрывать новыя піесы, порождаемыя его могучимъ акцизно-откупнымъ геніемъ. Что же касается до меня, пассивная роль котораго окончилась такимъ жалкимъ образомъ, то, собравшись съ моею больною женою и со всѣмъ скарбомъ, я оставилъ Вя.... а съ тѣмъ вмѣстѣ и службу Штукарева, и оставилъ безъ малѣйшаго сожалѣнія. Не только здоровье жены, но и мое собственное сильно пострадало отъ послѣднихъ потрясающихъ событій. Пробывъ съ недѣлю въ Москвѣ, проѣхали мы въ Тулу, а оттуда въ деревню, въ этотъ мирный пріютъ, гдѣ прежде провелъ я шесть лѣтъ самой безмятежной и счастливой жизни съ первою моею женою.

Недѣли черезъ двѣ по пріѣздѣ въ деревню, я узналъ, что гл. контора въ Вя.... вовсе не была упразднена и что вскорѣ послѣ моего отъѣзда, туда былъ присланъ новый главноуправляющій, нѣкто Ж—овскій. Это былъ откупной рутинеръ, знавшій хорошо свое дѣло, но увы! — у него, какъ и у Ве—ги, была тоже манія, не помню только какая: хересо, мадеро, коньяко, или просто сивухо-манія. Разница была только та, что періоды его нормальности были несравненно рѣже и короче, нежели у Ве—ги, и потому большую часть времени онъ находился въ блаженномъ состояніи восточнаго теріака.

Хотя и оставилъ я дѣла Штукарева, но прекратить съ нимъ всякія сношенія было невозможно. Никто и ничто въ мірѣ не въ силахъ уничтожить роковой *законъ солидарности*, который тяготѣетъ надъ всѣми и надъ всѣмъ, несмотря ни на какія разрывы, разлуки и разстоянія. Къ тому же Штукаревъ не рѣшился лишить меня участія въ гжа..комъ откупѣ, и мнѣ присылали оттуда ежемѣсячныя вѣдомости, какъ это водится вездѣ въ отношеніи откупныхъ компаньоновъ. Но независимо отъ гжа..каго дѣла, я во множествѣ случаевъ и во всей силѣ испыталъ солидарность, существовавшую между мною и Штукаревымъ: гибельное вліяніе этого человѣка на мою жизнь далеко не прекратилось съ выходомъ моимъ изъ дѣлъ его, какъ это скоро будетъ видно.

ГЛАВА X.

НЕПРОШЕННЫЙ ПОСРЕДНИКЪ. — СИСТЕМА ЛОЖНЫХЪ ОБѢЩАНІЙ ИЛИ ОТКУПНАЯ МИСТИФИКАЦІЯ. — НОВЫЙ ШЕМЯКИНЪ СУДЪ.

Не довернешься — бьютъ, и перевернешься — бьютъ
(Солдатская поговорка.)

Ты виноватъ ужь тѣмъ, что хочется мнѣ кушать.
КРЫЛОВЪ.

Сейчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Тулу, я встрѣтился тамъ съ моимъ родственникомъ Ле—вымъ. Между нами возникло недоразумѣніе и потомъ споръ относительно нашего компанейскаго дѣла; но мы порѣшили этотъ споръ тѣмъ, что положили между собою передать въ однѣ руки паи кра.....скаго откупа. По обоюдному и добровольному согласію, дѣло это было передано мнѣ съ тѣмъ, что я обязался заплатить Ле—ву за послѣдніе два года откупнаго четырехлѣтія на его паи, по разсчету прибыль первыхъ двухъ лѣтъ. Итакъ, я принялъ отъ Ле—ва кра.....скій откупъ, уплативъ ему, что̀ слѣдовало по условію, наличными деньгами, и сверхъ того выдавъ ему заемное обязательство на сумму довольно значительную по поводу его 75 паевъ. Я выписалъ сейчасъ же управляющаго, того самаго, который такъ хорошо завѣдывалъ гжа..кимъ откупомъ во время моего путешествія съ Штукаревымъ, и назначилъ ему за управленіе Кр...ою, сверхъ довольно значительнаго содержанія, десять паевъ изъ прибылей откупа. На всякій случай я увѣдомилъ Штукарева о томъ, что произошло между Ле—вымъ и мною. Василій Андроновичъ не замедлилъ отвѣчать и одобрить сдѣлку: «вы очень хорошо сдѣлали: Ал—ру Ива—чу пора отдохнуть отъ двухлѣтнихъ трудовъ, а вамъ необходимо занять свою кипучую дѣятельность». Итакъ, казалось, все пошло хорошо, но на повѣрку впослѣдствіи вышло не такъ хорошо: высокій прокурорскій талантъ Фукье-Тенвилля, какъ и всѣ прочіе высокіе таланты, требуютъ упражненія и пищи.

Первые четыре мѣсяца 1849 года провелъ я въ деревнѣ. Въ началѣ мая поѣхалъ я съ женою въ Москву, гдѣ родилась у насъ дочь. Тогда же я взялъ изъ пансіона старшую мою дочь и помѣ-

стилъ ее въ московскомъ екатерининскомъ институтѣ. Въ іюнѣ возвратился я съ женою и новорожденною дочерью въ деревню. Тихая жизнь и отсутствіе огорченій и волненій успокоили мою жену въ нравственномъ отношеніи; но физическое состояніе не поправлялось: послѣднія треволненія и потрясенія въ Вя.... уходили ее окончательно, она томилась и таяла, какъ свѣча.

1849 годъ былъ неблагопріятенъ для большей части откуповъ, а въ томъ числѣ и для Кра....ны. Дѣло шло худо, начались огромныя недовыручки. Сначала я наѣзжалъ въ Кра....ну, а потомъ, осенью, совсѣмъ туда переселился и принялся управлять откупомъ самъ, тѣмъ болѣе, что несмотря на хорошее содержаніе и на паи изъ прибылей, управляющій оказался «волкомъ», и я накрылъ и уличилъ его въ одномъ, самомъ нагломъ цапаньи. Въ это же самое время у меня возникъ новый споръ съ бывшимъ моимъ компаньономъ по Кра....нѣ: онъ предъявилъ мнѣ самыя несправедливыя притязанія и, въ случаѣ неисполненія его невозможныхъ требованій, угрожалъ мнѣ «завести дѣло». Отъ роду не имѣлъ я никакихъ «дѣлъ», боялся ихъ пуще огня и старался избѣгать всѣми мѣрами, предпочитая всегда потерять что нибудь, да только помириться, а не тягаться. Что дѣлать? Я прибѣгнулъ къ Ма—тову, который всегда выказывалъ ко мнѣ большое сочувствіе. Объяснивъ ему причину возникшаго у меня съ Ле—вымъ спора, я просилъ его совѣта, какъ и что̀ мнѣ дѣлать въ подобномъ случаѣ, прибавя, что я не хочу обращаться къ посредничеству Василья Андроновича для того, чтобы письмо мое не было принято за жалобу и поставлено мнѣ послѣ въ укоръ. Ма—товъ былъ тогда въ Петербургѣ у Штукарева, и потому я адресовалъ мое письмо въ домъ Василья Андроновича. Отвѣтъ изъ Петербурга пришелъ очень скоро. Но каково было мое удивленіе, когда распечатавъ конвертъ, я вынулъ письмо, написасное не Ма—товымъ, а самимъ Штукаревымъ. Вотъ этотъ отвѣтъ.

Документъ двадцать первый.

С.-Петербургъ. 5-го ноября.

М. Г. Ник. Петр.

«За отъѣздомъ Ивана Ѳед. я получилъ ваше письмо къ нему. *Вполнѣ сочувствую всѣмъ вашимъ горямъ.* Улаживать ихъ посредствомъ переписки нельзя, потому что пока я буду мирить васъ съ А.

Ив. и обратно его съ вами, пропадетъ много времени попустому, а дѣло требуетъ не пустыхъ словъ, а дѣйствій. Тогда только вы оба будете при средствахъ къ будущимъ торгамъ, когда облегчатъ обязанности Кра....ны. Для достиженія сего и вамъ, и А. Ив., потребно пріѣхать сюда сейчасъ же на недѣльку. Здѣсь я надѣюсь васъ помирить и послѣ сего исходатайствовать нужное для Кра....ны облегченіе.

«Съ письма моего къ А. И. прилагаю копію, равно и съ этого письма посылаю ему копію. Двиньтесь изъ Кра....ны въ Тулу, оттуда пошлите сказать А. И., что вы ѣдете въ Петербургъ, для того, чтобы и онъ ѣхалъ.

«Лично переговоримъ обо всемъ. Увѣрьтесь въ томъ, что я разведу васъ безпристрастно и устрою такъ, что обѣ стороны будутъ довольны.

«Неизмѣнно вамъ преданнѣйшій

В. Штукаревъ.»

Итакъ, г. Штукаревъ позволилъ себѣ распечатать письмо, писанное не къ нему, для того, чтобы оказать *полное свое сочувствіе* къ писавшему это письмо. Покамѣстъ все это было—такъ себѣ, ничего; и программа только-что приведеннаго мною отвѣта Василья Андроновича, то есть примиренія меня съ бывшимъ моимъ компаньономъ, была исполнена какъ нельзя лучше. Но мѣсяцевъ восемь спустя изъ этого «полнаго ко мнѣ сочувствія» вышло *нѣчто*, про которое нельзя уже было сказать: «такъ себѣ, ничего», а напротивъ, это было— *очень чего*, а именно: новое противъ меня обвиненіе, превзошедшее всѣ прежнія по своему шемякинскому кривосудію.

Все было исполнено такъ, какъ писалъ мнѣ Василій Андроновичъ. Я сейчасъ же пріѣхалъ изъ Кра....ны въ Тулу, гдѣ оставилъ больную жену у ея тетки, а самъ поѣхалъ въ Петербургъ, давши знать о томъ Ле—ву, жившему близь Тулы. На другой же день моего пріѣзда въ Петербургъ явился я къ Штукареву, у котораго нашелъ и Ле—ва. Я заранѣе согласенъ былъ на все, что ни предложитъ мнѣ нашъ посредникъ, и потому послѣ получаса объясненій и переговоровъ, споръ былъ оконченъ миролюбиво тѣмъ, что я передалъ Ле—ву кра.....скій откупъ, но далеко не такъ, какъ самъ принялъ, а именно; не изъ полнаго разсчета прежнихъ прибылей, а со скидкою 40%. Ле—въ обязался уплатить мнѣ за остальные два года на мои паи. Покончивъ это дѣло, причинившее мнѣ много непріятностей и хлопотъ,

я возвратился въ Кра. .ну, сдалъ откупъ моему родственнику и потомъ снова поселился въ деревнѣ съ женою. Здоровье ея не поправлялось; напротивъ, силы ея ослабѣвали съ каждымъ днемъ. Прибѣгать къ тульскимъ эскулапамъ было бы и безполезно, и опасно; и потому рѣшили мы ѣхать въ Москву.

Въ концѣ марта 1850 года снова оставилъ я сельскій пріютъ и поселился въ Москвѣ. Тутъ началась или, вѣрнѣе, продолжалась медленная агонія моей страдалицы Софи, начавшаяся еще въ Гжа...., два мѣсяца спустя послѣ нашей свадьбы. Пользовалъ ее лучшій изъ московскихъ врачей; но искусство и опытность стали въ тупикъ передъ упорнымъ и таинственнымъ недугомъ, который ни прежде, ни послѣ того не былъ вполнѣ разгаданъ ни однимъ изъ врачей, пользовавшихъ мою жену. Оставлю на время болѣзнь ея и возвращусь къ сношеніямъ, то есть къ *солидарности*, продолжавшейся между мною и Штукаревымъ.

Наступало время новыхъ торговъ на откупа. Я готовился къ нимъ и приготовлялъ залоги, хотя и не думалъ дѣйствовать, то есть торговаться самъ. Я имѣлъ намѣреніе просить дѣйствовать, вмѣсто меня, добрѣйшаго Ив. Ѳед. Ма—това, готоваго сдѣлать добро каждому. Но — увы! — это благое намѣреніе осталось безъ исполненія, и вотъ почему: въ концѣ мая пріѣхалъ въ Москву Василій Андроновичъ и сейчасъ же навѣстилъ меня. Онъ былъ необыкновенно любезенъ со мною, приглашалъ меня нѣсколько разъ къ себѣ на обѣды, на прогулки по Москвѣ и даже привозилъ ко мнѣ знаменитаго живописца Штейбена и просилъ меня познакомить его съ моимъ музыкальнымъ талантомъ. Между тѣмъ онъ обнадежилъ меня самымъ положительнымъ образомъ въ успѣхѣ имѣть участіе въ откупахъ на предстоящее четырехлѣтіе, обѣщая помочь мнѣ въ этомъ всѣмъ своимъ вліяніемъ. И я снова и вполнѣ повѣрилъ такимъ обѣщаніямъ. Довѣрчивость есть тоже упорный, хроническій недугъ сердца съ истинно благородными чувствами; недугъ, отъ котораго не легко и не скоро можно исцѣлиться.

Въ іюнѣ Штукаревъ уѣхалъ въ Петербургъ, а вскорѣ за нимъ и я отправился туда, оставя больную жену на попеченіе двухъ докторовъ, которые лѣчили ее. 20 іюня начались торги на откупа. Я посѣщалъ ихъ, но какъ простой зритель, а не какъ дѣйствователь, хотя и могъ я быть имъ, имѣя залоговъ достаточно для двухъ или трехъ небольшихъ дѣлъ. Я не хотѣлъ дѣйствовать самъ по неопытности моей въ тактикѣ откупныхъ сраже-

ній, то есть торговъ и переторжекъ. Но я могъ бы обратиться къ посредству Ма—това и, разумѣется, имѣлъ бы полный успѣхъ, потому что, какъ я самъ это видѣлъ, онъ не отказывалъ въ своемъ содѣйствіи и другимъ, которые были ему менѣе знакомы, чѣмъ я, и которымъ это содѣйствіе принесло величайшую пользу. Но обѣщанія Василья Андроновича, но надежда на всемогущее содѣйствіе этого властелина откупныхъ судебъ, содѣйствіе, на которое самъ онъ напросился, усыпили меня не хуже хлороформа и парализовали свободу моихъ дѣйствій. Горе тому, кто повѣритъ обѣщаніямъ откупщика.

Итакъ я сидѣлъ въ Петербургѣ сложа руки и ждалъ конца торговъ. Василій Андроновичъ вступилъ въ огромныя дѣла.

Наконецъ торги кончились и я ждалъ, что̀ скажетъ мнѣ Штукаревъ: дастъ ли, и гдѣ мнѣ даетъ пай! И вотъ, когда я не могъ уже ничего предпринять, онъ объявилъ мнѣ, съ суровою важностію верховнаго судіи, что у него нѣтъ для меня никакихъ паевъ, потому что *онъ не имѣетъ отдѣльныхъ дѣлъ, а все только въ компаніи съ другими* (*). Это, какъ видите, были «откупные проводы на бобахъ». Догадался я, но уже поздно, какъ хитро и зло былъ я мистифированъ питейнымъ Боско, посредствомъ лживыхъ обѣщаній содѣйствія. Страшно тяжелы и неудобосваримы оказались обѣды и прогулки, на которыя приглашалъ онъ меня въ Москвѣ. Увѣреніе, что нельзя мнѣ дать ни малѣйшаго участія въ дѣлахъ, потому что нѣтъ отдѣльныхъ откуповъ, поразило и привело меня въ негодованіе, — я зналъ и видѣлъ, какъ онъ, Штукаревъ, тутъ же, сейчасъ же давалъ участіе въ своихъ дѣлахъ людямъ, которые, какъ сотрудники, были очень мало ему полезны, а другіе вовсе ничѣмъ у него и не занимались! Я сказалъ ему:

— Зачѣмъ же вы мнѣ обѣщали? Вѣдь я могъ бы къ кому нибудь другому обратиться за содѣйствіемъ, и увѣренъ, что имѣлъ бы полный успѣхъ. Но я вѣрилъ вашему слову, которое такъ торжественно дали вы мнѣ, бывши у меня въ Москвѣ!

Не помню хорошо, какую именно отговорку употребилъ тогда Штукаревъ. Помню только, что отговорка была, если не доказательна, то назидательна.... A propos: что это г. Штукаревъ не догадается издать лексиконъ.... Нѣтъ—два: одинъ лек-

---

(*) Неправда!... не одно, а нѣсколько дѣлъ взялъ онъ тогда отдѣльно: П.... Мал...., Кар....., Пор.... и еще нѣсколько, имена которыхъ я не припомню.

одною точекъ зрѣнія и другой — отговорокъ? Вѣдь это была бы великолѣпная афера, никакъ не хуже нѣкоторыхъ изъ его разныхъ аферъ....

Спустя нѣкоторое время послѣ объясненія со мною, Штукаревъ однакоже одумался, т. е. сообразилъ, что на этотъ разъ онъ зашелъ слишкомъ далеко въ своей недобросовѣстности, и потому рѣшился смягчить, *смягчить* ее, — не изъ разскаянія, о совсѣмъ нѣтъ! — а изъ благоразумія, т. е. чтобы не дать мнѣ право сказать и доказать, какъ некрасивъ былъ поступокъ его со мною. Итакъ, могучій нашъ откуподержецъ изрекъ слѣдующее:

— Такъ какъ я не могу дать вамъ участіе въ моихъ дѣлахъ, то взамѣнъ этого я дѣлаю для васъ вотъ что: извѣстно вамъ, что принято платить за откупные залоги 6%. Я же, помѣщая у себя вашъ капиталъ, къ этимъ 6% прибавляю еще 4%. Довольны ли вы этимъ?

Я благодарилъ, сколь ни было ничтожно такое *вознагражденіе*, которое составляло самую незначительную сумму на мой маленькій капиталъ, результатъ добросовѣстной и полезной моей службы у Штукарева и чахоточное осуществленіе блестящей откупной перспективы. Приглашая меня къ своимъ дѣламъ, онъ малевалъ мнѣ когда-то эту перспективу съ искуcствомъ перваго театральнаго декоратора и потомъ подмалевывалъ въ періодъ псевдо-дружбы. Итакъ я благодарилъ его, и благодарилъ искренно, отъ всей души, потому что при малѣйшей возможности я старался тогда извинять и понимать его такимъ, какимъ онъ показался мнѣ въ началѣ его откупной дѣятельности, а не такимъ, какимъ онъ оказался потомъ на самомъ дѣлѣ. Вопреки свѣту разума и опыта, сердце человѣческое любитъ иногда возвращаться, хоть на мгновенье, къ своимъ отжившимъ, но все таки сладкимъ заблужденіямъ.... И потому, нерѣдко случалось мнѣ браться за гуммиластикъ и чистить имъ изо всей силы читаемыя мною страницы чужой жизни, которыя мѣстами были такъ запачканы, что не только гуммиластикомъ, но и острымъ ножемъ трудно было выскоблить разныя помарки и кляксы, пестрившія тѣ страницы, и отъ которыхъ рябило въ глазахъ человѣка, непривыкшаго къ такому неряшеству.

Помирившись такимъ образомъ съ жалкими результатами моей поѣздки въ Петербургъ, я взялъ два мѣста въ почтовой каретѣ для возвращенія моего въ Москву, и уже сдѣлалъ прощальные визиты ко всѣмъ моимъ петербургскимъ знакомымъ.

Вдругъ, наканунѣ моего отъѣзда, я получаю по городской почтѣ отъ Ма—това записку слѣдующаго содержанія: «Отложите вашъ отъѣздъ въ Москву, хотя бы и пришлось вамъ потерять ваши мѣста въ мальпостѣ, и пріѣзжайте завтра въ полдень къ Василью Андроновичу: *у него въ головѣ есть для васъ паи».* Напиши мнѣ это кто другой, а не Ма—товъ, я бы не обратилъ на это вниманія и не остался бы въ Петербургѣ. И хорошо бы я сдѣлалъ. Но вѣдь всего не предвидишь и не сообразишь въ одинъ день, который оставался мнѣ до отъѣзда. Итакъ, въ чаяніи чего то, я потерялъ свои почтовыя мѣста и на другой день въ полдень явился къ Штукареву. Боже мой! какимъ величественнымъ, строгимъ и чопорнымъ образомъ принялъ онъ меня! Никогда не забуду того площаднаго и вмѣстѣ іезуитскаго фарса, который разъигранъ былъ тогда со мною. Когда вошелъ я въ его кабинетъ, Василій Андроновичъ возсѣдалъ на креслѣ; но, впрочемъ, возсѣдалъ онъ ничуть не хуже того, какъ возсѣдаютъ на своихъ золоченныхъ тронахъ сіамскіе, кохинхинскіе и многіе другіе азіатскіе властелины во время торжественнаго пріема иностранныхъ пословъ. Улыбка, — но на тотъ разъ не привѣтливая: этотъ сортъ улыбокъ весь уже былъ размѣнянъ «на равныя разности,» перечислять которыя было бы слишкомъ тошно,—итакъ, улыбка необыкновенно величественная лежала на его устахъ. Мановеніемъ своей руки показалъ онъ мнѣ на стулъ, стоявшій невдалекѣ отъ его кресла; я сѣлъ. Дубликатъ сіамскаго властелина, въ русскомъ переводѣ, открылъ аудіенцію и рекъ тако:

— Николай Петровичъ! Вы были моимъ компаньономъ по Щ......, Бо.... и Гжа.... Разумѣется, и на этотъ разъ вы имѣли бы участіе въ моихъ дѣлахъ, участіе, котораго я не подумалъ бы лишить васъ. Но вы сами виноваты, если не получили этого счастія. Вы....

Но чье перо, чья кисть въ состояніи изобразить ту торжественность, ту величавую строгость, съ какими произнесъ онъ недописанную мною выше фразу? Помнится мнѣ изъ французскихъ газетъ описаніе величавой суровости «Беранже изъ Дромы» (т. е. изъ дромскаго департамента), во время предсѣдательства его въ верховномъ народномъ судилищѣ по поводу іюньскаго возстанія 1848 года въ Парижѣ. Но что значитъ величавость и суровость Беранже и всѣхъ прочихъ верховныхъ судей и президентовъ передъ нашею родною, питейною, передъ торжествен-

ностію и суровостію нашего неподражаемаго Василья Андроновича Штукарева!... Продолжаю прерванную фразу.

— Вы виноваты тѣмъ, (*) что такъ дурно поступили съ Ле—вымъ, вашимъ компаньономъ по Кр....нѣ; вы взяли у него откупъ, а потомъ поссорились и хотѣли завести съ нимъ дѣло.

Каково! Я не вѣрилъ своимъ ушамъ, слушая такой приговоръ, затмившій своимъ кривосудіемъ всѣ когда и гдѣ либо бывшіе шемякинскіе суды, не исключая и суда надъ злополучной памяти герцогомъ Энгіенскимъ. Такъ вотъ какой результатъ вышелъ изъ того *полнаго сочувствія всѣмъ моимъ горямъ*, высказаннаго мнѣ 5 ноября 1849 года въ отвѣтѣ на мое письмо, адресованное не къ нему, Штукареву, и изъ котораго дерзко и нагло, *со взломомъ печати*, была похищена имъ чужая тайна!?... Чувство досады, негодованія, омерзѣнія наполнило мою душу и закипѣло въ ней. Но я сдержалъ себя. Я только всталъ и сказалъ тономъ глубоко оскорбленнаго человѣка.

— Василій Андроновичъ! Чувство собственнаго достоинства запрещаетъ мнѣ оправдываться въ этомъ новомъ, взводимомъ вами на меня обвиненіи. Но если вамъ измѣнила ваша память, то я берусь напомнить вамъ, что принялъ я Кра...ну отъ Ле—ва вслѣдствіе обоюднаго нашего согласія, и что вы сами одобрили тогда эту сдѣлку. А что вамъ угодно было распечатать мое письмо, адресованное не къ вамъ, а къ И. Ѳе—вичу, то это нисколько не доказываетъ, что я хотѣлъ заводить ссору и тяжбу съ Ле—вымъ; тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе выраженнаго вами тогда *полнаго сочувствія ко всѣмъ моимъ горямъ*, я безусловно покорился всему, чѣмъ угодно было вамъ рѣшить споръ между мною и Ле—вымъ. Но прекращаю эти воспоминанія и прошу васъ сказать мнѣ, для чего я приглашенъ сюда.

Суровое чело моего верховнаго судіи, этого Беранже, но только не изъ «Дромы,» а изъ Со......, прояснилось.... нѣтъ не такъ,—приняло какое-то двухсмысленное выраженіе, придавшее его лицу значеніе самаго плохаго и натянутаго каламбура, а именно: выраженіе это хотѣло означать милосердіе, но въ сущ-

(*) Ну какъ не вспомнить и не повторить при этомъ случаѣ что нибудь изъ Крылова, хоть, напримѣръ, эпиграфъ этой X главы:

«Ты виноватъ ужь тѣмъ, что хочется мнѣ кушать...

ности, было только ширмою для заднихъ мыслей. Послѣ нѣкотораго обдумыванія, судія заговорилъ:

— Я даю Кар..... моему двоюродному брату И—ну Се—ичу и въ этомъ откупѣ назначаю и для васъ 25 паевъ. (!!?)

Натурально, мнѣ слѣдовало отказаться отъ этихъ паевъ. Зачѣмъ же навязывать одному двоюродному братцу компаньона, забракованнаго другимъ двоюроднымъ братцемъ? Но — увы! — не даромъ говорятъ: «русскій заднимъ умомъ крѣпокъ»; я тоже подошелъ тогда подъ эту пословицу, и отказался не отъ Кар....., а вотъ отъ чего и какъ.

— Отъ души благодарю васъ за ваше доброе ко мнѣ расположеніе, сказалъ я. — Но такъ какъ вы даете мнѣ участіе въ Кар....., то позвольте мнѣ отказаться отъ лишнихъ четырехъ процентовъ, которые назначили вы за мои у васъ залоги.

Двоюродный братецъ И—на Се—ича только этого и хотѣлъ: своимъ искуснымъ маневромъ онъ дѣлалъ еще болѣе искусный откупной карамболь — однимъ ударомъ избавлялся и отъ плохаго откупа, и отъ платежа мнѣ лишнихъ процентовъ. Новый талантъ нашего всесторонняго дѣятеля, — талантъ отличнаго карамболиста на откупномъ бильярдѣ! Вотъ что значитъ смотрѣть на вещи или на двоюродныхъ братцевъ съ разныхъ «точекъ зрѣнія». Ужь чего въ нихъ тогда не откроешь!...

Послѣ сказанныхъ мною словъ благодарности за паи и отказа отъ лишнихъ процентовъ, чело двоюроднаго братца И—на Се—ича озарилось улыбкою и на этотъ разъ улыбкою хорошаго чекана, а не изъ апликe, не каламбурною. Взявши меня за руку, онъ сказалъ:

— Я не имѣю права не принять вашего отказа отъ лишнихъ процентовъ.

Тѣмъ и окончилась аудіенція моя у двоюроднаго братца И—на Се—ича. Я раскланялся съ нимъ и черезъ четыре дня послѣ того былъ уже въ Москвѣ возлѣ моей несравненной, но все больной Софи, послѣ полуторамѣсячной съ нею разлуки.

ГЛАВА XI.

СТАРИННАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ПОВѢСТЬ.

«La critique est aisée, mais l'art est difficile».

Вскорѣ послѣ возвращенія моего въ Москву, я узналъ, что дядя мой уже съ мѣсяцъ, какъ пріѣхалъ въ Бѣлокаменную съ

своею больною женою, которую схоронилъ нѣсколько дней тому назадъ, а теперь и самъ опасно заболѣлъ холерою. Натурально, я сейчасъ же навѣстилъ его, но нашелъ уже въ безнадежномъ положеніи. Однакожъ онъ узналъ меня и очень мнѣ обрадовался. Черезъ три дня послѣ того его уже не стало на свѣтѣ, и онъ былъ похороненъ мною возлѣ его жены. Имѣніе дяди досталось мнѣ пополамъ съ кузиною. Я купилъ потомъ ея половину, и первымъ дѣломъ моимъ было — отпустить на волю всю ватагу доморощеныхъ пѣвчихъ, музыкантовъ и актеровъ, всего до сорока человѣкъ.

Лѣченіе жены шло своимъ порядкомъ, но безъ большаго успѣха. Тлетворная откупная атмосфера и въ особенности звѣрскіе со мною поступки того, кто изъ добраго сдѣлался моимъ злымъ геніемъ, отравили и подточили всѣ ея душевныя и тѣлесныя силы. Послѣ года лѣченія московскіе врачи объявили, что женѣ моей необходимо ѣхать за границу для пользованія минеральными водами. Грустна была причина этого путешествія; но оно улыбалось мнѣ, потому что осуществляло давнишнюю и любимую мою мечту — побывать въ чужихъ краяхъ. Сверхъ необходимости лѣченія водами жены, явилась еще и другая цѣль для этой заграничной поѣздки. Но чтобы объяснить это, мнѣ необходимо возвратиться къ моему прошедшему. И я охотно это дѣлаю, потому что могу оставить на время удушливую атмосферу откуповъ и подышать, освѣжиться чистымъ воздухомъ жизни артистической.

Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ себя помнить, я страстно любилъ музыку. Первая музыкальная моя страсть была—скрипка. Еще до отъѣзда моего на службу въ Варшаву я уже началъ пилить на этомъ инструментѣ, сперва по слуху наигрывая разныя пѣсни, а потомъ уже и по нотамъ, бравши уроки у доморощенаго капельмейстера въ домѣ моей богатой тетки, Ш—вой. По пріѣздѣ въ Варшаву, я умолялъ моего дядю дать мнѣ учителя на скрипкѣ. Онъ и самъ былъ большой поклонникъ музыки и усердно по цѣлымъ часамъ насвистывалъ на флейтѣ разныя аріи изъ извѣстныхъ тогда оперъ, и однажды вызвалъ слѣдующую остроту у одного изъ своихъ товарищей:

«Какой толстый, а какъ тонко свищетъ!»

Но въ отношеніи къ моей музыкальной страсти, этотъ чудакъ-дядя оказалъ сочувствіе, совершенно согласное съ его циническими воззрѣніями на вещи и на людей. Онъ купилъ для

меня скрипку на одномъ аукціонѣ за три рубля; а въ учители взялъ полковаго и пьянаго музыканта, игравшаго на валторнѣ, но который въ то же время и на скрипкѣ наигрывалъ секунду въ бальномъ квартетѣ. Можете послѣ этого судить о блистательныхъ успѣхахъ моего музыкальнаго образованія. Послѣ десяти такихъ уроковъ я потерялъ всякую охоту продолжать ученіе, которое тѣмъ и кончилось. Черезъ три года послѣ того, когда я подросъ, я былъ отправленъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Тутъ возобновилъ я ученіе мое на скрипкѣ. Мнѣ удалось уже пріобрѣсти инструментъ много лучшій того, что былъ купленъ на аукціонѣ за три рубля. Но не только затруднительно, а почти невозможно было для меня правильное изученіе игры на обожаемомъ мною инструментѣ. Хорошаго и даже никакого учителя нельзя было имѣть въ школѣ, и потому я учился самъ, безъ учителя. Въ промежуткахъ между классами, когда всѣ мои товарищи отдыхали, я уходилъ на чердакъ и тамъ корпѣлъ надъ школою Бальо. Страсть моя усилилась еще болѣе отъ слѣдующаго обстоятельства.

Во время коронованія въ Варшавѣ императора Николая Павловича, въ маѣ 1829 года, пріѣзжалъ туда знаменитый Паганини, этотъ царь всѣхъ бывшихъ и настоящихъ скрипачей. Онъ произвелъ неописанный фуроръ и далъ девять концертовъ въ народномъ театрѣ, которые были биткомъ набиты, несмотря на тройную цѣну билетовъ. Я и не досыпалъ, и не доѣдалъ отъ непреодолимаго желанія слышать знаменитаго скрипача; но — увы! — подпрапорщикамъ запрещено было посѣщать театры и концерты. Страсть моя была сильнѣе всякаго благоразумія: однажды я досталъ партикулярное платье, переодѣлся въ него и отправился въ раёкъ во время одного изъ концертовъ Паганини. Что я тогда прочувствовалъ, этого нельзя описать... Я плакалъ, рыдалъ, слушая дивные звуки, извлекаемые волшебнымъ смычкомъ изъ волшебной скрипки этого гиганта исполнительной, концертной музыки, подобнаго которому я никогда не слыхалъ и вѣроятно никогда не услышу. Я возвратился изъ концерта въ какомъ-то опьяненіи, не спалъ всю ночь: въ ушахъ моихъ все еще слышались небесные звуки новѣйшаго Орфея. Нѣсколько дней я походилъ на помѣшаннаго и однажды думалъ идти къ Паганини, броситься къ нему въ ноги и умолять взять меня къ себѣ въ услуженіе. Но служебныя занятія скоро расхолодили мой музыкальный восторгъ, и я остался въ школѣ и но

прежнему продолжалъ на чердакѣ проходить гаммы и разные учебные пассажи; а въ комнатѣ, между товарищами, наигрывалъ мазурки, вальсы, галопы и аріи изъ «Сороки-воровки, Семирамиды, Севильскаго цирюльника» и многихъ другихъ россиніевскихъ оперъ.

Наконецъ я былъ произведенъ въ офицеры и началъ-было брать правильные уроки у одного хорошаго скрипача изъ театральнаго оркестра. Но черезъ три мѣсяца послѣ моего производства вспыхнулъ польскій мятежъ, и ученіе мое прекратилось. Даже самая скрипка и всѣ мои ноты остались и пропали въ Варшавѣ. По усмиреніи мятежа и взятіи Варшавы, полкъ нашъ оставилъ Польшу и былъ расположенъ на постоянныя квартиры въ Ораніенбаумѣ. Но я уже не возобновлялъ изученія моего любимаго инструмента, хотя и не бросалъ его совершенно. Игралъ я немного и на шестиструнной гитарѣ, но игралъ безъ всякаго серьёзнаго намѣренія, а болѣе для акомпанимента собственному своему пѣнію, которое тоже входило въ кругъ моихъ музыкальныхъ занятій. Такимъ образомъ дожилъ я до второй моей отставки и поселенія въ деревнѣ около Тулы, въ августѣ 1838 г., съ первою моею женою. Въ то время скрипка была уже окончательно мною оставлена, а гитара все болѣе и болѣе входила у меня въ милость, вскорѣ овладѣла всѣми моими мыслями и чувствами и сдѣлалась уже цѣлью моей жизни, предметомъ ежедневныхъ и самыхъ усиленныхъ занятій. Главною причиною такого рѣдкаго увлеченія было слѣдующее: почти всѣ мои родные и многіе изъ знакомыхъ, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, повторяли мнѣ, что я напрасно теряю время на безплодный трудъ, что гитара—такой инструментъ, на которомъ нельзя съиграть ничего порядочнаго, и что наконецъ мнѣ уже поздно начинать изученіе такого труднаго и неблагодарнаго инструмента и поэтому я никогда не дойду не только до первокласной, художественной, но даже до удовлетворительной игры. Такое мнѣніе сперва возбуждало во мнѣ нетерпѣніе, а потомъ раздражало меня и окончилось возбужденіемъ во мнѣ самой желѣзной настойчивости, самой непреклонной рѣшимости — стать если не первымъ, то однимъ изъ первыхъ современныхъ гитаристовъ. Около того времени удалось мнѣ пріобрѣсти въ Москвѣ очень хорошую вѣнскую гитару, работы Штауфера, лучшаго тогда гитарнаго мастера въ Европѣ.

Я разучилъ уже нѣсколько серьёзныхъ, большихъ пьесъ для гитары, преимущественно сочиненія Мауро-Джуліани, величайшаго гитарнаго композитора. Но я чувствовалъ тогда же, что стиль джуліяніевской музыки устарѣлъ, что въ этой, впрочемъ прекрасной, музыкѣ не доставало уже многаго, чего я не могъ еще тогда себѣ объяснить; не было въ ней того новѣйшаго блеска, того концертнаго шика, который находился въ сочиненіяхъ тогдашнихъ виртуозовъ фортепьяно, скрипки и другихъ главныхъ инструментовъ. Поэтому обладаемый мною репертуаръ гитарной музыки далеко не могъ удовлетворить моего музыкальнаго голода. Я принялся самъ за сочиненія, не взявши ни одного урока гармоніи и не имѣя ни малѣйшаго понятія о правилахъ композиціи. Тогда же я написалъ нѣсколько малыхъ и большихъ сочиненій, а между ними мазурку, которая впослѣдствіи произвела фуроръ въ моемъ концертѣ въ Брюсселѣ, и «большую симфоническую фантазію», которую назвалъ-было я сперва концертомъ, и которая, послѣ многихъ ея передѣлокъ, производила громадный эффектъ на гитаристовъ за границею, во время перваго моего путешествія. Весною 1840 года я посѣтилъ Петербургъ и познакомился тамъ со многими любителями музыки и съ артистами: Вьётаномъ, Дреймономъ, Гилью и Сихрою, этимъ патріархомъ семиструнной гитары. Послѣдній, прослушавъ мою «симфоническую фантазію», наполненную необычайными трудностями и самыми блестящими эффектами, но которую игралъ я тогда еще далеко неудовлетворительно, сказалъ мнѣ:

— Не только играть вашу фантазію, но и смотрѣть на нее страшно; вѣдь это музыкальныя дерзости, которыя едва ли сойдутъ вамъ съ рукъ.

Игралъ я эту фантазію и Гилью, бывшему воспитаннику и потомъ члену парижской консерваторіи, и первому солисту на флейтѣ нашего большаго театра. Вотъ что сказалъ онъ мнѣ, прослушавъ меня со вниманіемъ:

— И вы никогда не брали уроковъ ни композиціи, ни игры на гитарѣ?

— Никогда и ни одного урока.

— Vous devez donc avoir une bosse musicale; et si vous allez de ce train-là, je vous prédis d'avance, qu'un jour vous serez Paganini de guitare (*)

(*) Стало быть вы обладаете музыкальною шишкою (органомъ); и если вы будете продолжать такъ же, какъ начали, то я предсказываю, что современемъ вы сдѣлаетесь Паганини гитары.

Этотъ отзывъ произвелъ во мнѣ необыкновенную радость и наэлектризовалъ меня. Но мнѣ необходимо было взять хоть нѣсколько уроковъ на гитарѣ, чтобы освоиться съ основными правилами игры, и я обратился тогда къ одному итальянцу, учителю на шестиструнной гитарѣ. Прослушавъ меня, онъ всталъ, поклонился мнѣ и сказалъ:

— Я не могу вамъ давать уроки, потому что вы гораздо сильнѣе меня на гитарѣ.

Познакомился я тогда и съ нашимъ даровитѣйшимъ композиторомъ А. С. Даргомыжскимъ. Онъ далъ мнѣ нѣсколько самыхъ дѣльныхъ совѣтовъ, которые, впослѣдствіи, принесли мнѣ гораздо болѣе пользы, чѣмъ всѣ безусловныя похвалы.

Полный надеждъ возвратился я въ деревню, гдѣ продолжалъ мои музыкальныя занятія еще съ большимъ увлеченіемъ. Зимою 1841 года я прожилъ съ мѣсяцъ въ Москвѣ и взялъ тамъ нѣсколько уроковъ гармоніи у бывшаго тогда директора московскаго театральнаго оркестра, Іоганиса, превосходнаго музыканта и прекраснѣйшаго человѣка, съ которымъ я оставался друженъ до самаго конца его служебнаго въ театрѣ поприща и пребыванія въ Москвѣ. Онъ почти никому не хотѣлъ давать уроковъ гармоніи, но прослушавъ мою игру на гитарѣ, онъ сказалъ: «если бы вы учились играть на скрипкѣ, то сдѣлались бы однимъ изъ величайшихъ виртуозовъ этого инструмента; но вы избрали самый трудный, неблагодарный инструментъ, и я отъ души жалѣю, что вы даромъ тратите вашъ талантъ. Но охотно соглашаюсь давать вамъ уроки генералъ-баса».

Невыразимо грустно раздался въ моемъ сердцѣ этотъ отзывъ, и я тяжело вздохнулъ о скрипкѣ, какъ вздыхаютъ о женщинѣ, которую обожали и съ которою разстались вслѣдствіе какого нибудь ребяческаго, глупаго недоразумѣнія и возникшей отъ того ссоры. Какіе интересные вечера проводилъ я у Іоганиса, вмѣстѣ со многими артистами и любителями, въ томъ числѣ и съ покойнымъ Алябьевымъ, этимъ талантливымъ, но далеко не вполнѣ оцѣненнымъ аматеромъ-композиторомъ.

Великимъ постомъ 1841 года я принималъ участіе въ концертѣ любителей, который былъ данъ въ залѣ Тульскаго дворянскаго собранія въ пользу пріюта. Это былъ мой первый дебютъ въ публикѣ. Несмотря на страшную мою робость, которую и потомъ долго еще не могъ я побѣдить, я съигралъ очень удачно первую часть 3 концерта Джуліани. Акомпанировала мнѣ на

фортепьяно М. С. Д—нова, сестра автора «Горя отъ ума». Это была превосходная піанистка-любительница и одна изъ лучшихъ учеицъ и представительницъ игры Фильда.

Въ началѣ 1844 года я снова посѣтилъ Петербургъ съ единственною цѣлью слышать итальянскую оперу. О, какъ живо помню я первое мое присутствіе въ оперѣ! —Это былъ бенефисъ Віардо. Давали «Сонамбулу» и сцены «Танкреда». Слушая эти восхитительныя партиіци, а главное,—исполненіе ихъ безсмертнымъ музыкальнымъ тріумвиратомъ изъ Рубини, Тамбурини и Віардо, мнѣ казалось, что я заживо перенесенъ былъ на небо... Если бы не присутствіе окружавшей меня блестящей публики, я бы заплакалъ отъ восторга и умиленія, какъ это сдѣлалъ я нѣкогда, слушая волшебника Паганини.

Въ эту поѣздку я возобновилъ мои прежнія музыкальныя знакомства, и между прочимъ посѣтилъ я и прадѣдушку гитаристовъ—восьмидесятилѣтняго Сихру. Я уже игралъ мои сочиненія довольно сносно. На этотъ разъ, прослушавъ меня, Сихра всталъ, поклонился мнѣ, обнялъ и поцаловалъ меня, и потомъ сказалъ:

— Охотно склоняюсь передъ вами: вы сдержали гораздо болѣе того, что мнѣ обѣщала ваша прежняя игра. И фантазія ваша перестала теперь быть дерзостію. Вы современемъ можете убить всѣхъ насъ, семиструнныхъ гитаристовъ, необычайною силою и блескомъ вашего исполненія.

Но—увы!—такія похвалы уже перестали меня радовать: чѣмъ болѣе кто хвалилъ меня, тѣмъ недовольнѣе былъ я своею игрою. Я чувствовалъ, что одной силы, бѣглости и блеска недостаточно,—что у меня не было никакой увѣренности въ себѣ. Чувства и огня было у меня много, даже слишкомъ много; но недоставало нѣжности, мягкости, хорошей фразировки, круглоты и оконченности. Однимъ словомъ, я чувствовалъ, что мнѣ еще страшно-далеко до художественной игры. И на меня находило сомнѣніе въ моихъ музыкальныхъ способностяхъ, и потомъ отчаяніе. Въ это пребываніе мое въ Петербургѣ я выписалъ себѣ изъ Вѣны отъ Штауфера новую гитару, улучшенную прибавленіемъ къ ней двухъ струнъ. Отъ этого прибавленія гитара много выиграла и въ силѣ тона, и въ гармоническихъ средствахъ.

Возвратясь въ деревню, я еще съ большею настойчивостію принялся за гитару, стараясь пріобрѣсти то, чего недоставало моей игрѣ. Вся бѣда моя происходила отъ того, что я началъ

тѣмъ, чѣмъ обыкновенно кончаютъ изученіе игры на какомъ бы то ни было инструментѣ. Не проходя школы и не соблюдая правильной постепенности въ упражненіяхъ, я съ самаго начала принялся побѣждать и побѣдилъ величайшія трудности механизма игры, какъ-то: хроматическія гаммы и трели. Первыми пьесами, которыя разучилъ я, и довольно хорошо, были не этюды, а «большой квинтетъ» и «3-й концертъ Джуліяни». Потомъ уже принялся я за свои собственныя сочиненія, наполненныя необыкновенными трудностями, о которыхъ никто изъ гитаристовъ и думать не смѣлъ до меня. Написалъ я еще музыку для нѣсколькихъ романсовъ, которые потомъ изданы были Гольцемъ въ Петербургѣ. Но вскорѣ вся моя музыкальная дѣятельность должна была прекратиться, и надолго. Явился Штукаревъ съ извѣстными предложеніями, увѣщаніями и блестящими обѣщаніями, которыя, какъ было видно изъ предъидущихъ главъ, исполнилъ онъ самымъ блестящимъ акцизнымъ образомъ. Вступивъ въ его дѣла, я посвятилъ всего себя для пользы этихъ дѣлъ и отрекся отъ моей страсти къ музыкѣ, которою занимался только изрѣдка, чтобы не забыть того, до чего достигъ я съ помощію одной необычайной настойчивости и желѣзной воли. Итакъ, четыре года моей жизни были совершенно потеряны для музыки. Но едва оставилъ я дѣла Штукарева въ началѣ 1849 г., какъ сейчасъ же возобновилъ мои музыкальныя занятія и съ тою же, какъ и прежде, настойчивостію. Но—увы!—я уже далеко не имѣлъ прежней увѣренности въ успѣхѣ достиженія цѣли — быть однимъ изъ первыхъ виртуозовъ гитары. Увѣренность эту поколебали во мнѣ разные толки и самые недоброжелательные обо мнѣ отзывы нѣкоторыхъ «строгихъ цѣнителей и судей» въ музыкѣ и еще собратій моихъ по инструменту. Толки и отзывы эти доходили до моего чуткаго слуха и царапали его самымъ немилосердымъ образомъ. Говорили, напримѣръ, что я не играю, а только рву струны, что игра моя отвратительна, что меня слѣдуетъ обязать подпискою, чтобы я не смѣлъ брать гитару въ руки, — и много другихъ подобныхъ любезностей. Обезкураживало меня еще совершенное равнодушіе, встрѣчаемое мною въ большей части любителей музыки, съ которыми приходилось мнѣ имѣть дѣло. Доходило иногда до того, что я хотѣлъ сжечь и гитару, и всѣ мои сочиненія и ноты, и навсегда отречься отъ музыки. Но несмотря на это минутное паденіе духа, я постоянно имѣлъ въ виду дальнѣй-

шее улучшеніе гитары въ отношеніи силы, тона и пѣвучести. Хотя у меня была тогда очень хорошая и сильная гитара, я однако еще разъ обратился къ Штауферу и отправилъ къ нему письмо, которое, подѣйствовавъ на его самолюбіе, могло бы подвинуть его къ придуманію новыхъ улучшеній въ моемъ любимомъ инструментѣ. Я умолялъ его создать такую гитару, которая была бы памятникомъ его славы, какъ перваго мастера въ цѣломъ свѣтѣ. Я предлагалъ ему назначить за свои гитары, какую хочетъ цѣну, которую заплачу я охотно, потому что произведенія высокихъ талантовъ оцѣниваются не одинаково съ произведеніями промышленности. И заказалъ я не одну, а двѣ гитары вдругъ, въ той мысли, что на свѣтѣ не бываетъ двухъ совершенно равныхъ вещей. А могло случиться, что лучшею изъ двухъ гитаръ выйдетъ именно та, которая не была бы сдѣлана при заказѣ одной гитары. Мѣсяцевъ черезъ пять спустя, я получилъ отъ Штауфера двѣ гитары, формата гораздо бòльшаго, нежели та, которую прислалъ онъ мнѣ въ 1844 году. И я не даромъ издержалъ деньги: новыя гитары были много громче и пѣвучѣе прежней моей. Штауферъ писалъ мнѣ, между прочимъ, о нѣкоемъ Шульцѣ, какъ о величайшемъ современномъ гитаристѣ, и совѣтовалъ мнѣ нарочно съѣздить послушать его въ Лондонъ, гдѣ онъ имѣлъ свое постоянное пребываніе.

Наконецъ настало исполненіе моей давнишней мечты—ѣхать за границу. Сверхъ лѣченія моей жены, путешествіе это должно было рѣшить и мою музыкальную судьбу. Мнѣ хотѣлось знать мнѣніе о моей игрѣ иностранныхъ артистовъ и любителей музыки. Мнѣніе это должно было имѣть для меня значеніе словъ «быть или не быть», значеніе суда присяжныхъ, противъ котораго у меня не было апелляціи. Въ концѣ 1851 года я получилъ заграничный паспортъ и пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ съ женою, болѣзнь которой дошла до того, что она уже не могла ходить и ее переносили на рукахъ съ мѣста на мѣсто. Наконецъ 6 іюня сѣлъ я на любскій пароходъ «Императоръ Николай», вмѣстѣ съ женою и двухлѣтнею дочерью, которая только-что начала ходить. При насъ была еще горничная и вмѣстѣ няня моей дочери, громадная, дебелая нѣмка изъ Любека, которая ѣла и пила за троихъ и воображала и увѣряла, что умѣетъ говорить на четырехъ языкахъ: по-нѣмецки, по-французски, по-англійски и по-русски; тогда какъ оказалось потомъ, что кромѣ своего роднаго языка она знала изъ французскаго только

три слова: «oui, monsieur» и «non, monsieur» и столько же изъ англійскаго и русскаго языковъ. Но описаніе моего путешествія войдетъ въ слѣдующую главу.

ГЛАВА XII.

ПОѢЗДКА ЗА ГРАНИЦУ.—МУЗЫКАЛЬНЫЕ ЭПИЗОДЫ.—КАМБЕРГЕРЪ, ЗАНИ-ДЕ-ФЕРРАНТИ, ШУЛЬЦЪ, КАРКАССИ И КОСТЪ.

«Никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ».
(Извѣстное изреченіе).

Плаваніе наше до Травемюнде было очень дурно, и я всѣ три дня пролежалъ на палубѣ почти безъ всякой пищи. Кто ѣзжалъ по морю, тотъ вѣроятно знаетъ, какъ мучительна морская болѣзнь, которая уничтожаетъ въ самомъ твердомъ человѣкѣ всю энергію воли, и дѣлаетъ изъ него слабаго ребенка, почти идіота. Софи съ дочерью страдали отъ морской болѣзни гораздо менѣе, чѣмъ я. 10 іюля въ 5 часовъ утра приплыли мы въ Травемюнде. Но желая разсказывать о моемъ путешествіи, я нисколько не намѣренъ описывать тѣ мѣстности, которыя объѣхалъ я тогда и которыя уже были описаны много разъ, описаны одними очень хорошо, другими очень плохо. Я буду говорить только о томъ, что относится къ моей музыкальной жизни и къ болѣзни моей жены.

Изъ Травемюнде проѣхали мы того же дня въ Любекъ, а оттуда въ Гамбургъ, гдѣ провели недѣлю и гдѣ Софи стало лучше и она начала ходить. Морской воздухъ, движеніе, новизна впечатлѣній и полное освобожденіе отъ всякихъ дѣловыхъ заботъ и дрязговъ благодѣтельно подѣйствовали на ея здоровье....

Изъ Гамбурга проѣхали мы въ Кельнъ, куда прибыли въ прекрасный, теплый іюньскій вечеръ и остановились на правомъ берегу Рейна въ превосходной «Hôtel de belle rue». Я не помнилъ себя отъ радости при видѣ этой поэтической рѣки и, казалось, помолодѣлъ двадцатью годами. Внизу, подъ самыми окнами нашей комнаты, въ садикѣ отеля играла прекрасная музыка. Не перемѣняя дорожнаго платья, сейчасъ же пошелъ я по мосту, черезъ Рейнъ, въ самый Кельнъ, — гостинница находилась въ предмѣстіи, насупротивъ Кельна. На мосту и вездѣ толпы народа съ довольными, веселыми лицами; надъ головою ясное, безо-

блачное небо, а подъ ногами широкій, быстрый, ревущій Рейнъ. Какъ сладостны были тогда мои ощущенія и сколько горя и треволненій заставили они меня позабыть въ одну минуту... Рейнъ съ его живописными берегами, и питейныя конторы съ ихъ полугарами и недогарами!... Широкое приволье и раздолье беззаботной жизни туриста, и ржавые кандалы произвола и капризовъ питейныхъ тирановъ!... Какой контрастъ, освѣжающій и умъ и душу! На другое утро я выкупался въ быстрыхъ струяхъ Рейна, который былъ для меня, какъ бы купелью возрожденія отъ грѣхопаденія питейной жизни.

Изъ Кельна поѣхали мы на пароходѣ вверхъ по Рейну до Майнца. Кто изъ плававшихъ впервые по этой великолѣпной рѣкѣ не испыталъ на себѣ обаянія очаровательныхъ ландшафтовъ ея береговъ, начиная отъ Майнца до Боны, или на оборотъ. Что касается до меня и до Софи, мы оба превратились въ восторгъ и не сходили съ палубы, на которой и обѣдали подъ полотняннымъ навѣсомъ и при звукахъ бродящаго оркестра музыки. Изъ Майнца проѣхали мы во Франкфуртъ на Майнѣ, а оттуда въ Гейдельбергъ на консультацію къ знаменитому Геліусу, который присовѣтовалъ женѣ брать ванны, сперва въ Крейцнахѣ, а потомъ въ Швальбахѣ. Разумѣется, мы вполнѣ послѣдовали этому совѣту и черезъ два дня послѣ того были уже въ Крейцнахѣ, гдѣ остановились въ «Hôtel Ebernburg», и всѣ трое, т. е. жена, я, и маленькая Лиза, наша дочь, начали брать ванны.... Не буду много распространяться о пребываніи нашемъ на этихъ довольно скучныхъ водахъ, несмотря на то, что нѣмцы изъ кожи лѣзли, чтобы забавлять пріѣзжую публику. И музыкальные фестивалы въ кургаузѣ, съ танцами подъ-конецъ; и грошевые концерты неизвѣстныхъ виртуозовъ; и вечернія прогулки на лодкахъ по рѣчкѣ Нагѣ, съ нѣмецкимъ пѣніемъ и съ чахоточною иллюминаціею небольшаго сада на берегу рѣки. Въ этотъ счетъ не входили серенады, отъ которыхъ не избавлялся ни одинъ пріѣзжій на воды иностранецъ, съ мало-мальски порядочнымъ чиномъ или титуломъ; въ особенности же изъ русскихъ рѣдкій и то развѣ самый плохенькій на видъ, избѣгалъ серенады и титула князя, графа или барона, смотря по тому, какъ вздумаетъ рѣшить этотъ вопросъ хозяинъ гостинницы, дѣлавшійся временнымъ герольдмейстеромъ останавливающихся у него иностранцевъ съ туго-набитыми карманами.

Въ концѣ іюля окончился курсъ нашего лѣченія водами въ Крейцнахѣ и въ началѣ августа мы переѣхали въ Швальбахъ, гдѣ я и устроилъ жену съ дочерью. А такъ какъ эти воды для меня были не нужны, то я и воспользовался свободнымъ временемъ, чтобы совершить чисто-музыкальное путешествіе и вмѣстѣ съ тѣмъ посѣтить лондонскую всемірную выставку. Я началъ съ Майнца, гдѣ жилъ нѣкто Камбергеръ, который слылъ великимъ гитаристомъ на берегахъ Рейна. Сейчасъ же по пріѣздѣ въ Майнцъ, я взялъ лонь-лакея и отправился съ нимъ къ Камбергеру. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, смуглый, съ открытымъ, добрымъ лицомъ и одѣтый весьма небрежно. Онъ принялъ меня очень радушно. Я рекомендовался ему, какъ страстный любитель гитары, но не болѣе того, и прибавилъ, что мнѣ хотѣлось бы взять нѣсколько уроковъ на этомъ инструментѣ, который изучалъ я до сихъ поръ безъ всякаго учителя. Камбергеръ взялъ въ руки свою гитару, о шести струнахъ, самую посредственную, которая и вполовину не имѣла той силы тона и пѣвучести, какъ моя осьмиструнная. Съигралъ онъ мнѣ нѣсколько пьесъ своихъ и Джуліяни. Игралъ онъ очень сильно, бѣгло, съ одушевленіемъ, но совершенно по методѣ нѣмецкихъ гитаристовъ, т. е. въ игрѣ его не было нѣжности, строгой отчетливости, круглоты; а сверхъ того часто былъ слышенъ непріятный дребезгъ, т. е. рычаніе басовъ. Однимъ словомъ—въ игрѣ его не было вкуса; о стилѣ же игры нечего было и думать.

Поблагодаривъ Камбергера за удовольствіе, доставленное мнѣ его игрою, я просилъ его къ себѣ для того, чтобы онъ послушалъ мою игру и рѣшилъ, стоитъ ли мнѣ продолжать заниматься этимъ труднымъ инструментомъ. Онъ съ удовольствіемъ принялъ мое предложеніе и черезъ часъ явился ко мнѣ въ «Hôtel d'Angleterre.» Я подалъ ему мою «симфоническую фантазію», сказавъ:

— Изъ этого вы можете судить и рѣшить о методѣ и силѣ моей игры.

Потомъ взявши гитару, я съигралъ отъ начала до конца это большое сочиненіе, раздѣленное на три части, и съигралъ очень удачно, хотя я далеко не освободился тогда отъ моей робости, которая такъ вредна для начинающихъ, парализуя ихъ природный талантъ и пріобрѣтенныя ученіемъ средства. Съ тетрадью нотъ въ рукахъ, Камбергеръ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за моею игрою, восклицая по временамъ: «schön, sehr

schön.» Когда я окончилъ, онъ былъ нѣкоторое время въ какомъ-то остолбѣненіи, казался уничтоженнымъ, и потомъ сказалъ мнѣ съ большимъ одушевленіемъ, крѣпко пожимая мою руку:

— И вы хотите брать уроки! Да кто же осмѣлится давать ихъ вамъ? Не вамъ, а у васъ слѣдуетъ брать уроки гитарной игры.

И точно: онъ взялъ у меня урокъ, разспрашивая о моихъ треляхъ, которыя дѣлалъ я на двухъ струнахъ и четырьмя пальцами, съ необыкновенною быстротой, ровностью и силою, въ тоже самое время акомпанируя имъ на басахъ; и потомъ о хроматической гаммѣ, для которой употреблялъ я не два, а три пальца правой руки, что придавало этой гаммѣ быстроту и отчетливость—неслыханныя до того ни у одного изъ знаменитыхъ гитаристовъ. Разумѣется, слова Камбергера очень польстили моему самолюбію, но далеко не были достаточны для того, чтобы вполнѣ успокоить меня насчетъ моего музыкальнаго таланта, въ которомъ я постоянно сомнѣвался, встрѣчая, вмѣсто поощренія, одно равнодушіе и потомъ недоброжелательство между моими любезными соотечественниками, на симпатію которыхъ взяли исключительную привиллегію всѣ заморскіе артисты, и даже фокусники и штукари, которымъ не везло на ихъ родинѣ и которые отправлялись морочить публику полуночныхъ странъ, и морочили ее съ полныхъ успѣхомъ, т. е. собирали обильную дань рукоплесканій и кредитныхъ билетовъ.

Изъ Майнца отправился я на лондонскую выставку, вмѣстѣ съ моимъ шуриномъ, Бо—евскимъ, младшимъ изъ четырехъ братьевъ Софи, который отплылъ за границу на одномъ со мною пароходѣ. По дорогѣ заѣхали мы въ Брюссель, который намъ чрезвычайно понравился, и гдѣ я отыскалъ знаменитаго Zani de Ferranti, придворнаго гитариста бельгійскаго короля. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, очень умный, образованный, свѣтскій, любезный и съ изящными манерами. Онъ когда-то, въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра I, былъ въ Петербургѣ и посвятилъ тогда одно изъ своихъ сочиненій для гитары императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Онъ принялъ меня наилюбезнѣйшимъ образомъ. Гитара у него была тоже шестиструнная, парижской и самой простой работы. Онъ объявилъ мнѣ, что почти бросилъ этотъ инструментъ и занимается теперь болѣе литературою, нежели музыкою. Однако же онъ съигралъ мнѣ одну какую-то тему и потомъ «Rosa-Valzer» Штрауса, и съи-

гралъ ихъ превосходно. Въ игрѣ его была бездна вкуса, нѣжности, нѣвучести и выраженія, которыхъ я до тѣхъ поръ не встрѣчалъ ни у одного изъ шестиструнныхъ гитаристовъ. Но онъ принадлежалъ къ партіи отсталыхъ въ гитарномъ мірѣ, потому что рѣшительно отвергалъ явную пользу прибавленія къ гитарѣ двухъ струнъ и отстаивалъ гитарное statu-quo, т. е, сохраненіе прежнихъ шести струнъ. Между прочимъ, онъ показалъ мнѣ съ гордостію на одинъ драгоцѣнный документъ. Это была четвертушка простой бумаги, оправленная въ рамки и висящая на стѣнѣ. Но на этой четвертушкѣ было написано по итальянки и собственноручно слѣдующее: «Свидѣтельствую симъ, что г. Зани-де-Ферранти—одинъ изъ величайшихъ гитаристовъ, которыхъ когда либо я слышалъ, и который доставилъ мнѣ невыразимое наслажденіе своею чудною, восхитительною игрою». И за тѣмъ подписано: «Nicolo Paganini». Есть чѣмъ гордиться и есть чему позавидовать! . На другой день Зани-де-Ферранти отдалъ мнѣ визитъ. Разумѣется, онъ желалъ меня слышать; я сыгралъ ему тоже, что и Камбергеру, и вотъ что услышалъ отъ него по окончаніи моей игры:

— Я думалъ, что вы простой любитель; но вы великій виртуозъ и для васъ нѣтъ учителя. Напрасно вы хотите отыскивать въ Лондонѣ Шульца и Чибру: они ничему васъ не научатъ, а только испортятъ вашу оригинальную игру. Вы создали свою, особенную методу игры, и продолжайте идти тѣмъ же путемъ. Если позволите мнѣ говорить съ вами откровенно, то я сдѣлаю слѣдующее замѣчаніе о вашей игрѣ: относительно лѣвой руки я пожалуй не соглашусь съ вами насчетъ нѣкоторыхъ позицій, которыя у меня совершенно различествуютъ съ вашими: я почти никогда не беру открытыхъ нотъ. Но что касается до вашей правой руки, то это верхъ совершенства. Никогда и ни у кого не видалъ я подобной правой руки.

Надо сказать, что съ самаго начала серьезнаго изученія мною гитары я понялъ, что главное зависитъ отъ правой руки; тѣмъ болѣе, что лѣвая у меня была уже подготовлена прежнею моею игрою на скрипкѣ. Я сейчасъ же понялъ, что сила, бѣглость, отчетливость и особенно нѣжность, мягкость и такъ называемый стиль игры зависятъ наиболѣе отъ правой руки, и потому съ особенною заботливостію и настойчивостію занялся я воспитаніемъ этой руки, изобрѣтая для того разныя механическія формулы и постоянно употребляя метрономъ,—этотъ наи-

лучшій учитель, съ помощію котораго можно побѣдить наивеличайшія механическія трудности и пріобрѣсть и бѣглость, и отчетливость, не сбивая, не утомляя рукъ. Я даже изобрѣлъ маленькую карманную гитарку, т. е. дощечку, на которой навязаны были три терціи, для развитія силы въ пальцахъ правой руки и особенно въ безъимянномъ пальцѣ, который всегда слабѣе прочихъ. Только съ помощію этой гитарки и метронома могъ я пріобрѣсть трель, какой не было и нѣтъ ни у одного гитариста, и еще то громовое «crescendo» и замирающее «morendo», которымъ многіе отдали наконецъ должную справедливость.

Сужденіе Зани-де-Ферранти о моей игрѣ имѣло уже большое значеніе въ моихъ глазахъ, потому что оно имѣло несравненно болѣе авторитета, чѣмъ сужденіе Камбергера. Я оживалъ, слушая его, и сомнѣніе, которое уже давно и постоянно обитало въ моемъ умѣ, начало понемногу давать мѣсто возрождавшейся надеждѣ. Проведя три дня въ Брюсселѣ, мы поѣхали въ Лондонъ черезъ Остенде. Переѣздъ на пароходѣ, который былъ биткомъ набитъ пассажирами, совершался ночью и въ самую бурную погоду. Едва успѣли отвалить отъ берега, какъ сейчасъ же всѣхъ укачало. Я всю ночь за-мертво пролежалъ на палубѣ, несмотря на дождь и сильнѣйшій вѣтеръ, закутавшись въ широкій плащъ. Чувствовалъ иногда, что на меня падали другіе пассажиры, которымъ удавалось выкарабкаться наверхъ изъ душной каюты. Рано утромъ вошли мы въ Темзу; дождь и вѣтеръ прекратились, а вмѣстѣ съ ними и морская болѣзнь. Я всталъ на ноги; но и я, и всѣ пассажиры были въ страшномъ безпорядкѣ,—даже дамы, въ которыхъ морская болѣзнь убиваетъ,—на время, разумѣется, — всякое кокетство, малѣйшую мысль о томъ, могутъ или не могутъ онѣ нравиться.

Итакъ, я въ Лондонѣ, куда стремился съ величайшимъ нетерпѣніемъ не столько для того, чтобы посмотрѣть на выставку, сколько для того, чтобы познакомиться съ Шульцемъ, о которомъ писалъ мнѣ Штауферъ. Мы остановились въ самой лучшей части города, близь «Тафальгарской площади», въ улицѣ «Spring gardens», въ домѣ примыкавшемъ къ «зеленому парку». Изъ таможни, гдѣ продержали насъ часа два, какой-то факторъ привезъ насъ въ этотъ домъ, одинъ изъ нанятыхъ и устроенныхъ обществомъ «La prévoyance» для пріѣзжавшихъ на лондонскую выставку. Намъ дали печатную программу; въ ней распре-

дѣлена была цѣлая недѣля пребыванія въ Лондонѣ такъ, что въ каждомъ изъ семи дней назначалось то, что слѣдовало обозрѣвать и утромъ до обѣда, и вечеромъ послѣ обѣда. Это было чрезвычайно удобно и избавляло насъ отъ всякихъ заботъ и хлопотъ, потому что насъ всюду водилъ и возилъ нашъ хозяинъ, Sir Henri Bennet, очень умный, образованный и любезный англичанинъ, который превосходно говорилъ по-французски и самъ бывалъ не одинъ разъ въ Парижѣ. Онъ очень толково и умно знакомилъ насъ съ обычаями и нравами своихъ соотечественниковъ и объяснялъ намъ многое, что безъ его помощи, осталось бы для насъ непонятнымъ или даже незамѣченнымъ.

Измученные ужасною ночью, мы въ день пріѣзда въ Лондонъ никуда не выходили изъ квартиры и отдыхали. На другой день утромъ, сейчасъ послѣ завтрака, первый мой выходъ былъ въ одинъ изъ музыкальныхъ магазиновъ, чтобы узнать адресъ Шульца. Но ни въ одномъ не могли мнѣ дать этого адреса, а отправили меня за нимъ къ брату Шульца, піанисту герцога Девонширскаго, который жилъ не далеко отъ Трафальгарской площади и котораго засталъ я дома.

— Позвольте узнать у васъ адресъ вашего брата, сказалъ я, входя въ комнату къ Шульцу піанисту.

— Леопарда? Я три года его не видалъ.

— Я русскій, страстный любитель гитары, и пріѣхалъ въ Лондонъ нарочно для вашего брата.

— А, понимаю! Но, къ большому моему сожалѣнію, я не могу сообщить вамъ его адреса. Братъ мой—величайшій талантъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и первѣйшій кутила и мотъ Лондона, не слушаетъ моихъ совѣтовъ и потому мы три года какъ ни видимъ другъ друга. Обратитесь къ его портному, Келлеру, который живетъ въ двухъ шагахъ отъ меня и вѣроятно знаетъ адресъ моего брата.

Въ ту же минуту зашелъ я къ Келлеру, забывъ и выставку, и всѣ прочіе чудеса Лондона, для обозрѣнія которыхъ ожидали меня мой шуринъ, хозяинъ дома—нашъ чичероне и одинъ швейцарецъ, пріѣхавшій вмѣстѣ и остановившійся въ одномъ домѣ съ нами. Это былъ профессоръ изъ бернскаго университета, добрый малый, умный, добродушный, постоянно веселый и смѣющійся.

— Знаете вы Леонарда Шульца, спросилъ я у Келлера, угрюмаго, непривѣтливаго нѣмца, который однако же, хотя и плохо, но говорилъ по-французски.

— Знаю.

— Гдѣ онъ живетъ?

— Въ Лондонѣ.

— Адресъ его квартиры?

— На что вамъ?

— Я русскій, страстно люблю гитару, и пріѣхалъ изъ Москвы въ Лондонъ нарочно для того, чтобы познакомиться съ г-мъ Шульцемъ и слышать его игру.

Угрюмый нѣмецъ посмотрѣлъ на меня подозрительно и сказалъ:

— Онъ живетъ очень далеко отсюда.

— Ничего не значитъ: я готовъ ѣхать всюду, какъ бы это далеко ни было, чтобы только узнать и услышать г-на Шульца.

— Но его трудно застать дома.

— Напишите къ нему, что я буду ждать его къ себѣ; вотъ мой адресъ.

Нѣмецъ задумался; и потомъ еще разъ осмотрѣвъ меня съ головы до ногъ, сказалъ сквозь зубы:

— Хорошо, я напишу къ нему, но не обѣщаю вамъ успѣха въ желаніи видѣть г-на Шульца: это такъ трудно. Впрочемъ заходите ко мнѣ за отвѣтомъ завтра объ эту пору.

Я вышелъ отъ Келлера, пораженный этою таинственностію, за которою скрывался Шульцъ. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ былъ въ долгу, какъ въ шелку, прятался отъ своихъ кредиторовъ и, разумѣется, отъ тюрьмы за долги; и потому съ величайшими предосторожностями, и только послѣ многихъ предварительныхъ распросовъ и развѣдываній, соглашался онъ на свиданіе съ поклонниками своего таланта. Сейчасъ же по возвращеніи моемъ съ розыска о Шульцѣ, мы отправились на выставку. Четыре часа употребили мы на это первое посѣщеніе, и только успѣли обѣжать всѣ отдѣленія и галлереи этого необъятнаго дворца чудесъ, не чувствуя ни малѣйшей усталости. Хотя бы могъ я много интереснаго поразсказать о томъ, что я видѣлъ и слышалъ въ продолженіе семи дней моего пребыванія въ Лондонѣ, руководствуясь моимъ дневникомъ, но это много возьметъ времени и мѣста, и потому я ограничусь одною музыкальною частію моего разсказа.

Всякій день заходилъ я къ Келлеру, и все напрасно: отвѣта отъ Шульца не было. Наконецъ черезъ пять дней послѣ пріѣзда моего въ Лондонъ, получилъ я утромъ слѣдующую лаконическую записку: «сегодня въ 8 часовъ вечера г. Шульцъ явится къ г. Макарову». Натурально я отказался ѣхать послѣ обѣда съ моими спутниками осматривать зоологическій садъ и потомъ въ воксалъ, какъ это значилось въ программѣ, и остался дома. Да и отъ чего бы я не отказался тогда, чтобы только увидѣть и услышать Шульца? Едва ли пылкій и страстный юноша ожидаетъ съ большимъ нетерпѣніемъ свою возлюбленную, во время перваго назначеннаго ему свиданія, нежели какъ я ожидалъ прихода ко мнѣ великаго гитариста, свиданіе съ которымъ составляло предметъ моихъ задушевныхъ думъ, желаній и стремленій, въ продолженіе полутора года.

Ровно въ 8 часовъ раздался колокольчикъ и черезъ минуту вошелъ ко мнѣ Шульцъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати шести, высокаго и стройнаго роста, очень пріятной наружности, съ прекрасными манерами, одѣтый безукоризненно, похожій болѣе на англичанина, чѣмъ на нѣмца; — онъ былъ родомъ изъ Вѣны, но уже двадцать лѣтъ, какъ безвыѣздно жилъ въ Лондонѣ. Я не помнилъ себя отъ радости; сердце билось во мнѣ такъ же сильно, какъ и тогда, когда я дѣлалъ мои признанія въ любви. Я не зналъ, съ чего и какъ начать съ нимъ мой разговоръ. По счастію оказалось, что Шульцъ довольно хорошо объяснялся по-французски, и онъ самъ заговорилъ со мною и сталъ извиняться въ томъ, что такъ долго заставилъ ждать себя. Мы усѣлись. Я вкратцѣ разсказалъ ему исторію моей страсти къ гитарѣ и тѣхъ надеждъ и сомнѣній въ музыкальномъ успѣхѣ, которыя давно уже боролись во мнѣ, попеременно одерживая верхъ однѣ надъ другими. Шульцъ слушалъ меня съ большимъ участіемъ. Потомъ я подалъ ему мою гитару, которую нашелъ онъ превосходною и много лучшею, нежели его гитара, шестиструнная и сдѣланная въ Лондонѣ. Безъ малѣйшихъ отговорокъ и жеманства онъ началъ играть, хотя и затрудняли его двѣ лишнія струны, къ которымъ онъ не привыкъ. Много пьесъ, все своего сочиненія, проигралъ онъ мнѣ и привелъ меня въ неописанный восторгъ, въ какое-то опьяненіе. Въ его игрѣ было все: и необычайная бѣглость, и отчетливость, и сила, и нѣжность, и одушевленіе, и вкусъ, и блескъ, и выраженіе, и новые, поразительные эффекты, и широкій стиль. А сверхъ этого вид.

на была у него необыкновенная увѣренность въ самомъ себѣ, такъ что, казалось, онъ игралъ шутя, нисколько не замѣчая страшныхъ трудностей, какими изобиловали играемыя имъ пьесы. Между этими пьесами меня особенно очаровали своею прелестію: «Gabriellen-Valse» «Valse Autrichienne» и «Rondo Savoyard».

Я спросилъ Шульца, могу ли я гдѣ достать эти три его сочиненія. Онъ отвѣчалъ, что они еще не изданы, но что онъ завтра же принесетъ ихъ мнѣ въ манускриптахъ. Я просилъ его принесть еще и своихъ печатныхъ сочиненій, какъ можно болѣе. Наконецъ дошла очередь и до меня. Шульцъ передалъ мнѣ гитару и просилъ познакомить его съ моею игрою. Съ сильнымъ волненіемъ положилъ я гитару на свою лѣвую ногу, прижалъ ее къ своей груди и мысленно сказалъ ей: «не измѣни мнѣ, не выдай меня, родная!» Взявъ нѣсколько аккордовъ, я началъ «3 концертъ Джуліани» и съигралъ его отъ доски до доски, съ отчетливостію и съ выдержанностію, какихъ я не ожидалъ отъ себя. На лицѣ Шульца изобразилось сперва удивленіе, а потомъ удовольствіе, которое выразилъ онъ мнѣ самымъ непритворнымъ образомъ. Послѣ концерта съигралъ я увертюру изъ «Вильгельма Телля,» которую довольно удачно аранжировалъ для гитары извѣстный когда-то гитаристъ Леньяни. Исполненіе этой пьесы тоже заслужило полное одобреніе Шульца. Потомъ игралъ я свою «мазурку», «большую 4 фантазію,» нѣсколько русскихъ пѣсенъ изъ моихъ «попурри» и наконецъ 2-ю, т. е. «симфоническую фантазію». Когда я окончилъ эту послѣднюю пьесу, исполненную мною такъ, какъ я рѣдко исполнялъ ее, Шульцъ всталъ, обнялъ, разцаловалъ меня и сказалъ:

— Я играю на гитарѣ тридцать лѣтъ, т. е. съ шести-лѣтняго возраста, когда началъ учить меня мой отецъ, замѣчательный въ свое время гитаристъ. Но откровенно признаюсь вамъ, что я не въ состояніи съиграть эту пьесу. И ни одинъ изъ всѣхъ существующихъ теперь извѣстныхъ гитаристовъ не въ силахъ разъиграть ее въ концертѣ. Въ Парижѣ или въ Вѣнѣ васъ сейчасъ же провозгласили бы первымъ въ мірѣ гитаристомъ.

О, какъ отрадно, чудно звучали въ моихъ ушахъ и отзывались въ моей душѣ эти слова, произнесенныя тономъ самаго глубокаго убѣжденія! И я невольно повторилъ въ своемъ умѣ извѣстное изреченіе: «никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ».

До часу за-полночь просидѣлъ у меня Шульцъ, и я не замѣтилъ, какъ прошли эти пять часовъ. На другой день онъ снова явился ко мнѣ въ 8 часовъ вечера и принесъ цѣлую кипу своихъ печатныхъ сочиненій и еще три манускрипта, о которыхъ просилъ я его наканунѣ. Я выбралъ пьесъ пятнадцать, которыя онъ предварительно съигралъ мнѣ, и заплатилъ за нихъ по продажной цѣнѣ, кромѣ манускриптовъ, за которые далъ я вдесятеро дороже, нежели за печатныя пьесы. Но пора проститься и съ Шульцемъ и съ Лондономъ. Однако же я прежде долженъ разсказать курьезный случай, по поводу покупки сочиненій Шульца. Въ первый свой визитъ онъ съигралъ мнѣ одну восхитительную польку, и я спросилъ его:

— Издана ли она?

— Да, отвѣчалъ Шульцъ: — но только она не такъ хороша въ печати, прибавилъ онъ, немного заминаясь.

— Какъ это?

— Да такъ: когда я издаю свои сочиненія, то нѣкоторыя изъ нихъ *передѣлываю для*..... того, чтобы онѣ не были очень трудны.

— Но не вздумайте также передѣлать и тѣ манускрипты, о которыхъ я просилъ васъ.

— О, нѣтъ! Я напишу ихъ такъ, какъ играю самъ.

И что же? Когда потомъ, пріѣхавъ въ Парижъ, я принялся разбирать эти манускрипты, то нашелъ, что они вовсе негодны для игры: до того дурно были они аранжированы для гитары, или вѣрнѣе—нарочно испорчены: и басы, и позиціи, и ходъ мелодіи, и цѣлые пассажи были такъ неловки, неудобоисполнимы, что я пробовалъ, пробовалъ и наконецъ вовсе бросилъ эти пьесы, хотя онѣ далеко не были такъ трудны, какъ мои собственныя, — и тогда какъ я переигралъ на гитарѣ несмѣтное число сочиненій всевозможныхъ стилей и композиторовъ. Печатныя пьесы Шульца тоже были интересны только тогда, когда исполнялись имъ самимъ; а иначе не возбуждали ни малѣйшаго желанія разучивать ихъ. По возвращеніи моемъ въ Россію, я однако же разучилъ три изъ его печатныхъ сочиненій. Однимъ словомъ—какъ исполнитель, Шульцъ оказался великимъ виртуозомъ; но какъ композиторъ—ничтожнымъ. Какая необъятная разница въ этомъ отношеніи была между нимъ и Мерцемъ, манускрипты котораго, находящіеся въ моемъ исключительномъ владѣніи, составляютъ драгоцѣнные перлы гитарнаго репертуара.

Наслушавшись вдоволь Шульца, я уже не сталъ отыскивать въ Лондонѣ Ригонди и Чибру, двухъ первоклассныхъ гитаристовъ, о которыхъ говорили мнѣ въ Германіи. Послѣдній пріѣзжалъ потомъ на мой конкурсъ въ Брюссель. Пробывши въ Лондонѣ ровно недѣлю, мы возвратились на твердую землю тоже черезъ Остенде. Но хотя погода была прекрасная, ясная и тихая, насъ все-таки укачало, потому что на океанѣ всегда бываетъ какая-то зыбь. Шуринъ мой поѣхалъ изъ Остенде въ Парижъ, а я—въ Швальбахъ, гдѣ ожидали меня ласки дорогихъ моему сердцу жены и дочери. Курсъ лѣченія ихъ водами окончился, и мы 1 сентября простились съ Швальбахомъ, который былъ еще много скучнѣе Крейцнаха. Мы отправились въ Парижъ черезъ Страсбургъ, глѣ я слазилъ на знаменитую колокольню. 5-го въ полдень прибыли мы наконецъ въ Парижъ. Мы остановились сперва на «Итальянскомъ бульварѣ, въ Hôtel de Bade»; но черезъ нѣсколько дней я нанялъ отличную меблированную квартиру въ улицѣ «Chaussée d'Antin», куда мы и переѣхали.

Четыре съ половиною мѣсяца прожилъ я въ Парижѣ, гдѣ былъ свидѣтелемъ переворота 2 декабря и многихъ другихъ весьма любопытныхъ событій. Но ничего не описываю для того, чтобы поскорѣе окончить мое путешествіе, а потомъ добраться и до конца моей исповѣди, которая уже сильно утомила меня самого. Здоровье Софи мало поправилось. Она и въ Парижѣ постоянно лѣчилась, пила «виш̆скія воды» и брала ванны. Грустныя и бурныя семейныя сцены передъ свадьбою, и потомъ зловѣщія событія и потрясенія въ В....ѣ навсегда разстроили, сокрушили эту нѣжную, хрупкую организацію. Поэтому очень немного было у меня совершенно ясныхъ, безоблачныхъ дней во время четырнадцатимѣсячнаго путешествія моего за границею.

Въ Парижѣ познакомился я съ двумя гитаристами. Это были: Каркасси, извѣстный и у насъ въ Россіи, — любителямъ гитары разумѣется,—своими легонькими и жиденькими сочиненіями, и Наполеонъ Костъ, ученикъ знаменитаго Сора и издатель его сочиненій. Съ послѣднимъ я сошелся очень близко. Это былъ умный и любезный французъ, скромный и самый страстный и безкорыстный обожатель гитары. Онъ часто бывалъ у меня, и мы играли съ нимъ въ двѣ гитары разныя сочиненія Сора. Въ игрѣ его было много отчетливости, чистоты, нѣжности и вкуса; но

она была холодна и неспособна увлечь и расшевелить васъ, какъ игра Шульца или даже Зани-де-Ферранти.

Въ половинѣ января 1852 года оставили мы Парижъ и поѣхали въ Италію черезъ Ліонъ и Марсель. Сперва посѣтили мы Ниццу, Геную; потомъ — оттуда поѣхали въ Ливорно, во Флоренцію, въ Римъ; изъ Рима проѣхали мы въ Неаполь, куда прибыли 15 февраля и остановились въ «Hôtel de commerce», напротивъ театра Фіорентино и въ двухъ шагахъ отъ «Толедо», главной улицы въ Неаполѣ.

Софи и здѣсь продолжала лѣчиться и брала ванны морской воды. Часто дѣлали мы прогулки по окрестностямъ Неаполя и обозрѣли все, что было любопытнаго, въ томъ числѣ Геркуланумъ и Помпею. Жизнь въ Неаполѣ чрезвычайно дешева. Но что непріятно поражало меня и здѣсь и почти во всей Италіи, поражало, какъ страстнаго поклонника музыки, это—отсутствіе хорошей, серьезной музыки. Кромѣ оперы, съ третьестепенными пѣвцами и пѣвицами и съ безконечными балаганными балетами,—нигдѣ ни квартетовъ, ни дуэтовъ, ни малѣйшаго проявленія меломанизма, какъ напримѣръ въ Германіи, гдѣ въ большихъ городахъ вы на всякомъ шагу — въ ресторанахъ, въ кафе, на гуляньяхъ, на улицахъ, вездѣ и всегда можете слушать музыку, иногда очень и очень порядочно исполняемую. Вздумалъ-было я разузнать, нѣтъ ли въ Неаполѣ хорошаго гитариста, и для этого обратился въ музыкальные магазины. «Имѣется, отвѣчали мнѣ, — отличный гитаристъ, *первый сортъ*, нѣкто Іорданъ». Черезъ два дня послѣ того является ко мнѣ самая непрезентабельная фигура, у которой шея была обмотана полинявшимъ шарфомъ. Это былъ Іорданъ, неаполитанскій гитаристъ «перваго сорта». И вотъ подалъ я ему мою гитару. Съ необыкновенною увѣренностію и самодовольною улыбкою усѣлся онъ, ударилъ по струнамъ и пошелъ «валять» какую-то польку, потомъ еще что-то, и еще и еще, не дожидая, чтобы его просили.... О, Боже! что это была за музыка, и особенно — что за исполненіе! Самый первый сортъ «снизу!» Дребезгъ на всѣхъ струнахъ и ладахъ; чистоты, отчетливости и вкуса не было и въ поминѣ; при этомъ страшныя гримасы и какое-то захлебыванье ртомъ, которое, вѣроятно, исправляло должность выраженія въ его игрѣ. Угостилъ меня, варваръ!... Съ тѣхъ поръ я сдѣлался гораздо осторожнѣе при отъискиваніи гитаристовъ «перваго сорта».

Но пора проститься и съ Неаполемъ, какъ ни интересенъ этотъ городъ.... Марта 23-го выѣхали мы изъ Неаполя на французскомъ почтовомъ пароходѣ и послѣ трехдневнаго и самаго покойнаго плаванія прибыли въ Генуя. Того же дня отправились оттуда въ Миланъ, потомъ въ Венецію, гдѣ встрѣтили мы Пасху въ греческой церквѣ, въ которой гнусливое церьковное пѣніе не восхитило насъ. Изъ города дожей, направились мы черезъ Тріэсто въ Лейбахъ, осмотрѣвъ, по дорогѣ, обширнѣйшіе въ мірѣ сталактитовые гроты съ подземною рѣкою близь Аденсберга. Накопецъ 4 апрѣля пріѣхали мы въ Вѣну, гдѣ остановились въ гостинницѣ «Wildemann» и куда влекло меня какое-то особенное, необъяснимое чувство. И это чувство меня не обмануло, потому что я нашелъ въ Вѣнѣ то, чего нигдѣ не находилъ, — въ музыкальномъ отношеніи, разумѣется. Во-первыхъ, я нашелъ удивительнаго мастера, который одинъ, самъ собою, усовершенствовалъ, пересоздалъ гитару. Инструменты его работы, начиная съ 1852 года, обладаютъ такою необыкновенною силою и вмѣстѣ нѣжностію и пѣвучестію, что гитары всѣхъ прочихъ мастеровъ кажутся лукошками, въ сравненіи съ гитарами Шерцера. Во-вторыхъ, я нашелъ величайшаго композитора современной гитарной музыки. Встрѣча и знакомство мое съ нимъ имѣли огромное и самое благодѣтельное вліяніе на мою музыкальную судьбу. Его превосходныя сочиненія принесли гораздо болѣе пользы моему таланту, чѣмъ превосходная игра всѣхъ прочихъ извѣстныхъ и слышанныхъ мною гитаристовъ. Эти задушевныя и вмѣстѣ блистательныя сочиненія произвели полный переворотъ въ моей игрѣ: сдѣлали ее несравненно нѣжнѣе, выразительнѣе, законченнѣе; однимъ словомъ — сформировали у меня окончательно стиль, котораго нѣтъ и признаковъ въ игрѣ большей части,—если только не у всѣхъ,—гитаристовъ по ремеслу и аматеровъ. Пожалуй, если хотите, я согласенъ въ томъ, что въ игрѣ многихъ изъ нихъ есть и бѣглость, и чистота, и пріятность, и отчетливость, и нѣжность; да только это игра не рельефная, а плоская, вялая, блѣдная, которая пріятно щекочетъ уши, но не западетъ глубоко въ душу, не расшевелитъ, не вскипятитъ ее.... Это игра безъ оттѣнковъ, безъ этого высшаго искусства, или, вѣрнѣе, музыкальнаго инстинкта, посредствомъ котораго понимается и истолковывается не одна буква, но и душа исполняемаго сочиненія, разумѣется, если сочиненіе это принадлежитъ талантливому ком-

позитору; потому что въ нынѣшнюю промышленную и довольно повыдохшуюся для музыки эпоху появляется для всѣхъ инструментовъ бездна композицій, съ чрезвычайно-замысловатыми и трескучими заглавіями, но изъ которыхъ не только самыми могучими пальцами, да и гидравлическимъ прессомъ не выжмешь души и смысла. При «сей вѣрной оказіи» я хочу высказать нѣкоторыя задушевныя мои убѣжденія и вызвать нѣкоторыя воспоминанія изъ давно-прошедшаго.

Изъ огромной массы гитаристовъ и любителей этого скромнаго инструмента, которыхъ удалось мнѣ слышать во время длиннаго періода моей гитароманіи, вотъ тѣ немногіе, которые произвели на меня сильное впечатлѣніе: Зани-да-Ферранти, Шульцъ, испанецъ Чибра и еще..... Но это еще принадлежитъ къ древней исторіи моей музыкальной жизни, и я разскажу его подробнѣе, потому-что оно имѣло самое рѣшительное вліяніе на возраставшее пристрастіе мое къ гитарѣ.

Это было въ октябрѣ 1837 года. Разставшись, вскорѣ послѣ свадьбы, съ моего первою женою, я пробылъ нѣкоторое время въ Москвѣ для того, чтобы перемѣнить свой военный костюмъ и изъ пѣхотнаго гвардейскаго переодѣться въ армейскій кавалерійскій мундиръ. Я стоялъ на Тверской, въ гостинницѣ Яковлева. Въ первый же день моего пріѣзда въ Москву, вечеромъ я досталъ свою гитару, довольно плохонькую, началъ играть и, между-прочимъ, съигралъ первую часть «третьяго концерта Джуліяни,» который я игралъ уже въ то время довольно сносно, хотя я и называю теперь всю тогдашнюю мою игру — «царапаньемъ». Когда я пересталъ играть, то услышалъ въ сосѣднемъ нумерѣ говорящихъ вполголоса. Сколько я могъ разслышать, дѣло шло о гитарѣ и, кажется, о моей игрѣ. Вскорѣ послѣ этого раздались и звуки гитары; кто-то за стѣною началъ играть, и игралъ превосходно, какъ я никогда еще не слыхалъ до тѣхъ поръ. Я весь превратился въ слухъ и меня начала бить лихорадка удивленія и восторга. Никогда не забуду я того глубокаго, потрясающаго впечатлѣнія, которое произвела тогда на меня игра на гитарѣ въ сосѣднемъ нумерѣ. Въ этой игрѣ были и сила, и необычайная бѣглость, и безукоризненная отчетливость, и нѣжность, и выраженіе, и глубокое чувство. Что̀ за «crescendo» и что̀ за «morendo»! Однимъ словомъ, тутъ было все, къ чему я потомъ стремился и что̀ пріобрѣлъ только много лѣтъ спустя, послѣ самыхъ настойчивыхъ упражненій и усилій, и то не пре-

жде, какъ познакомившись съ Мерцомъ и по пріобрѣтеніи мною его драгоцѣнныхъ манускриптовъ.

Едва кончилась игра за стѣною, какъ я послалъ моего человѣка узнать, кто былъ мой сосѣдъ. Оказалось, что это былъ тульскій помѣщикъ Павелъ Александровичъ Ла—женскій. Я сейчасъ же отправился къ нему и отрекомендовался. Онъ былъ чрезвычайно любезенъ со мною и охотно сообщилъ мнѣ нѣсколько подробностей о себѣ. Игралъ онъ на семиструнной гитарѣ и былъ однимъ изъ учениковъ Сихры, когда этотъ послѣдній пользовался большою извѣстностію въ цѣлой Россіи. Прослужа резонный срокъ въ гвардіи, Павелъ Александровичъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ тульскомъ имѣніи, занимаясь хозяйствомъ, но не бросая и своего любимаго инструмента. Я провелъ у него весь вечеръ. Онъ игралъ много и все такъ же очаровательно. Обаяніе его игры на меня было такъ велико, что я тутъ же объявилъ, что намѣренъ перейти отъ шести — къ семиструнной гитарѣ. Но Павелъ Александровичъ былъ такъ добросовѣстенъ и безпристрастенъ, что сказалъ мнѣ:

— Напрасно. Не совѣтую вамъ бросать шестиструнную гитару, которая имѣетъ огромныя достоинства и преимущества передъ нашею семиструнною, тѣмъ болѣе, что вы обладаете замѣчательнымъ талантомъ и уже очень развитымъ механизмомъ. Продолжайте же заниматься, работайте безъ устали и не унывайте, если въ началѣ и встрѣтите неудачи. Только однимъ терпѣніемъ и настойчивостію, независимо отъ врожденаго таланта, можно дойти до чего-нибудь и сдѣлаться истиннымъ артистомъ.

Я отъ души благодарилъ его за эти дѣльные и умные совѣты, которые глубоко запали мнѣ въ душу и которыми я вполнѣ воспользовался. Но искренно сожалѣю, что самъ онъ впослѣдствіи не сдѣлалъ того, что совѣтовалъ мнѣ.... Онъ опочилъ на лаврахъ.... Встрѣча эта рѣшила тогда мою музыкальную судьбу, и если я играю, и играю порядочно на гитарѣ, главный виновникъ того—Павелъ Александровичъ Ла—женскій, съ которымъ я впослѣдствіи поддерживалъ знакомство.

ГЛАВА XIII.

ДАЛЬНѢЙШЕЕ ПРЕБЫВАНІЕ МОЕ ЗА ГРАНИЦЕЮ.—МЕРЦЪ, ШЕРЦЕРЪ И ФИШЕРЪ.—ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ РОССІЮ.

«Où, diable! la vertu va-t-elle se nicher!» (*).
(Изъ французской книги).

Устроившись для житья въ Вѣнѣ, я сейчасъ же отправился къ священнику, состоявшему при нашемъ посольствѣ, человѣку умному, образованному и любезному, который принялъ меня, какъ принималъ всѣхъ русскихъ, т. е. самымъ радушнымъ образомъ. Отъ него я пошелъ отыскивать нѣкоего Ковацика, къ которому имѣлъ рекомендательное письмо. Это былъ чиновникъ изъ канцеляріи австрійскаго императора, превосходно знавшій Вѣну, родомъ славянинъ и добрѣйшій, услужливѣйшій человѣкъ, который любилъ всѣхъ русскихъ и хорошо говорилъ по-французски, что̀ было очень важно для меня, которому не далась нѣмецкая грамота. Онъ во все время пребыванія нашего въ Вѣнѣ, всякій день являлся къ намъ и былъ чичероне, адъютантомъ, чиновникомъ особыхъ порученій при моемъ семействѣ. На другой же день по пріѣздѣ, я отправился съ нимъ за разными музыкальными справками и розысками. Входимъ въ музыкальный магазинъ Гасслингера.

— Кто лучшій гитаристъ въ Вѣнѣ, спросилъ Ковацикъ?

— Мерцъ!

— А кто лучшій гитарный мастеръ?

— Фишеръ, гардировщикъ вѣнской консерваторіи.

— Отчего же не Штауферъ?

— Оттого, что Штауферъ еще въ 1848 году пересталъ дѣлать гитары, и въ настоящее время его, кажется, нѣтъ въ Вѣнѣ.

Взявши адресы, мы сейчасъ же вошли въ мастерскую Фишера, жившаго въ двухъ шагахъ отъ Гасслингера, въ самой консерваторіи. Насъ встрѣтилъ очень почтенный господинъ лѣтъ за пятьдесятъ; это былъ самъ хозяинъ. Я объяснилъ ему, черезъ посредство Ковацика, что я добиваюсь имѣть сколь возможно лучшую гитару и что для этого не пожалѣю денегъ. Можете ли вы сдѣлать мнѣ отличную гитару?

(*) Куда нелегкая занесла добродѣтель.

— Постараюсь, отвѣчалъ почтенный нѣмецъ.

— Такъ выслушайте же меня со вниманіемъ. Я стою въ гостинницѣ «Wilde-mann»; приходите ко мнѣ хоть завтра утромъ и посмотрите гитару, сдѣланную для меня Штауферомъ. Если вы сработаете мнѣ гитару, хоть немного лучше той, т. е. сильнѣе и пѣвучѣе, я прибавляю, въ видѣ награды, 50% къ той цѣнѣ, какую вы сами назначите за свою гитару. Согласны вы на это условіе?

— Очень согласенъ.

— Итакъ принимайтесь за дѣло и постарайтесь окончить и выслать гитару къ концу іюля въ Берлинъ на мое имя «poste-restante». Къ тому времени я буду тамъ, проѣздомъ въ Россію. Если гитара ваша будетъ лучше моей теперешней, вы получите отъ меня за нее награжденіе, какъ сказалъ я выше; если же нелучше или хуже моей, то я заплачу вамъ только назначенную вами цѣну.

Мы вышли отъ Фишера и Ковацикъ сказалъ мнѣ:

— Мнѣ кажется, что Штауферъ здѣсь, и я хорошо помню, гдѣ онъ живетъ: это близехонько отсюда. Пойдемте.

Мы прошли два или три поворота изъ улицы въ улицу и очутились передъ дверью, надъ которою красовалась вывѣска съ изображеніемъ гитары. Но написано было не «Штауферъ», а «Шмидтъ.» Мы вошли. Насъ встрѣтилъ низенькій, толстенькій человѣчекъ съ вопросительнымъ знакомъ на лицѣ.

— Здѣсь была мастерская Штауфера? сказалъ Ковацикъ.

— Да, отвѣчалъ толстенькій нѣмецъ. Но въ 1848 году Штауферъ передалъ мнѣ свое заведеніе и въ настоящее время живетъ въ Прагѣ. Да на что вамъ нуженъ Штауферъ? сказалъ послѣ нѣкотораго размышленія Шмидтъ. — Если вамъ хочется имѣть отличную гитару, то это возможно и безъ Штауфера.

Мы съ Ковацикомъ посмотрѣли на Шмидта, и потомъ другъ на друга и улыбнулись.

— Вотъ видите ли, продолжалъ Шмидтъ:—я могъ бы предложить себя къ вашимъ услугамъ. Но для того, чтобы имѣть превосходную гитару, надо обратиться къ Шерцеру, бывшему подмастерью Штауфера. Это—великій талантъ и мастеръ своего дѣла, съ которымъ я и думать не смѣю состязаться. Онъ находится теперь въ крайней бѣдности, тогда какъ Штауферъ черезъ его искусство нажилъ себѣ независимое, хорошее состояніе. Адресъ Шерцера—«Margarethen, № 99.»

Мы поблагодарили честнаго Шмидта за совѣтъ и вышли.

— Ну что? спросилъ меня Ковацикъ:—хотите ѣхать къ этому Шерцеру? До него страшная даль. Или удовольствуетесь тѣмъ, что заказали гитару Фишеру.

— Ѣдемъ, непремѣнно ѣдемъ къ Шерцеру; можетъ быть онъ сдѣлаетъ гитару много лучше, нежели Фишеръ. Я рѣшился не жалѣть денегъ, чтобы только успѣть въ надеждѣ еще большаго усовершенствованія гитары. Итакъ, надо испробовать всѣ средства.

Мы сѣли въ фіакръ и поѣхали въ отдаленнѣйшее предмѣстье, на самый край Вѣны. Пріѣхавъ и отыскавъ квартиру, по данному намъ адресу, мы вошли въ маленькую, но чистенькую и свѣтлую комнату. Насъ встрѣтилъ низенькій, худенькій и смуглый человѣчекъ, но съ лицомъ умнымъ, выразительнымъ и грустнымъ. Это былъ Шерцеръ. Ковацикъ передалъ ему тоже самое, что было сказано Фишеру и прибавилъ, что я—русскій и страстный любитель гитары. Я спросилъ, нельзя ли показать мнѣ хоть одну гитару его работы?

— Я работаю только по заказу и не иначе, какъ получа задатокъ, ибо я такъ бѣденъ, что мнѣ не на что купить дерева. Въ настоящее время заказанныхъ гитаръ у меня нѣтъ. Но вотъ мандолина, которую сдѣлалъ я для графа Ледуховскаго; по ней вы можете судить о чистотѣ моей работы.

Мандолина была изъ паллисандроваго дерева и превосходно сдѣлана.

— Вы сказали, что гитара ваша — работы Штауфера; въ которомъ году вы ее получили? спросилъ меня Шерцеръ, какъ будто что-то припоминая себѣ.

— Въ 1849 году, отвѣчалъ я.

— Штауферъ прислалъ вамъ тогда двѣ гитары, окрашенныя подъ палисандръ?

— Точно такъ.

— Вы, вѣроятно, г. Макаровъ?

— Я самый, къ вашимъ услугамъ.

— Да вѣдь эти гитары дѣлалъ я — собственными своими руками и въ этой комнатѣ, потому что Штауферъ тогда передалъ свое заведеніе Шмидту. Вотъ вамъ и письмо ко мнѣ Штауфера, жившаго въ то время въ Ольмюцѣ.

И говоря это, Шерцеръ досталъ изъ столика письмо и подалъ его мнѣ. Я передалъ его Ковацику, который точно вычиталъ въ немъ заказъ двухъ гитаръ для меня.

— А сколько заплатилъ вамъ Штауферъ за тѣ гитары?

— По сорока флориновъ (22 рубля) за каждую.

Выписка же этихъ гитаръ черезъ одинъ музыкальный магазинъ въ Петербургѣ обошлась мнѣ по 120 руб. за каждую. А послѣ я узналъ, что Штауферъ взялъ съ магазина за тѣ гитары по 80 флориновъ за каждую, т. е. вдвое болѣе противъ того, что заплатилъ онъ Шерцеру, и почти втрое дешевле того, сколько обошлись онѣ мнѣ. Вотъ какъ богатѣютъ и жирѣютъ всѣ торговыя и многія прочія знаменитости, на счетъ истинныхъ, но безвѣстныхъ талантовъ, въ родѣ Шерцера, которые сами едва не умираютъ съ голоду. И грустно, и досадно!...

Мы оставили Шерцера, которому далъ я задатокъ для покупки матеріаловъ и у котораго не было ни подмастерья, ни работника, ни даже ученика: стало быть, онъ работалъ все самъ, своими руками. На другой день, покончивъ дѣло съ гитарными мастерами, я собрался-было къ Мерцу; но онъ предупредилъ меня: узнавъ отъ Фишера и отъ Шерцера о моемъ пріѣздѣ въ Вѣну и о желаніи познакомиться съ нимъ, онъ самъ явился ко мнѣ. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, высокаго роста, ни худъ, ни полонъ, очень скромный и безъ малѣйшихъ претензій на какое бы то ни было значеніе. Я уже давно зналъ Мерца по множеству его печатныхъ сочиненій и особенно по передѣлкамъ для гитары всѣхъ сколько нибудь извѣстныхъ оперъ.

Но кромѣ немногихъ его пьесъ, которыя игралъ я, всѣ остальныя, въ особенности переложеніе оперъ, были неинтересны, сухи и носили на себѣ явные признаки спекуляціи и стряпни на скорую руку для того, чтобыноскорѣе удовлетворить любопытство невзыскательныхъ гитарныхъ меломановъ. Сообразивъ все это, я не обѣщалъ себѣ большаго наслажденія отъ игры Мерца. По-французски зналъ онъ столько же, сколько я по-нѣмецки, т. е. очень мало; но жена моя была нашимъ переводчикомъ. Послѣ первыхъ обычныхъ привѣтствій, я усадилъ моего гостя, подалъ ему гитару, и онъ сейчасъ же съигралъ мнѣ большую пьесу, превосходную, удивительную. Я спросилъ:

— Чья эта пьеса?

— Моя.

— Напечатана она?

— Нѣтъ.

Потомъ Мерцъ съигралъ мнѣ еще пьесу, и еще, и еще, и все одну другой лучше, восхитительнѣе. Я не могъ опомниться отъ удивленія и сильной радости: я чувствовалъ, что я открывалъ *гитарную Америку*, т. е. великаго гитарнаго композитора, въ существованіе которыхъ я пересталъ уже вѣрить послѣ того, какъ, перешаривъ всѣ музыкальные магазины Москвы, Петербурга и другихъ большихъ иностранныхъ городовъ, я понакупилъ въ разныя времена бездну гитарныхъ нотъ. А потомъ перепробовавъ, съ отчаяніемъ въ душѣ побросалъ я весь этотъ негодный музыкальный хламъ,—стряпню бездарныхъ современныхъ композиторовъ гитарной музыки, какъ напримѣръ: Падовца, Каркасси, Бобровича, Байера, Сусмана, Кюффнера, Петтол...; Ну, да опять

«Чтобъ гусей не раздразнить».

Въ пьесахъ же, которыя съигралъ мнѣ Мерцъ и которыя прослушалъ я съ возрастающимъ восторгомъ, было все: богатое содержаніе, основательное знаніе музыки, превосходная разработка и развитіе идей, музыкальное единство, свѣжесть и широта стиля, отсутствіе общихъ, избитыхъ мѣстъ, разнообразіе и полнота гармоніи, нисколько не затемнявшей мелодію, которая всегда всплывала надъ волнами арпеджій и аккордовъ, необыкновенно блестящіе, смѣлые, но не пошлые эффекты, наконецъ глубокое изученіе всѣхъ средствъ и тайнъ гитары. Въ этихъ задушевныхъ сочиненіяхъ особенно отличались интродукціи и финалы по своей развитости и разнообразію, такъ что, отдѣльно взятыя, они составляли нѣчто цѣлое, могущее удовлетворить всякаго любителя. И послѣ каждой съигранной Мерцомъ пьесы я дѣлалъ ему одни и тѣ же вопросы и получалъ одни и тѣ же отвѣты: «не напечатаны».

— Да отчего же вы ихъ не печатаете и лишаете любителей нашего инструмента высокаго наслажденія — играть ваши дивныя сочиненія, оставляя ихъ голодать на безвкусныхъ произведеніяхъ Падовца и Бобровича съ братіей?

— А вотъ почему не печатаю; во-первыхъ, издатели музыки говорятъ мнѣ каждый разъ, когда принесу имъ игранную пьесу: «это очень трудно, надо передѣлать»; а передѣлать — значитъ испортить. Во-вторыхъ, пока эти сочиненія у меня въ портфелѣ, они новы. Но издай я ихъ, и черезъ полгода они сдѣлаются ста-

рыми, да еще въ добавокъ изуродуютъ тѣ несчастные, которые не играютъ на гитарѣ, а царапаютъ. А что же я тогда буду играть самъ въ моихъ концертахъ? Не музыку ли Падовца и Бобровича съ компаніею, какъ вы сказали?

— Хотите ли вы уступить мнѣ ваши манускрипты?

— Охотно, отвѣчалъ Мерцъ, — и назначилъ мнѣ самую умѣренную цѣну.

Тутъ я разсказалъ ему исторію манускриптовъ Шульца и прибавилъ:

— Не вздумайте и вы, на манеръ Шульца, передѣлывать свои манускрипты для того, чтобы они были «не такъ трудны».

— Сохрани меня Боже отъ этого! Я слишкомъ уважаю и себя и васъ, и потому перепишу для васъ—нотка въ нотку, такъ, какъ самъ играю.

И онъ сдержалъ слово: недѣлю спустя, онъ принесъ мнѣ манускрипты пяти своихъ сочиненій. Они переписаны были съ величайшею точностію, даже съ подробнѣйшимъ обозначеніемъ «дуатэ». Но пора сказать нѣсколько словъ о самой игрѣ Мерца. Какъ исполнитель, это безспорно былъ лучшій изъ всѣхъ нѣмецкихъ гитаристовъ, которыхъ я слышалъ за границею. Въ игрѣ его было много силы, энергіи, чувства, отчетливости, выраженія и увѣренности. Но въ ней находились и недостатки нѣмецкой школы, а именно: порою слышался дребезгъ на басахъ; нѣкоторые быстрые пассажи не всегда выходили чистыми. Особенно въ отдѣлкѣ и круглотѣ музыкальныхъ фразъ и періодовъ, и въ нѣжности, мягкости и пѣвучести тона онъ далеко уступалъ Зени-де-Ферранти и Шульцу,—и, какъ исполнитель, былъ несравненно ниже послѣдняго. За то, какъ композиторъ, стоялъ необъятно выше его и по вдохновенію, и по оригинальности, и по знанію музыки вообще, а свойствъ гитары въ особенности.

Черезъ нѣсколько дней я отдалъ визитъ Мерцу. Онъ съигралъ мнѣ, между прочимъ, нѣкоторыя изъ своихъ сочиненій, написанныхъ для гитары и фортепьяно, на которомъ играла его жена, очень хорошая піанистка. Гитара у Мерца была о десяти струнахъ. Но такъ какъ десятая струна была басъ contre La, который нашелъ я совершенно лишнимъ, потому что достаточно было одного баса La, открытаго въ шестиструнной гитарѣ, то я велѣлъ Фишеру и Шерцеру дѣлать для меня гитары о девяти струнахъ. Гораздо необходимѣе былъ бы басъ contre Sol, но онъ оказался невозможнымъ по причинѣ неявственности звука такой

низкой ноты. И только черезъ полгода, по возвращеніи моемъ въ Россію разрѣшилъ я эту трудность тѣмъ, что прибавивъ десятую струну, сдѣлалъ изъ нея открытый басъ Sol, который чрезвычайно обогатилъ гитару, пополнивъ собою три тона (гаммы), а именно: Do, Sol и Re, и придавъ имъ открытыя доминанту, тонику и поддоминанту, что̀ чрезвычайно облегчило игру на гитарѣ и увеличило ея гармоническія средства. Да еще прежде, въ 1840 году, будучи въ Петербургѣ, я сдѣлалъ важное улучшеніе: предложилъ гитарному мастеру удлинить грифъ и довести его до двухъ полныхъ октавъ, черезъ что прибавилось у гитары пять полутоновъ. Это улучшеніе было впослѣдствіи принято Штауферомъ и потомъ Шерцеромъ. Но пора проститься съ Мерцомъ, Шерцеромъ и Вѣною и ѣхать далѣе.

Слишкомъ три недѣли прожили мы въ Вѣнѣ, которая очень понравилась намъ и оставила во мнѣ пріятныя воспоминанія. Не терплю я Австрію, но Вѣна имѣетъ въ себѣ что-то обаятельное: просто, бывало, выйдешь на улицу—и уже весело, легко на сердцѣ. И какая разница въ этомъ отношеніи съ Берлиномъ! Берлинъ такъ обширенъ, такъ правильно выстроенъ, на его широкихъ, прямыхъ улицахъ постоянно движется оживленная толпа, — между тѣмъ въ Берлинѣ тоска! А сколько красавицъ въ Вѣнѣ! И какъ онѣ любезны, милы и общительны, особенно съ иностранцами! А какъ дешевы жизнь и общественныя удовольствія въ Вѣнѣ! Приведу въ доказательство тому слѣдующій примѣръ изъ моихъ воспоминаній.

Однажды собралось насъ русскихъ два семейства, всего пять человѣкъ, и мы поѣхали въ Шёнбруннъ. Осмотрѣвъ дворецъ съ многочисленными портретами Маріи-Терезіи и ея семейства, мы вошли въ воксалъ, гдѣ игралъ превосходный оркестръ Фарбаха. Мы усѣлись за отдѣльнымъ круглымъ столомъ и спросили обѣдъ, состоявшій изъ девяти блюдъ. Выпили мы еще двѣ бутылки краснаго вина, бутылку шампанскаго. Потомъ пили кофе, ѣли мороженое. Этотъ прекрасный обѣдъ и со всѣми прибавленіями обошелся по два флорина и пятьдесятъ крейцеровъ (по 1 р. 50 коп.) съ человѣка. Входъ въ воксалъ стоилъ 12, да мѣсто въ крытой коляскѣ стоило взадъ и впередъ 34 крейцера. Итого, вся эта поѣздка стоила намъ по 1 руб. 80 коп. съ каждаго. Не угодно ли попробовать провести такой пріятный день у насъ въ Петербургѣ или Москвѣ? Во первыхъ, это невозможно по неимѣнію тѣхъ элементовъ удовольствій,

какія есть за границею вообще, а въ Вѣнѣ въ особенности; во вторыхъ, самая скромная прогулка въ одномъ изъ нашихъ увеселительныхъ лѣтнихъ мѣстъ, съ плохимъ чаемъ, съ рюмкою «Свѣтланы» или «Шведской водки», да съ плохимъ бифстексомъ, обойдется вамъ гораздо дороже, нежели обошелся намъ въ Вѣнѣ цѣлый день, проведенный наиприятнѣйшимъ образомъ.

28-го апрѣля выѣхали мы въ Прагу, гдѣ я не преминулъ отыскать Штауфера и познакомиться съ нимъ. Изъ Праги поѣхали мы въ Дрезденъ, Лейпцигъ и потомъ во Франкфуртъ на Майнѣ. Здѣсь пробыли мы девять дней, сдѣлавъ множество разныхъ заказовъ бѣлья и платья къ отъѣзду нашему въ Россію. Потомъ снова поѣхали мы въ Крейцнахъ, чтобы повторить наше общее лѣченіе водами. Такъ какъ я началъ и поэтому окончилъ свое лѣченіе ранѣе моего семейства, то, оставя его въ Крейцнахѣ, самъ совершилъ небольшое, но интересное путешествіе по Швейцаріи....

13 іюля возвратился я въ Крейцнахъ изъ моего путешествія по Швейцаріи; а черезъ три дня послѣ того, мы уже оставили эти воды, которыя не принесли большой пользы ни мнѣ, ни женѣ моей. Но, благодаря лучшему климату, она чувствовала себя крѣпче, нежели годъ тому назадъ. Пребываніе въ чужихъ краяхъ помогло ей, но ненадолго. Послѣдній актъ драмы приближался, и дни Софи были уже сочтены.

Для возвращенія въ Россію мы черезъ Франкфуртъ поѣхали въ Берлинъ, куда прибыли 19-го. На другой же день я самъ отправился на таможню за гитарами, о высылкѣ которыхъ меня уже увѣдомили изъ Вѣны Фишеръ и Шерцеръ. Съ нетерпѣніемъ возвращался я изъ таможни, везя съ собою двѣ новыя гитары. Первая, которую досталъ я изъ крѣпко-заколоченнаго гвоздями ящика, была гитара работы Фишера. Отдѣлка превосходная; но тономъ она была много ниже бывшей у меня. Итакъ одинъ вопросъ рѣшенъ: Фишеръ—плохой гитарный мастеръ. Достаю гитару Шерцера, настраиваю. Съ первыхъ же аккордовъ она оказывается много лучше своей предшественницы: тонъ и сильнѣе, и нѣжнѣе, и пѣвучѣе. Работа превосходнѣйшая. Форматъ больше формата прежнихъ улучшенныхъ гитаръ; но самое новое и важное усовершенствованіе, это — два желѣзные прута, вставленные внутри и вдоль гитары. Такъ умно задуманное и ловко исполненное улучшеніе основано было на томъ же соображеніи, какъ и введеніе желѣзныхъ полосъ надъ декою роялей; стран-

ная сила натянутыхъ струнъ покоилась прежде у гитаръ на верхней декѣ, у которой отъ этого вибраціи были какъ бы задушены, задавлены, и которую очень часто коробило впослѣдствіи. Теперь же вся сила натянутыхъ струнъ опиралась уже на желѣзныхъ прутьяхъ, оставляя декѣ полную свободу въ ея вибраціяхъ, что много увеличивало и силу, и пѣвучесть тона. Спустя два мѣсяца, когда новая гитара Шерцера пообыгралась, тонъ ея достигъ невѣроятной степени силы и оставилъ далеко за собою всѣ прежнія гитары, которыя казались передъ нею дрянными балалайками. Вмѣстѣ съ желѣзными прутьями внутри гитары было еще одно улучшеніе: это двойная нижняя дека, которая усиливала тонъ *отрицательно* и вотъ какъ: прежде, во время игры, дно гитары опиралось на грудь отчего уменьшалась и притуплялась сила звука тѣмъ, что часть его поглощалась сукномъ платья. Введеніе же втораго дна устраняло это неудобство, оставляя первому дну всю полноту отраженія звука. Сверхъ того, у этой гитары были механическіе колки, отчего гитара настраивалась легче и вѣрнѣе. Улучшеніе это было, впрочемъ, не ново; но только я въ первый разъ рѣшился имъ воспользоваться.

Итакъ, усилія мои увѣнчались полнымъ успѣхомъ и, вслѣдствіе ничтожнаго поощренія съ моей стороны, любимый мною и такъ несправедливо осмѣянный иструментъ вдругъ, безъ всякой постепенности, сдѣлалъ огромные шаги впередъ, на пути усовершенствованія, шаги, какихъ не дѣлалъ онъ въ продолженіе цѣлаго предшествовавшаго двадцатилѣтія. Съ какимъ наслажденіемъ отослалъ я Шерцеру условленную награду, т. е. лишнихъ 50%, и вмѣстѣ съ тѣмъ искренно и много благодарилъ его за новыя и столь важныя усовершенствованія въ гитарѣ; благодарилъ его и за себя, и за всѣхъ истинныхъ почитателей гонимаго инструмента. Фишеру же, разумѣется, отослалъ я только назначенную имъ за гитару плату, не болѣе. Но пора возвращаться въ Россію.

— Августа 2 сѣлъ я въ Штетинѣ на почтовый пароходъ «Владиміръ» вмѣстѣ съ моимъ семействомъ, съ огромнымъ багажемъ и съ тремя гитарами. На этотъ разъ плаваніе наше совершилось благополучно: погода была ясная, тихая, и никого изъ насъ ни разу не укачало. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ провели мы по нѣскольку дней и поселились снова въ тульской деревнѣ. Я опять принялся за правильныя и усиленныя музыкальныя упражненія

и съ наслажденіемъ разучилъ и потомъ игралъ пріобрѣтенные мною отъ Мерца манускрипты. Мѣсяца черезъ два я разрѣшилъ, какъ сказалъ я выше, трудность пополненія гармоническихъ средствъ гитары басомъ Sol. Сейчасъ же написалъ я объ этомъ въ Вѣну къ Шерцеру и выслалъ ему задатокъ на три десятиструнныя гитары,—двѣ для себя, а одну для знакомаго мнѣ любителя, съ обѣщаніемъ новой награды въ 50% при малѣйшемъ улучшеніи тона гитары. Мѣсяцевъ черезъ пять получилъ я эти три гитары, изъ которыхъ только одна превзошла силою и пѣвучестію тона ту гитару, которую получилъ я отъ Шерцера въ Берлинѣ. Но я послалъ ему за всѣ три по 30% лишнихъ. Мало того, всякій разъ, когда потомъ кто нибудь просилъ меня о выпискѣ для него шерцеровской гитары, я не иначе брался за исполненіе такого порученія, какъ по соглашеніи на 30% награжденія, — разумѣется, если только любитель обладалъ хорошими средствами. Написалъ я также и къ Мерцу, прося его о присылкѣ мнѣ манускриптовъ тѣхъ новыхъ его сочиненій, которыя онъ не назначалъ къ изданію. Такимъ образомъ я каждый годъ получалъ отъ него по три и по четыре манускрипта, и подъ конецъ у меня скопился самый обширный и богатый гитарный репертуаръ, котораго бы достало на всю жизнь многихъ гитаристовъ или любителей. Но оканчиваю мою музыкальную исторію; я возвращусь къ ней впослѣдствіи, когда дойдетъ очередь до моего конкурса. Итакъ, скрѣпя сердце возвращусь въ угарную и удушливую атмосферу откуповъ, чтобы досказать дальнѣйшіе подвиги, которыми великолѣпный откупщикъ и меценатъ Василій Андроновичъ Штукаревъ завершилъ возведенное имъ зданіе неслыханныхъ и вопіющихъ неправдъ, жестокосердія, пристрастія и недобросовѣстности.

ГЛАВА XIV.

ИСТОРІЯ О ДВОЮРОДНОМЪ БРАТЦѢ И ЕГО ПОСТУПКАХЪ. — ЭПИЛОГЪ ДРАМЫ.

Сейчасъ по возвращеніи моемъ изъ путешествія, я увѣдомилъ о томъ моего компаньона по кар....скому откупу, и просилъ его присылать мнѣ попрежнему всѣ свѣдѣнія и вѣдомости, которыя принято высылать въ подобныхъ случаяхъ. «Двоюродный

братецъ» Василья Андроновича не замедлилъ исполнить мою просьбу, и изъ полученныхъ мною свѣдѣній я увидѣлъ, что откупъ идетъ очень хорошо и обѣщаетъ значительныя прибыли. Мѣсяца четыре продолжалъ я аккуратно получать такія свѣдѣнія. Но съ новаго года прекратилась эта присылка. Подождавъ съ мѣсяцъ, я письменно напомнилъ моему компаньону о его обязанности въ отношеніи ко мнѣ. Но ни отвѣта, ни свѣдѣній не было. Прошло такъ еще два мѣсяца. Въ это время я жилъ въ Тулѣ съ женою, у которой прежняя болѣзнь возродилась съ новою силою. Видя упорное молчаніе моего компаньона И—на Се—ича, я написалъ объ этомъ въ Петербургъ къ его «двоюродному братцу», Василью Андроновичу. Недѣли черезъ двѣ послѣ того, въ одно прекрасное утро, является ко мнѣ одинъ откупной чинъ, котораго Штукаревъ, вслѣдствіе моего къ нему письма, отправилъ въ кар..... для строжайшаго обревизованія откупа и дѣйствій своего двоюроднаго братца. Исполнивъ этимъ визитомъ наружный знакъ уваженія ко мнѣ, какъ къ одному изъ хозяевъ кар....скаго откупа, питейный чинъ отправился далѣе. А спустя недѣли двѣ, онъ снова явился ко мнѣ, на возвратномъ пути въ Петербургъ и отрапортовалъ такъ: «въ кар....скомъ откупѣ все обстоитъ благополучно», прибавя еще, что И—нъ Се—ичъ очень извиняется передо мною въ неаккуратной присылкѣ мнѣ свѣдѣній; что онъ былъ очень занятъ, заваленъ дѣлами и пр., и пр., и что на будущій разъ этого болѣе не случится». Откупной этотъ чинъ, какъ оказалось впослѣдствіи, принадлежалъ къ пропагандѣ, главнымъ догматомъ которой было правило: «рука руку моетъ», и котораго придерживаются даже многіе неоткупные чины.

Итакъ въ мартѣ 1853 года я жилъ въ Тулѣ. Благодаря эмпирическимъ стараніямъ двухъ тульскихъ эскулаповъ, болѣзнь моей жены усилилась до того, что не оставляла ни малѣйшей надежды на выздоровленіе. Долго было бы разсказывать, какъ изъ маленькаго прыщика на пальцѣ правой руки, съ помощію три раза поставленныхъ піявокъ, образовали страшный карбункулъ; а потомъ, черезъ трехдневное натираніе руки льдомъ, застудили бокъ; далѣе,—черезчуръ горячими ваннами произвели изнурительную лихорадку. Изъ этого видно, что многіе провинціальные эскулапы бываютъ по временамъ такъ же опасны, какъ и самые искусные и записные дуэлисты: слёвно пулею изъ кухенрейтерскаго пистолета положатъ васъ на мѣстѣ

своимъ эмпирическимъ рецептомъ! Очень жаль, что строгіе законы существуютъ только противъ однихъ дуэлистовъ на пистолетахъ, а не противъ бреттеровъ на рецептахъ, у которыхъ медицинскія познанія весьма походятъ на нарѣзные стволы, — а рецепты на коническія пули. Не изъ желанія острить, а изъ многихъ грустныхъ опытовъ говорю я это. Но довольно съ васъ, господа эмпирическіе и провинціальные эскулапы! Прощайте, и да избавитъ меня Богъ отъ встрѣчи съ вами, даже на самой «благородной дистанціи....»

Въ половинѣ іюня переѣхалъ я въ Москву, гдѣ обратился къ тѣмъ же самымъ медикамъ, которые пользовали мою жену передъ поѣздкою нашею за границу. Вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ въ Москву заболѣлъ опасно старшій братъ Софи. Проходя въ продолженіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ черезъ различныя медицинскія руки и системы, словно черезъ этапы, онъ дошелъ до тихаго убѣжища, «идѣже нѣсть болѣзнь и печаль, ни воздыханіе,» и былъ похороненъ въ сентябрѣ на кладбищѣ Алексѣевскаго монастыря. Онъ предшествовалъ своей младшей сестрѣ, моей женѣ, которая тоже начала уже роковой путь медицинскихъ этаповъ, и переходила изъ однихъ докторскихъ рукъ въ другія. Такая передача почти всегда бываетъ съ тѣми, которыхъ неумолимый рокъ уже отмѣтилъ своимъ перстомъ.

О, какіе страшные полгода пережилъ я тогда! При какомъ разрывающемъ душу зрѣлищѣ присутствовалъ я! Столько красоты, ума, доброты и благородства сердца; столько высокихъ, христіанскихъ и женскихъ добродѣтелей погибало преждевременно!...

Человѣкъ, начавшій подготовлять ей еще до свадьбы раннюю могилу, находился тогда въ Москвѣ; онъ задавалъ великолѣпные завтраки разнымъ извѣстнымъ и вліятельнымъ лицамъ. Ни единымъ словомъ не выразилъ онъ ни малѣйшаго участія къ моей женѣ, этой ни въ чемъ неповинной и кроткой мученицѣ. Хоть бы изъ простаго любопытства справился онъ, что дѣлается со мною, въ моемъ домѣ!... Напротивъ, онъ готовилъ противъ меня новыя козни, новыя злоухищренія, которыя могутъ привести меня къ раззоренію, а быть можетъ, приведутъ преждевременно и туда — къ моимъ покойнымъ женамъ и дѣтямъ, оставя здѣсь троихъ круглыхъ сиротъ безъ подпоры и путеводителя.

Разрывайся же теперь, мое сердце! Терзайся, моя душа! Лейтесь жгучія, разъѣдающія слезы! Я досказалъ: могила на кладбищѣ Алексѣевскаго монастыря вырыта, и 5 марта 1854 г. въ нее опущено тѣло обожаемой жены; и черный каменный крестъ возвышается теперь надъ нею и стоитъ грознымъ обвинителемъ и обличителемъ кривды и безчеловѣчія.... Этого безчеловѣчія не выкупятъ никакіе подвиги искусственной, громогласной филантропіи, прикрывающей чудовищную жажду извѣстности, жажду, мѣшающую мирно наслаждаться блаженствомъ, приплывшимъ по широкой рѣкѣ недогара и перевыручекъ изъ новой и таинственной откупной Калифорніи....

Миръ праху твоему, добрая жена и другъ! Слишкомъ пять лѣтъ прошло послѣ твоей смерти. Да еще передъ твоею смертію, въ продолженіе почти семи лѣтъ,—всего около двѣнадцати лѣтъ переносилъ я съ невѣроятнымъ терпѣніемъ и самымъ христіанскимъ смиреніемъ несправедливость и поруганія. Двѣнадцать лѣтъ страдалъ я и молчалъ!... Но не тронулось жосткое и безчеловѣчное сердце моего мучителя, не смягчилась его чорствая душа. Ни малѣйшаго сожалѣнія, ни тѣни сознанія въ своей несправедливости!... Но всему есть мѣра и всему бываетъ конецъ. И я воспрянулъ. И все прошедшее воскресло въ моей памяти; все наболѣвшее, накипѣвшее въ душѣ зашевелилось, и снова закипѣло, и просится вонъ, стремится наружу. —

«Страданьями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно;
И грозный часъ насталъ — теперь она полна,
Какъ кубокъ смерти яда полный.

ГЛАВА XV.

ОКОНЧАНІЕ ИСТОРІИ О ДВОЮРОДНОМЪ БРАТЦѢ. — ПЕРЕСЕЛЕНІЕ ВЪ СТОЛИЦУ.

«Съ кѣмъ былъ? Куда меня забросила судьба?
Всѣ гонятъ, всѣ клянутъ: мучителей толпа...»
ГРИБОѢДОВЪ.

Въ концѣ 1853 года явился ко мнѣ въ Москвѣ еще одинъ откупной чинъ, посланный въ Кар..... для вторичнаго обревизованія «двоюроднаго братца», который своими отличными рас-

поряженіями и въ особенности добросовѣстностію довелъ откупъ до неисправности, такъ что его взяли подъ казенный надзоръ. Надо сказать, что я уже съ полгода не имѣлъ ни малѣйшаго свѣдѣнія о ходѣ кар....скаго дѣла, потому что И—нъ Се—ичъ, послѣ первой ревизіи, не сдѣлался аккуратнѣе въ отношеніи ко мнѣ и не думалъ присылать мнѣ вѣдомостей. Писалъ я ему объ этомъ нѣсколько разъ, и все понапрасну; а наконецъ махнулъ рукой и плюнулъ. Второй ревизоръ оказался несравненно дѣльнѣе перваго, а главное—онъ нисколько не принадлежалъ къ сектѣ, основанной на «эдакихъ кушахъ», да на магарычахъ, да на правилѣ «рука руку моетъ». Поэтому недѣли черезъ двѣ онъ увѣдомилъ меня о слѣдующихъ патетическихъ событіяхъ въ Кар..... «Въ откупной кассѣ не явилось 32 тыс. руб. сер., которыя въ разныя времена были вынуты И—номъ Се—чемъ и положены въ его собственный карманъ. А съ процентами на захваченный капиталъ, «двоюродный братецъ» остался долженъ кар....скому откупу *тридцать восемь тысячъ рублей.*» Молодецъ!... Впрочемъ это — манера, хотя и отзывающаяся рыцарствомъ большихъ дорогъ, но манера прямая, откровенная: просто цапнулъ себѣ въ карманъ надлежащій кушъ, да и дѣлу конецъ. Право, по мнѣ эта манера много лучше и честнѣе, нежели система «предательскихъ цалованій», свадебныхъ и разныхъ другихъ подарковъ, «привѣтливыхъ улыбокъ», писемъ съ «глубокими сочувствіями» и «визитовъ съ обѣщаніемъ содѣйствія».

Однако же, вскорѣ по открытіи захвата И—номъ Се—чемъ, его петербургскій «двоюродный братецъ» писалъ мнѣ, *чтобы я былъ покоенъ, что онъ заплатитъ мнѣ все, что будетъ слѣдовать на мою долю съ И—на Се—ича.* Такъ окончилась исторія объ этомъ двоюродномъ братцѣ и его дѣйствіяхъ. Конецъ же моего участія въ Кар..... былъ слѣдующій: первые два года откупъ далъ хорошій барышъ, около тридцати двухъ тысячъ рублей. Потомъ вспыхнула восточная война, и потому на третій годъ откупъ не далъ ни барыша, ни убытка. А въ четвертый и послѣдній годъ былъ убытокъ въ двадцать тысячъ, и мнѣ прислали вотъ какой разсчетъ: «*откупъ далъ двѣнадцать тысячъ рублей убытка!?* Разумѣется, съ меня не потребовали причитавшихся трехъ тысячъ убытка на мои паи: это было бы уже слишкомъ *того*... Стало быть въ барышахъ остался одинъ «двоюродный братецъ», положа себѣ въ карманъ 32 тыс. руб., а съ процента-

ми 38 тысячъ руб., тогда какъ за исключеніемъ убытка двадцати тысячъ, ему бы слѣдовало получить только девять тысячъ рублей. Вотъ тебѣ и паи, за которые отказался я отъ лишнихъ четырехъ процентовъ, къ явному удовольствію Василья Андроновича, которому страхъ какъ хотѣлось, если уже не вовсе уничтожить, то по крайней мѣрѣ до-нельзя уменьшить скудные результаты моей честной у него службы. Впослѣдствіи, какъ увидитъ читатель, онъ вполнѣ достигъ этой филантропической цѣли.

Въ началѣ мая оставилъ я Москву и поселился снова въ тульской деревнѣ съ моими дѣтьми. Въ іюнѣ Василій Андроновичъ увѣдомлялъ меня, что онъ въ концѣ того года выбываетъ изъ откуповъ и потому возвращаетъ мнѣ помѣщенный у него мой капиталъ. «Но, прибавилъ онъ, вы можете помѣстить свой капиталъ у И—на Ѳе—вича, который вѣроятно не откажетъ вамъ въ этомъ». И я снова повѣрилъ этому обнадеживанію; повѣрилъ и вслѣдствіе того не предпринималъ никакихъ мѣръ къ употребленію моего капитала болѣе прибыльнымъ образомъ, нежели помѣщеніемъ его въ банкѣ. Въ ноябрѣ мнѣ необходимо было ѣхать въ Петербургъ. На станціи «У...ки» я увидѣлъ Василья Андроновича, входящаго въ вагонъ. Я пошелъ съ нимъ поздороваться и сѣлъ подлѣ него.

— Итакъ вы рѣшительно оставляете откупа? сказалъ я ему.

— Рѣшительно оставляю. А вмѣстѣ со мною оставляетъ ихъ и И—нъ Ѳе—вичъ.

— Стало быть И—нъ Ѳе—вичъ не захочетъ помѣстить у себя мой капиталъ, который вамъ угодно возвратить мнѣ?

— Вѣроятно не захочетъ.

— А какъ же вы писали мнѣ, что И—нъ Ѳе—вичъ согласится помѣстить у себя мой капиталъ?

Василій Андроновичъ замялся и чуть было не запутался въ своихъ собственныхъ сѣтяхъ. Но что значатъ какія бы то ни было сѣти для откупнаго льва, у котораго находится въ одномъ карманѣ двадцать тысячъ «точекъ зрѣнія», а въ другомъ двадцать тысячъ отговорокъ! Въ настоящемъ случаѣ нашъ откупной левъ выпутался, употребивъ извѣстную уловку всѣхъ записныхъ подьячихъ, да нѣкоторыхъ грошевыхъ политиковъ, дипломатовъ и остряковъ,—уловку состоящую въ томъ, чтобы не отвѣчать прямо на вопросъ, а обойти его, сдѣлать искусную диверсію и тѣмъ сбить съ толку противника черезчуръ добросовѣст-

наго, прямаго и деликатнаго. Итакъ левъ, то есть Василій Андроновичъ, отвѣчалъ мнѣ:

— Такъ что же? Я могу помѣстить вашъ капиталъ у Дмитрія Егоровича или у Степана Дмитріевича.

И я снова повѣрилъ обѣщанію Василья Андроновича помѣстить мой капиталъ у одного изъ двухъ сильнѣйшихъ и богатѣйшихъ людей откупнаго міра, что для него не стоило бы ни малѣйшаго труда. Но на меня тогда рѣшительно нашла куриная слѣпота, и я, живя въ Петербургѣ, не сдѣлалъ ни шагу для прінсканія болѣе выгоднаго помѣщенія моего капитала. И вотъ, черезъ полтора мѣсяца послѣ пріѣзда моего въ Петербургъ, явился я къ Василью Андроновичу. Каково же было мое изумленіе, когда возвращая мнѣ въ срокъ ломбардные мои билеты, онъ даже не заикнулся объ обѣщанномъ мнѣ помѣщеніи капитала у бывшихъ своихъ компаньоновъ. Я уже не хотѣлъ напоминать ему о его обѣщаніи, а просто сказалъ умоляющимъ голосомъ:

— Ради Бога!—оставьте у себя мой капиталъ хоть за указные проценты. Для васъ это ничего не стоитъ, а мнѣ вы окажете благодѣяніе; мнѣ необходимо поселиться въ Петербургѣ для воспитанія моихъ младшихъ дѣтей; а вѣдь съ казенными процентами мнѣ рѣшительно нечѣмъ будетъ жить здѣсь, какъ бы я ни экономничалъ.

Разумѣется, для Василья Андроновича ровно ничего не стоило исполнить мою просьбу; это ли онъ дѣлалъ для другихъ! Стоустая молва передавала уже не разъ широкія и размашистыя черты его щедрости. Но на это были особенныя, важныя причины: или крупный чинъ, или вѣсъ въ обществѣ, или литературная извѣстность, или... ну да такихъ «или» не перечтешь въ нашъ «ходульный» вѣкъ. А я?... Неизвѣстный ничѣмъ и никому, да еще съ неважнымъ, первымъ штабъ-офицерскимъ чиномъ!.. Фи!... Игра не стоитъ свѣчъ. Питейныя знаменитости, какъ и знаменитости артистическія, любятъ разыгрывать пьесы своего сочиненія, артистическія или филантропическія, передъ многочисленною блестящею публикою или передъ какимъ нибудь властелиномъ міра; за то и нотки не захотятъ проронить передъ одинокимъ и неизвѣстнымъ слушателемъ. Имъ нужна не благодарность спасеннаго отъ бѣды, а шумные апплодисменты. Къ тому же и сердце, и душа, и умъ у питейныхъ филантроповъ устроены совершенно иначе, нежели у филантроповъ обы-

кновенныхъ, а именно: у питейныхъ филантроповъ (не у всѣхъ: есть между ними и добрые, а только у тѣхъ, которые въ какихъ нибудь семь или восемь лѣтъ ухитрились изъ ничего пріобрѣсть и мильоны, и огромные дома, и дачи); вмѣсто сердца находится гидрометръ. Прикинувшись людьми, умѣющими «сочувствовать чужимъ скорбямъ» и вызывая на откровенность, они затѣмъ стараются посредствомъ этого «незримаго гидрометра» опредѣлить «недогаръ» или «перегаръ» въ свойствахъ всѣхъ тѣхъ, съ которыми имъ приходится имѣть дѣла или дѣло. Теперь, — вмѣсто души у нихъ счеты, на которыхъ они безпрестанно дѣлаютъ разныя выкладки, по всѣмъ четыремъ правиламъ ариѳметики: тутъ умножатъ, тамъ раздѣлятъ — свои улыбки, рукопожатія, обѣщанія, а иногда и паи, то есть плюсы или минусы, смотря по вдохновенію и минутному капризу. Наконецъ, — вмѣсто ума у нихъ снарядъ для скорѣйшаго пріисканія разныхъ уловокъ, продѣлокъ, кунштиковъ и въ особенности, «отговорокъ» и «точекъ зрѣнія». Впрочемъ умъ ихъ еще не очень отличается отъ обыкновенныхъ, непитейныхъ умовъ, особенно относительно грибоѣдовскаго стиха:

Да умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ.

Итакъ, вслѣдствіе того, что я сейчасъ имѣлъ честь объяснить, Василій Андроновичъ пребылъ глухъ и нѣмъ къ моимъ моленіямъ. Мало того, онъ былъ со мною холоденъ и суровъ до невѣжливости. Куда дѣлась и его «привѣтливая улыбка?» Вѣроятно она лежала въ резервномъ фондѣ, до перваго «удобнаго для размѣна случая», потому что въ настоящую минуту размѣнять ее было не на что. Съ отчаяніемъ въ душѣ вышелъ я изъ дома Василья Андроновича, изъ этого обширнаго депо различныхъ обѣщаній того же самаго свойства и сорта, какъ и его «привѣтливая улыбка». Я рѣшительно не зналъ, куда дѣться и что дѣлать съ выброшеннымъ мнѣ такъ неожиданно капиталомъ. Недѣли двѣ метался я во всѣ стороны и дѣлалъ разныя попытки, но все неудачно. Наконецъ ко мнѣ подоспѣлъ на помощь одинъ изъ моихъ старыхъ товарищей по гвардейской службѣ и мой добрый пріятель. Желая искренно помочь моему горю, онъ нашелъ и предложилъ мнѣ слѣдующую аферу.

Года за четыре передъ тѣмъ, одинъ иностранецъ устроилъ на арендованной землѣ, верстахъ въ восьмидесяти отъ Петербурга, одно промышленное заведеніе: известко-обжигательныя пе-

чи и плитную ломку, съ желѣзно-конною дорогою. Окончивъ устройство этого довольно большаго заведенія, стоившаго ему до тридцати пяти тысячъ рублей, сверхъ оборотнаго капитала, иностранецъ тотъ умеръ, задолжавъ болѣе тридцати тысячъ рублей — по большей части англичанамъ. Кредиторы вступили во владѣніе и пользованіе тѣмъ заведеніемъ. Вдругъ вспыхнула восточная война: англичане-кредиторы уѣхали въ Лондонъ и боясь, чтобы у нихъ не конфисковали доставшееся имъ за долги имущество, поручили продать его хоть за что нибудь. Это самое заведеніе и предложили мнѣ купить. Я сейчасъ же поѣхалъ осмотрѣть его, нашелъ тамъ все въ исправности и, недолго думая, купилъ его за самую невысокую цѣну, сравнительно съ тѣмъ, чего стоило это заведеніе его основателю. Предпріятіе это обѣщало большія выгоды. Но я не сообразилъ одного: для успѣха во всякомъ промышленномъ и комерческомъ предпріятіи, сверхъ капитала, необходимы спеціальныя познанія и опытность, а у меня не было ни того, ни другаго. Много зависѣло еще и отъ того, чтобы успѣть найти хорошаго и знающаго человѣка для управленія промышленнымъ заведеніемъ.

Вскорѣ послѣ моей покупки явился ко мнѣ одинъ изъ старыхъ моихъ товарищей по Варшавѣ, гдѣ мы были вмѣстѣ въ школѣ подпрапорщиковъ. Тогда онъ былъ извѣстенъ мнѣ за добраго, аккуратнаго и честнаго малаго. Потомъ я служилъ въ гвардіи, а онъ въ арміи, и мы не встрѣчались нигдѣ болѣе двадцати лѣтъ. Уже лѣтъ восемь, какъ оставилъ онъ военную службу и гдѣ-то управлялъ имѣніемъ; въ настоящее же время былъ безъ мѣста и пріѣхалъ въ Петербургъ искать частной службы. Между тѣмъ онъ сообщилъ мнѣ, что превосходно знаетъ производство извести, потому что занимался имъ года четыре, управляя однимъ имѣніемъ, въ которомъ онъ самъ создалъ эту отрасль доходовъ. Я обрадовался вдвойнѣ встрѣчѣ съ моимъ старымъ однокашникомъ, котораго считалъ теперь счастливою находкою для только-что пріобрѣтеннаго мною известковаго и плитнаго заведенія. Въ одну минуту было предложено и принято мѣсто управляющаго моимъ заводомъ. Я положилъ большое содержаніе моему бывшему товарищу, и сверхъ жалованья назначилъ ему еще 10% изъ чистой прибыли, если только буду доволенъ его службою. Водворивъ его на заводѣ и оставя сумму необходимую для производства работъ, я уѣхалъ изъ Петербурга въ деревню, вполнѣ довольный употребленіемъ возвращеннаго мнѣ Штукаревымъ

капитала, и успокоенный насчетъ средствъ къ моему переселенію на житье въ Петербургѣ. Это было въ мартѣ 1855 года.

Между тѣмъ перенесенныя мною несчастія и потрясенія разстроили мое здоровье. Я сильно нуждался въ серьезномъ, радикальномъ лѣченіи. И вотъ, вслѣдствіе многихъ совѣтовъ, я собрался и поѣхалъ лѣтомъ въ Самарскую губернію, на Сергіевскія минеральныя воды, гдѣ и выдержалъ полный курсъ лѣченія. По возвращеніи съ водъ, я началъ готовиться къ переселенію моему въ Петербургъ со всѣмъ домомъ. Въ августѣ я совершилъ это переселеніе и водворился въ Петербургѣ съ моими дѣтьми. Заводъ мой шелъ ни дурно, ни хорошо. Да и нельзя было еще ожидать блестящихъ результатовъ, которыхъ вначалѣ не даетъ ни одно промышленно-коммерческое предпріятіе. Мой управляющій-товарищъ, казалось, лѣзъ изъ кожи, чтобы услужить мнѣ, и обѣщалъ большія выгоды на слѣдующій годъ, то есть когда дѣло будетъ совсѣмъ налажено и вступитъ въ нормальную колею. Коммерческія мои заботы не мѣшали, однако же, мнѣ заниматься музыкою, хотя и не съ прежнимъ увлеченіемъ, но все еще довольно усердно. Въ это время дозрѣвала въ моемъ умѣ музыкальная мысль, которая давно пришла мнѣ въ голову.

Въ то время, когда страсть моя къ гитарѣ была еще въ полной силѣ, я началъ сознавать въ душѣ, несмотря на мое тогдашнее увлеченіе, что гитара отжила свой вѣкъ. Тяжело и грустно было это сознаніе. Независимо отъ механическаго несовершенства этого инструмента, причина его малаго употребленія или, скажемъ прямѣе, его повсемѣстнаго паденія заключалась еще и въ томъ, что онъ нисколько не двигался впередъ, не совершенствовался, какъ, напримѣръ, фортепьяно и многіе другіе музыкальные инструменты. Гитара оставалась съ тѣмъ же слабымъ, чахоточнымъ тономъ, какъ и лѣтъ двадцать тому назадъ. Къ тому же послѣ смерти Джуліани не появилось ни одного талантливаго композитора для гитары.

Неужели гитара осуждена на вѣки, безъ аппеляціи? думалъ я тогда. Неужели невозможны для нея ни техническое улучшеніе инструмента, ни существованіе талантливаго композитора? Нельзя ли посредствомъ соревнованія,—этого могучаго рычага всякаго прогресса,—возбудить жизнь въ умирающемъ гитарномъ мірѣ, и вызвать къ усиленной и толковой дѣятельности и гитарныхъ мастеровъ, и гитаристовъ-композиторовъ? Вотъ откуда родилась у меня идея конкурса, еще до вступленія моего въ от-

купныя дѣла, которыя отвлекли меня надолго и отъ музыки, и отъ всѣхъ прочихъ безкорыстныхъ мыслей. Потомъ постоянная болѣзнь моей второй жены не позволяла мнѣ заняться осуществленіемъ идеи конкурса. Наконецъ, послѣ ея смерти, овладѣла мною такая тоска, что необходимо было развлечь себя. Съ болѣзненнымъ, судорожнымъ увлеченіемъ я снова предался гитарѣ — и идея конкурса быстро созрѣла. Это было въ мартѣ 1856 года. Я тогда сейчасъ же написалъ программу конкурса, въ которой назначалъ четыре преміи: двѣ — за лучшія сочиненія для гитары и двѣ — за наилучше-сдѣланныя гитары. Мѣстомъ конкурса назначилъ я Брюссель. Я самъ перевелъ эту программу на французскій языкъ и далъ перевести ее на нѣмецкій. Желая напечатать ее сперва въ русскихъ газетахъ, я обратился къ «С.-Петербугскимъ Вѣдомостямъ», и не прямо въ редакцію, а въ книжный магазинъ г. Ратькова, гдѣ была тогда контора этой газеты. И теперь, при этомъ удобномъ случаѣ, вмѣняю себѣ въ обязанность изъявить признательность редакціи этой газеты: безъ малѣйшей рекомендаціи или протекціи, программа моя была напечатана черезъ нѣсколько дней послѣ отдачи ея мною г. Ратькову.

Но не такъ было, когда я обратился съ французскимъ переводомъ програмы въ контору другой газеты, издаваемой въ Петербургѣ на французскомъ языкѣ. Мнѣ объявили, что программу мою не иначе могутъ напечатать, какъ тогда, когда я заплачу за нее «побуквенно», какъ это обыкновенно дѣлается со всѣми промышленными объявленіями, то есть программу мою помѣстили бы на послѣднемъ листѣ газеты, между объявленіями о вновь изобрѣтенной ваксѣ и о Ждановской жидкости. Я съ негодованіемъ отвергнулъ такое предложеніе.

Вскорѣ и за границею программа моя была напечатана въ разныхъ французскихъ и нѣмецкихъ газетахъ. Въ это время игра моя на гитарѣ вступила уже въ періодъ игры художественной. А главное, — я начиналъ уже достигать той важной точки искусства, которая составляетъ sine qua non виртуозности и до которой достигаютъ далеко не всѣ, даже и самые талантливые музыканты-исполнители, это—играть при всѣхъ такъ же хорошо или почти такъ, какъ у себя дома, безъ свидѣтелей,— это искусство и вмѣстѣ съ тѣмъ привычка быть полнымъ господиномъ своего музыкальнаго чувства и своихъ артистическихъ средствъ. И сколько было и есть великихъ виртуозовъ, для ко-

торыхъ играть въ публикѣ — настоящая пытка! Кто изъ истинныхъ любителей и знатоковъ не слыхалъ о покойномъ великомъ Шопенѣ? Онъ дѣлался настоящимъ мученикомъ всякій разъ, когда приходилось ему участвовать въ какомъ нибудь концертѣ.

Итакъ я началъ собираться за границу. Къ тому же здоровье мое требовало новаго лѣченія водами. Сергіевскія мнѣ мало помогли, и мнѣ совѣтовали ѣхать въ Ахенъ, горячія воды котораго были бы для меня весьма полезны. Передъ отъѣздомъ моимъ за границу я принималъ участіе въ одномъ концертѣ, происходившемъ въ университетской залѣ и составленномъ изъ однихъ любителей. Участіе мое прошло незамѣченнымъ, вѣроятно вслѣдствіе изрѣченія: «никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ». Хотя многіе мои собраты по инструменту и согласились наконецъ отдать мнѣ должную справедливость, но все еще находились между ними и такіе благопріятели, которые, не краснѣя и во всеуслышаніе, провозглашали, что «я играю на гитарѣ отвратительно, что нѣтъ въ Петербургѣ ни одного сапожника, ни одного кучера, ни одного дворника, который бы не могъ играть гораздо лучше меня.» И не вспомнишь всего, что было сказано тогда обо мнѣ.... Не вѣрите? Такъ я могу указать вамъ пальцемъ на одного такого благопріятеля и панегириста. И вы удивитесь, когда увидите, что̀ это за господинъ! Какихъ почтенныхъ лѣтъ и какого почтеннаго чина! А главное,—это добрѣйшій и честнѣйшій изъ людей, котораго я душевно люблю. Но у многихъ господъ, достигшихъ извѣстныхъ лѣтъ, а особенно извѣстнаго чина, открывается иногда какой нибудь пунктъ помѣшательства.

C'est terrible, mais c'est vrai!

ГЛАВА XVI.

ВТОРАЯ ПОѢЗДКА ЗА ГРАНИЦУ. — КОНКУРСЪ.

«Dans ce monde où tout s'oublie,
Où chacun ne pense qu'à soi,
Il faut bien que l'on s'écrie:
Pensez à moi»? (*)

Въ началѣ іюля поѣхалъ я за границу на почтовомъ пароходѣ, и прибывъ въ Ахенъ, принялся брать сѣрныя ванны и

(*) Въ этомъ свѣтѣ, въ которомъ все забывается, въ которомъ всякій только о себѣ думаетъ, поневолѣ закричишь иногда: подумайте и обо мнѣ.

пить тухлую воду. Тутъ я нашелъ много русскихъ, съ которыми очень весело проводилъ время. Вообще жизнь въ Ахенѣ несравненно веселѣе и разнообразнѣе, чѣмъ въ Крейцнахѣ. Посѣщалъ я и театръ, съ нѣмецкою оперною труппою, которую послѣ нашей итальянской можно было слушать только ради скуки. Но проѣздомъ участвовала въ нѣсколькихъ представленіяхъ примадона мадритскаго театра «Angles Fortunia», превосходная пѣвица, самой строгой и рѣдкой нынѣ итальянской школы. Одно было уморительно: она пѣла (въ «Соннамбулѣ») съ итальянскимъ текстомъ, а вся остальная труппа съ нѣмецкимъ.

Посѣтили меня еще два гитариста: Жансенъ и Фишеръ. Послѣдній, очень молодой и бѣлобрысый нѣмчикъ, слылъ великимъ гитаристомъ на берегахъ нижняго Рейна. Но — увы! — игра его оказалась высшею экзажераціею нѣмецкой гитарной школы, т. е. это было нестерпимѣйшее царапанье. Бѣглости и силы — бездна, но ни отчетливости, ни чистоты, ни малѣйшей пріятности, — и при постоянномъ forte и fortissimo — безпрерывный дребезгъ на всѣхъ струнахъ и ни одной христіанской нотки. И вотъ повадился ко мнѣ, почти всякой день, этотъ Фишеръ и смертельно надоѣлъ мнѣ. Во первыхъ курилъ сквернѣйшія сигары, во вторыхъ портилъ струны на гитарѣ и страшно терзалъ мои уши, а въ третьихъ — всякій разъ приставалъ ко мнѣ, чтобы я сказалъ ему мое откровенное мнѣніе о его игрѣ и далъ ему совѣтъ для дальнѣйшаго усовершенствованія. И вотъ наконецъ я исполнилъ его просьбу слѣдующимъ образомъ:

— Въ вашей игрѣ, сказалъ я ему, есть важныя качества: страшная сила и чрезвычайная бѣглость. Но для того, чтобы ваша игра была пріятна, вамъ необходимо сдѣлать слѣдующее: положить вашу гитару въ футляръ, запереть ее и потомъ три года не вынимать изъ ящика и не брать ее въ руки. Если въ продолженіе этого времени вамъ удастся забыть совершенно свою теперешнюю игру, тогда постарайтесь послушать Шульца въ Лондонѣ или Зени-де-Ферранти въ Брюсселѣ, и принявъ ихъ за образецъ, достаньте вашу гитару и принимайтесь за нее. Вотъ единственный для васъ путь къ усовершенствованію.

Не знаю, послѣдовалъ ли Фишеръ моему совѣту, но только я уже болѣе не встрѣчался съ нимъ въ Ахенѣ. Независимо отъ своей плохой игры, онъ былъ еще причиною безполезнаго моего путешествія въ Майнцъ, куда съѣздилъ я по окончаніи курса лѣченія моего въ Ахенѣ, — и вотъ почему и какъ: Фишеръ со-

общилъ мнѣ, между прочимъ, что есть три великіе гитариста: Штиллингъ въ Фульдѣ, Брандтъ въ Вюрцбургѣ и Францъ въ Мюнхенѣ, и совѣтовалъ мнѣ съѣздить послушать ихъ, говоря, что я не буду жалѣть ни времени, ни денегъ, издержанныхъ на это путешествіе. Вотъ я и собрался, и вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Брюссель устроивать конкурсъ, поѣхалъ на отысканіе нѣмецкихъ гитаристовъ «перваго сорта.» Заѣхавъ по дорогѣ въ Майнцъ, я послалъ за Камбергеромъ, который немедля явился ко мнѣ. Когда онъ узналъ, куда и зачѣмъ я ѣду, то сказалъ мнѣ: «вы будете жалѣть о потерѣ и денегъ и времени, потому что это самые обыкновенные гитаристы, которые не должны при васъ брать гитару въ руки.» Прокатался я даромъ, послушавъ бѣлобрысаго нѣмца. Нечего дѣлать. Итакъ я возвратился вспять изъ Майнца и пріѣхалъ въ Брюссель, гдѣ и поселился надолго, нанявъ себѣ весьма приличную квартиру.

Первое лице, къ которому я обратился по пріѣздѣ моемъ въ столицу Бельгіи, былъ нашъ генеральный консулъ, Ба—ракъ, умный и любезный человѣкъ, который и вначалѣ, и во все время пребыванія моего въ Брюсселѣ, не переставалъ оказывать мнѣ искреннее сочувствіе и содѣйствіе во всемъ, что касалось устройства моего конкурса. Онъ сейчасъ же поѣхалъ со мною къ пресловутому Фетису, директору брюссельской консерваторіи. Несмотря на почетную рекомендацію нашего консула, этотъ Фетисъ принялъ меня съ высоты самого уморительнаго, чтобы не сказать глупаго, величія. Я сейчасъ же увидѣлъ, что мнѣ нечего ожидать съ этой стороны. Вскорѣ мнѣ сообщили, что самое вѣрное, дѣйствительное средство расположить въ свою пользу патрона бельгійскихъ музыкантовъ, это—написать къ нему униженное письмо съ моленіями о покровительствѣ, а главное — со вложеніемъ банковаго билета въ пятьсотъ, а еще лучше если въ тысячу франковъ. О! тогда *сей* велемудрый музикусъ сейчасъ же написалъ бы обо мнѣ и моемъ консурсѣ великолѣпную статью, тиснулъ бы ее въ печать и потомъ открылъ бы передо мною настежь двери консерваторіи и въ ея пресловутой залѣ устроилъ бы конкурсъ подъ предсѣдательствомъ собственной своей сѣдовласой персоны. Разумѣется, я съ негодованіемъ и отвращеніемъ отвергнулъ это грязное средство.

Но не буду повторять здѣсь всего, что я, живя въ Брюсселѣ, слышалъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ о великомъ мужѣ Фетисѣ, который пользуется незаслуженною славою от-

личнаго музыканта. А какъ на человѣка, общественное мнѣніе въ Бельгіи наложило на него печать самой непочетной репутаціи, отъ которой каждому порядочному бельгійцу бываетъ тошно и стыдно, стыдно — за свое правительство, терпящее въ главѣ консерваторіи такого человѣка, какъ Фетисъ, вся жизнь котораго была и есть не что иное, какъ сплетеніе грязныхъ и чорныхъ дѣлъ. Въ доказательство истины моихъ словъ имѣется у меня документъ; это — нумеръ одной изъ бельгійскихъ газетъ («La Vérité, Organe Constitutionnel № 87»), гдѣ напечатана преостроумная статья по поводу пятидесяти-лѣтняго юбилея супружества Фетиса, празднованнаго въ брюссельской консерваторіи, въ октябрѣ 1856 года. Въ этой смѣлой статьѣ юбилей Фетиса называютъ скандаломъ и обращаются къ бывшему тогда министру внутреннихъ дѣлъ, г. Дедекеру, съ просьбою «выбросить вонъ изъ консерваторіи, какъ марающій ея стѣны, бюстъ ея недостойнаго директора, поставленный туда его подобострастными учениками и разными другими льстецами и низкопоклонниками». Но довольно о Фетисѣ.

Для устройства конкурса я обошелся и безъ Фетиса, по пословицѣ «свѣтъ не безъ добрыхъ людей.» Я отыскалъ въ Брюсселѣ Дамке, глубокаго музыканта и контрапунктиста, проживmaго прежде нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ. Онъ принялъ меня съ распростертыми объятіями и оказалъ мнѣ самое разумное и полезное содѣйствіе. Сейчасъ же познакомилъ онъ меня съ лучшими артистами и профессорами консерваторіи, въ томъ числѣ съ Серве, Леонаромъ, Блазомъ, Бендеромъ, Куффра и многими другими. Всѣ они съ готовностію приняли предложеніе — быть членами суда присяжныхъ въ моемъ конкурсѣ.

Между прочимъ Дамке посовѣтовалъ мнѣ дать концертъ, чтобы ознакомить публику съ моимъ талантомъ исполнителя. На этотъ предметъ директоръ филармоническаго общества въ Брюсселѣ, г. Гейнбургъ, отличный человѣкъ, предложилъ мнѣ сейчасъ же залу. Это была превосходная зала въ акустическомъ отношеніи, вмѣстимостію немного болѣе петербургской университетской залы. Въ воскресенье 23 сентября, въ часъ по полудни, происходилъ этотъ концертъ. Несмотря на неблагопріятное для него время, — въ этотъ день и часъ происходилъ блистательный концертъ въ зоологическомъ саду, гдѣ была вся королевская фамилія и куда, благодаря отличной погодѣ, устремился весь Брюссель, — несмотря на это обстоятельство, въ

концертѣ моемъ собралось до четырехъ сотъ человѣкъ. Тутъ находилось все, что только было въ Брюсселѣ порядочнаго и истинно-любящаго музыку. Я игралъ одинъ, безъ малѣйшаго посторонняго содѣйствія. Гитара раздавалась на всю залу и была такъ громка, что входящіе съ улицы въ сѣни, во время моей игры, не хотѣли вѣрить, что это была гитара, и думали, что какой нибудь піанистъ принимаетъ участіе въ моемъ концертѣ. Но самый большой фуроръ произвели — моя мазурка и потомъ мой же венеціанскій карнавалъ, въ которомъ есть вещи недоступныя никакому другому гитаристу, напр. играется тема на басахъ и въ тоже время слышится быстрѣйшая трель на верхнихъ нотахъ, играемая на двухъ струнахъ и четырьмя пальцами. Когда я окончилъ програму концерта, меня окружила толпа незнакомыхъ мнѣ, но восторженныхъ любителей, — артистовъ, ученыхъ, служащихъ, которые жали мнѣ руки, а многіе обнимали меня. Но я этимъ не отдѣлался: по всеобщей убѣдительной просьбѣ, я повторилъ мою мазурку, а потомъ, по просьбѣ дамъ, я съигралъ еще ненаходившуюся въ программѣ пьесу—бравурную фантазію Мерца, на тему изъ «Elixir d'amore», одну изъ самыхъ блистательныхъ гитарныхъ пьесъ Въ числѣ увлеченныхъ моею игрою былъ одинъ настоящій «fanatico per la musica e per la chitarra»,—это нѣкто Аданъ, товарищъ бельгійскаго министра финансовъ. Онъ объявилъ мнѣ, что страстно любитъ гитару, на которой играетъ съ шестнадцатилѣтняго возраста и для которой переложилъ онъ почти всѣ симфоніи Бетговена (?). Онъ переслушалъ всѣхъ великихъ гитаристовъ: Карулли, Джуліяни, Леньяни, Сора, Агуадо, Штоля, Зани-де-Ферранти и Гуэрту; но, если вѣрить его словамъ, ни одинъ изъ нихъ не подвинулъ такъ далеко исполненіе на гитарѣ, какъ я. На другой день послѣ концерта является ко мнѣ курьеръ министерства финансовъ и подаетъ огромный конвертъ. Тутъ было вложено «Rondo» для гитары, сочиненія Адана, который посвящалъ его мнѣ въ письмѣ, наполненномъ самыми восторженными похвалами моей игрѣ.

Это былъ третій мой дебютъ въ публикѣ, и самый удачный, потому что гитара, на этотъ разъ, была уже не послѣднею спицею въ колесницѣ, которую богатый и гордый баринъ удостоиваетъ иногда, но очень рѣдко, приглашать къ своему обѣденному столу, да еще сажаетъ ее на концѣ стола, гдѣ порою обнесутъ ее и блюдомъ и чарочкою. Нѣтъ! Въ моемъ концертѣ гитара

владычествовала нераздѣльно, не вымаливая себѣ заранѣе содѣйствія разныхъ мѣстныхъ полу-знаменитостей, да благосклонной улыбки фельетониста. Нѣтъ! Она одна наполняла звуками всю огромную залу и увлекла довольно значительную публику, составленную изъ истинныхъ знатоковъ и любителей музыки, и неподготовленныхъ ни одной изъ тѣхъ статей, которыя часто печатаются торгашами и раздавателями похвалъ перваго, втораго и третьяго сорта, и печатаются задолго до появленія на концертной эстрадѣ смышленнаго концерто-промышленника.

Теперь хотите ли знать, какъ велики были издержки при этомъ концертѣ? Афиши съ разсылкою ихъ по домамъ стоили мнѣ шесть франковъ. Это не то, что у насъ въ Петербургѣ. Ну, за то въ брюссельскихъ афишахъ нельзя и усладить себя прочтеніемъ напримѣръ того, какъ Фаустъ гуляетъ и встрѣчается съ хоромъ московскихъ цыганъ, подъ управленіемъ Григорья Соколова. Куда же имъ до паѳоса нашихъ афишъ!

Далѣе: привратнику филармоническаго общества за то, что онъ разставлялъ скамейки и стулья, далъ я 15 фр. А когда узналъ объ этомъ Гейнбургъ, президентъ общества, то прибѣжалъ ко мнѣ въ попыхахъ, удивленный и пораженный моею щедростію, и сказалъ:

— Да вѣдь платить, какъ вы, значитъ баловать, портить людей! Пяти франковъ было бы вполнѣ достаточно для нашего привратника. Дать же десять франковъ, значитъ *платить по-княжески*. А вы дали ему *пятнадцать франковъ!!!*...

Итого: 6 + 15 = 21 франкъ, что на русскій, т. е. на мѣдный счетъ составитъ 5 р. 25 коп. Да у насъ возьмутъ дороже и за то только, чтобы васъ порядочно поколотить. И за это сдерутъ съ васъ, да еще примолвятъ: «помилуйте! себѣ дороже стоитъ;» или «съ кого же и взять, какъ не съ васъ?» Но прошу покорнѣйше не дѣлать каламбура изъ моей фразы, а понимать ее такъ: дороже возьмутъ не съ того, кто поколотитъ, а съ того, кого поколотятъ.

Вскорѣ послѣ моего концерта образовался и судъ присяжныхъ. Чтобы охотнѣе приступить къ дѣлу, я предварительно собралъ всѣхъ членовъ суда у Дюбоста, брюссельскаго Донона, гдѣ угостилъ ихъ великолѣпнымъ обѣдомъ, о которомъ позволяю себѣ сказать нѣсколько словъ, въ назиданіе нашимъ ресторраннымъ знаменитостямъ. Собралось насъ девять человѣкъ.

Обѣдъ былъ такой, какого я не ѣдалъ ни до, ни послѣ того: блюдъ двѣнадцать, самыхъ тонкихъ. И остендскія устрицы, и супъ изъ черепахи, и омары, и стразбургскій пирогъ, и разная рыба, и дичь; потомъ великолѣпный дессертъ, ликеры и кофе. А при томъ выпито: двѣ бутылки шабли съ устрицами, шесть бутылокъ превосходнаго стараго бордо и четыре бутылки шампанскаго «Moët glacé». И все это стоило.... угадайте! навѣрно не угадаете,—стоило 149 франковъ и 90 сантимовъ, что составитъ на наше серебро, т. е. на нашу мѣдь—37 руб. 47 к. А такъ какъ насъ обѣдало девятеро, то и выходитъ по 4 руб. $16^1/_3$ коп. на человѣка. Одинъ обѣдъ безъ вина стоитъ по шести франковъ съ каждаго.... Можетъ, вы не вѣрите этой дешевизнѣ, такъ у меня сохранилась карта того обѣда, которую могу я показать всѣмъ и каждому. Теперь, для большаго назиданія, я упомяну здѣсь объ обѣдѣ, бывшемъ прошлаго лѣта у одного изъ петербургскихъ знаменитыхъ ресторатторовъ, въ Большой Морской, только не у Дюссо, а у его визави—у Бореля. Вотъ этотъ обѣдъ.

Было насъ четверо. Обѣдъ изъ шести самыхъ не тонкихъ блюдъ, какъ напр. щи *изъ щавеля*, потомъ котлета *со щавелемъ*, да кусокъ засушенаго судака съ кусочкомъ лимона, а на жаркое — тетерька, родная сестра Петрушки изъ «Мертвыхъ душъ», чрезвычайно похожая на своего брата тѣмъ, что у ней былъ «свой собственный запахъ», довольно сильный. При томъ выпито: двѣ рюмки «свѣтланы» или «шведской», не припомню,—четыре рюмки дряннаго хереса, бутылка лафиту—такъ-себѣ и рюмка коньяку. Само собою разумѣется, что былъ тутъ и кофе. И вся эта мизерность стоила 13 р. 25 к., т. е. по 3 руб. 31 к. съ человѣка. За одинъ хересъ (4 рюмки) выставлено въ счетъ 2 р., а за двѣ рюмки водки — 80 коп!!... Исполать вамъ, г. Борель! Но все-таки врядъ ли вамъ удастся выстроить, не только четырехъ-этажный домъ, но и деревянную избу изъ такихъ обѣдовъ съ тетерькою, сестрою гоголевскаго Петрушки; потому что сотни такихъ, какъ я, пообѣдаютъ у васъ разъ, да болѣе никогда къ вамъ и не заглянутъ.

Наконецъ 4 (16) октября происходило у меня въ квартирѣ первое засѣданіе суда присяжныхъ; я открылъ его небольшою рѣчью. Потомъ сейчасъ приступили къ выбору президента, въ которые я былъ избранъ единодушно. Въ это засѣданіе постановлены были условія и правила относительно присылки на конкурсъ и обратной отсылки гитаръ и сочиненій, и потомъ назна-

ченъ былъ день присужденія премій, а именно 1 декабря н. ст.; но впослѣдствіи онъ былъ отсроченъ до 10 декабря. Постановленіе это было сейчасъ же напечатано во многихъ брюссельскихъ журналахъ и потомъ перепечатано въ разныхъ французскихъ и нѣмецкихъ газетахъ. Между тѣмъ я со всѣхъ сторонъ началъ получать сочиненія, предназначаемыя для конкурса: изъ Франціи, Германіи, Венгріи, Польши, Голландіи и Испаніи; послѣднія были одни изъ худшихъ. Болѣе тридцати конкуррентовъ прислали мнѣ слишкомъ шестьдесятъ сочиненій. Многіе изъ нихъ прилагали и письма ко мнѣ, въ которыхъ превозносили меня, называя покровителемъ гитары, и, какъ водится въ этихъ случаяхъ, титуловали меня—то барономъ, то графомъ, то княземъ. Нѣкоторыя изъ писемъ были донельзя уморительны, и при нихъ прилагались афиши концертовъ, данныхъ ихъ авторами. Что касается до Мерца, то еще въ бытность мою въ Петербургѣ онъ прислалъ мнѣ для конкурса четыре новыя свои сочиненія. Съ самаго возвращенія моего изъ перваго путешествія я постоянно переписывался съ нимъ. Несмотря на исковерканный французскій языкъ его писемъ и на даваемый мнѣ титулъ *свѣтлости* (Monseigneur), въ нихъ просвѣчивалось много теплаго чувства и самой искренней, почтительной ко мнѣ любви. Но всего болѣе плѣняла меня въ Мерцѣ его необыкновенная скромность. Присылая мнѣ свои очаровательныя задушевныя сочиненія, онъ, казалось, нисколько не сознавалъ ихъ достоинствъ. Какъ мало походили на него въ этомъ отношеніи нѣкоторые изъ его собратій, напримѣръ Щепановскій, который лѣтъ шесть тому назадъ былъ въ Петербургѣ и насмѣшилъ всѣхъ своимъ безсиліемъ и претензіями на концертную игру. Явился-было онъ ко мнѣ въ Брюсселѣ и началъ свое со мною знакомство съ объявленія, что онъ — первый гитаристъ въ Европѣ, что онъ игралъ въ Лондонѣ, Парижѣ, Вѣнѣ, Константинополѣ и Богъ-знаетъ еще гдѣ, и повсюду производилъ страшный фуроръ, а въ Петербургѣ, между прочимъ, *убилъ своею игрою піаниста Лешетицкаго!?* И говорилъ онъ все это, нимало не краснѣя, а только подергивая свои длинные усы. Потомъ досталъ онъ и показалъ мнѣ нумеръ какого-то иллюстрированнаго журнала, гдѣ упоминалось о немъ, Щепановскомъ....

Между тѣмъ мнѣ хорошо были извѣстны его музыкальные успѣхи въ Петербургѣ, гдѣ во второмъ своемъ концертѣ онъ игралъ передъ пустыми креслами Михайловскаго театра. А когда

я заговорилъ съ нимъ о Зени-де-Ферранти, Шульцѣ и Мерцѣ, то онъ сдѣлалъ самую презрительную гримасу и тутъ же объявилъ, что всѣ они — дрянь. Даже великій Мауро Джуліяни — дрянь!... На свѣтѣ только и есть одинъ великій гитаристъ, это — онъ, Щепановскій, онъ, который изобрѣлъ особую методу игры посредствомъ безпрерывнаго «barré», безъ котораго на гитарѣ нѣтъ спасенія. И метода эта съ нимъ и умретъ, потому что онъ никому ее не передастъ. Но ни памяти, ни терпѣнія не достанетъ у меня пересказать все, что намолола мнѣ эта ничтожная посредственность, помноженная на самую заносчивую самонадѣянность. Столько наглаго хвастовства и безстыдной лжи возмутили мнѣ душу и возбудили во мнѣ сильнѣйшее негодованіе: мнѣ такъ и хотѣлось повернуть его къ дверямъ и вытолкать вонъ. Но я удовольствовался тѣмъ, что, не приглашая его ни играть на гитарѣ, ни даже садиться, сказалъ ему:

— Г. Щепановскій! Не знаю, какъ и что происходило въ вашихъ концертахъ въ Лондонѣ, Константинополѣ или хоть и въ Томбукту; но объ успѣхахъ вашихъ въ Петербургѣ слѣдуетъ говорить вамъ со мною поскромнѣе, потому что я самъ петербургскій житель и имѣю полное понятіе о лаврахъ, которые вы тамъ пожали. А что касается до Зени-де-Ферранти и до Шульца, то я имѣлъ честь и счастіе самъ ихъ слышать и объявляю и вамъ, и кому угодно, что, какъ исполнители, они стоятъ несравненно выше всѣхъ остальныхъ гитаристовъ, не исключая и меня съ вами, г. Щепановскій, которому считаю долгомъ напомнить, что скромность есть лучшее украшеніе таланта и что хвастовство унижаетъ талантъ, даже самый необыкновенный.

Послѣ этихъ словъ, сказанныхъ громко и рѣшительно, хвастунишка вдругъ притихъ,—да такъ, что и рта уже не раскрывалъ, а только сталъ крутить свои длинные усы, крутилъ, крутилъ ихъ да и отретировался, не хуже Гіулая, свѣжей памяти, отретировавшагося изъ Піэмонта со стыдомъ сокрушенной гордыни,—и потомъ уже ноги ко мнѣ не показывалъ. Да и въ цѣломъ Брюсселѣ никто не говорилъ о немъ ни слова. Не вѣдаю, что потомъ сталось съ нимъ. Вѣроятно, морочитъ гдѣ нибудь и какихъ нибудь невзыскательныхъ меломановъ, готовыхъ приходить въ восторгъ отъ всякой дребедени, сопровождаемой поддѣльною важностію и самодовольною улыбкою, да еще легковѣрныхъ и плохо-знающихъ музыку фельетонистовъ, готовыхъ признать чудомъ каждаго шарлатана, который пуститъ имъ пыль въ глаза

своею мнимо-новою методою игры, состоящею изъ нѣсколькихъ плаксивыхъ нотъ, завывающихъ пассажей и раздирающихъ пальцы аккордовъ. Но возвращусь къ конкурсу.

Въ проѣздъ мой черезъ Берлинъ я получилъ тамъ письмо отъ Мерца: онъ увѣдомлялъ меня о своей тяжелой болѣзни. Въ Ахенѣ я получилъ письмо отъ его жены, извѣщавшей меня, что ея мужу стало еще хуже, и что онъ уже не въ силахъ самъ писать ко мнѣ. Сильно обезпокоило и огорчило меня это извѣстіе: я душевно полюбилъ и уважалъ скромнаго и талантливаго гитарнаго композитора, единственную надежду немногихъ почитателей моего инструмента. Наконецъ въ октябрѣ я получаю изъ Вѣны письмо за черною печатью. Съ замирающимъ сердцемъ я распечатываю это письмо: оно было отъ г–жи Мерцъ, которая въ самыхъ горестныхъ выраженіяхъ сообщила мнѣ вѣсть о кончинѣ мужа. Я горько заплакалъ. И теперь, когда пишу эти строки, слезы текутъ изъ глазъ, грусть сжимаетъ сердце. И гитара, и всѣ гитаристы должны были тогда облечься въ трауръ, потому что утрата Мерца до сихъ поръ незамѣнима. Конкурсъ мой, какъ это будетъ потомъ видно, не открылъ ни одного, даже хоть сколько нибудь подходящаго къ нему по таланту, композитора гитарной музыки. Письмо жены Мерца кончалось слѣдующими словами: «мужъ мой обожалъ васъ; послѣднее слово, которое произнесъ онъ, умирая, было—ваше имя».

Незадолго до конкурса, гитара моя пріобрѣла новый и самый блистательный успѣхъ: это было полнѣйшее торжество и возрожденіе этого загнаннаго инструмента. Дамке познакомилъ меня съ двумя домами, гдѣ страстно любили искусство Моцарта и Бетговена и собирали у себя часто все, что было знаменитаго въ Брюсселѣ по части музыки. Главами этихъ двухъ домовъ были два брата, бароны Даннетанъ, принадлежащіе къ высшей бельгійской аристократіи. Одинъ изъ нихъ былъ секретаремъ короля Леопольда, а другой—генеральнымъ сборщикомъ податей. Сперва одинъ изъ братьевъ сдѣлалъ у себя музыкальный вечеръ, на которомъ играли Серве и я. Съигралъ я тогда двѣ пьесы Мерца: фантазіи на темы изъ «Montechi» и «Elixir d'Amore» и заслужилъ громкія рукоплесканія. Потомъ былъ музыкальный вечеръ у другаго брата. Этотъ вечеръ имѣлъ важное значеніе. У Серве, какъ у многихъ великихъ артистовъ, была слабость: онъ любилъ балаболки. У него было тогда ихъ двѣ: бельгійскій орденъ Леопольда, да, кажется, какой-то кобургскій крестикъ.

И вдругъ Серве началъ страдать сильнѣйшею жаждою—ордена Почетнаго Легіона. Бароны Даннетанъ, прекраснѣйшіе люди, очень любили Серве и взялись помочь ему въ его недугѣ. Незадолго передъ тѣмъ король Леопольдъ пожаловалъ орденъ своего патрона французскому піанисту Герцу. Вотъ на этомъ-то пожалованіи и основали они свои надежды и планъ своихъ дѣйствій. Второй Даннетанъ, секретарь короля, пригласилъ на свой вечеръ многихъ министровъ и посланниковъ, а въ томъ числѣ и французскаго, Фердинанда Барро, на котораго и задумали повести такую искусную атаку, что онъ долженъ бы былъ непремѣнно сдаться на капитуляцію. А первымъ условіемъ этой капитуляціи было бы, разумѣется, обѣщаніе испросить для Серве у императора французовъ орденъ Почетнаго Легіона, какъ любезность для короля Леопольда, въ отвѣтъ на его любезность относительно Герца, французскаго подданнаго.

Итакъ, вечеръ этотъ былъ одинъ изъ блистательнѣйшихъ. Дѣятелями его были: Серве, который съигралъ три свои пьесы и превзошелъ себя, потомъ молодая и прекрасная графиня Росси, дочь знаменитой Росси-Зонтагъ, пѣла два раза, и пѣла безподобно; она вполнѣ наслѣдовала талантъ своей славной матери. Потомъ Дамке игралъ на фортепьяно превосходное «Allegro» изъ своей симфоніи, аранжированное имъ на четыре руки. Съ нимъ играла жена его, ученица Гензельта; наконецъ игралъ два раза и вашъ покорнѣйшій слуга. Въ первый разъ, и сейчасъ послѣ первой игры Серве, исполнилъ я фантазію Мерца на извѣстную тему изъ «Пирата». Это превосходная пьеса, и блестящая, и задушевная. Въ ней есть одна страница изъ флажолетовъ, которые на моей гитарѣ удивительно сильны и нѣжны. Шумныя, искреннія рукоплесканія наградили за эту пьесу и меня, и память покойнаго Мерца. Подъ конецъ вечера Серве съигралъ свой блистательный «Souvenir de Varsovie». Я было надѣялся, что этимъ все и кончится, и что *казнь моя* не возобновится; я считалъ, да и теперь считаю для себя казнію—играть въ многочисленномъ и блестящемъ обществѣ. Но—увы!—я надѣялся напрасно. Едва замолкли очаровательные звуки віолончели Серве, ко мнѣ подошла хозяйка дома и сказала мнѣ съ всепобѣждающею улыбкою:

— Чтобы достойнымъ образомъ заключить нашъ вечеръ, всѣ мы просимъ васъ взять еще разъ въ руки вашу чудесную гитару и подарить намъ наслажденіе слушать очаровательные звуки,

которые вы такъ мастерски умѣете извлекать изъ вашего инструмента.

— Какъ, баронесса! Играть на гитарѣ послѣ пѣнія графини Росси и послѣ віолончели г. Серве! Да это будетъ неслыханная дерзость съ моей стороны!

Но съ дамами, да еще съ баронессами, да къ тому же умными и милыми, трудно спорить. Еще не придумано такихъ аргументовъ, которые могли бы убѣдить ихъ, и потому я долженъ былъ, какъ говорятъ французы: «m'exécuter de bonne grâce». Досталъ я свою гитару и пошелъ на эшафотъ, т. е. сѣлъ на стулъ и положилъ гитару на лѣвую ногу. Въ эту критическую для меня минуту подошелъ ко мнѣ Дамке и сказалъ мнѣ вполголоса:

— Что̀ вы намѣрены играть? Съиграйте вашу «симфоническую фантазію.»

— Нѣтъ! отвѣчалъ я — она слишкомъ длинна и слишкомъ серьезна. Хочу съиграть мой «карнавалъ». Это и эффектно, и не такъ утомительно.

— Ну, съ Богомъ! Желаю вамъ полнаго успѣха.

Прижалъ я къ груди свою *возлюбленную*, окинулъ взоромъ многочисленное и блестящее собраніе и мысленно призвалъ къ себѣ на помощь тѣни великихъ гитаристовъ: покойнаго Джуліяни и еще здравствующаго Шульца. И началъ, и окончилъ я мою игру съ акомпаниментомъ сильнаго біенія сердца. Исполнилъ я мой карнавалъ, — этотъ ослѣпительный музыкальный фейерверкъ такъ, какъ я не всегда его исполнялъ. Невозможно описать тотъ неудержимый, потрясающій взрывъ рукоплесканій, который послѣдовалъ за окончательнымъ аккордомъ карнавала. И это было слѣдствіемъ не одной обычной вѣжливости, а всеобщаго, неподдѣльнаго увлеченія и восторга. Дамке, мужъ и жена, подошли ко мнѣ и крѣпко пожимали мнѣ руки. О хозяинѣ и хозяйкѣ дома и говорить нечего: они разсыпались передо мною въ самыхъ лестныхъ похвалахъ и въ живѣйшей благодарности. А минуту спустя потомъ, подошла къ Дамке сестра хозяйки, какая-то графиня, съ дочерью дивной красоты, и сказала ему громко, такъ что я могъ разслушать каждое слово:

— Если бы я не видѣла своими собственными глазами и не слышала своими собственными ушами, я никому не повѣрила бы, что послѣ игры г. Серве и пѣнія графини Росси, гитара въ состояніи была произвести такой эффектъ.

Этотъ вечеръ и еще данный мною въ Брюсселѣ концертъ могли бы достаточно опровергнуть то ложное мнѣніе, что гитара — инструментъ неконцертный. Помилуйте, гг. «строгіе цѣнители и судьи!» Да какихъ же инструментовъ не являлось въ наше время на концертной эстрадѣ? И являлось съ полнымъ успѣхомъ. Слыхали мы концерты даже на однѣхъ губахъ, безъ всякаго содѣйстія деревяннаго или мѣднаго инструмента, на...... на свистѣ. Каждый инструментъ хорошъ для концерта, если у концертиста соединены слѣдующія условія: превосходный инструментъ, превосходное исполненіе, превосходно составленная концертная программа и превосходная концертная зала, которой величина должна соотвѣтствовать силѣ тона инструмента. Но вѣдь мнѣ не убѣдить всѣхъ скептиковъ и старовѣровъ музыкальнаго искусства, особенно такихъ любителей, которые, какъ это не разъ случалось со мною, прослушавъ меня, бывало, скажутъ: «Хорошо, очень хорошо, но...., *какъ жаль, что вы не играете на фортепьяно!*» Любезный читатель,

«Избави Богъ и васъ отъ этакихъ судей»!

Виноватъ! чуть было не позабылъ сказать, что блистательный вечеръ барона Даннетана, столь удачный для меня, былъ, — увы! — далеко не такъ удаченъ для великаго віолончелиста: французскій посланникъ не явился, потому что въ минуту выѣзда его на вечеръ, къ нему пріѣхала изъ Парижа жена его, которая и заставила его остаться дома, и онъ прислалъ къ барону кого-то съ извиненіемъ, что не можетъ быть у него. Такимъ образомъ, «Почетный Легіонъ» ускользнулъ отъ Серве. Не знаю, достигъ ли онъ впослѣдствіи желаемой цѣли и присоединилъ ли къ двумъ прежнимъ еще и третью—французскую балаболку.

Во время пребыванія моего въ Брюсселѣ ко мнѣ являлось много любителей-гитаристовъ и разныхъ другихъ артистовъ. Между тѣмъ, я познакомился съ двумя молодыми испанцами изъ Гибралтара: дономъ Навоне и дономъ Паскуале, скрипачемъ и піанистомъ, пріѣхавшими окончить свое музыкальное образованіе въ брюссельской консерваторіи. Но такое образованіе не встрѣчало сочувствія со стороны директора консерваторіи Фетиса. Изъ класса композиціи почти всегда выходили недовыучки, такъ что потомъ имъ необходимо было доучиваться посредствомъ частныхъ уроковъ. Мало того,—я зналъ въ Брюсселѣ многихъ воспитанниковъ консерваторіи, которые, независимо

отъ ученія въ классахъ, въ тоже время брали у Дамке уроки гармоніи и композиціи, потому что въ консерваторіи теорію музыки преподавалъ сынъ Фетиса, самый плохой изъ всѣхъ плохихъ музыкантовъ-теоретиковъ. Я тоже воспользовался пребываніемъ моимъ въ Брюсселѣ и бралъ уроки гармоніи у Дамке, превосходнѣйшаго наставника по этой части, который имѣлъ необыкновенный даръ излагать ясно и понятно самые трудные вопросы генералъ-баса. Но возвращусь къ испанцамъ!...

Они совѣтовали мнѣ посѣтить ихъ отечество, говоря, что меня пронесутъ на рукахъ съ одного конца Испаніи до другаго. Я было и проэктировалъ на весну такое поэтическое путешествіе;—но увы!—ему не суждено было осуществиться, вслѣдствіе самой прозаической причины....

Посѣщалъ меня еще нѣкто «Iradier, chevalier de l'ordre de Charles trois, professeur du chant au conservatoir de Madrid et cidévant maître de chant de l'Impératrice des français». Извините за длинный титулъ: такъ красовался онъ на визитной карточкѣ. Этотъ Ирадье былъ добрый малый, самый веселый, откровенный и безцеремонный испанецъ, который хохоталъ до упаду, страшно размахивалъ руками, когда говорилъ, и потомъ — то игралъ на фортепьяно свои сочиненія, то брянчалъ на гитарѣ и пѣлъ народныя испанскія пѣсни съ пристукиваньемъ, съ прищолкиваньемъ и съ присвистываньемъ. Онъ было началъ готовить сочиненіе для моего конкурса, но вышелъ странный случай: когда на первый разъ, по его просьбѣ, я сталъ играть на гитарѣ, то исполнилъ фантазію Мерца на «Montechi». Когда я кончилъ, Ирадье остолбенѣлъ, ударилъ себя кулакомъ по лбу и вскричалъ съ отчаяніемъ: «вы меня убили!» Тутъ онъ досталъ изъ кармана листъ нотной бумаги и показалъ мнѣ нѣсколько музыкальныхъ фразъ, набросанныхъ карандашемъ, прибавя: «для вашего конкурса я сегодня же началъ готовить фантазію на ту же тему, на которую вы сейчасъ играли такую чудную вещь. Увы! сознаюсь, что я не въ состояніи написать ничего даже подходящаго къ игранной вами пьесѣ и потому долженъ отказаться отъ всякой мысли участвовать въ вашемъ конкурсѣ.»

Дня за четыре до окончанія конкурса явились ко мнѣ изъ Парижа: Костъ, мой старый знакомецъ, который привезъ на конкурсъ четыре пьесы своего сочиненія, и Чибра, кровный испанецъ, родомъ изъ Севильи, но уже болѣе двадцати

лѣтъ оставившій свою родину и проживавшій сперва пятнадцать лѣтъ въ Лондонѣ, а потомъ уже пять лѣтъ проживающій въ Парижѣ, гдѣ написалъ онъ оперу, данную безъ успѣха на сценѣ «Большой Оперы». Этотъ Чибра, еще задолго до своего пріѣзда, прислалъ мнѣ свое сочиненіе для конкурса. Но, какъ композиторъ, онъ былъ не важенъ. Правда, что его сочиненія были очень оригинальны и совершенно въ другомъ родѣ, чѣмъ сочиненія Джуліяни и Мерца. Въ нихъ было много мелодіи и пріятности, особенно при его личномъ исполненіи. Но они были очень однообразны и по формѣ цѣлаго, и по частностямъ. Стиль самый маленькій, бо̀льшею частію танцовальный. Гармонія — тощая, бѣдная; а тональность — убійственно однообразная, рѣдко выходящая изъ двухъ или трехъ діезовъ,—этого палладіума плохихъ гитаристовъ, на которыхъ бемоль, а сохрани Боже два, производитъ почти такое же дѣйствіе, какъ вода на гидрофобовъ. Впрочемъ, для разнообразія моего обширнаго репертуара, а равно и для усвоенія всевозможныхъ стилей и манеръ я разучилъ два изъ сочиненій Чибры, исполненіе которыхъ доставляетъ мнѣ удовольствіе и которыя нравятся почти всѣмъ безъ исключенія, въ особенности дамамъ. Не забуду, какой фуроръ произвелъ я этими пьесами на пароходѣ, во время третьей моей поѣздки за границу въ 1857 году. Теперь нѣсколько словъ о Чибрѣ, какъ объ исполнителѣ.

Игра его — въ высшей степени замѣчательна. По методѣ почти всѣхъ испанцевъ, у него на правой рукѣ были отпущены длинные ногти, которыми онъ игралъ, держа пальцы надъ струнами не отвѣсно, какъ это бываетъ при обыкновенной игрѣ, а облически и не ударяя ногтемъ по струнѣ, а только налагая его на нее и потомъ скользя со струны на грифъ гитары. Этою манерою онъ извлекалъ изъ гитары необыкновенно-нѣжные, полные, пѣвучіе звуки, какихъ я не слыхалъ до тѣхъ поръ ни у кого, не исключая и Зани-де-Феранти, гитариста съ нѣжнѣйшею игрою по преимуществу. «Vibrace» у Чибры было дивно-хорошо: гитара у него рѣшительно вздыхала, стонала и рыдала. Но все это было только при медленныхъ темпахъ: *Largo, Adagio, Andante*. Какъ только доходило дѣло до темповъ живыхъ, до *Allegro* и *Presto*, тогда въ игрѣ Чибры выказывалась оборотная сторона медали; тутъ уже невозможно было скользить внизъ, а приходилось ударять ногтями по струнамъ, отъ чего слышался рѣзкій, ме-

таллическій звукъ, далеко не соотвѣтствующій бархатнымъ звукамъ его *Adagio*. Да и самая бѣглость много теряла отъ этой ногтевой методы. Однимъ словомъ, Чибра могъ доставить величайшее наслажденіе своею игрою въ продолженіе нѣсколькихъ дней; но потомъ, à la longue, игра и особенно сочиненія его прислушивались и уже интересовали все менѣе и менѣе. Музыка, какъ и кухня: нельзя кормить все сладостями; требуются и другія болѣе питательныя яства, а къ нѣкоторымъ не мѣшаетъ иногда прибавлять горчицы или перцу.

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ, до меня дошли слухи о томъ, что Чибра игралъ гдѣ-то въ Брюсселѣ въ большой залѣ и при многочисленной публикѣ, но что произвелъ очень мало эффекта. Душевно сожалѣю его, тѣмъ болѣе, что все-таки это одинъ изъ талантливѣйшихъ гитаристовъ, хотя и не изъ самыхъ скромныхъ; потому что, посѣщая меня въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, почти ежедневно, онъ чрезвычайно много разглагольствовалъ о своихъ безчисленныхъ тріумфахъ въ Лондонѣ и Парижѣ, въ подтвержденіе которыхъ ничего не могъ представить, кромѣ собственныхъ своихъ словъ и самаго неблестящаго положенія своего кармана, до того тощаго, что мнѣ стало очень жаль его и.... Но объ этомъ не стоитъ и не должно говорить.... Пора досказать исторію моего конкурса и возвратиться въ Петербургъ, чтобы докончить исторію о великолѣпномъ откупщикѣ-меценатѣ.

Много хлопотъ и работы причинилъ мнѣ мой конкурсъ. Одно полученіе инструментовъ изъ таможни и потомъ сочиненій и писемъ, бо̀льшею частію не франкированныхъ, не мало стоило мнѣ и времени и денегъ. Но самое убійственное, это—разбираніе сочиненій, которыхъ было прислано болѣе шестидесяти и которыя, за исключеніемъ пьесъ Мерца, Коста, и еще двухъ или трехъ конкуррентовъ, обличали полнѣйшую бездарность. Посидѣлъ я надъ этими сочиненіями! А отдѣлаться отъ этого было невозможно: по званію моему президента суда присяжныхъ, да къ тому еще въ качествѣ любителя и знатока гитарной музыки, т. е. самаго компетентнаго судьи въ дѣлѣ гитары, мнѣ необходимо было просмотрѣть каждое сочиненіе, чтобы потомъ подать неодностороннее, а вполнѣ справедливое мнѣніе при назначеніи премій. Затѣмъ я отправилъ всю массу этихъ сочиненій къ Дамке, съ просьбою просмотрѣть и переслать ихъ къ слѣдующему члену и такъ далѣе.

Гитаръ было прислано немного: одна изъ Вѣны отъ Шерцера, одна изъ Петербурга отъ Аргузена; одна изъ Парижа отъ преемника Лакота, Эйриха; одна изъ Праги, не помню отъ кого; двѣ изъ Мюнхена, тоже не помню отъ кого, и еще двѣ изъ Вѣны отъ кого-то, но которыя опоздали уже и не были приняты на конкурсъ.

Наконецъ насталъ день присужденія премій. Въ восемь часовъ вечера собрались у меня всѣ члены суда присяжныхъ, и я открылъ засѣданіе. Не помню, кто изъ членовъ предложилъ предварительный вопросъ: какъ вотировать присужденіе премій — съ преніями или безъ преній. Я подалъ мнѣніе за вотированіе съ преніями, что̀ и было принято единодушно. Изъ шестидесяти четырехъ сочиненій допущено было въ конкурсъ только сорокъ, остальныя были отстранены, какъ не подходящія подъ условія программы, или какъ слишкомъ ничтожныя. Затѣмъ изъ остальныхъ сорока были признаны достойными премій только четыре сочиненія Мерца, четыре — Коста, два — Комарнаго и одно Кюнеля, итого одиннадцать сочиненій. Разумѣется, всѣхъ достойнѣе были сочиненія Мерца, несравненно превосходившія сочиненія остальныхъ трехъ конкуррентовъ. Я еще прежде изъявилъ мнѣніе, что смерть Мерца не должна препятствовать къ принятію на конкурсъ его сочиненій, а равно и къ присужденію за нихъ премій, которая въ такомъ случаѣ должна быть отослана вдовѣ Мерца. Съ этимъ мнѣніемъ согласились всѣ члены. Но — увы! — въ самый послѣдній день конкурса противъ меня составился заговоръ (cabale),—и вотъ почему и какъ.

Когда я давалъ обѣдъ членамъ суда, то, подъ конецъ стола, рѣчь коснулась Фетиса. Грѣшный человѣкъ! Я никогда не метилъ въ Таллейраны и даже во снѣ не кривилъ душой, не порочилъ языкомъ; поэтому при имени Фетиса я выпустилъ нѣсколько рѣзкихъ выраженій. Ни Серве, ни Блазъ, которые были профессорами въ консерваторіи, не изъявили тогда ни малѣйшаго неудовольствія. О Дамке и говорить нечего: никогда и нигдѣ не скрывалъ онъ своего благороднаго негодованія на недостойнаго директора, который обложилъ акцизомъ и мѣста профессоровъ, и самую раздачу премій на конкурсахъ въ консерваторіи. Итакъ, филиппика моя не оскорбила никого, кромѣ одного господина, имени котораго я не хочу упоминать здѣсь, но который любилъ и служить, и прислуживаться. Вотъ этотъ прислуживающійся господинъ и вздумалъ обидѣться за всесильнаго Фе-

тиса; а обидѣвшись, вознамѣрился при первомъ удобномъ случаѣ чѣмъ нибудь мнѣ отплатить, т. е. «напакостить». Такой случай представился ему не ранѣе, какъ въ послѣдній день моего конкурса. Онъ зналъ, что я питалъ глубокое уваженіе къ памяти Мерца. Вотъ и задумалъ онъ досадить, т. е. напакостить мнѣ тѣмъ, чтобы первая премія за сочиненія досталась на Мерцу, а кому нибудь другому, и для этого подтасовалъ было себѣ партію. Вотъ какъ и чѣмъ разрѣшилась эта интрига:

По отобраніи одиннадцати сочиненій, признанныхъ достойными награды, я предложилъ первую премію за «Concertino» Мерца, а вторую за «Serenade» Коста. Тогда господинъ мститель и прислужникъ Фетиса повелъ такую рѣчь:

— Безспорно, сочиненія Мерца далеко превосходятъ всѣ остальныя и по вдохновенію, и по блеску; но.... въ нихъ есть неправильности (incorrections).

— Какія? спросилъ я.

— А вотъ взгляните въ это концертино: тутъ есть неправильное разрѣшеніе септимы.

— Укажите, — гдѣ?

— А вотъ въ этомъ аккордѣ: sol diès, вмѣсто la bemol.

— Помилуйте! Этотъ sol diès поставленъ съ намѣреніемъ: вѣдь Мерцъ писалъ не для педантовъ, а для гитаристовъ, изъ которыхъ бо̀льшая часть страшно боится бемолей, тогда какъ діезы имъ нипочемъ. И къ тому же, — отъ этого преступнаго діеза разрѣшеніе нисколько не страдаетъ; разрѣшающій аккордъ остается тотъ же самый. Чего же вамъ болѣе? Уши не страдаютъ; а неужели въ музыкѣ глаза важнѣе слуха? Къ тому же, господа, подумайте о томъ, что судить о достоинствѣ произнесеннаго нами приговора будутъ не контрапунктисты, а гитаристы, которые, сличивъ два увѣнчанныя нами сочиненія, пожмутъ плечами, да еще, пожалуй, произнесутъ какое нибудь нехорошее слово, такъ что насъ не оправдаетъ въ ихъ глазахъ не только одинъ неумѣстный діезъ, но если бы ихъ находилось и десять въ превосходномъ сочиненіи Мерца.

Педантъ и прислужникъ замолчалъ. Но минуту спустя, понатужился и ввернулъ слѣдующую закавычку.

— Г. Макаровъ? Если бы случилось, что Мерцу досталась не первая, а вторая премія, вы не будете протестовать противъ вашего рѣшенія?

— Мнѣ будетъ и грустно, и больно такое рѣшеніе, ибо по всей справедливости Мерцъ достоинъ первой преміи. Но во всякомъ случаѣ, я покорюсь рѣшенію большинства.

Затѣмъ приступили къ вотированію. Секретарь суда, Шоттъ, приготовилъ семь билетиковъ и роздалъ ихъ членамъ, въ томъ числѣ и мнѣ одинъ. Всѣ написали на нихъ по два имени — для первой и второй преміи, потомъ свернули въ трубочки эти билеты и поочередно бросили ихъ въ урну. Шоттъ взялъ потомъ эту урну и высыпалъ передо мною билеты. Сердце сильно билось во мнѣ, когда я развертывалъ написанныя имена, вносилъ ихъ на листъ бумаги и наконецъ провозгласилъ:

«На первую премію — Мерцъ четыре голоса, Костъ три; первая премія присуждена Мерцу.»

Ухъ! какой тяжелый камень свалился съ моего сердца! Я вздохнулъ свободно. Потомъ Шоттъ еще провозгласилъ:

«На вторую премію — Костъ четыре голоса, Кюнель — два, Камарный—одинъ голосъ; Костъ получилъ вторую премію».

Итакъ вопросъ о сочиненіяхъ былъ рѣшенъ, и рѣшенъ самымъ справедливымъ образомъ, благодаря моимъ доводамъ, которые подѣйствовали на большинство, вопреки интригѣ прислужника Фетиса. Я сейчасъ же послалъ записку къ Косту, прося его къ себѣ съ гитарою, по приглашенію всѣхъ членовъ, желающихъ прослушать два изъ его сочиненій, чтобы рѣшить окончательно, которое изъ нихъ увѣнчать наградою. Костъ сейчасъ явился ко мнѣ въ кабинетъ съ сіяющимъ отъ радости лицомъ и принялся меня обнимать и цаловать, говоря, что считаетъ величайшею честію и счастіемъ то, что онъ получилъ вторую премію вслѣдъ за Мерцемъ, передъ которымъ склоняется, какъ передъ величайшимъ современнымъ композиторомъ для гитары. Я ввелъ его въ гостиную и представилъ членамъ суда. Послѣ обычныхъ привѣтствій и поздравленій съ успѣхомъ, Костъ сыгралъ двѣ пьесы, изъ которыхъ достойною второй преміи была признана его «Серенада.»

Наконецъ я предложилъ рѣшить вопросъ объ инструментахъ и для этого попросилъ членовъ въ мой кабинетъ, гдѣ резонансъ былъ много лучше, нежели въ гостиной. Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ сейчасъ же и безъ малѣйшихъ преній. Я взялъ по нѣскольку аккордовъ поочередно на каждой изъ гитаръ. Двѣ изъ нихъ далеко оставили за собою всѣ остальныя; это были гитары работы Шерцера и Аргузена. Первая была необыкно-

венно хороша и превзошла силою и пѣвучестію тона всѣ гитары, какія только видѣлъ и слышалъ я до тѣхъ поръ. Вторая уступала первой въ силѣ и полнотѣ тона, но имѣла чрезвычайно серебристый и нѣжный тэмбръ звука. Но вся честь инидіативы безспорно принадлежала Шерцеру, потому что онъ одинъ придумалъ всѣ улучшенія инструмента, тогда какъ Аргузенъ только подражалъ, ибо имѣлъ въ своихъ рукахъ мою прежнюю гитару передъ отъѣздомъ моимъ за границу. Въ заключеніе я съигралъ по пьесѣ на каждой изъ увѣнчанныхъ гитаръ, которыя и оставилъ я за собою, заплативши за нихъ Шерцеру и Аргузену, сверхъ полученныхъ ими премій, ту цѣну, которую назначили они за свои инструменты. А когда мои сочлены прощались со мною, я поднесъ каждому изъ нихъ по два фунта превосходнаго чаю, выписаннаго мною изъ Петербурга. Этотъ ничтожный подарокъ сдѣлалъ большое удовольствіе моимъ сотрудникамъ, которые очень любили русскій чай, и мы разстались вполнѣ довольные другъ другомъ. Впрочемъ не знаю, вполнѣ ли былъ доволенъ мною строгій судія несчастнаго соль-діеза. На другой же день я отправилъ въ Вѣну два поздравительныя письма со вложеніемъ по 800 франковъ въ каждое: одно вдовѣ Мерца, другое Шерцеру. А вскорѣ получилъ отъ нихъ и отвѣты, въ которыхъ они выражали самую глубокую ко мнѣ признательность.

Такъ кончился мой конкурсъ, который не вполнѣ достигъ своей цѣли: онъ не открылъ ни одного новаго композитора съ огромнымъ талантомъ, который бы могъ съ честію занять мѣсто покойнаго Мерца. Но для возрожденія гитары я сдѣлалъ все, что было въ силахъ одного человѣка, котораго никто не поддерживалъ, не поощрялъ. Дай Богъ, чтобы кто нибудь другой былъ счастливѣе меня. Но едва ли возможно быть настойчивѣе, терпѣливѣе и безкорыстнѣе, чѣмъ я. Едва ли кто съумѣетъ и сможетъ въ продолженіе восьмнадцати лѣтъ бороться и съ равнодущіемъ своихъ соотчичей, и съ недоброжелательствомъ своихъ собратій по инструменту, бороться и съ тысячами другихъ препятствій и не пасть духомъ, а смѣло идти и придти къ предположенной цѣли.

ГЛАВА XVII.

РАЗРУШЕНІЕ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ПЛАНОВЪ И ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ РОССІЮ. — ПОСЛѢДНІЙ ПОДВИГЪ НАШЕГО ГЕРОЯ.

«Такъ! отрезвился я сполна,
Мечтанья съ глазъ долой и—спала пелена!»
ГРИБОѢДОВЪ.

«Ce qui est différé, n'est pas perdu».
(Французская пословица.)

Вскорѣ послѣ конкурса я написалъ на французскомъ языкѣ статью, въ которой, оплакивая смерть Мерца, отдавалъ должную дань хвалы его композиторскому таланту. Въ той же статьѣ говорилъ я и о Шерцерѣ, называя его Эраромъ гитары и исчисляя его великія заслуги по усовершенствованію этого инструмента, который такъ долго коснѣлъ въ китайской неподвижности. Я послалъ эту статью къ Косту въ Парижъ, гдѣ и была она напечатана въ «Revue et Gazette musicale». Въ январѣ располагалъ я ѣхать въ Парижъ, дать тамъ два или три концерта въ пользу бѣдныхъ и получить патентъ на европейскую извѣстность, въ успѣхѣ чего все заставляло меня надѣяться. Но — увы! — судьба снова подбросила мнѣ камень подъ ноги и разрушила всѣ мои планы.

Въ концѣ декабря получилъ я изъ Петербурга письмо отъ одного моего хорошаго пріятеля и стараго товарища. Онъ сообщалъ мнѣ страшное извѣстіе: управляющій моимъ заводомъ, тоже старый товарищъ, который въ бытность мою въ Петербургѣ велъ себя хорошо, то есть хитро скрывалъ отъ меня свои скверныя стороны, оказался въ мое отсутствіе величайшимъ негодяемъ. Дѣло по заводу и по торговлѣ шло, какъ нельзя болѣе дурно: управляющій мой ничѣмъ не занимался, бросилъ все на руки прикащиковъ, пьянствовалъ и въ то же время обкрадывалъ меня немилосердно. «Не медля ни минуты, возвращайся въ Петербургъ, иначе ты будешь разоренъ въ конецъ, писалъ мнѣ мой добрый пріятель, прибавя въ концѣ письма слѣдующія слова: «Нѣкто раздѣлилъ занятія людей на двѣ категоріи: однѣ, которыя даютъ славу безъ денегъ; другія, которыя даютъ деньги

(*) Что отсрочено, то не потеряно.

безъ славы. Ты имѣешь дѣтей, и потому долженъ выбирать послѣднюю категорію»,

Какъ громомъ поразило меня это извѣстіе и разбило въ прахъ мои мечты о славѣ. Мигомъ собрался я въ путь и 12 января 1857 года былъ уже въ Петербургѣ. Въ ужаснѣйшемъ положеніи нашелъ я мои дѣла: въ кассѣ ни копѣйки, и на заводѣ самое ничтожное количество дровъ для обжога извести. Огромныя денежныя потери сдѣлалъ мнѣ мой негодный управляющій. Разумѣется, я его прогналъ и самъ занялся дѣломъ; взять съ него было нечего. Чтобы спасти дѣло отъ окончательнаго разстройства, необходимо было сейчасъ же закупить дровъ и потомъ перевезти плиту съ мѣста добыванія на мѣсто нагрузки—на суда. Для этого потребовалось до пяти тысячъ рублей. Но гдѣ ихъ взять? Правда, имѣніе мое не было заложено и стоило вчетверо противъ этой суммы; но процедура закладыванія очень длинна. Скрѣпя сердце, обратился я къ Штукареву, съ которымъ все еще поддерживалъ сношенія. Къ тому же—это была чисто коммерческая сдѣлка: я занималъ извѣстную сумму за извѣстные проценты, обезпечивая этотъ долгъ имѣніемъ и заводомъ, которые вмѣстѣ представляли цѣнность вдесятеро превосходящую занимаемую мною сумму. Но Василій Андроновичъ страшно наморщился при первомъ словѣ о займѣ,—и не отъ недовѣрчивости; нѣтъ,—онъ хорошо зналъ, что за мною ни въ какомъ случаѣ не могутъ пропасть чьи бы то ни было деньги,—ему было сильно не по душѣ сдѣлать для меня что либо полезное. Но на этотъ разъ онъ не рѣшился отказать мнѣ, потому ли, что не нашелъ приличной отговорки, или потому, что боялся довести меня до отчаянія. За то онъ долго торговался со мною, предлагая мнѣ сперва только половину того, что я просилъ, и потомъ, увеличивая сумму, выдалъ то, что мнѣ было необходимо. Но впослѣдствіи онъ не замедлилъ обратить въ обиду это одолженіе, попрекнувъ имъ меня въ своемъ письмѣ, гдѣ присоединилъ еще и самую злую насмѣшку, сказавъ, что «не велика бѣда, если я и потеряю двѣ трети изъ моего состоянія, и что *съ остальною третью я все еще буду самымъ зажиточнымъ помѣщикомъ въ Солигаличѣ*».

Итакъ, дѣятельно занялся я моими дѣлами и началъ исправлять зло, сдѣланное негоднымъ управляющимъ. Настала весна. Работы на заводѣ устроились, и мнѣ необходимъ былъ помощникъ, потому что одному мнѣ невозможно было управляться съ дѣлами по заводу и въ Петербургѣ. И вотъ подслужилась мнѣ

одна изъ знакомыхъ мнѣ особъ, впрочемъ очень умная и почтенная. Она отрекомендовала мнѣ въ должность управляющаго одного господина, за котораго ручалась, какъ за себя, говоря: «я не буду краснѣть за него». Принялъ я этого господина. Но было бы долго, да и не къ чему разсказывать здѣсь всю пасквильную исторію новаго моего управляющаго. Почтенной особѣ, которая рекомендовала мнѣ его, пришлось впослѣдствіи очень и очень краснѣть за своего «protégé», потому что послѣ пятнадцати мѣсяцевъ своей у меня службы, онъ оказался самымъ злокачественнымъ воромъ, гораздо худшимъ и опаснѣйшимъ, чѣмъ его предмѣстникъ. Прогналъ я и этого мазурика.... Извините за тривіальное выраженіе. Лучшаго и, особенно, вѣрнѣйшаго я не придумалъ.

Въ концѣ 1857 года мнѣ необходимо было съѣздить на родину, въ Костромскую губернію, и взглянуть на имѣніе, доставшееся послѣ дяди. Въ проѣздъ черезъ Москву я поѣхалъ повидаться съ Ма—товымъ, который не переставалъ быть со мною любезнымъ. Когда я въѣхалъ къ нему на дворъ, онъ садился въ сани, чтобы ѣхать куда-то. Мы поздоровались, и Ма—товъ сказалъ мнѣ:

— Садитесь со мною и поѣдемте.

— Куда, спросилъ я?

— Къ Василью Андроновичу.

— Зачѣмъ дѣлать ему непріятность моимъ визитомъ?

— Полноте! Василій Андроновичъ будетъ очень радъ видѣть васъ. Къ тому же вы посмотрите, какъ чудесно онъ отдѣлалъ свой домъ.

— Развѣ только для этого, сказалъ я, садясь въ сани съ Ма—товымъ.

— Ну, теперь смотрите же и угадывайте издали, зная вкусъ Василья Андроновича, который его домъ? говорилъ мнѣ Ма—товъ, показывая рукою въ переулокъ, въ которомъ красовалось зданіе какой-то странной, *ублюдочной* архитектуры, — смѣсь византійскаго съ нижегородскимъ.

Мы подъѣхали къ этому смѣшенію архитектурныхъ стилей, т. е. къ претензіи на оригинальность, и вошли въ сѣни и далѣе въ обширный кабинетъ Василья Андроновича. И вправду, онъ принялъ меня очень радушно и съ *наипривѣтливѣйшею* улыбкою. «Быть бѣдѣ,» подумалъ я! Но вопреки свѣту разума и опыта,

мнѣ суждено было слѣпнуть всякой разъ отъ этой слишкомъ привѣтливой улыбки, и потомъ пребывать въ этой роковой слѣпотѣ до самыхъ крайнихъ предѣловъ недобросовѣстной мистификаціи, которую разъигрывали со мною столько разъ въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ. Меня пригласили обѣдать, посадили возлѣ себя, подчивали всякими диковинками и заморскими винами и ликерами. Потомъ интересовались моимъ заводомъ. Вотъ я со-слѣпа и предложилъ написать обозрѣніе всего моего промышленнаго производства, чтобы дать вѣрную и ясную идею объ этомъ дѣлѣ. Потомъ распростился я съ Штукаревымъ и съ Ма—товымъ и поѣхалъ на родину. Пробывши тамъ недѣли три, я возвратился въ Москву, гдѣ снова посѣтилъ моего Амфитріона въ его византійско-нижегородскомъ чертогѣ, и вручилъ ему обѣщанное обозрѣніе,—плодъ опыта, дорого мною купленнаго. Большія деньги заплатилъ бы я за такую брошюрку, если бы кто предложилъ мнѣ ее сейчасъ послѣ покупки завода: она спасла бы меня отъ огромныхъ потерь. Поэтому-то опытъ и считается самою дорогою наукою. Василій Андроновичъ взялъ написанную мною брошюру, и все съ своею привѣтливою улыбкою. Эта брошюра составляла, такъ сказать, коммерческую семейную тайну, и я былъ увѣренъ, что Штукаревъ оставитъ у себя и никому не передастъ ее. Но вотъ увидимъ, какъ уважались господиномъ Штукаревымъ коммерческія тайны.

Къ новому году я возвратился въ Петербургъ. Мѣсяцъ спустя послѣ того я былъ въ итальянской оперѣ. Во время антракта я встрѣтился въ фойе съ одною личностію, съ которою я.... былъ бы радъ никогда и нигдѣ не встрѣчаться. Но — увы! — законъ солидарности — законъ деспотическій. Съ этою личностію я служилъ когда-то вмѣстѣ въ дѣлахъ Штукарева. Этою же самою личностію, подъ заглавными литерами С. В., Штукаревъ кололъ мнѣ глаза въ своемъ обвинительномъ письмѣ по пунктамъ. Эту же личность онъ, Штукаревъ, изъ ничтожества, изъ грязи вывелъ въ люди, т. е. въ обладатели мильоновъ, огромныхъ барскихъ палатъ и дачъ. Эта же личность наконецъ оставила по себѣ, въ извѣстной кастѣ петербургскаго народонаселенія, такія почетныя воспоминанія, что порядочнымъ людямъ, которые были съ нею знакомы, стыдно теперь признаться въ этомъ. Но это уже дѣло не мое, а тѣхъ, которымъ, вмѣстѣ съ Крыловымъ, пришлось сказать, по поводу вышереченной личности:

«И кумушка тѣмъ службу довершила,
Что выбравъ ночку потемнѣй,
У куманька всѣхъ куръ передушила».

Итакъ, встрѣтился я съ этою личностію въ фойе итальянской оперы. Волею - неволею я долженъ былъ раскланятся съ нею. Личность подошла ко мнѣ, протянула мнѣ руку и съ улыбкою ультра-привѣтливою сказала:

— А вѣдь у васъ очень хорошее дѣло!

— Какое дѣло? спросилъ я.

— А ваше известковое и плитное заведеніе!

— Да, хорошее, если при этомъ имѣется опытность, которая, на бѣду, покупается очень дорого.

— Я съ великимъ удовольствіемъ прочиталъ вашу брошюрку.

— Какую брошюрку? спросилъ я съ безпокойствомъ.

— А ту, которую написали вы о своемъ плитномъ производствѣ и оставили у Василья Андроновича. Онъ переслалъ ее ко мнѣ.

Словно обухомъ по лбу хватили меня эти слова! Такъ вотъ что значатъ этотъ радушный пріемъ въ домѣ византійско-нижегородскаго стиля! Такъ вотъ истолкованіе этого обѣда и подчиванья заморскими винами и ликерами! Я поспѣшилъ окончить мой разговоръ съ личностію, столько же пріятною, какъ и касторовое масло, и вошелъ въ мою ложу, гдѣ очаровательное пѣніе Бозіо прогнало мою тошноту.

Недѣлю спустя послѣ описанной мною встрѣчи и разговора въ оперѣ, явился ко мнѣ отъ достославнаго мужа С. В. его повѣренный, съ предложеніемъ продать ему, С. В., всѣ строительные матеріалы, какіе будутъ заготовлены въ моемъ заведеніи. Я послалъ къ достославному мужу моего прикащика, чтобы условиться въ цѣнѣ покупаемыхъ у меня матеріаловъ; но С. В. предложилъ такую цѣну, что вмѣсто барыша я долженъ былъ бы понести значительный убытокъ. Разумѣется, продажа не состоялась. Но мѣсяцъ спустя узналъ я, что повѣренный С. В. началъ скупать всѣ строительные матеріалы, т. е. разную плиту у многочисленныхъ промышленниковъ, по близости моего заведенія. При этомъ было сказано, что С. В. рѣшился употребить хоть мильонъ рублей для того, чтобы убить всѣхъ прочихъ производителей строительныхъ матеріаловъ, въ томъ числѣ, вѣроятно, и меня. И потомъ онъ сдѣлался бы уже единственнымъ про-

изводителемъ въ томъ околоткѣ, т. е. настоящимъ монополистомъ.

Каково же было мнѣ слышать все это и ожидать, что въ болѣе или менѣе близкомъ времени придется мнѣ, быть можетъ, разориться въ конецъ, да еще,—не ровенъ часъ,—сдѣлаться несостоятельнымъ должникомъ, потому что, по милости двухъ воровъ управляющихъ, я долженъ былъ сдѣлать значительный долгъ, чтобы не остановить моего производства. Разореніе я перенесъ бы съ твердостію и терпѣніемъ; но несостоятельность— никогда. Поэтому одна мысль о банкротствѣ леденила мнѣ кровь и вѣяла на меня холодомъ могилы... Но безъ конкурренціи С. В. и уже при настоящей моей опытности и знаніи дѣла, заведеніе мое обѣщало вознаградить мои труды и впослѣдствіи возвратить мнѣ бо̀льшую часть моихъ убытковъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ удалось наконецъ найти хорошихъ, дѣльныхъ и добросовѣстныхъ помощниковъ. Итакъ, со страхомъ слѣдилъ я за дѣйствіями агента С. В., который скупилъ массу плиты и даже нанялъ въ Петербургѣ плитный дворъ, тотъ самый, который держалъ я передъ тѣмъ и который думалъ вновь нанять.

Достославному мужу С. В. не удалось однакожъ узрѣть конца своего похода для завоеванія новой монополіи. И безъ того онъ по горло былъ сытъ своими откупными мильонами. Но жадность пріобрѣтенія не имѣетъ сытости, это — вѣчный голодъ, ничѣмъ неутолимая жажда. Эта жадность, этотъ вѣчный голодъ, въ соединеніи съ завистію и злобою сердца, до того грызли, что наконецъ и загрызли его, С. В.,—это созданіе разборчиваго ума Василья Андроновича, это любимое чадо его нѣжнаго сердца, чадо, которое онъ лелѣялъ когда-то, и взлелѣялъ наконецъ на удивленіе и въ назиданіе всему питейному міру. Итакъ, достославный С. В. отправился *туда*, куда нельзя взять съ собою ни одного мильона, ни одной тысячи, ни даже одного рубля: все это конфискуется на роковой таможнѣ, т. е. на послѣдней житейской станціи, на которой возжигаютъ не фиміамъ лести, а ладонъ кадилъ. Послѣ этого событія, я вздохнулъ свободнѣе, но ненадолго. Сѣмена, брошенныя на воспріимчивую почву промышленной конкурренціи, не засохли, а принялись съ новою силою. Въ настоящее время составляется большая компанія съ тою же цѣлію, какую имѣлъ достославной памяти С. В., и поэтому топоръ конкуренціи снова повисъ надъ моею головою. Что̀ изъ этого выйдетъ, не знаю; это — тайна будущаго; но я долженъ

готовиться по всему: и къ разоренію, и къ нищетѣ, и къ .... Но отвернусь пока отъ зловѣщей картины этого таинственнаго будущаго и стану ожидать, что пошлетъ мнѣ судьба, чѣмъ и какъ кончится мое тяжелое, мрачное, холодное и разбитое существованіе,—эта живая могила всего, что составляло радость, гордость, свѣтъ и тепло моей жизни.

Слава Богу! Наконецъ я досказалъ грустную мою повѣсть. Теперь сдѣлаю краткій обзоръ тому, что изложено въ этой исповѣди, т. е. *подведу итогъ* всѣмъ поступкамъ со мною Василья Андроновича Штукарева.

Г. Штукаревъ вызвалъ меня изъ моего сельскаго уединенія, гдѣ я былъ вполнѣ счастливъ, ибо всегда умѣлъ довольствоваться малымъ, никогда не дѣлалъ долговъ и ставилъ свободу и независимость моихъ дѣйствій и мнѣній выше всего на свѣтѣ. Какимъ же образомъ онъ, г. Штукаревъ, сдержалъ тѣ блестящія, соблазнительныя обѣщанія, которыя надавалъ мнѣ, уговаривая меня вступить въ свои дѣла? А вотъ какъ:

1) Вы, г. Штукаревъ, начали съ того, что нарушили свое обѣщаніе насчетъ Ставрополя, отдавши его Ма—тову, а не мнѣ, какъ это было вами торжественно обѣщано, вслѣдствіе подписанія мною прошенія, которое сами вы и написали и привезли ко мнѣ.

2) Продавши Бо....... за ничтожную цѣну, вопреки моимъ просьбамъ и настояніямъ, вы дали мнѣ потомъ въ замѣнъ 50 гласныхъ, 25 негласныхъ паевъ въ Гжа.....

3) Послѣ всѣхъ письменныхъ увѣреній въ дружбѣ и уваженіи къ моей высокой честности, вдругъ лишили меня и дружбы, и уваженія за то только, что я «сооружаю свое счастіе—не на господствѣ разума надъ всѣми чувствами, а на восторженной любви къ невѣстѣ», и своимъ возмутительно циническимъ письмомъ бросили раздоръ въ честномъ семействѣ и отравили все мое счастіе—жениха, а потомъ и мужа и жены.

4) Вы потомъ оспаривали неотъемлемыя права мои на участіе въ Гжа...., съ помощію разныхъ софизмовъ и подъяческихъ крючковъ и натяжекъ.

5) Вы ни во что поставили мое самоотверженіе, когда я, бросивъ въ Москвѣ больную мою жену, поѣхалъ въ Вя.... спасать ваши дѣла, несмотря на явную опасность по случаю сильнѣйшей холеры; и потомъ, безъ всякой причины, кроваво оскорбили меня своимъ грубымъ письмомъ отъ 17 ноября, въ кото-

ромъ бросали тѣнь сомнѣнія на мое честное имя, по щекотливому вопросу о денежныхъ суммахъ.

6) Не дождавшись отъ меня отвѣта и оправданія, вы снова предались неправому, малодушному гнѣву по поводу какой-то формулы откупныхъ вѣдомостей, придуманной не мною, и прислали тетрадь собственноручныхъ ругательствъ въ главную вя...скую контору.

7) Вмѣсто того, чтобы стараться загладить свою неправоту и нанесенныя мнѣ оскорбленія, вы изволили выбросить меня изъ вашихъ дѣлъ, подъ самымъ лживымъ предлогомъ.

8) Вы сами одобрили взятіе мною кра — скаго откупа у моего компаньона. Потомъ, завладѣвъ чужою тайною черезъ распечатаніе чужаго письма и высказавъ «полное сочувствіе къ моимъ горямъ», сдѣлали впослѣдствіи изъ всего этого капитальное противъ меня обвиненіе.

9) Пріѣзжали ко мнѣ въ Москвѣ и увѣрили въ своемъ содѣйствіи на торгахъ, т. е. усыпили меня лживыми обѣщаніями для того, чтобы потомъ ничего не сдѣлать для меня и отпереться отъ своихъ обѣщаній, подъ самыми подьяческими отговорками.

10) Дали мнѣ паи съ своимъ двоюроднымъ братцемъ для того только, чтобы отдѣлаться отъ платежа обѣщанныхъ мнѣ лишнихъ четырехъ процентовъ. А когда потомъ вашъ двоюродный братецъ обокралъ кар..скій откупъ, вы обѣщали заплатить за него; но вмѣсто того сдѣлали такой разсчетъ, по которому выведенъ убытокъ.

11) Не захотѣвъ оставить у себя мой небольшой капиталъ, хотя это ровно ничего не значило для васъ, вы обнадежили меня письменно въ помѣщеніи этого капитала у Ма—това, зная что онъ выбываетъ изъ дѣлъ и, слѣдовательно, не возьметъ моего капитала.

12) Снова обнадежили меня въ помѣщеніи моего капитала у бывшихъ вашихъ компаньоновъ, и потомъ не подумали сдержать это обѣщаніе.

13) Употребили во зло мою довѣренность по поводу такого важнаго документа, какъ брошюра о моемъ промышленномъ заведеніи, и такимъ вопіющимъ злоупотребленіемъ приготовили мнѣ страшную конкурренцію и, быть можетъ, крайнее разореніе, да, пожалуй, что нибудь и еще гораздо худшее....

14) А какъ достойный вѣнецъ всѣхъ этихъ этихъ макіавельскихъ продѣлокъ, надъ ними возвышается черный крестъ,

подъ которымъ лежитъ прахъ обожаемой жены. И угасъ этотъ ангелъ-хранитель моего семейства, сошелъ онъ въ раннюю могилу, которую приготовили вы своими безчеловѣчными со мною поступками. Одному Богу извѣстно, что я вытерпѣлъ, выстрадалъ въ продолженіе цѣлыхъ двѣнадцати лѣтъ! А за что все это неслыханное, неутомимое ожесточеніе?... За мою безкорыстную и безусловную преданность; за то, что я не гнулъ своей спины, не кланялся въ поясъ; за то, что не угождалъ, не служилъ на заднихъ лапкахъ; за то, что не называлъ бѣлое чернымъ, а черное бѣлымъ, а говорилъ всегда правду, дѣйствовалъ прямо и открыто и никогда и ничего себѣ не выпрашивалъ, не выторговывалъ, а напротивъ, всегда и за все благодарилъ. Вотъ мои преступленія!... Виноватъ! это еще не самое важное. Главная вина моя въ томъ, что вы, г. Штукаревъ, извинились передо мною въ декабрѣ 1848 года, т. е. я виноватъ тѣмъ, что вы нанесли мнѣ кровавую и ничѣмъ незаслуженную обиду, и не одну, а двѣ: письмомъ вашимъ ко мнѣ и тетрадью ругательствъ въ главную вя...скую контору. Вы только доказали этимъ вѣчную истину, что способность сознаваться въ своей несправедливости дается однимъ истинно-возвышеннымъ умамъ, истинно-благороднымъ сердцамъ, а не снарядамъ для пріисканія отговорокъ и точекъ зрѣнія, не гидрометрамъ для опредѣленія недогара или перегара чужихъ способностей. Нѣтъ! такая великодушная, гуманная способность сознанія своей вины не дана суррогатамъ ума и сердца у скороспѣлыхъ важностей, т. е. у всѣхъ выскочекъ и пролазовъ.

Укажите же теперь, г. Штукаревъ, хоть на одинъ, не только безчестный, недобросовѣстный, но сомнительный поступокъ съ моей стороны! Разстроилъ ли я, гдѣ нибудь ваши дѣла? Сдѣлалъ я вамъ хоть малѣйшій убытокъ? Напротивъ: вездѣ, гдѣ я ни управлялъ дѣломъ, вездѣ оно шло хорошо, вездѣ были порядокъ и перевыручки. За малѣйшій интересъ г. Штукарева я стоялъ горой, не щадя ни здоровья своего, ни спокойствія, жертвуя своими привычками и любимыми занятіями. И какая же была мнѣ награда? Многіе другіе вышли изъ вашихъ дѣлъ съ сотнями тысячъ, съ милліонами;—а я? Едва вынесъ тощій, черствый кусокъ хлѣба, котораго вы почти лишили меня впослѣдствіи своими обѣщаніями и разными безсовѣстными продѣлками. И теперь, когда двѣнадцатилѣтняя борьба съ ожесточеннымъ гоненіемъ сокрушила во мнѣ всю энергію, всю силу души и тѣ-

ла; когда здоровье мое потрясено, передо мною — перспектива раззоренія и нищеты съ двумя малолѣтними дѣтьми.

Вотъ мои обвиненія противъ г. Штукарева, обвиненія основанныя на документахъ и неопровержимыхъ данныхъ!

Да падетъ же на вашу голову все это зданіе неправдъ и безчеловѣчія, которыхъ не искупить вамъ вашею искусственною, поддѣльною филантропіею, истекающею не изъ сердца, а изъ головы. Да осудятъ же васъ Богъ и общественное мнѣніе, къ которому я теперь обращаюсь. Знаю, что для защиты вашей отъ всевозможныхъ обвиненій вы имѣете адвоката, очень краснорѣчиваго, увлекательнаго, обаятельнаго,—это ваши пять мильоновъ, о которыхъ вы объявили во всеуслышаніе. Но надѣюсь, что между шестидесятью семью мильонами моихъ согражданъ, найдется довольно благородныхъ, безпристрастныхъ и независимыхъ сердецъ, на которые подѣйствуетъ обаяніе чужихъ мильоновъ, и которые не побоятся произнести неподкупное и справедливое мнѣніе; не побоятся осудить кичливость ложныхъ доблестей, неправду, лицемѣріе, высокомѣріе и жестокосердіе, какъ бы искусно ихъ ни маскировали, какъ бы глубоко ни прятали подъ кучею банковыхъ билетовъ, акцій, домовъ, дачъ и картинныхъ галлерей.

Я досказалъ.

Извините меня, г. Штукаревъ, за нѣкоторыя сильныя, рѣзкія выраженія въ моей исповѣди и особенно въ итогѣ вашихъ поступковъ со мною! Но все-таки въ этихъ выраженіяхъ нѣтъ и тѣни той грубости и дерзости, какая заключается въ написанномъ вами письмѣ ко мнѣ по пунктамъ. Къ тому же тотъ, кто потерялъ черезъ васъ все счастіе и самое спокойствіе своей жизни, кто рискуетъ потерять еще и все свое состояніе, а, быть можетъ, и свою честь и жизнь, кого вы оскорбляли столько разъ и чье сердце терзали вы такъ долго, такъ цинически, такъ безчеловѣчно,—тому трудно выбирать и взвѣшивать свои выраженія, эти болѣзненные вопли души, въ которой обитаетъ постоянное отчаяніе!...

Постскриптумъ.

На случай, если бы г. Штукаревъ нашелъ нужнымъ потребовать отъ меня какія бы то ни было объясненія, я готовъ дать ему ихъ во всякое время. Онъ хорошо знаетъ, что я никогда

и ни отъ какихъ объясненій не отказываюсь — и помѣщаю здѣсь мой адресъ:

Литейной части, въ Итальянской, въ домѣ № 6, въ квартирѣ № 10.

ГЛАВА XVIII.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ПОЕДИНОКЪ; — ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ДАВНО-ПРОШЕДШЕЙ ЖИЗНИ.

«Еще одно, послѣднее сказанье —
И лѣтопись окончена моя.»
(Пушкинъ.)

Теперь, сведя счеты мои съ г. Штукаревымъ, я намѣренъ разсказать еще одинъ эпизодъ изъ моего давно-прошедшаго. Это необходимо во-первыхъ для того, чтобы сдѣлать мою исповѣдь полною и выказать, какъ и что̀ былъ я въ разные фазисы моей жизни; а во-вторыхъ, чтобы показать, чѣмъ я жертвовалъ для пользы дѣлъ г. Штукарева, отрекаясь отъ своихъ правилъ, привычекъ, понятій и чувствъ, и передѣлавъ свою въ высшей степени щекотливую натуру. Стоитъ только припомнить разсказанный здѣсь случай мой съ щи — скимъ господиномъ и сличить его съ эпизодомъ, который хочу я разсказать. Какую силу воли нужно было для того, чтобы такъ пересоздать себя.

Это было въ началѣ 1833 года. Я стоялъ съ полкомъ въ Ораніенбаумѣ. Къ нашему полку были тогда прикомандированы изъ арміи два брата Се—новы, поручикъ и прапорщикъ. Я же служилъ тогда подпоручикомъ. Офицеры нашего полка были чрезвычайно дружны между собою и составляли какъ бы одну семью. Съ братьями Се—новыми я былъ знакомъ, но не коротко, а, какъ выражаются между военными, былъ съ ними на *вы*. Это были честные, умные, добрые ребята и хорошіе товарищи, любимые полкомъ. Какъ я уже сказалъ прежде, въ музыкальной части этого разсказа, я еще не бросалъ тогда скрипки и продолжалъ—если не учиться, то играть на ней. Особенно хорошо игралъ я польскія мазурки, которыхъ множество вывезъ я изъ Варшавы. Старшій изъ Се—новыхъ тоже игралъ на этомъ инструментѣ. Вотъ однажды я былъ у него, гдѣ собралась большая компанія офицеровъ. Кто-то изъ нихъ сказалъ мнѣ, взявши

лежащую на столѣ скрипку и подавая ее мнѣ: «Макаровъ! съиграй намъ одну изъ тѣхъ варшавскихъ мазурокъ, которыя играешь такъ хорошо». Я взялъ скрипку; но у нея оказалась такая маленькая ручка, что, привыкнувъ къ моей большой скрипкѣ, мнѣ очень трудно было играть на скрипкѣ Се—нова, и потому, положа ее на столъ, я сказалъ: «не могу играть на этой скрипкѣ: размѣръ малъ». Дѣло тѣмъ и кончилось.

Спустя послѣ того нѣсколько дней, я снова былъ у Се—нова, и опять кто-то изъ товарищей просилъ меня съиграть мазурку. Но прежде, чѣмъ я успѣлъ отвѣчать что либо, старшій Се—новъ сказалъ скороговоркою: «Макаровъ не можетъ играть на моей скрипкѣ: *размѣръ малъ*.» Повтореніе слово въ слово моей фразы кольнуло меня, я вспыхнулъ, взглянулъ на Се—нова, но на этотъ разъ ничего не отвѣчалъ.

Въ самое крещенье былъ балъ въ одномъ домѣ, съ которымъ знакомъ былъ весь нашъ полкъ. Разумѣется, я присутствовалъ на этомъ балѣ въ числѣ нашихъ офицеровъ. Но многіе изъ нихъ уѣхали въ Петербургъ вмѣстѣ съ полковымъ командиромъ, чтобы находиться на выходѣ во дворцѣ. На балѣ однако собралось довольно гостей—и офицеровъ, и мѣстной публики. Но вышелъ непріятный случай, который грозилъ разрушить все удовольствіе, самую сущность бала: не было музыки. Полковая уѣхала въ Петербургъ на крещенскій церковный парадъ. Мѣстнаго бальнаго квартета нигдѣ не отъискали: онъ тоже отправился куда-то на вечеръ. Хозяинъ дома послалъ нарочнаго въ Кронштадтъ, чтобы привезти оттуда какую бы то ни было флотскую музыку. Итакъ, все бальное общество, особливо молодыя дѣвицы и кавалеры, были въ большомъ горѣ и, поглядывая на часы, со страхомъ и надеждою ожидали вѣстей изъ Кронштдтата.

Между тѣмъ составился кружокъ изъ нашихъ офицеровъ. Надо сказать, что на семейныхъ полковыхъ вечерахъ я игралъ иногда на скрипкѣ, съ акомпаниментомъ фортепьяно, разные танцы, чтобы доставить удовольствіе танцовать. Вотъ кто-то изъ товарищей обратился ко мнѣ со слѣдующими словами:

— А что, Макаровъ! Не послать ли за скрипкой Се — нова? (онъ жилъ въ двухъ шагахъ отъ хозяина бала).—Ты съигралъ бы намъ хоть мазурку, а мы потанцовали бы, въ ожиданіи музыки изъ Кронштадта.

— Макаровъ не можетъ играть на моей скрипкѣ: *размѣръ малъ*, сказалъ опять скороговоркою Се — новъ, отвѣчая вмѣсто меня.

На этотъ разъ я вздрогнулъ, точно отъ электрическаго удара. Кровь бросилась мнѣ въ голову и я сказалъ тоже скороговоркою:

— Если я не могу играть на скрипкѣ господина Се — нова, то могу играть хорошо *на другомъ инструментѣ, какого бы размѣра онъ ни былъ.*

Разговоръ этотъ не продолжался, потому что въ ту самую минуту вошелъ въ залу хозяинъ дома, съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ: онъ велъ за собою музыку, только-что прибывшую изъ Кронштадта. Кавалеры бросились къ дамамъ, и черезъ десять минутъ раздались звуки оркестра и все закружилось въ вихрѣ вальса. Но мнѣ было не до танцевъ. Моя подпоручичья двадцати-трехъ-лѣтняя логика продиктовала мнѣ слѣдующій силлогизмъ: буквальное повтореніе Се — новымъ два раза моей фразы носило на себѣ явные признаки насмѣшки; а насмѣшка со стороны того, съ кѣмъ я не былъ *на ты*, превращалась въ обиду; а всякая обида требовала немедленнаго удовлетворенія, а именно: или формальнаго извиненія, и то только въ такомъ случаѣ, когда обида была не тяжелая; или употребленія въ дѣло совершенно другаго инструмента, чѣмъ скрипка,—*инструмента, какого бы размѣра онъ ни былъ,* то есть пистолетовъ. А такого инструмента у меня тогда не находилось, и потому на всякій случай надо было позаботиться достать его. Однако же, чтобы скрыть мои намѣренія и не подать повода къ разнымъ толкамъ, я протанцовалъ кадрили двѣ и затѣмъ ускользнулъ съ бала. Когда я вышелъ на улицу, былъ сильный морозъ: онъ освѣжилъ мою горячую голову, въ которой вертѣлся и обдумывался планъ дѣйствій для слѣдующаго дня. Квартира моя находилась далеко отъ дома, гдѣ былъ балъ. Я служилъ въ ротѣ Его Высочества и поэтому имѣлъ квартиру во дворцѣ Великаго Князя Михаила Павловича, и жилъ вмѣстѣ съ поручикомъ той же роты Кры — новскимъ. Это былъ мой лучшій другъ, рыцарь самой высокой чести и честности, съ умомъ острымъ, положительнымъ, но чрезвычайно костическимъ, съ характеромъ твердымъ, благороднымъ и правдивымъ.

Миръ праху твоему, добрый другъ! Слишкомъ рано похитила тебя неумолимая смерть у всѣхъ тѣхъ, которые вполнѣ цѣнили, уважали и любили тебя!

Итакъ, выйдя съ бала, и прежде чѣмъ возвратиться домой, я зашелъ къ одному изъ товарищей, у котораго была пара отличныхъ пистолетовъ. Но—увы!—онъ уѣхалъ въ Петербургъ, а пистолеты были заперты. Зашелъ я еще къ другому товарищу: такой же безуспѣшный результатъ. Досадно! Но дѣлать нечего; съ пустыми руками возвратился я въ мою дворцовую квартиру и, отъ нечего дѣлать, принялся за гитару, на которой я начиналъ тогда разбирать третій концертъ Джуліяни. Ночь спалъ я покойно. На другое утро, часовъ въ восемь, вошелъ я въ комнату моего друга, который только-что всталъ съ постели и, сидя въ халатѣ, курилъ трубку.

— Зачѣмъ это исчезъ ты вчера такъ рано съ бала? спросилъ меня Кры—новскій. — Многіе замѣтили твое отсутствіе. Особенно безпокоился Се—новъ и спрашивалъ у всѣхъ; «ужь не разсердился ли на меня Макаровъ? Но за что?»

— Ага! сказалъ я: —«знаетъ кошка, чье сало съѣла». Вотъ видишь ли, Поль! Для всѣхъ другихъ я исчезъ съ бала потому, что у меня голова разболѣлась; а для тебя вотъ почему.

Тутъ я разсказалъ моему другу всѣ предшествовавшія обстоятельства, и потомъ заключилъ мое изложеніе вышеприведеннымъ подпоручичьимъ силлогизмомъ и еще — приглашеніемъ Кры — новскаго быть моимъ секундантомъ. Съ невозмутимымъ хладнокровіемъ выслушалъ онъ меня; закрутилъ свои черные, какъ смоль, усы, потянулъ изъ своего огромнаго янтарнаго муштука и, выпустивъ клубы дыма, сказалъ мнѣ:

— Съ величайшею готовностію принимаю твое предложеніе, но только прежде слѣдуетъ хорошо разсмотрѣть, есть ли достаточная причина для того, чтобы стрѣляться. Вѣдь дуэлью не должно шутить: за нее строго взыскиваютъ не съ однихъ тѣхъ, которые стрѣляются, а и съ тѣхъ, которые бываютъ секундантами.

— Да я и не думаю сейчасъ же стрѣляться съ Се—новымъ, а хочу прежде узнать, съ какою цѣлію онъ повторилъ два раза мою фразу. Если онъ извинится передо мною и скажетъ, что не думалъ насмѣхаться, то съ меня этого будетъ довольно. Но если Се—новъ откажетъ мнѣ и въ извиненіи, и въ объясненіи, тогда пусть назначитъ мѣсто и время, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ

лучше, потому что я не люблю откладывать въ долгій ящикъ дѣла чести.

— Хорошо. Но все-таки ты долженъ отложить до завтра всѣ твои объясненія съ Се—новымъ, если хочешь, чтобы я былъ у тебя секундантомъ, и вотъ почему: я сегодня дежурный по полку и, стало быть, вдвойнѣ буду отвѣчать за поединокъ, который по моей служебной обязанности я долженъ предупредить. Итакъ подожди, когда окончится мое дежурство, то есть до завтра, и я къ твоимъ услугамъ.

— Нѣтъ, другъ,—ни часу не хочу ждать; надо сейчасъ же окончить чѣмъ нибудь этотъ вопросъ. И потому не сердись на меня, если я обращусь къ кому другому съ просьбою быть моимъ секундантомъ.

— Ни сердиться на тебя, ни препятствовать тебѣ я не имѣю права, и потому ты воленъ дѣлать то, что находишь лучшимъ.

Послѣ этого разговора я сейчасъ же одѣлся и отправился къ подпоручику Ду—сову, школьному моему товарищу. Я объяснилъ ему причину моего ранняго визита и онъ охотно принялъ мое порученіе и отправился къ Се—нову за объясненіемъ, а я возвратился во дворецъ, гдѣ и ожидалъ исхода переговоровъ, происходившихъ между Ду—совымъ и Се—новымъ. Я сидѣлъ въ комнатѣ моего друга, который уже одѣлся въ форму, готовясь идти на дежурство. Черезъ полчаса послѣ моего возвращенія, мы увидѣли сани, ѣхавшія черезъ дворцовую площадь: въ саняхъ сидѣли Ду—совъ, мой секундантъ и двое братьевъ Се—новыхъ.

— Вотъ видишь ли, сказалъ Кры—новскій:—Се—новъ сейчасъ пріѣхалъ объясниться съ тобою, и я увѣренъ, что все окончится между вами миролюбиво.

— Увидимъ, отвѣчалъ я.

Въ туже минуту вошелъ въ комнату старшій Се—новъ, сопровождаемый своимъ братомъ и Ду—совымъ. Не снимая съ себя фуражки, которая была надѣта на бекрень, Се—новъ обратился ко мнѣ со слѣдующими словами, сказанными далеко не хладнокровнымъ голосомъ.

— Г. Макаровъ! Вы вызываете меня стрѣляться! Я принимаю вашъ вызовъ и — къ вашимъ услугамъ. Вотъ мой секундантъ, прибавилъ онъ, показывая мнѣ на брата.

— Чувствительнѣйше васъ благодарю, г. Се—новъ, за готовность вашу исполнить мою просьбу. Ѣдемте, господа, сказалъ я, взявшись за фуражку.

Въ это время Кры—новскій и Ду—совъ заговорили почти въ одно время, обращаясь къ намъ:

— Господа! Прежде чѣмъ ѣхать прямо отсюда стрѣляться, надо объясниться, есть ли изъ-за чего рисковать своею жизнію и карьерою своихъ секундантовъ.

— Г. Макаровъ! сказалъ мнѣ съ живостію мой противникъ. Надѣюсь, что вы предполагаете во мнѣ столько честности, что мы можемъ обойтись безъ секундантовъ.

— Счастливѣйшая идея, г. Се—новъ! Съ радостію принимаю ее, потому что тогда совѣсть моя будетъ совершенно покойна: за насъ никто не будетъ отвѣчать. Господа! вы свободны, сказалъ я, обращаясь къ нашимъ секундантамъ: — мы ѣдемъ стрѣляться одни.

По законамъ поединковъ, секунданты наши ни за что не должны были дозволить намъ увольнять ихъ отъ принятыхъ ими на себя обязанностей быть посредниками между нами, а тѣмъ болѣе допускать насъ ѣхать стрѣляться безъ свидѣтелей. Но молодые и неопытные офицеры, они совершенно растерялись и не нашли, что̀ возражать мнѣ. Оставя ихъ въ комнатѣ вмѣстѣ съ Кры—новскимъ, мы набросили на себя шинели, вышли на дворъ, сѣли въ сани и велѣли извощику ѣхать—не въ городъ, а въ противуположную сторону, къ верхнему саду, чтобы замаскировать свое направленіе.

— Куда же мы поѣдемъ? спросилъ я Се—нова.

— На дачу къ Жа—ровскому. Тамъ живутъ мои знакомые; у нихъ есть пара пистолетовъ, которыми не откажутъ они ссудить меня.

— Но въ такомъ случаѣ, вы сдѣлаете гласною нашу исторію, а до-поры она не должна выходить изъ полка.

— Какъ же быть? сказалъ Се—новъ. Вѣдь теперь рѣшительно не у кого достать пистолетовъ, потому что ни М., ни Т., у которыхъ есть пистолеты, не возвратились еще изъ Петербурга. Не хотите ли стрѣлятся на ружьяхъ! У меня ихъ есть нѣсколько: вѣдь вы знаете, что я страстно люблю охоту.

— Согласенъ на ружья, — только бы не откладывать наше доброе дѣло.

Доѣхавъ до верхняго сада, мы велѣли повернуть вправо, спустились внизъ и, повернувъ еще разъ вправо, поѣхали въ городъ на квартиру къ Се—нову, которая была близь выѣзда въ Петербургъ. Войдя въ комнату, Се—новъ подошелъ къ стѣнѣ, на которой висѣло пять или шесть охотничьихъ ружей, выбралъ два изъ нихъ и подалъ одно мнѣ, а другое оставилъ у себя въ рукахъ. Потомъ досталъ патроны съ пулями и положилъ ихъ въ свой карманъ. Во время этихъ приготовленій я спросилъ у моего противника:

— Какъ мы будемъ стрѣляться? Во сколькихъ шагахъ?

— Чѣмъ ближе, тѣмъ лучше, отвѣчалъ онъ.

— А кто первый будетъ стрѣлять?

— Вы.

— Нѣтъ, — вы.

— Вы обижены.

— А вы вызваны, и по правиламъ поединка имѣете первый выстрѣлъ.

— Нѣтъ, не согласенъ на это. Лучше будемте стрѣляться вмѣстѣ.

— Хорошо, сказалъ я, чтобы прекратить этотъ споръ.—На мѣстѣ рѣшимъ лучше этотъ вопросъ, а теперь ѣдемте.

— Ѣдемъ.

И мы поѣхали за заставу по Петербургской дорогѣ. Отъѣхавъ съ версту, мы остановились противъ дорожки, которая вела вправо на гору, поросшую небольшимъ хвойнымъ лѣсомъ. Выйдя изъ саней, мы приказали извощику дожидаться насъ на этомъ мѣстѣ, а сами, взявши ружья подъ мышку, начали взбираться вверхъ по дорожкѣ, которая не была уѣзжена, такъ что мы по колѣно тонули въ снѣгу. Морозъ былъ сильнѣйшій. Солнце блистало ярко и обливало насъ зловѣщимъ свѣтомъ. Идя въ гору, мы подняли стадо куропатокъ. Се—новъ, по охотничьей привычкѣ, хотѣлъ было прицѣлиться да вспомнилъ, что ружье не было еще заряжено и опустилъ его, сказавши: «жаль!» «А вотъ сейчасъ будемъ мы охотиться за славными куропатками», подумалъ я и началъ напѣвать вполголоса:

«Quelle honneur,
Quell bonheur!
Ah, monsieur le sénateur,
Je suis votre humble serviteur».

Вотъ и взошли мы на гору и повернули влѣво, гдѣ и выбрали небольшую поляну между деревьями, покрытыми снѣгомъ.

Встали мы другъ противъ друга по колѣно въ снѣгу, въ разстояніи трехъ шаговъ не болѣе, такъ что, вытянувши мою руку съ ружьемъ, я могъ дотронуться имъ до груди моего противника. Се—новъ подалъ мнѣ патронъ съ пулею, и мы принялись заряжать наши ружья. Я возобновилъ споръ о первомъ выстрѣлѣ.

— Ну, рѣшайте, какъ же мы будемъ стрѣляться? началъ я.

— Стрѣляйте вы первые.

— Нѣтъ, вы должны стрѣлять первые. Или, пожалуй, будемте стрѣлять вмѣстѣ.

— Какъ же это?

— А такъ: сперва прицѣлимтесь, а потомъ командуйте хоть вы: разъ, два, три, и по этому третьему разу выстрѣлимъ вмѣстѣ.

— Нѣтъ я не согласенъ на это. А лучше начинайте вы.

— Нѣтъ, вы начинайте; вызванный всегда имѣетъ первый выстрѣлъ,—мнѣ это хорошо извѣстно.

Въ продолженіе всего этого спора я сохранялъ величайшее хладнокровіе, тѣмъ болѣе, что въ то время я нисколько не дорожилъ своею жизнію. Я принялъ себѣ тогда за правило думать о смерти каждый день по нѣскольку разъ. А на стѣнахъ моей комнаты были приклеены разныя надписи, какъ напримѣръ: *Memento mori. Sic transit gloria mundi Vanitas Vanitatum*,—и много подобныхъ тому. Такимъ образомъ я дошелъ наконецъ до необыкновеннаго равнодушія къ жизни, къ которой ничто меня не привязывало.

Итакъ, мы съ Се—новымъ стояли другъ противъ друга съ заряженными ружьями въ рукахъ.

— Стрѣляйте же наконецъ! сказалъ съ живостію мой визави, который начиналъ уже горячиться, тогда какъ я продолжалъ сохранять невозмутимое спокойствіе и уже совсѣмъ былъ готовъ отправиться въ неизвѣданныя страны и думалъ про себя: «наконецъ-то разрѣшится предо мною задача будущей жизни: есть ли тамъ что̀, и что̀ именно тамъ есть»?

— Стрѣляйте, или я буду говорить вамъ дерзости, вскричалъ съ нетерпѣніемъ Се—новъ, возвышая свой голосъ до «forte».

— Вамъ слѣдуетъ стрѣлять, сказалъ я «mezzo voce».

— Стрѣляйте, или вы — трусъ, закричалъ Се—новъ, дойдя до «fortissimo»!

При этомъ послѣднемъ словѣ меня обдало, какъ варомъ. Судорожно схватилъ я ружье, уперъ прикладъ въ правое плечо

и сталъ прицѣливаться. Грозную минуту пережилъ я тогда! Я готовъ былъ умереть самъ, но нисколько не желалъ другаго кого отправить на тотъ свѣтъ. Къ тому же мнѣ представилась тогда перспектива и военнаго суда надо мною, и осужденія меня въ каторжную работу, потому что меня судили бы не какъ дуэлиста, а какъ простаго убійцу, который убилъ товарища въ лѣсу, изъ ружья, безъ свидѣтелей! Промаха быть не могло, если бы я былъ и близорукій, такъ близко стоялъ передо мною Се—новъ. Навелъ я ружье въ лѣвую его ногу, потомъ отвелъ дуло нѣсколько въ сторону.

— Зачѣмъ вы цѣлите мимо? Въ меня стрѣляйте! проговорилъ Се—новъ, стоявшій молодцомъ, точно какъ бы готовился танцовать соло во второй фигурѣ кадрили.

Навелъ я ружье въ правое плечо моего противника, но спуская курокъ, я незамѣтно опять отвелъ дуло въ сторону. Раздался выстрѣлъ. Пуля просвитала мимо ушей Се—нова, который, опершись на ружье, стоялъ какъ вкопаный, не пошевельнулся, даже не мигнулъ въ этотъ торжественный моментъ.

— Отчего вы не попали въ меня? вскричалъ онъ вслѣдъ за выстрѣломъ и бросился ко мнѣ. А въ то же самое время раздался вдали голосъ: «Постойте, господа, ради Бога, постойте! Что это вы дѣлаете»? И послышались отдаленные шаги и говоръ голосовъ приближавшихся къ намъ по глубокому снѣгу.

— Вы съ ума сошли! сказалъ я Се—нову. Вы несправедливо принудили меня къ первому выстрѣлу, а теперь претендуете еще за то, что я не попалъ въ васъ. Вѣдь я не куропатку цѣлилъ! рука дрогнула, вотъ и все тутъ. Теперь ваша очередь, сказалъ я, начиная уже и самъ выходить изъ моего спокойнаго состоянія. Въ это время шумъ шаговъ и говоръ голосовъ приближались къ намъ и становились все явственнѣе.

— Зачѣмъ вы не попали въ меня? повторилъ Се—новъ.

— Полноте, теперь не время шутить! сказалъ я ему, одушевляясь все болѣе и болѣе. Не будемте дѣлать изъ нашего поединка кукольную комедію и сюжетъ для большихъ сплетней. Время не терпитъ медленности; еще минута, и намъ помѣшаютъ. Съ этимъ словомъ я схватилъ у Се—нова ружье, уперъ дуло въ мою грудь, а прикладъ повернулъ къ нему и сказалъ умоляющимъ голосомъ;

— Спускайте курокъ, теперь ваша очередь!. Ради Бога, спускайте курокъ.

Но въ эту драматическую минуту подбѣжали къ намъ наши секунданты, гнавшіеся за нами по слѣдамъ и предшествуемые капитаномъ Фо—маномъ, дежурнымъ по полку, котораго Крыновскій не успѣлъ еще смѣнить. Капитанъ Фо—манъ выхватилъ у меня ружье, о дуло котораго опирался я грудью, выстрѣлилъ изъ него на воздухъ, и обращаясь по очередно ко мнѣ и къ Се—нову сказалъ: «вы арестованы! Пойдемте».

— Владиміръ Александровичъ! сказалъ я тогда Се—нову.— Вы сами виноваты, что дѣло между нами не кончилось ничѣмъ. Но очередь за вами: во всякое время дня и ночи вы можете явиться ко мнѣ за недоимкою, и я съ величайшею готовностію подставлю грудь мою подъ дуло вашего ружья или пистолета,— какъ вамъ будетъ угодно; это для меня все равно.

Потянулись мы вереницею по узкой тропинкѣ, сошли съ горы, размѣстились въ двоихъ саняхъ и пріѣхали на квартиру Се—нова.

— За что вы стрѣлялись съ Макаровымъ? спросилъ Се—нова капитанъ Фо—манъ, честнѣйшій и добрѣйшій шведъ.

— Оттого, что Макаровъ вызвалъ меня.

— А за что вы вызвали Се—нова? спросилъ у меня Фо—манъ.

— Я не вызывалъ Се—нова, а хотѣлъ только узнать прежде, съ какой цѣлью онъ два раза повторилъ мою фразу.

— Вѣдь вы не имѣли намѣренія обидѣть Макарова? спросилъ Фо—манъ Се—нова.

— Ни малѣйшаго, клянусь въ томъ честію!

— Отчего же прежде вы не сказали мнѣ этого и даже вовсе не хотѣли объясняться со мною, а почти сами предложили мнѣ стрѣляться?

— Оттого, что меня самого обидѣло ваше предположеніе, что будто я хотѣлъ сдѣлать вамъ непріятность.

— Стало быть, вы теперь не имѣете болѣе никакого неудовольствія другъ противъ друга? спросилъ у обоихъ насъ Фо—манъ.

— Ни малѣйшаго, отвѣчали мы въ одинъ голосъ.

— Протяните же другъ другу руки, и да будетъ все предано забвенію.

Мы обнялись, поцаловались и съ того же дня стали на *ты*, сдѣлались самыми закадышными друзьями, которыми остаемся и до сихъ поръ, хотя и далеко живемъ другъ отъ друга. И сколько мыслей возбуждаетъ во мнѣ результатъ этого эпизода!

Какія невольныя сближенія, какіе контрасты представляются уму и воображенію, при воспоминаніи этого давно прошедшаго! Параллель такъ и просится подъ перо мое.

Двадцать-шесть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, болѣе четверти столѣтія. И въ какую раму оправлены эти двадцать-шесть лѣтъ, какіе пограничные столбы стоятъ на рубежѣ этого длиннаго періода времени!

Съ одной стороны — истинная, прочная и уже много разъ испытанная дружба, которая перешла черезъ этотъ двадцати-шестилѣтній путь безъ малѣйшаго измѣненія. И возникла эта дружба безъ всякихъ предварительныхъ восторговъ, изліяній, письменныхъ или изустныхъ; возникла изъ десятиминутнаго объясненія, которому предшествовало положеніе единственное, безпримѣрное въ военныхъ и всякихъ другихъ лѣтописяхъ, а именно: три шага разстоянія между противниками, отсутствіе свидѣтелей и два ружья, заряженныя пулями, назначенными для взаимнаго обмѣна,—для отправки ихъ въ грудь своего противника. Но изъ такого исключительнаго положенія родился важный элементъ — истинная, полная оцѣнка другъ друга и глубокое, взаимное уваженіе, т. е. наипрочнѣйшій базисъ для всякихъ чувствъ.

На другомъ же рубежѣ двадцати-шестилѣтія возвышается ожесточенное, ничѣмъ неутолимое двѣнадцатилѣтнее гоненіе, плодъ двухлѣтней псевдо-дружбы, возникшей изъ восторженнаго, искренняго удивленія, или, вѣрнѣе, ослѣпленія съ одной стороны и холоднаго разсчета, правилъ и воззрѣній на чувства съ другой стороны.

Какая параллель! Какой контрастъ! Какой богатый сюжетъ для философа и моралиста.

Правда и то, что мой вѣрный, неизмѣнный въ продолженіе двадцати-шести лѣтъ другъ — самый обыкновенный изъ смертныхъ, безъ малѣйшихъ претензій на что либо особенное. Это просто человѣкъ умный и въ высшей степени честный, истинно добрый, благородный, гуманный, превосходный семьянинъ и истинный христіанинъ. Однимъ словомъ, онъ обладаетъ только однѣми гражданскими и семейными добродѣтелями, но не имѣетъ *могущественнаго генія всесторонних дѣятелей*, соединяющихъ въ себѣ самыя блистательныя качества ума и сердца, самыя разнообразныя способности, для образца которыхъ надо брать славныя имена изъ древней, средней и новѣйшей исторіи, какъ

напримѣръ: Іуды Искаріотскаго, Домиціана, Игнатія Лойолы, Макіавелля, Торквемадо, Пинетти, Фукье-Тенвилля, Талейрана, Боско, Меттерниха, Беранже изъ Дромы

И наконецъ французскаго Лафита,
Переведеннаго на русскій *недогаръ*.

Н. МАКАРОВЪ.

С.-Петербургъ.
1859 года 9 августа.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОТЪ РЕДАКЦІИ

ПО ПОВОДУ ПРЕДЪИДУЩЕЙ СТАТЬИ.

«Задушевная Исповѣдь» г. Макарова вовсе не имѣетъ характера обличительнаго въ нынѣшнемъ смыслѣ. Тѣмъ не менѣе мы съ удовольствіемъ даемъ ей мѣсто въ нашемъ журналѣ, находя въ ней такія качества, какихъ доселѣ не встрѣчали въ обличительныхъ статьяхъ, постоянно печатаемыхъ въ послѣднее время. Тамъ мы видимъ обыкновенно разсказы людей постороннихъ дѣлу, смотрящихъ на него съ высшей точки зрѣнія, удивляющихся, негодующихъ, но принимающихъ лишь случайное и внѣшнее участіе въ томъ, что̀ они изображаютъ. Тамъ предъ нами врачи и слѣдователи. Здѣсь, напротивъ, самъ больной разсказываетъ намъ свою болѣзнь; здѣсь одна изъ тяжущихся сторонъ излагаетъ весь ходъ своего дѣла. Г. Макаровъ въ своей «Исповѣди» не щадитъ и самого себя; онъ вовсе не выставляется предъ читателями идеаломъ добродѣтели и непогрѣшимости; но въ этомъ-то и заключается живое значеніе его разсказа. Читатель можетъ судить, какъ ему угодно, — о взаимныхъ отношеніяхъ двухъ героевъ этой исторіи. Мы не желаемъ предупреждать общее мнѣніе въ пользу или къ невыгодѣ того или другаго изъ нихъ; да и самъ авторъ «Исповѣди» не хочетъ этого. Указывая на процессъ Бомарше съ Гецманомъ, г. Макаровъ самъ опредѣляетъ то значеніе, которое онъ желаетъ придать своему откровенному разсказу: онъ излагаетъ подробно и искренно всѣ обстоятельства дѣла, не имѣя ни малѣйшей претензіи дѣлаться судьею собственнаго процесса, а ожидая безпристрастнаго суда отъ читающей публики. Можетъ быть, читатели взглянутъ на отношенія г. Макарова къ описываемому имъ лицу нѣсколько иначе, нежели какъ смотритъ на нихъ самъ авторъ; можетъ быть, многіе не найдутъ въ фактахъ «Исповѣди» достаточнаго повода къ какому нибудь серьезному обвиненію: мы желаемъ

предоставить въ этомъ полную свободу сужденія каждому читателю и остаться совершенно въ сторонѣ. Но независимо отъ всякой мысли о томъ, кто правъ, кто виноватъ, въ «Задушевной Исповѣди» есть другой интересъ,—интересъ вѣрнаго изображенія русской жизни, сдѣланнаго безъ всякой задней мысли. Мы видимъ здѣсь двухъ человѣкъ: одинъ пользуется обстоятельствами, другой дѣлается постоянно жертвою этихъ же самыхъ обстоятельствъ. Читая внимательно «Исповѣдь», вы ясно видите, какія свойства ума и характера нужны въ нашемъ быту для того и другаго и въ какой степени сами жертвы обстоятельствъ помогаютъ не только обогащенію, но и возвеличенію тѣхъ, которые изъ тѣхъ же обстоятельствъ извлекаютъ свои выгоды. Съ одной стороны простосердечная довѣрчивость, надежда на чужое слово, упорство въ обольщеніи относительно доброжелательства другаго, кроткая готовность безкорыстно жертвовать своимъ трудомъ и личностью для того, кто только съумѣетъ воспользоваться этой готовностью; а съ другой — искусство задавить въ себѣ сознаніе человѣческихъ правъ другаго и гуманное уваженіе къ чужой личности, умѣнье взглянуть на своихъ братьевъ только лишь какъ на орудіе своихъ личныхъ видовъ, — всѣ эти противоположныя черты, столь общія, столь знакомыя, столь неизбѣжныя во всѣхъ сферахъ и оттѣнкахъ русской жизни — чрезвычайно живо и ярко являются въ «Задушевной Исповѣди», — являются сами собою, безъ всякой заранѣе назначенной цѣли, безъ всякаго нарочно сочиненнаго плана. Какъ бы кто ни судилъ о литературныхъ достоинствахъ «Исповѣди», но намъ кажется, что она не можетъ не заинтересовать всякаго, кого занимали иногда вопросы объ источникахъ и средствахъ общественныхъ успѣховъ и житейскаго величія разныхъ дѣятелей русской жизни. По прочтеніи этой «Исповѣди», читатель можетъ, пожалуй, ограничиться только заключеніемъ, что одинъ изъ героевъ — человѣкъ ловкій, а другой — неловкій. Но какими именно явленіями обнаруживается въ нашемъ обществѣ эта *ловкость* и *неловкость*, — вотъ что изображаетъ намъ «Задушевная Исповѣдь» г. Макарова и вотъ на что, по нашему мнѣнію, должно быть обращено особенное вниманіе читателя.

Итакъ, повторимъ еще разъ, что печатая «Исповѣдь» г. Макарова, мы вовсе не думаемъ придавать ей значенія сильнаго обвинительнаго акта; но цѣнимъ ее, какъ искреннее, простосердечное, непосредственное изображеніе многихъ изъ тѣхъ сторонъ русской жизни, которыя обыкновенно теряютъ свой цвѣтъ и свѣжесть въ обдуманныхъ и передуманныхъ разсказахъ нашихъ обличителей по призванію.

ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ А. Н. АПУХТИНА.

I.

19 ОКТЯБРЯ 1858 ГОДА.

(Памяти Пушкина.)

Я видѣлъ блескъ свѣчей, я слышалъ скрипокъ вой,
Но мысль была чужда напѣвамъ безтолковымъ,
И тѣнь забытая носилась предо мной
Въ своемъ величіи суровомъ.

Курчавымъ мальчикомъ, подъ сѣнь иныхъ садовъ
Вошелъ онъ въ первый разъ, исполненный смущенья;
Онъ помнилъ этотъ день среди своихъ пировъ,
Среди невзгодъ и заточенья.

Я вижу: дремлетъ онъ при свѣтѣ камелька,
Онъ только вѣтра свистъ да голосъ бури слышитъ;
Онъ плачетъ, онъ одинъ... и жадная рука
Привѣтъ друзьямъ далекимъ пишетъ.

Увы! — гдѣ тѣ друзья? Увы! — гдѣ тотъ поэтъ?
Невинной жертвою палъ трупъ его кровавый...
Пируйте жь, юноши: его межь вами нѣтъ,
Онъ не смутитъ васъ дерзкой славой!

Лицей.

II.

MEMENTO MORI.

Когда о смерти мысль приходитъ мнѣ случайно, —
Я не смущаюся ея глубокой тайной,
И право не крушусь, гдѣ сброшу этотъ прахъ,
Всю эту гибнущую силу, —
На пышномъ ложѣ ли, въ изгнаньи ли, въ волнахъ?
Для похоронъ друзья сберутся ли уныло,
Напьются ли они на тѣхъ похоронахъ,
Иль неотпѣтаго свезутъ меня въ могилу, —
Мнѣ это все равно... Но если, Боже мой, —
Но если не всего меня разрушитъ тлѣнье,
И жизнь за гробомъ есть... услышь мой стонъ больной,
Услышь мое тревожное моленье!

Пусть я умру весной. Когда послѣдній снѣгъ
Растаетъ на поляхъ, и радостно на всѣхъ
Пахнетъ дыханье жизни новой,
Когда безсмертія постигнуя мечту...
Дай мнѣ перелетѣть опять на землю ту,
Гдѣ я страдалъ такъ горько и сурово.
Дай мнѣ хоть разъ еще взглянуть на тѣ поля,
Узнать, все такъ же ли вращается земля
Въ своей красѣ неизмѣненной?
И тѣже ли тамъ дни? И такъ же ли роса
Слетаетъ по утрамъ на берегъ полусонный,
И такъ же ль сини небеса,
И такъ же ль рощи благовонны?

Когда же смолкнетъ все, и тихо надъ землей
Зажжется сводъ небесъ далекими огнями,
Чрезъ волны облаковъ, облитыя луной,
Я понесусь назадъ, неслышный и нѣмой,
Несмѣтными окутанный крылами.
Навстрѣчу мнѣ деревья, задрожавъ,
Въ послѣдній разъ пошлютъ свой ропотъ вѣчный,
Я буду понимать и шумъ глухой дубравъ,
И трели соловья, и робкій шелестъ травъ,
И рѣчки говоръ безконечный...
И тѣмъ, о комъ мечталъ я чувствомъ молодымъ,
Кого любилъ съ такимъ самозабвеньемъ,
Явлюся я... не другомъ ихъ былымъ,
Не призракомъ могилы роковымъ,
Но грезой легкою, но тихимъ сновидѣньемъ!
Я все имъ разскажу... Пускай хоть въ этотъ часъ
Они поймутъ, какой огонь свободный
Во мнѣ горѣлъ, и тлился, и угасъ —
Неоцѣненный и безплодный!...
Я имъ скажу, какъ я въ былые дни
Изъ душной темноты напрасно къ свѣту рвался...
Какъ заблуждаются они,
Какъ я до гроба заблуждался!...

III.

ИЗЪ ЛЕНАУ.

Вечеръ бурный и дождливый
Гаснетъ... Все молчитъ кругомъ;
Только грустно шепчутъ ивы,
Наклоняясь надъ прудомъ.

Я покинулъ край счастливый...
Слезы жгучія тоски,
Лейтесь, лейтесь... Плачутъ ивы,
Вѣтеръ клонитъ тростники.

Ты одна сквозь мракъ тоскливый
Свѣтишь, другъ, мнѣ иногда,
Какъ сквозь плачущія ивы
Свѣтитъ вечера звѣзда.

А. АПУХТИНЪ.

ОЧЕРКЪ ИТАЛЬЯНСКОЙ ИСТОРІИ
СО ВРЕМЕНИ ПЕРВОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

I.

СУДЬБА ПОЛУОСТРОВА ДО РЕВОЛЮЦІОННЫХЪ ВОЙНЪ.—ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦІОННЫХЪ ВОЙНЪ И ПЕРІОДЪ РЕСТАВРАЦІИ.

Чтобы должнымъ образомъ понять послѣднія политическія движенія въ Италіи, необходимо припомнить ея исторію съ того времени, когда она, триста лѣтъ тому назадъ, была задавлена полчищами, пришедшими со всѣхъ концовъ свѣта. Съ той эпохи жизнь ея замерла. Проницательнѣйшіе, умнѣйшіе люди съ чувствомъ сожалѣнія отзывались о несчастной странѣ, но отвергали всякую возможность ея возрожденія. Незадолго до событій 1848 года представитель политической мудрости въ Европѣ выразился, что «Италія— географическій терминъ, небольше».

Италія первая вышла изъ мрака, въ который погрузилась Европа послѣ нашествія варваровъ. Здѣсь впервые родились города, воскресло римское право, пробудилась муниципальная жизнь. Отсюда новая цивилизація разлилась на остальную Европу. Наконецъ, въ то время, когда на поляхъ ея рѣшалась судьба австроиспанской гегемоніи, она же дала Европѣ новый, благодѣтельный толчекъ, возрожденіемъ наукъ и искусствъ. Послѣ этой эпохи судьба полуострова представляетъ самое печальное зрѣлище. Реформація нанесла Риму, а съ нимъ и всей Италіи страшный ударъ — финансовый, политическій, религіозный, нравственный. Лютеръ и его то-

варищи, освободившіе мысль въ Германіи, остановили ея развитіе въ Италіи. Реформація испугала совѣсть ересью, поразила умы возможностью паденія католицизма, ожесточила духовенство, построила его въ боевой порядокъ, раздула инквизицію и вызвала іезуитизмъ. Борьба Франціи и Италіи на итальянской землѣ добила Италію: она вынесла свои тысячелѣтнія междоусобія, но дикія орды разбойниковъ и вольнонаемныхъ убійцъ она вынести не могла. Города были лишены укрѣпленій, ограблены, стада угнаны, поля потоптаны, никакаго обезпеченія не существовало. И это бы еще ничего, а главное—исчезъ древній, доблестный духъ, любовь къ свободѣ. Карлъ V убилъ прошлую жизнь Италіи, какъ убилъ ее въ Испаніи, мертвящимъ, бездушнымъ сосредоточеніемъ властей, нѣмымъ управленіемъ, угнетеніемъ всего самобытнаго, мѣстнаго, индивидуальнаго. Италія жила въ городскихъ комунахъ, вся жизнь ея притекла къ этимъ сердцамъ народнаго существованія. Территоріальныя раздѣленія Италіи мѣнялись на тысячу ладовъ, народъ ихъ переносилъ, рѣдко былъ доволенъ и принималъ ихъ только за грубый фактъ насилія. Итальянская жизнь развивалась на всѣхъ пунктахъ территоріи; города ея цвѣли, она была самое образованное и самое торговое государство въ XIV столѣтіи, хотя десяти лѣтъ не проходило безъ того, чтобы она не покрывалась кровью и пепломъ. Города становились роскошнѣе послѣ пожара, сильнѣе послѣ разоренія. Шутка одного стариннаго историка: «война — миръ для Генуи» можетъ относиться ко всему полуострову. Жизнь, развитіе, подавленныя въ одномъ мѣстѣ, ускользали какъ ящерица въ травѣ, и являлись во всемъ блескѣ въ другомъ мѣстѣ. Такъ она дожила до страшной годины, когда Карлъ V и Францискъ I выбрали прекрасныя поля ея для войны, продолжавшейся болѣе столѣтія. Эта война сокрушила страну, силъ ея не стало противиться войскамъ, безпрерывно усиливавшимся свѣжими толпами изъ Франціи, Германіи, Испаніи и вольнонаемными шайками изъ Швейцаріи. Еслибъ идея народнаго единства была развита въ Италіи, она отстояла бы себя,—но этой идеи не было. Врагъ имѣлъ всегда дѣло съ частью. Горожане сражались какъ львы, крестьяне составляли вооруженныя толпы, нападавшія на непріятеля неожиданно, между горъ, въ тѣснинахъ, въ домахъ,—но вся отвага ихъ погибла попустому, ихъ подавили числомъ. Въ XVI вѣкѣ Италія потеряла всѣ свои древнія права и подчинилась австро-испанскому игу. Императоръ во имя священной римской имперіи считалъ право свое на нее неотъемлемымъ. Мелкіе вассалы императорской власти управляли страной и душили въ ней всякую мысль, всякое развитіе. Народъ терялъ всякое патріотическое, всякое человѣческое чувство. Ужасное нравственное растлѣніе,

прикрытое утонченными нравами той эпохи и чудесами искусства, проникало все глубже въ народъ. Страшно читать про тѣ ужасы политическіе и нравственные, которые совершались во дворцахъ, украшенныхъ сокровищами искусствъ, работами Рафаэля и Челлини. На каждый дворецъ приходится не по одному акту самаго циническаго сладострастія, самого варварскаго звѣрства, самого близкаго кровосмѣшенія. Это разложеніе общественной жизни принесло странѣ всѣ послѣдующія бѣдствія. Оно было причиною того слабаго отпора, который встрѣчали въ Италіи всѣ послѣдующіе завоеватели, оно мѣшало соединенію городовъ и областей, оно отгоняло всякую патріотическую мысль о народной независимости. Внутренній смыслъ всей этой жизни формулировался въ макіавеллизмѣ, лишенномъ всякой здоровой силы, всякой способности создать что нибудь.

Въ это время паденія мысли и растлѣнія нравственности, пороковъ и преступленій, внутренняго политическаго ничтожества и чужеземнаго ига, когда всякая здоровая мысль, всякое гражданское чувство казались изгнанными изъ Италіи, когда макіавеллизмъ ума и цинизмъ сердца охватили все общество, — раздался рѣзкій голосъ реформаторовъ, Бруно, Кампанеллы, Галилея противъ жизни духовенства, противъ ученія и авторитета католичества. Они пришли внести новыя начала въ нравственную философію и философію природы, и были основателями въ Италіи новѣйшей науки и политики. Католичество, вѣрное своимъ принципамъ, изгоняло, заключало въ тюрьмы, подвергало пыткѣ, жгло этихъ свободныхъ мыслителей, провозвѣстниковъ его паденія. Оно открыто признало себя врагомъ всякаго умственнаго прогресса, кровью своихъ жертвъ оно подписало свой вѣчный союзъ съ силой и деспотизмомъ варварскихъ временъ. Повторяемъ, Италія была побѣждена не столько числительнымъ превосходствомъ и политическою мудростью сосѣдовъ, сколько нравственной и гражданской революціей, произведенной Лютеромъ, бросившимъ европейскую мысль на новую почву: анализа, разбора, сомнѣнія, долженствовавшихъ подкопать всѣ средневѣковые авторитеты. Италія не могла продолжать свою роль въ развитіи человѣчества; возстановить значеніе папы и католичества было невозможно. Принять новыя принципы мысли и жизни Италія не была готова, потому что изжила всѣ силы свои на развитіе тѣхъ элементовъ, которые двигали человѣчество, пока это было возможно. Вотъ почему дальнѣйшая ея исторія шла подъ вліяніемъ идей чужеземныхъ и особенно подъ вліяніемъ Франціи. Испанія, подъ матерьяльною зависимостью которой находилась большая часть Италіи, достигла до послѣдней степени истощенія, и со времени занятія ея престола Бурбонами вступаетъ въ число второстепенныхъ госу-

дарствъ. Послѣ борьбы за наслѣдство Карла II между Франціей и Австріей, Австрія утверждается въ большей части полуострова и итальянская политика подчиняется Вѣнскому кабинету. Та же борьба создала въ сѣверной части Италіи новое государство, Піэмонтъ, который, благодаря своему географическому и политическому положенію, быстро всходитъ на первую степень между государствами полуострова. Но это движеніе XVII и начала XVIII вѣка не измѣняетъ судьбы Италіи, не мѣшаетъ Австріи захватить ее въ свои руки и распоряжаться ею произвольно до самой французской революціи. Правда, были нѣкоторые признаки стремленія къ народному единству: изъ осколковъ разлетѣвшихся республикъ и свободныхъ городовъ образовалось нѣсколько мелкихъ владѣній; австрійская политика гарантировала ихъ престолы, но народъ оставался въ томъ же нравственномъ и гражданскомъ униженіи.

Достаточно одного бѣглаго взгляда на частную исторію итальянскихъ государствъ, чтобы убѣдиться въ истинѣ этихъ словъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда Франція покоряла весь міръ своимъ оружіемъ, торговлею, литературою, наукою, цивилизаціей, нравами, на что была обращена мысль, дѣятельность итальянскаго народа, раздѣленнаго, рабскаго, подъ гнетомъ всякихъ преслѣдованій, невѣжества, изувѣрнаго фанатизма? Она обращена была на коварную внутреннюю и внѣшнюю политику, безъ силы, безъ содержанія, направленную къ самымъ частнымъ цѣлямъ, постоянно колебавшуюся между своими симпатіями и ненавистями, между невѣріемъ и суевѣріемъ, между инквизиціей государей и инквизиціей монаховъ, между грязнымъ цинизмомъ и узкимъ эгоизмомъ общества, лишеннаго всякой нравственной мощи, содержимаго въ повиновеніи звѣрской, не знавшей границъ тираніей. Всюду встрѣчаемъ мы полное отсутствіе національности, нравственнаго согласія, желанія независимости, гражданскаго достоинства—и въ народѣ и въ правительствахъ, истощавшихся въ соперничествѣ другъ съ другомъ, въ борьбѣ частной, мѣстной, вытягивавшей послѣдніе соки страны.

Республики: Венеція, Генуя, Лукка и С.–Марино прозябали послѣ роскошной жизни своей подъ страхомъ, подъ насиліемъ деспотическаго патриціата, умѣвшаго воспользоваться слабостью и немощью массъ, чтобы на нихъ прочно устроить свои привилегіи и царствовать шпіонствомъ, насиліемъ и казнями. Герцогство Миланское и Мантуанское принадлежали Австріи и испытывали на себѣ ея политику. Піэмонтская монархія, основанная на принципѣ военномъ и феодальномъ, всею тяжестью легла на необразованный, суевѣрный народъ, еще не выработавшій себѣ національности, безъ историческихъ преданій и воспоминаній, менѣе другихъ походящій

на итальянцевъ, но уже испытывающій на себѣ всѣ ужасы управленія феодальной аристократіи и католическаго духовенства. Не игравъ никакой роли во все продолженіе среднихъ вѣковъ, онъ не могъ освободиться отъ феодальнаго и католическаго ига, столько же вслѣдствіе собственной наклонности къ нимъ, сколько вслѣдствіе чужеземныхъ вліяній. Вотъ причина слабаго развитія его до самого нашествія французовъ. Аристократическое и церковное право задушило въ немъ всѣ отпрыски демократическихъ стремленій. Народъ былъ въ рабствѣ, а среднее сословіе не пользовалось никакими льготами, какъ это было въ сосѣднихъ странахъ (*). Единственный источникъ политической жизни Піэмонта заключался въ его желаніи независимости отъ чужеземцевъ, особенно относительно Австріи.

Неаполь, хотя болѣе цивилизованный, нежели Піэмонтъ, не умѣлъ выработать монархіи на новѣйшихъ началахъ. Феодальныя привилегіи аристократіи и духовенства угнетали народъ, нравственно уничтоженный вліяніемъ обскурантизма и инквизиціи (**). Между тѣмъ какъ министръ Тануччи составлялъ своды, покровительствовалъ Филанжіери, двадцать седьмая только часть страны была освобождена отъ рабства, существовало 1395 феодальныхъ привилегій. Въ Сициліи совершали еще аутодафе, жгли еретиковъ и свирѣпствовала инквизиція. Римъ, въ политическомъ и нравственномъ ничтожествѣ, подчиненный иностранному деспотизму, тщетно становится въ оппозицію противъ движеній вѣка; съ своими потерявшими всякое животворное начало, отсталыми тенденціями поддерживаетъ во всей Италіи политическую и религіозную инквизицію, борется съ безнадежнымъ отчаяніемъ власти, сознающей свое безсиліе, дѣйствуетъ насиліемъ, коварствомъ; поставленный въ ложное общественное положеніе, работаетъ съ слѣпою настойчивостью надъ окончательной деморализаціей и порабощеніемъ массъ, прокладываетъ этимъ путь чужеземному оружію и приготовляетъ свое собственное паденіе. Въ послѣдніе 25 лѣтъ XVIII столѣтія въ его трибуналы внесено 18 тысячъ убійствъ. Законодательство содержало 84 тысячи законовъ въ дѣйствіи.

(*) Король Викторъ-Эммануилъ сознавался, что дорожитъ болѣе барабанщикомъ, нежели ученымъ, несмотря на то, что его любовь къ военному положенію стоила странѣ 120 милліоновъ долгу.

(**) Въ немъ видимъ мы самыя крайнія противоположности: съ одной стороны уменьшеніе податей, уничтоженіе десятины, монастырей, преимуществъ духовенства, изгнаніе іезуитовъ, секуляризацію народнаго воспитанія; съ другой встрѣчаемъ объявленіе смертной казни за масонство, трехлѣтняго тюремнаго заключенія за чтеніе Вольтера и Флорентинской Газеты.

Тоскана,—колыбель новѣйшей цивилизаціи, искусства и поэзіи, философіи и науки,—въ XVIII вѣкѣ при послѣднихъ Медичи представляла убѣжище всякой порчи, недостойныхъ интригъ, страну самого утонченнаго сибаритизма, самого безстыднаго цинизма. Среднее сословіе, которое въ Тосканѣ было многочисленнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Италіи, было заражено тѣми же болѣзнями. Общая продажность, измельченіе характеровъ, чувство поголовнаго уничиженія привело общество къ одному уровню. Высшіе классы, находясь въ постоянномъ столкновеніи съ низшими, открыли имъ, до какой степени они мало достойны уваженія. Здѣсь должно искать главной причины того равенства, которымъ замѣтно запечатлѣно народонаселеніе бóльшей части Тосканы въ настоящее время, но также и чрезвычайнаго значенія интригъ домашней жизни, такъ занимающихъ всѣ сословія флорентинскаго народа, шаткости его политическихъ и нравственныхъ убѣжденій. Парма и Модена, подъ вліяніемъ французовъ въ политическомъ отношеніи, представляютъ болѣе шансовъ къ освобожденію средняго сословія. Вотъ въ краткихъ словахъ положеніе итальянскихъ государствъ предъ началомъ французской революціи.

Со временъ Людовика XIV Италія не менѣе другихъ странъ Европы испытала на себѣ,—на своемъ умственномъ развитіи, законахъ, нравахъ, политическомъ устройствѣ,—французское вліяніе, несмотря на то, что матеріальное господство Франціи случалось временно, на непродолжительные сроки. И что бы ни говорили итальянскіе патріоты, французское вліяніе скорѣе было благодѣтельно для страны, чѣмъ вредно. Почти всѣмъ, что Италія пріобрѣла въ послѣдніе пятдесятъ лѣтъ, она обязана французской революціи и наполеоновскому нашествію. Философскія идеи XVIII вѣка хотя медленно, но проникали въ Италію; духовенство и феодальная аристократія теряли свою силу, абсолютистскія правительства чувствовали въ атмосферѣ волненіе, предшествовавшее временамъ революціи. Въ Миланѣ, Неаполѣ, Флоренціи французская философія находила себѣ отголосокъ въ трудахъ Филанджіери, Беккаріи, Риччи, въ дѣятельности великаго герцога тосканскаго Леопольда, боровшихся противъ ученій и претензій римскаго двора, феодальнаго дворянства, іезуитизма. Римъ забылся до того, что епископа пистойскаго Риччи, великаго герцога Леопольда и брата его, императора Іосифа II, объявилъ еретиками.

Худой исходъ реформъ политическихъ и религіозныхъ, произведенныхъ въ Тосканѣ, зависѣлъ главнымъ образомъ отъ того, что онѣ имѣли характеръ дѣла кабинетнаго, не стремились опираться на общественное мнѣніе.

Философскія идеи XVIII вѣка проникали мало по малу въ страну, хотя не образовали въ ней никакой политической партіи. Вліяніе энциклопедистовъ ограничивалось нѣсколькими внѣшними административными реформами, не захватывая въ самую глубь общества; либерализмъ терпѣли при немногихъ дворахъ, но страшно преслѣдовали въ литературѣ и казнили въ масонскихъ обществахъ, прежде нежели онъ успѣлъ принести плодъ. Небольшая часть писателей и поэтовъ присоединились къ либеральнымъ государямъ, но вліяніе ихъ было заглушено пустозвучною литературою сонетовъ и пѣсенъ. Части Италіи, не принадлежавшія 80 тысячамъ монаховъ, были въ распоряженіи бандитовъ. Спокойствіе страны удерживалось арміями изъ авантюристовъ, а управленіе принадлежало правительствамъ, опиравшимся на политическую инквизицію и поощрявшимъ нерѣдко убійства. Республиканскій духъ умеръ четыре столѣтія тому назадъ; время блестящей тираніи синьоровъ миновало уже двѣсти лѣтъ. Отъ древняго величія оставались только раздѣльность, коварство, деспотизмъ и противочеловѣческія средства, принятыя противъ революцій среднихъ вѣковъ и эпохи возрожденія. Не было единства, не было Италіи, не было народной ненависти къ чужеземному игу и весь полуостровъ погруженъ былъ въ нравственное растлѣніе.

При появленіи французской арміи все измѣняется: деспотизмъ вступаетъ на путь реформъ, среднее сословіе проникается новыми идеями и требуетъ преобразованій, а не получивши удовлетворенія становится республиканскимъ. При появленіи Бонапарте въ Піэмонтѣ революціонное движеніе доходило до послѣдней степени, король послѣ позднихъ уступокъ принужденъ отказаться отъ престола.

Въ Ломбардіи дѣло революціи пошло еще успѣшнѣе и кончилось изгнаніемъ австрійцевъ и основаніемъ Цизальпинской республики. Бергамо, Брешіа, Виченца тотчасъ поднялись противъ деспотическаго венеціанскаго патриціата; въ самой Венеціи демократическая партія одержала верхъ и сдала городъ французамъ; пала и аристократическая Генуя. Въ Моденѣ и Луккѣ, оставленныхъ владѣтелями, произошло то же. Римская область, потерявшая уже Болонью и Феррару, легко обращена была въ республику по желанію демократической партіи и послѣ слабаго отпора транстеверинцевъ. Въ Неаполѣ революція началась еще въ 1791 г. Полиція внесла въ свои списки 20 тысячъ подозрительныхъ лицъ. На представленія либеральной партіи король отвѣчалъ ужасной феодально-теократической реакціей и цѣлыя толпы недовольныхъ забиралъ въ ряды арміи, которая, разумѣется, тотчасъ же передалась пришедшимъ французамъ. Король бѣжалъ въ Сицилію; Неаполь, болѣе роялистскій, чѣмъ самъ

король, оказалъ сильное сопротивленіе, но при содѣйствіи либеральной партіи сдался Шампіоне. Этимъ и заключилось покореніе всего полуострова. Весь полуостровъ покрылся республиками: Партенопейской, Римской, Цизальпинской, Циспаданской, Транспаданской, Лигурійской, Венеціанской. Піэмонтъ присоединенъ былъ къ Франціи. Но настоящее значеніе этой революціи было образованіе новыхъ политическихъ мнѣній и раздѣленіе трехъ партій, болѣе 50 лѣтъ боровшихся въ Италіи.

Самая сильная изъ нихъ была партія прежнихъ правительствъ. Она потеряла свое дѣло единственно вслѣдствіе разъединенія и упрямаго желанія руководствоваться древней политикой. Если бы послѣдовали предложенію Піэмонта образовать итальянскую лигу, Бонапарте встрѣтилъ бы сильное сопротивленіе. Теперь эта лига осуществилась, Италія забыла свои междоусобія, государи протянули руку республиканскимъ патриціямъ и прелатамъ римскаго престола. Покровительство Австріи, Россіи и Англіи было принято. Такимъ образомъ роялистская партія, несмотря на свое пораженіе, была сильнѣе другихъ и дѣло революціи должно было погибнуть, какъ скоро была побѣждена Франція. Партія демократическая была въ союзѣ съ директоріей. Ее сопровождало особенное счастіе: въ три года ей принадлежала Италія. Монастыри, дворянскія привилегіи, свѣтская власть церкви, всѣ абсолютистскія учрежденія, вліяніе Австріи уступили мѣсто демократической конфедераціи. Но массы были равнодушны, если не враждебны новому порядку; нѣсколько свѣтлыхъ гражданскихъ дней не могли перевоспитать народъ. Къ тому же новымъ правительствамъ нужны были солдаты и деньги, а финансы и военное управленіе были въ плачевномъ состояніи. Всѣ средства ихъ ограничивались энтузіазмомъ и поддержкою французской арміи. Но эта армія вообще была столько же нелюбима, какъ и французская республика, за страшныя контрибуціи, наложенныя на страну, за эгоистическую политику. Что могло быть прочнаго въ этомъ учрежденіи республики по образу и подобію директоріи и такими республиканцами, какъ Бонапарте? Искаженіе устройства Цизальпинской республики, присоединеніе къ Франціи Піэмонта, подарокъ, сдѣланный директоріей Австріи, получившей Венецію, возбудили негодованіе всѣхъ патріотовъ.

Наконецъ національная, независимая партія, высказавшаяся въ болонской *«черной лигѣ»* и *«обществѣ лучей»* стремилась получить независимость безъ всякой иностранной помощи, ввести управленіе венеціанскаго и генуэзскаго патриціата, но успѣла только перепугать полицію прежнихъ правительствъ. Стремленія ея были умѣренны и независимы, когда крайнія партіи вели отчаянную борьбу,

когда среднимъ мѣрамъ не могло быть мѣста. Поэтому и не удивительно, что партизаны независимости кончали тѣмъ, что умирали въ рядахъ австрійской или французской арміи.

Такимъ образомъ въ 1799 году, Италія была раздѣлена на роялистовъ, поддерживаемыхъ Австріею, демократовъ, поддерживаемыхъ Франціей и независимыхъ, неимѣвшихъ внѣшней опоры, нетерпѣливо ожидавшихъ возрожденія древнихъ гражданскихъ доблестей, какъ только французы оставятъ Италію. По отступленіи французскихъ армій, верхняя Италія была занята австрійцами и русскими, южная—русскими и англичанами. Карлъ Эммануилъ, занявъ свой престолъ, повелъ реакцію. Монахъ Бранда устроилъ ему *«христіанскую армію»* изъ толпы крестьянъ и призывалъ благословеніе на Россію, Австрію и Турцію. Монахи и крестьяне ловили якобинцевъ въ Тосканѣ. Русско-неаполитанская армія и «briganti» привели въ Римъ папу. Въ Неаполѣ реакція приняла свои классическіе размѣры. Несмотря на условія капитуляціи, 30,000 народу было брошено въ тюрьмы, 300 погибло въ первые дни на эшафотѣ, 6,000 погибли въ битвахъ, 7,000 изгнаны. Республиканцевъ травили чернью, возбудивъ въ ней увѣренность, что они хотѣли перевѣшать всѣхъ лаццарони. Одинъ только страхъ, возбужденный слухами о возвращеніи Бонапарте изъ Египта, умилостивилъ Фердинанда. Онъ велѣлъ сжечь всѣ архивы политическихъ процесовъ, чтобы когда нибудь не обнародовали его поступковъ. Вотъ первый періодъ итальянской революціи. Мученики ея умирали геройски подъ ножемъ палача, — это отличительный ея характеръ. Во Франціи демократія, конвентъ царствовали терроромъ, въ Италіи республики были кротки, убійства и казни были дѣломъ абсолютизма.

Реакція 1796 года лишила итальянскія правительства всякаго уваженія; потому при второмъ нашествіи французская армія встрѣчала однихъ австрійцевъ. Піэмонтъ снова былъ присоединенъ къ Франціи, Цизальпинская республика обращена въ Итальянское королевство, Тоскана и другія владѣнія въ герцогства, зависимыя отъ Франціи; Венеція отнята у Австріи въ 1806 году, Іосифъ покорилъ Неаполитанское Королевство, не встрѣтивъ живаго сопротивленія ни въ комъ, кромѣ шаекъ Фра-Діаволо, который, впрочемъ, скоро былъ схваченъ и повѣшенъ; наконецъ въ 1809 г. объявлено уничтоженіе папской власти, и столица католическаго міра стала главнымъ городомъ одного изъ французскихъ департаментовъ.

Въ періодъ владычества Наполеона революція прошла въ жизнь, въ дѣло. Достаточно бѣглаго взгляда на положеніе полуострова въ ту эпоху, чтобы оцѣнить реформы, введенныя Наполеономъ. Уни-

чтожены были всѣ сословные оттѣнки въ арміи и гражданской администраціи: всюду замѣнили ихъ личные таланты и способности. Введенъ французскій кодексъ, безконечно лучшій мѣстныхъ канонических судебниковъ; учреждено правильное судопроизводство; человѣческое право заняло мѣсто инквизиціи и произвола; объявлена свобода совѣсти, вызваны къ жизни всѣ матерьяльныя силы страны. Но главнымъ слѣдствіемъ революціи былъ первый шагъ къ національному единству и смѣшенію племенъ, отсутствіе котораго было существенною причиною внутренняго рабства и политической зависимости. Это единственная заслуга первой революціи для Италіи. Всѣ партіи были довольны, кромѣ абсолютистской. Національная партія, желавшая политической независимости и изгнанія французовъ, надѣялась достигнуть этого въ будущемъ, при помощи не преобразованной, а созданной Наполеономъ арміи. Демократическая партія видѣла исполненіе большей части своихъ желаній. Но это спокойствіе было только кажущимся,—оно опиралось на военную диктатуру Наполеона. Доказательствомъ отсутствія всякаго политическаго воспитанія въ народѣ служатъ постоянные успѣхи роялистской партіи. Для абсолютистовъ французскій кодексъ былъ тираніей, власть Наполеона беззаконнымъ похищеніемъ, новые министры—якобинцами. Вѣнскій дворъ не дремалъ и слѣдилъ за ходомъ событій. Римскій престолъ сталъ средоточіемъ абсолютистской партіи. Волненіе началось еще съ 1805 года на По и въ Неаполѣ, а въ 1809 распространилось по всей Италіи во времена втораго тирольскаго возмущенія. Полиція Богарне захватила австрійскаго агента Гесса и Евгеній приказалъ уничтожить найденныя при немъ бумаги, потому что слишкомъ большое число знатныхъ лицъ замѣшано было въ заговорѣ. Въ Тосканѣ духовенствомъ организуется возмущеніе и указываются жертвы, долженствующія погибнуть въ Арно и Арнино. Въ Луго образуется *«теократо-антинаполеоновское общество»* настоящихъ убійцъ, допускающее въ свои члены только тѣхъ, кто убилъ хоть одного масона или бонапартиста. Движеніе поднялось еще сильнѣе послѣ неудачнаго похода въ Россію. Возстановленіе Наполеономъ аристократическихъ формъ правленія побудило многихъ демократовъ образовать тайныя общества — и вотъ начало *«карбонаровъ»*. Начальникъ неаполитанской полиціи призвалъ ихъ съ согласія короля Іоахима въ Калабрію, чтобы противодѣйствовать интригамъ палермскаго двора и роялистской партіи Фердинанда IV. Въ тогдашнее время это была просто секта иллюминатовъ, ожидавшихъ религіозной республики, освобожденія Италіи и преобразованія церкви. Во времена Партенопейской республики часть неаполитанскаго духовенства объясняла демократію священнымъ писаніемъ, перевела

евангеліе на простонародный языкъ съ цѣлью объяснить лаццарони, что Христосъ былъ апостолъ свободы. Возстаніе Италіи убѣдило роялистовъ въ томъ, что они могли обратить революцію противъ Наполеона, а демократовъ, что они могли стать подъ одни знамена съ прежними правительствами. Инниціативою движенія послужили событія въ Сициліи, гдѣ страшныя казни, вслѣдствіе реакціи проводимой подъ вліяніемъ королевы Каролины, вывели изъ терпѣнія народъ, сторону котораго принялъ англійскій генералъ Бентинкъ, опасавшійся новой сициліанской вечерни. По его настоянію народъ получилъ конституцію. Король и королева хотѣли воротить потерянное рѣзней, слѣдствіемъ того было изгнаніе Каролины. Бентинкъ сдѣлался популярнымъ и сталъ въ главѣ роялистской пропаганды противъ Наполеона. Агенты его волновали Калабрію, карбонаризмъ обратился въ конституціонную партію. Духовенство было за одно съ нимъ и обѣщало рай тому, кто приметъ цвѣта секты. Волненіе принимало грозный видъ. Взбѣшенный Мюратъ казнилъ Капобіанко, начальника секты,—это не помогло, и карбонаризмъ распространился по средней Италіи; адепты его находились даже въ рядахъ арміи. У Мюрата требовали конституціи, которую уже и объявилъ генералъ Пепе, первый и единственный, открыто конституціонный мюратистъ; но его попытка осталась безъ послѣдствій. Дѣло пропаганды Бентинка шло впередъ и привлекло Геную и даже Миланъ подъ знамена роялистской партіи, на которыхъ начертаны были слова: свобода, единство, независимость. Къ несчастію Мюратъ и Евгеній соперничали и не любили другъ друга. Вѣроятно, это входило въ разсчеты Наполеона, который посвоему думалъ о единствѣ Италіи. Богарне, вѣрный Франціи, потерялъ все по отреченіи Наполеона. Независимость Италіи очутилась въ рукахъ миланскаго сената, и — странное дѣло!—Итальянское королевство, политическій центръ всего полуострова, съ шестью мильонами жителей, съ арміей, сенатомъ, министрами-итальянцами, съ лучшими людьми страны въ столицѣ,—все это оказалось миѳомъ. Среднее сословіе было до того невѣжественно въ политическомъ отношеніи, что въ 1814 г., послѣ ближайшаго знакомства съ хорошими учрежденіями, не поняло единственной благодѣтельной мысли Наполеона объ итальянскомъ единствѣ. Дворянство предпочитало гибель всего королевства потерѣ одного изъ своихъ прежнихъ преимуществъ, либералы призывали Австрію, когда были свободны отъ Франціи. Какъ только получено было извѣстіе объ отреченіи Наполеона, австро-либеральная партія, не успѣвъ взбунтовать войска противъ Богарне, избрала Миланъ театромъ своихъ дѣйствій. Толпа народа окружила сенатъ, требовала отрѣшенія Евгенія и собранія избирательныхъ коллегій для устройства новаго

правительства. Сенатъ повиновался; толпа бросилась въ залу и выбросила въ окно всю мебель, потомъ ринулась въ министерство финансовъ, спустила на веревкахъ министра Прина, котораго народъ умертвилъ, а дворецъ его разграбилъ. Дворянская партія возбуждала народъ всѣми средствами. Въ избирательныхъ кругахъ повторились тѣже сцены; цѣлыя сословія удалены были отъ выборовъ. Участь Итальянскаго королевства поручена была 170 выборнымъ отъ Миланскаго герцогства, которые объявили Наполеона лишеннымъ престола и рѣшили послать въ лагерь союзниковъ депутацію съ слѣдующими предложеніями императору Францу: 1) Независимость Итальянскаго королевства, 2) возможно большее его пространство, 3) конституціонная монархія, 4) назначеніе королемъ австрійскаго принца и 5) объявленіе католической вѣры господствующею. Австрійцы дали обѣщанія, Бельгардъ пошелъ съ корпусомъ на Миланъ, устроилъ регентство, а черезъ годъ Ломбардія была австрійской провинціей. Вотъ какъ заключился наполеоновскій періодъ. Древнее герцогство миланское съ мильономъ народонаселенія возстало по интригамъ дворянства противъ Итальянскаго королевства и завоевало себѣ австрійское иго (*).

Мюратъ оставался одинъ во главѣ національной партіи. Онъ хотѣлъ сначала, съ помощью лорда Бентинка, овладѣть Италіей, потомъ сблизился съ Австріей, потомъ съ Наполеономъ. Въ 1815 году онъ двинулся въ Романью, провозгласивъ независимость Италіи. Но что такое былъ онъ для итальянцевъ? Иностранецъ, генералъ Наполеона,—не больше. Онъ не былъ даже защитникомъ наполеоновскихъ учрежденій; отнынѣ онѣ навсегда принадлежали Италіи и никому не приходило въ голову, что ихъ возможно лишиться. Онъ не могъ быть защитникомъ свободы, потому что положительно отказался отъ конституціи 1812 года. Съ нимъ кончается второй періодъ итальянской революціи, въ которомъ военныя доблести дали надежду на осуществленіе итальянскаго единства. Впрочемъ, постоянныя войны истощили силы страны; всѣ просили мира, роялисты его обѣщали, и если Австрія возбуждала опасенія, то вліяніе Англіи, сицилійская конституція, обѣщанія итальянскихъ и иностранныхъ государей успокоивали народъ. Всѣ законные государи получили свои владѣнія, возвратились въ Италію и не встрѣтили ни энтузіазма, ни отвращенія: ихъ забыли и равнодушіе къ нимъ было для нихъ амнистіей.

(*) За возмущеніе города Наполеонъ иногда наказывалъ введеніемъ въ него австрійскихъ законовъ, со всѣми ихъ аттрибутами, начиная съ розогъ и шпицрутеновъ, чтобы на дѣлѣ дать почувствовать, въ какое положеніе они желаютъ впасть. Такъ онъ поступилъ съ Криспино, предавшимся 1806 г. австрійцамъ.

Время съ 1814 до 1820 г. принадлежитъ реставраціи, утвержденію того порядка, который былъ до революціи, прерываемому частными возмущеніями партій всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ. Первою и главною заботой императора Франца было уничтоженіе всякаго воспоминанія о французскомъ періодѣ итальянскаго королевства. Неаполь былъ занятъ австрійскими войсками, Романья и Піэмонтъ подчинены вліянію вѣнскаго кабинета, Англія вывела свои войска и отказалась отъ всякаго вмѣшательства, весь полуостровъ находился подъ непосредственнымъ вліяніемъ Австріи. Викторъ Эммануилъ объявилъ первымъ своимъ декретомъ, что королевство приводится въ положеніе 1770 года. Генуя утратила всякую свободу. Въ Тосканѣ закрыты были даже училища искусствъ и сберегательные банки. Партіи мюратистовъ, карбонаровъ и абсолютистовъ дали особенный характеръ неаполитанской реакціи. Священный союзъ предложилъ Фердинанду удержаться отъ гоненія бонапартистовъ. Король повиновался посвоему: отнялъ введенную Англіей сицилійскую конституцію, уничтожилъ древній парламентъ.

Въ 1819 г. самымъ неожиданнымъ образомъ цензура и сборъ поземельной подати были возвращены духовенству. Однимъ днемъ была убита работа цѣлаго вѣка. Ультра-католическая партія овладѣла всѣмъ полуостровомъ. Пій VII ввелъ свои 84,000 законовъ, замѣнилъ духовными трибуналами свѣтскіе суды, кардиналами префектовъ, возстановилъ инквизицію и пытки. Шайки бандитовъ, съ которыми нерѣдко договаривались государи, покрыли страну, какъ бывало прежде. Немудрено, что подобныя мѣры пробудили революціонныя страсти. Церковный произволъ вызвалъ вольтерьянизмъ, аристократическій—ненависть къ дворянству въ среднемъ сословіи, объявившемъ себя противъ правительствъ и австрійскаго вліянія. Но какъ цензура, полиція и войско были слишкомъ сильнымъ препятствіемъ его манифестаціямъ, то недовольные стали составлять тайныя общества. Карбонары, увидѣвъ, что ихъ обманули, протянули руку бонапартистамъ, которые послѣ ватерлоскаго дня, отказавшись отъ личности Наполеона, признавали только революціонный его принципъ. Они составили національную партію въ тайныхъ обществахъ и поднимались всюду, гдѣ представлялась возможность—въ Неаполѣ, Миланѣ, Средней Италіи.

Это было цвѣтущее время всѣхъ возможныхъ тайныхъ обществъ, цѣлью которыхъ было освобожденіе страны и первымъ условіемъ его — введеніе наполеоновскаго устройства,—время таинственныхъ путешествій, переписокъ, политическихъ обращеній, грозныхъ объявленій правительствамъ, странныхъ признаковъ дѣйствія партій. Вдругъ, какимъ нибудь волшебствомъ пропадалъ, неизвѣстно куда,

какой нибудь полицейскій сыщикъ правительства, былъ умерщвленъ обскурантъ; наконецъ въ одинъ день былъ зарѣзанъ начальникъ моденской полиціи; среди брачнаго празднества королевскаго сардинскаго принца, обманутая объявленіемъ внезапной смерти новобрачныхъ и ложнымъ приглашеніемъ, явилась толпа монаховъ съ пѣніемъ погребальныхъ гимновъ и привела въ ужасъ всѣхъ пирующихъ; обманутое купечество послало во дворецъ черное сукно и принадлежности траура; невидимыя руки помѣщали въ солдатскіе ранцы возмутительныя прокламаціи. Правительства трепетали тѣмъ болѣе, что не видѣли врага. Испанская конституція была лозунгомъ партій, хотя смыслъ его не вездѣ былъ одинаковъ: въ Романьи это значило уничтоженіе свѣтской власти церкви, въ Генуѣ—возстановленіе республики, въ Ломбардіи—изгнаніе австрійцевъ, на югѣ Италіи—введеніе конституціи 1812 года. Всюду ожидали катастрофы. Первое пламя показалось въ Неаполѣ. Нѣсколько полковъ въ Нолѣ перешли къ карбонарамъ и оставили казармы; калабрійцы потребовали конституціи; Пепе, прежде нежели былъ арестованъ, перешелъ на сторону недовольныхъ съ кавалерійскимъ полкомъ, частью пѣхоты и генераломъ Наполетани. Посланный противъ возмутившихся генералъ Караскоза передался бонапартистамъ. Четыре карбонара явились въ полночь во дворецъ, потребовали, чтобы ихъ допустили къ королю и просили конституціи, давъ два часа на размышленіе. На другой день, 1 октября 1820 года, революція была уже совершена: король присягалъ новому уложенію, а генералу Пепе и всѣмъ возмутившимся объявлена благодарность за услуги, оказанныя отечеству. Созвали депутатовъ отъ всего королевства для составленія парламента. Континентальныя провинціи дѣйствовали единодушно, но Палермо и Джирдженти отказались отъ участія и требовали своего парламента; неаполитанцы противились этому федеративному духу, но безуспѣшно; сицилійскій народъ возсталъ, перебилъ войска и овладѣлъ Палермо. Священники и монахи съ ружьями на плечѣ были въ рядахъ возмутившихся; прелатъ Вальмина, назначенный полковникомъ, носилъ эполеты на своемъ монашескомъ костюмѣ.

Средняя Италія отозвалась на это движеніе, хотя слабѣе. Въ сѣверной Италіи только Піэмонтъ поднялъ голосъ на защиту общаго дѣла, когда австрійцы шли уже на Неаполь. Въ Туринѣ былъ главный узелъ всѣхъ партій. Принцъ Кариньянскій (младшей линіи) объявилъ себя главой федералистовъ. Волненіе и ненависть къ австрійцамъ были повсемѣстны. Представитель Вѣнскаго двора графъ Бубна требовалъ занятія крѣпкихъ пунктовъ королевства. Нельзя было оставаться долѣе въ бездѣйствіи. Поэтому, когда королевской гвардіей изрублено было нѣсколько студентовъ въ Туринѣ, то возстаніе,

несмотря на нерѣшительность принца, разлилось по всей странѣ въ пользу возстановленія Итальянскаго королевсства. Всюду раздавались крики: конституція и война съ Австріею. Туринъ былъ въ рукахъ федеральной партіи. Народъ оставался равнодушнымъ зрителемъ стоящихъ другъ противъ друга либеральной партіи и войска, занимавшаго цитадель. Но когда вѣстовая пушка дала знать о заключеніи союза съ войскомъ, то и народъ присоединился къ недовольнымъ. Принцъ Кариньянскій, послѣ неудачныхъ переговоровъ, просилъ короля дать конституцію и объявить войну Австріи. Король отказался отъ престола въ пользу отсутствующаго брата своего Карла Феликса, а до его прибытія регентство поручено было принцу.

Это былъ послѣдній успѣхъ революціи. Да и какой могъ быть исходъ ея? Народное движеніе было только въ Палермо, да и оно направлено было противъ неаполитанскаго парламента. Въ Неаполѣ революція была дѣломъ только карбонаровъ и бонапартистовъ; первые были—чуждые народу средневѣковые заговорщики, а вторые, овладѣвъ управленіемъ, думали, что все дѣло кончено, и не предпринимали никакихъ мѣръ на случай войны, которая была неизбѣжна. Въ центральной Италіи и Ломбардіи движеніе было слабо; въ Піэмонтѣ, во главѣ либеральной партіи стоялъ принцъ Кариньянскій противъ своей воли; къ тому же, Туринъ и Генуя подали руку другъ другу съ тѣмъ, чтобы раздѣлиться тотчасъ послѣ побѣды. Удивительно ли, что абсолютисты скоро оправились? Неаполитанскій король либеральными демонстраціями привлекъ на свою сторону бонапартистовъ, чтобы ими задушить волненіе въ Палермо, сдерживать карбонаровъ и получать отъ парламента право ходатайствовать за возстаніе на Лайбахскомъ конгресѣ. Священный союзъ, съ согласія Людовика XVIII и Англіи, поручилъ Австріи успокоить волненіе въ Италіи. 42,006 австрійцевъ привели Фердинанда IV въ его королевство. Тогда революціонная неаполитанская партія увидѣла свою слабость. Народъ лучше желалъ имѣть на престолѣ Фердинанда и видѣть преслѣдованія либераловъ, нежели сражаться съ австрійцами за конституцію. Генералъ Пепе вынужденъ былъ оставить крѣпкую свою позицію, чтобы принять скорѣе бой, пока не передались еще и не разбѣжались всѣ войска его; при Ріети онъ потерпѣлъ совершенное пораженіе. Таже участь постигла генерала Караскозу: солдаты стрѣляли въ сраженіи по своимъ офицерамъ, старавшимся удержать ихъ подъ знаменами. Австрійцы заняли все королевство.

Въ Сардиніи новый король отказался отъ конституціи; принцъ Кариньянскій оставался въ бездѣйствіи. Санта-Роза съ друзьями просилъ его объявить войну Австріи. Сначала принцъ отказался, потомъ согласился и назначилъ Санта-Розу военнымъ министромъ,

а самъ бѣжалъ ночью въ австрійскій лагерь. Положеніе министра, на которомъ одномъ лежала теперь отвѣтственность за революцію, было весьма опасно. Участь Неаполя, пораженіе при Ріети, измѣна принца Кариньянскаго, ненадежность войскъ, часть которыхъ передалась австрійцамъ, одерживавшимъ всюду успѣхи, равнодушіе Ломбардіи, наконецъ положеніе священнаго союза показывали ясно, что̀ ожидаетъ Италію. Въ объявленное министромъ покровительство Франціи никто не вѣрилъ. При такихъ обстоятельствахъ произошла новарская битва, кончившаяся пораженіемъ послѣ недолгаго сопротивленія конституціонной арміи и занятіемъ всей страны войсками Бубны.

Такимъ образомъ кончилось это возстаніе Италіи. Ничего нѣтъ удивительнаго, что стремленіе къ независимости и свободѣ крайнихъ частей полуострова, не поддержанное остальной Италіей, задушено было силами Австріи, поддержанной священнымъ союзомъ, Англіей и 36 мильонами французскихъ субсидій. Этотъ исходъ событій разсѣялъ много мечтаній и показалъ истинное положеніе дѣлъ, особенно силу Австріи и ея вліяніе на судьбу Италіи. Карбонары разсчитывали на защиту Франціи, она стала въ ряды враговъ освобожденія. Либералы видѣли въ реставраціи духовенства, аристократіи и прежнихъ правительствъ временное положеніе и никакъ не думали, чтобы они могли быть прочны; вѣрили въ свои собственныя силы и презирали врага, не зная его. Въ этомъ и заключалась ошибка либеральной партіи.

Какъ только возмущеніе было задавлено, всякое волненіе въ странѣ прекратилось. Какая же сила сдерживала страну, не перестававшую волноваться 25 лѣтъ? Разумѣется, это не было ни могущество итальянскихъ государей, слабыхъ и неспособныхъ, ни сила мѣстной аристократіи, потерявшей свое вліяніе, ни даже матеріальная сила австрійской арміи: это была идея священнаго союза, представительницей котораго была Австрія, идея, враждебная всякому революціонному движенію. Аристократія была скована не хуже народа; духовенство, поддерживаемое вѣнскимъ кабинетомъ, склонилось окончательно къ ультра-католичеству. Австрійскіе чиновники и войска наводнили всю страну. Характеръ австрійской бюрократіи имперіи извѣстенъ: онъ представляетъ, какъ и вся политика, вѣрнѣйшія гарантіи для прочности абсолютизма: скрытое судопроизводство, отсутствіе всякой гласности, всякой конкуренціи способностямъ, личнымъ достоинствамъ. Оба элемента итальянскихъ движеній: аристократическія стремленія и либеральныя ученія, были заглушены; муниципальныя права уничтожены; литература была въ пренебреженіи, всякая мысль загнана; общественное воспитаніе получило ха-

рактеръ механическаго ученія. Невозможно было придумать ничего лучшаго, болѣе прочнаго противъ либеральныхъ стремленій, у которыхъ отняли всякое вліяніе на нижніе слои народа. Обезоруженный либерализмъ становился экзальтаціей, поэтическимъ энтузіазмомъ. Ему противопоставляла Австрія тяжелую флегму своего чиновничества и штыки цѣлой арміи. Остальное дѣлала полиція. Она запретила всякаго рода собранія, путешествія людямъ, могущимъ имѣть политическое значеніе, слѣдила за всѣми правительствами. Такая система, проводимая съ настойчивостью, надолго обезпечивала австрійское владычество. Постоянныя интриги, преслѣдованія тяготѣли, терроромъ на несчастной странѣ, отнимали всякую энергію у передовыхъ людей и развращали общественное мнѣніе. Въ Миланѣ и Венеціи не смѣли въ гостиныхъ говорить о политикѣ; спросить о какой нибудь необыденной новости считалось неприличнымъ; худо отзываться о какомъ либо дѣйствіи правительства было преступленіемъ. О многихъ предметахъ можно было говорить только на ухо самымъ близкимъ людямъ, да и тѣ измѣняли. Люди хвалились тогда тѣмъ, что не имѣютъ друзей.

Итальянскіе государи, слабые и жестокіе, съ такою благодарностью и симпатіей приняли помощь и политику Австріи, что ей не разъ приходилось сдерживать ихъ ревность. Неаполитанскій король, возвратившись въ свое королевство, началъ тѣмъ, что подписалъ сто смертныхъ приговоровъ, назначилъ снова Канозу министромъ полиціи и уполномочилъ всякое преслѣдованіе карбонаровъ. Ихъ изгоняли толпами. Австрійскій императоръ ходатайствовалъ о милосердіи! Въ 1822 г. продолжались тѣже казни и неистовства, особенно въ Сициліи: въ ея тюрьмахъ содержалось 16 тысячъ политическихъ преступниковъ. Священный союзъ снова рѣшился быть посредникомъ, требовалъ удаленія Канозы и составленія новаго министерства. Несмотря на эти совѣты, преслѣдованія продолжались и въ 1824 году. Въ 1827 году австрійцы очистили королевство. Тотчасъ по ихъ удаленіи назначены были двѣ военныя коммиссіи судить за преступленія чисто-гражданскія. Полиція открывала заговоры, доказательствъ которыхъ не могли пріискать въ продолженіе двухлѣтняго суда. Въ 1828 году, когда страна была въ совершенномъ спокойствіи, правительство продолжало управлять терроромъ. Послѣднее возстаніе случилось въ Боско. Три брата Капоццоли держались въ горахъ и производили набѣги на страну. Они успѣли привлечь на свою сторону священника прихода Боско, который провозгласилъ въ церкви конституцію. Нѣсколько деревень присоединилось къ возстанію, въ сущности нисколько не опасному. Тѣмъ не менѣе, по прекращеніи волненія, 20 человѣкъ

было казнено, 58 сослано на галеры, имѣнія возставшихъ конфисдованы, Боско срытъ, а на мѣстѣ казни воздвигнута колонна, чтобы увѣковѣчить память о наказаніи и террорѣ.

Въ другихъ итальянскихъ государствахъ, бывшихъ подъ вліяніемъ Австріи, приняты были такія же мѣры противъ всякой революціонной пропаганды. Въ городахъ Ломбардіи и Венеціи, карбонаризмъ былъ уничтоженъ казнями, въ Піэмонтѣ—жестокою реакціей. Впрочемъ въ 1822 г. Карлъ-Феликсъ произвелъ нѣкоторыя реформы, и при выступленіи австрійскихъ войскъ было покойно. Въ Средней Италіи всякое волненіе сдерживалось преслѣдованіями въ Тосканѣ и реакціей во Моденѣ. Въ Моденѣ герцогъ обѣщалъ полную амнистію массонамъ и карбонарамъ, если они объявятъ цѣль своихъ обществъ, имена всѣхъ сообщниковъ и откажутся отъ своего ученія. Доносъ проповѣдывался священниками на каѳедрахъ и на исповѣди. Одни приняли амнистію, другіе отказались отъ нея; одни потеряли честь, другіе свободу; все было раскрыто; это было поголовное предательство.

Такимъ образомъ австрійская система, одобренная Веронскимъ конгрессомъ, въ 1820—1830 годахъ торжествуетъ во всей Италіи. Въ Ломбардіи, Венеціи и Тосканѣ ея дѣйствія менѣе суровы; въ другихъ мѣстахъ они представляютъ безчеловѣчный терроръ, и чѣмъ слабѣе правительство, тѣмъ онъ ужаснѣе. Въ сущности волненія двадцатыхъ годовъ представляютъ волненія военныя, которыя гибнутъ тотчасъ послѣ перехода изъ казармъ на площадь. Среднее сословіе имъ рукоплещетъ, но не принимаетъ никакого участія; народъ болѣе чѣмъ равнодушенъ къ нимъ.

Скажемъ нѣсколько словъ о Папской Области, такъ какъ на этой почвѣ продолжалась итальянская революція. Здѣсь съ 1814 года происходила полнѣйшая контръ-революція. Папа ничего не наслѣдовалъ отъ наполеоновскаго управленія, кромѣ развѣ системы сбора податей, которую онъ производилъ впрочемъ на свой ладъ, т. е. съ потерею 30 процентовъ. Чтобы противиться революціонной партіи, онъ не имѣлъ средствъ австрійскаго абсолютизма; расчитывать на прелатовъ было бы неблагоразумно, возложить надежды на войска, не могущія справиться съ бандитами тоже. Папа обратился къ собственнымъ своимъ средствамъ: вызвалъ ультра-католицизмъ, раздулъ инквизицію и іезуитизмъ, прибѣгъ за помощью къ «теократо-антинаполеоновскому обществу», противопоставилъ карбонаризму санфедизмъ. Санфедисты издавна мечтали о свѣтской власти церкви надъ всею Италіей. Вначалѣ въ ряды этой секты допускались лица высшаго аристократическаго происхожденія: кардиналы, епископы, іезуиты, посланники, инквизиторы. Бывшая въ союзѣ съ

карбонарами во времена Наполеона, послѣ 1815 г. она объявила себя противъ либераловъ, а 1821 открыла доступъ въ ряды свои среднему сословію, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать противъ бонапартистовъ и карбонаровъ. Пій VII могъ умереть съ полнымъ утѣшеніемъ и увѣренностью, что сдѣлалъ все для возбужденія междоусобной войны. Левъ XII (1823 г.) еще далѣе двинулъ реакцію. Въ трибуналы, куріи и школы введенъ латинскій языкъ; вслѣдствіе трогательной заботы о разбойникахъ, имъ дано право убѣжища въ церквахъ; евреи изгнаны; торговля задушена налогами. Легатства волновались; въ Римѣ жизнь первосвященника была въ опасности. Казнь Монтанари, безумныя жестокости въ провинціяхъ и диктатура кардинала Риваролы были мѣрами Льва XII противъ революціи (*). Разумѣется, что такія благоразумныя мѣры не помогли. Само правительство объявило, что Равенна раздирается партіями. Кардиналъ Риварола придумалъ новую мѣру. Онъ осудилъ разомъ всѣхъ карбонаровъ (30 дворянъ, 156 собственниковъ и купцовъ, 2 священника, 74 чиновника, 38 военныхъ, 62 медика, адвоката и проч., 246 работниковъ, всего — 508 человѣкъ). Двое были казнены, нѣсколько сотенъ отправлено на галеры, прочіе отданы подъ строгій надзоръ полиціи. Послѣднихъ, кромѣ другихъ обязательствъ, принудили къ слѣдующему: представлять въ полицію каждый мѣсяцъ свидѣтельства объ исповѣди у назначеннаго каждому священника, причащаться непремѣнно разъ въ годъ послѣ трехдневнаго въ указанномъ мѣстѣ уединенія, подъ опасеніемъ ссылки въ каторгу на три года. Послѣ всѣхъ произведенныхъ казней, Риварола, возвѣститель кроткаго расположенія отеческаго сердца Льва XII, объявилъ амнистію съ такими ограниченіями: прощается всѣмъ карбонарамъ, которые не были замѣчены (т. е. которыхъ не открыли); изъ ихъ числа выключались тѣ, которые были сильно подозрѣваемы, или участвовали въ совершившихся прежде событіяхъ, или были виновниками волненій въ Римѣ и Цезаро, о которыхъ еще

(*) Управленіе Риваролы въ Романьѣ заслуживаетъ нѣсколькихъ словъ. Въ Фаенцѣ карбонары и санфедисты приняли названіе *«собакъ и кошекъ»*, чтобы выразить свою антипатію другъ къ другу. Они дрались на ножахъ по улицамъ. Убійства стали слишкомъ часты. Риварола запретилъ выходить изъ дому безъ зажженнаго фонаря, подъ страхомъ семилѣтняго заключенія на галерахъ. Вѣтеръ, затушившій фонарь, былъ причиною многихъ ссылокъ. Мѣра эта не удалась; тогда геніальный кардиналъ выдумалъ другую штуку. Онъ хотѣлъ соединить обѣ партіи посредствомъ 20 браковъ, для чего предложилъ 20 приданыхъ. Нашлись охотники, и свадьба кошекъ съ собаками была торжественно отпразднована. Но какъ только приданое ушло на оргіи, двадцать новобрачныхъ паръ разошлись послѣ свалки и рукопашнаго боя, а партіи приняли еще болѣе непріязненное другъ къ другу положеніе.

шелъ процессъ. А чтобы возможно было поддерживать порядокъ на будущее время, по порученію его святѣйшества, кардиналъ объявляетъ смерть всѣмъ начальникамъ тайныхъ обществъ и семилѣтнее заключеніе на галерахъ тѣмъ, кто обвиненъ въ скрытіи показаній при допросѣ и т. д. Наконецъ онъ предлагаетъ властямъ быть неумолимыми и даетъ имъ право осуждать по простомъ разсмотрѣніи дѣла инквизиціей. Во имя порядка, по милосердію папы, полиція получила право приговаривать къ смертной казни безъ суда и формальностей. Покушеніе на жизнь кардинала еще болѣе его озлобило. Тиранія его уже не знала предѣловъ. Число арестованныхъ увеличилось до того, что монастыри, дворцы обращены были въ тюрьмы; вѣшали по пяти человѣкъ разомъ. Левъ XII въ молодости былъ охотникъ. Римляне говорили, что насытившись охотою на звѣрей, онъ полюбилъ охоту на людей. Пій VIII былъ еще дальновиднѣе своего предшественника. Онъ началъ изданіемъ тарифа, до такой степени разорительнаго, что кардиналы и епископы отказались привести его въ исполненіе. Онъ уничтожилъ вольности Анконы, но встрѣтилъ такое сопротивленіе, что взялъ назадъ свое приказаніе. 1830 годъ приближался, а между тѣмъ не было предпринято никакихъ мѣръ, чтобы предупредить возстаніе, или чтобы утвердить власть на болѣе прочныхъ началахъ.

Іюльская революція возбудила снова надежды патріотовъ. Принципъ невмѣшательства отдѣлилъ Италію отъ Австріи и оставилъ правительства на ихъ собственныя силы. Въ этотъ разъ движеніе началось въ Средней Италіи. Испуганный герцогъ Моденскій протянулъ руку карбонарамъ и сблизился съ ихъ главою Чиро Менотти. Въ 1831 г. революція вспыхнула въ Болоньѣ и быстро распространилась по Папской Области; возстало болѣе 20 городовъ. Герцогъ Моденскій измѣнилъ, бѣжалъ съ эскадрономъ въ Мантую, захвативъ съ собой въ плѣнъ Чиро Менотти; герцогиня Пармская бѣжала въ Пьяченцу. Ожидали возстанія въ Тосканѣ, Неаполѣ и Піэмонтѣ, но безуспѣшно. Временное болонское правительство сдѣлало весьма важную ошибку, принявъ основаніемъ своей политики принципъ невмѣшательства. Оно поддерживало сношенія съ великимъ герцогомъ Тосканскимъ, отказало въ помощи Моденѣ, атакованной австрійцами, не хотѣло вмѣшаться въ возстаніе Рима, считая это не своимъ дѣломъ; умертвило такимъ образомъ пропаганду, заглушило духъ возставшихъ деревень, не принявъ услугъ поднявшихся крестьянъ, остановило геройскій пылъ молодежи, горѣвшей желаніемъ свободы, обезоружило пришедшаго изъ падшей Модены генерала Цукки, Оно будто бы приняло геройское рѣшеніе не защищаться. Немудрено, что по прибытіи австрійцевъ дѣло возстанія было потеряно

въ битвѣ у Римини, несмотря на энергическую защиту Цукки. Временное правительство сдалось на капитуляцію въ Анконѣ. Капитуляція, какъ должно было предвидѣть, была нарушена, и большая часть возставшихъ брошена была въ венеціанскія тюрьмы.

Григорій XVI только что взошелъ на престолъ, какъ узналъ о возмущеніи Болоньи. Первымъ дѣломъ его было призвать австрійцевъ и возбудить санфедистовъ. Пять великихъ державъ единодушно послали Григорію XVI memorandum съ требованіемъ административныхъ реформъ. Этотъ memorandum не былъ слѣдствіемъ измѣненія принциповъ священнаго союза или Лайбахскаго конгресса, а вызванъ былъ опасеніями за новыя революціи въ Италіи, необходимо возбуждаемыя самымъ характеромъ папскаго правительства. Григорій XVI рѣшился сдѣлать уступки: допустилъ свободное избраніе въ учрежденные муниципальные совѣты, согласился на введеніе новаго кодекса, преобразовалъ трибуналы, администрацію, финансы, допустилъ свѣтскія лица къ занятію высшихъ мѣстъ, — однимъ словомъ, новый папа обѣщалъ своимъ подданнымъ новую эру. По выходѣ австрійскихъ войскъ, онъ формально отрекся отъ уступокъ и обѣщаній. Либералы возстали, санфедисты подняли оружіе противъ нихъ. Кардиналъ Альбани въ главѣ папскаго войска разбилъ ихъ при Сезенѣ. Солдаты раззорили городъ, насиловали женщинъ, разграбили церкви. Въ Форли, не оказавшемъ сопротивленія, повторилось то же. Въ Болоньѣ и Равеннѣ боялись новой рѣзни; потому болонская буржуазія радостно приняла австрійцевъ, которые предупреждали, по крайней мѣрѣ, убійства. Франція заняла Анкону.

Какъ поступало въ этихъ обстоятельствахъ папское правительство? На глазахъ французскаго посланника, генераловъ французскихъ и австрійскихъ, папа, продолжая обѣщать реформы, двигалъ впередъ политику санфедистовъ. Кардиналъ Альбани началъ болонскіе процессы. Евреи должны были заплатить 600,000 фр. за то, что *съ удовольствіемъ глядѣли* на революцію 1831 года. Жители Болоньи и Анконы, просившіе осуществленія данныхъ предъ лицомъ всей Европы обѣщаній, отлучены были отъ церкви. Организованные санфедисты громко объявили свое ученіе. Вотъ что находилось въ формулѣ присяги защитниковъ святаго отца: «клянемся возстановить престолъ и алтарь на костяхъ подлыхъ либераловъ; клянемся ихъ уничтожить безъ всякаго состраданія къ плачу дѣтей, къ слезамъ стариковъ и женщинъ» (*) Неистовства,

(*) Копія приведена у Феррари съ печатнаго текста: Senza avere compassione delle grida de'fanciulli, de'pianti de'vecchi e delle donne.

производимыя этими разбойниками, переходили всякую мѣру; римскій дворъ организировалъ анархію, образовавъ изъ нихъ правильные отряды, назначивъ имъ жалованье и особыя привилегіи.

Когда народъ, выведенный изъ терпѣнія, обращался съ жалобами въ трибуналы, кардиналъ Бернетти отдавалъ приказанія ихъ президентамъ покровительствовать волонтерамъ папской службы, и трибуналы повиновались. Чтобы угодить европейской дипломатіи, учреждены были суды провинціальные, дѣятельность которыхъ тотчасъ была обращена на увеличеніе налоговъ и притѣсненіе общинъ. Государственный долгъ увеличивался съ каждымъ годомъ; личная безопасность зависѣла отъ инквизиціи, епископовъ, полиціи, папскихъ карабинеровъ. Безпорядокъ, неустройство, произволъ господствовали въ обществѣ, какъ и въ судахъ.

Революція въ Романьѣ измѣнила положеніе и другихъ итальянскихъ правительствъ. Во время реставраціи роялистская партія слѣпо подчинялась Австріи. По мѣрѣ того, какъ безпорядки въ Римѣ увеличивали силу Вѣнскаго кабинета, итальянскіе государи сближались съ папскимъ правительствомъ. Правительства покровительствовали ультра-католицизму, чтобы замѣнить іезуитами австрійскіе штыки. А въ случаѣ неудачи все-таки можно было расчитывать на помощь Австріи, слишкомъ заинтересованной въ итальянскихъ дѣлахъ занятіемъ Ломбардіи. Покровительство, оказываемое ультра-католической партіи, принесло свои плоды. Начальникъ туринской полиціи получалъ отъ признательнаго духовенства точные отчеты о состояніи совѣсти во всей странѣ.

Потерявъ всякую надежду на введеніе конституціоннаго порядка, либеральная партія ограничилась похвалами успѣхамъ промышленности, торговли, литературы. Она поощряла науку, показывала симпатію къ ученымъ, самоотверженно приняла на себя заботы во время холеры. Сардинское правительство покровительствовало тусклой, оффиціальной, безвредной литературѣ. Герцогъ Моденскій и король Неаполитанскій приблизили къ себѣ ученыхъ; сама Австрія возобновила миланскій институтъ и основала венеціанскій. Правительства хорошо поняли, что этими скромными нововведеніями можно было держать на уздѣ либерализмъ, который разстрачивалъ свою силу на мелкіе предметы, проповѣдывалъ противъ всякаго возстанія, довольствовался ненавистью къ Австріи и однимъ желаніемъ освобожденія отъ нея. Дворянство и духовенство повременамъ подымали абсолютистскія преслѣдованія, и реформисты, несмотря на свои симпатіи къ абсолютизму національному и просвѣщенному, несмотря на всю умѣренность своихъ желаній, вынуждены были устраивать заговоры. Если ихъ душили въ одномъ мѣстѣ, они по-

являлись съ большею энергіей въ другомъ. Такимъ путемъ былъ обновленъ и преобразованъ карбонаризмъ.

Демократическая партія поднялась съ особенной силой послѣ іюльской революціи. Временное болонское правительство съ трудомъ сдерживало ее. Вся итальянская молодежь громко требовала пропаганды и битвы. Послѣ анконской капитуляціи она бросилась въ тайныя общества. Буанаротти, другъ Бабефа, основалъ въ Тосканѣ общество «*Настоящихъ Итальянцевъ*» (*), которое уже въ 1831 году думало возбудить Флоренцію. Тосканская полиція, увѣдомленная герцогомъ Моденскимъ, произвела аресты. Заговорщики бросили въ Арно нѣсколькихъ сбировъ и дали серенаду заключеннымъ; аресты увеличились и «*Флорентинская Антологія*» была запрещена. Въ 1832 г. Маццини основалъ общество «*Молодой Италіи*». Пропаганда быстро распространилась въ Піэмонтѣ, Генуѣ, Ломбардіи, Неаполѣ. Карлъ Альбертъ останавливаетъ у себя волненіе двѣнадцатью казнями и подавленіемъ савойской экспедиціи (1834). Сыновья Руссароля сдѣлали покушеніе на жизнь короля Неаполитанскаго; Риччи былъ казненъ въ Моденѣ; Австрія послала новыхъ преступниковъ въ Шпильбергъ.

Три года спустя вспыхиваетъ возмущеніе въ Неаполѣ и Калабріи, въ Сициліи подымаются Сиракузы. Волненіе оканчивается разстрѣляніемъ 50 человѣкъ. Къ этимъ центрамъ революція присоединяется Романья, тотчасъ по очищеніи ея отъ французско-австрійскихъ войскъ (1838).

Слабое отдѣльно въ трехъ частяхъ полуострова, возмущеніе могло бы имѣть значеніе, если бы производилось совокупными усиліями. Движеніе началось какъ только узнали, что Франція готовится къ войнѣ съ Англіею (1840). Крайніе и умѣренные либералы соединились. Молодая Италія при помощи комитетовъ въ Мальтѣ и Лондонѣ вела пропаганду успѣшно. 15 іюля 1843 года должно было начаться движеніе, но Калабрія осталась въ бездѣйствіи, и вскорѣ умѣренная партія снова отдѣлилась отъ Молодой Италіи, противъ которой началось сильное гоненіе. Всюду открыты были военно-судныя коммиссіи — въ Неаполѣ, Болоньѣ, Венеціи. Имена братьевъ Бандьера вписаны были въ мартирологъ итальянской свободы (**). Послѣднія попытки патріотовъ добыть внутреннюю свободу и внѣшнюю независимость убѣдили, что необходимо искать помощи внѣ

(*) Italianissimi.

(**) Отецъ ихъ, адмиралъ австрійской службы, выдалъ папскому правительству бѣжавшихъ въ Анкону патріотовъ. Сыновья возстали для снятія пятна съ своей фамиліи и были разстрѣляны въ Неаполѣ.

Италіи, въ дипломатіи европейской, что надобно отстрочить завоеваніе свободы, которое возможно только послѣ пріобрѣтенія политической независимости. Таково было ученіе новой умѣренной партіи, образовавшей *Черную лигу* и *Общество лучей*.

Важнѣйшимъ политическимъ вопросомъ въ Италіи до 1848 г. стоялъ «memorandum», предложенный папѣ Европою, получившей обѣщаніе преобразованій и улучшеній и видѣвшей нарушеніе его. Дѣло Италіи повидимому сосредоточивалось въ Римѣ, требовавшемъ новыхъ болѣе человѣческихъ законовъ.

Между тѣмъ преслѣдованія абсолютистской партіи продолжались; іезуитская цензура сковала мысль и слово, каѳедру и театральную сцену (*).

Мы видѣли, какъ папа Григорій XVI отвѣчалъ на европейскій «memorandum» и нарушилъ свое обѣщаніе. Онъ отнялъ всякую свободу, всякую гарантію личной безопасности, не далъ никакого облегченія и исчерпалъ всѣ ресурсы теократіи.

II. ПОЛИТИЧЕСКІЕ ПИСАТЕЛИ ИТАЛІИ.

Если Австріи съ бо́льшими или меньшими усиліями удалось подчинить своей политикѣ итальянскую землю, то ей положительно неудалось покорить итальянской мысли. Несмотря на двойную цензуру, духовную и свѣтскую, несмотря на всѣ преслѣдованія, опасности, которымъ подвергались писатели, мы видимъ значительный прогрессъ литературы въ промежутокъ времени отъ 1814 до 1848 г.

Уго Фосколо первый почувствовалъ настоящее значеніе паденія Итальянскаго королевства. Политическія воззрѣнія этого писателя болѣе всего выразились въ его поэзіи. Они сильно запечатлѣны древнимъ патріотизмомъ. Еще въ молодости, въ 1795 г., Фосколо долженъ былъ явиться передъ судъ венеціанской инквизиціи: «Умри, сынъ мой, сказала ему мать, гречанка изъ Занта, — но не выдавай именъ твоихъ друзей». Кампоформіосскій миръ рѣшилъ судьбу Фосколо. «По возвращеніи въ Венецію, говоритъ онъ, я видѣлъ, что число французскихъ войскъ все увеличивалось, батареи ихъ перекрещивали всѣ улицы. Отцы семействъ вмѣстѣ съ сыновьями, молча, приходили въ церкви и объявляли, что хотятъ остаться свободными, какъ ихъ предки, 14 столѣтій незнавшіе чужаго владычества, что ихъ насильно

(*) Запрещеніе ложилось даже на оперы: Вильгельмъ Тель, Норму, Весталку. Замѣчательный серьёзный историческій трудъ Амори: «Сицилійская Вечерня» былъ принятъ правительствомъ за зажигательный памфлетъ, и авторъ долженъ былъ бѣжать во Францію.

обращають въ рабство. Напрасныя жалобы! Я тоже поклялся. Съ тѣхъ поръ я не произносилъ ни одной клятвы, которыя такъ легко даются и нарушаются». Съ тѣхъ поръ онъ не измѣнялъ своимъ демократическимъ симпатіямъ. Поэтъ горько оплакиваетъ судьбу Венеціи; но не заблуждается насчетъ положенія всей Италіи. Италія не вооружена, Венеція не защищалась, стало быть заслужила свою участь. Слабую надежду представляла Цизальпинская республика и случайности войны. Фосколо вступилъ въ ряды войска. Задача Италіи была громадна, отчаянна, невозможна. «У насъ есть монахи, пишетъ онъ, но нѣтъ священниковъ, потому что церковь находится въ рабствѣ. У насъ есть дворяне, жизнь которыхъ проходитъ въ чванствѣ и праздности, но нѣтъ патриціевъ, которые умѣли бы управлять и биться за свободу отечества. У насъ есть плебеи, но нѣтъ гражданъ; люди, занимающіеся наукой, но нѣтъ истинной любви къ свободѣ. Превратимъ же монаховъ въ священниковъ, дворянъ въ патриціевъ, плебеевъ въ гражданъ. Довѣримъ управленіе собственникамъ; они будутъ всегда господами земли, потому что нѣтъ народа безъ земли, какъ нѣтъ земли безъ жителей. Но реформы наши должны осуществиться безъ рѣзни, безъ оскверненія святыни, безъ заговоровъ и изгнаній, безъ помощи иностранныхъ легіоновъ, безъ раздѣленія земли, безъ аграрныхъ законовъ, а если всѣ эти средства необходимы, я не возьмусь быть палачемъ моего отечества. Впрочемъ отдѣльной личности спастись легко, хоть бы самоубійствомъ; народы же гибнуть не могутъ. Въ настоящую минуту Италія должна отдохнуть и предоставить Франціи безчестіе чувствовать на себѣ иго пятисотъ тирановъ, вмѣсто одного, послѣ столькихъ жертвъ, принесенныхъ свободѣ».

Фосколо грустно ожидалъ будущаго. На ліонской консультѣ онъ такъ отвѣчалъ на нападенія Бонапарте противъ цизальпинскихъ патріотовъ: «Они не защищались! Да какъ они могли противиться союзникамъ? Ты пришелъ съ законами директоріи, которые губили Францію и отдавали ее въ руки враговъ; ты поручилъ эти законы собранію невѣждъ; предложенные намъ Франціей союзы обращали насъ въ рабовъ, французскіе проконсулы разстраивали наше государство, приказанія и интриги директоріи обезоруживали, чтобы подчинить насъ. Какъ же республика могла бороться?» Впрочемъ, Фосколо не споритъ, что республика обязана Бонапарте и существованіемъ своимъ и законами. Онъ признаетъ его геній и еще тогда называетъ его властелиномъ міра. Онъ напоминаетъ ему, что почетныя названія «непобѣдимаго полководца, философа-законодателя, государя-гражданина» предъ Европою и потомствомъ будутъ ему кровавою обидою, пока республика останется игрушкою въ ру-

кахъ проконсуловъ-воровъ, высокомѣрныхъ гражданъ и слабыхъ магистратовъ. Принужденный признать диктатуру Наполеона, Фосколо хочетъ вѣрить въ возстановленіе Италіи и утѣшаетъ себя въ паденіи свободной Венеціи. Итальянское королевство нашло въ поэтѣ тѣ же неизмѣнныя убѣжденія. Онъ протестовалъ тотчасъ, какъ обозначилась политика перваго консула. «Если мы рабы — говоритъ онъ — то пусть знаютъ, что мы ни слѣпые, ни трусы». Подозрѣваемый со времени процесса Моро, онъ сосланъ былъ въ Венсенъ. Въ Миланѣ онъ подвергся преслѣдованію двора Богарне. Онъ говорилъ рѣзко объ истинномъ значеніи императорской литературы, блестящей и раболѣпной, и когда всѣ писатели приблизились къ престолу, онъ пѣлъ свои «*Похороны*».

Репутація Фосколо росла. Въ 1809 г. онъ занялъ каѳедру въ Павійскомъ университетѣ. Окруженный молодежью Итальянскаго королевства, поэтъ говоритъ ей, что Италія находится подъ игомъ тридцати тирановъ. Онъ объявляетъ, что, несмотря на опасность, которой подвергается, онъ не перестанетъ говорить о своемъ итальянскомъ отечествѣ и направленіи придворной литературы, развращающей народъ, обильной одними громкими фразами и лишенной содержанія, мысли,—орудіи Наполеона, чтобы задушить страну. Черезъ два мѣсяца каѳедра его была закрыта. Фосколо продолжалъ писать въ томъ же духѣ о положеніи Рима, который сравнивалъ съ Венеціей, и поплатился за это изгнаніемъ во Флоренцію. По полученіи извѣстія о лейпцигскомъ пораженіи, онъ присоединяется къ національной арміи и готовится съ миланскими генералами къ возмущенію противъ Богарне. Поэтъ воображалъ, что протягиваетъ руку спартанцамъ, а предъ нимъ были миланскіе либералы, подавшіе въ свою очередь руку дворянству древняго герцогства Миланскаго; оно, разумѣется, было въ рукахъ Австріи, которой и достается вся нить заговора. Фасколо, самъ того не подозрѣвая, былъ однимъ изъ лучшихъ агентовъ союзниковъ. «*Похороны*» его сбылись.

Впрочемъ, поэтъ не долго оставался слѣпымъ. Его не соблазнили оваціи, сдѣланныя ему австрійскимъ правительствомъ. Онъ отказался присягнуть Вѣнѣ и оставилъ Италію. Его упрекали въ непостоянствѣ; — онъ отвѣчалъ, что въ войнахъ съ Бонапарте онъ искалъ случая завоевать независимость Италіи, а австрійское владычество отнимаетъ всякую надежду. Онъ объясняетъ причину своего добровольнаго изгнанія тѣмъ, что поставленный въ необходимость выбора между Мюратомъ, Наполеономъ и австрійцами и сознавая неспособность перваго, недовѣряя второму, и видя невозможность бороться съ Австріей, онъ не могъ добровольно принять

безчестіе и поступить подъ знамена, составляющія стыдъ Италіи. Онъ удалился въ Англію. Оставленный, забытый поэтъ пересталъ даже вѣрить въ могущество слова, за свободу котораго охотно подвергался прежде преслѣдованіямъ. Ни возстаніе Испаніи, ни освобожденіе Греціи, ни революціи Неаполя и Піэмонта не давали ему вѣры въ лучшую будущность его отечества. Италію онъ называлъ «*трупомъ*». Во время возстанія Греціи, англійское министерство съ подозрѣніемъ глядѣло на поэта, друга Каподистріи, а греки обвиняли изгнанника въ равнодушіи. Итальянская императорская пресса клеветала на него, объявляла его на службѣ то Австріи, то Россіи, то Англіи. Изгнанникъ молчалъ, но наконецъ отвѣчалъ (1826 г.) своей «*Апологіей*». Это была агонія поэта. «Вы обвиняете меня — говоритъ онъ — въ неуваженіи къ праху величайшаго человѣка; но когда я видѣлъ какъ онъ продавалъ Венецію и оправдывался тѣмъ, что итальянцы подлые, презрѣнные трусы, онъ былъ правъ, быть можетъ... Съ тѣхъ поръ я уважалъ его дѣйствительно меньше, чѣмъ онъ заслуживаетъ». Фосколо припоминаетъ свою жизнь, борьбу, изгнаніе, опять борьбу, опять изгнаніе, потомъ продолжаетъ, обращаясь къ писателямъ временъ имперіи: «если мнѣ палачъ и отрубитъ голову, то этимъ я обязанъ милосердію или презрѣнію Наполеона; вы же ставили меня постоянно въ необходимость либо покориться, либо отвѣчать вамъ и быть схваченнымъ. Наполеонъ хотѣлъ быть деспотомъ и печати въ Европѣ. Я не требовалъ отъ васъ героизма, довольно бы было, еслибы внутренняя вражда ваша не давала чужеземцамъ средства раздѣлить насъ соперничествомъ, шпіонствомъ и интригами. Бонапарте боялся васъ, онъ уважалъ древнюю славу Италіи, онъ далъ вамъ свободу книгопечатанія, колебался отнять ее, когда уже отнялъ ее въ Парижѣ, а какъ вы этимъ воспользовались? Вы должны были напоминать ему день и ночь, что вы рабы его только на томъ условіи, чтобы онъ исполнилъ обѣщанія, данныя вашему отечеству; а вы ему говорили о Франціи, о Европѣ, о новомъ Кирѣ, о Юпитерѣ, низвергающемъ титановъ, о блестящей звѣздѣ свѣта. Бонапарте далъ намъ военное могущество, и въ своемъ нетерпѣніи вооружить новыя поколѣнія, онъ допустилъ оружіе въ руки нашей молодежи: армія только и ожидала, чтобы кто освободилъ и повелъ ее; молодое поколѣніе слушало васъ съ восторгомъ и удивленіемъ, а вы боялись ее, презирали армію, видѣли въ рядахъ ея однихъ преторіанцевъ, и не умѣли быть полезными ни арміи, ни гражданамъ».

Въ такомъ тонѣ Фосколо развиваетъ свою мысль, изобличаетъ взведенныя на него клеветы, изобличаетъ цѣлыя толпы шпіоновъ, придворныхъ, завистниковъ, составившихъ заговоръ противъ по-

та и неспособныхъ понять его. Обвинявшимъ его въ зависти и честолюбіи онъ отвѣчаетъ: «Завидовалъ! Кому? Я былъ всегда одинъ, — однимъ и останусь. Пока не позабудутъ послѣднихъ двадцатилѣтнихъ волненій въ Италіи, имя мое будетъ всегда одиноко, клятва моя не произнесется другими устами; одна только дорога обозначитъ путь мой: въ словахъ моихъ найдутъ одну только мысль, одну цѣль, одну заботу — объ Италіи». Обвинявшимъ его въ томъ, что онъ не нападаетъ на Австрію, онъ говоритъ: «Къ чему возставать на Австрію? Она застала королевство въ развалинахъ, въ страшныхъ бѣдствіяхъ, въ судорожной надеждѣ и страхѣ, въ раздирающихъ его интригахъ; она нашла духовенство и дворянство, жадныя на мѣста, почести и мщеніе; провинціи въ ихъ древней враждѣ другъ съ другомъ; столицу, которая со временъ Маккіавелли была гнѣздомъ всякой испорченности». Увѣрявшимъ поэта, что всѣ клеветы на него распущены австрійскими агентами, онъ не вѣритъ и припоминаетъ, какъ вели себя изгнанники 1821 года. Наконецъ выражаетъ страстное желаніе оторвать себя отъ Италіи, прервать съ нею всякое сношеніе. «Я рѣшился — говоритъ несчастный поэтъ — не слышать голоса, не видѣть лица ни одного итальянца. Вамъ — клевета и интриги; мнѣ — счастіе не слышать васъ болѣе!» Послѣднее желаніе Фосколо, впадшаго въ крайнюю нищету, было возвратиться умереть въ Занто. «Одинъ Богъ знаетъ, какъ я живу съ января, — писалъ онъ одному родственнику въ 1827 году. — Еслибы я не рѣшился продать лучшія мои книги, то вамъ пришлось бы, когда вы будете ставить мой бюстъ, выбить подъ нимъ надпись, что вашъ знаменитый соотечественникъ умеръ съ голоду». Презрѣніе, высказанное имъ къ Италіи, находящейся подъ игомъ австрійскимъ, онъ показалъ и Греціи, подчиненной Англіи. Ему готовилось быть зрителемъ англійской тираніи и уничиженія, рабства согражданъ своихъ, еслибы смерть не избавила его отъ новыхъ жертвъ и страданій. Онъ умеръ въ Лондонѣ.

Во времена имперіи оппозицію составляли недовольныя должностныя лица, или молодые энтузіасты, подобно Фосколо, поклонники древней свободы. Первые все мѣрили на свою административную мѣрку, вторые смотрѣли на политику съ поэтической стороны, и проповѣдывая революцію, сами не знали, чего хотѣли. Подъ австрійскимъ владычествомъ сцена перемѣнилась. Отъ администраціи требуютъ содержанія, отъ поэтовъ правды. Либералы и бонапартисты соединяются въ одну группу. Миланъ становится центромъ политической и литературной дѣятельности. Конфалоньери, Пеллико, Романьози, Разори, Висконти, Пеккіо участвуютъ съ 1818 года въ «Conciliatore». Австрія силилась поддержать во что бы то ни

стало statu quo; оппозиція видѣла спасеніе въ одной революціи. Сначала дѣятельность журнала ограничивалась литературными вопросами и возстала противъ того направленія, которое обличалъ Фосколо,—противъ литературы безъ содержанія, безъ мысли, довольствующейся одною фразою. Теорія Шлегеля убила классицизмъ; Камоенсъ, Шекспиръ, Байронъ, Шиллеръ, Гёте убили древніе авторитеты. Вскорѣ горизонтъ «Conciliatore» расширился. Литературные вопросы привели къ практическимъ, а потомъ и къ политическимъ. Вѣрный своему названію, журналъ примирилъ всѣ партіи. Въ одинъ прекрасный день дѣло протеста было такъ выдвинуто впередъ, что поставлены были для сравненія съ одной стороны революція, съ другой священный союзъ. Разумѣется, это былъ послѣдній день журнала. Редакторы его бросились въ карбонаризмъ и въ два года разсѣялись по всей Европѣ, отъ Лондона до Шпильберга. Пеккіо бѣжалъ въ Лондонъ; Висконти обратился къ романтизму и потерялъ весь талантъ свой; Конфалоньери 15 лѣтъ высидѣлъ въ Шпильбергѣ за любовь къ родинѣ и къ свободѣ; такой же участи подвергся Борсьери и Сильвіо Пеллико, редакторъ журнала. Пеллико, ученикъ Джіойя, другъ Фосколо, разумѣется, не предвидѣлъ тогда ни судьбы своей, ни своего обращенія. Выхваченный неожиданно на 10 лѣтъ изъ жизни, онъ покорился необходимости и принялъ религію своихъ мучителей: книга его «Мое заключеніе» содержитъ страшный эпизодъ изъ трагедіи несчастнаго Сильвіо,—преслѣдуемую невинность, какъ ее понимаетъ христіанское ученіе. Нѣсколько палачей, нѣмыя лица, товарищи несчастія, тишина тюрьмы, и независимо отъ всего этого, невидимый императоръ, единственный актеръ драмы, еще выше его Богъ и никакой надежды на землѣ: вотъ содержаніе поэмы.

Къ этому отдѣлу политическихъ писателей, вызванныхъ миланскимъ журналомъ, должно отнести Пепе, Санта-Розу и Коллетту. Генералъ Пепе въ 1799 г. былъ республиканецъ, солдатъ во времена Мюрата, въ 1814 г. конституціонный заговорщикъ, въ 1818 году получилъ приказаніе успокоить отъ бандитовъ Калабрію. Здѣсь онъ устроилъ національную гвардію изъ 10 тысячъ преданныхъ ему карбонаровъ. Это было начало революціи 1820 года. Волненіе вспыхнувшее въ Неаполѣ и избрало Пепе своимъ предводителемъ. Скоро дворъ былъ у ногъ карбонара. Генералъ постоянно предлагалъ вопросъ, какія причины погубили неаполитанскую революцію? Но отвѣтъ легокъ: причина ихъ лежитъ въ безсиліи карбонаризма надъ массами. Дѣйствительно, заговоры, тайныя общества никогда не приносили плодовъ, не производили прочной реформы въ обществѣ и всегда были болѣе или менѣе неудачны. Что же удивительнаго, если

овладѣвшій управленіемъ карбонаризмъ, не имѣя корней въ народѣ, не могъ долго сопротивляться соединеннымъ силамъ королевской власти и австрійской жандармеріи.

Санта-Роза считаетъ піэмонтскую революцію отмѣненною. Для успѣха необходимо было согласіе двухъ этихъ движеній — его не было. Принцъ Кариньянскій, главный рычагъ, повернулъ въ другую сторону и все рушилось. Нѣсколько иное воззрѣніе представляетъ *Коллетта* (*). По его мнѣнію, вся революція 1820 года есть рядъ постоянныхъ ошибокъ. Вспыхиваетъ она безъ причины, уступаетъ безъ сопротивленія. Тайныя общества, по его мнѣнію, не могутъ освободить отечество изъ рабства. Врагъ Фердинанда, онъ раскрываетъ тайны его правленія на судъ современниковъ. Никогда болѣе мрачныхъ картинъ не рисовалъ историкъ: онъ не забываетъ ничего, не опускаетъ никакой подробности.

Если вѣрить историку *Боттѣ*, свобода искони принадлежитъ Италіи, ее можно видѣть въ республикахъ Генуэзской и Венеціанской. Республиканская Франція произвела только смѣшеніе воззрѣній и вѣрованій. Чтобы вѣрнѣе раздѣлаться съ ней, Ботта возвращается къ прекраснымъ старымъ временамъ и отвергаетъ все, что не вытекло изъ самостоятельнаго источника народной жизни. Онъ начинаетъ съ 1789 года, слѣдитъ за ходомъ реформъ того времени и съ энтузіазмомъ говоритъ о нихъ. Вдругъ вспыхиваетъ революція. Историкъ приходитъ въ негодованіе, забываетъ реформы и свободу и ратуетъ только въ пользу независимости политической. Каждое движеніе французской арміи—преступленіе, каждое преобразованіе—оскорбленіе. Онъ оставляетъ свой либерализмъ, проникается любовью къ падшимъ престоламъ и аристократіи, защищаетъ дѣло Фердинанда IV, Пія VI, Карла Эммануила; объявляетъ вредными для Италіи французскіе законы и проч., пристращается къ Туринскому двору, потому что онъ одинъ противился нѣкоторое время нашествію. Историкъ не хочетъ видѣть ошибокъ его, отказа отъ союза съ Наполеономъ, предлагавшаго ему Генуя, Миланъ, ставившаго его въ главѣ движенія противъ Австріи, естественнаго врага Италіи. Ботта остается вѣрнымъ Піэмонту, высказываетъ похвалы ретроградному министерству, уважаетъ *добрую союзницу* — Австрію, радуется народному движенію, положившему конецъ Итальянскому королевству.

Оппозиція противъ реставраціи отличалась болѣе серьзёнымъ, болѣе положительнымъ содержаніемъ. Мацципи первый проложилъ новую дорогу, подъ вліяніемъ іюльскихъ дней. Еще въ

(*) Storia del regno di Napoli. Paris. 1829. Colletta.

молодыхъ годахъ онъ основалъ въ родномъ своемъ городѣ, Генуѣ (1828 году) журналъ «Indicatore genovese,» который черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ запрещенъ. Въ слѣдующемъ году Маццини дѣлаетъ новую попытку и издаетъ «Indicatore Livornese». Журналъ постигаетъ таже участь, несмотря на то, что оба говорятъ только о литературныхъ предметахъ. Въ эпоху іюльской революціи Маццини арестованъ съ нѣсколькими генуэзскими либералами и посаженъ въ крѣпость Савону. Отецъ его явился къ генуэзскому губернатору спросить его о причинахъ такой мѣры. «Сынъ вашъ, отвѣчали ему, погруженный въ размышленіе, прогуливается въ уединеніи по полямъ и предмѣстьямъ. Какія мысли могутъ занимать такого молодаго человѣка?» Черезъ пять мѣсяцевъ онъ былъ выпущенъ по разсмотрѣніи дѣла. Маццини оставилъ Сардинію и отправился въ Марсель. Итальянская революція задушена была въ третій разъ; преслѣдованія были ужасны. Онъ воспользовался всеобщимъ негодованіемъ и число эмигрантовъ все увеличивалось. Они группировались вокругъ Маццини, который основалъ и общество, и журналъ «Giovane Italia» (Молодая Италія). Страстный, воодушевленный вѣрою мучениковъ за свободу, онъ смѣло затронулъ всѣ вопросы. Бороться съ французской политикой враждебной демократіи, продолжать дѣло людей 93 года, соединиться съ молодою Франціей, Германіей, разорвать всѣ связи съ аристократіей, королевскою властью, папою, со всѣмъ прошедшимъ — такова была программа, начерченная въ первомъ нумерѣ журнала. Когда Франція отказывалась отъ войны, молодой революціонеръ желалъ, чтобы Италія освободилась своими собственными средствами, Italia farà da se. Маццини спрашиваетъ, почему не удалось освобожденіе Италіи? «Не отъ трусости итальянцевъ; народы не бываютъ трусами. Когда народъ, незнающій единства, испорченный постояннымъ рабствомъ, окруженный шпіонами, сдерживаемый иностранными штыками, раздираемый вѣковыми ненавистями, связанный господами, предательскимъ духовенствомъ, безъ воспитанія, безъ свободы слова, безъ оружія находитъ средство возстать три раза въ продолженіе десяти лѣтъ; когда внутренніе враги уступаютъ безъ сопротивленія, безъ выстрѣла волѣ народа; когда не раздается ни одного голоса въ защиту тираніи; когда въ десять дней надъ двадцатью городами развѣвается народное знамя; когда свободные люди съ полнымъ довѣріемъ созываютъ депутатовъ, чтобы опредѣлить необходимыя реформы; когда ни несчастіе, ни казни, ни переполненныя тюрьмы, ни пушки направленныя въ народъ не могутъ задушить движеніе,—пожалѣйте о такомъ народѣ, но не клевещите на него!» Причина неудачи, по мнѣнію предводителя Молодой Ита-

ліи, заключалась въ неспособности начальниковъ, въ недостаткѣ самопожертвованія. Поставленный въ необходимость обвинить народъ или отдѣльныя лица, Маццини не задумывается обвинить послѣднихъ. Это для него неопровержимая истина, которую онъ громко защищаетъ.

Противъ Маццини говорили: итальянцы единодушно требуютъ независимости. Зачѣмъ же вы раздѣляете ихъ крайними ученіями демократіи? «Сила заключается, отвѣчалъ заговорщикъ:—въ принципѣ демократіи, которая одна только можетъ поднять массы, соединить ихъ. Революція 1831 г. не удалась потому, что она была конституціонная». Сисмонди тоже пытался охладить пылъ предводителя Молодой Италіи. «Итальянцы, писалъ онъ, могутъ получить свободу тремя различными путями: мирными преобразованіями, народнымъ возстаніемъ и европейской войной. Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ, что вы предпочитаете: монархію или республику, единое управленіе или федерацію? Какъ вы устроите избрапія, какъ привлечете сельское населеніе? Кому поручите бѣдные классы? бѣдные люди не будутъ имѣть силы защищать ихъ, а богатые всегда готовы обмануть». Письмо Сисмонди, несмотря на дружескія отношенія между имъ и Маццини, не имѣло вліянія. Заговорщикъ не понималъ экономиста; по его мнѣнію возстаніе и демократія должны разрѣшить всѣ вопросы, побѣдить провинціализмъ, аристократію, арміи, привести Италію къ единству и независимости. Итальянская революція или будетъ неудачна, или вооруженная выйдетъ изъ среды народа, чтобы послѣ пятисотъ-лѣтняго рабства образовать единую республику.

Журналъ Молодой Италіи имѣлъ огромное значеніе. Онъ раскрывалъ такія тайны, отъ которыхъ невольно краснѣли итальянскія правительства (*). Нечего и говорить, въ какое негодованіе приводилъ ихъ каждый нумеръ журнала. Журналъ былъ запрещенъ. Имѣть его — значило совершить преступленіе, за которое наказывали трехгодичными работами на галерахъ. Контрабандисты отказывались доставлять его. Заговорщики ловко устроили сообщеніе съ Марселью, и несмотря на всѣ гоненія, журналъ читался всѣми: его подбрасывали въ магазины, театры, площади, мѣста гуляній. Карлъ Альбертъ первый принялъ мѣры противъ пропаганды, когда замѣтилъ, что она коснулась его арміи. Въ Генуѣ пушки направлены были на городъ, произведены казни въ Генуѣ, Шамбери, Алессандріи; 60 заговорщиковъ брошено въ тюрьмы, много отправлено

(*) Реакція употребляла напримѣръ такія мѣры: либераловъ заключала въ сумасшедшій домъ; за мнѣнія сына заключала въ тюрьму отца; преслѣдовала женъ за дѣла ихъ мужей и проч.

Австріей въ Шпильбергъ, цѣлыя толпы эмигрантовъ оставили Италію. Маццини не уступалъ. Эмиграція требовала мщенія и онъ рѣшился испробовать счастія въ савойской экспедиціи, въ которой сдѣлалъ тѣже ошибки, въ которыхъ упрекалъ своихъ предшественниковъ. Онъ обращался къ народу, а дѣло свое основалъ на тайныхъ обществахъ; не довѣрялъ начальникамъ, а самъ избралъ польскаго генерала Романно главою движенія; по мнѣнію его, революція должна была опираться на массы, на всю страну, а онъ началъ дѣло въ Женевѣ, горстью людей. Удивительно ли, что усилія двухлѣтней пропаганды разлетѣлись въ одинъ день?

Послѣ этого событія, Маццини восемь лѣтъ не принималъ никакого участія въ политическихъ дѣлахъ. Изгнанный изъ Италіи, Франціи, Швейцаріи, онъ удалился въ Лондонъ. Въ 1842 г. онъ учредилъ школу для ремесленниковъ и обратился снова къ Молодой Италіи во вновь основанномъ журналѣ «Apostolato popolare». Этимъ открывается новая эпоха пропаганды. Всюду основываются школы для воспитанія рабочаго сословія. Въ новомъ журналѣ мы встрѣчаемъ тѣ же убѣжденія, ту же преданность дѣлу, хотя меньшую увѣренность въ успѣхъ его. Предводитель Молодой Италіи борется съ своимъ собственнымъ отчаяніемъ. Онъ идетъ уже не на бой, а на страданіе, «Прошло восемь годовъ, пишетъ онъ,—долгихъ, мрачныхъ, ужасныхъ. Я видѣлъ настоящее поколѣніе, воспитанное въ гордости и рабствѣ, одряхлѣвшее въ праздности, развращенное раболѣпіемъ и ничтожными эгоистическими разсчетами, противъ которыхъ нѣкогда само боролось на словахъ. Я видѣлъ, людей поклявшихся на освобожденіе Италіи и впавшихъ въ бездѣйствіе, потому что послѣ двухлѣтнихъ неудачныхъ попытокъ имъ не удалось создать народа. Я видѣлъ горячихъ, умныхъ молодыхъ людей, произносившихъ почти съ презрѣніемъ надъ прахомъ отцевъ своихъ: *мы лучше сдѣлаемъ*... и отступавшихъ съ трепетомъ предъ кровью первыхъ мучениковъ, уступавшихъ врагу поле битвы. Они имѣли слабое желаніе, слабую надежду; они не имѣли вѣры. Я видѣлъ, какъ холодный, мертвый скептицизмъ скрывался подъ видомъ философіи, какъ ваши владыки унижали васъ страхомъ и прощеніемъ, которое вы радостно принимали, а нѣкоторые доходили до подлаго заискиванія. Я видѣлъ еще больше.... но молчу отъ стыда предъ иностранцами. Я писалъ, прибавляетъ онъ, потому что вѣрилъ, и продолжаю писать, потому что готовъ отдать жизнь за свои вѣрованія».

Вообще республиканскія теоріи 1830 года перестали быть опасными. Всѣ убѣдились, что массы не увлекутся однимъ словомъ «республика,» когда за нимъ видна война, и налогъ для веденія ея. Яви-

лось много дезертировъ изъ республиканскаго лагеря. Одни бросились въ конституціонныя пренія, другіе въ соціализмъ.

Маццини не соціалистъ, не коммунистъ, не конституціонистъ,—онъ оставался тѣмъ же республиканцемъ, какимъ былъ, и не отступалъ отъ программы Giovane Italia; онъ только замѣчалъ, что надобно перевоспитать итальянскій народъ, чтобы сдѣлать его свободнымъ; что надобно требовать отъ начальниковъ самопожертвованія до мученичества; что необходимо отложить борьбу. Вотъ истинныя причины его грусти, его усилій дать нравственное воспитаніе народу и его упрековъ итальянскимъ писателямъ, которыхъ онъ называетъ прозаиками, стихотворцами, учеными педантами, но не гражданами. «Въ тотъ день, когда отнимали у васъ свободу, обращается онъ къ литераторамъ:—вамъ должно было вести борьбу словомъ, заговорами, бузумными и безполезными тамъ, гдѣ открыты законные пути прогрессу, но необходимыми тамъ, гдѣ всѣ пути закрыты, а вы дрожали отъ страха при одномъ словѣ заговоръ. Хоть бы вы протестовали молчаніемъ, чтобы не уродовать, не осквернять истинны». Въ тоже самое время Маццини силится удержать безразсудныя попытки молодыхъ революціонеровъ, отказываетъ въ помощи Лондонскаго Комитета братьямъ Бандіера, защищаетъ Молодую Италію, обвиненную за участіе въ романьольскомъ возмущеніи.

Ни одинъ итальянскій заговорщикъ не пользовался такой силой и значеніемъ, какъ Маццини. Всякій, кто приближался къ нему, невольно былъ подчиненъ его силой; никто не оставлялъ его, не испытавъ на себѣ его вліянія. Онъ борется уже 29 лѣтъ, и эти 29 лѣтъ были для него продолжительнымъ мученичествомъ. Въ Піэмонтѣ равно боялись его нападеній и молчанія. Послѣдніе нумера Молодой Италіи онъ писалъ, переходя изъ дома въ домъ, скрываясь отъ французской полиціи. Въ Лондонѣ онъ былъ преслѣдуемъ клеветами и интригами. Англійское министерство распечатывало его письма, чтобы выдавать его планы и друзей австро-итальянской полиціи. Не было въ Италіи человѣка, репутацію котораго очернили бы болѣе.

Графъ *Бальбо* въ формѣ еще болѣе безотрадной представилъ желанія и надежды итальянскихъ реформистовъ. Онъ не вѣритъ, чтобы можно было дѣлать революціи безъ позволенія дипломатовъ и безъ хорошо устроенной арміи. Онъ казнитъ всѣ мечты патріотовъ: находитъ преступнымъ желать федераціи, видитъ мечту въ надеждѣ на единство Италіи, отвергаетъ возможность соединенія ея государей на завоеваніе у Австріи независимости. Папскую власть онъ признаетъ и теперь самою національною, самою славною *для* Италіи, единственно возможною *для* ея обновленія. Онъ отвергаетъ возмущеніе народное; возстаніе 25 милліоновъ людей онъ называетъ нелѣпостью.

Въ европейской войнѣ онъ не видитъ для Италіи возможности завоевать независимость: по его мнѣнію, миръ упроченъ навсегда. Единственное спасеніе онъ видитъ въ войнѣ противъ невѣрныхъ. Въ тотъ день, когда распадется Турецкая имперія и Австрія завладѣетъ ея частью, въ тотъ день Италія пріобрѣтетъ свободу, съ позволенія дипломатовъ. Что касается до устройства полуострова, то Бальбо Ломбардію отдаетъ Піэмонту и расширяетъ границы Модены и Пармы. Ломбардцевъ и венеціанъ онъ уговариваетъ вѣрно служить подъ австрійскими знаменами и помогать завоеванію Турціи. Сардинскій писатель строго запрещаетъ требовать у государей конституціоннаго правленія, потому что этимъ можно только раздражить ихъ и замедлить завоеваніе Турціи, по совершеніи котораго государи сами свободно сдѣлаютъ нужныя преобразованія. Онъ во всемъ противнаго убѣжденія съ Маццини. Генуэзскій революціонеръ все приноситъ въ жертву свободѣ, піэмонтскій графъ — независимости; одинъ мечтаетъ о войнѣ и возстаніи, другой проповѣдуетъ миръ и повиновеніе; патріотизмъ одного разрушаетъ правительства, другаго упрочиваетъ statu quo. Увлеченный консервативными инстинктами, Бальбо видитъ конецъ всѣхъ волненій въ первенствѣ папской власти.

Изъ нашего историческаго очерка, ясно видно, насколько виновна Австрія во всѣхъ ужасахъ реакціи, когда ея политическія внушенія доводились до такой крайности, что она вынуждена была принимать роль посредницы, заступницы народа отъ поддерживаемыхъ ею правительствъ. Бальбо находитъ, что папская партія—самая благоразумная, дальновидная, самая національная партія, и въ защиту своего мнѣнія приводитъ историческія доказательства изъ средневѣковыхъ республикъ и значенія папской власти того времени. Онъ не обращаетъ вниманія на стремленія XIX вѣка, онъ забываетъ, что Италія имѣетъ дѣло не съ Григоріемъ VII, а съ Григоріемъ XVI. Вотъ «надежды Италіи», по мнѣнію піэмонтскаго графа!

Затѣмъ остается нѣсколько писателей, принадлежащихъ къ ультра-іезуитской партіи или ультра-французской, какъ аббатъ Джіоберти, проникнутыхъ вдобавокъ санфедистскими воззрѣніями

Незадолго до революціи 1848 г. явилось два писателя, пользующихся огромнымъ значеніемъ въ Италіи—это Тосканскій Анонимъ и Николини. Произведенія перваго особенно замѣчательны ироніей, близкой къ отчаянію, но въ сущности запечатлѣны теплыми надеждами, симпатическимъ юморомъ въ остроумной формѣ. Стихотворенія его въ рукописи обошли всю Италію (*). Въ своемъ

(*) Poesie italiane da una stampa a penna senza licenza de superiori..

«Toast de Girella» онъ представляетъ, какъ поступаютъ люди, чтобы устроить судьбу свою: служатъ престолу и народу, восхваляютъ войну и миръ, Людовика XVI и знамя свободы, Питта и Робеспьера, Наполеона и Пія VI, Мюрата и Фра-Діаволо. Поэтъ восклицаетъ: «да здравствуютъ скоморохи и арлекины, гвельфы и гибелины, маска и личина, возвысившіеся и падшіе!» Анонимъ прекрасно отвѣчаетъ на выраженіе Ламартина, что «Италія — страна мертвыхъ»; въ отвѣтѣ его легче уже уловить ту горячую любовь къ отечеству, которая такъ ловко замаскирована въ «Тостѣ». Николини произвелъ сильное впечатлѣніе своей трагедіей, которая, неизвѣстно какимъ путемъ, прошла чрезъ двойную цензуру (*). Въ событіе XI вѣка, въ лица Арнольда, Адріана IV, Фридриха Барбаросы, онъ вложилъ идеи XIX вѣка, австрійское иго, санфедистовъ, карбонаровъ, транстеверинцевъ. Кардиналы и папы остаются тѣми же; романское возмущеніе, нѣмецкая армія не измѣнились; среднее сословіе приносится въ жертву, какъ во времена знаменитаго брешіанскаго монаха, представляющаго французскую революцію. Всѣ надѣются на союзъ ломбардскихъ городовъ, чтобы отмстить Барбаросѣ: эта надежда была и теперь. Римляне XI вѣка не хотятъ другаго царя, кромѣ Бога; карбонары XIX вѣка ожидаютъ тоже царства Христова. Вѣрованія автора обозначаются ясно; они составляютъ все ту же дилемму новѣйшей итальянской жизни: нѣмцы или республика.

П. [illegible]

(*) Arnoldo da Brescia, tragedia di G. B. Nicolini. 1843.

ВИЛЛЬЯМЪ РАТКЛИФФЪ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ БАЛЛАДА

ГЕНРИХА ГЕЙНЕ.

Переводъ А. Плещеева.

(Посвящ. Николаю Гавриловичу Чернышевскому.)

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Гейне, какъ драматическій писатель у насъ почти неизвѣстенъ. Публика знаетъ только, изъ нѣкоторыхъ журнальныхъ статей, объ этомъ геніяльномъ поэтѣ, что произведенія его въ драматическомъ родѣ слабы и не заслуживаютъ вниманія. Мы не станемъ оспоривать этого мнѣнія; позволимъ себѣ только замѣтить, что гораздо худшія драмы и трагедіи посредственныхъ нѣмецкихъ, французскихъ и итальянскихъ писателей находили у насъ еще не такъ давно переводчиковъ и хвалителей. Вилльямъ Ратклиффъ, предлагаемый нынѣ публикѣ,—единственная трагедія помѣщенная авторомъ въ собраніи его стихотвореній, и мы считаемъ нелишнимъ выписать изъ предисловія Гейне то мѣсто, которое къ ней относится.

«Этой трагедіи или драматической балладѣ я по справедливости долженъ отвести мѣсто въ собраніи моихъ стихотвореній, потому что она принадлежитъ къ числу значительныхъ документовъ, поясняющихъ процессъ моей авторской жизни. Ею резюмируется мой *бурно-стремительный* періодъ *(Sturm- und Drang-Periode)*, дающій о себѣ весьма неполныя и темныя свѣдѣнія, въ «юныхъ страданіяхъ» книги пѣсенъ. Моло-

дой авторъ, лепечущій тамъ, тяжелымъ, неповоротливымъ языкомъ одни мечтательные звуки природы, — здѣсь, въ Ратклиффѣ говоритъ уже твердо и смѣло, и не скрываясь высказываетъ свое послѣднее слово. Это слово сдѣлалось впослѣдствіи лозунгомъ, отъ котораго прояснялись унылыя черты бѣдняка и вытягивались жирныя физіономіи сыновъ счастья. У очага почтеннаго Тома уже слышится запахъ этого великаго вопроса — о супѣ, за который принялись теперь столько плохихъ поваровъ, и который со дня на день все больше и больше перекипаетъ. Счастливецъ поэтъ! Онъ видитъ дубовые лѣса, таящіеся въ жолудѣ, бесѣдуетъ съ поколѣніями еще не родившимися. Они шепчутъ ему свои тайны; а онъ разсказываетъ ихъ потомъ на народной площади. Но голосъ его заглушенъ нуждами дня. Немногіе его слушаютъ; никто не понимаетъ его. Ф. Шлегель назвалъ историка пророкомъ прошедшаго; еще съ большей справедливостью можно кажется назвать поэта — историкомъ будущаго.

Я писалъ Ратклиффа въ Берлинѣ, подъ липами, въ послѣдніе три дня января 1821 г., когда отъ солнца, освѣщавшаго покрытыя снѣгомъ крыши домовъ и грустно обнаженныя вѣтви деревьевъ, — разливалась уже въ воздухѣ отрадная теплота. Я писалъ его прямо набѣло, безъ брульона; и надъ головой моей въ это время какъ будто летала и шумѣла крыльями какая-то большая птица.... Когда я разсказывалъ объ этомъ друзьямъ моимъ, юнымъ берлинскимъ поэтамъ, они какъ-то странно переглянулись между собою и единогласно стали увѣрять меня, что съ ними, — во время писанья стиховъ, — никогда не случалось ничего подобнаго....»

Парижъ, 24 ноября 1851.

(*Neue Gedichte*. Гамбургъ 1857. Гофманъ и Кампе. Изданіе 5-е.)

А. Плещеевъ.

ВИЛЛЬЯМЪ РАТКЛИФФЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Макъ-Грегоръ, шотландскій лордъ.
Марія, дочь его.
Маргарета, ея кормилица.
Графъ Дугласъ, женихъ Маріи.
Вилльямъ Ратклиффъ.
Леслей, его пріятель.
Томъ, трактирщикъ.
Вилли, маленькій сынъ его.
Робинъ.
Дикъ.
Билль.
Джопъ.
Тэдди.
} Мошенники и разбойники.
Слуги, гости на свадьбѣ, разбойники.

Дѣйствіе въ сѣверной Шотландіи, въ новѣйшее время.

(Комната въ замкѣ Макъ-Грегора. Маргарета сидитъ неподвижно въ углу, поджавши ноги. Макъ Грегоръ. Марія. Дугласъ.

МАКЪ-ГРЕГОРЪ (соединяя руки Маріи и Дугласа).

Вотъ наконецъ супругами вы стали!
Какъ руки вы на вѣкъ соединили, —
Пусть и сердца союзомъ неразрывнымъ
На радость и печаль соединятся. —
Любви и церкви таинства связали

Обоихъ васъ. Да будетъ же надъ вами
Двойное ихъ благословенье, дѣти!
Теперь еще — отцовское примите.
(благословляетъ ихъ).

ДУГЛАСЪ.

Я съ гордостью отцомъ васъ называю!

М. ГРЕГОРЪ.

Я — сыномъ съ бо̀льшей гордостью тебя.
(обнимаетъ его).

МАРГАРЕТА (поетъ разбитымъ и дикимъ голосомъ).

Зачѣмъ твой мечъ въ крови, Эдвардъ?
Эдвардъ!

ДУГЛАСЪ (испуганный).

О, Боже мой.... Откуда эти звуки?
Уже ль, милордъ, нѣмая пѣть пустилась?

М. ГРЕГОРЪ (съ принужденной усмѣшкой).

Не бойся! это Маргарета. Къ за́мку —
Принадлежитъ она. Давнымъ давно,
Безумная недугомъ одержима.
Столбнякъ у ней; и цѣлыми часами
Лежитъ она въ углу, съ недвижнымъ взоромъ.
Но будто ста̀туя, владѣющая словомъ,
Вдругъ старую порой затянетъ пѣсню.

ДУГЛАСЪ.

Зачѣмъ держать страшилище такое?

М. ГРЕГОРЪ (на ухо Дугласу).

Она все слышитъ.... тише! Я бъ охотно
Ее прогналъ давно.... но не могу....

МАРІЯ (прерывая его).

Не трогайте бѣдняжку Маргарету.
Ты разсказалъ бы лучше мнѣ, Дугласъ,
О Лондонѣ; что новаго тамъ слышно?
Мы ничего въ Шотландіи не знаемъ.

ДУГЛАСЪ.

Попрежнему — ѣзда, охота, скачки;
Днемъ спятъ; ночь превращаютъ въ день.
Все пикники, да рауты, да балы.
Манятъ толпу блестящіе театры.

Есть опера, гдѣ звонкую монету
На трели звонкія мѣняютъ меломаны,
Гдѣ имъ ревутъ — God save the king, въ придачу.
Политикой лишь бредятъ патріоты;
Клянутся страшно; дѣлаютъ подписки,
Зѣваютъ всѣ и бьются объ закладъ,
Да пьянствуютъ за Англію родную!
Все также ростбифъ, пуддингъ поглощаютъ.
И льется портеръ пѣнистый повсюду.
Толпятся также уличные воры;
Мошенники васъ вѣжливостью мучатъ,
И мучитъ нищій миною плаксивой.
Но болѣе всего измучитъ платье:
Въ обтяжку фракъ, высокій жосткій галстухъ,
И выше башни вавилонской шляпа.

М. ГРЕГОРЪ.

О! какъ я радъ, что пледъ ношу и шапку.
Ты поступилъ прекрасно, что дурацкій
Костюмъ ихъ промѣнялъ на нашъ. Дугласу, —
И внѣшностью шотландцемъ должно быть.

МАРІЯ (Дугласу).

Жду отъ тебя разсказа о поѣздкѣ.

ДУГЛАСЪ.

Я до границъ Шотландіи въ каретѣ
Доѣхалъ; но ѣздою слишкомъ тихой
Скучая, въ Ольдъ-Гедбургѣ лошадь взялъ.
И — шпоры давъ животному — помчался.
Меня жь любви пришпоривали грезы!
Я о тебѣ мечталъ, моя Марія....
И съ быстротой стрѣлы мой конь ретивый,
Несъ сѣдока, горами, лѣсомъ, полемъ....
Но плохо мнѣ пришлось подъ Инвернесомъ:
Въ лѣсу «пифъ! пафъ!» внезапно раздается....
И свистомъ пуль я пробужденъ отъ грезъ!
Тамъ на меня три молодца напали;
Я всячески отъ нихъ оборонялся;
Но уступить бы долженъ былъ навѣрно —
Когда бъ.... О, Боже.... Что съ тобой, Марія!
Блѣднѣешь ты.... шатаешься....

МАРГАРЕТА.

О горе!
Бѣла, какъ снѣгъ и холодна, какъ мраморъ —
Ты куколка, прекрасная моя!

(Полу-поетъ, полу-говоритъ, гладя Марію по головѣ.)

Открой, моя куколка, глазки!
Зачѣмъ ты, какъ мраморъ, блѣдна?
Я розовымъ блескомъ осыплю
Тебя послѣ долгаго сна!

М. ГРЕГОРЪ.

Молчи, безумная! Нелѣпой этой пѣснью
Ты мозгъ ея разстроиваешь больше!

МАРГАРЕТА (грозя ему пальцемъ).

Что? Что? Ругаться! Прежде вымой руки, —
Не то какъ разъ ты запятнаешь кровью
Нарядъ вѣнчальный куколки моей!
Прочь отойди, послушайся совѣта.

МАКЪ ГРЕГОРЪ (несмѣло).

Безумная старуха эта — бредитъ.

МАРГАРЕТА (поетъ).

Открой, моя куколка, глазки!
Зачѣмъ ты, какъ ледъ, холодна....

МАРІЯ (очнувшись, жмется къ Маргаретѣ).

Ну, разскажи теперь, что было дальше?

ДУГЛАСЪ.

Мнѣ жаль, что началъ я; но продолжаю.
На выручку ко мнѣ явился всадникъ.
И съ тылу на разбойниковъ ударилъ.
Я съ силами тогда собрался тоже.
И мы вдвоемъ прогнали негодяевъ.
Благодарить его я за спасенье
Хотѣлъ; — но крикнувъ: мнѣ теперь не время!
Прочь ускакалъ мой храбрый избавитель.

МАРІЯ (улыбаясь).

Какъ рада я! Мнѣ сдѣлалось такъ страшно!
Теперь прошло....

(Маргаретѣ).

Ты въ залъ меня проводишь?
Тамъ собрались давно мои подруги.

МАРГАРЕТА (боязливо, М. Грегору).
А ты не злись.... Я не всегда безумна....

М. ГРЕГОРЪ.
Иди, иди. Мы слѣдуемъ за вами.

М. ГРЕГОРЪ И ДУГЛАСЪ.

ДУГЛАСЪ.
Я признаюсь, не думалъ, чтобъ Марія
Такъ впечатлительна была. Блѣднѣетъ,
Дрожитъ она при каждомъ легкомъ шумѣ.

М. ГРЕГОРЪ.
Я отъ тебя таить не стану дольше,
Что̀ нынче такъ встревожило Марію.
Прости, что не открылъ я прежде тайны.
Ты пылокъ, храбръ, и, можетъ быть, навстрѣчу
Опасности, которую я скрылъ,
Пошелъ бы самъ съ отвагой безразсудной
И наказать бы захотѣлъ злодѣя,
Смутившаго спокойствіе Маріи.

ДУГЛАСЪ.
Но кто жь ее тревожить смѣлъ, скажите?

М. ГРЕГОРЪ.
Я разсказать готовъ печальный случай;
Но выслушай разсказъ мой хладнокровно.
Шесть лѣтъ тому, заѣхалъ въ замокъ къ намъ
Вилльямъ Ратклиффъ, студентъ изъ Эдинбурга.
Съ его отцемъ я былъ знакомъ когда-то,
И хорошо.... да! хорошо знакомъ!
Эдвардъ Ратклиффъ — отца Вилльяма звали.
Радушно сынъ былъ принятъ мной, и въ замкѣ
Имѣлъ пріютъ и пищу двѣ недѣли.
Вотъ увидалъ Марію онъ. Но слишкомъ
Ужь долго ей глядѣлъ онъ видно въ очи;
И началъ вдругъ томиться, млѣть и таять,
Пока ему Марія не сказала, —
Безъ дальнихъ фразъ — что онъ наскучилъ ей.
Тогда, съ своей отвергнутой любовью,
Онъ за̀мокъ нашъ немедленно оставилъ.

А дочь моя была, спустя два года,
Помолвлена съ Филипомъ Макдональдомъ,
Внушившимъ ей къ себѣ расположенье.
Насталъ и часъ, когда въ одеждѣ брачной
Предъ алтаремъ невѣста молодая
Предстала; но — увы!... безъ жениха!
Онъ скрылся вдругъ; напрасно мы искали
Его въ саду, и на дворѣ, и въ замкѣ.
Близь лѣса, гдѣ огромный черный камень, —
Лишь трупъ нашли Филипа Макдональда.

ДУГЛАСЪ.

И кто же былъ виновникъ злодѣянья?

М. ГРЕГОРЪ.

Убійцу мы открыть старались долго;
Но не было намъ въ поискахъ удачи.
Какъ наконецъ является Марія
И говоритъ, что ей злодѣй извѣстенъ.
Въ ту ночь — когда свершилось преступленье,
Вилльямъ Ратклиффъ, проникнувъ къ ней въ покои,
Смѣясь, поднесъ рукой окровавленной
Ей жениха убитаго кольцо!

ДУГЛАСЪ.

Какой позоръ! На что же вы рѣшились?

М. ГРЕГОРЪ.

Сперва велѣлъ я тѣло Макдональда
Предать землѣ, въ его фамильномъ склепѣ, —
И крестъ воздвигъ на мѣстѣ, гдѣ свершилось
Убійство жениха моей Маріи.
Ратклиффа я потомъ искалъ, но тщетно.
Онъ въ Лондонѣ, какъ слышно, очутился;
Гдѣ, прокутивъ свое наслѣдство, началъ
Игрою жить. И даже говорили,
Что съ разными бродягами связался.
Еще прошли два года, и забыли,
Какъ водится, убійцу и убійство.
Разъ лордъ Дунканъ ко мнѣ пріѣхалъ въ замокъ,
И дочери моей просить сталъ руку.
Я былъ не прочь — и убѣдилъ Марію

Не отвергать, изъ прихоти, союза
Съ потомкомъ нашихъ древнихъ королей.
Но горе намъ! Предъ алтаремъ невѣста
Опять одна поникла съ тайнымъ страхомъ;
И мертвъ лежалъ Дунканъ при черномъ камнѣ.

ДУГЛАСЪ.

О страхъ!

М. ГРЕГОРЪ.

Коней.... коней! кричалъ я слугамъ.
И снова мы на поиски пустились.
Въ поляхъ, въ кустахъ, въ лѣсу, въ ущельяхъ дикихъ,
Три долгихъ дня мы рыскали напрасно,
И все слѣда убійцы не открыли.
Но что же? Въ ночь втораго злодѣянья —
Виллььямъ Ратклиффъ пробрался вновь къ Маріи
И возвратилъ ей, съ вѣжливымъ поклономъ, —
Глумясь, — кольцо убитаго Дункана.

ДУГЛАСЪ.

Однако жь смѣлъ! Ну, попадись мнѣ въ руки!

М. ГРЕГОРЪ.

Я поручусь, что это онъ готовилъ
Тебѣ въ лѣсу, подъ Инвернесомъ, гибель.
Но странно мнѣ, — ужели не видали
Его нигдѣ разсыльные изъ замка?
Да, графъ Дугласъ, — теперь я принялъ мѣры,
Чтобъ не пришлось и ваше имя также
Мнѣ на крестѣ, у камня написать.

(уходитъ).

ДУГЛАСЪ (одинъ).

Скрыть отъ меня онъ счелъ благоразумнѣй
До свадьбы все! О, старая лисица!
Но я помѣряться желалъ бы съ негодяемъ,
Что мучитъ такъ Марію местью черной.
Онъ у меня кольца не сыметъ съ пальца, —
Гдѣ палецъ мой, тамъ и рука! Марію
Я не люблю; да не любимъ и ею;
Вступили въ бракъ мы оба по разсудку.

Но все жь мнѣ милъ ребенокъ этотъ кроткій,
И путь его отъ терній я очищу....

ЛЕСЛЕЙ (закутанный въ плащъ, озирается по-сторонамъ, и подходитъ къ Дугласу).

Не вы ли графъ Дугласъ?

ДУГЛАСЪ.

Да, я. Что нужно?

ЛЕСЛЕЙ (подаетъ ему записку.)

Записочка красивенькая къ графу....

ДУГЛАСЪ (прочтя записку.)

Да.... да.... Скажи, что я сейчасъ же буду....
У лѣса — тамъ, гдѣ Черный Камень.... Знаю!

(уходятъ.)

(Таверна.—Въ глубинѣ лежатъ спящіе люди.—На стѣнѣ образъ.—Стѣнные часы стучатъ. — Сумерки). Ратклиффъ сидитъ, задумавшись, въ углу комнаты; въ другомъ углу Томъ, хозяинъ таверны, держитъ между колѣнями своего маленькаго сына Вилли.

ТОМЪ (тихо).

Что жь, — «Отче Нашъ» ты знаешь?

ВИЛЛИ (громко и смѣясь).

Безъ запинки!

ТОМЪ.

Тссъ! Ты у меня людей разбудишь — тише!

ВИЛЛИ.

Читать?

ТОМЪ.

Читай, да не спѣши; а съ толкомъ....

ВИЛЛИ.

(Быстро говоритъ молитву; но на послѣднихъ словахъ останавливается).

ТОМЪ.

Вотъ и запнулся. Ну, скажи сначала.

(Вилли все смотритъ на Ратклиффа, и говоритъ нетвердо, безъ увѣренности. Послѣ словъ: «долги наша», опять заикается.)

ТОМЪ.

Ну, плохо! Не введи во искушеніе....

ВИЛЬЯМЪ (плача).

Папаша, я ей-Богу зналъ отлично;
Да этотъ, вонъ..., глядитъ сюда такъ страшно.

ТОМЪ.

Нѣтъ! нынче ты, братъ, рыбы не получишь.
А если самъ изъ ящика утащишь....

РАТКЛИФФЪ.

Да отпусти ты бѣднаго ребенка!
Я самъ не могъ запомнить этихъ словъ
Всю жизнь.... *(съ болѣзненной скорбью).*
И не введи во искушенье!

ТОМЪ.

Я не хочу, чтобъ сдѣлался мой Вилли
Такимъ, какъ вы.... иль какъ вонъ эти люди
(Указываетъ на спящихъ.)

(*Къ Вилли*) Теперь ступай — и можешь спать ложиться.

(Вилли уходитъ со слезами, бормоча: не введи насъ во искушеніе.)

ПРЕЖНІЕ, КРОМѢ ВИЛЛИ.

РАТКЛИФФЪ.

Что̀ этимъ ты хотѣлъ сказать, дружище!

ТОМЪ.

Что долженъ быть онъ честный христіанинъ —
Не висѣльникъ, какъ я, — его отецъ.

РАТКЛИФФЪ (смѣясь.)

Ты не совсѣмъ еще такой, покамѣстъ.

ТОМЪ.

Да, — я теперь животное ручное:
Держу трактиръ, торгую скромно пивомъ.
И потому лишь, что мой домикъ спрятанъ
Въ лѣсной глуши, къ себѣ я принимаю
Такихъ большихъ господъ, какъ ваша милость, —
Что̀ утромъ спятъ, а по ночамъ гуляютъ,
И соблюдать инкогнито привыкли.
Здѣсь у меня дневной пріютъ находятъ,
А не ночной; а тоже было время....
(Дѣлаетъ движеніе пальцами.)

Не хуже, чѣмъ иной лунатикъ
Я лазилъ по чужимъ домамъ и по карманамъ....
Но все же же я не походилъ на этихъ....
(Показываетъ на спящихъ.)

Вотъ, напримѣръ, башка! Взгляните: геній!
У этого врожденное стремленье
Къ чужимъ платкамъ. Небось, какъ воронъ стянетъ.
Ишь пальцами какъ шевелитъ проворно.
Чай и во снѣ-то крадетъ.... Улыбнулся!...
Или теперь — хоть этотъ долговязый!
Вѣдь былъ портнымъ, и лоскутки сначала
Потаскивалъ; а тамъ дошелъ до платья.
Ему удрать пришлось отъ петли какъ-то:
Съ тѣхъ поръ въ ногахъ онъ чувствуетъ дрожанье;
Вонъ какъ дрыгнулъ!... Я головой ручаюсь,
Что лѣстница мошеннику приснилась....
А вотъ Робинъ — храпитъ себѣ спокойно, —
Хоть на душѣ убійствъ десятокъ вѣрный....
Будь онъ, какъ мы, католикъ, — отпущенье
Ему бы дать могли еще, пожалуй;
А то вѣдь еретикъ.... И послѣ петли —
Горѣть въ огнѣ неугасимомъ долженъ.

РАТКЛИФФЪ.

Не бойся; онъ въ аду горѣть не станетъ.
Небесный судъ — не то, что судъ британскій.
Робинъ вѣдь *мужъ;* а мужа зло беретъ
При видѣ этихъ дюжинныхъ душонокъ,
Чья жизнь—развратъ, обжорство, пресыщенье; —
Счастливцевъ, въ шелкъ и бархатъ разодѣтыхъ,
Которые купаются въ шампанскомъ,
И въ золотыхъ каретахъ развалившись,
Надменный взоръ на бѣдняка бросаютъ,
Бредущаго съ поникшей головою
Закладывать послѣднюю рубашку!

(Съ горькимъ смѣхомъ.)

О, сытые! какъ вы благоразумны!
Вы обнесли себя стѣной закона
Отъ натиска голодныхъ бѣдняковъ,
Смущавшихъ вашъ покой докучнымъ крикомъ;
И горе тѣмъ, кто стѣну перелѣзетъ!
Готово все: судья, палачъ и петля....
Да вотъ бѣда! Есть удальцы, которыхъ
Вамъ застращать всѣмъ этимъ не дается!

ТОМЪ.

И самъ я былъ всегда того же мнѣнья....
И на два лишь враждующихъ народа
Весь міръ дѣлилъ: на сытыхъ и голодныхъ.
И такъ какъ я принадлежалъ къ послѣднимъ,
То съ первыми былъ долженъ часто драться.
Но увидавъ, что бой не равенъ,
Сталъ пятиться назадъ я помаленьку.
Теперь усталъ скитаться безъ пріюта
И прятаться отъ солнца! Надоѣло
Мнѣ приходить отъ висѣлицы въ трепетъ,
Да помышлять о ссылкѣ ежечасно.
Иль ждать, что вотъ въ рабочій домъ засадятъ....
Собачья жизнь, — сказать по правдѣ нужно!
Въ поляхъ, въ лѣсу, тебя какъ звѣря травятъ,
И сыщикомъ кусточекъ каждый смотритъ.
Сидишь ли въ домѣ гдѣ, — и тамъ невольно
Весь задрожишь, какъ только дверью скрыпнутъ....

ЛЕСЛЕЙ (вбѣгаетъ, Ратклиффъ бросается къ нему навстрѣчу).

ЛЕСЛЕЙ.

Идетъ, сейчасъ идетъ.

РАТКЛИФФЪ.

Вотъ это дѣло!

ТОМЪ (боязливо).

Кто тамъ идетъ? Я сталъ пугливъ ужасно....

ЛЕСЛЕЙ.

Не бойся, другъ, и насъ оставь покамѣстъ.

ТОМЪ (съ лукавымъ видомъ).

А! знать вамъ есть теперь — чѣмъ подѣлиться....

(Уходитъ).

ПРЕЖНІЕ, кромѣ ТОМА.

РАТКЛИФФЪ.

Я самъ пойду къ нему навстрѣчу.

ЛЕСЛЕЙ.

Полно!

Пускай сперва стемнѣетъ. Макъ-Грегора
Разсыльные какъ разъ тебя накроютъ.

Твое лицо, повѣрь, описано отлично, —
Его теперь ребенокъ каждый знаетъ.
Но разскажи — къ чему ведетъ все это?
Тебѣ грозитъ опасность непрестанно,
А толку нѣтъ. Вернемся лучше въ Лондонъ;
Спокойнѣй тамъ. Ты избѣгать бы долженъ
Проклятыхъ мѣстъ, гдѣ всякому извѣстно,
Что ты пришибъ двухъ лордовъ благородныхъ.

РАТКЛИФФЪ.

Я не пришибъ! А въ честномъ поединкѣ
Графъ Макдональдъ и лордъ Дунканъ погибли.
И такъ же я съ Дугласомъ буду драться.

ЛЕСЛЕЙ (дѣлая жестъ бандита).

Не легче ли на способъ итальянскій?...
Но ненавидишь ты за что Дугласа?
Гдѣ на одной вы встрѣтились дорогѣ?

РАТКЛИФФЪ.

Я не встрѣчалъ его нигдѣ, ни разу;
Онъ ничего не сдѣлалъ мнѣ, и злобы
Я никакой къ Дугласу не питаю.

ЛЕСЛЕЙ.

А потушить въ немъ хочешь жизни пламень!
Въ своемъ ли ты умѣ, и я здоровъ ли,
Что помогать взялся проказамъ глупымъ?

РАТКЛИФФЪ.

О, еслибъ ты понять могъ эти вещи!...
Не выдержалъ бы черепъ твой несчастный!
Хотя бъ онъ былъ величиною съ куполъ, —
Какъ скорлупа яичная бы треснулъ,
И въ трещинѣ безумье засквозило бъ...

ЛЕСЛЕЙ (иронически, хватая себя за голову).

Какъ страшно мнѣ! Ужь лучше замолчи!

РАТКЛИФФЪ.

Не думай, чтобъ я былъ чудакъ, мечтатель,
И чтобъ за мной, какъ псы борзые, всюду
Гнались моей фантазіи созданья.
Я не поэтъ чахоточный, съ луною
И звѣздами бесѣдовать привыкшій, —

Что, соловья услышавъ въ отдаленьи,
И корчится и млѣетъ отъ восторга!..
Что лѣстницу себѣ изъ вздоховъ строитъ,
Изъ рифмъ плохихъ плететъ себѣ веревку,
И на столбѣ своей же славы виснетъ.

ЛЕСЛЕЙ.

Я показалъ бы это подъ присягой.

РАТКЛИФФЪ.

Но долженъ я сознаться, — мной владѣютъ
(Ты, можетъ быть, найдешь смѣшнымъ все это)
Ужасныя, таинственныя силы.
Онѣ мои желанья направляютъ,
Руководятъ поступками моими....
Власть этихъ силъ—знакома съ дѣтства мнѣ!
Еще дитей, одинъ играя, часто
Я замѣчалъ двухъ призраковъ туманныхъ.
Они, стремясь обняться, тщетно руки
Издалека другъ къ другу простирали....
И страстнаго исполнены томленья
Такъ горестно взирали другъ на друга!
Какъ ни были ихъ образы воздушны
Но гордыя черты мужчины ясно
Я различалъ въ одномъ. А ликъ другаго
Былъ— женскій ликъ, и кроткій и прекрасный.
Потомъ они мнѣ оба снились часто, —
И разглядѣлъ я ихъ еще подробнѣй.
Печально мнѣ смотрѣлъ въ лицо мущина,
А женщина — такъ ласково, съ любовью!
Однако жь, въ высшей школѣ, въ Эдинбургѣ,
Мнѣ стали рѣже призраки являться,
И посреди студентскаго разгула,
Я позабылъ воздушныя видѣнья;
Какъ случай вдругъ,—въ каникулы, — однажды
Привелъ меня въ помѣстье Макъ-Грегора.
Тамъ встрѣтилъ я Марію.... И какъ будто
Мнѣ молнія прожгла внезапно сердце!
Узналъ черты я женщины воздушной, —
Тѣ кроткія и нѣжныя черты,
Что мнѣ во снѣ такъ часто улыбались!

Лишь не было лицо Маріи блѣдно,
Лишь не былъ взоръ Маріи неподвиженъ.
Въ очахъ — огонь, румянецъ на ланитахъ, —
Казалось мнѣ, любви всѣ чары небо
Излило на прелестный этотъ образъ!
Меня любви томленье охватило,
И руки я простеръ обнять Марію....

(Молчаніе).

Но тутъ себя я въ зеркалѣ увидѣлъ: —
Я былъ одинъ изъ призраковъ туманныхъ,
Объятія къ другому простиравшій!
То сонъ ли былъ? Игра ль воображенья?
Марія мнѣ глядѣла тихо въ очи,—
Глядѣла такъ довѣрчиво и нѣжно....
Казалось, взоръ сливается со взоромъ,
Душа съ душой.... О, милосердый Боже!
И въ этотъ мигъ—внезапно предо мною
Смыслъ бытія таинственный раскрылся!
Все стало мнѣ понятно.... Звѣздъ мерцанье,
И пѣнье птицъ, и разговоръ цвѣтка,
И шумъ ручья, и вѣтерка дыханье—
И тайная души моей тоска!
Какъ дѣти, мы играли и шалили,
Мы прятались, какъ дѣти, другъ отъ дружки.
И локоны, цвѣты и поцалуи
Дарила мнѣ она; а я, бывало,
На поцалуй—двумя ей отвѣчаю!
И вотъ упавъ къ ея ногамъ, однажды,
Я вымолвилъ: любимъ ли я, Марія?

(Задумывается).

ЛЕСЛЕЙ (смѣясь).

Ну, признаюсь, хотѣлъ бы я увидѣть,
Какъ грозный взглядъ твой — въ нѣжный превратился,
Какъ кулаки ты складывалъ смиренно,
Какъ голосъ твой,—что на большой дорогѣ
Наводитъ страхъ и трепетъ на богатыхъ, —
У женскихъ ногъ звучалъ мольбою кроткой!...

РАТКЛИФФЪ (съ бѣшенствомъ).

Змѣя! Свой взоръ застѣнчивый, стыдливый,
Она въ меня вперила — съ отвращеньемъ;

Потомъ, присѣвъ, надменно «нѣтъ» сказала....
И это: «нѣтъ» — въ ушахъ моихъ досель
Еще звучитъ, какъ злобный, адскій хохотъ!

ЛЕСЛЕЙ.

Вотъ какова! Да это просто — низко...

РАТКЛИФФЪ.

Уѣхалъ я изъ замка Макъ-Грегора,
И въ Лондонѣ, въ столичной, шумной жизни
Я заглушить пытался сердца муки.
Родителей лишившись очень рано,
Я надъ собой былъ полнымъ господиномъ.
Но удалась моя попытка плохо...
Не залилъ я тоски своей шампанскимъ:
Она росла отъ каждаго стакана, —
И ни одна брюнетка, ни блондинка,
Не прогнала ее веселымъ смѣхомъ...
Я не нашелъ покоя и за банкомъ:
Маріи взоръ — былъ на суннѣ зеленомъ;
Ея рука углы мнѣ загибала;
Въ чертахъ какой нибудь червонной дамы
Ея черты небесныя я видѣлъ!
Да, то она, — не картъ бездушный образъ!
Она! — Ея я чувствую дыханье! —
Она! она!... киваетъ мнѣ.... Ва-банкъ!
И денегъ нѣтъ! — Одна любовь осталась!

ЛЕСЛЕЙ.

Тогда коня ты вывелъ изъ конюшни,
И на него по рыцарски вскочивши, —
Какъ предки, жизнь вести сталъ боевую...
Теперь любовь твоя прошла, конечно.
И точно, другъ: не трудно протрезвиться,
Когда скакать приходится такъ часто,
Подъ шумъ дождя и вѣтра, ночью темной,
Или смотрѣть, какъ съ висѣлицъ ногами
Тебя друзья привѣтствуютъ, качаясь.

РАТКЛИФФЪ.

Ошибся ты! Въ огонь я подлилъ масла,
И вспыхнула къ Маріи страсть сильнѣе...
Мнѣ въ Лондонѣ несносно становилось.

Опять въ Шотландію манила,
Влекла меня, невѣдомая сила.
Спокойнѣй сплю я здѣсь — вблизи Маріи,
Вольнѣй дышу.... Здѣсь какъ-то сердцу легче...
Послушай, — я тебѣ открою тайну:
Я поклялся святыми небесами,
Я поклялся всей мрачной силой ада,
Что отъ руки моей погибнетъ каждый,
Марію кто назвать женой захочетъ.
Мнѣ подсказалъ ту клятву голосъ тайный,
Въ груди моей живущій. Повинуюсь
Я слѣпо тѣмъ могучимъ, темнымъ силамъ,
Что руку мнѣ направили такъ вѣрно,
Когда убилъ я жениховъ Маріи!

ЛЕСЛЕЙ.

Теперь тебя я понялъ; но признаться,
Я все таки тебя не одобряю...

РАТКЛИФФЪ.

А развѣ я — могу себя одобрить?
Нѣтъ! это—все тотъ голосъ, что гнѣздится
Вотъ здѣсь... въ груди.... Онъ управляетъ мною!
Да признаки туманные, которыхъ
Еще во снѣ я вижу.... (*испуганный*) О, мой Боже!
Тамъ.... тамъ.... смотри! Воздушныя видѣнья....

(Темнѣетъ. Два туманныхъ призрака проходятъ по сценѣ и исчезаютъ. Испуганные крикомъ Ратклиффа люди, лежащіе въ глубинѣ сцены, вскакиваютъ, восклицая: «что тамъ такое.... что случилось?»)

ЛЕСЛЕЙ.

Да что за чортъ! Я ничего не вижу....

МНОГІЕ.

Чтò видитъ онъ? Должно быть полицейскихъ....

ЛЕСЛЕЙ.

О нѣтъ! Совсѣмъ противное — духовъ!

(Всѣ смѣются).

РОБИНЪ.

Ахъ, Господи! И днемъ-то нѣтъ покоя!

РАТКЛИФФЪ.

Темнѣетъ. Я пойду.

ЛЕСЛЕЙ.

И я съ тобою.

РАТКЛИФФЪ.

Нѣтъ, нѣтъ; зачѣмъ....

ЛЕСЛЕЙ.

Боюсь, при черномъ камнѣ,
На караулъ наткнешься ты, пожалуй.

РАТКЛИФФЪ.

Не бойся, страхъ весь караулъ разгонитъ.
Не весело тамъ ночью оставаться!

ЛЕСЛЕЙ.

Эй, господа, — прощайте!

РАТКЛИФФЪ.

Доброй ночи!
(уходятъ).

ВСѢ.

Храни васъ Богъ!

ПРЕЖНІЕ, КРОМѢ РАТКЛИФФА И ЛЕСЛЕЯ.

РОБИНЪ.

Онъ пьянъ иль сумасшедшій....

ДИКЪ.

Онъ былъ всегда такимъ. Его я знаю.
Встрѣчались мы съ нимъ въ Лондонскихъ тавернахъ.
Бывало тамъ, курчавой головою
Поникнувъ, онъ въ углу сидитъ весь вечеръ,—
И, тихъ и нѣмъ, глядитъ себѣ на свѣчку.
Но иногда случалось, что садился
Онъ и межь насъ, веселый и довольный....
И хохоталъ, шутилъ.... но слишкомъ рѣзокъ
Былъ этотъ смѣхъ, и шутки какъ-то дики....
И вдругъ потомъ, среди веселой рѣчи,
Его уста безумно искривлялись,
И вылеталъ изъ груди стонъ ужасный....
«Эй, Джонъ, — коня!» кричалъ онъ въ изступленьи;
И ускакавъ, не прежде возвращался
Какъ черезъ два, три мѣсяца.... Я слышалъ,
Что день и ночь въ Шотландію онъ мчался.

РОБИНЪ.

Нѣтъ, — боленъ онъ....

ДИКЪ.

А мнѣ-то что? Прощайте!

(уходитъ).

БИМСЪ.

Темно.... Теперь пора и на работу....

(Молится передъ образомъ).

Благослови! и отврати опасность!

РОБИНЪ (Сжимая кулакъ).

Вотъ мой патронъ! Въ опасности защитникъ!

(Уходятъ).

(Двое воровъ остаются спящими. Трактирщикъ Томъ входитъ и вытаскиваетъ у него изъ кармана деньги).

ТОМЪ.

Они меня къ суду тащить не смѣютъ!

ДЖОНЪ и ТЭДДИ (просыпаются).

ДЖОНЪ (зѣвая).

Сонъ — выдумка, ей-Богу, дорогая!

ТЭДДИ (зѣвая).

Пойдемъ-ка ѣсть.

ДЖОНЪ.

Чтò новенькаго слышно?

ТЭДДИ.

Я думаю, повѣшенъ нынче Риффель.

ДЖОНЪ.

Вотъ петля — будетъ выдумка похуже....

(Уходятъ).

(Пустынное мѣсто у Чернаго Камня.—Ночь.—Влѣво—груды скалъ причудливыхъ формъ и древесные пни. Вправо—памятникъ, въ видѣ креста.—Видны два туманныхъ призрака, простирающихъ другъ къ другу руки и потомъ изчезающихъ. Входитъ Ратклиффъ.)

РАТКЛИФФЪ.

У! свистъ какой! Знать, всѣ свои кларнеты
И флейты адъ распорядился выслать!
А мѣсяцъ въ пледъ закутался широкій,
И черезчуръ ужь что-то скупо свѣтитъ!
Пускай себѣ! Закутайся хоть вовсе....
Какъ ни темно, — не нуженъ снѣжной глыбѣ
Фонарь: она и безъ него катится.
Къ магниту путь само найдетъ желѣзо.

Найдетъ и мечъ испытанный Ратклиффа—
Дугласа грудь!
Придетъ ли только графчикъ?
Боязнь схватить простуду, насморкъ, кашель,
Его какъ разъ, пожалуй, остановитъ.
Онъ, можетъ быть, ужь думаетъ: «не лучше ль
Мнѣ отложить до слѣдующей ночи?»
Нѣтъ! Въ эту ночь я съ нимъ покончить долженъ,
И если онъ не явится, я въ замокъ
Проникну самъ, во что бы то ни стало....
Мнѣ отопретъ всѣ двери этотъ ключъ.
(Ударяетъ по мечу).
А вы, друзья, мнѣ будете защитой!
(Указываетъ на пистолеты и потомъ, вынувъ одинъ изъ нихъ, говоритъ).
О, вѣрный другъ!.... Какъ онъ глядитъ почтенно!
Ко рту его прижалъ бы я охотно
Свои уста. Прижалъ бы крѣпко, крѣпко....
И поцалуй нашъ огненный мгновенно
Души больной страданья исцѣлилъ бы,
И такъ легко мнѣ стало-бъ, такъ спокойно!
(Въ раздумьи).
А въ этотъ мигъ, быть можетъ, точно такъ же
Прильнулъ Дугласъ къ устамъ Маріи крѣпко!
Вотъ, вотъ она — причина, почему
Я умереть теперь еще не долженъ!
Не то бы мнѣ, съ безсильной злобой тѣни,
Пришлось взирать, вставая изъ могилы,
Какъ чистую, прекрасную Марію,
Ласкаетъ тварь, съ собачьей, гнусной мордой....
Когда бъ я былъ на небѣ — и оттуда
Увидѣть могъ покой Дугласа брачный,
Какимъ бы я проклятьемъ разразился....
Но если въ адъ отправиться я долженъ,
Такъ я хочу—не грѣшникомъ смиреннымъ,
А чортомъ быть, и чортомъ настоящимъ!

РАТКЛИФФЪ. — ДУГЛАСЪ.

РАТКЛИФФЪ.

Мнѣ кажется, послышались шаги.
(Кричитъ).
Кто тамъ идетъ! откликнись!

ДУГЛАСЪ.

Этотъ голосъ
Какъ будто мнѣ знакомъ.... Да! точно, слышалъ
Его въ лѣсу, подъ Инвернесомъ я.

(Подходитъ ближе къ Ратклиффу).

Такъ, — это мой спаситель.... Благодарность
Мою теперь вы примете, надѣюсь.. .

РАТКЛИФФЪ.

Не при себѣ ли вамъ ее оставить?
Поступокъ мой не такъ великодушенъ.
Я видѣлъ, что на васъ напали трое, —
Такъ и помогъ. Но увѣряю васъ,
Что если бъ вы съ однимъ имѣли дѣло,
Я мимо бы проѣхалъ потихоньку.

ДУГЛАСЪ.

Не будьте такъ суровы, и позвольте
Мнѣ другомъ васъ своимъ считать отнынѣ.

РАТКЛИФФЪ.

Ну, хорошо! такъ докажите жь дружбу,
Исполнивъ то, о чемъ просить я стану.

ДУГЛАСЪ.

Я вашъ вполнѣ. Располагайте мною.

РАТКЛИФФЪ.

Мой милый другъ! Уйдите прочь отсюда!
Вотъ, если бы вы были графъ Дугласъ....

ДУГЛАСЪ (удивленный).

Клянусь вамъ, я такъ точно называюсь.

РАТКЛИФФЪ.

Какъ, вы? Ужель?... Такъ нашей юной дружбѣ
Сказать «прости» должны мы къ сожалѣнью!
Да, графъ! Вильямъ Ратклиффъ стоитъ предъ вами.

ДУГЛАСЪ.

Тотъ, кѣмъ Дункаиъ и Макдональдъ убиты?

РАТКЛИФФЪ.

Онъ самъ! И чтобъ трилиственникъ дополнить, —
Васъ пригласить осмѣлился я нынче....

ДУГЛАСЪ (нападая на него).

Со мною ты не справишься такъ скоро.

(дерутся).

РАТКЛИФФЪ (смѣясь).

Что дѣлать, графъ! Дерусь я — какъ умѣю.

ДУГЛАСЪ.

Не смѣйся такъ свирѣпо, нечестивый!

РАТКЛИФФЪ.

Не я смѣюсь.... То призраки смѣются,
Что тамъ вдали...,

ДУГЛАСЪ.

Какъ ты себѣ ни смѣйся —
Мнѣ Макдональдъ съ Дунканомъ помогаютъ.

РАТКЛИФФЪ.

Чортъ побери! Дунканъ, мертвецъ проклятый,
Вмѣшался въ бой, и кварты отбиваетъ.

ДУГЛАСЪ.

Что! промахъ далъ....

РАТКЛИФФЪ.

Измѣна и проклятье!
И Макдональдъ туда же! Это значитъ,
Что трое васъ на одного напали!

(Отступаетъ назадъ и падаетъ у подножія памятника).

О, смерть! Ратклиффъ лежитъ, во прахъ поверженъ!
Рази! Рази! Я твой заклятый врагъ!

ДУГЛАСЪ (холодно).

Дугласа мечъ тобой теперь испытанъ.
Сперва я былъ тебѣ обязанъ жизнью, —
Теперь ты мнѣ. Мы, кажется, сквитались.
Надѣюсь, ты узналъ меня.... Быть можетъ,
Такой урокъ исправитъ злое сердце.

(Уходитъ).

(Ратклиффъ лежитъ безъ движенія, у подножія памятника. Вѣтеръ завываетъ сильнѣе. Призраки снова появляются и исчезаютъ. Ратклиффъ тихо приподымается и глядитъ вокругъ).

То вѣтеръ былъ? Иль голосъ человѣка?
Еще звучатъ безумныя слова!...
Не спалъ ли я? Но гдѣ жь я очутился?
Какой-то крестъ...., и что на немъ за надпись....

(Читаетъ: «На этомъ мѣстѣ убиты проклятою Богомъ рукой графъ Душкапъ и лордъ Макдональдъ).

Нѣтъ, я не спалъ! У камня роковаго
Я побѣжденъ, осмѣянъ, уничтоженъ.
И вѣтеръ злой мнѣ внятно свищетъ въ уши:
«Вотъ онъ, тотъ мужъ — съ гигантской силой духа,
«Что презиралъ британскіе законы,
«И сильныхъ власть, и надо всѣмъ ругался!
«Лишь помѣшать не можетъ онъ Дугласу
«Разсказывать, съ усмѣшкой, нынче ночью,
«Прижавъ его возлюбленную къ сердцу, —
«Какъ этотъ червь ничтожнѣйшій, Ратклиффъ,
«Лежалъ въ пыли, и корчился, и ползалъ;
«И какъ, боясь сапогъ себѣ запачкать,
«Не придавилъ его Дугласъ ногою!

(Съ яростью).

Уймите вы свой адскій хохотъ — вѣдьмы!
И пальцемъ мнѣ такъ злобно не грозите.
Я придавлю вамъ головы скалами;
Шотландскій лѣсъ съ корнями вырву я
И спины вамъ горбатыя нагрѣю!...
Весь ядъ у васъ — ногой изъ тѣла выжму!
О, пусть весь міръ разрушитъ бурь дыханье!
О, пусть меня раздавятъ неба своды, —
Земля навѣкъ поглотитъ, разступившись!

(Полу-злобно, полу-боязливо, и переходя въ таинственный тонъ).

Что̀ на меня глаза свои уставилъ
Ты, мой двойникъ, проклятый, блѣдный призракъ?
Ты кровь мою высасываешь ими,
И въ жилы мнѣ воды холодной льешь.
Я чувствую, что самъ я цѣпенѣю
И призракомъ могильнымъ становлюся....
Зачѣмъ *туда* ты руку простираешь?...
Зачѣмъ *туда* указываешь пальцемъ?...
Иль долженъ я?... Марія!... Кровь! Ужели?
Кто говоритъ? Нѣтъ! то не голосъ вѣтра! —
Марію взять съ собой я долженъ.... Такъ ли?
Киваешь ты?... Такъ! Рѣшено! — И воля
Моя теперь сильнѣй, чѣмъ адъ и небо!

(убѣгаетъ).

(Замокъ Макъ-Грегора. — Освѣщенная комната, съ альковомъ по срединѣ. — Слышны бальная музыка и дѣвичій говоръ).

МАРІЯ (въ свадебномъ нарядѣ) и МАРГАРЕТА входятъ вмѣстѣ.

МАРІЯ.

Какъ тяжко мнѣ, мой Богъ!

МАРГАРЕТА.

Пойдемъ, — тебя я, куколка, раздѣну.

МАРІЯ.

Тоска щемитъ мнѣ что-то сердце....

МАРГАРЕТА.

Полно!

Твой графъ Дугласъ — мужчина славный....

МАРІЯ (съ веселымъ смѣхомъ).

Правда!

И веселъ, и сговорчивъ.... и мужчина!

МАРГАРЕТА.

Вѣдь влюблена въ него, моя малютка?

МАРІЯ.

Все влюблена, да влюблена.... какъ глупо!
Мы, кажется, должны владѣть собою....

МАРГАРЕТА.

Была пора, — не то мы говорили!
Когда Виллььямъ Ратклиффъ....

МАРІЯ (зажимая ей ротъ рукою).

О! умоляю:

Молчи, молчи! Ужасно это имя!
Не поминай его ты ночью поздней.

МАРГАРЕТА.

Ты влюблена тогда была, — признайся?...

МАРІЯ.

Ахъ, нѣтъ! Онъ мнѣ сначала показался
Незлобивымъ и тихимъ, какъ ягненокъ.
Его черты какъ будто я встрѣчала....
И голосъ былъ такъ мягокъ, и глядѣли
Глаза его такъ ласково и ясно.
И даже отъ его дыханья было
Щекамъ моимъ такъ хорошо.... Но послѣ
Вдругъ походить онъ сталъ на привидѣнье....

И блѣденъ, дикъ, съ улыбкой искаженной —
Онъ укусить меня, казалось, хочетъ....
Онъ былъ точь-въ-точь — туманный, страшный призракъ,
Что по ночамъ меня пугаетъ часто:
Ко мнѣ свои объятья простираетъ
И на меня глядитъ такъ долго, долго,
Что и сама я, какъ воздушный образъ,
Потомъ къ нему протягиваю руки...

МАРГАРЕТА.

Ахъ, какъ же ты на мать свою похожа!
И та любила мучить.... Но, какъ кошка,
Сама была въ Ратклиффа влюблена.

МАРІЯ.

Въ кого?...

МАРГАРЕТА.

Въ отца Вилльямова,—Эдварда.
Мать у тебя красавица была;
И всѣ ее пригожей-Бетти звали.
Лишь съ золотомъ ея равнялся локонъ,
И мрамору была рука подобна.
А ужь глаза! О, какъ ихъ зналъ Эдвардъ!
По цѣлымъ днямъ онъ въ нихъ глядѣлъ,—казалось
Свои глаза всѣ выглядитъ онъ скоро.
И голосъ былъ у Бетти соловьиный ...
Какъ запоетъ у очага, бывало

(Поетъ).

«Зачѣмъ твой мечъ въ крови — Эдвардъ...
Эдвардъ!»
Кухарка все забудетъ, и жаркое
Перегоритъ всегда.... О, Боже, Боже!

(Плачетъ).

Зачѣмъ ее я пѣснѣ той учила!

МАРІЯ.

О, разскажи мнѣ все, — что̀ было съ нею?

МАРГАРЕТА.

Разъ подъ окномъ она одна сидѣла,
И стала пѣть...

(Поетъ).

«Зачѣмъ твой мечъ въ крови, Эдвардъ?
Эдвардъ!»

Какъ вдругъ Эдвардъ Ратклиффъ прыгнулъ къ ней въ спальню.
И продолжалъ, на тотъ же голосъ,—дерзко:
(Поетъ).
«Свою я милую убилъ —
Она прекрасна такъ была!...»
Мать куколки моей такъ испугалась,
Что съ той поры несчастнаго Эдварда
Ужь никогда и видѣть не хотѣла.
И чтобъ его взбѣсить еще сильнѣе,
За твоего отца рѣшилась выйти.
Отъ ярости Эдвардъ Ратклиффъ рехнулся;
Но показать жестокой самъ желая,
Что безъ нея онъ можетъ обойтися,
Онъ въ жены взялъ дочь лорда Кембля, Дженни.
Отъ этого безумнаго союза
Вилльямъ Ратклиффъ произошелъ на свѣтъ.

МАРІЯ.

Бѣдняжка-мать!

МАРГАРЕТА.

Упрямица большая
Она была; и цѣлый годъ ни разу
Не назвала Ратклиффа.... Но однажды,
Когда октябрь ужь наступилъ вторично, —
И, кажется, въ день имянинъ Ратклиффа, —
Она меня, какъ будто мимоходомъ,
Спросила вдругъ: «Что объ Эдвардѣ слышно?»
— На Дженни Кембль женился, я сказала.
— «На Дженни Кембль? Ужель?» вскричала Бетти
И вспыхнула... потомъ вдругъ поблѣднѣла —
И горькими слезами залилась!
Ты у меня лежала на колѣняхъ
(Три мѣсяца тебѣ не больше было).
И принялась кричать и плакать тоже.
А я, чтобъ какъ нибудь утѣшить Бетти,
Разсказывать ей стала, что не можетъ
Эдвардъ Ратклиффъ забыть о ней доселѣ;
Что день и ночь—вокругъ онъ замка бродитъ;
Что и сама я видѣла, какъ руки
Онъ простиралъ къ окну пригожей-Бетти.

— «Ну, такъ! Я все давно ужь угадала!» —
Теперь она воскликнула, смѣясь;
И подбѣжавъ къ окошку быстро, руки,
Безумная, къ Эдварду протянула.
О горе ей! Отецъ твой это видѣлъ....

МАРІЯ.

Ну, что жь потомъ?... Разсказывай же дальше....

МАРГАРЕТА.

Ну, вотъ и все.

МАРІЯ.

Разсказывай же дальше!

МАРГАРЕТА (робко).

Подъ утро былъ найденъ, у старой башни,
Эдвардъ Ратклиффъ—въ крови и безъ дыханья.

МАРІЯ.

А мать моя? Что сталось съ ней, несчастной?

МАРГАРЕТА.

Она сошла отъ ужаса въ могилу
Спустя три дня.

МАРІЯ.

Какъ страшно, Маргарета!

МАРГАРЕТА.

О, еслибы глазенками своими
Могла взглянуть ты, куколка моя,
Какъ онъ лежалъ у башни!... У! донынѣ
Все образъ мнѣ мерещится кровавый!
И потому, что я убійцу знаю,
Что никому о томъ сказать не смѣю,
И что безумна я.... не сплю я ночи!
Эдвардъ Ратклиффъ передо мной повсюду:
Эдвардъ Ратклиффъ окровавленный, блѣдный,
Съ своимъ пронзающимъ, ужаснымъ взглядомъ,
Съ поднятымъ, какъ у привидѣнья, пальцемъ,
И медленно идущій, шагъ за шагомъ...

(Входитъ Ратклиффъ, блѣдный, разстроенный и окровавленный).

МАРГАРЕТА (въ ужасѣ).

Вотъ онъ! Эдвардъ! О, Господи помилуй!

(Бросается въ уголъ и лежитъ тамъ безъ движенья).

МАРІЯ (вскрикивая).

Злой человѣкъ! Ты мнѣ кольцо Дугласа
Принесъ?

РАТКЛИФФЪ.

О, нѣтъ! Теперь нашъ карусcель оконченъ....
И колецъ я снимать не буду больше.
Я снялъ ихъ два; но третье не дается —
И съ деревянной лошади я слѣзъ.

МАРІЯ (внезапно, тронутымъ голосомъ).

Вилльямъ! Вилльямъ! ты кровью истекаешь...
Поди сюда.... Перевяжу я рану.

(Разрываетъ свое бѣлое вѣнчальное платье).

Гдѣ я? О, Боже мой! Съ Вилльямомъ страшнымъ!
Нѣтъ! ты Эдвардъ Ратклиффъ; а я — я Бетти.
Кровь у тебя на головѣ.... Въ моей же
Такъ смутно.... Что̀ я дѣлаю? — не знаю.
О, если любишь ты меня, — скорѣе
Поди сюда.... Стань на колѣни.... стань....

(Хочетъ перевязать ему голову.)

РАТКЛИФФЪ.

Что̀ это — сонъ? Я? Я у ногъ Маріи?
Вы не мечта ль — о маленькія ножки?
Не призраки ль, что тотчасъ исчезаютъ,
Какъ только къ нимъ захочешь прикоснуться?

МАРІЯ (перевязывая ему голову).

Смирнѣе стой! Кровь запеклась на кудряхъ, —
На золотыхъ, прекрасныхъ этихъ кудряхъ.
Не шевелись.... Меня ты окровавилъ....
Будь тихъ.... Тебя въ глаза я поцѣлую....

(цѣлуетъ его).

РАТКЛИФФЪ.

Ты съ глазъ моихъ прогнала ночь лобзаньемъ!
И солнце я увидѣлъ вновь, Марія!

МАРІЯ (какъ бы придя въ себя).

Марія? Да! А ты Вилльямъ....

(Закрываетъ свои глаза рукою):

Ужасно!

(Вздрогнувъ),

Прочь, прочь! ступай скорѣй отсюда.

РАТКЛИФФЪ.

Не двинусь я! Тебя люблю я страстно,

И ты сама Вилльяма любишь.... Часто
Я отъ тебя слыхалъ во снѣ объ этомъ.

(Дружески).

А знаешь.... мы похожи другъ на друга....

(Ведетъ ее къ зеркалу).

Взгляни сюда черты твои, конечно,
И благороднѣе, и чище, и нѣжнѣе....
Но сходство есть.... У насъ обоихъ, губы
И гордость и упрямство обличаютъ....
Здѣсь легкомысліе.... и тамъ оно же.
Вѣдь такъ? Скажи словечко!...

МАРІЯ (вырываясь отъ него).

Полно.... полно!

РАТКЛИФФЪ.

Ты слышала.... и голосъ мой! Но мягче....
Глазъ синевà у насъ одна и таже....
Но блескъ твоихъ сильнѣе.... Дай мнѣ руку.

(беретъ ее руки и сличаетъ съ своими).

И линіи на ней съ моими сходны.

(испуганный).

Смотри, смотри! у насъ обоихъ
Равно — и жизни линіи коротки!

МАРІЯ.

Оставь меня, Вилльямъ! Бѣги отсюда.
Бѣги, молю! Они прійдутъ сейчасъ.

РАТКЛИФФЪ.

Да, права ты! Бѣжать должны мы оба!
За мной, моя возлюбленная, слѣдуй!
Бѣжимъ, бѣжимъ! Мой конь стоитъ осѣдланъ,
И нѣтъ коня въ Шотландіи быстрѣе.

МАРГАРЕТА (поетъ).

Зачѣмъ твой мечь въ крови, Эдвардъ?
Свою я милую убилъ —
Она прекрасна такъ была!...

РАТКЛИФФЪ.

Кто произнесъ кровавыя слова?
Не филинъ ли, прижавшійся къ окошку?
Иль вѣтеръ, завывающій въ каминѣ?
Иль вѣдьма, что вонъ тамъ забилась въ уголъ?
Да, то она! Какъ камень недвижима,
А все, хрипя, напѣвъ зловѣщій тянетъ!

(Съ болѣзненнымъ стономъ).

Она поетъ, что милую я долженъ
Убить! О! да.... я долженъ.... долженъ!...

МАРІЯ.

Твои зрачки вращаются такъ страшно,
Дыханье жжетъ.... Оставь меня, оставь.

РАТКЛИФФЪ.

О, не страшись!... Смерть такъ сладка! Со мною
Пойдешь въ тотъ край чудесный, о которомъ
Такъ часто мы мечтали, дорогая!

МАРІЯ.

Бѣги! бѣги.... Тебя Дугласъ застанетъ!

РАТКЛИФФЪ (съ бѣшенствомъ).

Произнесла сама ты лозунгъ смерти!
Нѣтъ, — обладать тобой никто не будетъ!

МАРІЯ (бросается отъ него въ альковъ, онъ бѣжитъ за ней съ мечомъ).

Виллльямъ! Вилльямъ! Меня убить ты хочешь!

РАТКЛИФФЪ.

Мнѣ одному принадлежитъ Марія!

(Слышенъ крикъ Маріи въ альковѣ: Вилльямъ, Вилльямъ! помогите!)

МАРГАРЕТА (поетъ).

Свою я милую убилъ.
Она прекрасна такъ была!...

(Воздушные призраки являются съ противоположныхъ сторонъ, становятся у входа въ альковъ, простирая другъ къ другу руки, и исчезаютъ при входѣ Ратклиффа).

РАТКЛИФФЪ (выходя изъ алькова съ окровавленнымъ мечомъ).

Стой! стой, двойникъ! Куда? Ты это сдѣлалъ!
Въ крови твои протянутыя руки....
Дерись со мной! Ты умертвилъ Марію.

МАКЪ-ГРЕГОРЪ (вбѣгаетъ съ обнаженнымъ мечомъ).

Кто звалъ на помощь?... А! ты здѣсь убійца,
Врагъ моего спокойствія, проклятый!

РАТКЛИФФЪ (съ дикимъ хохотомъ).

Да, — здѣсь! Но ты мнѣ также ненавистенъ.
Не знаю самъ я, почему, — но только
Твоей я крови жажду....

МАКЪ-ГРЕГОРЪ.

Нечестивый!

(бросаются другъ на друга).

МАРГАРЕТА (поетъ).

Зачѣмъ твой мечъ въ крови, Эдвардъ!

МАКЪ-ГРЕГОРЪ (падая).

Все эта пѣснь! (*умираетъ*)

РАТКЛИФФЪ (изнуренный).

Вотъ и змѣя убита!
Какъ у меня легко на сердцѣ стало!
Заранѣе покой я предвкушаю.
Трудъ жизни конченъ! Ты — моя, Марія!
Иду къ тебѣ!

(Идетъ въ альковъ; оттуда слышенъ его голосъ).

Я здѣсь — мой чистый голубь.
Моя любовь! прекрасная Марія!

(въ альковѣ раздается выстрѣлъ).

(Призраки появляются снова; бросаются другъ другу въ объятія; остаются тамъ нѣкоторое время и исчезаютъ).

ДУГЛАСЪ. СЛУГИ И ГОСТИ.

ОДИНЪ ИЗЪ СЛУГЪ.

О, Боже! — здѣсь лежитъ нашъ господинъ!

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

Лордъ Макъ-Грегоръ!

ДУГЛАСЪ.

Убитъ! почтенный старецъ.
Скорѣй искать злодѣя! И ворота
Всѣ запереть.

МАРГАРЕТА (въ безуміи).

Ага! Вотъ такъ у старой башни
Эдвардъ Ратклиффъ лежалъ, въ крови и блѣдный.
Злой Макъ-Грегоръ убилъ его бѣдняжку!
Не я виной.... не я.... я только знала....

(указывая на трупъ М. Грегора).

А вонъ того — Вилльямъ Ратклиффъ спровадилъ....
Вилльямъ Ратклиффъ теперь спокоенъ тоже....
Онъ близь Маріи спитъ.... О! тише.... тише....
Не разбудите ихъ....

МНОГІЕ.

Ужасный случай!

МАРГАРЕТА (смѣясь, довольная).

Они точь-въ-точь — Эдвардъ съ пригожей Бетти!

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ ИППОХОНДРИКА.

II.

ВЪ ШВЕЙЦАРІИ.

Конечно всякій дѣлалъ въ новый годъ визиты; разумѣется, у всякаго бывало разношорстное знакомство. Подобрать подъ масть и лошадей довольно трудно: я знаю только одну барыню, которой кажется, что лошади всѣ до одной рыжія.... Каково жь съ людьми, гдѣ масть еще не означаютъ рыжія или сѣдыя бакенбарды, но гдѣ четырнадцать мельчайшихъ человѣческихъ оттѣнковъ или классовъ раздѣляютъ общество на масти! И въ этомъ случаѣ я не могу назвать даже ни одной барыни, которая считала бы рыжими одинаково дѣйствительнаго статскаго совѣтника и, напримѣръ, коллежскаго секретаря. Есть страны, гдѣ образованіе тасуетъ, говорятъ, людей, какъ карты, и валетъ ложится рядомъ съ тузомъ, а десятка идетъ слѣдомъ за двойкой... Въ этомъ случаѣ я знаю барина,—даже не одного, — который этому рѣшительно не хочетъ вѣрить...

Итакъ, знакомство ваше разношорстное.... И ваши сани, отъ чугуннаго подъѣзда съ прихотливо-вырѣзанною изъ дуба дверью и швейцаромъ съ золоченой булавою, могутъ прямо подкатить къ домику съ мезониномъ, у Таврическаго сада: праздничный песокъ на тротуарѣ затрещитъ подъ вашими ногами; на деревянное крыльцо посиѣшно выбѣжитъ безъ шапки, въ толстомъ сюртукѣ, Никита, тоже такой праздничный, что на лицѣ его уже читаешь новый годъ.... Изъ-за горшковъ гераніума и левкоевъ, въ окна смотрятъ привѣтливыя лица хозяевъ, и кормилица поднимаетъ выше меньшаго барченка, чтобъ увидѣлъ дядю... Никита, раскрывая настежь двери, съ какимъ-то радостнымъ порывомъ произноситъ: «съ новымъ годомъ, сударь! съ новымъ счастьемъ!...» Такъ, поздравленія

скорѣе подразумѣвалися, какъ что-то всѣмъ извѣстное; здѣсь поздравляютъ съ новымъ годомъ такъ, какъ будто новый годъ и въ самомъ дѣлѣ новость....

Я любилъ имѣть въ запасѣ, на концѣ четырнадцати-класснаго пути такія станціи и ихъ хозяевъ, большею частью отставныхъ, или помѣщиковъ, таинственно вывѣдывающихъ отъ васъ секретъ какого нибудь департамента, давно забытый и его сторожами,—не успѣвшій только попасть въ очередь газетныхъ новостей, всегда не новыхъ.... Тутъ ничего не значитъ засидѣться до того, что лошадь вся заиндевѣетъ и кучеръ выпляшетъ всѣ танцы на одной ногѣ, похлопывая въ рукавицы.

Пообъѣздивъ Европу, наконецъ и въ ней находишь домикъ у Таврическаго сада, и прямо отъ какой нибудь ливрейной Франціи стремишься къ дикому швейцарскому ущелью, сквозь которое ужь улыбается долина. Горы, отдаленныя и синія сначала, зеленѣютъ понемногу курчавыми кустарниками и идутъ на встрѣчу — сперва порознь, а потомъ толпами; вотъ дорога, избѣгавшая ихъ долго, поневолѣ поползла на приступъ и уже нарѣзкою идетъ по поясу хребта; съ откосовъ потянуло свѣжимъ сѣномъ, и курчавые кустарники предстали великанами, съ шатромъ вѣтвей, непронизываемыхъ солнцемъ. Въ глубинѣ, отъ которой закружилась голова, гремитъ бѣлый потокъ и прыгаетъ по камнямъ ущелья, какъ стая дикихъ козъ. А съ горъ пошелъ такой живой и рѣзкій воздухъ, что въ одинъ мигъ встрепенулось и помолодѣло тѣло! Волшебное, врачующее чувство! Точно обдало волной, душистою и осязательно-здоровой: въ ней и дыханье травъ, и вѣянье воздушнаго простора, удалившагося отъ жилья на безпредѣльность, — что-то такое первоначальное, въ чемъ нельзя не возобновиться человѣку.... Сразу грудь расширилась, кровь ударяетъ шибче, и дышишь громко, и твердишь: ахъ, хорошо!

Это—тотъ же Никита, поздравляющій васъ: «съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!»

Домики стоятъ подъ нахлобученными кровлями, точно закрывшись отъ суеты и свѣта. Они ужь даже и не домики, — они *шале* Швейцаріи. Бойко позванивая колоколами, карабкаются гибкія горныя коровы по стремнинамъ; а люди съ красными ленточками исчезаютъ; наружность парикмахеровъ смѣнилась строгою, а чаще кроткою наружностью учителей и дядекъ. Начались поклоны, взгляды открытыхъ свѣтлыхъ глазъ, улыбки, до того успокоительныя, что кажется онѣ вамъ говорятъ: «любите, дѣти, другъ друга — и васъ всѣ будутъ любить». Какой-то новый міръ открылъ вамъ двери — міръ незамѣтный, маленькій, но на чертѣ котораго остановились ве-

марій мелочи большаго и не рѣшаются перешагнуть порога. Изъ суетливой, разряженной, расписанной золотыми вывѣсками Франціи, какъ изъ блестящей лавки, гдѣ хотѣли обмануть поддѣльными алмазами, — вхожу въ Швейцарію: я дома! Прочь тѣснящія одежды — осторожность словъ! Я дома — никому до меня нѣтъ дѣла!—

«Здѣсь меня обнимаетъ природа,
И все тихо, спокойно кругомъ —
Только слышишь: «свобода! свобода!»—
Пролепечетъ листокъ съ вѣтеркомъ.»

Въ убогой деревушкѣ я встрѣчаю бабу; она несетъ въ корзинѣ виноградъ. За нею бѣжитъ мальчикъ, держась за полы ея бѣдной истрепанной одежды.

— Продайте винограду! говорю я, поздоровавшись.

Старуха смотритъ на мальчика, мальчикъ на старуху — точно спрашиваютъ другъ друга: «а что, и тебѣ послышалось тоже?»

— Какъ же продать-то? говоритъ наконецъ старуха. — Я никогда винограду не продавала. Да и что жь онъ можетъ стоить, виноградъ-то?

Я отбираю нѣсколько кистей и даю полфранка.

— Это за виноградъ-то? спрашиваетъ старуха и идетъ безъ денегъ.

— Выбирайте сами, говорю я, высыпая кучу мелкой монеты на ладонь.

Женщина долго разсматриваетъ; беретъ то ту, то другую въ руки, каждый разъ совѣтуется съ мальчикомъ и наконецъ останавливается на мѣдномъ су (*).

Это—Швейцарія большихъ дорогъ. Швейцарія городовъ тоже на нее похожа: столичный городъ Бернъ ходитъ пѣшкомъ, а если въ немъ и стучитъ карета, то посланничья; Фрибургъ, перебросившій, какъ паутину, черезъ пропасти свои висячіе мосты, которые трещатъ подъ дилижансомъ, взгромоздился надъ стремнинами и задаетъ въ соборѣ на своемъ органѣ концерты путешественникамъ. Люцернъ со львомъ Торвальдсена; Веве съ чудеснымъ видомъ и Лозанна съ няньками: какія тихія убѣжища для человѣка! Самая Женева — этотъ Содомъ и Гоморъ добрыхъ швейцарцевъ, — съ статуей Руссо и маленькими плутнями, попадающими изъ Парижа, съ десяткомъ уличныхъ фіакровъ, крутыми горками, по которымъ трудно ѣздить, и бѣлѣющимъ Монбланомъ въ концѣ улицъ, — Же-

(*) Въ мѣстечкѣ Сенъ-Морисъ мнѣ не хотѣли вовсе продать яблокъ.
— Возьмите *такъ*, говорили мнѣ: — вамъ всей корзины незачѣмъ.
— *Такъ* я не возьму.
— Ну, въ такомъ случаѣ возьмите ради Св. Маврикія.
А во Франціи съ меня спросили наканунѣ восемь франковъ за чайникъ кипятку и пару яицъ въ-смятку, которыхъ даже не нашли.

нева, вся въ часахъ, стучащая своими маятниками время всей Европѣ, изъ чистенькихъ, незамысловатыхъ фабрикъ, — на берегу голубаго озера и голубой, какъ яхонтъ, Роны, — и та исполнена такихъ первоначальныхъ добродѣтелей, на самой чертѣ Франціи, что готовъ усумниться даже: точно ли она Содомъ и за ея заставой Франція?

Я зналъ людей, которые, не забиваясь далѣе, находили въ Женевѣ все, зачѣмъ они рѣшались ѣхать въ дебри Альповъ: аркадію и добродѣтель, и даже — чего и не бываетъ въ дебряхъ, — ліонскія матеріи, дешевле чѣмъ въ Парижѣ....

Мнѣ добродѣтелей Женевы было мало: Рона гремѣла въ мои уши бѣлыми потоками, а часовые маятники звенѣли колоколами коровъ; даже ліонскія матеріи (особенно зеленыя) напоминали мнѣ луга, которые благоухали сѣномъ.... и «я ѣхалъ въ горы», какъ выражаются здѣсь въ городахъ. Почтовая карета уже двигалась....

— «Остановитесь! погодите!» раздалось вдругъ на улицѣ. Я выглянулъ: растрепанная прачка изъ трактира, гдѣ я жилъ, догоняетъ дилижансъ и суетъ мнѣ 25 сантимовъ въ руку.

— Извините, баринъ (говоритъ она): вчера вы дали лишнее,... ужь было поздно, и я не успѣла.... Извините! возьмите!

Платокъ летитъ у нея съ плеча, а она все тянется, чтобы подать монету....

Странно: спутники мои (тутъ были: англичанинъ съ пледомъ, углубленный въ красный гидъ, итальянка съ вѣеромъ и нѣсколько женевцевъ) раздѣлились въ мнѣніяхъ на счетъ поступка благородной прачки. Послѣдніе даже нашли, что она поступила просто дурно: что ей не слѣдовало оставлять до утра, — нѣтъ нужды, что была ночь, — того, что ей не принадлежало.... Итальянка думала иначе: «poveretta! (бѣдняга) могла бы оставить деньги у себя (говорила она): синьоръ уѣхалъ бы такъ же точно и безъ денегъ!...» И только англичанинъ съ пледомъ, повидимому, не думалъ ничего и оставался углубленнымъ въ красный гидъ.

На первой станціи не стало вдругъ ни гида съ англичаниномъ, ни пледа....

Намъ сдѣлалось просторнѣе и, подѣлившись мѣстомъ и извѣстнымъ анекдотомъ о томъ, какъ двоихъ англичанъ опрокинули и какъ на замѣчанье одного, что непріятно путешествовать въ горахъ, другой не произнесъ ни слова и только чрезъ годъ, когда ихъ опрокинули опять, отвѣтилъ *йесъ*, — мы больше ужь не думали во всю дорогу о сосѣдѣ.

А англичанинъ между тѣмъ шагалъ по пыльному шоссе въ Женеву и черезъ два часа входилъ въ трактиръ, откуда вышелъ два часа назадъ....

— Прачку, *иф-ю-плизъ!* сказалъ онъ, взявши нумеръ.

Прачка явилася.

— Хотите выйти за мужъ, *маамъ?* говоритъ чудакъ.

Маамъ, слухъ которой пріученъ къ вопросу: можетъ ли она вымыть бѣлье къ другому утру — отвѣчаетъ : *да*. «Но если сэръ неготовъ (прибавляетъ она), то я могу зайти и черезъ часъ....»

Пріятель мой, подслушавшій случайно эту сцену по сосѣдству (онъ тоже ѣхалъ на край свѣта, но навсегда усѣлся въ креслѣ, *въ Экю-де-Женевъ* (*), оттого, говорилъ онъ, что передъ нимъ бѣжала Рона голубаго цвѣта, а онъ былъ охотникъ до голубаго цвѣта).... этотъ пріятель не могъ сказать навѣрное, чѣмъ сцена кончилась и сдѣлалась ли прачка *мистриссъ* или продолжала мыть бѣлье къ другому утру, — только положительно извѣстно, что туристъ остался въ нумерѣ женевскаго трактира на всю жизнь....

.... Швейцарія имѣетъ ту особенность, что вы нигдѣ не встрѣтите такъ мало мухъ и столько англичанъ! Кто видѣлъ потолки малороссійскихъ домиковъ въ іюльскіе и августовскіе вечера, когда все, что вертѣлося, садилося на книгу, на носъ, щекотало лобъ, жужжало цѣлый день надъ ухомъ и перелетало отъ стола къ окну и отъ окошка на картину, оставляя всюду за собою точки, — кто видѣлъ, какъ все это вдругъ сбивалось въ черный слой надъ головой и предавалось отдыху, при появленіи свѣчки, — тотъ легко представитъ себѣ Швейцарію лѣтомъ. Въ ея долинахъ, на ея горахъ, по берегамъ озеръ — вездѣ садятся англійскія мухи, въ видѣ джентльменовъ на подкованныхъ подошвахъ, съ бѣлыми альпійскими дубинами, гдѣ выжигаются ихъ похожденья (*); съ *лэди* и *миссами* въ соломенныхъ грыбахъ на головѣ, вырѣзывающихъ свое вышиванье у самаго подножія вѣчныхъ льдовъ, какъ у рабочихъ столиковъ; наконецъ съ *реверендъ* (попами) въ бѣлыхъ какъ снѣгъ галстукахъ и *инглишъ-черчъ* (церковью), вездѣ, гдѣ только видъ получше.... Въ уголкахъ республики особенно картинныхъ, — стало быть, особенно скудныхъ кой-какой землею, вытащенною усиліями неслыханными изъ голаго, весьма красиваго, но безотвѣтнаго на стоны человѣка камня, — натискъ золотыхъ *совреновъ* дажс занесъ *болѣзнь* проводниковъ, рѣзныхъ изъ дерева бездѣлицъ, подкидныхъ досокъ и протянутыхъ рукъ на краю самыхъ дикихъ ущелій и между прилеплѣнныхъ къ скаламъ, какъ птичьи гнѣзда, деревень.... Вы гнѣваетесь: ваше очарованье нарушено. Но отворите двери этихъ гнѣздъ; вгля-

(*) *Экю-де-Женевъ* — трактиръ въ Женевѣ.

(*) Бѣлая, высокая альпійская палка, съ желѣзнымъ острымъ наконечникомъ, служащая для спуска съ крутыхъ горъ и для упора, когда ходятъ по льду, вся украшается въ теченіе лѣта выжженными на ней названіями посѣщенныхъ горъ и ледниковъ.

ните на грудныхъ дѣтей, сосущихъ цѣлый день завязанную въ тряпку мякину, и на ихъ нянекъ и опекуновъ—ребятъ, едва успѣвшихъ позабыть, что и у нихъ не было материнской груди, истощенной ломомъ и косою; — посмотрите, какъ они, худые и приземистые, высыпаютъ утромъ на дорогу, ждутъ: не проѣдетъ ли карета съ англичанами и не оставятъ ли за собою лошади драгоцѣннаго слѣда.... Оставили? худыя руки собираютъ его тотчасъ и тащатъ съ радостью на огородъ, единственный источникъ существованія семьи!... Подумайте, что часто нѣтъ и огорода, — что на одной козѣ съ худыми ребрами, обгладывающей колючій кустарникъ вдоль дорогъ, лежитъ надежда продержаться до зимы.... (а зимой?...): и вы навѣрно разрѣшите доски, и протянутыя руки перестанутъ нарушать ваше очарованіе....

Хорошо очаровываться, скушавъ сытный завтракъ и катя въ каретѣ, которая даже не всякій разъ оставитъ за собою и слѣды проголодавшемуся отъ рожденья человѣку!...

Бѣдность Италіи нашла себѣ исходъ въ разбоѣ, Франціи — въ подлогахъ и воровствѣ; нѣмцы толпами эмигрируютъ.... Бѣдность Швейцаріи нагноила язву (кретинизмъ), отъ которой щемитъ сердце и которую не судитъ человѣческій законъ.... Кретины — это существа безъ слова, безъ разума, съ голосомъ похожимъ на ревъ осла, скорѣе, чѣмъ на голосъ человѣка; желтыя, безсильныя, старыя съ дѣтства, сморщенныя и маленькія, они — исчадія сырыхъ ущелій, холода и голода; работа самая легкая имъ недоступна; и имъ однимъ въ Швейцаріи позволено быть нищими (*)....

Такъ-то, на скупомъ клочкѣ земли, котораго почти не видно изъ-за горъ, вседневно совершается процессъ безмолвнаго самоубійства нравственнаго, и грязныя лохмотья покрываютъ невѣдомыхъ міру героевъ терпѣнія, которые донесутъ до конца достоинство человѣка, и только переставши быть людьми, сдѣлаются нищими!...

На какой-то станціи, покуда запрягали лошадей, я хотѣлъ дать мелкую монету оборванному пѣшеходу....

— Извините меня (обратился станціонный смотритель): — я не въ правѣ допустить этого — у насъ нѣтъ нищихъ.

И горемыка побрелъ мимо, на гору, съ трудомъ передвигая ноги....

Наѣвшіеся либералы горячо винятъ голодныхъ сыновей республики за ихъ наемные штыки въ полкахъ Неаполя и Рима. Нѣтъ слова,—изъ всѣхъ нищенствъ, это самое презрѣнное; но неужели жь

(*) Прочихъ бѣдныхъ кормитъ и одѣваетъ община, она же отвѣчаетъ за то, чтобъ не было нищихъ.

кретинизмъ такъ присужденъ швейцарцу, что и годы нестерпимой дисциплины, подчиненности чужимъ, вдали отъ родины, — не въ силахъ омыть рукъ, рѣшившихся принять выкупъ....

Что до меня, то, глядя на задумчивыя лица оберланцевъ подъ киверами на Вилла-Реале или Монте-Пинчіо, я всякій разъ невольно вспоминалъ того орла, котораго, — въ забаву ль англичанамъ, или въ свою собственную, я не знаю, — трактирщикъ на Гисъ-Бахѣ (*) заперъ въ клѣть.... Пернатый мученикъ глядитъ по сторонамъ съ какимъ-то вызовомъ: онъ убѣжденъ, что такъ не должно быть.... Онъ подымаетъ глаза къ солнцу: солнце катится высоко, въ томъ свѣжемъ воздухѣ, который онъ разсѣкалъ крыльями.... Онъ порывается, онъ долбитъ клювомъ клѣтку, щиплетъ перья на груди и, разсыпая ихъ по вѣтру, ѣдкимъ крикомъ вызываетъ волю...

Пока вы не накушались, подумайте, прошу васъ, хоть минуту: что̀ такое для швейцарца родина и воля!...

Съ послѣднею онъ свыкся до того, что, напримѣръ, случись въ какой нибудь прохладный городокъ заѣхать на лѣто какимъ нибудь принцессамъ, трактирщикъ даже не рѣшится намекнуть слугѣ объ его туфляхъ. — «Онъ обидится!» скажетъ трактирщикъ, — и туфли будутъ продолжать похлопывать вокругъ стола, за которымъ обѣдаютъ принцессы, такъ точно, какъ онѣ похлопывали пока сидѣли die reisende Studenten.

Швейцарцу его горы — его дѣти: мнѣ довелось въ Женевѣ быть свидѣтелемъ поразительной привязанности къ роднѣ и, что особенно поразительно, — въ сапожникѣ! Этотъ человѣкъ голенища и подметокъ имѣлъ юфтяной фартукъ и душу поэта; и не прояви онъ дарованія въ строченьи кожъ, я непремѣнно посовѣтовалъ бы ему строчить бумагу.... Жоненъ (имя сапожника) былъ хворъ, чахоточенъ и трудною работой содержалъ семью. «Женевскими ногами не уйдешь далеко, говорилъ онъ: — онѣ изнашиваютъ много гвоздей и и очень мало подметокъ (**)....»

— Поѣзжайте въ Римъ, совѣтовалъ я Жонену, который кряхтя, но съ наслажденіемъ артиста, надрывалъ размѣры моей ноги на бумажкѣ. — Въ Римѣ нѣтъ сапожника, вы вдругъ разбогатѣете....

— Я не богатъ, да, я не богатъ, ворчалъ онъ, поворачивая мнѣ на всѣ стороны ногу: — надобно работать....

— А тамъ вы будете богаты: вамъ станутъ платить 30 франковъ за сапоги.... И ваши дѣти будутъ богаты....

— Да, и мои дѣти! подхватилъ онъ, — это главное — мои дѣти!

(*) *Гисъ-Бахъ* — водопадъ на Бріенцкомъ озерѣ, въ Оберландѣ.

(**) Такъ называемые альпійскіе сапоги густо убиваются гвоздями на подошвахъ, для горъ.

Слова мои навели на него раздумье. Опустивъ голову, онъ выкраивалъ ножемъ уже выкроенный передокъ, но видимо былъ далеко отъ кожи... Пятнадцатилѣтняя его дочка красовалась тутъ же у окна продолговатымъ своимъ личикомъ и нашивала на башмаки банты.... Онъ посмотрѣлъ на дѣвочку, какъ будто говорилъ: «чортъ знаетъ, на что̀ бъ я для тебя не рѣшился!» Потомъ вдругъ выпрямился и ударилъ кулакомъ по залавку.... Шило покатилось на полъ....

— Нѣтъ, сударь! Я не въ силахъ оставить роднаго мѣста! Гдѣ я найду эти горы? Я ихъ вижу съ тѣхъ поръ, какъ умѣю видѣть! Гдѣ я ихъ найду!

— Тамъ тоже есть горы! замѣтилъ я.

— Тѣ горы—не мои! Я хочу умереть, глядя на мои горы,—на эти горы! повторялъ онъ, подходя къ окну и протягивая руку туда, гдѣ бѣлый Монбланъ глядѣлъ, какъ снѣжная туча съ неба. — Вотъ горы — эти горы! А тѣ что!

— Вы должны подумать о семействѣ.

— Я и о немъ думаю! Что̀ я могу показать дѣтямъ въ Италіи? какой примѣръ? Невольниковъ, лѣнтяевъ, тунеядцевъ! Они родились республиканцами — они такъ и умереть должны! А я-то самъ! Нѣтъ, сударь, я отсюда не уѣду!...

А итальянскій теноръ, думалъ я, за 20,000 везетъ свое южное горло на 20 градусовъ мороза!

Годъ спустя, изъ-за прилавка, гдѣ кроилъ Жоненъ, меня привѣтствовалъ уже какой-то длинный носъ, и на вопросъ, гдѣ мосье Жоненъ? — отвѣчалъ, что: *мозье Шоненъ* нѣтъ больше (ist kein mehr) и что теперь онъ, носъ, — *мозье Шоненъ*.

Отъ этихъ словъ меня кольнуло въ сердце.... У окна, на мѣсто дѣвочки съ овальнымъ личикомъ, сидѣла нѣмка съ такимъ точно носомъ, какъ и тотъ, который думалъ замѣнить собой Жонена.

— Вамъ угодно сапоги? спросилъ носъ, не подымая глазъ съ прилавка.

— Мнѣ бы хотѣлось знать сперва про Жонена....

— Шонена больше нѣтъ! повторилъ нѣмецъ: — я Шоненъ.

— Стало быть онъ.... (и я не рѣшился произнести: умеръ. Это слово трудно выговаривается въ первый разъ....)

— Шоненъ, извѣстно, умеръ... равнодушно рѣшилъ нѣмецъ. — Но сапоги можно сшить и безъ Шонена: Шоненъ не выдумалъ сапогъ...

Такая профанація взбѣсила меня: я сказалъ нѣмцу, что лучше останусь безъ сапогъ, чѣмъ закажу ему; что Жоненъ одинъ только и былъ сапожникъ, а онъ, нѣмецъ, самозванецъ и нахалъ, — и выбѣжалъ изъ лавки слыша за собою флегматическія: «Шоненъ ist kein mehr; я самъ теперь Шоненъ....»

Швейцарцы Водскаго кантона—особенно швейцарцы.... Какъ и ихъ озеро, просторно голубѣющее отъ Женевы до Вильнева, они смотрятъ открытѣй и свѣтлѣе прочихъ обитателей горъ и ущелій. И когда я говорю *швейцарецъ*, я вижу передъ собою водуазца, его разумное лицо, спокойную ульбку, слышу очень старательно произнесенныя окончанія французскихъ словъ на *e* (un-e bon-ne), чего не дѣлаютъ французы.... Я переношусь вслѣдъ за этимъ въ виноградники Монтрё.... Прекрасный день начала октября тихонько догараетъ.... Я иду тропинками между согнувшихся подъ дозрѣвающимъ виноградомъ лозъ.... Спокойнѣе усталаго ребенка лежитъ озеро.... Весь берегъ Савоіи повторился въ его зеркалѣ....

Я люблю вечеръ, какъ послѣдній подвигъ многотрудной жизни, какъ завершающее ея слово.... Вечеръ не сулитъ ничего, кромѣ покоя; онъ напоминаетъ только все, что сдѣлалъ день.... Утро, напротивъ, полно обѣщаній: осуществитъ ли оно ихъ?... Посмотрите, какъ небо безоблачно; озера тихи; лѣса стоятъ, насторожившія каждый листикъ; цвѣты раскрыли чашечки и пахнутъ.... Все ждетъ чего-то.... Птицы сулятъ веселый день.... А туча копится тѣмъ временемъ за ближнею горой и надвигается на солнце. Рокочетъ отдаленный громъ... И черезъ часъ ужь, смотришь, цвѣты проливаютъ слезы изъ своихъ помятыхъ чашечекъ!...

Утреннія надежды—надежды юности! Какой грозой будутъ смяты ваши розы?... И много ли придется зарумянить вечеру изъ того, что золотило утро?...

Узкая тропинка ведетъ меня въ деревню съ кучами навоза, сбившуюся тоже въ кучу между горъ.

— Вы не бережете вовсе вашихъ виноградниковъ, говорю я мужику, который куритъ коротенькую трубку, оперлись о камень....

— А зачѣмъ беречь ихъ? развѣ ихъ кто нибудь трогаетъ? спрашиваетъ онъ съ удивленіемъ и выпускаетъ трубку.

— Я не знаю, трогаетъ ли; но только мнѣ кажется, что можетъ трогать.

— Можетъ? Нѣтъ, никто не можетъ трогать того, что не его!

— И никто, дѣйствительно, не трогаетъ?

— Никто, сударь, — никто! Кабы всякій вредилъ сосѣду, такъ и жить бы совсѣмъ нельзя! Впрочемъ — прибавилъ онъ уже въ видѣ уступки въ мою пользу:—есть стражи (gardes champêtres), которые обходятъ виноградники.

— А какъ часто они обходятъ?

— Да иногда и каждую недѣлю.

А по ту сторону горъ, сколько бъ это наплодило компаній и мундировъ, и мальчиковъ съ надписями: «raisin, vrai raisin! seul raisin

véritable! raisin breveté! Ne pas confondre le raisin breveté avec d'autres raisins, qui ne sont qu'une contrefaçon de celui-ci....»

Тутъ я удостовѣрился, что я вернулся домой изъ Францiи!

А вечеръ подымалъ золотой паръ надъ озеромъ и огненный столбъ солнечнаго отраженiя, спускаясь ниже къ окраинѣ небосклона, топилъ поочередно отраженiя горъ, румянилъ на минуту ихъ снѣжныя вершины и скоро залилъ все, превративъ озеро въ одно сплошное багровое стекло... Я присѣлъ на теплой стѣнкѣ виноградника, и ни о чемъ не думалъ, только смотрѣлъ.... Не знаю самъ, какъ неожиданная прихоть воспоминанiя вдругъ унесла меня въ березовыя рощи, въ плоскость унылаго поля.... Сизоватый туманъ стелется надъ пожатой нивой; гдѣ-то плыветъ пѣсня, безконечная какъ кругозоръ; побрякиваетъ бубенчикъ; летятъ вороны, и летитъ тройка съ соннымъ сѣдокомъ.... И вотъ мнѣ кажется, что будто бы я сплю и будто вижу уже во снѣ: какъ багровая поверхность озера темнѣетъ; на горы опустилась фiолетовая ночь и только высоко мерцаютъ снѣга алымъ блескомъ; острый Сенъ-Бернаръ, какъ раскаленное копье, горитъ всѣхъ дольше.... наконецъ и онъ погасъ.... Блѣдныя, холодныя вершины, точно привидѣнiя, остались на малиновомъ закатѣ; стало свѣжо — и я очнулся. Полная луна успѣла облить озеро, которое блестѣло, какъ серебряное блюдо; темная точка Шильона отмѣчала берегъ.... Отовсюду пахло испаренiями засыпающей природы....

Хороши озера Швейцарiи! Тихiя, ясныя, въ нарядѣ своей горной природы, они лежатъ, какъ самоцвѣтныя каменья въ дорогой оправѣ; и у каждаго свой отливъ и своя грань. Люди, производящiе самихъ себя въ чины, и прелести озеръ подвергнули тому же: первыхъ классовъ удостоились *Женевское* и *Четырехъ Кантоновъ*.... Странно: въ дѣтствѣ человѣкъ терпѣть не можетъ классовъ, а потомъ всю жизнь только и бредитъ ими! Онъ охотно согласится быть первокласнымъ негодяемъ, но не останется въ 14-мъ классѣ.... Отчего это? Мнѣ «первокласная» красавица, какъ «первокласный» умъ и «первокласныя» озера отзываются всегда холодною разцѣнкою! Быть можетъ, это происходитъ оттого, что чувства мои къ классамъ не перемѣнились съ дѣтства.... И какъ же разцѣнить движенья сердца? Значитъ, красота, которая не сжала фибры въ вашей груди,—ужь и не красота? А можетъ,—просто ваша грудь неспособна сжаться?... И отчего, напримѣръ, озеро, составившее украшенье четырехъ кантоновъ, лучше или хуже Женевскаго, — я не знаю! И опять, можно ли положительно сказать, что маленькое Тунское озеро, съ каждымъ поворотомъ дороги выдвигающее новую картину, не похожую на первую и вмѣстѣ похожую на нее, какъ похожа ребята

одной и той же кисти,—ниже сортомъ двухъ первыхъ? Я знаю только то, что озеро Четырехъ Кантоновъ утомляетъ избыткомъ красоты; что маленькая зеленая лужайка на правомъ берегу отъ Люцерна, — лужайка какъ и всѣ, съ пасущимися на ней коровами, вызываетъ благоговѣйный трепетъ, когда узнаешь, что именно на ней, одною лунной ночью, нѣсколько вѣковъ назадъ, герои Швейца, Ури и Унтервальдена клялися освободить отечество, или умереть.... Вѣка прошли: ни мраморъ, ни бронза не смяли земли, служившей имъ алтаремъ: прибрежная лужайка осталась лужайкою, зеленѣетъ сочною травою, какъ и всѣ, и кормитъ коровъ, какъ всѣ.... только руки стараго и малаго указываютъ вамъ зеленую лужайку.... Въ этомъ есть что-то потрясающее, какъ въ тишинѣ пустой церкви....

Лучше озера четырехъ кантоновъ, думаешь, ничего быть не можетъ! Недѣлю спустя, думаешь тоже о Тунскомъ озерѣ, потомъ о Женевскомъ: и вотъ, помоему, ихъ оцѣнка!

Стоитъ пожить въ Швейцаріи, чтобъ пристраститься къ озеру, какъ никогда не пристрастишься къ морю. Озеро, какъ свѣтлая душа, все отражаетъ на поверхности: берега, и горы, и деревья.... Морю суждено носить только отпечатки тучъ.... Притомъ же оно своею безпредѣльностью какъ будто все чего-то не договариваетъ; словомъ,—море не свой братъ: надъ нимъ можно прожить всю жизнь, и оно останется властью.... Озеро показываетъ свой конецъ—оно подобно человѣку.... Здѣсь можно быть свидѣтелемъ любопытныхъ тайнъ природы, съ утра до вечера: слѣдить за тѣмъ, какъ къ ней подкрадывается утро, — то коснется верха горы, будто изголовья, то поцалуетъ въ плечо крутаго ската, и ужь потомъ обхватитъ всю ее руками....

Я отрываю окно: сѣрое утро, — солнца нѣтъ, а небо голубое. Смотрю внизъ: внизу долина горитъ солнцемъ, точно улыбается горамъ.... А онѣ темны и передъ нею кажутся еще темнѣе.... Отъ косвенныхъ лучей непоказавшагося солнца густой паръ надъ озеромъ стоитъ лиловый, и растянувшіяся тѣни береговъ лежатъ на сѣрой еще поверхности воды.... Но вотъ позолотилась гора, другая: паръ и тѣни стали прозрачнѣе; вода озера зазеленѣла и засверкала изумрудами.... выкатился пламенный шаръ солнца.... въ одно мгновенье сошелъ день и стало жарко. Только въ узкихъ горловинахъ горъ (les gorges) свѣжо, виситъ крупная роса, и провиситъ тамъ до полудня....

Бываютъ осенью утра туманныя, съ сизыми парами, превращаемыми мало-по-малу пробивающимся солнцемъ въ безконечную панораму тучъ, съ переходами изъ цвѣта въ цвѣтъ, изъ образа въ образъ.... Клубы багровыхъ испареній возносятся надъ утесами и

потомъ слагаются въ снѣжно-розовыя облака, которыя перепоясываютъ горы надвое, такъ что верхушки кажутся отрѣзанными и стоящими на воздухѣ.... Вдоль ущелій, по морщинамъ скалъ поползли хлопья ослѣпительно-бѣлыхъ, мягкихъ облаковъ, и завязли въ нихъ — иной разъ до вечера.....

После такого утра, почти всегда бываютъ дни, въ которые деревья, горы и вода стоятъ, какъ очарованные: купола вѣковыхъ орѣшниковъ и каштановъ—не шевелятъ листомъ, горы — держатъ въ объятіяхъ своихъ ущелій недвижимыя облака, озеро — не пускаетъ ни одной струи на гладкую поверхность; и все это,—горы, и облака,—опрокинулось и повторилось въ его зеркалѣ, разрисовавъ его зелеными, сиреневыми и бирюзовыми пятнами.... Какіе дни, какія ощущенія! Какъ хорошо такъ жить на свѣтѣ!...

Моя избушка на горѣ. Она такъ высоко, что съ озера ее готовъ принять за муху, а изъ нея—береговые города за мухъ. Между мной и озеромъ почти верста. Уровень моря ниже меня на полторы версты. Ну, гдѣ же Петербургъ, который почти ниже морскаго уровня?

Сзади меня и влѣво отъ меня — курчаво-зеленѣющія горы, съ прогалинками на макушкахъ, что ихъ дѣлаетъ похожими на бритыя головы католическихъ монаховъ. Далеко, на крутомъ скатѣ, блеститъ коса по травѣ, какъ по отливающему бархату. Черныя тропинки разбѣжались лентами, то опоясывая округлость холма, то впадая въ ущелье, какъ ручьи, то выпрыгивая на вершину и утопая снова въ чащѣ лѣса. Выше — ели вырѣзываются иглами на небѣ, и все вѣнчаютъ зубья сѣрыхъ и лиловыхъ каменныхъ утесовъ.... Тамъ уже нѣтъ и елей.... Передо мною снѣжныя грани «Южнаго Зуба» (*) и темныя громады савойскаго берега.... У ногъ — долина Роны, съ низменнымъ Вильнёвомъ надъ водою; пятно Шильона на разцвѣченномъ озерѣ — и все озеро.... Воздухъ такъ прозраченъ, что шумъ потока, падающаго въ озеро, доносится до слуха; рѣдкій ударъ лошадинаго копыта по береговому шоссе, стукъ колесъ проѣзжающей на полторы версты ниже меня коляски, — все доходитъ смягченнымъ, но яснымъ на высоту. Еслибъ не этотъ потокъ, да не коляска,—окрестность казалась бы уснувшею блаженнымъ сномъ. Въ такіе часы грустно думать, что и за этотъ уголокъ покоя принимаются безпокойные люди: что полоса желѣзной дороги готова оковать озеро и лихорадочный свистъ машины огласить мѣстность... Тогда прощай ея блаженный сонъ!... Ужасно хочется, чтобъ разорилась святотатственная компанія, или ея не допустили вовсе водуазцы....

(*) La dent du midi — одна изъ снѣжныхъ горъ въ цѣпи Альповъ.

— Мы не уступимъ шага нашихъ виноградниковъ! говорятъ они. — Компанія думаетъ взять деньгами—ошибется! Мы всѣ подымемся! Пускай готовитъ порохъ не для однихъ тунелей....

Я вѣрилъ: лугъ, отѣненный орѣшникомъ, виноградникъ въ нѣсколько квадратныхъ саженъ—для швейцарца дороги, какъ его семейство; онъ ихъ уступитъ рѣдко даже за большія деньги. Оттого, построить домъ или завести садъ въ Швейцаріи стоитъ многолѣтнихъ хлопотъ и невѣроятныхъ издержекъ: владѣлецъ ничтожнаго клочка земли, на которомъ едва ли можно выстроить бесѣдку,— послѣ всякаго рода дипломатическихъ предложеній,—уступаетъ его нехотя — за три, за четыре и за пять тысячъ франковъ. Любопытно видѣть, когда и какъ кончитъ свои сдѣлки компанія желѣзной дороги съ этимъ маленькимъ германскимъ сеймомъ владѣтелей, гдѣ собственности такъ раздроблены, что, напримѣръ, какому нибудь кучеру, мосьё Дюфуру, принадлежитъ одно дерево да четыре метра земли кругомъ, а капитану Мюри, лодочнику на озерѣ, клочокъ виноградника по одну сторону тропинки, да право проходить вдоль тропинки; третьему — другой клочокъ виноградника, безъ права ходить по тропинкѣ.

.... Послѣ многихъ тихихъ дней пойдетъ всегда гроза по озеру. Съ утра, отъ Юры всплывутъ круглыя тучки—дурной знакъ! Вонъ, поспѣшно, будто дорожа временемъ, онѣ заклубилися и начали спускаться по горамъ, которыя скоро исчезаютъ, точно ихъ и не бывало вовсе. Тутъ озеро еще играетъ пятнами сирени и бирюзы; а тамъ оно ужь посѣрѣло, словно въ немъ утонули тучи... На небѣ осталсябыло проблескъ синевы; но и его закрыло.... Вода, подернутая зыбью, сморщилась и задрожала, посинѣла! Ближайшія горы осѣнились какимъ-то холоднымъ паромъ, который превращается видимо въ бѣлую завѣсу, задергивающую планъ за планомъ, гору за горою.... Наконецъ вся отдаленность утонула въ общемъ сплошномъ дождѣ. Близкій ударъ грома повторился разомъ всѣми ущельями и, удесятеренный, покатился въ воздухѣ; за нимъ другой, третій, четвертый — и безконечный раскатъ заревѣлъ страшно, какъ стая дикихъ звѣрей.... Пронеслась такая вьюга, что все,—трава, кусты, вѣтви деревьевъ,—полегло и забилось, точно паруса въ бурю... Крупный дождь пошелъ сѣчь озеро, и горы, и ложбины... О стѣны Шильона захлестала волна.... Только одна долина внизу блеститъ солнцемъ и будто смѣется надъ грозою....

Въ исходѣ сентября, пробудившійся день часто озаряетъ зеленыя верхушки горъ, посыпанныя отъ вчерашней грозы снѣгомъ, какъ мелкимъ сахаромъ....

Словами не пересказать всего, что говорятъ швейцарскія озера, или что гудятъ, катясь съ снѣговыхъ вершинъ, обвалы, свищутъ, набѣгая, вихри, шепчутъ или оглушительно звучатъ потоки и водопады; что поютъ, покачиваясь, тысячелѣтнія лѣса!... Природа *здѣсь* — она здѣсь сѣла, — дальше только слѣды ея ногъ.... Здѣсь чувствуешь ея могучее движенье—ея сердце... Она, кажется, несла полный подолъ сокровищъ на всю землю, но выбросила ихъ всѣ здѣсь: оттого-то и явилась послѣ съ пустыми руками въ какой нибудь, напримѣръ, Нерехтѣ....

.... Швейцарцы на своихъ монетахъ чеканятъ Гельвецію и сзади нея — цѣпь снѣжныхъ Альповъ.... При выѣздѣ изъ Берна, «изумленный», на этотъ разъ дѣйствительно, взоръ путешественника видитъ передъ собою, точно на монетѣ, этотъ бѣлый поясъ Гельвеціи.

— Оберландъ! сказалъ торжественно мой кучеръ Фрицъ, везшій меня на долгихъ, и указалъ бичемъ на горы.

Но о Фрицѣ слѣдуютъ два слова.

Онъ былъ оберландецъ родомъ и содержатель почты въ Интерлакенѣ, одномъ изъ уголковъ Швейцаріи, куда особенно стремятся лѣтомъ англійскія мухи. Какъ и всѣ швейцарцы, Фрицъ смотрѣлъ и дѣйствовалъ открыто, мало услуживалъ, за то хорошо служилъ. Лошади его были ему пара: на громкое пощолкиванье бича они отвѣчали дружнымъ передергиваньемъ ушей, еще болѣе дружнымъ бѣгомъ и поворотами, по одному звуку голоса Фрица, въ ту именно сторону, куда было надо... Съ пороговъ проѣзжихъ деревушекъ кланялись Фрицу старые и малые, а дѣти пускались бѣгомъ за экипажемъ.... Два раза въ день выходилъ навстрѣчу конюхъ съ ведрами и поилъ лошадей... Мы ѣхали долинами, гдѣ съ четырехъ часовъ былъ вечеръ, и поднимались на горы, гдѣ въ восемь пекло солнце... Словомъ, все было—какъ и слѣдуетъ, и говорить о переѣздѣ съ Фрицомъ было бы незачѣмъ, если бы не встрѣча на одномъ привалѣ для обѣда съ итальянцами: черта открытыхъ нравовъ этого народа особенно явилась яркою въ странѣ, гдѣ все припрятано, все избѣгаетъ выходить наружу, и слово бережетъ про случай, а не кидаетъ на что ни попало...

Я обѣдалъ, когда въ столовую вошла молодая женщина, съ матовою смуглостью и синеватымъ блескомъ черныхъ косъ, которыя держали точно въ рамѣ овалъ ея прекраснаго лица За нею показалась оливковаго цвѣта фигура — не то *факина*, не то *синьора*, а можетъ быть даже и *дука*,—такихъ случается встрѣчать въ Италіи,—съ глупо-изумленнымъ и изумительно-глупымъ лицомъ; затѣмъ вступилъ старикъ, высокій, тощій и икающій изъ-за ладони... Шествіе было

заключено слугою, что можно было угадать не по наружности,—неуступавшей, напримѣръ, ни въ чемъ факину,—но по верховной власти распорядителя, которая усвоена лакеямъ всѣхъ домовъ Италіи. Покуда члены непонятной сразу семьи столковалися о мѣстѣ для обѣда, а послѣ и о самомъ обѣдѣ, согласясь во всемъ съ лакеемъ, который кричалъ громче всѣхъ, — я разсмотрѣлъ красавицу. Она могла быть римлянкой: чернѣе угля зрачки глазъ, прорѣзанныхъ широко и плававшихъ въ какой-то нѣжной влагѣ бѣлка, голубоватаго и длиннаго; зубы, какъ два ряда подобраннаго жемчуга; улыбка свѣтлая и разговоръ нѣсколько съ припѣвомъ — такія бываютъ только римлянки... Оливковый факинъ казался рядомъ съ нею—выдумкой художника, искавшаго пятна въ картинѣ....

Итальянцы замолчали — и вся зала замолчала; только ходила моя ложка по тарелкѣ, да ходилъ старикъ взадъ и впередъ по комнатѣ, икая.... Икоты и ходьбы однакожь оказалось съ него мало: надобно было еще и поговорить....

— Вы тоже ѣдете? обратился онъ ко мнѣ.

— Въ настоящую минуту я обѣдаю! хотѣлъ я сказать; но, глядя на красавицу отвѣтилъ: «ѣду.»

— Въ Парижъ?

— Нѣтъ, по Швейцаріи....

— Въ Италію?

— Нѣтъ, покуда въ самую Швейцарію.

— Для чего жь это? По дѣламъ?

— Нѣтъ, для удовольствія....

Старикомъ овладѣли горловыя схватки....

— Какое жь можетъ быть удовольствіе? Парижъ, это я понимаю; но Швейцарія! Что жь тутъ за удовольствіе? Только издержки! Все равно, какъ деревня! Развѣ вамъ нравится деревня?

— Очень, — особенно лѣтомъ.

— У меня есть вилла подъ Римомъ. Вы были въ Римѣ?

— Былъ.

— Вы вѣрно знаете площадь Порконья?

— Знаю.

— Эту площадь, всѣ знаютъ.... Принчипи въ Римѣ очень извѣстны; и дуки также....

Я молчу. Внутри старика заиграли усиленные звуки... Я все молчу...

— Дуки и принчипи, началъ онъ опять; но внутренніе голоса заглушили его голосъ.

— Кажется, ихъ не любятъ въ Римѣ, — замѣтилъ я.

— Насъ въ Римѣ не любятъ *канальи*.... Упаси насъ Богъ и пресвятая мадонна отъ новой революціи!....

«Такъ вотъ-таки доикался мой старикъ, до чего хотѣлъ» подумалъ я.

— Моя невѣстка.... Это моя невѣстка! подхватилъ онъ, указывая на красавицу. — Она урожденная принчипесса Капра.... А вы кто такой? спросилъ онъ неожиданно: — англичанинъ, русскій князь (русскій не можетъ быть не князь), или здѣшній?

— Я русскій, — отвѣчалъ я. Слова эти произвели взрывъ икоты.

— Русскій! Какъ пріятно познакомиться! Позвольте васъ представить моей невѣсткѣ.... Дукесса Порконья.... А это сынъ мой — Дука Порконья... Русскій князь! прибавилъ онъ, стрѣляя ртомъ.

Красавица пропѣла какую-то пошлость, но такъ мило пропѣла! Жемчугъ зубовъ показалъ свои два ряда.... Не то баринъ, не то факинъ поклонился такъ, какъ будто его толкнули сзади....

— Вамъ тоже не нравится Швейцарія? спросилъ я — не факина; но онъ счелъ нужнымъ засмѣяться.

— О нѣтъ, не нравится! отвѣтила протяжно дукесса: — «sempre piove! sempre nuvole! O, misericordia (Вѣчный дождь! вѣчныя тучи!.... о, Боже сохрани!)

— Послѣ Италіи трудно чему-нибудь нравиться! замѣтилъ я. — Вдобавокъ, вы смотрите на Швейцарію сквозь такую непривлекательную завѣсу... (Сплошной дождь заливалъ даже свѣтъ, не только что окрестность).

— Моя невѣстка.... знаетъ очень много синьоровъ русскихъ, заикалъ старикъ: — и я ихъ тоже знаю! Князь Панфилли, графиня Ватикани....

Князья Панфиловы и графини Втыканины были такіе-же, какъ я, — итальянскаго производства.

За обѣдомъ, старый дука чавкалъ, не забывая и икать; а факинъ, тоже оказавшійся дукомъ, вытащилъ изъ кармана такой носовой платокъ, что дукесса, видимо страдавшая, не удержалась и закричала: «о, брутто! брутто!» (о, гадость, гадость!) Лакей выхватилъ платокъ у барина, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ донести его до носа, и отправился за чистымъ. Красавица поблагодарила его такимъ добродушнымъ взглядомъ!

Все это пришлось мнѣ покинуть скоро. Кучеръ мой, Фрицъ, съ обычной холодностью объявилъ, что пора ѣхать. Надо было откланяться.

— «До свиданья въ Римѣ, неправда-ли? сказала дукесса, протягивая мнѣ руку — длинную, бѣлую, какъ мраморная рука изъ Ватикана...

Факинъ руки не подалъ, но ухватилъ мою съ остервенѣніемъ. Старикъ бросилъ салфетку въ соусъ и, объявивъ, что желаетъ усн-

дитъ меня въ коляску, пустился безъ шапки по лѣстницѣ; кланяясь, повторялъ, что я князь, и икалъ, и икалъ страшно!

— Это моя болѣзнь, — говорилъ онъ, застегивая кожу: — Ci vuol una purga seguitata! (надо постоянно себя чистить).

Ну, изъ чего этотъ человѣкъ убивается? думалъ я. Что за идеализмъ — застегивать коляску первому проѣзжему только за то, что онъ русскій — стало быть князь, и значитъ богачъ! Вѣдь онъ и самъ богачъ и *дука* (да еще настоящій!).... И потомъ, что за справедливость: этотъ глупый дождь сѣчетъ на козлахъ благороднѣйшаго Фрица, а дуку подадутъ карету и онъ еще, пожалуй, станетъ въ ней ругаться, почему нѣтъ солнца и идетъ дождь, который и идетъ-то не на него!....

Фрицъ съ удивленьемъ посмотрѣлъ на старика, обрызганнаго совершенно добровольно, и съ достоинствомъ поднявъ длинный бичъ, хлопнулъ имъ три раза по воздуху. Лошади обмахались ушами и дружно тронулись рысью.... Идеалистъ безъ шапки все еще раскланивался на порогѣ.... Дождь все еще хлесталъ по кузову....

— Мнѣ досадно, что вы пріѣдете въ такую пору въ Интерлакенъ, заговорилъ Фрицъ, съ неудовольствіемъ оглядывая горизонтъ.—Вы не увидите даже *Юнгфрау*. Нашъ край надо видѣть въ хорошую погоду: нашъ край—это лучшій край въ Швейцаріи.... Ахъ, сударь, что за край!

И онъ съ какою-то грустью захлопалъ бичемъ и не сказалъ больше ни слова во всю дорогу.... Когда мы, часа черезъ два, остановились въ Тунѣ, при въѣздѣ въ который я прочиталъ на столбѣ: *Оберландъ*,— Фрицъ, слѣзая съ козелъ, повторилъ: «да, сударь, что за край!» Видно было, что во всю дорогу ничто не пробѣжало въ его въ головѣ вопрегъ этой мысли.

Отъ Туна до Интерлакена — три часа ѣзды. Дождь, будто образумясь, унимался; тучи, разрываясь о деревья и о горы, пустились во всѣ стороны тяжелыми волнами: то закрывали передъ самымъ носомъ, какъ простыней, ближніе предметы, то стлались по-низу долины; перерѣзывали на двое горы, зданія и деревья; то изорванными въ клочки газомъ разлетались косвенно и таяли въ воздухѣ... Еще послѣднія облака наскоро выливали остальной дождь; а солнце уже выглянуло сквозь пары—и обняло пожаромъ тучи, верхи горъ, лѣса и всю окрестность....

Лошади Фрица бѣжали по узенькому шоссе, такъ же весело, какъ Фрицъ сидѣлъ на козлахъ, какъ хлесталъ его бичъ по воздуху, полному испареній, какъ разгарался вечеръ... Вправо горы надъ лентою дороги, повторившей всѣ изгибы озера; влѣво — у самыхъ копытъ лошадей, тронутая огнемъ зеленая его поверхность... Надъ водою—

деревушки, распиленныя дрова и доски, кучи навоза, дѣти.... Лошади обозначаютъ бѣгъ свой звонко... И вдругъ летитъ въ коляску вѣтка черныхъ вишень, обдавая каплями... Это привѣтъ добрыхъ людей, добро пожаловать иностранцу..,. Что шагъ, то озеро красивѣе, горы тѣснѣе, скалы разноцвѣтнѣе... Вотъ и бѣлая Юнгфрау, какъ лебедь, выплыла на чистомъ небѣ...

— Вонъ Юнгфрау! вонъ она! вонъ! А!! — почти закричалъ Фрицъ и дѣтски завертѣлся... Кто бы въ немъ узналъ въ эту минуту флегматическаго оберландца, содержателя почтъ въ Интерлакенѣ?....

Тунское озеро кончилось, какъ иныя сонаты Бетговена: оно расплылось, стушевалось съ долиною... Скоро коляска вскочила колесами на грубую мостовую городка... Ступая въ лужи, навстрѣчу намъ бѣжала старуха.

— Это моя жена! сказалъ Фрицъ, десятью годами ея моложе.

Старуха, задыхаясь отъ радости, тянулась къ нему руками, какъ ребенокъ.... Онъ сказалъ ей нѣсколько словъ на языкѣ, понятномъ только швейцарцу, и коляска покатилась скоро по шоссе, между рядами *пансіоновъ* (*), англичанъ, осѣдланныхъ ословъ, бѣлыхъ альпійскихъ палокъ, и рѣзныхъ изъ дерева бездѣлокъ.... Не прошло и десяти минутъ съ тѣхъ поръ, какъ Тунское озеро стушевалось, а впереди уже синѣло новое — Бріенцкое! На узкомъ перешейкѣ между ними мы остановились. Горы направо, горы налѣво, и надъ ними снѣжная царица ихъ — Юнгфрау.... Это Интерлакенъ.... Снѣжныя горы въ Швейцаріи служатъ отмѣтными точками — какъ-бы вехами природы: около нихъ свила она свои любимыя гнѣзда. Снѣжная гора — балованное дитя мѣстности, цѣль, къ которой обращаются глаза... По ней замѣчаютъ погоду, на ней лишнія пять минутъ видятъ день; за нее берутъ лишній франкъ въ гостинницѣ: «Ваши окна выходятъ на Юнгфрау, Монбланъ, Мэнихъ» — говорятъ вамъ... Въ приморскихъ городахъ говорятъ тоже самое про море....

Фрицъ болѣе всего заботился о моемъ свиданіи съ Юнгфрау: онъ устроивалъ его, какъ трагическій наперсникъ.

— Здѣсь вы ее будете видѣть цѣлый день! сказалъ онъ, сходя съ козелъ у гостинницы *бельвю*, «величественный видъ» которой не уничтожилъ меня (а это строго предписывалось *гидомъ* (Interlaken et ses environs, par Pièrre Ober.»). Меня, напротивъ, поразило предстоящее житье въ трактиромъ городкѣ, который обступалъ со всѣхъ сторонъ, и гдѣ, чтобы увидѣть луга, слѣдовало стать на цыпочки и смотрѣтьчерезъ головы толпы... Гдѣ вы, мои дебри? думалъ я — и озирался съ безнадежностью кругомъ...

(*) *Пансіонъ* — гостинница, въ которой проѣзжій платитъ установленную сумму въ сутки, не заботясь уже ни о пищѣ, ни о часѣ для обѣда, завтрака и ужина: все дѣлается само собою по заведенному однажды для всѣхъ порядку и звонку.

Какъ вдругъ глаза мои замѣтили въ лугахъ желтѣющія сквозь деревья стѣны дома, и къ нему зеленымъ пухлымъ червякомъ ползущую аллею... Пьеръ Оберъ, дайте ваше перо, чтобъ описать мою радость!

— Фрицъ, ѣдемъ туда!

— Къ геръ Оберу спрашиваетъ Фрицъ, смущенный скромностью моихъ стремленій; но скоро успокоивается тѣмъ. что свиданіе съ Юнгфрау оттого не разстроится.... Коляска весело ныряетъ въ густотѣ орѣшниковъ; Фрицъ потрясаетъ послѣдній разъ бичомъ воздухъ — и лошади помахиваютъ головами, точно привѣтствуютъ выглянувшее крыльцо гера Обера....

Интерлакенъ — это перекрестокъ празднаго народа; убѣжище людей, гонимыхъ бурею переворотовъ государственныхъ (отсюда ихъ не извлекутъ и опасенья неспокойной совѣсти сосѣда!); зимовка нѣмца, не простершаго развитія путевой драмы до Италіи, гдѣ alles kostet furchtbar theuer; сюда англичане лѣтомъ летятъ мухами; здѣсь русскіе пьютъ сыворотку и набираютъ гувернеровъ; голландцы лѣчатся отъ чахотки; итальянцы — отъ австрійскаго налога на карманы; здѣсь американцевъ почти столько же, какъ мухъ и англичанъ; — даже французъ несетъ свою красную ленточку на вершину Альповъ, вовсе непріученныхъ къ такому этикету...

Маленькіе трактиры, не даромъ названные *пансіонами*, родительски пекутся о цѣлыхъ стаяхъ этой разноплеменщины; она послушно утоляетъ въ нихъ свой голодъ по звонку, рѣшающему за ея желудки; нераздѣльно проводитъ весь остатокъ дня подъ орѣшниками, или въ небольшой залѣ, разговаривая, работая и относясь попреимуществу съ вопросами къ русскому, о томъ, отпадаютъ-ли въ Россіи носы отъ холоду... Отъ очной ставки жизни не убѣгаетъ здѣсь и самый сонъ: при закрытыхъ глазахъ, иллюзія деревянныхъ стѣнокъ исчезаетъ, — и вы слышите ясно, какъ вашъ сосѣдъ бухнулся на кровать; какъ потягивается другой; какъ сосѣдка разшнуровываетъ корсетъ и скрипятъ шнурки корсета; какъ полощется одну половину ночи англичанка и какъ полощется англичанка другую половину ночи.... Рано утромъ вы слышите, какъ шаркаетъ бритва на жосткой бородѣ англичанина, различаете даже, какъ мыло взбивается въ пѣну подъ кистью; какъ въ третьей комнатѣ со стономъ храпитъ калужскій помѣщикъ или чихаетъ десять разъ сряду католическій попъ.... Вы даже не то слышите....

Человѣкоугодныя заведенія эти управляются большею частію женщинами, сохранившими, несмотря на достатокъ и значеніе въ деревенскомъ свѣтѣ, народную одежду. Мужское поколѣніе, за тяжелую работу двухъ третей жизни, на солнцѣ и дождѣ, съ киркою

въ рукахъ,—награждаетъ себя въ остальную треть самымъ идеальнымъ бездѣйствіемъ: ѣстъ, сидитъ у подъѣзда, безъ сюртука и шапки, въ ведро какъ въ ненастье, оглашая страшною зѣвотой воздухъ, и только по временамъ поднимаетъ голову, чтобъ посмотрѣть на солнце и предсказать погоду отправляющимся въ горы англичанамъ. Сзади, люди эти похожи на быковъ, съ лица — на добродушныхъ дѣтей. Надъ ихъ воловьими шеями проходятъ безъ слѣда непогоды неба и земли; не пройдетъ только неумолимый ударъ крови....

Есть между пансіонами и такіе, которые хозяинъ строилъ для себя, а обстоятельства перестроили въ трактиры; есть между трактирщиками люди, которымъ прежде и въ голову не приходило, что жить значитъ—почтительно выслушивать требованія постояльцевъ, желающихъ размѣнивать свои пять франковъ въ сутки не иначе, какъ на большіе комфорты. Попадаются лица даже правительственныя, — утромъ разбирающія праваго и виновнаго, а за обѣдомъ разрѣзывающія баранину.... Мой трактирщикъ былъ не только судья-трактирщикъ — геръ-Оберъ; но и трактирщикъ-поэтъ — Пьеръ-Оберъ! Между произнесеніемъ приговоровъ и разрѣзываньемъ баранины, онъ предавался паренію своего творчества, возводя «въ перлъ созданья» трактиры сосѣдей: это ему-то показалось, что «величественный видъ» гостинницы *Бельвю* обязанъ былъ непремѣнно уничтожать пришельца.... «Высокое совершенство прислуги (прибавлялъ онъ) доведенное до незнакомаго человѣчеству превосходства....» и т. д. Судейская поэзія, какъ видите, не лишена была преувеличенія; тѣмъ не менѣе она была признана за доброкачественную поэзію на мѣстѣ. Нѣмки изъ Швейнфурта въ крайнихъ случаяхъ даже прибѣгали къ книжкѣ своего хозяина, цитируя ее и приговаривая: «ахъ! геръ-Оберъ совершенно правъ!»

Буду же правъ и я, если приведу геръ-Обера съ его жолтымъ домикомъ, выставившимъ изъ-за густыхъ орѣшниковъ небольшую вывѣску, — и лугà его облегшіе, и бѣлую Юнгфрау передъ глазами, и опять орѣшники, надъ которыми прошли вѣка,—орѣшники, свидѣтели надеждъ, насмѣшекъ, скрытыхъ густыми сумерками поцалуевъ, дѣтскихъ игръ, и молодыхъ и старыхъ слезъ.... Что за деревья, эти орѣшники! Стволъ, въ два человѣческихъ обхвата, дѣлится на три и на четыре дерева, которыя клонятся во всѣ стороны и сотнями вѣтвей распростираютъ тѣнь по окружности. Каждый орѣшникъ—маленькая роща! И къ осени крупные орѣхи лежатъ вокругъ помостомъ на травѣ.

Мы подъѣзжаемъ. На крыльцо выходятъ: оберландецъ, еще невозмутимѣй Фрица (это геръ-Оберъ), и привратникъ съ коленкоровыми рукавами при жилетѣ, что позволяетъ ему обходиться безъ сюртука....

Геръ Оберъ только-что скосилъ сѣно на своихъ лугахъ. Пригрѣвшее солнце подняло въ воздухъ волны благоуханій.... Послѣднее облако дождливаго дня пріютилось на груди Юнгфрау, точно ему тамъ было хорошо и нехотѣлося пускаться одному въ воздушную пустыню. Вечеръ гасъ; горы остывали какъ вынесенное изъ горна желѣзо.... Вотъ и ихъ дѣвственница (Юнгфрау) вспыхнула румянцемъ, будто застыдилась отъ прощальнаго поцалуя солнца.... Вотъ и она остыла и блѣдная осталась на небѣ....

Черезъ пять минутъ мнѣ дали комнату; набрали въ рукомойникъ ключевой воды, — и вотъ я пансіонеръ геръ-Обера, за свои нѣсколько франковъ въ сутки....

За вечернимъ чаемъ мой приборъ, мой медъ (*), тарелка земляники и мое появленіе—уже замѣчены. Сосѣдъ мой, бронзоваго цвѣта итальянецъ, подвинулъ мнѣ мелкій сахаръ; мы похвалили оба землянику.... Двѣ старыхъ англичанки, задержавшихся на свѣтѣ до того, что, по словамъ одного моего пріятеля, у нихъ летѣла моль изъ головы, — вышли монументально и съ торжественностью принялись мазать медъ на масло.... Явилось семейство нѣмцевъ, состоящее изъ отупѣлой, жирной нѣмки, съ больнымъ, худымъ и раздраженнымъ мужемъ, барышни съ льняными волосами, такими же бровями и рѣсницами, и мальчика, лѣтъ шести, которому хотѣлось спать. Нѣмцы долго раскланивались во всѣ стороны и ужь потомъ рѣшились усѣсться.... Ребенокъ не хотѣлъ ѣсть, — отецъ сердился.... Мальчикъ просилъ пить,—отцу казалось это бунтомъ.... Наконецъ, дитя расплакалось: нѣмка, видя *гроссе-шкандаль*, отупѣла пуще прежняго; нѣмецъ закашлялся и чуть не повалился на полъ.... Нѣмка принялась за нѣмца, льняная барышня за дитя....

— Я, тётя, спать хочу!» хныкалъ ребенокъ, котораго уводили съ страмомъ.

Эта сцена потрясала ужасно нервы....

— Розгой бы его хорошенько! замѣтилъ пофранцузски съ другаго конца стола пожилой пансіонеръ, съ знаками отличія, какъ-то свысока и нѣсколько начальникомъ смотрѣвшій на пансіонеровъ безъ отличія.

— Кто онъ такой? спросилъ я итальянца.

— Русскій генералъ, сказалъ тотъ, но такъ тихо, какъ-будто говорилъ о чемъ-то неприличномъ: —«una persona di conseguenza!» (важная особа), прибавилъ онъ, и даже взвѣсилъ на ладони его важность.

Вошла еще нѣмка — старая, — одна изъ тѣхъ нѣмокъ, у которыхъ нижняя губа—того и гляди отвалится.... Она не столько ѣла,

(*) Въ Швейцаріи подаются къ чаю медъ и масло, и намазываются вмѣстѣ на хлѣбъ.

сколько толковала, что armes Kind — бѣдное дитя — не будетъ ѣсть чего-то....

— У этой дочь — una bella ragazza! (славная дѣвчонка), шепнулъ мнѣ словоохотливый итальянецъ: — «она не такъ здорова, ее лѣчатъ сывороткой, а я такъ знаю, что ей надо мужа....» И, положивши такое рѣшеніе, вышелъ. Вышелъ и я. Смотрю, ужь мой сосѣдъ рисуется передъ окномъ, закинувъ назадъ голову, и напѣваетъ серенаду. Бѣлая, дебелая и распустившаяся, какъ макъ, нѣмка выглядываетъ съ бутербродомъ изъ окна и улыбается.

Милый итальянецъ!

На другой день мать съ губой, которой угрожало отпаденіе, потребовала у геръ-Обера счетъ и увезла свое дитя подальше отъ соблазна.... Геръ-Оберъ не моргнулъ, хоть серенада обошлась ему не двѣнадцати франковъ въ сутки. Говорятъ, онъ не имѣетъ привычки моргать ни въ какихъ случаяхъ жизни. Какъ-то его было затоптала лошадь.

— Вы ушиблись? спрашиваютъ его сбѣжавшіеся на помощь люди.

— Поймайте лошадь — изомнетъ цвѣты, — отвѣтилъ, не мѣняя голоса, геръ-Оберъ, и упалъ безъ чувствъ.

Поутру генерала попросили вынуть изъ шкатулки и показать знаки отличія. На это зрѣлище сбѣжалась вся прислуга: лакей въ туфляхъ, привратникъ съ коленкоровыми рукавами и двѣ дѣвушки, одѣтыя поберннски. Геръ-Оберъ пришелъ тоже, тѣмъ же тихимъ шагомъ, какъ выходитъ объявить пріѣзжему, что сутки стоятъ шесть франковъ, и какъ вышелъ къ уѣзжавшей нѣмкѣ, потерявъ 12 франковъ въ сутки.

— Прелюбопытная однакоже коллекція, — замѣтилъ онъ невозмутимо, когда столы покрылись звѣздами, крестами, лентами и ленточками.

— А знаете-ли, что генералъ все это надѣваетъ на себя? сказалъ я никогда не видѣвшему орденовъ швейцарцу.

Онъ расхохотался. Я только тутъ увидѣлъ, что онъ можетъ хохотать.

— Очень зло замѣчено!... произнесъ онъ сквозь слезы, убѣжденный въ томъ, что это шутка. Я его и не разубѣждалъ.

....Число пансіонеровъ, уменьшенное сегодня серенадой, къ счастію пополнилось, — и, къ удивленію, икающимъ дукомъ П рконьей и его прекрасною невѣсткой съ сквернымъ мужемъ.... Отъ этого все ожнвилось. Съ утра ужь раздается громкій голосъ дука и его икота.

— Это моя болѣзнь — «ci vuol una purga seguitata»... слышу я — то подъ однимъ, то подъ другимъ орѣшникомъ. Старикъ обходитъ послѣ завтрака все общество — сначала въ курткѣ, потомъ надѣваетъ

фракъ и отправляется гулять на Корсо, какъ онъ назвалъ улицу трактировъ. Онъ особенно сошелся съ русскимъ генераломъ, которому показываетъ знаки уваженія, а тотъ ему знаки отличія.... Онъ расточаетъ комплименты льняной нѣмкѣ, даже къ англичанкамъ съ молью чувствуетъ влеченье. А такъ какъ онѣ глухи, а онъ тоже глухъ, то разговоръ ихъ принимаетъ часто неожиданные обороты.

— Молодыя дамы не хотятъ играть на фортепьяно, говоритъ, напримѣръ, англичанка дуку; а тотъ идетъ гулять и думаетъ, что говорятъ про дождь.

— Да, говоритъ онъ утвердительно.

— Боятся при другихъ — дополняетъ англичанка....

— А у меня есть плащъ — можно закрыться, продолжаетъ дука.

— Онѣ мужчинъ боятся....

— Надо привыкать съ молоду; это должно входить въ воспитаніе.... Моя невѣстка не боится.... И такъ дальше...

Съ бронзовой кожей итальянецъ съ утра до вечера гуляетъ мимо оконъ небоящейся мужчинъ дукессы; а съ вечера до утра гуляетъ съ дукессой подъ орѣшниками.... Серенады и дуэты ихъ какъ будто дали нѣмымъ ночамъ голосъ....

Иной разъ все общество соберется въ горы.... Предварительно геръ-Оберъ выйдетъ на крыльцо и, обведя глазами небо, скажетъ равнодушно: «будетъ превосходная погода» — и тогда привратникъ съ рукавами отправляется искать ословъ, носильщиковъ, колясокъ, лошадей... Если же геръ-Оберъ такъ же равнодушно скажетъ: «будетъ черезъ часъ гроза» (что уже навѣрное и будетъ!), то всѣ вѣшаютъ носы и остаются дома.

Только общество уѣдетъ, — садъ съ лугами онѣмѣетъ снова. Я люблю такую нѣмоту, въ ней слышитъ истомившееся сердце голосà забвенія и тишины.... Забвеніе, забвеніе отъ всѣхъ — вотъ врачеваніе для раненнаго сердца!...

.... Нѣтъ никого. Геръ-Оберъ съ трудомъ набралъ лошадей, колясокъ и ословъ, чтобъ разсадить свой пансіонъ, пустившійся въ дорогу.... Остались только раздраженный нѣмецъ, да его семья...

Вонъ онъ сидитъ и грѣется на заходящемъ солнцѣ... Неужели жь онъ умретъ? мелькаетъ вопросъ, самъ не знаю отчего, въ моей головѣ, да такъ навязчиво, что я зову ребенка, который ловитъ мотылька.

— Папѣ хуже? спрашиваю я нерѣшительно.

— Тётя говоритъ—лучше, кричитъ дитя, скрываясь за кустомъ....

Я лежу на скошенной травѣ.... Я чувствую, что меня обняло здоровьемъ.... Отчего жь ему бы умереть? Пустое! Тишина такая и въ природѣ и на душѣ, какъ только можетъ быть, когда лежишь на скошенномъ лугу, а мѣсяцъ выплываетъ медленно, и несетъ задум-

чивость землѣ, деревьямъ, даже дому геръ-Обера, который, какъ и я, избавился на время отъ утомленья, отъ людей и шума вѣрно надоѣвшей и ему жизни... Гдѣ-то передъ маленькимъ шале, закрытымъ зеленью, играютъ музыканты. Въ сочетаньи звуковъ слышенъ тихій вечеръ, успокоивающійся трудовой день; побрякиваютъ издали колокола коровъ; вотъ, точно, замычала одна, другая, третья... Онѣ еще далеко на горахъ.... Вотъ, кажется, спустились ниже, — колокольчики слышнѣе, громче.... вотъ бѣгутъ въ долину и огласили воздухъ.... Отчего жь при этомъ застучало сердце? Почему слезы на глазахъ? Что тутъ такого, что идутъ домой коровы? Это *ранцъ-деваш* — завѣтный гимнъ швейцарца: отъ него текутъ солдатскія слезы,—и на семи холмахъ Рима, и въ Неаполѣ....

И вотъ свободный гимнъ уноситъ мысли въ города — изъ свѣжаго, благоухающаго луга геръ-Обера: къ бѣднымъ невольникамъ нищеты и заработки, — на булавочныя фабрики Бирмингама, гдѣ сгорбленные тѣснотою люди дышутъ мѣдной пылью, къ портному-мальчику, котораго хозяинъ, нѣмецъ, бьетъ въ Петербургѣ ножницами по головѣ, за кривой шовъ на панталонахъ; къ швеѣ, потѣющей надъ трудной строчкой щегольской рубашки; къ писцу, который со всей красотою почерка выводитъ на бумагѣ невообразимый вздоръ или злодѣйство, самъ не подозрѣвая того, что онъ дѣлаетъ... И мнѣ стало тяжело мое прохладное довольство. Продолжала наслаждаться только равнодушная природа. Мучатся или нѣтъ люди — ей какое дѣло!

Но куда бѣжитъ геръ-Оберъ — онъ, который, я убѣжденъ, не бѣгалъ даже въ дѣтствѣ? За нимъ *портье* въ жилетѣ.... и лакей теряетъ туфли и бѣжитъ туда же....

— «Умеръ папа!» кричитъ ребенокъ и, всхлипывая, бѣгаетъ изъ дому на крыльцо и съ крыльца опять въ домъ: — «тётя сказала: папа умеръ!...» и плачъ его какъ-то страшно потрясаетъ сонный воздухъ.

А мѣсяцъ по небу плыветъ такой же ясный, и природа отдыхаетъ такъ же невозмутимо — и завтра улыбнется, бодра и весела какъ прежде, розовому солнцу.... Возвратится общество съ прогулки и равнодушно сдвинется на одинъ приборъ за чаемъ.... Людямъ тоже все равно!

Еще умри по крайней мѣрѣ генералъ съ отличіями,—а то какой-то незамѣтный нѣмецъ!...

П. КОВАЛЕВСКІЙ.

СМЕРТЬ ВЕСНЫ.

Появилась она разцвѣтая,
И въ разцвѣтѣ своемъ умерла....
Ты блаженна, весна молодая:
Послѣ юности ты не жила.

Похоронную пѣснь тебѣ страстно
Соловей, твой любимецъ, пропѣлъ,
И оставилъ онъ все безучастно:
Онъ со смертью твоей отлетѣлъ; —

И роса, какъ прощальныя слезы,
Трепетала на злакахъ полей, —
А въ тотъ мигъ перволѣтнія розы
Зацвѣли на могилѣ твоей....

Горячо поколѣніе наше
Позавидуетъ смерти такой:
Сопричастны мы жизненной чашѣ
Только юности пылкой порой;

Намъ бы тоже угаснуть съ весною,
Намъ и жить только можно въ веснѣ:
Вѣдь за нею обычной чредою
Потекутъ наши дни въ полуснѣ.

Не для насъ эти доблести лѣта
И высокія цѣли трудовъ,
Къ намъ и осень придетъ безъ привѣта,
Безъ вѣнка, безъ кошницы плодовъ....

Намъ грядущая доля извѣстна;
Наша жизнь никому ненужна,
Да и жертва за мысль неумѣстна,
Да и ранняя доблесть вредна....

Умереть бы намъ, други, весною: —
Ничего не осталось для насъ,
Кромѣ сказанныхъ съ жолчью больною,
Отрицанья исполненныхъ фразъ!

Н. ЩЕРБИНА.

1859.

НЕАПОЛИТАНСКОЕ УТРО.

Какое утро!... Стихли громы,
Широко льется вешній лучъ,
Горятъ серебряные комы
За горы уходящихъ тучъ....

Какое утро!... Море снова
Пріемлетъ свой зеркальный видъ,
Хотя вдоль лона голубаго
Тяжелый вздохъ еще бѣжитъ, —

И, слѣдъ утихнувшаго гнѣва, —
Бурунъ вскипаетъ здѣсь и тамъ,
И слышенъ гулъ глухаго рева
Вдоль по отвѣснымъ берегамъ....

Плыву, безмолвнымъ счастьемъ полный,
И мой гребецъ имъ дорожитъ,
Чуть-чуть по влагѣ, самъ безмолвный,
Весломъ сверкающимъ скользитъ,

Молчитъ — и лишь съ улыбкой взглянетъ,
Когда на насъ отъ береговъ
Чуть слышнымъ вѣтеркомъ потянетъ
Благоуханіе цвѣтовъ:

Какъ будто сильфовъ рѣзвыхъ стая,
Спрыгнувъ со скалъ, дыша тепломъ,
Помчалась, вся благоухая,
Купаться въ воздухѣ морскомъ.

А. МАЙКОВЪ.

1859.
Неаполь.

ОЧЕРКЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

НА ЛѢВОМЪ КРЫЛѢ КАВКАЗСКОЙ ЛИНІИ

въ теченіи 1858 года.

Въ майской книжкѣ «Современника» за 1858 годъ напечатана третья статья моя, о военныхъ дѣйствіяхъ на Лѣвомъ крылѣ. Рядомъ подобныхъ статей я имѣлъ въ виду познакомить читателя съ краемъ, составляющимъ Лѣвое крыло, съ нашимъ положеніемъ въ немъ и съ ходомъ совершившихся тамъ дѣйствій.

Послѣ отправленія послѣдней статьи, обстоятельства разлучили меня съ войсками Лѣваго крыла, и всѣ послѣдующія событія на этомъ театрѣ дѣйствій произошли безъ меня. Тѣмъ не менѣе, близкое знакомство съ краемъ, предшествовавшія дѣла и посѣщеніе въ концѣ августа вновь занятаго Аргунскаго ущелья даютъ мнѣ возможность бросить хотя бѣглый взглядъ на ходъ нашихъ дѣйствій на Лѣвомъ крылѣ въ теченіе нынѣшняго года.

Уже изъ прежнихъ очерковъ моихъ, а также изъ другихъ статей о кавказскихъ дѣйствіяхъ, помѣщенныхъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и прочихъ газетахъ, можно было видѣть, что съ 1856 года въ основаніе дѣйствій принята совершенно другая система: вмѣсто полумѣръ, взяты рѣшительныя мѣры. Для людей, знакомыхъ съ дѣломъ, полагаю, слова мои будутъ достаточно понятны; а для не слѣдившихъ за ходомъ кавказскихъ событій, но видѣвшихъ только въ здѣшней войнѣ какую-то безконечную борьбу, довольно сказать, что въ теченіе

послѣднихъ двухъ лѣтъ отъ непокорнаго Восточнаго Кавказа отнято едва ли не больше одной трети всего его владѣнія: Салатавія, Аухъ, Большая и Малая Чечня и, наконецъ, самое важное—все теченіе Аргуна.

Кто понимаетъ разницу войны между двумя противными арміями и войны съ цѣлымъ народомъ, родящимся и умирающимъ съ оружіемъ въ рукахъ, съ народомъ мусульманскимъ, возбужденнымъ до судорожныхъ размѣровъ фанатизма и живущимъ, въ добавокъ, на мѣстности, съ которою никакая страна въ мірѣ сравниться не можетъ, — кто поглубже вникнетъ, говорю я, въ эту разницу, тотъ не можетъ не согласиться, что и въ самомъ смыслѣ слова «успѣхъ» на Кавказѣ и «успѣхъ» во всякой другой войнѣ — разница огромная.

Одно рѣшительно выигранное сраженіе можетъ рѣшить судьбу цѣлой кампаніи; нѣсколько такихъ часовъ, какіе испытали пруссаки подъ Іеной или французы подъ Ватерлоо, предаютъ цѣлыя государства во власть побѣдителя. Но тамъ, гдѣ приходится дѣйствовать въ одно время на разстояніи тысячи верстъ, гдѣ ничтожный повидимому непріятель, не имѣя понятія о правильной войнѣ, не думаетъ собирать на одномъ какомъ нибудь пунктѣ всѣ свои силы, и, такъ сказать, посредствомъ единоборства старается рѣшить: кому быть или не быть, тамъ война принимаетъ совершенно другое значеніе. Тутъ мало даровитыхъ полководцевъ, образованныхъ, храбрыхъ войскъ. Всѣ отличныя распоряженія военачальника, незнакомаго съ краемъ, неминуемо разрушатся отъ столкновенія не только съ непріятелемъ, но и со всѣмъ народонаселеніемъ подчиненной ему страны. Подъ словомъ: «столкновеніе», само собою, я не подразумѣваю столкновенія въ бою: тутъ рѣшеніе всегда въ нашу пользу; я говорю о столкновеніи съ обстоятельствами, порождаемыми исключительнымъ положеніемъ непріятеля, окружающей его природы, и разными случайностями. На открытое сраженіе вы его не вызовете: узнавъ о вашемъ движеніи въ его предѣлы, онъ соберетъ двѣ, три, даже до пяти тысячъ человѣкъ, съ нѣсколькими орудіями, расположится на удобной позиціи и хладнокровно ждетъ вашего прихода. Только-что вы вступили въ чащу лѣса или переходите чрезъ глубокій, лѣсистый оврагъ, по едва замѣтной тропинкѣ, или съ трудомъ двигаетесь по топкой, изрытой канавами мѣстности, заросшей колючими кустарниками и такимъ бурьяномъ, который скрываетъ козака съ пикой, кругомъ васъ,—какъ изъ земли, выростаетъ невидимый врагъ и осыпаетъ градомъ винтовочныхъ пуль. И горе отряду, застигнутому въ такую минуту не въ совершенномъ порядкѣ (что, къ счастью, случалось весьма рѣдко). Если же вездѣ соблюденъ строгій порядокъ, то дѣло кончается все-таки не въ поль-

ву нему: мы несемъ значительный уронъ въ людяхъ и лошадяхъ, а невидимый непріятель, благодаря своей необычайной ловкости, несмотря на сильнѣйшій ружейный, даже картечный огонь, остается почти безъ вреда: пострадаютъ больше лѣсъ и бурьянъ.... Но вотъ недалеко поляна или вообще болѣе открытая мѣстность, на которой военачальникъ совершенно надѣется «задать этимъ сорванцамъ порядочную трёпку» и заранѣе дѣлаетъ къ тому всѣ нужныя распоряженія. Выходимъ на поляну — «задать трёпки» некому: неизвѣстно — какъ появившійся, непріятель Богъ-вѣсть-куда исчезъ; развѣ гдѣ нибудь на высокомъ деревѣ сидятъ два человѣка, равнодушно наблюдая за вами. Вы идете впередъ, непріятель, т. е. все окрестное народонаселеніе, отъ 15-ти до 60-тилѣтняго возраста включительно, со всѣмъ своимъ семействомъ и имуществомъ, бѣжалъ и скрылся въ какой нибудь неприступной трущобѣ. Вы сожгли нѣсколько ауловъ, истребили много различныхъ запасовъ и возвращаетесь назадъ съ убѣжденіемъ, что такое наказаніе нагонитъ страху и отучитъ отъ непріязненныхъ покушеній. Но только-что вы тронулись, въ первомъ же перелѣскѣ или оврагѣ начинаютъ «строчить» вашъ аррьергардъ и, какъ озлобленные шмели, назойливо преслѣдуютъ васъ, пока не выберетесь на чистое мѣсто.

Между тѣмъ, не успѣли вы еще возвратиться и распустить собранныя въ отрядъ войска, какъ непріятель уже поторопился нагрянуть въ ваши предѣлы и въ какомъ нибудь покорномъ аулѣ, или близь казачьей станицы, или на большой проѣзжей дорогѣ, — вознаградить себя за понесенныя потери....

Я привелъ одинъ изъ сотни примѣровъ; а на эту тему можно рисовать сколько угодно!

Къ такому положенію въ образѣ веденія войны прибавьте множество другихъ обстоятельствъ, обусловливающихъ дѣйствія: здѣсь нельзя идти лѣтомъ, потому что непроходимые лѣса и орѣшникъ даютъ непріятелю возможность наносить намъ чувствительный вредъ; тамъ нельзя идти зимой, потому что съ октября уже воетъ холодный вѣтеръ, начинаются страшныя мятели, сообщеніе прекращается, топлива нѣтъ; здѣсь дорогъ почти не существуетъ, все нужное для отряда приходится съ трудомъ везти на вьюкахъ, отдѣляя половину войскъ для прикрытія транспортовъ, и приходится терпѣть недостатокъ во всѣхъ военныхъ припасахъ; а тамъ опять, если въ этомъ отношеніи лучше, то недостатокъ фуража и топлива дѣлаетъ невозможнымъ пребываніе отряда; въ одномъ мѣстѣ можно бы съ успѣхомъ повести дѣло, но для обезпеченія этого успѣха необходимо количество батальоновъ, превышающее наличное ихъ

число, и нѣтъ возможности достаточно обезпечить ихъ довольствіемъ; въ другомъ можно, пожалуй, дѣйствовать и съ меньшимъ числомъ, но мѣстноть, укрѣпленная, кромѣ природы, всѣми возможными и даже невозможными искусственными способами изобрѣтательнаго на этотъ счетъ непріятеля, грозитъ поглотить слишкомъ много жертвъ. Или же наконецъ, — необходимость указываетъ постоянное занятіе какого либо пункта, весьма выгоднаго по своему положенію, а въ немъ, какъ на зло, климатическія явленія подвергаютъ войска такимъ жестокимъ болѣзнямъ, что или приходится отказаться отъ пріобрѣтеннаго большею частью съ большими усиліями успѣха, или жертвовать здоровьемъ и жизнью многихъ людей.

Нужно хоть немного знать кавказскія племена, чтобы не удивляться, съ какою необыкновенною легкостью всякое, повидимому малозначащее, обстоятельство можетъ ихъ взволновать и какъ всякій, немного умный и хитрый человѣкъ можетъ воспользоваться ихъ непостижимымъ легковѣріемъ, чтобъ раздуть едва тлѣющія искры фанатизма и ненависти къ намъ.

Для отвращенія угрожающей намъ такимъ образомъ опасности, до сихъ поръ считалась единственнымъ и самымъ дѣйствительнымъ средствомъ — вооруженная сила. Покорному обществу требовались: крѣпость, гарнизонъ и угрожающее присутствіе штыковъ. Многократные примѣры достаточно убѣдили въ невозможности обойтись безъ этихъ мѣръ.

Изъ этого краткаго обзора можно, кажется, ясно понять, почему успѣхи въ войнѣ съ горцами такъ медленны. Впрочемъ я слишкомъ далекъ отъ мысли абсолютно порицать и прежнюю систему, и прежнія мѣры, употреблявшіяся къ покоренію Кавказа.

Въ такомъ многосложномъ дѣлѣ, въ такихъ столкновеніяхъ съ совершенно непредвидѣнными случаями, мгновенно возникавшими на обширномъ театрѣ кавказскихъ военныхъ дѣйствій, немудрено было и самымъ даровитымъ людямъ принимать ошибочныя мѣры, оказывавшіяся такими только чрезъ нѣсколько лѣтъ по приведеніи ихъ въ исполненіе (исключая, впрочемъ, нѣсколько частныхъ непростительныхъ ошибокъ). Ошибокъ тѣмъ болѣе нельзя всегда ставить въ вину, что почти всякая система дѣйствій вначалѣ увѣнчивалась успѣхомъ; затѣмъ первая неудача или отсутствіе ощутительнаго результата вызывала новую систему дѣйствій, въ свою очередь брошенную при первомъ же неуспѣхѣ или даже перемѣнѣ дѣйствующаго лица (Это, къ сожалѣнію, случалось довольно часто).

Одно развѣ можно бы поставить въ вину руководителямъ прежнихъ дѣйствій на Кавказѣ. это — отсутствіе достаточной заботливо-

сти къ учрежденію надъ покорными племенами правильно организованной администраціи, или, по крайней мѣрѣ, недостаточная оцѣнки важности администраціи, какъ значительнаго вспомогательнаго средства въ общей системѣ мѣръ, служащихъ къ покоренію кавказскихъ племенъ, между тѣмъ, какъ администрація должна идти рука объ руку съ военными дѣйствіями, и оба средства эти должны поддерживать именно другъ друга. Можемъ ли мы считать покорностью наружное спокойствіе общества, основанное на извѣстномъ количествѣ штыковъ? Такое спокойствіе всегда будетъ подобно теченію горнаго потока, остановленному обрушившимся заваломъ: рано или поздно, онъ прорвется. Кто же станетъ оспоривать, что покорность и спокойствіе въ народѣ могутъ быть прочными только при довѣріи его къ установленной имъ власти, только при убѣжденіи, что власть эта дѣйствуетъ для его благосостоянія, особенно, когда народъ этотъ «побѣжденный» и по вѣрѣ, языку, понятіямъ, образу жизни — совершенный контрастъ своего «побѣдителя»?

Должно сознаться, что и нелегко организовать администрацію надъ столькими разнородными обществами; нелегко найти людей, достаточно способныхъ къ этому дѣлу, требующему, кромѣ способностей и добросовѣстности, знакомства съ краемъ и его обитателями. Тѣмъ не менѣе, по прошествіи столькихъ лѣтъ, можно было бы сдѣлать для администраціи что нибудь больше. И, безъ сомнѣнія, еслибъ хоть треть заботъ, употребленныхъ на пріисканіе лучшихъ системъ военныхъ дѣйствій, была употреблена для улучшенія нашей администраціи на Кавказѣ, общій успѣхъ дѣла былъ бы навѣрное гораздо значительнѣе.

Но мы, кажется, попали наконецъ на путь дѣйствій, обѣщающій вѣрные успѣхи въ будущемъ. Мы перестали гоняться за непріятелемъ, въ надеждѣ чисто-боевымъ ударомъ заставить его смириться. Мы поняли, что, упрочивая за собою мало по малу владычество надъ различными частями непокорнаго Кавказа, мы лишаемъ непріятеля средствъ къ сопротивленію. Дѣланіе просѣкъ, учрежденіе казачьихъ станицъ и устройство укрѣпленныхъ пунктовъ, съ подвижными резервами—вотъ мѣры, стремящіяся къ этой цѣли. Рядомъ съ этими дѣйствіями нынѣ заботятся и объ усовершенствованіи администраціи, которая, конечно, въ столь короткое время не могла сдѣлать слишкомъ быстрыхъ шаговъ на пути совершенствованія.

Съ существующимъ нынѣ твердымъ убѣжденіемъ въ пользѣ и необходимости этихъ мѣръ, съ большимъ обезпеченіемъ прежде за-

нятыхъ нами мѣстъ, съ прекращеніемъ турецкой войны и увеличеніемъ матеріальныхъ средствъ, находящихся въ распоряженіи намѣстника, предпринято дать дѣйствіямъ большіе размѣры и наносить рѣшительные удары—прочнымъ завладѣніемъ значительныхъ пространствъ въ непокорной странѣ.

Къ этой-то главной цѣли и стремились дѣйствія на Лѣвомъ крылѣ Кавказской линіи съ исхода 1856 года,—дѣйствія, съ которыми я старался, хоть приблизительно, познакомить читателя въ трехъ очеркахъ. (См. «Современникъ» 1857 года, № 11, 1858 — №№ 1 и 5.)

Въ началѣ 1858 года рѣшено было сдѣлать еще болѣе рѣшительный шагъ къ водворенію нашего могущества въ Восточномъ Кавказѣ, завладѣніемъ Аргуна по всему его теченію.

Аргунъ, берущій свое начало въ Хевсуріи, у самаго подножія сѣвернаго склона Кавказскаго хребта, близь селенія Шатиль, прорывается по дикому, утесистому ущелью и течетъ на сѣверъ. Все протяженіе его теченія отъ помянутаго селенія, крайняго предѣла нашихъ владѣній со стороны Закавказья до кр. Воздвиженской, передоваго пункта нашихъ владѣній со стороны Кавказской линіи, составляетъ слишкомъ 50 верстъ. Аргунское ущелье перерѣзываетъ два хребта, идущіе параллельно главному Кавказскому хребту и извѣстные подъ названіемъ: *Скалистаго* (безлѣснаго) и *Чернаго* (покрытаго сплошными массами непроходимыхъ лѣсовъ). Отъ праваго берега рѣки, по притоку ея Шаро-Аргуну и далѣе, въ лѣсистыхъ долинахъ, до рѣки Андійскаго Койсу и до Андійскаго хребта живутъ общества, соплеменныя чеченцамъ, извѣстныя подъ именемъ: чемберлоевцевъ, ичкеринцевъ и ауховцевъ; это — самыя воинственныя изъ непокорныхъ племенъ Восточнаго Кавказа, живущія въ самой недоступной мѣстности, въ которой Шамиль основалъ свои резиденціи Дарго и Ведень. Здѣсь нашелъ онъ главную опору для своей власти надъ всею Чечнею,— власти, такъ удачно захваченной имъ въ несчастномъ переворотѣ 1840 года.

По самому ущелью Аргуна живутъ кистины, тѣ же горные чеченцы, извѣстные подъ названіями: майстинцевъ, чантійцевъ, дичинцевъ, терелойцевъ и шатоевцевъ или шубутовцевъ. Первыя четыре общества—бѣдныя, малозначительныя, населяющія угрюмую, скалистую мѣстность—оставались до сихъ поръ въ какомъ-то quasi-нейтральномъ положеніи. Наши войска туда не проникали. Полу-мусульманскія, полу-языческія, племена эти были, подобно всѣмъ племенамъ, занимающимъ первыя сѣверныя покатости Главнаго хребта, далеки и отъ всякаго фанатическаго къ намъ чувства. Непокорность ихъ,

Такъ же всѣхъ андійцевъ, анцухцевъ, капучинцевъ, джурмутцевъ и другихъ сосѣдственныхъ Лезгинской линіи племенъ, имѣла причиною не фанатическое ученіе мюридизма и деспотическую власть Шамиля, а просто лежала въ основаніи ихъ характера. Какъ образованной націи необходимы обезпеченіе собственности и свобода мысли, такъ этимъ народамъ присуща грубая свобода дѣйствій. Подчиненіе власти, запрещающей заниматься грабежемъ и разбоемъ, тягостнѣе для нихъ самаго жалкаго существованія. Наконецъ и труднопроходимыя пространства, отдѣляющія эти племена отъ мѣстъ расположенія нашихъ войскъ, которыя могли бы защитить ихъ отъ нападеній Шамиля, неминуемо послѣдовавшихъ бы тотчасъ за изъявленіемъ покорности, были также причиною ихъ непокорности.

Шатоевцы, среди которыхъ Шамиль, послѣ бѣгства въ 1839 г. изъ Ахульго, нашелъ первый пріютъ,—какъ общества, болѣе значительныя и воинственныя, управляемыя шамилевскимъ наибомъ, были въ отношеніи къ намъ столь же враждебны, какъ и ичкеринцы, и притомъ такъ же недоступны для нашихъ войскъ.

На пространствѣ между лѣвымъ берегомъ Аргуна, военно-грузинскою дорогою, по *Скалистому* хребту живутъ акинцы, цоринцы, галгаевцы и другіе народы, во всемъ сходные съ помянутыми полумусульманскими, полуязыческими племенами; въ ущельяхъ, или, правильнѣе, въ трущобахъ *Чернаго* хребта, до рѣки Ассы, живутъ общества, извѣстныя подъ общимъ именемъ гехинцевъ или малочеченцевъ, среди которыхъ вспыхнула первая искра чеченскаго возстанія 1840 г.

Къ сѣвернымъ подножіямъ обѣихъ описанныхъ частей горъ, прилегающихъ къ берегамъ Аргуна, примыкаютъ плоскости, раздѣляемыя этою рѣкою на двѣ части. Пространство на правомъ берегу составляетъ Большую Чечню, а пространство между лѣвымъ берегомъ и рѣкою Ассою, заселенное галашевцами, — Малую Чечню.

Если читатель будетъ слѣдить по картѣ за сдѣланнымъ мною описаніемъ при-аргунскаго края, то важность занятія нами Аргунскаго ущелья представится намъ сама собою.

Безъ сомнѣнія, мысль объ этомъ занятіи давно уже существовала; но исполненіе ея встрѣчало немало разнаго рода препятствій и для многихъ казалось даже невыполнимою задачею. Поэтому, вмѣсто рѣшительныхъ, настойчивыхъ мѣръ, въ теченіе весьма продолжительнаго времени ограничивались такими дѣствіями, которыя имѣли цѣлью достиженіе тѣхъ же результатовъ косвенными путями.

Начали съ того, что у выхода рѣки изъ ущелья на плоскость построили кр. Воздвиженскую, съ цѣлью замкнуть тамошнему населе-

нію доступъ въ Чечню и держать въ повиновеніи окрестныхъ жителей. Затѣмъ предпринимались неоднократно экспедиціи въ страну между Аргуномъ и Терекомъ, дѣйствуя то со стороны плоскости Малой Чечни, по ущельямъ и обходами по тропинкамъ, то отъ Владикавказа, — по горамъ, примыкающимъ къ лѣвому берегу Аргуна.

Тринадцать лѣтъ этихъ дѣйствій имѣли послѣдствіемъ основаніе Сунженской линіи, значительное уменьшеніе и обезсиленіе сопредѣльныхъ непокорныхъ обществъ, обезпеченіе до извѣстной степени военно-грузинской дороги и смежныхъ съ нею владѣній нашихъ. Хотя этими дѣйствіями далеко не достигли того результата, который пріобрѣтался прочнымъ занятіемъ всего теченія Аргуна, но они, кромѣ своихъ непосредственныхъ, частныхъ выгодъ, еще значительно подготовили успѣхъ этого занятія.

Пока мы не стояли твердою ногою на всемъ теченіи Аргуна, Шамиль во всякое время имѣлъ свободный доступъ въ пространство, прилегающее къ военно-грузинской дорогѣ. Посредствомъ шубутовцевъ и малочеченцевъ, управляемыхъ его наибами, онъ всегда имѣлъ возможность дѣйствовать на умы обитающихъ тамъ разнородныхъ кистинскихъ племенъ. При свойственной ему проницательности, Шамиль не могъ понимать выгодъ, сопряженныхъ съ прочнымъ водвореніемъ его власти надъ этими обществами. Чрезъ ихъ земли, не занятыя нашими войсками, ему постоянно былъ открытъ единовременный свободный доступъ къ военно-грузинской дорогѣ. Такимъ образомъ, онъ всегда могъ наводнить прилежащую къ этой дорогѣ страну хищническими шайками и поставить насъ каждую минуту въ весьма затруднительное положеніе: возбужденіемъ противъ насъ горнаго населенія этихъ странъ, постепеннымъ введеніемъ своего деспотическаго образа правленія и назначеніемъ предпріимчивыхъ наибовъ, онъ вынудилъ бы насъ на рѣшительныя наступательныя дѣйствія и навязалъ бы намъ еще одинъ театръ военныхъ дѣйствій, трудно доступный, по свойству страны.

Пока дѣйствія въ Чечнѣ требовали личнаго присутствія Шамиля въ этихъ мѣстахъ и энергическаго сопротивленія намъ, его вниманіе было отвлечено отъ Кистинскихъ горъ, и онъ не имѣлъ ни средствъ, ни времени настойчиво дѣйствовать съ этой стороны. Всѣ его дѣйствія съ этой стороны ограничивались тѣмъ, что онъ производилъ усиленныя рекогносцировки этихъ странъ, разорилъ нѣсколько башенъ въ аулахъ, отказывавшихся отъ принятія мюридизма, оказывалъ вниманіе нашимъ бѣглымъ и недовольнымъ нами старшинамъ и возбуждалъ легковѣрныхъ жителей горъ къ враждебнымъ противъ насъ дѣйствіямъ. Вліяніе Шамиля совершен-

но парализировало нашу власть въ этомъ пространствѣ и очень затрудняло всѣ административныя распоряженія въ окрестностяхъ Владикавказа и въ Кабардѣ. Жители этихъ, искони принадлежавшихъ намъ плоскостей, пользуясь такимъ стеченіемъ обстоятельствъ, всегда имѣли возможность укрывать отъ насъ своихъ преступниковъ; входили, посредствомъ всюду разсѣянныхъ клевретовъ Шамиля, въ сношенія съ нимъ, распускали слухи о движеніяхъ его съ значительными силами то въ ту, то въ другую сторону и ставили насъ въ какое-то тягостное состояніе постояннаго ожиданія нападеній непріятеля.

Мусульманское населеніе плоскости не менѣе горскаго тяготится властью, преслѣдующею хищничество. Въ немъ точно такъ же преобладаетъ жажда свободы въ дѣйствіяхъ, и потому каждая административная мѣра, необходимая для спокойствія страны, но имѣющая въ виду ограничить необузданную свободу дѣйствій горцевъ, возбуждала неудовольствіе ихъ и имѣла слѣдствіемъ сношенія съ непріятелемъ. Существовала еще одна причина постояннаго броженія умовъ между горцами: это—такъ называемые вліятельные въ народѣ люди, которые различными путями пріобрѣтали почетное званіе «преданныхъ правительству людей»,—званіе, сопряженное съ чинами, орденами, безпрестанными подарками и, главное, значительными денежными пенсіями съ нашей стороны. Большинство такихъ людей отлично умѣетъ пользоваться своимъ положеніемъ: разъ втершись въ довѣріе русскаго начальника, они отъ времени до времени поддерживаютъ въ немъ убѣжденіе въ шаткости народнаго къ намъ расположенія и въ огромныхъ заслугахъ, оказываемыхъ намъ всемогущимъ ихъ вліяніемъ, которое, по справедливости говоря, большею частью сильно только для внушенія народу враждебнаго къ намъ расположенія, т. е. для подлитія масла въ огонь... Въ нашу же пользу оно весьма слабо, да и употребляется весьма рѣдко. Не всякій начальникъ въ состояніи постигнуть истинное значеніе «вліятельныхъ» людей, которые, предвидя, что, съ водвореніемъ въ народѣ спокойствія, исчезнетъ для нихъ благодатное время перстней, часовъ и голландскихъ червонцевъ, стараются при каждомъ удобномъ случаѣ услужить намъ...

Какія важныя услуги могла бы оказать въ этихъ случаяхъ хорошая администрація! Я полагаю, что, вникая въ нужды народа, сознательно дѣйствуя для ихъ отвращенія, принимая мѣры къ предупрежденію, а не къ одному только преслѣдованію преступленій, основывая школы, администрація могла бы упрочить за собою непосредственно то вліяніе надъ горцами, котораго она хотѣла достигнуть чрезъ посредство лицъ, которыхъ преданность къ намъ основана на

любви къ подаркамъ. Къ сожалѣнію, ни организація, ни лица, ни средства не удовлетворяли до сихъ поръ тѣмъ многосложнымъ условіямъ, которыхъ требовала кавказская война, и результатовъ, которые могли доставить одни только мудрыя административныя распоряженія, думали достигнуть матеріальною силою.

Не распространяюсь далѣе въ исчисленіи обстоятельствъ, группировавшихся не въ пользу нашу на описанномъ горномъ пространствѣ, между лѣвымъ берегомъ Аргуна и Терекомъ, ибо полагаю, что читатель изъ сказаннаго могъ убѣдиться въ пользѣ для насъ отъ занятія Аргуна. Такое занятіе, отрѣзавъ отъ Шамиля и сердца его владѣній край, прилегающій къ военно-грузинской дорогѣ, лишилъ его жителей опоры имама и надежды на его содѣйствіе. Кромѣ того, мы пріобрѣли этимъ новый базисъ для наступательныхъ дѣйствій, въ обходъ неприступной лѣсной полосы, и достигли однимъ ударомъ результата, къ которому напрасно стремились въ теченіе многихъ лѣтъ.

Теперь мнѣ остается разсказать, какъ произошло это событіе и какой видъ приняло нынѣ Аргунское ущелье.

Я уже упомянулъ выше, что не принималъ личнаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ минувшаго года. Подробности ихъ мнѣ извѣстны изъ разсказовъ и реляцій; слѣдовательно, ожидать отъ меня подробной, живой картины бывшихъ военныхъ дѣйствій невозможно. Имѣя въ виду не столько описаніе самыхъ военныхъ операцій, сколько уясненіе читателю значенія ихъ въ общей системѣ мѣръ, принятыхъ къ покоренію Восточнаго Кавказа, я представлю здѣсь только самую сущность военныхъ дѣйствій при занятіи нами Аргуна, отсылая тѣхъ, которые желаютъ знать подробности самаго дѣла, къ реляціямъ, составленнымъ съ большою полнотою.

Для занятія аргунскаго ущелья представлялось нѣсколько различныхъ способовъ; самымъ удобнымъ казалось движеніе тремя отдѣльными отрядами: однимъ — отъ верховьевъ рѣки внизъ по теченію, другимъ—отъ кр. Воздвиженской вверхъ по теченію и третьимъ—отъ Владикавказа, по Кистинскимъ горамъ, чрезъ р. Ассу, на общество Ако. Такимъ образомъ надѣялись развлечь вниманіе непріятеля по тремъ различнымъ направленіямъ и избѣгнуть того упорнаго сопротивленія, которое онъ не преминулъ бы показать при сосредоточеніи силъ своихъ. Но съ другой стороны это наступательное движеніе имѣло то неудобство, что первый и третій отряды, которые должны были дѣйствовать на мѣстности весьма гористой, могли двигаться только лѣтомъ, а средній, которому предстоялъ трудный прорывъ чрезъ самую лѣсистую часть Чернаго хребта, только зимою.

Самою трудною задачею въ этомъ предпріятіи считалось занятіе тѣснины, сквозь которую, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Воздвиженской, Аргунъ прорывается на плоскость. И дѣйствительно, при взглядѣ на эту мѣстность даже теперь, когда она уже совершенно измѣнила свою физіономію подъ нашими топорами и лопатами, невольно удивляешься, какимъ образомъ, усиленная искусственной обороной, защищаемая предпріимчивымъ непріятелемъ, тѣснина эта могла быть взята, и главное—съ незначительною потерею? Я убѣжденъ, что большинство хорошо знакомыхъ съ военнымъ дѣломъ людей сочло бы безумнымъ такое предпріятіе; между тѣмъ человѣкъ, испытанный въ кавказской войнѣ, призналъ бы его только весьма труднымъ, рискованнымъ, но не невозможнымъ.

Упомянутая мною тѣснина образуется двумя отвѣсными скалами на разстояніе пистолетнаго выстрѣла одна отъ другой; скалы эти суть ничто иное, какъ обрывистыя подножія весьма крутыхъ горъ, покрытыхъ дремучимъ лѣсомъ. По правому берегу скатъ горы такъ отвѣсно примыкаетъ къ обрыву, что здѣсь съ трудомъ можетъ пробраться пѣшеходъ; по лѣвому берегу, гдѣ мѣстность нѣсколько отложе, проходила единственная въ ущельи Аргуна дорога. Въ самомъ узкомъ мѣстѣ дорога эта прорѣзана глубокой, лѣсистой балкой; на ней и надъ обрывомъ противоположной скалы были устроены завалы, съ которыхъ можно было поражать атакующихъ съ фронта и обоихъ фланговъ. Прошу читателей обратить особое вниманіе на опасное положеніе людей, двигающихся на лѣвомъ флангѣ атакующей колонны. Имъ приходилось идти по тридцати-саженному обрыву, на днѣ котораго едва слышенъ глухой ропотъ Аргуна, и подвергнуться огню тысячи мѣткихъ винтовокъ расположеннаго за заваломъ непріятеля, не далѣе пистолетнаго выстрѣла.

Для предотвращенія огромной потери, неизбѣжной при занятіи такой мѣстности, были употреблены обыкновенные въ здѣшней войнѣ два способа: отвлеченіе непріятеля, посредствомъ фальшиваго движенія, совершенно въ другую сторону и, при занятіи самаго ущелья, обходныя колонны. Съ первою цѣлью былъ распущенъ слухъ о движеніи войскъ въ Большую Чечню, для постройки въ центрѣ ея, у селенія Автура, крѣпости. Заготовленіе въ этой сторонѣ перевозочныхъ, строительныхъ и продовольственныхъ средствъ, а также расположеніе нѣсколькихъ баталіоновъ въ направленіи къ Автуру окончательно ввели непріятеля въ заблужденіе, и онъ, предоставивъ охраненіе аргунской тѣснины нѣсколькимъ сотнямъ жителей окрестныхъ деревень, со всѣми силами двинулся къ мнимо угрожаемому пункту.

Войска наши тотчасъ воспользовались этимъ и, съ 15 на 16 января, направились къ ущелью по обоимъ берегамъ рѣки. Снѣгу навалило столько, что колонна, шедшая по правому берегу, употребила около семи часовъ на прохожденіе восьми верстъ. При ближайшемъ осмотрѣ мѣста непріятельскаго расположенія, обнаружилась совершенная недоступность позиціи его съ фронта; пришлось прибѣгнуть къ обходнымъ колоннамъ и двинуть ихъ на такія горы и въ такой лѣсъ, которые, безъ преувеличеній говоря, доступны только развѣ для войскъ кавказской арміи. Въ то время какъ непріятель, подкрѣпляемый сбѣгавшимися со всѣхъ сторонъ, по распространившейся тревогѣ, окрестными жителями, уже открылъ огонь, сосредоточивъ все свое вниманіе на дорогу по лѣвому берегу рѣки, а наши войска, открывъ канонаду, показывали видъ наступленія съ фронта.— обходные батальоны, по поясъ въ снѣгу, цѣпляясь за деревья, едва переводя духъ, взобрались на высоты и, послѣ небольшаго отдыха, съ громкимъ крикомъ ринулись внизъ. Какъ громомъ пораженные, горцы въ паническомъ страхѣ бросили свои завалы и искали спасенія въ бѣгствѣ. Такъ былъ сдѣланъ первый шагъ къ завладѣнію Аргунскимъ ущельемъ; но для упроченія его за нами, войскамъ предстоялъ огромный трудъ проложенія въ немъ удобныхъ сообщеній, построенія мостовъ, редутовъ и башенъ.

Не стану утомлять вниманія читателя подробнымъ описаніемъ неимовѣрныхъ трудовъ, перенесенныхъ войсками въ этихъ занятіяхъ: это будетъ повтореніе той же картины, которую болѣе яркими красками я пытался нарисовать въ первомъ моемъ очеркѣ, помѣщенномъ въ XI № «Современника» 1857 года.

До наступленія весны, чрезъ тѣснину была проложена довольно удобная дорога; надъ прорѣзывающимъ ее оврагомъ поставлена башня; чрезъ Аргунъ построенъ мостъ; нѣсколько окрестныхъ ауловъ разорено; на мѣстѣ одного изъ нихъ (Дачу-Барзой) возведено укрѣпленіе и на значительное пространство кругомъ вырублены вѣковые лѣса. Затѣмъ дальнѣйшее наступленіе по ущелью было отложено до лѣта, и войска, послѣ самаго кратковременнаго отдыха, перенесли свои дѣйствія въ Малую Чечню, чтобы, пользуясь нравственнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на жителей недавнимъ блистательнымъ успѣхомъ, довершить покореніе остатковъ населенія Малой Чечни, гнѣздившагося еще въ самыхъ верховьяхъ Гойты, Рошни, Валерика и другихъ мелкихъ рѣчекъ, вытекающихъ изъ уступовъ Черныхъ горъ и впадающихъ въ Сунжу.

Одного появленія войскъ достаточно было, для полнаго изъявленія покорности жителями, которые, бросивъ свои трущобы, начали пе-

реселяться къ намъ на плоскость. Примѣръ Малой Чечни не замедлилъ найти подражателей не только въ Большой Чечнѣ и Аухѣ, но даже въ верховьяхъ Аргуна; бѣжавшіе сюда въ горы во время прошлогоднихъ дѣйствій жители теперь цѣлыми десятками семействъ стали перебѣгать къ намъ.

Такими дѣйствіями мы сильно подкапывались подъ зданіе Шамиля, и потому понятно, что они вызвали и съ его стороны энергическія дѣйствія. Собравъ значительныя толпы горцевъ, изъ самыхъ отдаленныхъ обществъ Дагестана, онъ сначала старался различными демонстраціями отвлечь наши войска отъ мѣстъ ихъ расположенія; лишить тѣмъ переселяющихся малочеченцевъ прикрытія, и внезапнымъ нашествіемъ—если не увлечь обратно въ горы, то по крайней мѣрѣ строго наказать, для удержанія въ страхѣ другихъ. Но всѣ эти попытки, и даже предпріятіе противъ Шалинскаго укрѣпленія (окончившееся, впрочемъ, лишь сильной канонадой),—не имѣли никакого успѣха: непріятель встрѣчалъ вездѣ войска, готовыя отразить его.

Тогда Шамиль рѣшился на болѣе серьёзное предпріятіе: переправясь съ значительными силами чрезъ Аргунъ въ верховьяхъ его, онъ двинулся въ описанное мною выше горное пространство, прилегающее къ военно-грузинской дорогѣ.

Успѣхъ такого движенія могъ доставить непріятелю огромныя выгоды. Произведя возстаніе жителей не только помянутаго горнаго пространства, но и мусульманскаго населенія на плоскости, съ характеромъ и положеніемъ котораго, какъ въ отношеніи къ намъ, такъ и въ отношеніи къ исламу, я уже отчасти познакомилъ моихъ читателей, Шамиль думалъ отвлечь наши силы отъ Аргуна, съ тѣмъ, чтобы, предоставивъ имъ справляться съ возставшимъ населеніемъ, самому безпрепятственно обратиться и разрушить начатое нами зданіе. Онъ, конечно, понималъ, что даже при успѣхѣ этого предпріятія ему не удалось бы навсегда отвратить угрожающаго удара; но онъ выигрывалъ время, возбуждалъ въ фанатическихъ толпахъ новыя надежды и клалъ лишній камень въ основаніе своей колеблющейся власти.

Расположенные у всѣхъ главныхъ выходовъ изъ горъ, отдѣльные отряды наши зорко слѣдили за движеніями Шамиля и рѣшительно не давали ему возможности выйти на плоскость. Въ одномъ мѣстѣ, у Ачхоя, быть можетъ не предувѣдомленный о присутствіи тамъ сильной нашей колонны, онъ рѣшился спуститься съ горъ, чтобы хоть ничтожныхъ успѣхомъ поддержать духъ своихъ скопищъ и выиграть во мнѣніи народонаселенія, на содѣйствіе кото-

раго онъ разсчитывалъ. Но только-что голова непріятельской кавалеріи выдвинулась изъ лѣсу, какъ была атакована нашими войсками, разбита и, съ потерею двухъ значковъ и ста человѣкъ, обращена въ бѣгство. Послѣ этой неудачи, Шамиль опять потянулся въ горы и расположился на Ассѣ, въ галашенскихъ аулахъ. Въ теченіе пяти дней онъ разсылалъ оттуда во всѣ стороны своихъ агентовъ, съ цѣлью произвести въ народѣ волненіе; въ то же время онъ направлялъ конныя и пѣшія партіи къ разнымъ выходамъ изъ горъ, чтобы присутствіемъ ихъ ободрить жителей и, при удобномъ случаѣ, сдѣлать гдѣ нибудь нападеніе. Но или неудачное дѣло подъ Ачхоемъ, или близость нашихъ подвижныхъ колоннъ, или просто отсутствіе рѣшимости—были причиною, что попытки Шамиля не встрѣчали въ народѣ большаго сочувствія, и дѣло кончилось безплодными переговорами и обоюднымъ обманомъ.

Видя неудачу своего предпріятія, Шамиль двинулся обратно за Аргунъ, утративъ значительную часть своего нравственнаго вліянія на обманутыхъ въ надеждахъ своихъ горцевъ; наши войска, между тѣмъ, не упуская удобнаго времени, приступили къ окончательному овладѣнію всѣмъ Аргунскимъ ущельемъ.

Разсказать подробности происходившихъ при этомъ встрѣчъ съ непріятелемъ, значило бы выйти за предѣлы моей статьи, и потому отсылаю желающихъ составить себѣ о нихъ понятіе къ реляціямъ.

Въ первыхъ числахъ іюля, послѣ нѣсколькихъ кровавыхъ стычекъ съ непріятелемъ, послѣ разныхъ трудныхъ обходныхъ движеній по недоступнымъ, лѣсистымъ высотамъ, войска наши вступили наконецъ въ страну, никогда еще не видавшую нашихъ отрядовъ. Они проникли за страшный для насъ лѣсной поясъ и обошли съ тылу племена, пріученныя къ постоянной съ нами войнѣ. Въ Шубутѣ (Шатоѣ), считавшемся и у насъ, и у всѣхъ непокорныхъ обществъ Кавказа второю Ичкеріею,—въ Шубутѣ, гдѣ неприступныя скалы, непроходимые лѣса и дикая воинственность жителей представляютъ, повидимому, непреодолимыя препятствія къ овладѣнію, — въ этомъ самомъ Шубутѣ войска встрѣтили населеніе, изъявлявшее дружеское къ намъ расположеніе. Здѣсь жители не бѣжали въ лѣса при нашемъ появленіи и не стрѣляли по насъ, какъ вездѣ на Кавказѣ, а остались въ своихъ домахъ, изъявили покорность и завели съ нами торговыя сношенія. Должно быть, сильно надоѣли горцамъ и наибы, и мюриды, и картины будущаго блаженства, и надежды на помощь и покровительство турецкаго султана!...

По завладѣніи Шубутовскою (Шатоевскою) долиною, упроченною за нами штабъ-квартирою Навагинскаго пѣхотнаго полка, всѣ усилія войскъ нашихъ были обращены къ проложенію удобныхъ,

обезпеченныхъ сообщеній съ кр. Воздвиженскою. Чтобы судить о трудахъ войскъ, при исполненіи этихъ гигантскихъ работъ, нужно самому проѣхать отъ Воздвиженской до Гако, гдѣ устраивается помянутая штабъ-квартира. На разстояніи 27 верстъ, по ущелью, такъ недавно представлявшему чисто кавказскую картину дико-угрюмой природы, гдѣ Аргунъ, спертый громадными горами съ дремучимъ лѣсомъ и отвѣсными скалами, какъ бы насильно пробивалъ себѣ путь, иногда на глубинѣ, едва досягаемой простому глазу, гдѣ такъ недавно дикій горецъ едва могъ провести свою лошадку по едва замѣтной надъ обрывомъ тропинкѣ, гдѣ вся эта дикая природа вполнѣ гармонировала съ отсутствіемъ жизни и движенія, вдругъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, все измѣнилось!

24 августа ѣхалъ я по этому ущелью и не вѣрилъ собственнымъ глазамъ: тутъ башня съ развѣвающимся флагомъ, за нею длинный мостъ чрезъ пропасть, тамъ полевое укрѣпленіе съ пушками по угламъ; здѣсь опять редутъ, и опять башня, и чрезъ нѣсколько верстъ новое укрѣпленіе; по обѣимъ сторонамъ рѣки лежатъ остатки вѣковаго лѣса. На всемъ протяженіи стелется прекрасная, широкая дорога, то зигзагами подымающаяся надъ бездонною пропастью, то идущая надъ ней искусственно устроеннымъ карнизомъ. И вездѣ люди, жизнь, движеніе!

Еще разъ рѣшился Шамиль на отчаянную попытку: онъ опять собралъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, переправился выше мѣста нашего расположенія чрезъ Аргунъ и потянулся снова по направленію къ Владикавказу. Онъ зналъ, что бо́льшая часть нашихъ войскъ сосредоточена на Аргунѣ и разсчитывалъ на содѣйствіе постоянно сносившихся съ нимъ жителей плоскости. Одержать бы верхъ хоть надъ какой нибудь ротой или козачьей сотней, хоть бы «пощипать» какую нибудь станицу! Тогда, разумѣется, не трудно будетъ преувеличить значеніе своего успѣха, въ глазахъ жителей, и побудить ихъ къ явному возстанію.... Это заставитъ русскія войска, бросивъ Шубутъ, устремиться къ Владикавказу. Съ какою радостью Шамиль поспѣшилъ бы тогда назадъ, какъ бы испортилъ всѣ наши работы, сколько бы настроилъ новыхъ заваловъ, какъ наказалъ бы вновь покорившихся!

Сначала счастіе какъ будто вновь улыбнулось своему прежнему любимцу: часть населенія Кистинскихъ горъ присоединилась къ Шамилю, и на плоскости общество Назрановское, за нѣсколько дней предъ тѣмъ возмутившееся и уже наказанное, обѣщало къ нему присоединиться. Сотни бѣглецовъ изъ окрестностей Владикавказа прочили имаму несомнѣнный успѣхъ....

30 іюля Шамиль двинулся навстрѣчу выступившему изъ Владикавказа небольшому отряду, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ истребить его. Уже толпы его выстраивались для боя съ колонною нашею, казавшейся весьма маленькою на ровной плоскости, когда вдругъ вправо показался огромный столбъ пыли, а за нимъ значительная масса кавалеріи съ орудіями.

Въ одно мгновеніе исчезла вся рѣшимость Шамиля, вся увѣренность его въ успѣхѣ. Не разъ уже испытавшій послѣдствія встрѣчъ съ нами на плоскости и вообще сильно разстроенный рядомъ послѣднихъ неудачъ, онъ поспѣшилъ подумать объ отступленіи. Поспѣшность была тѣмъ болѣе необходима, что войска аргунскаго отряда, вмѣсто задуманнаго Шамилемъ отвлеченія ихъ къ Владикавказу, могли очень удобно занять остальное пространство Аргунскаго ущелья — и тогда нѣтъ пути отступленія; а пробить его силой не всегда выгодно....

Какъ только появилась на флангѣ непріятеля стройная масса кавалеріи, и владикавказскій отрядъ, ободренный этимъ движеніемъ, открылъ довольно близкую канонаду, вслѣдъ за которою тотчасъ перешелъ въ наступленіе, Шамиль немедленно началъ отступать; а когда козаки и милиціонеры, наскочивъ на какія-то слишкомъ выдвинувшіяся впередъ двѣ непріятельскія сотни, стали ихъ рубить, то отступленіе обратилось, какъ и слѣдовало ожидать, въ самое безпорядочное бѣгство, при которомъ непріятель потерялъ немалое число людей, лошадей, оружія и даже вьюки съ собственными вещами Шамиля.

Такъ кончилась вторая и, смѣю надѣяться, послѣдняя попытка непріятеля въ этой части края. Вскорѣ, по его обратной переправѣ за Аргунъ, мы завладѣли всѣмъ ущельемъ этой рѣки; общества тамошнія изъявили намъ покорность и выдали заложниковъ; даже наибы вышли къ намъ и доставили бывшія у нихъ орудія.

Работы по устройству и обезпеченію сообщеній хотя еще и не совсѣмъ окончены, но вся лежащая за лѣвымъ берегомъ Аргуна страна отрѣзана отъ праваго берега этой рѣки, и сообщеніе между ними возможно только развѣ для хищническихъ шаекъ. Теперь мы можемъ утвердительно сказать, что безопасность Владикавказа и Сунженской линіи навсегда обезпечена. Расположеніемъ нашимъ на Аргунѣ мы прикрыли весь этотъ край отъ центра шамилевыхъ владѣній и не только постоянно готовы къ отраженію всякой попытки направленной на наши предѣлы съ этой стороны, но пріобрѣли, напротивъ того, отличный базисъ для наступательныхъ дѣйствій въ непріятельскую страну во всякое время года.

Уже въ началѣ этой статьи я упомянулъ, что результатомъ успѣшныхъ дѣйствій съ 1856 года было отнятіе у непріятеля значительной части страны, преимущественно на плоскости. Но на Кавказѣ никакое владѣніе плоскостью не можетъ считаться прочнымъ, до тѣхъ поръ, пока первые уступы прилегающихъ къ ней горъ остаются въ рукахъ непріятеля. Примѣръ тому Большая Чечня: въ два непродолжительные періода происходившихъ здѣсь дѣйствій, мы прорѣзали ее широкими просѣками, и изъ двухъ поставленныхъ на оконечностяхъ ея укрѣпленій (Шали и Хоби-Шавдона) могли во всякое время двигаться по разнымъ направленіямъ. Слѣдствіемъ такихъ распоряженій было переселеніе почти всѣхъ жителей этой страны подъ наше покровительство. Тѣмъ не менѣе, трудно доступные аулы, разбросанные по окаймляющему Чечню гребню Черныхъ горъ и въ верховьяхъ его лѣсистыхъ ущелій, увеличившись частью бѣжавшаго съ плоскости населенія, остались въ совершенной отъ насъ независимости. Онѣ составляли для непріятеля не только довольно сильную оборонительную линію, въ случаѣ наступленія нашихъ войскъ съ фронта, но и достаточную подвижную силу, для вторженія на плоскость. Это вынуждало насъ къ тому, чтобы постоянно держать ее на военной ногѣ и имѣть всегда въ распоряженіи своемъ значительныя военныя силы для отраженія непріятельскихъ покушеній.

Очевидно, что такое положеніе могло существовать только временно и что для полнаго обладанія плоскостью неизбѣжно было занятіе впереди лежащаго лѣснаго хребта. Достигнуть этого посредствомъ прямаго наступленія съ фронта, то есть посредствомъ открытой атаки на трудно доступную мѣстность, покрытую на разстояніи большаго перехода дремучимъ лѣсомъ, въ которомъ каждое поваленное дерево могло служить непріятелю какъ укрѣпленіе, значило бы повторить кровавую драму ичкеринскихъ лѣсовъ. Въ подобномъ наступленіи мы встрѣтили бы сопротивленіе не только отъ жителей раскинутыхъ здѣсь ауловъ, но и отъ всей массы населенія, живущаго непосредственно за хребтомъ и воодушевленнаго постояннымъ присутствіемъ среди нихъ Шамиля,—населенія, менѣе другихъ испытавшаго неудачи при встрѣчахъ съ нами и гордо вспоминающаго наши случайныя неудачи 1842 и 1845 годовъ... Для упроченія нашей власти намъ оставалось только одно средство: прорваться чрезъ лѣсную полосу въ такомъ мѣстѣ, которое представляло бы къ тому менѣе всего преградъ, и, обойдя ее по открытымъ доступнымъ мѣстамъ, поставить непокорное населеніе, здѣсь гнѣздившееся, такъ сказать, между двухъ огней. Насколько мы достигли этой цѣли занятіемъ Аргунскаго ущелья, можно судить уже и потому, что Шамиль

послѣ этого перестаетъ считать себя безопаснымъ въ своей столицѣ — Веденѣ. Онъ отправилъ изъ нея весь свой скарбъ и артиллерію въ глубь Дагестана, а самъ оставался въ ней, какъ на бивуакѣ, въ полной готовности бѣжать, при первомъ звукѣ русскаго барабана.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что имѣющія скоро начаться зимнія дѣйствія на лѣвомъ крылѣ Кавказской линіи будутъ направлены къ этой цѣли. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключать по естественному ходу событій (*).

А. ЗИССЕРМАНЪ.

31 октября 1858 г.
Темиръ-Ханъ-Шура.

(*) Предположеніе автора уже осуществилось, какъ обнаруживается изъ послѣднихъ оффиціальныхъ донесеній съ Кавказа.

Статья эта, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, очень поздно была доставлена въ редакцію «Современника»; но мы печатаемъ ее, находя, что обстоятельныя данныя и многія соображенія, представляемыя г. Зиссерманомъ, и теперь еще имѣютъ свою долю интереса для русской публики. О послѣднихъ же событіяхъ на Кавказѣ мы говоримъ, вслѣдъ за этимъ, въ особой статьѣ.

Ред.

О ЗНАЧЕНІИ

НАШИХЪ ПОСЛѢДНИХЪ ПОДВИГОВЪ НА КАВКАЗѢ.

Восторженные разговоры и статьи о Кавказѣ и Шамилѣ были въ послѣднее время такъ часты, что наконецъ успѣли надоѣсть всѣмъ. Одинъ изъ нашихъ знакомыхъ спрашивалъ насъ даже, въ прошломъ мѣсяцѣ: «не бываете ли вы въ какомъ нибудь домѣ, въ которомъ не говорятъ о Шамилѣ? Очень интересно было бы познакомиться...» И, разумѣется, такого дома не оказалось и не могло оказаться въ цѣлой столицѣ, а можетъ быть—и во всей Россіи. Національное чувство было слишкомъ сильно затронуто новою славою русскаго оружія и должно было вылиться наружу въ громкихъ, восторженныхъ и продолжительныхъ толкахъ....

Но всеобщность модныхъ толковъ не исключаетъ возможности высказать и нѣсколько скромныхъ замѣчаній о дѣлѣ. Мы рѣшаемся на это среди общаго шума восклицаній и восторговъ, потому всего болѣе, что въ этихъ восторгахъ нерѣдко будущее рисуется въ слишкомъ обольстительномъ видѣ, а на прошедшее обыкновенно не хотятъ обращать вниманія. Оставляя въ сторонѣ будущее, которое еще далеко не обозначилось настоящимъ положеніемъ дѣлъ, мы именно хотимъ напомнить читателямъ нѣкоторые факты прошедшаго, близкіе къ настоящимъ явленіямъ.

Прежде всего замѣтимъ, что словамъ, безпрерывно раздающимся въ обществѣ: «война на Кавказѣ кончена» — еще не слѣдуетъ

придавать слишкомъ обширнаго и окончательнаго значенія. Не нужно забывать, что наше теперешнее завоеваніе простирается только на *лѣвое* крыло кавказской линіи, то есть на пространство между верховьями Терека и Каспійскимъ моремъ, составляющее менѣе половины враждебнаго намъ Кавказа. Пространство, лежащее къ западу отъ военно-грузинской дороги, остается попрежнему почти недоступно для насъ; а между тѣмъ владѣніе имъ представляетъ несравненно болѣе важности, нежели обладаніе нагорнымъ Дагестаномъ. Здѣсь передъ нами открывается часть западнаго берега *Каспійскаго* моря, которое и безъ того открыто для насъ; а тамъ *Черное* море, на которое права наши не такъ велики, особенно послѣ крымской войны. Кромѣ того, нужно имѣть въ виду и то, что военно-грузинская дорога, отдѣляющая лѣвый флангъ отъ праваго, вовсе не есть Китайская стѣна, совершенно уединяющая завоеванный нами край отъ того, который остался непокореннымъ. У чеченцевъ и лезгинцевъ лѣваго крыла существуетъ постоянная связь съ абхазцами, адыгами и убыхцами, обитающими на западъ отъ военно-грузинской дороги. Слѣдовательно для удержанія и упроченія того, что нами теперь пріобрѣтено, предстоитъ еще много трудностей, и мы, любуясь на Шамиля, разъѣзжающаго по улицамъ нашихъ городовъ, никакъ не должны воображать, будто теперь герои Кавказа могутъ сложить руки и успокоиться на лаврахъ. Настоящее значеніе послѣднихъ событій можетъ сдѣлаться для насъ нѣсколько яснѣе, когда мы приведемъ себѣ на память главнѣйшіе факты изъ прежней исторіи нашихъ подвиговъ на Кавказѣ.

Настоящее, послѣдовательное стремленіе къ покоренію Дагестана началось у насъ съ начала нынѣшняго столѣтія, вскорѣ послѣ подданства Грузіи. Но край этотъ былъ знакомъ намъ гораздо раньше и, конечно, могъ бы давно быть покоренъ безъ большихъ усилій, если бы Россія могла предвидѣть то значеніе, какое со временемъ должны получить для нея эти страны. Еще въ 1596 г. русскій отрядъ, подъ начальствомъ Хворостинина и Засѣкина, ходилъ въ шамхальство, овладѣлъ Тарками и даже приступилъ къ устройству укрѣпленныхъ пунктовъ по Сулаку. Но не подкрѣпленный изъ Россіи, онъ въ 1604 г. былъ истребленъ шамхаломъ Тарковскимъ; до 7000 человѣкъ погибло; нѣкоторая часть спаслась за Терекъ. Затѣмъ до Петра Великаго не было никакой попытки утвердиться на Кавказѣ.

При Петрѣ былъ завоеванъ, въ 1722 г., весь западный берегъ Каспійскаго моря: шамхальство Тарковское и ханства Дербентское

и Бакинское изъявили покорность; при устьѣ Сулака основана была крѣпость Большаго Креста, въ Тарнахъ и Дербентѣ оставлены гарнизоны; генералъ Матюшкинъ наименованъ правителемъ вновь пріобрѣтенной Прикаспійской области. Трактатомъ 1723 года и Персія признала за нами всѣ прикаспійскія завоеванія на Кавказѣ. Но въ томъ же году возмутились жители Баку, подъ предводительствомъ Даутъ-Бека. Ихъ усмирили, Даутъ-Бека отрѣшили и на его мѣсто назначили Дергачъ-Кули-Хана. Но въ слѣдующемъ году и Дергачъ-Кули-Ханъ оказался враждебнымъ Россіи; тогда мѣстнаго правителя совсѣмъ уничтожили, а городъ и крѣпость поступили въ управленіе русскаго коменданта. Въ слѣдующемъ 1725 году возмутился шамхалъ Тарковскій, Адиль-Гирей. Онъ былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и сосланъ въ Колу. Спокойствіе въ краѣ было возстановлено. Но черезъ десять лѣтъ, по договору съ шахомъ Надиромъ, (1735 г.) императрица Анна Ивановна добровольно отказалась отъ прикаспійской области, потому что она только требовала издержекъ и войска, а пользы не доставляла никакой.

Черезъ 50 лѣтъ опять начинается наше вліяніе въ Дагестанѣ, все по поводу персидскихъ дѣлъ. Въ 1786 г. шамхалъ Тарковскій признаетъ власть Россіи; черезъ нѣсколько лѣтъ тоже дѣлаетъ Мехтулинское ханство. Въ 1796 г., во время похода Зубова, изъявили покорность всѣ ханства, сосѣднія съ моремъ, — Дербентское, Кубинское, Кюринское, Бакинское, Ширванское и Тальшинское. Но въ 1797 г. Шейхъ-Али-Ханъ дербентскій взбунтовался; его смирили и онъ изъявилъ покорность; ему возвратили власть въ ханствѣ, и онъ опять возмутился. Въ 1806 г. Дербентъ взяли русскіе, а Шейхъ-Али-Ханъ бѣжалъ и черезъ нѣсколько времени возмутилъ Табасарань, покорившуюся Россіи въ 1796 г. Но въ 1819 г. и Табасарань была усмирена и присягнула на подданство.

Въ 1803 г. Аварія приняла русское подданство; въ 1804 г. кайтагскій владѣтель Адиль-Ханъ присягнулъ Россіи. Въ 1806 г. ханства Кубинское и Бакинское снова присоединены къ нашимъ владѣніямъ; а въ 1813 г., по гюлистанскому договору, рѣшительно признаны Персіею права наши на ханства Дербентское, Кюринское, Бакинское, Талышинское, Кубинское, Ширванское и Карабахское. Въ 1818 г. вступило въ подданство вольное общество Акушинское, а за нимъ Сюргинское, Рутульское, Кубачинское. Такимъ образомъ, кромѣ одного ханства Казикумыкскаго, весь Дагестанъ былъ тогда въ нашей власти. Но въ 1818 г. ханъ Аварскій Султанъ-Ахметъ взволновалъ ханство Мехтулинское и часть шамхальства. Это волненіе вскорѣ было усмирено Ермоловымъ. Вслѣдъ за тѣмъ аварскій

мамъ явился у крѣпости Внезапной съ 6000 горцевъ, но былъ разбитъ Ермоловымъ и принужденъ бѣжать въ горы. Аварія была усмирена; но въ 1819 г. взбунтовались акушинцы. Ермоловъ нанесъ имъ страшный ударъ, и они принесли торжественную присягу на вѣрность Россіи. Въ 1820 г. русскія войска овладѣли и Кумухомъ, главнымъ пунктомъ непокорнаго Кумукскаго ханства, и оно приняло подданство Россіи. Въ 1823 г. взбунтовались-было мехтулинцы, но были тотчасъ же усмирены.

Такимъ образомъ еще въ 1823 г. весь Дагестанъ былъ въ нашихъ рукахъ, и обладаніе имъ считалось до такой степени обезпеченнымъ, что на всемъ его пространствѣ содержалось всего до 15 батальоновъ войска и едва существовало нѣсколько жалкихъ укрѣпленій. Правда, что тогда старались удерживать горныя племена въ подданствѣ не столько силою русскаго оружія, сколько особаго рода политикой въ обращеніи съ ними. Извѣстно, что до появленія мюридизма кавказскія племена не имѣли никакой крѣпкой связи и были очень разрозненны и даже враждебны другъ съ другомъ. Въ особенности же нужно это сказать о самихъ владѣтеляхъ. Ссоря ихъ между собою и напуская ихъ на вольныя общины, Ермоловъ, назначенный на Кавказъ съ 1816 г., умѣлъ раздроблять силы враговъ и ослаблять ихъ, вовсе не жертвуя русскими войсками. Система его была постоянно успѣшна до тѣхъ поръ, пока не явился Кази-Мулла, воспламенившій въ горцахъ религіозный фанатизмъ. Обыкновенно приписываютъ исключительно этому явленію тѣ волненія, которыя начались потомъ въ покорномъ намъ Дагестанѣ; но едва ли это вполнѣ справедливо. Религія сама по себѣ можетъ, конечно, сильно увлекать новообращенныхъ; но мюридизмъ вѣдь вовсе не былъ новой религіей. Это было то же ученіе ислама, давно знакомое горцамъ, но никогда до тѣхъ поръ не исполнявшееся ими. Извѣстно, что для всѣхъ мусульманъ строго обязательна только та часть Корана, которая называется *шарріатъ* и содержитъ въ себѣ гражданскія постановленія. Другая часть—*тарикатъ*, заключающая высшія нравственныя предписанія, доступна не каждому, и ея послѣдователи представляли всегда нѣчто въ родѣ монашествующихъ орденовъ въ мусульманствѣ. Это-то и были *мюриды*, — то есть *послѣдователи истины*. Строгое ученіе мюридизма никогда не находило себѣ значительнаго круга приверженцевъ. Мюриды пользовались большимъ уваженіемъ мусульманъ въ Персіи, Бухарѣ и пр.; но никогда не воспламеняли массы народа и не пріобрѣтали политическаго значенія. Тѣмъ менѣе можно было опасаться ихъ вліянія на Кавказѣ, среди разрозненныхъ племенъ, да притомъ еще и плохихъ мусульманъ.

Въ 1824 году казалось, что уже ничто не могло вырвать Дагестанъ изъ нашихъ рукъ, и однакожъ въ это самое время власть наша тамъ, немедленно по водвореніи, начинала уже колебаться. Объясненіе этому нужно искать конечно не въ успѣхахъ мюридизма; напротивъ, — скорѣе самые его успѣхи нужно объяснять враждебностью горцевъ къ русскому владычеству.

Вспомнимъ, что первымъ кликомъ мюридизма на Кавказѣ былъ *газаватъ*, т. е. война съ невѣрными, завѣщанная Кораномъ. Въ тѣхъ странахъ востока, гдѣ утвердилось свое правительство, газават былъ забытъ; но на Кавказѣ ничего не могло быть популярнѣе этого предписанія исламизма, и вотъ почему мюридизмъ такъ быстро принялъ здѣсь громадные размѣры, какихъ не имѣлъ нигдѣ, и получилъ важное политическое значеніе. Горцы рѣшались подвергнуться всѣмъ строгостямъ и неудобствамъ ислама, — не пить вина, накрыть покрывалами женщинъ, прекратить разгулъ молодежи и пр., — только чтобы получить надежду на изгнаніе русскихъ... Въ пять лѣтъ Кази-Мулла подготовилъ уже возстаніе, и въ 1829 г. могъ заговорить прямо и торжественно:

«Говорю вамъ: доколѣ Дагестанъ попирается ногами русскихъ, до тѣхъ поръ не будетъ вамъ счастья. Солнце сожжетъ ваши поля, неорошенныя небесной влагой; сами вы будете умирать, какъ мухи, и горе вамъ, когда вы предстанете на судъ Всевышняго».

«Я посланъ отъ Бога, чтобы спасти васъ. Итакъ, во имя его и пророка призываю васъ на бранъ съ невѣрными. Казават русскимъ!»

И вслѣдъ за этимъ воззваніемъ Кази-Мулла является съ многочисленнымъ отрядомъ предъ Хунзахомъ, имѣя въ виду овладѣть Аваріею. Мы знаемъ, что въ три года своей военной дѣятельности онъ не успѣлъ ничего сдѣлать: съ самаго начала былъ разбитъ и прогнанъ, но опять собрался съ силами, разбилъ нѣсколько разъ наши войска, осаждалъ наши крѣпости, держалъ въ блокадѣ Дербентъ, сжегъ и разграбилъ Кизляръ; но нигдѣ не успѣлъ утвердиться, самъ въ свою очередь потерпѣлъ нѣсколько пораженій и наконецъ, 17 октября 1832 г., былъ убитъ, защищая Гимры, главное его мѣстопребываніе. Въ это время почти все возставшее народонаселеніе было снова усмирено и покорено; самъ Кази-Мулла еще до смерти своей потерялъ значительную долю своей популярности между горцами. Но, говорятъ, странное обстоятельство воспрепятствовало тогда совершенному покоренію Кавказа русскими: трупъ Кази-Муллы найденъ былъ въ такомъ положеніи, что одною рукою

держался онъ за бороду, а другою указывалъ на небо. По понятіямъ горцевъ, это именно тò положеніе, въ которомъ долженъ быть праведникъ въ минуты святыхъ бесѣдъ съ Аллахомъ. Отъ этого будто бы—возстаніе горцевъ послѣ смерти Кази-Муллы возобновилось съ большею силою, чѣмъ даже при его жизни. Разумѣется, такое объясненіе слишкомъ идиллично, и едва ли нужно прибѣгать къ чуду для того, чтобы растолковать причины непрерывной ненависти свободныхъ горскихъ племенъ къ русскому владычеству. Все дѣло разрѣшается гораздо проще: во-первыхъ, ненависть къ чужому господству вообще сильна была въ горскихъ племенахъ; во-вторыхъ, наше управленіе на Кавказѣ не было совершенно сообразно съ мѣстными потребностями и отношеніями. Кавказу придавали гораздо менѣе значенія, чѣмъ слѣдовало, и оттого не было тамъ ни хорошо устроеннаго войска, ни правильно организованнаго управленія. Въ то же время удержаніе въ своей власти разрозненныхъ и мелкихъ племенъ считали очень легкимъ, и потому не заботились о привлеченіи обитателей на свою сторону, а поступали уже съ ними такъ, какъ бы съ народомъ, покореннымъ издавна и окончательно. Вотъ нѣсколько примѣровъ тогдашней администраціи Кавказскаго края, которые мы беремъ изъ «Перечня событій въ Дагестанѣ», г. Окольничаго («Воен. Сборн.» 1859 г. № 1, стр. 169—170).

«Административная часть края была въ самомъ жалкомъ состояніи. Командующій войсками въ Сѣверномъ и Нагорномъ Дагестанѣ не имѣлъ при себѣ правильно организованнаго штаба; отъ этого являлась запутанность въ перепискѣ и неизбѣжныя отъ того злоупотребленія. Военныя дѣйствія, управленіе казармъ, снабженіе войскъ провіантомъ и боевыми запасами, необходимость слѣдить за покорнымъ намъ населеніемъ, — все это требовало большихъ отчетностей, огромной переписки, а вести ихъ было некому. Запутанность въ дѣлахъ и упущенія превосходили всякое вѣроятіе.

«Крайне тягостно было и положеніе покорныхъ намъ жителей Дагестана. Обременяемые нашими требованіями, они роптали на насъ и охотно передавались непріятелю при первой къ тому возможности.

«Напримѣръ, доставка дровъ въ аварскія укрѣпленія лежала преимущественно на койсубулинцахъ и аварцахъ, которые за 30 и за 40 верстъ, должны были идти въ лѣсъ и, набравъ тамъ съ трудомъ скудный ишачій вьюкъ хворосту, привозили его въ укрѣпленіе, получая по 20 коп. сер. за каждый вьюкъ. Нерѣдко женщины, по недостатку ишаковъ, на своихъ плечахъ приносили хворостъ и въ видѣ состраданія получали тоже по 20 к. каждая. Когда же все почти Койсубу и большая часть аварцевъ отложились, укрѣпленія наши претерпѣвали крайній недостатокъ въ дровахъ и нерѣдко солдаты не имѣли возможности даже сварить себѣ пищу.

«Перевозка провіанта была не менѣе обременительна для жителей. По положенію, слѣдовало за доставку четверти изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ Хунзахъ 82 к. сер., считая за каждую версту по копѣйкѣ серебромъ съ четверти (*). Но какъ операція эта, то есть нагрузка, разгрузка провіанта и движеніе туда и обратно, поглощала не менѣе 8 дней, то, слѣдовательно, на каждую лошадь приходилось всего по 10 к. сер. въ сутки,—цѣна, рѣшительно не вознаграждавшая трудъ. Или, впослѣдствіи, давали за доставку отъ Темиръ-Ханъ-Шуры до Хунзаха по двѣ копѣйки съ четверти на версту, накладывая по три четверти на арбу, запряженную парою воловъ; такимъ образомъ, аробщикъ, за поѣздку свою въ Хунзахъ и обратно, получалъ всего 4 р. 80 к. сер., или по 60 к. въ сутки на пару воловъ. Между тѣмъ, какъ при вольномъ наймѣ отъ Шуры до Хунзаха, за арбу брали не менѣе 35 р. сер.; получивъ же только 4 р. 80 к., можно судить, какимъ притѣсненіемъ считали жители транспортировку провіанта въ Хунзахъ.

«Преимущественно эта повинность падала на шамхальцевъ. Въ 1840 году они выставили до 20,000 арбъ, — изъ нихъ безплатно 16,000; въ 1841 году до 40,000, — изъ нихъ наполовину безплатно.»

Кромѣ доставки провіанта, на жителяхъ лежала обязанность содержать по дербентскому и кизлярскимъ трактамъ *чапаръ* (для охраненія дороги, вмѣстѣ съ казаками, и конвоированія проѣзжающихъ), поправка дорогъ, которая въ городахъ повторялась каждый годъ по нѣскольку разъ, а весною и осенью требовала особыхъ трудовъ.

«Столь тяжелыя повинности не могли не возбуждать противъ насъ негодованія въ людяхъ, которые по самому долгу религіи должны были насъ ненавидѣть....»

Такое положеніе дѣлъ всего лучше обезпечивало успѣхъ для того, кто захотѣлъ бы продолжать дѣло Кази-Муллы. А такъ какъ во всемъ народѣ недовольство и броженіе были сильны и общи, то и невозможно было, чтобы не нашлось преемника для убитаго имама. И дѣйствительно, черезъ полгода послѣ смерти Кази-Муллы объявилъ себя формально его преемникомъ Гамзатъ-Бекъ, бывшій прежде его помощникомъ, а потомъ отдѣлившійся отъ него. Возстаніе быстро разлилось по всѣмъ областямъ, покореннымъ русскими, и осенью 1833 г. Гамзатъ-Бекъ началъ непріязненныя дѣйствія противъ русскихъ, располагая 20,000 войска. Главною цѣлью нападенія была Аварія. Русскіе поняли теперь угрожавшую имъ опасность и рѣшились принять сильныя мѣры; но Гамзатъ въ первую половину 1834 г. утвердилъ свою власть въ Аваріи, истребилъ фамилію авар-

(*) Перевозка эта была вьючная и на каждую лошадь навьючивали по четверти, что было довольно тяжело и на ровномъ мѣстѣ, а не только на такой дорогѣ, каковa была изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ Хунзахъ.

скаго хана Абу-Нуцала, распространилъ свою власть во многихъ вольныхъ обществахъ, наконецъ пошелъ на цудахарцевъ и акушинцевъ. Здѣсь встрѣтила его неудача; онъ долженъ былъ возвратиться въ Хунзахъ; но здѣсь вспыхнулъ противъ Гамзата заговоръ, и 19 сентября 1834 г. онъ былъ убитъ въ мечети однимъ аварцемъ. Но и его смерть не принесла русскимъ ни малѣйшаго облегченія: вслѣдъ за Гамзатъ-Бекомъ является на сценѣ дѣйствій Шамиль, бывшій до того отдѣльнымъ начальникомъ и при Кази-Муллѣ, и при Гамзатѣ. Онъ началъ съ того, что укрѣпился въ Гоцатлѣ, захватилъ казну покойнаго имама и довершилъ истребленіе ханской фамиліи аварской, велѣвши убить малолѣтнаго Булачъ-Хана, который содержался при Гамзатѣ — въ Гоцатлѣ. Рѣшительность и быстрота дѣйствій вскорѣ пріобрѣли Шамилю уваженіе горцевъ. Несмотря на то, сильныя мѣры, принятыя русскими, въ теченіе трехъ лѣтъ довели Шамиля до крайняго изнеможенія и совершенно парализовали его значеніе въ горахъ. Въ октябрѣ 1834 г. онъ долженъ былъ бѣжать изъ Гоцатля, который былъ взятъ русскими и разоренъ. Вслѣдъ затѣмъ смирились предъ русскими полками взволнованные Шамилемъ аварцы, андалялцы, койсубулинцы и другія племена. Въ 1837 г., видя, что въ сосѣднихъ съ Аваріей обществахъ вліяніе Шамиля все продолжается, Ахметъ-ханъ-Мехтулинскій, бывшій въ это время правителемъ Аваріи, самъ призвалъ русскихъ въ Хунзахъ. Подъ начальствомъ генерала Фезе, совершена была въ этомъ году блистательная аварская экспедиція, въ которой участвовали очень значительныя русскія силы. Взяты были селенія *Ашильта* и *Ахульго*, гдѣ находилось семейство и имущество Шамиля; затѣмъ сдѣланъ приступъ къ большому и укрѣпленному селенію *Тилитлю* (въ 22 верстахъ отъ Хунзаха), гдѣ находился самъ имамъ. 4 и 5 іюля произведены были аттаки, а 7 іюля Шамиль прибылъ въ станъ Магометъ Мирзы-Хана, нашего союзника, поклялся на Коранѣ — не волновать болѣе горцевъ, и въ залогъ вѣрности выдалъ русскимъ амаватовъ. Вслѣдъ затѣмъ покорены были всѣ аварскія селенія, не признававшія власти русскихъ, и въ сентябрѣ 1837 года русскія войска уже удалились изъ Аваріи, чтобы подавить волненіе, обнаружившееся въ это время въ южномъ Дагестанѣ.

Въ Аваріи возведенъ былъ въ это время цѣлый рядъ укрѣпленныхъ мѣстъ, въ которыхъ оставлены были небольшіе наши гарнизоны. Но и на этотъ разъ видимая покорность горскихъ племенъ продолжалась недолго, и наше господство вовсе не было здѣсь обезпечено. Гарнизоны, оставленные въ новыхъ крѣпостяхъ, могли бы, конечно, удерживать край въ повиновеніи, но имъ приходилось, при

довольно двусмысленномъ поведеніи самихъ жителей, давать еще отпоръ сильному врагу, который снова поднялся, едва только русскій отрядъ ушелъ изъ Аваріи. Тотчасъ по удаленіи генерала Фезе, Шамиль опять явился на границахъ Аваріи, построилъ себѣ крѣпкій замокъ—новый Ахульго, близъ стараго, почти на отвѣсной скалѣ, и поселился въ немъ, продолжая заботиться о распространеніи своего вліянія въ горахъ. Имя его начинало уже пріобрѣтать громкую извѣстность даже между русскими, и дѣятельность его признана была въ то время очень опасною для нашей власти на Кавказѣ. Поэтому въ 1838 г., во время проѣзда императора Николая изъ Грузіи, генералъ Клюки-Фонъ-Клюгенау устроилъ свиданіе съ Шамилемъ на Каранаевскомъ спускѣ и всячески убѣждалъ его отправиться во Владикавказъ для принесенія вѣрноподданнической покорности Государю Императору. Но Шамиль рѣшительно отказался, говоря, что имамъ, глава правовѣрныхъ, не можетъ быть вичьимъ подданнымъ.

Но эта несговорчивость была вскорѣ наказана русскими войсками. 1839 годъ былъ бѣдственнымъ годомъ для Шамиля: генералъ Головинъ привелъ къ повиновенію весь *Самурскій* округъ, жители котораго прекратили даже всякую связь съ Шамилемъ; генералъ Граббе дважды разбилъ отряды Шамиля и 29 августа взялъ новый Ахульго. Самъ Шамиль едва успѣлъ избѣгнуть плѣна; сынъ же его Джемалъ-Эддинъ былъ взятъ и отправленъ въ Петербургъ, въ первый кадетскій корпусъ. При взятіи Ахульго погибли лучшіе сподвижники Шамиля; значеніе его въ горахъ значительно ослабѣло; Аварія была вся въ нашихъ рукахъ; гумбетовцы, андійцы и койсубулинцы, недавно видѣвшіе доказательства русской силы, старались избѣгать всякихъ сношеній съ Шамилемъ.... Дѣло дошло до того, что ему наконецъ не было возможности долѣе оставаться въ Дагестанѣ. Русскимъ оставалось только благоразумнымъ управленіемъ и вниманіемъ къ потребностямъ и обычаямъ жителей поддержать спокойствіе въ краѣ, внушить покореннымъ племенамъ довѣріе къ себѣ, привлечь ихъ расположеніе, — и роль Шамиля была бы кончена на Кавказѣ. Но къ несчастію, въ это время русское управленіе выказало себя именно съ такой стороны, что не могло не возбудить неудовольствія во вновь покоренномъ народѣ. Введеніе новаго порядка суда и расправы не могло обойтись безъ злоупотребленій, и въ горскомъ населеніи естественно возникли неудовольствія и ропотъ. Сначала броженіе было слабо и глухо; но потомъ оно перешло въ открытое возстаніе. Поводомъ къ нему послужила мѣра, придуманная тогда для обезоруженія чеченцевъ. Имъ было предписано платить подати оружіемъ, вмѣсто денегъ. Предполагая, что русскіе хотятъ ихъ обез-

оружить за тѣмъ, чтобы потомъ истребить, чеченцы явно возмутились, и Шамиль отлично воспользовался ихъ движеніемъ. Въ мартѣ 1840 г. онъ самъ явился на Сунжѣ съ 500 мюридовъ, и прежде всего занялся переселеніемъ ближайшихъ къ нашимъ владѣніямъ ауловъ въ Черныя горы, гдѣ они были совершенно безопасны отъ нашихъ войскъ. Доказательствомъ этого послужило пораженіе генерала Галафѣева на Валерикѣ, въ іюлѣ 1840 г.

Съ этого года Шамиль поселяется въ Ичкеринскомъ селеніи Дарго; отсюда начинается блистательная эпоха правленія Шамиля.

Въ теченіе 1841 г. онъ успѣлъ нанести нѣсколько сильныхъ пораженій нашимъ войскамъ, совершенно измѣнилъ въ свою пользу расположеніе умовъ во всемъ Дагестанѣ, присоединилъ къ себѣ, кромѣ многихъ мелкихъ обществъ, часть Салатавіи, почти все Койсубу и большую часть Андаляла, занялъ Унцукуль, Кикуны и Гергебиль. Нѣсколько пунктовъ въ Аваріи, остававшихся въ нашихъ рукахъ, были окружены враждебнымъ населеніемъ и едва могли имѣть сообщеніе другъ съ другомъ.

Но въ 1842 году это вѣчное колесо воинскаго счастья опять оборотилось-было въ пользу русскихъ. Въ началѣ этого года назначенъ начальникомъ войскъ Сѣвернаго Дагестана генералъ Фезе, и въ теченіе марта мѣсяца всѣ неудачи прошедшаго года были поправлены. Непокорныя племена усмирены, въ первый разъ приступлено было къ прокладкѣ сообщеній (что впослѣдствіи сдѣлалось главнымъ актомъ всякой экспедиціи въ горы), заложено нѣсколько новыхъ укрѣпленій. Но въ апрѣлѣ генералъ Фезе отозванъ былъ въ Тифлисъ, и въ апрѣлѣ же вспыхнуло возстаніе въ Казикумухскомъ ханствѣ. Шамиль опять имъ воспользовался. Сначала онъ потерпѣлъ пораженіе отъ князя Аргутинскаго-Долгорукаго и долженъ былъ очищать Казикумукское ханство; но къ концу лѣта поверхность была рѣшительно на сторонѣ Шамиля. Въ эту экспедицію, между прочимъ, генералъ Граббе совершилъ бѣдственный переходъ черезъ Ичкеринскій лѣсъ, въ которомъ мы потеряли до 2,000 убитыми и ранеными.

Это пораженіе всего болѣе подорвало наше вліяніе въ горахъ и чрезвычайно усилило значеніе Шамиля. Въ 8-й годъ своего имамства онъ повелѣвалъ всею Чечнею и почти всѣмъ сѣвернымъ Дагестаномъ, слѣдовательно располагалъ силами, какихъ до него не имѣлъ еще ни одинъ изъ горскихъ владѣтелей. Его власть признавали 230,000 семействъ. Въ слѣдующемъ 1843 году командующій войсками въ сѣверномъ Дагестанѣ заботился только о сохраненіи нашего владычества въ Аваріи, какъ центрѣ горъ. Но и это не уда-

ловъ: русскимъ суждено было постоянно вооружать противъ себя туземное населеніе, и это чрезвычайно ободряло Шамиля и давало ему новую опору въ горскихъ племенахъ, смотрѣвшихъ на него не иначе, какъ на избавителя отъ притѣсненій русскихъ. Само собою разумѣется, что горцамъ казались стѣснительными самыя даже благія мѣры нашего правительства. Въ образецъ того, какъ шло тогда наше управленіе на Кавказѣ, приведемъ, за неимѣніемъ подъ руками другихъ данныхъ на этотъ счетъ, опять одно мѣсто изъ «Перечня событій въ Дагестанѣ» («Воен. Сборн.» 1859 г. № 3, стр. 8—10).

«Причиною нашихъ неудачъ были, между прочимъ, неустройство управленія и проистекающая оттуда неясность отношеній покоренныхъ къ завоевателямъ.

«Вокругъ самаго Дербента, гдѣ мы старались вводить наши гражданскія постановленія, было все еще дико, неприготовлено къ этимъ реформамъ.

«Напримѣръ, жителю Табасарани или Кайтага приходилось имѣть дѣло съ чиновникомъ окружнаго правленія, который не понималъ его языка и долженъ былъ говорить съ нимъ иногда чрезъ посредство двухъ переводчиковъ: одного, знающаго татарскій и кайтагскій, другаго — русскій и татарскій языки. Первый переводчикъ, выслушавъ кайтагца, переводилъ его рѣчь на татарскій, прикрашивая ее по восточному обыкновенію; второй переводилъ ее съ татарскаго на русскій языкъ. Такимъ же точно порядкомъ кайтагецъ принималъ рѣшеніе или заключеніе нашего судьи. Легко представить, какъ это было затруднительно для обѣихъ сторонъ, особенно при соблюденіи всѣхъ формальностей нашихъ гражданскихъ постановленій. Нерѣдко самый смыслъ просьбы или рѣшенія искажался чрезъ невразумительный переводъ посредниковъ, и тогда оба, и истецъ и судья, смотрѣли другъ на друга удивленными глазами.

«Благодаря гражданскому дѣлопроизводству, выходили разныя недоразумѣнія. Напримѣръ, въ случаѣ какого нибудь уголовнаго дѣла по нашимъ законамъ, но вовсе неуголовнаго по понятію туземцевъ, какъ напримѣръ убійство человѣка въ кровомщеніи (канлы), — судьи наши заводили *слѣдственное дѣло* по всѣмъ утомительнымъ формальностямъ, требовали свидѣтелей, сажали въ тюрьму обвиненныхъ. Иногда дѣло, по недостатку законныхъ свидѣтельствъ, тянулось по два и по три года, и все это время виновные страдали въ душномъ острогѣ, сами еще хорошенько не зная, за что ихъ наказываютъ. Напримѣръ, какой нибудь Кайтагецъ крадетъ у своего сосѣда лошадь,—дѣло весьма обыкновенное; его тянутъ въ судъ и волочатъ дѣло по нѣскольку мѣсяцевъ. При этомъ порядкѣ, разумѣется, ни виновные, ни свидѣтели не обращались къ нашему правосудію, а искали удовлетворенія въ собственныхъ средствахъ, отчего положеніе наше въ краѣ было крайне непрочно, за недостат-

дѣнъ администрація: а кто же не согласится, что правильно приспособленная администрація есть могущественнѣйшее средство для обладанія; — вспомнимъ только, какъ о ней заботился Шамиль!

«Ко всему этому, дагестанское начальство вовсе не вникало въ духъ народа и дѣлало весьма важныя ошибки. Напримѣръ, въ 1842 году, управлять Андалялом былъ назначенъ Алипкачъ-Бекъ, житель шамхальства. Назначеніе это крайне оскорбило всѣхъ вліятельныхъ андалялцевъ, которые никакъ не считали себя ниже Алипкачева, ни по уму, ни по знатности, ни по вліянію, и поэтому приняли назначеніе это за оскорбительную надъ ними насмѣшку. Старшиною чиркеевскимъ былъ назначенъ нѣкто Біакай, а Джамалъ чиркеевскій, рѣдкій умница и политикъ, его дѣти и родственники, оставались въ сторонѣ и, не желая повиноваться Біакаю, вступили изъ мести въ сношенія съ Шамилемъ. Многія изъ начальствующихъ лицъ не хотѣли понимать характера горцевъ,—которые, несмотря на свою бѣдность, крайне самолюбивы и горды,—и держали себя въ отношеніи ихъ надменно. Къ одному изъ нашихъ генераловъ пришли по дѣламъ дидойцы, бѣдные, оборванные, замасленные. Когда одинъ изъ нихъ приблизился къ нему, нечистота его такъ поразила утонченный вкусъ нашего генерала, что онъ позволилъ себѣ оттолкнуть его. Тогда дидоецъ, покачавъ головою съ видомъ глубокаго сожалѣнія и нисколько не сконфузившись, сказалъ «не много надо имѣть ума, чтобъ пренебречь бѣднымъ человѣкомъ!...»

А Шамиль въ тоже самое время вводилъ нѣсколько правильную организацію суда и расправы, сообразную съ мѣстными потребностями и понятіями народа. Онъ строго смотрѣлъ за соблюденіемъ *шаріата*, измѣненнаго имъ согласно съ его видами и нуждами народа; умѣлъ дѣйствовать и на воображеніе, и на религіозное чувство горцевъ; умѣлъ задавать и страху тѣмъ, кто осмѣливался выходить изъ послушанія его волѣ... Ко всему этому прибавилось нѣсколько значительныхъ удачъ въ дѣлахъ съ русскими, и сила Шамиля приняла громадные размѣры въ глазахъ туземнаго населенія. Оттого нисколько неудивительны быстрые успѣхи его въ сентябрѣ 1843 года.

Въ продолженіе какихъ нибудь 15 дней Шамиль занялъ всю Аварію и окружилъ самого генерала Клюгенау, начальствовавшаго нашими войсками,—при селеніи Хунзахѣ. И нѣтъ сомнѣнія, что отрядъ Клюгенау, отрѣзанный со всѣхъ сторонъ отъ сообщеній и, вслѣдствіе этого, не получавшій даже провіанта, долженъ былъ погибнуть, если бы 13 сентября князь Аргутинскій-Долгорукій съ Самурскимъ отрядомъ не выручилъ генерала Клюгенау изъ его незавиднаго положенія.... Вообще 1843 годъ былъ для насъ однимъ изъ несчастнѣйшихъ годовъ на Кавказѣ: съ 27 августа по 22 декабря у насъ было

убито и ранено 76 штабъ и оберъ-офицеровъ и до 2,500 нижнихъ чиновъ; кромѣ того, мы потеряли 85 орудій, 2,150 ружей, до 14,000 зарядовъ, изъ которыхъ до 6,000 досталось непріятелю, 350,000 патроновъ, 50 пудовъ пороху, 180 палатокъ, 360 вьючныхъ лошадей, большое количество провіанта, и пр. Наконецъ Шамилемъ разрушено до основанія 12 укрѣпленныхъ пунктовъ.

На Кавказѣ 1843 годъ оставилъ страшное впечатлѣніе: довѣренность къ русскимъ исчезла, Шамиля считали непобѣдимымъ. Послѣ десятковъ разныхъ покореній, возмущеній, усмиреній, и опять возстаній, и опять покореній, и снова возмущеній, — военные люди, знающіе Кавказъ, пришли къ заключенію, что лучше подвигаться впередъ медленно, но прочно, и для этого постепенно стѣснять горное населеніе линіями укрѣпленій, лишить ихъ возможности существовать въ безплодныхъ горахъ и тѣмъ заставить ихъ покориться. Но для того, чтобы это мнѣніе принято было для практическихъ дѣйствій, нужно было русскимъ войскамъ перенести еще одинъ горькій опытъ, — походъ въ Дарго.

Въ 1844 году двинутъ былъ на Кавказъ 5-й пѣхотный корпусъ и съ помощію его приказано было командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса *проникнуть въ горы, разсѣять скопища Шамиля и утвердиться въ горахъ*. Это было предписано въ томъ предположеніи, что Шамиль не успѣетъ еще прочно укрѣпить своего владычества въ Аваріи.

Бывшій въ то время корпуснымъ командиромъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса генералъ-адъютантъ Нейдгартъ былъ человѣкъ характера нерѣшительнаго; кромѣ того, онъ считалъ предложенную ему задачу невыполнимою, а потому успѣхъ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ въ 1844 году не соотвѣтствовалъ тѣмъ силамъ, которые находились тамъ въ то время. Вслѣдствіе того въ декабрѣ 1844 года назначенъ былъ вмѣсто генерала Нейгарта намѣстникомъ Кавказа графъ Воронцовъ, съ правами, которыхъ до него не имѣлъ ни одинъ изъ намѣстниковъ Кавказа. Графъ Воронцовъ совершенно незнакомъ былъ тогда ни съ краемъ, ни съ образомъ кавказской войны, и сперва смѣло взялся исполнить программу предстоявшихъ ему дѣйствій, т. е.

1) Разбить скопища Шамиля,

2) Проникнуть въ центръ его владѣній и

3) Утвердиться въ немъ.

И вотъ графъ Воронцовъ, прибывъ въ Тифлисъ, предписалъ командиру 5-го пѣхотнаго корпуса, генералу Лидерсу, сосредоточить

чеченскій отрядъ у крѣпости Внезапной къ 28 мая, и въ тоже время приказалъ князю Бебутову съ Дагестанскимъ отрядомъ двинуться къ укрѣпленію Евгеніевскому.

Однако же послѣ свиданія съ генераломъ Фрейтагомъ, бывшимъ противъ рѣшительныхъ движеній въ горы, графъ Воронцовъ потерялъ ту самоувѣренность, съ какою прежде смотрѣлъ на свой походъ въ Андію.

Вотъ что писалъ онъ отъ 30 мая 1845 года къ бывшему военному министру Чернышеву:

«Повергните меня къ стопамъ Его Величества; я не смѣю надѣяться на большой успѣхъ нашего предпріятія, но сдѣлаю, разумѣется, все, что будетъ отъ меня зависѣть, чтобы выполнить Его желанія и оправдать Его довѣренность».

Припомнимъ нѣсколько фактовъ изъ Даргинской экспедиціи, чтобы видѣть, какихъ усилій стоило намъ прежде движеніе на Кавказѣ и какого рода ошибки постоянно затрудняли для насъ покореніе страны, уже столько разъ бывшей въ нашихъ рукахъ.

Начиная походъ, графъ Воронцовъ полагалъ встрѣтить упорное сопротивленіе со стороны Шамиля на первыхъ шагахъ своего похода, при этомъ разбить его и затѣмъ уже двигаться гораздо спокойнѣе впередъ. Но Шамиль счелъ за лучшее вести партизанскую войну: онъ пропускалъ Воронцова впередъ, тревожилъ его отрядъ безпрерывной перестрѣлкою изъ лѣса и, казалось, рѣшился завлечь отрядъ къ себѣ въ горы и тамъ окончательно истребить его, въ чемъ онъ почти успѣлъ. 5 іюня отрядъ встрѣтилъ на своемъ пути высокую, крутую и занятую сильнымъ непріятельскимъ отрядомъ гору Анчимиръ. Повидимому, эта позиція была неприступна, въ чемъ былъ увѣренъ самъ корпусный командиръ; однако же онъ отдалъ приказаніе генералу Пассеку занять эту гору и сбить непріятеля съ его позиціи, и черезъ два часа гора была въ нашихъ рукахъ.

Графъ Воронцовъ самъ, казалось, такъ мало надѣялся на успѣхъ, что даже не далъ никакихъ дальнѣйшихъ приказаній генералу Пассеку, и его отрядъ, занятый преслѣдованіемъ непріятеля и очисткою дальнѣйшей дороги въ Андію, отдѣлился отъ главнаго отряда на 15 верстъ и съ 5 по 11 іюня оставался по колѣно въ снѣгу безъ топлива и продовольствія, — словомъ, безъ всякихъ средствъ на высотахъ Зуну-Мееръ.

Въ тоже самое время, какъ люди Пассека мерзли на вершинѣ горы, — люди главнаго отряда умирали отъ жара и жажды въ долинѣ; дальнѣйшее затѣмъ слѣдованіе нашего отряда въ Андію не представ-

мѣста военныхъ дѣлъ; потому что Шамиль, не терпѣвшій проходъ, самъ очищалъ дорогу, выжигая при этомъ окрестные аулы и ведя свою обыкновенную партизанскую войну. Мало по малу мы подвигались все впередъ; между тѣмъ запасы были израсходованы, пройденный нами путь снова занятъ непріятелемъ и войска наши остались безъ продовольствія.

Наконецъ 6 іюля отрядъ, находившійся въ довольно изнуренномъ состояніи, былъ двинутъ впередъ для занятія Дарго, бывшаго въ то время мѣстопребываніемъ Шамиля. Пока авангардъ нашъ бралъ завалъ за заваломъ, Шамиль очистилъ Дарго, зажегъ его и оставилъ. Войска авангарда заняли Дарго и наконецъ мало по малу весь отрядъ вступилъ въ него. Такимъ образомъ, несмотря на крайнія затрудненія и потери, прямая цѣль экспедиціи была достигнута: Дарго, столица Шамиля (такъ тогда полагали) былъ занятъ и непріятель былъ выбитъ изъ самыхъ крѣпкихъ позицій. Но этого оказалось недостаточно для того, чтобы привести къ покорности горскія племена: несмотря на то, что русское знамя развѣвалось въ Дарго, лезгины и чеченцы не спѣшили изъявлять подданническихъ чувствъ. Они, напротивъ, чувствовали, что русскіе не могутъ удержаться въ занятыхъ ими позиціяхъ, потому что не обезпечили себѣ сообщенія съ другими пунктами ближайшихъ русскихъ владѣній и не могли получать даже продовольствія и боевыхъ припасовъ. Намъ нѣтъ надобности распространяться здѣсь о важности обезпеченія для войска безопасныхъ сообщеній: каждый, кто читалъ хоть самое коротенькое и поверхностное описаніе какой нибудь войны, понимаетъ, конечно, всю важность этого элементарнаго соображенія. Понимали его и горцы. Оттого-то они совершенно спокойно смотрѣли на вступленіе русскихъ въ Дарго, будучи увѣрены, что войска наши скоро должны будутъ выступить изъ занятой позиціи и погибнуть на возвратномъ пути. Дѣйствительно, идти было невозможно, потому что отрядъ не имѣлъ продовольсвія, да и получить его было неоткуда, такъ какъ войска наши были кругомъ обложены непріятелемъ. Да и возвращеніе было не совсѣмъ удобно: надо было проходить черезъ Ичкеринскій лѣсъ, въ которомъ насъ ожидала если не совершенная гибель, то по крайней мѣрѣ ужасный уронъ. Однако 10 іюля, на горахъ, находящихся предъ Даргинскимъ лѣсомъ, показался транспортъ съ хлѣбомъ. Но пробраться ему въ Дарго было невозможно, потому что дорога черезъ Даргинскій лѣсъ была занята уже непріятелемъ и сильно укрѣплена, а мы съ трудомъ могли пройти ее всѣмъ отрядомъ. Однакожь главнокомандующій послалъ навстрѣчу транспорту половину своего отряда для принятія и до-

ставленія припасовъ въ лагерь; авангардъ этого отряда былъ порученъ генералу Пассеку, арріергардъ—Викторову; а всѣмъ отрядомъ начальствовалъ генералъ-лейтенантъ Клюки-фонъ-Клугенау. Отрядъ достигъ до транспорта, хотя съ огромною потерею: почти весь арріергардъ, а съ нимъ вмѣстѣ и начальникъ его Викторовъ, погибли въ лѣсу Даргинскомъ. На возвратномъ пути къ Дарго отрядъ потерялъ Пассека, почти весь авангардъ и всѣ припасы, которые были взяты изъ транспорта. Такимъ образомъ, вмѣсто ожидаемыхъ припасовъ, графъ Воронцовъ получилъ только 700 человѣкъ раненыхъ, которыхъ вынесли изъ лѣса.

На другой день отрядъ приготовился къ выступленію на Герзель-аулъ. Въ тоже время Воронцовъ, не надѣясь на собственныя силы (у него было 12 батальоновъ), послалъ предписаніе генералу Фрейтагу, чтобы онъ со всѣми войсками, какія можно будетъ собрать, двинулся отъ Герзель-аула навстрѣчу главному отряду. Медленно подвигаясь впередъ, среди непроходимыхъ лѣсовъ, отрядъ съ огромными потерями достигъ 18 іюля до аула Шаухалъ-Берды, и только здѣсь въ 7-мъ часу вечера войска главнаго отряда увидѣли авангардъ генерала Фрейтага. Войска, и предъ тѣмъ уже дѣлившія одинъ сухарь на нѣсколько человѣкъ (даргинскій походъ и извѣстенъ подъ именемъ *сухарницы*), въ теченіе пяти дней вовсе не ѣли, кромѣ кукурузы. Потеря наша въ эти дни простиралась до 1200 человѣкъ убитыми и ранеными, и если бы Фрейтагъ запоздалъ еще сутками, весь главный отрядъ непремѣнно погибъ бы.

20 іюля прибыли наши войска въ Герзель-аулъ, а 21 главнокомандующій отдалъ слѣдующій приказъ по войскамъ отдѣльнаго Кавказскаго и 5-го пѣхотнаго корпусовъ («Воен. Сб.» 1859 г. № 5, стр. 61).

«Воины главнаго дѣйствующаго отряда. Наконецъ твердостью, усердіемъ и неустрашимостью вы исполнили трудный и славный подвигъ, повелѣніе государя нашего и наше собственное желаніе. Съ самаго начала кампаніи непріятель со всѣми своими сборищами не могъ вамъ противостоять; онъ оставилъ намъ безъ боя и Хубарскія высоты, и крѣпкую Буртунайскую позицію; онъ надѣялся остановить насъ на Мичикалѣ, но славнымъ подвигомъ взятія горы Анчимиръ оттуда прогнанъ; преодолѣвъ всѣ трудности природы, мы пошли къ Андійскимъ воротамъ, гдѣ онъ не смѣлъ насъ ожидать, и самъ предалъ огню и опустошенію богатое андійское населеніе; за Андіей онъ хотѣлъ держаться въ позиціи, но постыдно прогнанъ съ оной горстью нашихъ храбрецовъ. Когда мы увидѣли опять скопища Шамиля на горахъ, мы опять пошли на нихъ, разсѣяли ихъ и дошли до самаго Технуцала. Около Андіи, гдѣ

русскіе доселѣ еще никогда не были, мы жили спокойно, сколько намъ было нужно; но этого еще не довольно: нужно было дойти до самаго гнѣзда Шамиля — мы пошли въ Дарго, и хотя нашли дорогу труднѣйшую и лѣса, въ которыхъ они сильно защищались, ничто не могло намъ противостоять, и Шамиль вынужденъ самъ начать разрушеніе его жилища и заведеній, которое мы послѣ въ полной мѣрѣ довершили.»

Дѣйствительно, несмотря на всѣ потери 1845 года, походъ даргинскій покрылъ славою русскія войска, которыя доказали, что для нихъ нѣтъ невозможнаго... Предначертанный планъ былъ исполненъ и Шамиль вынужденнымъ нашелся оставить Дарго и избрать своею резиденціею укрѣпленный аулъ Веденъ. Но въ 1846 г., когда началось обратное движеніе частей 5-го пѣхотнаго корпуса въ Россію, Шамиль произвелъ вторженіе въ Кабарду.

Важнѣйшимъ слѣдствіемъ даргинской экспедиціи было то, что мы отказались наконецъ отъ прежней системы войны на Кавказѣ. Сдѣлалось ясно, что однимъ ударомъ, какъ бы онъ ни былъ силенъ, невозможно покорить свободныя племена Кавказа. Тогда рѣшились принять другую тактику, которую предлагали военные, знающіе Кавказъ, еще задолго до 1843 года: рѣшились идти правильнымъ, медленнымъ путемъ прокладки путей въ лѣсахъ и постройки укрѣпленій, которыя потомъ занимались всегда сильнымъ гарнизономъ, а не какою нибудь одной ротою, какъ прежде. На этомъ пути встрѣчены были нами огромныя затрудненія, такъ какъ все дѣло приходилось опять начинать почти съ самаго начала. Въ 1846 году вліяніе и силы Шамиля въ горахъ были значительнѣе, чѣмъ когда нибудь, и бороться съ нимъ было гораздо труднѣе, нежели въ 1837 или 1842 году. Приходилось брать шагъ за шагомъ, и дѣйствительно, наши войска съ 1846 г. подвигались впередъ обыкновенно верстъ на двадцать въ теченіе года; но за то на этомъ пространствѣ основывались уже прочно. Общій характеръ и главныя подробности этого движенія не разъ уже излагались въ «Современникѣ», въ статьяхъ г. Зиссермана, къ которымъ мы и отсылаемъ читателей. Замѣтимъ только, что новая система дѣйствій съ особенною силою и послѣдовательностью приводилась въ исполненіе въ послѣдніе годы, съ прибытіемъ (въ октябрѣ 1856 г.) новаго главнокомандующаго и намѣстника кавказскаго, князя Барятинскаго. Въ это время былъ окончательно утвержденъ и планъ новой экспедиціи, а съ первыхъ чиселъ декабря того же года приступлено къ приведенію его въ исполненіе. Эта экспедиція раздѣлялась на два періода: Въ продолженіе перваго отрядъ занимался прокладкою просѣкъ къ еще не-

занятой части Большой Чечни, что было окончено къ 21 декабря; во 2-й же періодъ, отъ 15 января до 1 февраля 1857 года, войска наши занимались истребленіемъ непокорныхъ ауловъ, находившихся въ Большой Чечнѣ. Въ мартѣ мѣсяцѣ было построено нами временное укрѣпленіе въ Большой Чечнѣ и этимъ положенъ конецъ даже возможности какого нибудь волненія въ этихъ мѣстахъ.

Дальнѣйшія наши дѣйствія на Кавказѣ у всѣхъ еще въ свѣжей памяти, и описаніемъ ихъ можетъ занять читателей только специалистъ, на мѣстѣ ознакомившійся съ событіями. Подобное описаніе дѣйствій 1858 г. представляетъ статья г. Зиссермана, помѣщаемая въ этой же книжкѣ «Современника». Затѣмъ — все совершившееся въ нынѣшнемъ году, — то есть главнымъ образомъ занятіе Ведени графомъ Евдокимовымъ и взятіе самого Шамиля, — уже не требуетъ нашихъ описаній. Событіямъ этимъ можетъ быть теперь приданъ новый интересъ только сообщеніемъ новыхъ подробностей отъ специалистовъ и очевидцевъ.

Теперь, припомнивъ главнѣйшіе фазисы нашей вѣковой борьбы на Кавказѣ, мы, кажется, можемъ съ большею основательностью оцѣнить значеніе послѣднихъ событій. Мы видѣли, что мѣста, нынѣ завоеванныя, принадлежали намъ и прежде, но что владѣніе это было непрочно и шатко. Въ теченіе почти полувѣка мы держались въ военныхъ дѣйствіяхъ не той системы, съ которою можно было имѣть успѣхъ въ горахъ, и вслѣдствіе того дѣлали много частныхъ ошибокъ и напрасныхъ тратъ — денегъ, оружія и людей. Теперь ошибки эти сознаны, система дѣйствій совершенно измѣнена, и вслѣдствіе того Кавказъ отъ Каспійскаго моря до военно-грузинской дороги покоренъ прочно и окончательно. Отнынѣ, по словамъ Высочайшей грамоты на имя князя Барятинскаго, «предстоитъ, во вновь покоренной странѣ, не утвержденіе власти нашей силою оружія, а распространеніе между новыми подданными Россіи гражданственной образованности и общественнаго благосостоянія». Такимъ образомъ характеръ нашей дѣятельности на Кавказѣ измѣняется; но тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы все уже было тамъ сдѣлано. То, что теперь предстоитъ намъ совершить *для обрусѣнія* Кавказа, составитъ новый періодъ борьбы, едва ли не труднѣйшій, чѣмъ тотъ, который нами только-что оконченъ. Вполнѣ оцѣнить всѣ затрудненія, ожидающія насъ въ цивилизаціи этого края, можно только на мѣстѣ; у насъ же до сихъ поръ даже извѣстія объ этой сторонѣ кавказскихъ отношеній нашихъ были чрезвычайно скудны. Теперь внутренняя жизнь горскихъ племенъ будетъ гораздо доступнѣе для русскихъ наблюденій, и мы ожидаемъ весьма любопытныхъ

свѣдѣній по этой части. Но покамѣсть, руководствуясь тѣми скудными и часто неточными извѣстіями, какія напечатаны до сихъ поръ, можемъ сдѣлать лишь нѣсколько самыхъ общихъ замѣчаній.

Отзывы нашихъ кавказцевъ о нравахъ и бытѣ горскихъ племенъ очень разногласны. Нѣкоторые хвалятъ простоту ихъ жизни, великодушіе, гостепріимство, отвагу; многіе, напротивъ, увѣряютъ, что въ горы проникъ уже глубокій разврат, что горцы теперь — не только хищны и хитры, какъ дикари, но и подлы, и алчны къ деньгамъ въ высшей степени, какъ самые цивилизованные азіятцы. Отзывы эти не такъ трудно помирить, какъ кажется. Вѣроятно, однимъ случалось видать черкесовъ, еще оставшихся вѣрными своимъ первоначальнымъ обычаямъ и преданіямъ; другіе же, — и несравненно чаще, — имѣли дѣло съ горцами, которыхъ уже коснулось вѣяніе европейской цивилизаціи. Извѣстно, какъ въ самомъ началѣ усвоивается народомъ, всегда и вездѣ, новая цивилизація: дурная, ложная, внѣшняя сторона всегда принимается раньше, чѣмъ истинно-полезная и существенная. Вспомнимъ хоть то, какъ мы сами усвоивали европейскую образованность со временъ Петра Великаго!.. Разумѣется, это происходитъ вовсе не отъ того, чтобы человѣкъ по природѣ своей былъ наклоненъ болѣе къ дурному, а просто отъ того, что внѣшность и дрянь образованности можно перенять въ нѣсколько часовъ или даже просто купить, тогда какъ для усвоенія внутренняго существа ея надобно органически развиться. Къ этому присоединяется всегда и то, что сами цивилизующіе гораздо охотнѣе принимаютъ на себя въ этомъ дѣлѣ роль разсчетливыхъ купцовъ, нежели заботливыхъ садовниковъ. Неудивительно поэтому, что чеченцы и лезгины развращаются при одномъ только приближеніи цивилизаціи къ окраинамъ ихъ горъ и лѣсовъ; но теперь русскому управленію и предстоитъ именно задача — сдѣлать вліяніе образованности не губительнымъ для чистоты нравовъ, а благотворнымъ. До сихъ поръ поневолѣ иногда приходилось русскимъ дѣйствовать вопреки началамъ истинно-цивилизующимъ: военное положеніе страны предписывало мѣры, которыя могли развивать въ горцахъ дурныя страсти, но полезны были для утвержденія нашего могущества. Напримѣръ, система поселенія и поддержанія взаимныхъ раздоровъ между владѣтелями и племенами — необходима была для того, чтобъ держать горцевъ въ повиновеніи; а между тѣмъ отъ этого развивалось въ племенахъ недовѣріе, подозрительность, неуваженіе общаго интереса страны. Точно такимъ же образомъ, въ продолженіе нашей борьбы на Кавказѣ, мы

необходимо должны были развивать въ горскихъ племенахъ и алчность къ деньгамъ. Мы показали имъ, что деньгами можно покупать разныя удобства жизни, а за тѣмъ дали поводъ думать, что деньги можно пріобрѣтать не усиленнымъ и честнымъ трудомъ, а услугами намъ, во вредъ ихъ единоплеменникамъ. Такъ, — нужно ли было наказать мирнаго черкеса, убѣжавшаго къ врагамъ нашимъ, мы назначали ему цѣну, и его доставлялъ къ намъ иногда даже родственникъ его. Нужно ли узнать дорогу, — за извѣстную плату является проводникъ; нужно ли сохранить въ тайнѣ какое нибудь предпріятіе, — и тутъ за молчаніе давали деньги. Г. Зиссерманъ разсказываетъ, какъ въ 1852 г. нужно было русскимъ проникнуть въ аулъ одного наиба, гдѣ находилось два орудія. Но аула нельзя было бы взять, если бы наибъ хоть за нѣсколько часовъ принялъ мѣры къ защитѣ; а между тѣмъ на пути къ аулу было нѣсколько чеченскихъ деревенекъ и хуторовъ. Рѣшились на подкупъ, и дѣйствительно — всѣ обитатели деревенекъ были подкуплены; и когда русскіе ночью проходили мимо ихъ саклей, хозяева домовъ держали собакъ, чтобъ тѣ лаемъ не разбудили караульныхъ въ аулѣ, а нѣкоторые указывали ближайшій и удобнѣйшій путь!... Другой изъ кавказцевъ, г. Августиновичъ, увѣряетъ, что для горца ничего не значитъ продать даже отца или сестру, и притомъ за ничтожныя деньги: нерѣдко цѣлая партія, въ которой окажется и самъ предатель, покупается за три цѣлковыхъ! Самъ Шамиль долгое время боялся быть проданнымъ, пока не окружилъ себя преданными мюридами, которые на все были для него готовы, потому что имъ только и могли они жить и поддерживать свое значеніе. За то впослѣдствіи онъ и самъ пользовался возбужденною страстью горцевъ къ деньгамъ: онъ оцѣнивалъ головы людей, измѣнившихъ ему, покупалъ услуги мирныхъ черкесовъ. Вообще, лазутчиковъ съ той и другой стороны было, какъ увѣряютъ, въ кавказской арміи столько, сколько не имѣла ихъ никогда ни одна армія. Мы знали все, что дѣлаетъ Шамиль, и онъ точно такъ же зналъ каждый шагъ нашъ... А между тѣмъ надо вспомнить, что борьба велась со стороны горцевъ за независимость ихъ страны, за неприкосновенность ихъ быта!.. До какой же степени лишены они были всякаго сознанія о національномъ единствѣ, и какъ мало цѣнили свою свободу!

Впрочемъ это, вѣроятно, происходило и отъ того отчасти, что подъ Шамилемъ была имъ ужь плохая свобода. Наибы его дѣйствовали очень произвольно, грабили и наживались; а онъ, говорятъ, очень часто смотрѣлъ на это сквозь пальцы. Уваженіе къ себѣ поддерживалъ онъ болѣе страхомъ, нежели любовью: палачъ былъ при

[illegible] поступало, и казни были безпрестанны. Пока еще онъ имѣлъ успѣхи и могъ защищать горцевъ отъ русскихъ,—его чрезвычайно уважали и любили. Но какъ только успѣхи его прекратились, особенно же послѣ того, какъ онъ выказалъ такую бездѣятельность во все время крымской войны, которою могъ отлично воспользоваться,—значеніе его между горцами очень упало. Они увидѣли, что въ немъ нѣтъ для нихъ прочной защиты отъ русскихъ, и потому готовы были, при первой возможности, оставить его. Въ послѣднія недѣли предъ взятіемъ Шамиля, самые преданные ему сподвижники являлись въ русскій лагерь съ покорностью; сами горцы вели русскихъ; [illegible] на окончательное пораженіе горскаго вождя. Популярность Шамиля во впечатлительныхъ умахъ горцевъ исчезла уже задолго до его плѣна, и извѣстіе о взятіи его не произвело, говорятъ, особеннаго потрясенія въ горахъ. Ясно, что Шамиль уже сдѣлалъ свое дѣло и не могъ болѣе противиться русскимъ силамъ. Это давно уже поняли отважнѣйшіе изъ его сподвижниковъ, и нѣкоторые, какъ напримѣръ Махметъ-Аминь, составляющій нынѣ главную надежду свободныхъ племенъ, еще прежде удалились отъ него.

Такимъ образомъ Шамиль давно уже не былъ для горцевъ представителемъ свободы и національности. Оттого-то и находилось такъ много людей, способныхъ измѣнить ему, хотя по понятіямъ горцевъ, да и по законамъ Шамиля, измѣна народу считается важнѣйшимъ преступленіемъ и наказывается смертью. Управленіе Шамиля казалось тяжело для племенъ, непривыкшихъ къ повиновенію; а выгодъ никакихъ отъ этого управленія они не находили. Напротивъ; они видѣли, что жизнь мирныхъ селеній, находящихся подъ покровительствомъ русскихъ, гораздо спокойнѣе и обильнѣе. Слѣдовательно, имъ представлялся уже выборъ — не между свободой и покорностью, а только—между покорностью Шамилю, безъ обезпеченія своего спокойствія и жизни, и между покорностью русскимъ, съ надеждою на миръ и удобства быта. Само собою разумѣется, что рано или поздно выборъ ихъ долженъ былъ склониться на послѣднее.

Отсюда ясно, что̀ нужно для того, чтобы удержать и прочно связать съ Россіею новое завоеваніе: нужно, чтобы всѣмъ горскимъ племенамъ было гораздо лучше при русскомъ управленіи, нежели было при Шамилѣ. Изъ фактовъ, которые мы припомнили изъ исторіи Кавказа, очевидно, что не случайное появленіе личностей, подобныхъ Шамилю, и даже не строгое ученіе мюридизма было при-

чиною возстаній горцевъ противъ русскихъ. Коренною причиною была ненависть къ русскому господству. Личности появлялись, одна за другою, какъ и всегда появляются, только вслѣдствіе общей народной потребности. Поэтому и паденіе личности до сихъ поръ ничего не значило для сущности дѣла. За Кази-Муллою явился Гамзатъ-Бекъ, за Гамзатомъ—Шамиль; если бы явилась надобность, то и послѣ Шамиля могъ бы выступить на сцену новый дѣятель,—Махметъ-Аминь или кто нибудь другой,—все равно.... И для того, чтобы онъ не явился или не имѣлъ никакого успѣха, нужно одно: чтобы, вслѣдствіе гуманнаго и справедливаго управленія, горскія племена не нуждались болѣе въ подобныхъ дѣятеляхъ. Когда русское управленіе сдѣлаетъ то, что для горцевъ не будетъ привлекательною перемѣна его на какое нибудь другое, — тогда только спокойствіе на Кавказѣ и связь его съ Россіею будутъ вполнѣ обезпечены.

И вотъ въ достиженіи этого-то результата долженъ отнынѣ состоять весь трудъ нашъ на Кавказѣ. Нельзя не сознаться, что трудъ будетъ очень великъ. Нужно будетъ внушать дикимъ племенамъ истинныя начала образованности и гражданскаго быта, начала, уже извращенныя въ нихъ во время предшествовавшей борьбы. Тогда поощрялось въ чеченцѣ корыстолюбіе; теперь надо внушить ему уваженіе чужой собственности. Тогда нужно было разрушать въ горцахъ враждебную намъ любовь ихъ къ родинѣ и поселять въ нихъ раздоры и распри; теперь придется вкоренять въ нихъ любовь къ общему благу и требовать дружнаго содѣйствія къ интересамъ родной страны. Тогда нужно было военное шпіонство и предательство; теперь необходимо развить въ горскихъ племенахъ понятія о честности, правдѣ и благородствѣ.... Какъ трудно будетъ совершить все это,—можно себѣ представить, припоминивши только, что горцы все-таки смотрятъ на насъ очень недовѣрчиво, что самая религія много препятствуетъ имъ въ усвоеніи истинной цивилизаціи, и что они находятся подъ значительнымъ вліяніемъ своихъ муллъ, — невѣжественныхъ и своекорыстныхъ. Единственно-возможное средство для пріобрѣтенія ихъ довѣрія и расположенія состоитъ въ существенномъ, значительномъ, ясномъ для нихъ самихъ улучшеніи ихъ быта.

И это улучшеніе должно быть не только произведено единовременно, но и поддерживаться постоянно. Изъ фактовъ прежней исторіи нашей борьбы на Кавказѣ мы видѣли, что горныя племена чрезвычайно наклонны къ волненіямъ. До сихъ поръ завоеваніе края

впрочемъ не значило, ничего не обезпечивало: присоединеніе всего Дагестана, конецъ въ войнѣ и признаніе покорности всѣхъ племенъ, мы все-таки были окружены непокорными и должны были каждый день быть готовыми на отчаянный бой съ тѣми, которые вчера присягали намъ въ вѣрности. Теперь, конечно, этого нельзя сказать: недавнее покореніе, слѣдствіе 15-лѣтней, медленной, но вѣрной тактики, — прочно и твердо. Наша сила основалась въ самомъ центрѣ горъ; наши укрѣпленія имѣютъ прямое сообщеніе другъ съ другомъ и господствуютъ надъ всей окрестной страною; общее возстаніе въ Дагестанѣ невозможно, при настоящемъ порядкѣ дѣлъ. Но по отзывамъ самихъ кавказскихъ офицеровъ, все-таки не вполнѣ еще устранена возможность волненій. Да и гдѣ же ихъ не можетъ быть? Въ Индіи, въ Алжирѣ, въ Ломбардіи, вездѣ, гдѣ чуждая администрація ставитъ себя въ не совсѣмъ честное отношеніе къ народу, вездѣ начинаются волненія,—безплодныя, безумныя, но все-таки гибельныя для страны, обременительныя для правительства.... Не составляютъ исключенія и наши кавказскія племена, привыкшія къ безпорядкамъ и военной, бездомной, хищнической жизни. Малѣйшій поводъ можетъ возстановить ихъ, въ то время, какъ этого можно всего менѣе ожидать. Кто могъ въ 1823 г., любуясь спокойствіемъ покореннаго Дагестана, видя разроненность горныхъ племенъ, сказать, что черезъ нѣсколько лѣтъ соединитъ ихъ явленіе, совершенно новое въ ихъ жизни и вовсе не подходящее къ ихъ нравамъ?... И дѣйствительно, не это явленіе, не мюридизмъ соединилъ ихъ, а вражда къ русскому владычеству, возбужденная еще болѣе нѣкоторыми злоупотребленіями администраціи, допущенными въ то время. Нынѣ вражда горцевъ ослабѣла, а наши силы на Кавказѣ гораздо больше прежнихъ, и потому значительныхъ волненій опасаться нечего. Но если ихъ и не будетъ, а образуется въ покоренныхъ племенахъ одно глухое, затаенное недовольство, такъ и этого уже будетъ достаточно, чтобы не считать Кавказъ окончательно *нашимъ*, пока это недовольство не исчезнетъ. Что намъ была бы за польза въ краѣ, вѣчно недовольномъ и враждебномъ, вѣчно готовомъ къ возстанію и отложенію, при малѣйшей, даже призрачной возможности? Только надобно было бы лишнее войско держать въ немъ, и лишнія деньги тратить на усиленіе надзора за жителями....

Отсюда уже видно, какъ необходимо устройство въ покоренной странѣ правильной, честной и благожелательной администраціи,—не для собственныхъ видовъ покорителей, но въ интересахъ самихъ покоренныхъ племенъ. Именно такая администрація и вообще такой путь для упроченія нашихъ кавказскихъ завоеваній и предначерты-

-вается нашимъ правительствомъ, какъ видно изъ Высочайшей грамоты на имя кн. Барятинскаго, изъ которой нѣсколько словъ привели мы выше.

Въ скоромъ времени мы узнаемъ, безъ сомнѣнія, и то, какъ приводятся въ исполненіе эти предначертанія, и поспѣшимъ тогда обо всемъ сообщить нашимъ читателямъ возможно-полнѣйшія свѣдѣнія.

ОПЫТЪ

ФИЗІОЛОГІИ УѢЗДНАГО ЧИНОВНИКА.

Трудная задача—представить бытъ нашего уѣзднаго чиновника. Для выполненія ея слишкомъ мало матеріаловъ: нѣсколько литературныхъ очерковъ, захватившихъ бытъ уѣзднаго чиновника вскользь, слѣдовательно болѣе или менѣе одностороннихъ; наука же почти не касалась этой среды ни въ отношеніи къ историческому происхожденію, ни съ точки зрѣнія современнаго положенія. Единственный, самый удобный путь къ уразумѣнію этого общественнаго явленія нашей жизни—практика; но практика въ этомъ случаѣ находитъ тоже много препятствій. Разница въ степени нравственнаго развитія и образѣ жизни между наблюдателемъ и лицомъ наблюдаемымъ раскрываетъ между ними почти непроходимую бездну. Первымъ бываетъ почти всегда человѣкъ съ высшимъ взглядомъ на жизнь до такой степени, что ему почти дѣйствительно нѣтъ средствъ проникнуть въ грустное существованіе уѣзднаго чиновника; да и правду сказать,—не всегда хватитъ у него для этой цѣли достаточнаго терпѣнія и христіанскаго самоотверженія. Его поразитъ на первыхъ порахъ слишкомъ непоэтическая обстановка такой задачи; онъ тотчасъ почувствуетъ, пожалуй, нѣкотораго рода презрѣніе къ описываемому предмету, погорюетъ о безъисходномъ положеніи этого класса людей, да тѣмъ и покончитъ. Кому приходится знакомиться съ уѣздными чиновниками? Пріѣзжающимъ въ уѣздный городъ по дѣламъ службы губернскимъ и столичнымъ чиновникамъ или мѣстнымъ помѣщикамъ, въ случаѣ необходимости устроить кое-какія

частныя дѣла свои въ земскомъ или уѣздномъ судахъ. Но и тѣ и другіе слишкомъ заняты своими интересами, и потому неизбѣжно смотрятъ на уѣздныхъ чиновниковъ со всей высоты своего привилегированнаго положенія.

По настоящему порядку вещей, уѣздные чиновники раздѣляются на два разряда: на выборныхъ и коронныхъ. Выборные суть представители двухъ, преимущественно мѣстныхъ сословій: дворянства и купечества. Будучи менѣе многочисленны, занимая высшія должности, обладая въ большей или меньшей степени собственными матеріальными средствами или получая сравнительно значительнѣйшее содержаніе отъ казны, они составляютъ большею частію городскую аристократію; коронные же чиновники, люди, существующіе единственно службою и получающіе, съ немногими исключеніями, ничтожное отъ казны содержаніе, составляютъ классъ подчиненный. Мы попытаемся изложить здѣсь нѣсколько замѣтокъ о послѣднихъ, опредѣляемыхъ общимъ названіемъ *канцелярскихъ чиновниковъ*.

Всякій знаетъ, что ихъ-то въ особенности клеймятъ общественнымъ презрѣніемъ, ихъ именуютъ крапивнымъ сѣменемъ, ихъ ни одинъ, что называется, порядочный человѣкъ не пускаетъ къ себѣ на порогъ, не удостоиваетъ своимъ словомъ; ими-то всякій распоряжается безъ малѣйшей церемоніи; имъ-то лакей важнаго барина или даже его управляющаго грубо выноситъ скудную лепту подаянія въ свѣтлый праздникъ или несоразмѣрно малую плату за большую нерѣдко услугу.

Кажется, что дешева жизнь въ уѣздномъ городѣ, и, несмотря на то, даже несмотря на все пресловутое лихоимство канцелярскихъ уѣздныхъ чиновниковъ, дѣти ихъ бѣгаютъ по улицамъ босикомъ, да и сами они съ своими женами вчастую голодаютъ.

Разсмотримъ описываемый нами типъ съ трехъ главныхъ сторонъ его жизни: семейной, общественной и служебной.

Сословіе уѣздныхъ канцелярскихъ чиновниковъ, или, какъ ихъ обыкновенно называютъ, *приказныхъ*, составляютъ недоросли изъ бѣднѣйшихъ мѣстныхъ дворянъ, оберъ-офицерскіе дѣти и недоучившаяся молодежь изъ духовнаго званія. Сословіе это бываетъ большею частію произведеніемъ мѣстнымъ: родители настоящаго поколѣнія приказныхъ составляютъ почти всюду предшествующее поколѣніе приказныхъ того же самаго уѣзднаго города. Можетъ, намъ станутъ возражать, что дѣти мелкопомѣстныхъ дворянъ имѣютъ лучшую будущность, что они, по праву, основанному на ихъ происхожденіи, могутъ быть опредѣляемы въ кадетскіе корпуса и другія среднеучебныя заведенія. Но мы здѣсь беремъ самый [illegible]

помѣстный и даже вовсе безпомѣстный классъ уѣздныхъ дворянъ, которые, не достигая даже до какихъ либо выборныхъ должностей, служатъ цѣлый вѣкъ канцеляристами. Такихъ немало на Руси въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ они живутъ изъ рода въ родъ, не обладая почти вовсе никакою недвижимостью или владѣя только покривившимся на бокъ деревяннымъ домишкомъ. Всѣ они давнымъ-давно примкнули къ толпѣ мѣстныхъ разночинцевъ; по неимѣнію средствъ къ воспитанію своихъ дѣтей, они видятъ для нихъ въ перспективѣ ту же канцелярскую жизнь, въ которой выросли сами. Потомки уѣзднаго оберъ-офицерства точно также не имѣютъ средствъ къ образованію за предѣлами своего городскаго. Не кончившіе курса наукъ семинаристы обыкновенно идутъ искать себѣ дневнаго пропитанія подъ кровъ своихъ родныхъ, составляющихъ причты уѣздныхъ церквей.

Вся эта молодежь вступаетъ на чернильное поприще съ пятнадцати, даже четырнадцати лѣтъ отъ роду. Посмотримъ на развитіе ея до сей поры у домашняго очага и въ школѣ. Родители ихъ, какъ дворяне, такъ и чиновники-канцеляристы, да и члены церковныхъ причтовъ (за исключеніемъ развѣ лишь причта соборной церкви) —люди вполнѣ темные, нуждающіеся до нищеты и большею частію обремененные многочисленнымъ семействомъ. Матеріальные недостатки, въ связи съ необразованностью, доходящею до грубаго невѣжества, составляя препятствіе къ умственному развитію, обращаютъ всю ихъ дѣятельность, до гробовой доски, къ добыванію насущнаго хлѣба; при преобладаніи этого животнаго направленія и недостаткѣ нравственнаго развитія, они смотрятъ почти безразлично на всѣ средства добыванія хлѣба, прибѣгая какъ къ честнымъ, такъ и къ безчестнымъ,—сначала вѣроятно съ сжатымъ сердцемъ, а потомъ равнодушно. Матеріальное стяжаніе входитъ у нихъ наконецъ въ кровь и кости; оно наконецъ не ограничивается необходимостью, но даже превращается въ жадность. Уставъ отъ матеріальныхъ трудовъ, не находя непонятной для нихъ душевной отрады въ семьѣ, въ комнатѣ душной и нечистой, убѣгая отъ несноснаго дѣтскаго крика, отцы семействъ единственнымъ развлеченіемъ считаютъ дешевое пьянство и хотя, повидимому, недорогую, но дѣлающуюся постепенно для нихъ раззорительною, игру на бильярдѣ въ трактирѣ или въ карты между собою. Какіе у нихъ разговоры дома? ругань съ женою, съ нянькою, если есть таковая, а иногда, въ рѣдкія минуты душевной откровенности, разсказы о канцелярскихъ дрязгахъ, о низкопоклонствѣ и трепетѣ предъ начальствомъ и о томъ, какими изворотами пришлось стянуть съ истца копѣйку. Понятно, что дѣти, воспитывающіеся въ такой средѣ, должны совре-

менемъ сдѣлаться ея точнѣйшими отголосками. Ребенокъ съ дѣтства слышитъ о взяткахъ; онъ иначе на нихъ не можетъ смотрѣть, какъ на нѣчто необходимое и даже похвальное; онъ не въ силахъ себѣ представить другаго общественнаго порядка. Отецъ не разовьетъ въ немъ противоположныхъ нравственныхъ понятій, потому что и самъ ихъ не имѣетъ; мать тоже, потому что она въ этомъ отношеніи еще менѣе развита, нежели отецъ, и разыгрываетъ при дѣтяхъ роль не воспитательницы, а самки въ животномъ смыслѣ этого слова, т. е. заботится только, чтобы ребенокъ былъ сытъ и одѣтъ. Ребенокъ привыкаетъ видѣть неуваженіе къ женщинѣ и ея ничтожество; нетрезвость отца становится для него тоже дѣломъ обыкновеннымъ. Если соберутся у родителей въ какой нибудь семейный праздникъ гости, то онъ замѣчаетъ, что все препровожденіе времени въ обществѣ заключается въ закускѣ, пьянствѣ, картахъ и разсказахъ о взяткахъ и уничтоженіяхъ предъ высшими. Онъ бѣгаетъ по двору и по улицамъ полуодѣтый, оборванный; за нимъ никто не смотритъ, никто не пріучаетъ его къ порядку, рѣдко кто согрѣетъ его юное сердце даже теплымъ словомъ. Бываетъ, что онъ дрожитъ отъ холода и голода, и если вздумаетъ въ такомъ случаѣ пожаловаться, покричать, поплакать, то пьяный отецъ заставляетъ его щелчкомъ присмирѣть въ минуту. Лѣтъ 8 или 9 иногда мать начнетъ учить его дома грамотѣ, дергая при этомъ постоянно за вихоръ за медленное разбираніе непонятныхъ для него звуковъ и знаковъ. Затѣмъ помѣщаютъ его въ уѣздное училище. Правду сказать, нужно имѣть много геніальности, чтобы, при такомъ воспитаніи, курсъ уѣзднаго училища ребенокъ могъ пройти съ толкомъ. Впрочемъ, рѣдко и кончается этотъ курсъ: наслушавшись учительской брани, ребенокъ, съ крѣпко избитыми руками отъ педагогической линейки, оставляетъ школу, постигнувъ лишь чтеніе и письмо, да и только; всѣ прочія мудрости уѣзднаго училища, даже первыя четыре правила ариѳметики, ему невсегда даются. Это продолжается года три или четыре, и затѣмъ отецъ, стараясь сынка какъ нибудь пристроить, —съ разрѣшенія секретаря того присутственнаго мѣста, гдѣ самъ служитъ, начинаетъ таскать туда свое дѣтище для пріученія къ дѣламъ. Ребенокъ сначала переписываетъ плохо и ничего не получаетъ; потомъ пишетъ лучше, и его засчитываютъ служащимъ по найму за ничтожную плату, за 50 коп. сер. или 1 руб. въ мѣсяцъ, и наконецъ штатнымъ канцелярскимъ чиновникомъ съ немного большимъ содержаніемъ. Выходцы изъ духовнаго званія остаются дома дольше — лѣтъ до 13 или 14, хотя тоже видятъ въ семьѣ мало для себя назидательнаго; потомъ, побывавши въ семинаріи, испытавши вдоволь исправительныхъ лозъ, они, за неспособностью, возвращаются къ своимъ роди-

телями, которые устроиваютъ ихъ точно такъ же, какъ выше сказано, въ канцеляріяхъ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ. Впрочемъ, изъ бывшихъ семинаристовъ выходитъ народъ болѣе грамотный, нерѣдко даже настолько, что другой бойкій мальчикъ успѣетъ понравиться проѣзжему чиновнику или помѣщику, пріобрѣсти его расположеніе и чрезъ то подвинуться дальше на трудной лѣстницѣ служебныхъ возвышеній. Впрочемъ это — рѣдкое исключеніе; почти общее правило: ребенка ничему, кромѣ дурнаго, не научатъ дома, а въ школѣ забьютъ окончательно всѣ его неразвитыя силы. Съ такими-то элементами вступаетъ онъ въ жизнь общественную и канцелярскую уѣзднаго городка.

Съ усиленіемъ воспитанія или нравственнаго вообще развитія вырабатывается разнообразнѣе и полнѣе самая личность человѣческая; при меньшей степени воспитанія и развитія, является индивидуальность въ меньшей мѣрѣ. Такъ среди народовъ, отличающихся высшею цивилизаціею, особенно въ большихъ европейскихъ городахъ, каковы, напримѣръ, Лондонъ, Парижъ и т. п., на каждомъ шагу встрѣчаются самыя своеобразныя личности. Наоборотъ, въ степяхъ средней Азіи, въ городахъ Китая, мы видимъ поразительное сходство между людьми, общій уровень нравственнаго между ними развитія, выражающійся въ какой-то физіологической неподвижности, въ однообразіи даже физіономій: типъ воспроизводится какъ бы только физически, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ потомки остаются во всѣхъ отношеніяхъ столь же вѣрны своимъ предкамъ, какъ животныя по своему наружному виду и образу жизни. Такой же нравственный и физическій застой, такую же вѣрность отцовскому типу, такое же слабое развитіе индивидуальности мы видимъ въ уѣздныхъ приказныхъ: дѣти, во всей жизни своей, ничѣмъ не отличаются отъ своихъ отцовъ, особенно въ губерніяхъ дальнихъ, въ городкахъ бѣдныхъ и глухихъ. Современные великіе перевороты въ политикѣ, наукѣ, искусствахъ, промышленности до нихъ не доходятъ: поглощенные настоятельными интересами матеріальной жизни, они сохраняютъ восточную неподвижность въ сферѣ духовной. Весь житейскій процессъ молодаго приказнаго въ его дѣятельности общественной и канцелярской составляетъ однообразное повтореніе того, что̀ уже мы видѣли на его семьѣ. Онъ мало по малу начинаетъ попивать, побирать, сначала вмѣстѣ съ родителемъ, потомъ одинъ, самостоятельно, а наконецъ съ своими ближайшими потомками. Узкій горизонтъ его юношескаго развитія, давъ ему понятіе лишь о той сферѣ, въ которой онъ выросъ, не далъ ему понятія ни о чемъ другомъ. Онъ не ищетъ эстетическихъ наслажденій въ чтеніи или въ созерцаніи произведеній искусства, поним

и не существующихъ въ уѣздныхъ городахъ; отецъ бы его и не отдавалъ, да и не до того ему. Онъ долженъ думать о томъ, чтобы заработать копѣйку, а добыть ее, по усвоеннымъ имъ съ дѣтства понятіямъ, онъ можетъ не иначе, какъ канцелярскою службою и подъячешнымъ сутяжничествомъ. Дома ему нѣтъ ни развлеченія, ни утѣхи; онъ съ-измолоду пріучается къ водкѣ, биліарду и картамъ. Между 20 или 30 годами иная мать успѣетъ вырвать свое дѣтище изъ рукъ плотскаго разврата и женить его на какой нибудь дочери бѣднаго чиновника или священника своего городка; иногда юноша и безъ матери устроитъ себѣ бракъ, поддавшись обаянію любви, которое доступно даже и самому неразвитому человѣку. Но послѣ медоваго мѣсяца начинается та же плачевная картина, которая повторилась уже на его родителяхъ, потому что его жизнь совершаться можетъ не иначе, какъ при той же самой обстановкѣ, о которой мы говорили, описывая его дѣтство. Другаго исхода, при полученномъ имъ воспитаніи и ограниченности житейскихъ отношеній уѣзднаго городка, нѣтъ для него. Съ годами онъ все болѣе и болѣе грубѣетъ, предается пьянству и взяточничеству, борется съ нуждою, если только обзаведется многочисленнымъ семействомъ, и воспитываетъ новыхъ канцеляристовъ прежняго покроя.

Въ службѣ уѣздный приказный — рутинистъ и крючокъ. Новой мысли онъ не внесетъ въ дѣло: ему не откуда ее взять, да и не къ чему о ней заботиться. Что же касается до взятокъ, то едва ли можно обвинить его и въ этомъ отношеніи. Взятки для него хлѣбъ насущный. Содержаніе его положительно ничтожно — рублей двѣнадцать или пятнадцать въ годъ: можетъ ли онъ этимъ прокормить себя, жену и дѣтей? Не говоря о томъ, что крайнее развитіе письменнаго формализма даетъ ему ежеминутно возможность безнаказанно вытягивать деньгу, — онъ вовсе, по своему развитію, по понятіямъ той сферы, въ которой выросъ, не можетъ убѣдиться, что взятки — зло, взятки несправедливы; для него сутяжничество — такая же канцелярская служба, какъ и отписка бумагъ! Онъ едва ли юридически понимаетъ строгость предписаній высшаго начальства противъ лихоимства. Въ его глазахъ поэтому высшее начальство имѣетъ характеръ исключительно притѣснительный; губернскія и министерскія власти, по его понятіямъ, суть люди, которые, имѣя въ избыткѣ не только насущный хлѣбъ, но и всѣ земныя блага, безъ всякой причины преслѣдуютъ его; не имѣя повода предполагать въ нихъ зависти, онъ подразумѣваетъ въ нихъ какую-то безотчетную злобу. Потому, если онъ попадется подъ слѣдствіе и судъ, лишится мѣста, подвергается наказанію, то онъ считаетъ всякое подобное событіе не карою за служебныя свои пре-

ступленія, а незаслуженнымъ несчастіемъ, наравнѣ съ тяжкою болѣзнью, пожаромъ и наводненіемъ. Онъ не погибаетъ въ мнѣніи своихъ сослуживцевъ; напротивъ, его всѣ сожалѣютъ: *всякому можетъ приключиться подобная же бѣда*, говорятъ они.

Несчастное существо уѣздный приказный! Въ окончательномъ загрубеніи своемъ онъ лишенъ сознанія своей вины и смотритъ на себя, только какъ на жертву злобы сильныхъ.

Понятно, что причиною такого горькаго положенія, конечно, ихъ крайняя неразвитоеть и бѣдность; но выше этой причины стоитъ безъисходность ихъ быта.

Они — какія-то земноводныя существа; у нихъ нѣтъ настоящей среды. Стоя на переходной ступени отъ сословій привиллегированныхъ къ низшимъ, они не имѣютъ, ни по матеріальнымъ своимъ средствамъ, ни по роду своихъ занятій, самостоятельной общественной среды. У нихъ нѣтъ ни имѣнія, какъ у дворянъ, ни капитала, какъ у купцовъ, ни привычки въ какому нибудь правильному, экономическому, нормальному труду, какъ, напримѣръ, у ремесленниковъ или даже крестьянъ. Ихъ среда — канцелярія; ихъ дѣятельность — обременительная, большею частію излишняя переписка; ихъ счастіе — возможность взятки. Весь ихъ бытъ, удовлетвореніе самыхъ насущныхъ потребностей ихъ зависятъ отъ отношеній самыхъ непрочныхъ, случайныхъ. Они цѣлую жизнь въ страхѣ лишиться куска хлѣба чрезъ потерю мѣста. Они цѣлую жизнь маются, весь вѣкъ въ загонѣ. Потерявъ же мѣсто на службѣ, они никуда болѣе негодны: имъ остается — или просить милостыню, или умирать съ голода. Переходы изъ канцеляріи на большую дорогу для пропитанія Христаради — вещь не небывалая.

Положеніе канцеляристовъ въ городахъ губернскихъ и столичныхъ — не многимъ лучше. Хотя здѣсь постепенно увеличивается содержаніе, но въ той же соразмѣрности увеличивается и дороговизна жизни и уменьшается возможность сутяжничества, потому что въ губернскихъ городахъ и столицахъ канцелярскіе чиновники теряютъ почти всякое непосредственное участіе въ дѣлахъ. Правда, петербургскіе, напримѣръ, канцелярскіе чиновники находятъ нѣкоторую помощь въ такъ называемой частной работѣ, въ вольнонаемной перепискѣ: нѣкоторые изъ нихъ получаютъ, такимъ образомъ, до 300 и болѣе рублей въ годъ; но, имѣя часто многочисленныя семейства, они бываютъ принуждены бѣгать ежедневно пѣшкомъ, въ самую скверную погоду, изъ Тентелевой деревни и изъ Гавани, съ Песковъ и съ Петербургской стороны къ Чернышеву мосту или въ другія центральныя мѣста города.

Нѣкоторые возразятъ намъ, пожалуй, что все сказанное нами преувеличено. Смѣемъ увѣрить, что мы излагали то, что намъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ приходилось видѣть собственными глазами. Во всякомъ случаѣ, отстраняя вовсе авторское самолюбіе, мы были бы счастливы, если бы намъ положительно доказали, что мы ошибаемся, что мы возвели исключенія въ общій типъ.

Стремленіе къ улучшенію всѣхъ частей нашего общественнаго организма составляетъ утѣшительную сторону современнаго направленія. Дай Богъ, чтобъ мысли о возрожденіи болѣзненныхъ сторонъ общества заглянули и въ горькій бытъ приказнаго класса. Доставленіе средствъ къ болѣе удовлетворительному образованію, а главное—къ исходу для дѣятельности другаго рода, нежели исключительно канцелярской, были бы спасительны въ настоящемъ случаѣ. Повсемѣстное развитіе промышленности можетъ благодѣтельно подѣйствовать и въ этой сферѣ... Будетъ ждать и надѣяться. Быть можетъ, и найдутся на Руси добрые люди, которые не откажутся посвятить хотя нѣкоторую лепту своей мысли, труда, капитала и опытности на вспомоществованіе бѣдствующей массѣ безсознательно коснѣющаго въ нищетѣ и порокѣ поколѣнія. Великая задача — заботиться объ уменьшеніи взятокъ вообще, но еще выше, человѣчнѣе, кажется, были бы попытки объ изгнаніи изъ общества въ частности взятокъ *безсознательныхъ*, другими словами: порока, условливаемаго, такъ сказать, *физіологическою необходимостію*.

В. ФУКСЪ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ЗАМѢЧАНІЯ НА СТАТЬЮ Г. СОЛОВЬЕВА

«МАЛОРОССІЙСКОЕ КОЗАЧЕСТВО ДО БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО».

Въ 18 № «Русскаго Вѣстника» явилась статья г. профессора Соловьева: «Малороссійское козачество до Хмельницкаго». Наука должна быть признательна почтенному ученому за внесеніе въ ея область неизданныхъ свѣдѣній; но да будетъ дозволено высказать наше мнѣніе, несогласное съ взглядомъ г. Соловьева на козачество. Г. Соловьевъ выразилъ этотъ взглядъ такими словами:

«Это (козачество) не было выселеніе массъ людей, разрознившихся съ большинствомъ въ извѣстныхъ убѣжденіяхъ религіозныхъ или политическихъ, или людей, ищущихъ бóльшаго простора, бóльшаго удобства при употребленіи своего труда и капитала и потому способныхъ положить прочныя основанія для гражданскаго общества. Козакъ искалъ въ степи черезъ бѣгство только личной свободы; онъ являлся въ степь вовсе не для того, чтобъ трудиться, утвердивъ болѣе правильныя отношенія къ труду; онъ бѣжалъ для того, чтобъ быть вольнымъ козакомъ, а не мужикомъ, ибо съ понятіемъ труда соединялось понятіе мужичества. Вольный козакъ, молодецъ, вовсе не хотѣлъ работать или хотѣлъ работать сколько возможно меньше, хотѣлъ жить на чужой счетъ, на счетъ чужаго труда. Такимъ образомъ выходъ козака въ степь изъ государства вовсе не былъ шагомъ впередъ въ общественномъ развитіи, а скорѣе шагомъ назадъ; какъ бы ни было неудовлетворительно состояніе того общества, изъ котораго вышелъ козакъ, все же оно было гораздо выше образовав-

шагося въ степи козацкаго общества, которое по основному характеру своему, именно по хищничеству, имѣло часто отрицательное значеніе въ исторіи, приравниваясь къ окружавшимъ его обществамъ ногаевъ, калмыковъ и крымскихъ татаръ. Вліяніе такого общества на государство, разумѣется, не могло быть полезнымъ. Когда государство допускало это вліяніе, то оно обнаружилось точно такъ же, какъ и вліяніе ногаевъ, крымцевъ, то есть хищническимъ опустошеніемъ. Государства, какъ Московское, такъ и Польское, могли еще видѣть одну полезную сторону въ козачествѣ, именно—возможность противопоставлять хищничество козаковъ хищничеству степныхъ ордъ, ногаевъ, крымцевъ. Но и здѣсь польза отъ козачества перевѣшивалась вредомъ, ибо козаки не ограничивались только дѣломъ пограничной стражи, и по своему хищническому характеру, котораго не скрывали, объявляли, что если имъ не нападать на сосѣдей, то жить нечѣмъ, не-откуда добывать зипуновъ. По этому своему характеру козаки нападали на сосѣдей и тогда, когда государству это было вредно, нападали на турецкія владѣнія и вовлекали оба государства, особенно Польское, въ опасную вражду съ Турціею. Вслѣдствіе этого оба государства съ XVI вѣка, со времени усиленія козаковъ, находились постоянно въ враждебномъ отношеніи къ нимъ. Восточные козаки показали ясно характеръ своихъ отношеній къ Московскому государству въ смутное время, въ началѣ XVII вѣка: подъ знаменемъ самозванцевъ они внесли страшное опустошеніе въ государственную область; государство, благодаря усиліямъ земскихъ людей, очистилось отъ козаковъ, которые послѣ того не находили никогда такого благопріятнаго времени для успѣшной борьбы съ государствомъ; возстанія ихъ, иногда сильныя и опасныя, особенно по сочувствію и содѣйствію низшаго земледѣльческаго народонаселенія, оканчивались однако всегда торжествомъ государства, которое, наконецъ, достигло того, что вполнѣ подчинило козаковъ своимъ требованіямъ.»

Г. Соловьевъ не обращаетъ вниманія на то отношеніе, въ какомъ находился южно-русскій народъ къ козачеству; г. Соловьевъ не хочетъ знать, какое понятіе образовалъ себѣ о немъ этотъ народъ, эта plebs profana, недостойная того, чтобъ ученый мужъ удостоилъ спросить у нея, какъ она сама думаетъ о своей судьбѣ. О восточныхъ козакахъ г. Соловьевъ замѣчаетъ мимоходомъ, что ихъ возстанія были опасны по сочувствію къ нимъ низшаго земледѣльческаго (какое жь это высшее воздѣлываетъ землю?) народонаселенія, но вслѣдъ затѣмъ говоритъ, что на западѣ, въ Польскомъ королевствѣ, было не такъ: польскіе козаки имѣли возможность поднимать народное знамя, и возбуждали тѣмъ сочувствіе къ своему дѣлу въ единовѣр-

номъ государствѣ Московскомъ; а какого рода сочувствія возбуждали они въ единовѣрномъ народѣ не единовѣрнаго государства Польско-Литовскаго, объ этомъ не говорится! А въ этомъ-то и вся сущность исторіи малороссійскаго козачества.

Г. Соловьевъ представляетъ козака выкидышемъ изъ общества; онъ бѣжалъ, по словамъ почтеннаго историка, ища только личной свободы, хотѣлъ вовсе не работать, хотѣлъ жить на чужой счетъ, на счетъ чужаго труда. Если только такія побужденія руководили козаками, то, естественно, народъ не могъ имѣть къ нимъ сочувствія. Это были разбойники и ничего болѣе. Смотря съ государственной точки зрѣнія, съ которой г. Соловьевъ не сходитъ никогда, дѣйствительно окажется, что во время, описываемое г. Соловьевымъ, козаковъ было только 6,000, потому что польское правительство признавало ихъ столько, подъ именемъ реестровыхъ; но съ точки зрѣнія народной, — козаки, съ которыми тогда воевали поляки, были не что иное, какъ весь народъ южно-русскій. Г. Соловьевъ, пользовавшійся польскими рукописями Публичной Библіотеки, конечно видѣлъ изъ нихъ, что во время вражды поляковъ съ козаками въ 1625, 1635, 1637, 1638 годахъ дѣло идетъ не столько о реестровыхъ козакахъ, сколько о такъ называемыхъ выписчикахъ, то есть объ огромной толпѣ народа, нѣсколько разъ исключаемаго комиссіями изъ реестровъ и нѣсколько разъ снова составлявшаго козацкую массу. Поляки обыкновенно говорили козакамъ: «будьте свободными людьми, не много ниже шляхтичей; мы васъ не стѣсняемъ, только не принимайте къ себѣ хлоповъ, а напротивъ, удерживайте ихъ въ повиновеніи намъ». И дѣйствительно, иногда реестровые и сражались вмѣстѣ съ поляками противъ выписчиковъ. Такъ, напримѣръ, эти реестровые взяли Сулиму въ 1635 г. и дѣйствовали противъ Остраника и Гуни въ 1638 г. Поляки думали достигать своей цѣли тѣмъ, что давали имъ начальниковъ изъ шляхты или изъ козаковъ, но такихъ, которыхъ можно было сдѣлать панскими слугами. Но какъ мало цѣль эта была достигнута, и какъ слаба была возможность образовать изъ реестровыхъ отдѣльное отъ народа сословіе, показываетъ та легкость, съ какою эти реестровые передались Хмельницкому въ 1648 г. Польская попытка образовать изъ козаковъ высшій классъ продолжалась и послѣ Хмельницкаго у правительственныхъ лицъ и у такъ называемыхъ значныхъ, соблазнявшихся польско-шляхетскимъ духомъ; но ей постоянно противодѣйствовала масса народа и противодѣйствовала до тѣхъ поръ, пока уже государственное вліяніе имперской Россіи не взяло перевѣса надъ проявленіемъ своенародной политической жизни въ Малороссіи, парализованной раздѣломъ по Днѣпръ. Съ народной точки

зрѣнія козакъ былъ не одинъ реестровый, а всякій украинецъ, и когда не былъ имъ въ дѣйствительности, то считалъ себя лишеннымъ своего права. Пусть г. Соловьевъ заглянетъ въ наши историческія пѣсни; онъ тамъ увидитъ, что народъ подъ словомъ козакъ вовсе не разумѣлъ записаннаго въ какой нибудь компутъ; онъ этихъ компутовъ не хотѣлъ знать: онъ хотѣлъ весь окозачиться; козачество было идеаломъ его общественной жизни. Въ пѣсняхъ нашихъ—козакъ символъ молодца, идеалъ доблести, и это значеніе онъ сохраняетъ не только въ томъ краю, гдѣ дѣйствительно существовали козацкіе реестры, но и тамъ, гдѣ ихъ не было никогда, напримѣръ на Волыни, въ Червоной Руси.

Признавая важное участіе народа въ козачествѣ, пришлось бы измѣнить и взглядъ на свойства и характеръ послѣдняго. Г. Соловьевъ упрекаетъ козаковъ въ хищничествѣ. Подъ этимъ разумѣются морскіе и сухопутные набѣги на турокъ и татаръ и возстанія противъ поляковъ. Что касается до первыхъ, то встрѣчая безпрестанную переписку поляковъ съ татарскими и турецкими властями и жалобы послѣднихъ на козацкіе разбои, г. Соловьевъ и впрямь заключилъ, что козаки отъ лѣни и охоты ничего не дѣлать нападали на добрыхъ сосѣдей, и не взялъ во вниманіе, что положеніе южнорусскаго народа было таково, что нельзя было обойтись безъ такихъ нападеній. Вѣдь турки и татары требовали уничтоженія козаковъ точно такъ же, какъ волки предлагали миръ пастухамъ съ условіемъ, чтобъ послѣдніе истребили собакъ! Напротивъ, козаки, не слушая польскаго правительства и продолжая, наперекоръ ему, свои набѣги на мусульманскихъ сосѣдей, право больше имѣли государственнаго инстинкта, чѣмъ польскіе государственные люди, которые хорошо говорили по-латини. Какіе могли быть разговоры и переговоры съ Крымскимъ царствомъ? Слѣдовало разрушить его—вотъ и все. Тогда только въ Южной Руси и въ Польшѣ была бы возможна гражданственность. Такъ и думали нѣкоторые умные люди — хоть бы Пальчевскій, извѣстный г. Соловьеву, или по имени неизвѣстный намъ авторъ, написавшій сочиненіе: «Polska nižnia», гдѣ предлагаетъ заселеніе степей. Не такъ разсуждало большинство пановъ, хлопотавшихъ прежде всего о собственныхъ интересахъ. Государственныхъ силъ на громадное предпріятіе было мало, а народныхъ не трогали,— пусть лучше крымцы подъ бокомъ сидятъ. Поляки хвастали, что они чужого не желаютъ! Неправда. Какъ всѣ грѣшные люди, и они были не прочь, чтобъ схватить то, что лежитъ плохо, что взять легко; а вонъ тамъ, гдѣ трудно справиться — тамъ дѣло иное; тамъ можно похвалиться, что мы, дескать, народъ смирный и справедливый: чужого не ищемъ! У польскаго шляхетства было много мелоч-

ной удали, но недоставало геройства на великія предпріятія, плодоносныя для будущихъ временъ. Жившимъ въ Великой и Малой Польшѣ нерѣдко дѣла не было до того, что Волынь или Подоль грабятъ татары. Жившимъ въ украинскихъ имѣніяхъ все-таки было безопасно въ своихъ замкахъ, съ толпою надворной команды, а бѣдному народу не было защиты, кромѣ своихъ собственныхъ рукъ. Паны сами сознавали это, и потому терпѣли въ Украинѣ козаковъ, только приказывали имъ защищаться, а не нападать. А будто это возможно? Имѣть право выгнать изъ своего дома врага и не имѣть права заплатить ему визитъ — это не по человѣчески. Только слабыя, развращенныя общества способны на такую систему самосохраненія, —такъ и поступала Византія во времена своего упадка. Народъ южно-русскій былъ еще слишкомъ свѣжъ, молодъ, имѣлъ въ избыткѣ элементы дѣятельности: не въ его тогдашней натурѣ было довольствоваться такимъ скупымъ правомъ защищать себя. Онъ слѣдовалъ болѣе человѣческому правилу: когда меня задѣнутъ одинъ разъ, я задѣну десять! За то, что у насъ сожгли одну деревню, мы сожжемъ цѣлый край. Право, въ этомъ политическомъ народномъ правилѣ болѣе залоговъ гражданскаго общества, которые отрицаетъ у козаковъ г. Соловьевъ, чѣмъ въ томъ государственномъ строѣ, который кажется г. Соловьеву гораздо выше козацкаго. Варварства козаковъ очень естественны въ то время, —и какой же народъ на войнѣ тогда не отличался варварствомъ? Развѣ лучше поступали великоруссы съ поляками въ 1654 и 1655 гг.? А вѣдь г. Соловьевъ ужь вѣрно не назоветъ ихъ неспособными къ гражданственности.

Могло ли козачество образовать изъ себя государственное тѣло? На это можно отвѣчать двояко: и не могло и могло. Не могло при такомъ стеченіи обстоятельствъ, какія сопровождали его исторію; но способно ли оно было при другихъ, или даже при тѣхъ, но съ инымъ поворотомъ? На это отвѣчаетъ Стефанъ Баторій, сказавшій: «изъ этихъ мотриковъ козаковъ, можетъ быть, современемъ независимая Рѣчь Посполитая.» Вѣрно козаки были способны, когда такой умный человѣкъ считалъ ихъ способными. А Стефанъ Баторій лучше зналъ козаковъ, чѣмъ г. Соловьевъ.

Г. Соловьевъ думаетъ, что козакъ убѣгалъ въ степь оттого, что, не хотѣлъ трудиться, хотѣлъ вовсе не работать. Да развѣ мало трудовъ и безпокойствъ претерпѣвали козаки въ походахъ? Ихъ п[illegible] влекала добыча? Чтожь?—Это—законное, естественное побу[illegible] вознагражденіе за трудъ, отплата за свое! Притомъ же не [illegible] быча служила для нихъ приманкою. Ихъ одушевляли чувст[illegible] и народности. Эти чувства благородны и нравственны. П[illegible] нимъ понятіямъ воевать съ невѣрными было дѣло свят[illegible]

ловѣкѣ XIX вѣка такое побужденіе было бы признакомъ крайней ограниченности, но не такъ смотрѣли въ XVI и XVII вѣкахъ. Кто дѣйствуетъ по убѣжденію, тотъ справедливъ и достоинъ уваженія. Для того, чтобы козаки сознали, что ихъ походы не болѣе, какъ варварство, нужно было перевоспитаться народу. А кто жъ могъ внушить ему убѣжденія выше своего вѣка? И кто занимался его воспитаніемъ?

Смотрѣть на козаковъ, какъ на хищниковъ, за возстанія противъ Польши еще менѣе справедливо. Тутъ положительно невозможно отдѣлять козаковъ отъ народа. Тутъ подъ именемъ козаковъ разумѣть слѣдуетъ весь народъ. Г. Соловьевъ справедливо замѣчаетъ, что бѣжавшіе изъ Украины въ степь не думали тамъ установлять новаго общества: то не были выселенія людей, разрознившихся въ убѣжденіяхъ съ большинствомъ; прибавимъ къ этому: это были люди большинства, люди массы, недовольные насиліями со стороны меньшинства, бѣжавшіе въ степь для того, чтобъ найти себѣ тамъ точку опоры для дѣйствія и окрѣпнувши разлиться въ массѣ народа и поднять ее на дѣло освобожденія. Г. Соловьевъ говоритъ: «какъ бы ни было неудовлетворительно состояніе того общества, изъ котораго вышелъ козакъ, все же оно было гораздо выше образовавшагося въ степи козацкаго общества.» Въ противность почтенному профессору позволимъ себѣ сказать: какъ бы ни было слабо сознаніе у этихъ людей для созданія новаго общества, все же оно было выше того порядка, который существовалъ тогда подъ вліяніемъ польской аристократіи. Даже еслибъ у нихъ не было вовсе элементовъ возсозданія, то все-таки и тѣмъ они были выше, что хотѣли разрушить то, что тогда существовало: хотѣли спасти отеческую вѣру, попираемую іезуитскимъ коварствомъ, самовластіемъ Сигизмунда и необузданностію пановъ; хотѣли освободиться отъ панской юрисдикціи, ужаснѣйшаго права владѣльца—судить своихъ подданныхъ и казнить ихъ смертію, права, большею частію передаваемаго подстаростамъ и евреямъ-арендаторамъ. Вотъ это-то стремленіе и выказалось возстаніями народа, носившими названіе козацкихъ. Дѣло слѣдуетъ понимать не такъ, что козаки бунтовали и прикрывались народными интересами, а такъ: народъ возставалъ противъ польскихъ пановъ и шляхты, и противодѣйствовавшая такимъ образомъ масса называлась козаками. Когда Потоцкій, усмиривши возстаніе 1637 г., послѣ кумейковскаго побоища поѣхалъ на лѣвый берегъ Днѣпра, онъ, по собственнымъ словамъ его, до самаго Нѣжина обозначалъ дорогу посаженными на колъ мятежниками. Что ему говорили русскіе? «Когда тебѣ хочется усмирить козаковъ, говорили

они: — вырѣжь всю Украину и на правой и на лѣвой сторонѣ Днѣпра.» Такъ-то народъ не отдѣлялъ себя отъ козаковъ!

Чего жь добивался этотъ народъ?

На это даетъ отвѣтъ Богданъ Хмельницкій слѣдующими знаменитыми словами: «согрішить князь: уріжъ ему шію; согрішить козакъ — и ему тежъ зроби! Ото буде правда!» И по мнѣнію г. Соловьева, общество, гдѣ такъ говорилось, ниже того, гдѣ существовала пословица:

«Chłopa na pal, panu nic, sclachcica na więźę» — хлопа на колъ, пану за то ничего, а шляхтича на башню (подъ арестъ).

Неужели домогательство такого гражданскаго порядка, которое высказано Хмельницкимъ, говорившимъ тогда еще устами народа, значитъ желаніе жить на чужой счетъ, какъ полагаетъ г. Соловьевъ? Народъ хотѣлъ жить на чужой счетъ! На чей же счетъ могъ хотѣть жить цѣлый народъ? Не на счетъ ли польскихъ пановъ, ихъ надворныхъ командъ и жидовъ-арендаторовъ? А на чей же счетъ жила эта честная компанія, утучнявшая себя потомъ, кровью и слезами малороссійскаго хлопа, игравшая для забавы его жизнію и честію и въ добавокъ насиловавшая его душу? Г. Соловьевъ считаетъ козаковъ хищниками и тунеядцами; но не болѣе ли заслуживаютъ такого названія тѣ, которые, проводя дни въ бражничаньѣ, сластолюбіи и взаимныхъ дракахъ, отъ которыхъ болѣе всего терпѣлъ простой народъ, вывели наконецъ изъ терпѣнія этотъ народъ? Одинъ англичанинъ, посѣщавшій Польшу въ XVII вѣкѣ, изумлялся не хищничеству и воровству русскаго народа, а удивительному терпѣнію его: такъ видно хорошо показалось свѣжему человѣку въ атмосферѣ этого общества! — а его г. Соловьевъ предпочитаетъ тому, которое хотѣли образовать козаки.

Н. КОСТОМАРОВЪ.

Г-НУ ЛОХВИЦКОМУ.

(ПО ПОВОДУ ЕГО «ЗАМѢЧАНІЙ НА СТАТЬЮ Г. ФИЛИППОВА», ВЪ «РУССКОМЪ СЛОВѢ, № X.)

Г. Лохвицкій, авторъ многихъ юридическихъ статей, обнаруживающихъ въ немъ необыкновенный талантъ дѣлать выписки изъ извѣстныхъ европейскихъ юристовъ, сдѣлалъ мнѣ нѣсколько замѣчаній на сочиненіе мое «Взглядъ на русское судоустройство и судопроизводство.» Признаться, я бы обошелъ молчаніемъ эти замѣчанія, потому что мое сочиненіе написано не для педагоговъ, а для большинства читающей публики. Но г. Лохвицкій, указавши нѣсколько моихъ недосмотровъ и опечатокъ, позволилъ себѣ вывести изъ нихъ заключеніе о моемъ совершенномъ невѣжествѣ относительно познанія французскаго судоустройства. Такой тонъ, болѣе достойный покойныхъ критикъ Булгарина и Сенковскаго, нежели современнаго профессора всѣхъ существующихъ и отжившихъ свой вѣкъ законодательствъ заслуживаетъ вполнѣ, чтобы мы отдали полный и подробный отчетъ нашимъ читателямъ о тѣхъ обвиненіяхъ, которыя возводитъ на меня сей ужасный и великій ученый.

1) Первое обвиненіе г. Лохвицкаго заключается въ томъ, что я привелъ въ примѣръ давно отмѣненные законы французскаго Code d'instruction criminelle. Кто же г. Лохвицкому сказалъ, что я имѣлъ намѣреніе разсматривать нынѣ дѣйствующее уложеніе Франціи? Если ему могутъ нравиться усовершенствованные законы Наполеона III, то я имѣю полное право дозволить себѣ отдавать предпочтеніе уголовному законодательству Наполеона I, а не Людовика Филиппа, какъ то утверждаетъ ученый профессоръ, завѣряющій публику, что онъ превосходно знаетъ исторію французскаго законодательства. Если бы г. Лохвицкій, прочитавъ мою статью, взглянулъ на неё спокойно и безпристрастно, то я не сомнѣваюсь, что онъ въ цитатахъ моихъ нашелъ бы не болѣе, какъ описку или опечатку, или просто — пропускъ года изданія того уложенія, которымъ я ру-

воспользовался. Говоря о французскомъ уголовномъ судѣ, я вовсе не утверждаю, что разбираемыя мною постановленія нынѣ дѣйствуютъ; я также не представляю ихъ—какъ обраазецъ, а провожу только между уложеніемъ Наполеона I и нашимъ параллель, и этимъ сравненіемъ указываю на недостатки нашего уголовнаго судопроизводства. Разсматриваю же я уложенія Наполеона I, а не третьяго, потому что основанія перваго вошли въ законодатество родственной намъ Польши. Поэтому разсматривать уложеніе Наполеона I почти все равно, что подвергнуть анализу законодательство намъ родственное. Дѣйствительно, вина моя заключается въ недосмотрѣ; но я не могу сказать, чтобы г. Лохвицкій воспользовался имъ особенно удачно; онъ хотѣлъ уличить меня въ незнаніи дѣйствующаго уголовнаго французскаго уложенія, и обнаружилъ совершенное невѣдѣніе историческаго развитія французскаго законодательства, принявъ уложеніе Наполеона I за законы Людовика-Филиппа. Такимъ образомъ рушатся сами собою тѣ ошибки и промахи, на которые ссылается г. Лохвицкій: разность нынѣ дѣйствующихъ французскихъ законовъ отъ моихъ выписокъ объясняется просто — разностью началъ первыхъ отъ началъ принятыхъ мною. Такимъ образомъ ларчикъ просто открывается: стоило только знать, какое уложеніе я принялъ матеріаломъ своего сочиненія. И если г. Лохвицкій принимаетъ за образецъ совершенства уложеніе Наполеона III, то да позволитъ же онъ мнѣ считать порядочнымъ уложеніе дяди этого императора. Г. Лохвицкій имѣлъ бы полное право уличать меня въ незнаніи французскихъ законовъ въ томъ лишь случаѣ, если бы я, подобно ему, принялъ одно уложеніе за другое; а описка, пропускъ, недосмотръ — не есть еще незнаніе дѣла.

2) Второе обвиненіе заключается въ томъ, что я *уронилъ* французское судопроизводство, употребивши терминъ: *тѣлесное наказаніе*. Но подъ тѣлеснымъ наказаніемъ въ нашемъ юридическомъ языкѣ подразумѣвалось всегда не только наказаніе плетьми и розгами, но и клейменіе; по уложенію французскому Наполеона I, существовало наказаніе, называвшееся carcan (*), и оно отнесено къ наказаніямъ afflictives.

Не моя вина, если нашъ юридическій языкъ такъ бѣденъ, что не можетъ выразить многихъ понятій французскаго законодательства: на эту недостаточность нашего языка я указалъ моимъ читателямъ въ «Современникѣ.»

(*) Art 8. Code pénal.

Если г. Лохвицкій пришелъ въ ужасъ отъ неправильности моего перевода, то почему онъ, какъ профессоръ французскаго, русскаго и проч. и проч. законовѣдѣній, не нашелъ другаго слова для перевода термина — afflictives? Напрасно также г. Лохвицкій приписываетъ выраженію моему «тѣлесное наказаніе» такое важное значеніе: онъ опасается, чтобы я не уронилъ въ глазахъ русскаго общества французскій судъ!... Успокойтесь, г. профессоръ! Процессъ Монталамбера достаточно уронилъ его въ глазахъ не только Россіи, но и цѣлой Европы: безусловно восхищаются имъ только тѣ, которые въ процессѣ Монталамбера изучали идеалъ судопроизводства и которые предполагаютъ, что весь либерализмъ ихъ заключается въ громкихъ фразахъ, сказанныхъ ими на банкетахъ?...

3) Г. Лохвицкій уличаетъ меня въ незнаніи — что̀ такое ассизный судъ: это онъ доказываетъ опискою, встрѣчающеюся въ моемъ опредѣленіи «chambre du conseil». Каждый мало- мальски понимающій дѣло, прочитавъ. по ссылкѣ же г. Лохвицкаго, то мѣсто моего сочиненія, гдѣ я объясняю составъ ассизнаго суда, уразумѣетъ эту описку. По логикѣ же г. Лохвицкаго слѣдуетъ придти къ заключенію, что я такъ же не имѣю никакого понятія и о нашихъ русскихъ законахъ, потому что въ сочиненіи моемъ встрѣчаются слѣдующія описки: вмѣсто коммерческіе суды — «коммиссіонные»; вмѣсто $^1/_2$ процента — 2%; вмѣсто 3% — 4%. Въ другихъ мѣстахъ просто недостаетъ словъ въ фразѣ. Эти опечатки относятся непосредственно ко мнѣ: почеркъ мой неразборчивъ, и отъ скорописи иногда случается, что я выпускаю въ періодѣ цѣлое слово и даже выраженіе. Само собою разумѣется — если бы я жилъ въ Петербургѣ, этого не было бы, и я постараюсь при отдѣльномъ изданіи моего сочиненія поправить всѣ ошибки. Это — недостатокъ, но не тяжкій грѣхъ: каждый понимающій порусски можетъ распознать опечатки и описки; одинъ только г. Лохвицкій хочетъ въ нихъ видѣть непониманіе дѣла. Признаться откровенно, мы бы въ «Современникѣ» обозначили ихъ, но считали это излишнимъ: мы полагали, что миновались времена критики Сенковскаго и Булгарина, все остроуміе и ученость которыхъ заключались въ тщательномъ розысканіи и критикѣ опечатокъ.

4) Авторъ замѣчаній на мое сочиненіе приходитъ въ негодованіе за то, что я осмѣлился обсуждать вопросъ о томъ: хороши или дурны три степени французскаго суда. Негодованіе его простирается до того, что онъ восклицаетъ:

«Здѣсь г. Филиповъ въ нѣсколькихъ строкахъ обнаружилъ полное непониманіе французскаго судопроизводства; при этомъ невѣдѣніи особенно *картинно* оттѣняются *бойкія* выраженія: «я нахожу.... странно...» Какъ будто бы дѣло идетъ *о калмыцкихъ судахъ*, о кото-

рахъ *можно едва ли разсуждать*, какъ будто бы всѣ эти вопросы не были обсуждены во французской юридической литературѣ.»

Далѣе, прочитавъ лекцію о кассаціонномъ судѣ, г. Лохвицкій присовокупляетъ:

«Но вѣдь это опять таки вопросъ, о которомъ было много *написано*; чтобы потолковать о немъ дѣльно, надобно почитать кое-что».

Простите великодушно, г. Лохвицкій, за то, что я въ сочиненіи своемъ не упомянулъ—о прекрасной ученой вашей компиляціи, подъ заглавіемъ: «Дуэль и кассаціонный судъ». Одно рыцарское названіе этой статьи,—признаюсь вамъ откровенно,—напомнивъ мнѣ рыцаря печальнаго образа, отбило у меня всякую охоту поучаться вашими лекціями. Свою методу сочинять никакъ нельзя навязывать каждому: вы можете свои сочиненія наполнять выписками и ссылками на авторитеты; а я могу имѣть манеру излагать собственное мое убѣжденіе. И почему вы такъ возстали за высказанное мною мнѣніе о французскомъ уложеніи и прошли молчаніемъ мою критику русскихъ законовъ?... Или, можетъ быть, вы, какъ профессоръ русскаго законовѣдѣнія, лучше знаете французскіе законы, нежели русскіе? И оттого-то быть можетъ указали вы на опечатки въ главѣ о французскомъ судопроизводствѣ, а объ опечаткахъ русскихъ — умолчали? Или, можетъ быть, русское недостойно вашего ученаго вниманія?... Впрочемъ вы сами ясно высказываетесь, выражаясь съ пренебреженіемъ — о *калмыцкихъ судахъ*, о которыхъ *можно едва ли разсуждать!*... Любопытно бы знать, отчего такая немилость? Или, можетъ быть, васъ плѣняетъ во французскомъ законодательствѣ не принципъ правды, а одинъ только внѣшній лоскъ: фракъ и бѣлыя перчатки велерѣчивыхъ парижскихъ адвокатовъ? Да знаете ли вы, г. ученый профессоръ, что мы, русскіе, сказали бы вамъ истинное, большое спасибо за дѣльныя мысли о плебейскомъ калмыцкомъ судопроизводствѣ, гораздо большее, нежели за джентельменскій трактатъ — о дуэли и кассаціонномъ судѣ!...

Но совѣты, даваемые намъ г. Лохвицкимъ, не ограничиваются только поученіемъ, что мы не должны руководствоваться собственнымъ убѣжденіемъ и имѣть свое самостоятельное мнѣніе, а онъ обращаетъ еще взоры наши на историческое развитіе права и говоритъ съ профессорскою важностью:

«Франція до 89 года имѣла только нѣсколько великихъ судилищъ (парламентовъ); въ 89 году парламенты вовсе уничтожены и установлены только окружные трибуналы, съ цѣлью уничтожить судебную аристократію и духъ корпорацій, бывшіе *сильными* въ парламентахъ. Но послѣ долгаго боренія (?) Франція пришла къ сознанію не-

обходимости большихъ судилищъ. Если бы авторъ зналъ исторію этихъ колебаній (съ насъ довольно, что вы ихъ знаете г. Лохвицкій), зналъ бы, какія выгоды еще для разумнаго отправленія правосудія представляютъ большія судилища, онъ бы не говорилъ такъ *легко* въ пользу однихъ низшихъ, особенно въ примѣненіи къ Россіи, — вѣроятно онъ бы рѣшилъ дѣло въ пользу большихъ (?)».

Если я, русскій адвокатъ, обнаружилъ, по мнѣнію г. Лохвицкаго, полное незнаніе французскаго законовѣдѣнія, то это я еще могу перенести съ нѣкоторымъ мужествомъ; но если г. Лохвицкій, профессоръ русскаго законовѣдѣнія, обнаружилъ полное незнаніе и непониманіе русскаго судоустройства, то я имѣю честь его поздравить съ этимъ. Ученый сей мужъ выводитъ свое заключеніе — о необходимости вашихъ палатъ изъ того, что «Франція послѣ долгаго боренія (съ чѣмъ, съ кѣмъ, и за что?) пришла къ сознанію необходимости большихъ губернскихъ судилищъ». Успокойтесь, г. Лохвицкій: это сознаніе являлось во Франціи; а мы — русскіе дозволяемъ себѣ имѣть другое сознаніе. Такъ напримѣръ: разсматривая процедуру коммерческихъ судовъ, мы находимъ очень достаточнымъ двѣ инстанціи и если это противорѣчитъ ученой вашей теоріи и историческимъ вашимъ соображеніямъ, за то мы, практики, благословляемъ небо за такое премудрое учрежденіе. Кто же можетъ послѣ этого запретить намъ — желать, чтобы гражданскіе суды были преобразованы по образцу комерческихъ судовъ? Россія болѣе полувѣка испытывала прелести трехъ рекомендуемыхъ вами инстанцій, и уничтоженіе палатъ вовсе не будетъ случайнымъ фактомъ и явленіемъ, вытекающимъ изъ сущности этого учрежденія. Развѣ полъ-вѣка неурядицы и лихоимства для васъ недостаточны, г. Лохвицкій? Нѣтъ, г. ученый, слѣдуя вашему примѣру и мы даемъ вамъ благой совѣтъ: ознакомьтесь прежде практически съ русскимъ процессомъ и потомъ ужь беритесь за юридическую критику. Что же касается до уличенія меня и г. Барщева въ непониманіи того, что такое кассаціонный судъ,—что основываетъ г. Лохвицкій на одномъ выраженіи моемъ: «кассаціонные суды», то смѣемъ сказать г. автору, что описка или опечатка въ большомъ сочиненіи не есть погрѣшность; но непростительно такому ученому, какъ г. Лохвицкій, основывать на ней нелѣпыя обвиненія и подымать изъ-за нея гвалтъ. Если бы я хотѣлъ слѣдовать его примѣру, то могъ бы произвести надъ нимъ то же самое. Напримѣръ,—въ выпискѣ, сдѣланной мною изъ статьи г. Лохвицкаго, читатель можетъ замѣтить, что г. Лохвицкій сказалъ, вмѣсто сильными — сильнымъ: неправда ли, — какое незнаніе языка, какое грамматическое невѣжество!...

5) Далѣе авторъ компиляціи — о «Дуэли и кассаціонномъ судѣ» уличаетъ меня въ томъ, что нынѣшній французскій ассизный судъ состоитъ не изъ пяти, а только изъ трехъ членовъ; но эта улика теряетъ силу при завѣреніи моемъ г. Лохвицкаго, что я не осчастливилъ себя разборомъ уложенія Наполеона III, а предпочелъ уложеніе его дяди. Но кромѣ обличенія, г. Лохвицкій имѣетъ еще цѣль болѣе серьезную, болѣе важную: онъ желаетъ опровергнуть мое мнѣніе, что составъ ассизнаго суда долженъ быть сложенъ. Доказательства критика не основываются въ этомъ случаѣ ни на здравой логикѣ, ни на началахъ науки, а онъ просто говоритъ: какъ вы смѣете сказать, что пяти или десяти-членный составъ суда хорошъ, когда въ Англіи рѣшеніе дѣла предоставлено одному судьѣ, а во Франціи тремъ членамъ? Но позвольте мнѣ г. Лохвицкій, вамъ доложить, что если я не знаю, по вашему мнѣнію, французскихъ законовъ, то и вы съ своей стороны не имѣете понятія о значеніи ни русскаго, ни англійскаго уголовнаго судопроизводства; если бы вы знали первое и послѣднее, то вы 1) не сказали бы, что англійскій уголовный процессъ лежитъ въ произволѣ одного только судьи; 2) вы бы не желали, чтобъ въ Россіи уголовный судъ былъ переданъ одному, двумъ или даже тремъ лицамъ.

Что же касается до обвиненій вашихъ въ томъ, что я въ сочиненіи моемъ не разобралъ основаній, по которымъ я полагаю необходимость сдѣлать болѣе сложнымъ составъ нашего уголовнаго суда, то этотъ предметъ я излагаю въ особомъ сочиненіи, которое въ свое время выйдетъ въ свѣтъ. Неумѣстность вашихъ упрековъ доказывается еще тѣмъ, что въ заключеніи своего сочиненія я откровенно и честно высказалъ читателямъ, что многое еще недосказано мною, или другими словами: «что я въ свое время доскажу то, что еще мною невыражено».

6) Въ сочиненіи моемъ, гдѣ я говорю о французскихъ присяжныхъ, я вовсе не имѣлъ намѣренія представить это учреждѐніе какъ проэктъ для насъ — русскихъ, а сдѣлалъ только по этому предмету нѣсколько замѣчаній; самый же разборъ и анализъ этого учрежденія я излагаю въ особомъ сочиненіи. Относительно же замѣчанія г. Лохвицкаго, что будто бы мои мысли вертятся постоянно около гильдій и чиновниковъ, то это опровергается тѣмъ, что я непремѣннымъ условіемъ выборовъ ставлю участіе въ нихъ сельскихъ и мѣщанскихъ обществъ. Впрочемъ изъ замѣтокъ г. Лохвицкаго видно, что онъ всего моего сочиненія не читалъ; это доказывается слѣдующимъ: 1) онъ увѣряетъ, что я ничего не сказалъ объ отдѣленіи судебной власти отъ другихъ великихъ властей; о томъ, что кассаціонный судъ долженъ быть блюстителемъ закона, что судебное

сословіе должно быть независимо и т. д. Совѣтую г. Лохвицкому прочесть внимательно; не горячась, мое сочиненіе и я не сомнѣваюсь, что онъ тогда убѣдится, что его замѣтки *не дозрѣли*. Во-вторыхъ, то, что ученый профессоръ не удостоилъ своимъ вниманіемъ главной, то есть *русской*, части моей статьи, — доказывается тѣмъ, что г. Лохвицкій считаетъ статью № 8 «Современника» за цѣльную вторую часть моего труда, между тѣмъ какъ она есть только *окончаніе* второй части; поэтому совѣтуемъ г. критику прежде прочесть середину разбираемаго имъ сочиненія, а потомъ трактовать.

7) Наконецъ, г. Лохвицкій говоритъ, что статья моя полна ошибокъ, такъ что не добьешься въ ней смыслу. «Ихъ, то есть ошибокъ, — говоритъ сей ученый — такъ много, что чтеніе статьи г. Филиппова ставитъ въ тупикъ знакомаго съ дѣломъ...» Не вы ли сами, г. Лохвицкій, этотъ знакомый съ дѣломъ? Помилуйте, каждый знакомый съ дѣломъ умѣетъ понимать мысль, духъ сочиненія, а не придираться къ опечаткамъ и опискамъ. Я въ статьяхъ моихъ вовсе не предлагалъ настоящаго проэкта судопроизводства и судоустройства; я высказалъ только то, что накипѣло въ моемъ сердцѣ въ теченіе десятилѣтней моей юридической практики. Я откровенно и честно высказалъ это въ моемъ сочиненіи и окончилъ его искреннимъ желаніемъ, чтобы по моему началу были высказаны болѣе дѣльныя мысли, нежели мои. Поэтому могу завѣрить г. Лохвицкаго: если онъ разберетъ подробно мое сочиненіе безпристрастно, не горячась, и докажетъ неосновательность его крайнихъ выводовъ, а не мелкіе недосмотры и опечатки, то я буду, вмѣстѣ съ общественнымъ мнѣніемъ, радоваться и его успѣху, и дальнѣйшему развитію нашего національнаго права.

М. ФИЛИППОВЪ.

20 октября 1859 г.
С. Окнино.

НОВЫЯ КНИГИ.

От Москвы до Лейпцига. *И. Бабста.* (Изъ Атенея). Москва. 1859 г.

Двѣ великія партіи существуютъ издавна между русскими учеными по вопросу объ отношеніяхъ Россіи къ другимъ народамъ Европы. Одна партія выражаетъ свое убѣжденіе на этотъ счетъ формулою: «Россія цвѣтетъ, а западъ гніетъ;» а когда ея представители приходятъ въ нѣкоторый паѳосъ, то начинаютъ пѣть про Россію ту самую пѣсню, которую, по свидѣтельству г. Милюкова, въ недавно изданныхъ имъ замѣткахъ о Константинополѣ (стр. 130), оборванный мальчишка въ константинопольской кофейной пѣлъ про Турцію, — а именно:

«Нѣтъ края на свѣтѣ лучше нашей Турціи, нѣтъ народа умнѣе османлисовъ! Имъ Аллахъ далъ всѣ сокровища мудрости, бросивъ другимъ племенамъ только крупицы разумѣнія, чтобъ они не вовсе остались верблюдами и могли служить правовѣрнымъ.

«Нѣтъ города подъ луною, достойнаго быть предмѣстьемъ нашего многоминаретнаго Стамбула (*), да хранитъ его пророкъ. Нѣтъ въ немъ счета дворцамъ и кіоскамъ, дорогимъ камнямъ и луноликимъ красавицамъ.

«Если бы Черное море наполнилось вмѣсто воды чернилами, то и его недостало бы описать, какъ сильна и богата Турція, сколько въ ней войска и денегъ, и какъ всѣ народы завидуютъ ея сокровищамъ, могуществу и славѣ.»

(*) Здѣсь разумѣй Москву съ ея сороками, но никакъ не Петербургъ.

Г. Милюковъ завѣряетъ, что его проводникъ изъ грековъ, переведши ему эту пѣснь, нагнулся къ нему и шепнулъ, въ pendant къ ней: «собаки! настоящія собаки!... (стр. 131).

Но дѣло не о собакахъ....

Въ противоположность первой великой партіи, сейчасъ охарактеризованной нами, другая партія должна бы говорить: «нѣтъ, Россія гніетъ, а западъ цвѣтетъ.» Но столь крайней и дерзкой формулы до сихъ поръ въ русской литературѣ еще не появлялось, и конечно не появится, ибо никто изъ насъ не лишенъ патріотизма. Партія, противная турко-подобной партіи, останавливается на положеніяхъ, гораздо болѣе умѣренныхъ и основательныхъ. Она говоритъ: «каждый народъ проходитъ извѣстный путь историческаго развитія; западъ вступилъ на этотъ путь раньше, мы позже; намъ остается еще пройти многое, что западомъ уже пройдено, и въ этомъ шествіи, умудренные чужимъ опытомъ, мы должны остеречься отъ тѣхъ паденій, которымъ подверглись народы, шедшіе впереди насъ».

Къ этой второй изъ двухъ великихъ партій принадлежитъ и г. Бабстъ, какъ удостовѣряютъ насъ между прочимъ его путевыя письма, о которыхъ мы намѣрены теперь говорить. Нужно отдать справедливость г. Бабсту: онъ является въ своихъ письмахъ очень ловкимъ адвокатомъ того дѣла, за которое взялся. На каждомъ шагу онъ умѣетъ напомнить намъ, какъ насъ опередила Европа; въ каждомъ нѣмецкомъ городкѣ умѣетъ найти какое нибудь полезное или пріятное учрежденіе, котораго у насъ еще нѣтъ и долго не можетъ быть; по каждому изъ главнѣйшихъ нашихъ вопросовъ онъ представляетъ такія соображенія и параллели, изъ которыхъ можно извлечь и для насъ полезныя примѣненія.... Приведемъ нѣсколько такихъ параллелей, сдѣланныхъ имъ мимоходомъ, во время краткихъ отдыховъ отъ *скаканія* по желѣзной дорогѣ, какъ онъ самъ выразился о своемъ путешествіи (стр. 1).

Въ Берлинѣ, говоря о неудобствахъ бюрократіи вообще, г. Бабстъ отдаетъ однако же справедливость прусскому чиновничеству, и дѣлаетъ при этомъ слѣдующія замѣчанія (стр. 45—47).

«Взгляните на прусскаго полицейскаго, на берлинскаго *Schutzmann*, войдите въ первое присутственное мѣсто, въ почтамтъ, въ тюрьму, и на васъ повѣетъ все-таки инымъ воздухомъ; вы чувствуете себя и среди бюрократической атмосферы свободнѣй, самостоятельнѣй; вы знаете, что честь ваша не будетъ и не можетъ быть оскорблена наглымъ поступкомъ, безнаказанною, безсознательною грубостью; вы начинаете сознавать себя человѣкомъ свободнымъ, который имѣетъ свои права, начинаете понимать, что не вы существуете, работаете и живете для чиновничества, но что послѣднее существуетъ для васъ. Съ нами, русскими, происходятъ, какъ мнѣ показалось, самыя разнообразныя измѣ-

ненія съ первымъ шагомъ за границу. Мы, какъ хамелеоны, безпрерывно мѣняемъ цвѣта, покуда наконецъ не успѣемъ примѣниться. Сначала русскій является такимъ подобострастнымъ, вѣжливымъ, такъ боязливо подходитъ къ чиновнику на дорогѣ, къ полицейскому, что обращаетъ на себя общее вниманіе. «Вѣроятно русскій», случалось мнѣ не разъ слышать о какомъ нибудь пассажирѣ, о чемъ-то упрашивающемъ чиновника желѣзной дороги, и упрашивающемъ непремѣнно уже о какомъ нибудь снисхожденіи, о чемъ нибудь противномъ правиламъ дороги. Чиновники при дорогахъ вообще чрезвычайно вѣжливы, и рѣдко встрѣтишь съ ихъ стороны отказъ, если только есть какая нибудь возможность услужить. Но потомъ, видя какъ все угодливо, видя, что люди здѣсь свободны, нашъ братъ начинаетъ чувствовать въ себѣ сознаніе собственнаго достоинства, самостоятельности, начинаетъ хорохориться, и у многихъ прорываются ужь барскія замашки, своевольничанье и даже грубость, — но это до перваго отпора. Дадутъ окрикъ, укажутъ на законъ, и опять сдѣлаешься — какъ шелковый. Привыкнешь конечно, обойдешься и станешь дѣйствительно гражданиномъ, уважающимъ законъ, сознающимъ и свои права, и обязанности, — къ сожалѣнію только, кажется, до перваго шага на родной почвѣ, гдѣ васъ разомъ обдастъ иною жизнью, гдѣ вы, и послѣ короткаго отсутствія, несмотря на радость свиданія съ близкими и друзьями, несмотря на родную вашему сердцу жизнь, чувствуете себя сначала неловко и не по себѣ. Вы отвыкли уже немножко отъ дикой обстановки, хоть и изъ Европы же заимствованной, но дикой по формѣ и переложенной какъ-то на козацкіе нравы, и въ то же почти мгновеніе вы чувствуете, какъ въ васъ самихъ начинаютъ шевелиться скиѳскія привычки, и смотришь — едва ступилъ на родную почву — норовишь уже кого нибудь выбранить, хоть извощика на первый разъ.

«Позвольте вамъ сообщить нѣсколько наблюденій.

«Много пришлось мнѣ проѣхать таможенъ: вездѣ васъ встрѣчаетъ чиновникъ съ холодною вѣжливостью; берутъ ваши вещи, съ невозмутимымъ спокойствіемъ осматриваютъ ихъ; вездѣ довольно народа, все это дѣлается быстро, но безъ шума, безъ суетни, безъ грубости, безъ дикихъ формъ; комнаты, гдѣ смотрятъ вещи,—удобныя; для всѣхъ есть мѣсто, и отпускаютъ васъ очень скоро.

«Но вотъ бросаетъ пароходъ якорь въ Кронштадтѣ. Подъѣзжаетъ лодка съ таможенными чиновниками и солдатами. Былъ съ нами на пароходѣ деньщикъ одного офицера, съ которымъ ѣздилъ за границу. И онъ, и мы всѣ съ любовью привѣтствовали родной край. «Вотъ они, орлы-то наши!» закричалъ, не выдержавъ, служивый, глядя на усачей таможенныхъ.—«Сейчасъ признаешь. Воинственное есть нѣчто.» — Мы засмѣялись, но не прошло и десяти минутъ, какъ слухъ нашъ былъ оскорбленъ самымъ грубымъ ругательствомъ, которымъ чиновникъ чествовалъ одного изъ почтенныхъ, увѣшанныхъ медалями, усачей. Вотъ мы и у пристани въ Петербургѣ. Всѣ наши вещи взяли, ввели всю ватагу пассажировъ въ комнату. У однѣхъ дверей стоятъ два часовыхъ, чтобы никого не впускать въ комнату, гдѣ досматриваются вещи и куда

должны входить пассажиры по частямъ. Грѣшно каждому изъ насъ было бы пожаловаться на чиновниковъ петербургской таможни: Они несравненно любезнѣе и обходительнѣе многихъ заграничныхъ. Такъ же вѣжливо спрашиваютъ васъ, нѣтъ ли чего запрещеннаго, всѣми силами стараются скорѣе васъ отпустить; но спросимъ ихъ же самихъ, и каждый изъ нихъ самъ сознается, что внѣшняя обстановка дика, многосложна, запутанна и отзывается осаднымъ положеніемъ. «Что, братъ, воинственное есть нѣчто?» спросилъ я служиваго, съ грустью ожидавшаго своей очереди. — Точно, ваше благородіе, порядокъ-то тотъ лучше-съ.

«Ѣдете вы въ Берлинѣ на желѣзную дорогу. Законъ говоритъ, и въ каждой каретѣ прибито объявленіе, что для избѣжанія сумятицы, вы должны извощику платить впередъ, дабы извощики не имѣли права толпиться у подъѣзда къ станціи. И дѣйствительно, вы пріѣзжаете, носильщики берутъ ваши вещи, вы выходите, и извощикъ отъѣзжаетъ, а на его мѣсто тотчасъ же становится другой. Вѣдь очень просто, кажется. Посмотримъ же на наши станціи. Извощики кричатъ: кто проситъ прибавки, кто ругается, что не додали; жандармы кричатъ, чтобы отъѣзжали, козаки граціозно трясутъ нагайками; а вѣдь ларчикъ такъ просто открывается, и можно избѣжать всей этой безурядицы. Дѣло только въ томъ, что тамъ нечего полиціи—ни изъяснять закона, ни истолковывать его по своему. Постановленія объ извощикахъ найдешь прибитыми въ каждой каретѣ или коляскѣ; каждый извощикъ знаетъ грамотѣ, и онъ не можетъ отговориться незнаніемъ, точно такъ же какъ ни полиція, никто иной не можетъ съ него потребовать ничего лишняго. Чего бы мы слѣдовательно ни коснулись, какой бы вопросъ ни затронули — результатъ одинъ, что безъ грамотности ничего не сдѣлаешь и что въ образованіи одно спасеніе».

Замѣтки и сравненія такого рода безпрестанно дѣлаются г. Бабстомъ въ его письмахъ. Осматриваетъ онъ библіотеку въ Бреславскомъ университетѣ: его поражаетъ обыкновеніе, господствующее здѣсь, — снабжать книгами изъ нея учителей гимназій, даже иногородныхъ, и онъ сравниваетъ съ этимъ прекраснымъ обыкновеніемъ печальное положеніе нашихъ библіотекъ, въ которыхъ большая часть книгъ похоронена, какъ въ гробу, — точно будто библіотека имѣетъ единственно назначеніе архива.—Ходитъ онъ въ Берлинѣ по гуляньямъ и музеямъ: онъ обращаетъ вниманіе читателей на то, какъ дешевы и просты у нѣмцевъ изящныя удовольствія, какъ легокъ доступъ въ музеи, какъ развитъ интересъ къ изящнымъ искусствамъ во всемъ народонаселеніи.—Проѣзжая мимо одного мѣстечка, нашъ путешественникъ встрѣчаетъ сцену мирной семейной жизни саксонскаго лѣсничаго: онъ не упускаетъ разсказать, какъ жена лѣсничаго прядетъ ленъ, и пряжу отдаетъ ткать, какъ самъ лѣсничій носитъ пальто изъ грубой парусины, ходитъ пѣшкомъ и пр. И затѣмъ прибавляетъ: «бѣдный, глупый окружной начальникъ сак-

сонскихъ королевскихъ лѣсовъ! Какъ же ты не дошелъ, много учившись и трудившись, до простой операціи съ попенными деньгами, обращающимися въ хорошихъ лошадей, въ коляски, шляпки и тонкое полотно, вытканное, можетъ быть, изъ той же пряжи, которую продала твоя жена?» (стр. 91.) Осматриваетъ г. Бабстъ элементарную школу въ Лейпцигѣ: и тутъ находитъ онъ поводъ сдѣлать нѣсколько любопытнѣйшихъ примѣненій къ нашему быту, указывая на отношенія между собою служащихъ лицъ въ лейпцигской школѣ. Здѣсь, говоритъ онъ, все просто, все показываетъ вамъ, что люди, собранные здѣсь, имѣютъ въ виду одну цѣль, и общими силами, каждый въ своей сферѣ, къ ней стремятся. Директоръ—это тотъ же учитель, только съ бо̀льшей опытностью, и другіе учителя довѣряютъ ему, но и сами имѣютъ въ своемъ дѣлѣ голосъ и сужденіе. Затѣмъ, переходя къ нашимъ училищамъ, г. Бабстъ разсуждаетъ: (стр. 134—135).

«Вся разница между такою организаціей училищъ и другою, внѣшнимъ образомъ, пожалуй, съ нею и сходною, состоитъ въ томъ, что здѣсь директоръ имѣетъ значеніе и первенство дѣйствительно только потому, что онъ ведетъ цѣлое заведеніе, а вовсе не потому, что онъ старше чиномъ или кавалеръ, тогда какъ въ иныхъ мѣстахъ онъ прежде всего начальникъ, и изъ-за начальническаго своего значенія забываетъ свое настоящее положеніе и цѣль своей должности. Въ одномъ мѣстѣ цѣль и назначеніе каждаго директора и учителя — воспитаніе, образованіе дѣтей, въ другомъ обязанность директора — это быть исправнымъ по службѣ, чтобы была у дѣтей хорошая выправка, чтобы на ногахъ мозолей не было, чтобы дружно кричали дѣти «здравія желаю!» чтобы застегнуты были мундиры. Можетъ ли директоръ, будь онъ отличнѣйшій человѣкъ и педагогъ, заботиться и дѣйствовать въ пользу образованія такъ, какъ бы ему хотѣлось, когда —

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ —

все вниманіе его было обращено не на ученіе, а на порядокъ, когда пріѣзжавшіе ревизовать его начальники объ ученіи не только не заботились, но даже и не могли справляться, когда они больше всего смотрѣли на стѣны да на мундиры, когда подъ заботой о нравственности дѣтской разумѣлась забота о стрижкѣ волосъ. Чиновничество всосалось во всѣ стороны нашей педагогической жизни, развилось до удивительныхъ размѣровъ и породило такую сложную администрацію, которой подобную не встрѣтимъ мы въ цѣломъ мірѣ. Штатный смотритель, стоя въ полномъ мундирѣ, униженно передъ директоромъ училищъ, распекаетъ въ свою очередь бѣднаго уѣзднаго учителя, осмѣлившагося явиться къ нему безъ формы. Каждая гимназія совершенно, подумаешь, на военномъ положеніи,—столько въ ней сторожей и солдатъ: одни для чистоты, другіе для порядка, одни, чтобы по субботамъ сѣчь мальчиковъ, другіе, чтобы мыть ихъ. Довольно того, что въ гимназіяхъ на

сторожей расходуется нерѣдко гораздо болѣе денегъ, чѣмъ на всѣхъ учителей. Но кому это неизвѣстно? Всѣ мы это хорошо знаемъ, у всѣхъ у насъ оно передъ глазами; наши директоры, наши учителя, — первые отъ этого страдаютъ и жаждутъ выдти изъ такого неестественнаго положенія: имъ, главнымъ образомъ, оно невыносимо и грустно, — я же съ своей стороны прибавлю здѣсь одно скромное замѣчаніе, что и за образцами ходить не нужно далеко. Администрація нашихъ частныхъ пансіоновъ, которые въ отношеніи къ ученью не только ни въ чемъ не уступаютъ гимназіямъ, но даже во многомъ превосходятъ ихъ, хотя лучшіе учителя одни и тѣ же и здѣсь и тамъ, — администрація ихъ, своей простотой и экономіей, могла бы во многомъ служить образцомъ для будущей реформы гимназіи. И это не мое личное мнѣніе, но многихъ изъ моихъ почтенныхъ товарищей-учителей. Когда содержатель пансіона съ 4 надзирателями и прислугой изъ пяти, шести человѣкъ можетъ вести заведеніе, гдѣ обучается до 150 мальчиковъ,—неужели же невозможно то же самое и въ гимназіяхъ? Наконецъ, за образцами можно обратиться и къ нашей старинѣ. Она иногда можетъ дать очень спасительные совѣты. Я самъ воспитывался въ гимназіи, которая въ 1838 году управлялась директоромъ да совѣтомъ учителей, изъ которыхъ одинъ исправлялъ директорскую должность, когда самъ директоръ отлучался на ревизію уѣздныхъ училищъ. При гимназіи былъ всего только одинъ сторожъ (*Calefactor*), и все было въ порядкѣ. Я помню живо наше удивленіе, когда вдругъ явилось разъ въ 1840 году, во время утренней молитвы, новое лицо, и когда намъ объявили, что это инспекторъ. Къ чему? зачѣмъ? — этого вѣроятно хорошо никто не могъ объяснить,—ни мы, ни директоръ, ни самъ инспекторъ, ниже кто другой. Инспекторъ былъ прекраснѣйшій человѣкъ, умѣвшій снискать впослѣдствіи глубокое уваженіе цѣлаго города, но самъ же сознавался, что онъ—лицо, совершенно лишнее, мало того, — что его появленіе внесло своего рода безурядицу, вмѣсто ожидаемаго свыше порядка, — безурядицу уже потому, что директоръ не могъ сносить новаго лица, съ которымъ ему пришлось дѣлить свои занятія.»

Вообще письма г. Бабста наполнены указаніями на хорошія стороны европейской жизни, которыхъ еще недостаетъ намъ. И этого еще мало, что онъ признаетъ въ Европѣ много хорошихъ сторонъ: онъ даже не думаетъ, подобно нѣкоторымъ изъ нашихъ мыслителей и ученыхъ, — что Европа умираетъ, что въ ней нѣтъ живыхъ элементовъ. Напротивъ, онъ подсмѣивается надъ *широкими натурами*, которыя свысока смотрятъ на *мѣщанскія* привычки Европы. Пусть тамъ и мѣщанскія натуры, — замѣчаетъ онъ, — да вотъ умѣли же устроить у себя то, чего широкія натуры никакъ не могутъ добиться, при всемъ своемъ желаніи!... И при этомъ почтенный профессоръ не сомнѣвается, что Европа все будетъ идти впередъ, и теперь даже лучше — тверже и прямѣе, —

чѣмъ прежде. Въ прежнемъ своемъ шествіи она, по мнѣнію почтеннаго профессора, дѣлала много ошибокъ, состоявшихъ именно въ томъ, что вѣрила въ возможность совершить что нибудь вдругъ, разомъ; теперь она поняла, что этого нельзя, что прогрессъ идетъ медленнымъ шагомъ и что слѣдовательно все нужно измѣнять и совершенствовать исподоволь, понемножку... На этомъ медленномъ пути у Европы есть теперь надежные путеводители: гласность, общественное мнѣніе, развитіе въ народахъ образованности—и общей и спеціальной. Съ этимъ она уже неудержимо пойдетъ впередъ, и никакія катастрофы впредь не увлекутъ ее. Теперь даже и геніальные люди, и сильныя личности не нужны Европѣ: безъ нихъ все можетъ устроиться и идти отлично, благодаря дружному содѣйствію общества, умѣющаго избирать достойныхъ и честныхъ дѣятелей для каждаго дѣла. Вотъ подлинныя слова г. Бабста: (стр. 17).

«Геніальные государственные люди рѣдки; они являются въ тяжкія переходныя минуты народной жизни; въ нихъ выражаетъ народъ свои задушевныя стремленія, свои потребности, свое неукротимое требованіе порѣшить со старымъ, дабы выдти на новую дорогу и продолжать жизнь свою по пути прогресса; но такія переходныя эпохи наступаютъ для народа вѣками и, *сильно сдается намъ, задачи ихъ и значеніе въ исторіи чуть ли не прошли безвозвратно.* Запасъ свѣдѣній и знаній въ европейскомъ человѣчествѣ сталъ гораздо богаче, гражданскія права расширились, сознаніе правъ усилилось и наконецъ довѣріе къ насильственнымъ переворотамъ, вслѣдствіе горькихъ опытовъ, угасаетъ. *Потребности государственныя и общественныя принимаются всеми близко къ сердцу, гласность допускаетъ всеобщій народный контроль, уваженіе къ общественному мнѣнію въ образованномъ правительствѣ воздерживаетъ его отъ произвольныхъ распоряженій*, и оно же заставляетъ невольно выбирать въ государственные дѣятели людей, пользующихся извѣстностью, людей, спеціально знакомыхъ съ частью государственнаго управленія, въ челѣ которой ихъ ставятъ, а не перваго проходимца; широко же разлитое въ народѣ образованіе, и общее и спеціальное, даетъ возможность выбора достойнѣйшаго.»

Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Бабста, не одна Россія «hat eine grosse Zukunft», какъ говорилъ одинъ сладенькій нѣмецъ, *скакавшій* вмѣстѣ съ г. Бабстомъ по желѣзной дорогѣ. Европа тоже имѣетъ будущее, и очень свѣтлое. Намъ еще нужно пройти большое пространство, чтобы стать на то мѣсто, на которомъ стоитъ теперь европейская жизнь. И мы должны идти по тому же пути развитія, только стараясь избѣгать ошибокъ, въ которыя впадали европейскіе народы, вслѣдствіе ложнаго пониманія прогресса.

Во всемъ этомъ мы совершенно согласны съ г. Бабстомъ. Желанія его мы раздѣляемъ, не раздѣляемъ только его надеждъ относи-

тельно Европы. Мы очень желаемъ, чтобъ Европа безъ всякихъ жертвъ и потрясеній шла теперь неуклонно и быстро къ самому идеальному совершенству; но — мы не смѣемъ надѣяться, чтобъ это совершилось такъ легко и весело.... Намъ кажется, что совершенно логическаго, правильнаго, прямолинѣйнаго движенія не можетъ совершать ни одинъ народъ при томъ направленіи исторіи человѣчества, съ которымъ она является передъ нами съ тѣхъ поръ, какъ мы ее только знаемъ.... Ошибки, уклоненія, перерывы необходимы. Уклоненія эти обусловливаются тѣмъ, что исторія всегда дѣлалась — не мыслителями и всѣми людьми съобща, а нѣкоторою лишь частью общества, не всегда удовлетворявшею требованіямъ высшей справедливости и разумности. Оттого-то всегда и у всѣхъ народовъ прогрессъ имѣлъ характеръ частный, а не всеобщій. Дѣлались улучшенія въ пользу то одной, то другой части общества; но часто эти улучшенія отражались весьма невыгодно на состояніи нѣскольких другихъ частей. Эти въ свою очередь искали улучшеній для себя, и опять на счетъ кого нибудь другаго. Расширяясь мало по малу, кругъ, захваченный благодѣяніями прогресса, задѣлъ наконецъ въ западной Европѣ и окраину народа, — тѣхъ мѣщанъ, которыхъ, по мнѣнію г. Бабста, такъ не любятъ наши *широкія натуры*. Но что же мы видимъ? Лишь только мѣщане почуяли на себѣ благодать прогресса, они постарались прибрать ее къ рукамъ и не пускать дальше въ народъ. И до сихъ поръ массѣ рабочаго сословія въ нѣкоторыхъ странахъ Европы приходится поплачиваться, напримѣръ, за прогрессы фабричнаго производства, столь пріятные для *мѣщанъ*. Стало быть, теперь вся исторія только въ томъ, что актеры перемѣнились; а пьеса разыгрывается все-таже. Прежде городскія общины боролись съ феодалами, стараясь получить свою долю въ благахъ, которыя человѣчество, въ своемъ прогрессивномъ движеніи, завоевываетъ у природы. Города отчасти успѣли въ этомъ стремленіи; но только отчасти, потому что въ правахъ имъ наконецъ уступленныхъ, только очень ничтожная доля взята была дѣйствительно отъ феодаловъ; значительнѣйшую же часть этихъ правъ пріобрѣли мѣщане отъ народа, который и безъ того уже былъ очень скуденъ. И вышло то, что прежде феодалы налегали на мѣщанъ и на поселянъ; теперь же мѣщане освободились и сами стали налегать на поселянъ, не избавивъ ихъ и отъ феодаловъ. И вышло, что рабочій народъ остался подъ двумя гнетами: и стараго феодализма, еще живущаго въ разныхъ формахъ и подъ разными именами въ западной Европѣ, и мѣщанскаго сословія, захватившаго въ свои руки всю промышленную область. И теперь въ рабочихъ классахъ накипаетъ новое неудовольствіе, глухо гото-

вится новая борьба, въ которой могутъ повториться всѣ явленія прежней.... Спасутъ ли Европу отъ этой борьбы гласность, образованность и прочія блага, восхваляемыя г. Бабстомъ, — за это едва ли кто можетъ поручиться. Г. Бабстъ такъ смѣло выражаетъ свои надежды потому, что предъ взорами его проходятъ все люди средняго сословія, болѣе или менѣе устроенные въ своемъ бытѣ; о роли народныхъ массъ въ будущей исторіи западной Европы почтенный профессоръ думаетъ очень мало. Онъ полагаетъ, кажется, что для нихъ достаточно будетъ отрицательныхъ уступокъ, уже ассигнованныхъ имъ въ мнѣніи высшихъ классовъ, то есть если ихъ не будутъ бить, грабить, морить съ голоду, и т. п. Но такое мнѣніе — во первыхъ не вполнѣ согласуется съ желаніями западнаго пролетарія, а во вторыхъ, и само по себѣ довольно наивно. Какъ будто можно для фабричныхъ работниковъ считать прочными и существенными тѣ уступки, какія имъ дѣлаются хозяевами и вообще—капиталистами, лордами, баронами и т. д!... Милостыней не устраивается бытъ человѣка; тѣмъ, что дано изъ милости, не опредѣляются ни гражданскія права, ни матеріальное положеніе. Если капиталисты и лорды и сдѣлаютъ уступку работникамъ и фермерамъ, такъ—или такую, которая имъ самимъ ничего не стоитъ, или такую, которая имъ даже выгодна... Но какъ скоро отъ правъ работника и фермера страдаютъ выгоды этихъ почтенныхъ господъ,—всѣ права ставятся ни во что, и будутъ ставиться до тѣхъ поръ, пока сила и власть общественная будетъ въ ихъ рукахъ.... И пролетарій понимаетъ свое положеніе гораздо лучше, нежели многіе прекраснодушные ученые, надѣющіеся на великодушіе старшихъ братьевъ въ отношеніи къ меньшимъ.... Пройдетъ еще нѣсколько времени, и меньшіе братья поймутъ его еще лучше. Горькій опытъ научаетъ понимать многія практическія истины, какъ бы ни былъ человѣкъ идеаленъ. Въ этомъ случаѣ можно указать въ примѣръ на «Задушевную Исповѣдь» г. Макарова, напечатанную въ нынѣшней книжкѣ «Современника». Какія необдуманныя надежды возлагалъ онъ на своего друга, какъ былъ исполненъ мечтами о благахъ, которыя долженствовали для него произрасти изъ дружескаго великодушія! И сколько разъ онъ обманывался, сколько разъ практическій другъ толковалъ ему яснѣйшимъ образомъ, что ему дѣло только до себя и что онъ, Макаровъ, тоже долженъ самъ хлопотать для себя, если хочетъ получить что нибудь, а не надѣяться на идиллическія чувства друга. Но г. Макаровъ все не хотѣлъ вѣрить, все предавался сладостнымъ мечтамъ и дружескимъ изліяніямъ.... Долго печальные опыты проходили ему даромъ и не раскрывали глазъ на настоящее дѣло.... Но наконецъ и онъ вѣдь очнулся же, и написалъ

же грозную «Исповѣдь», въ которой не пощадилъ своего гнѣва на свои же прошедшія отношенія....

А что ни гласность, ни образованность, ни общественное мнѣніе въ западной Европѣ не гарантируютъ спокойствіе и довольство пролетарія,—на это намъ не нужно выискивать доказательствъ: они есть въ самой книгѣ г. Бабста. И мы даже удивляемся, что онъ такъ мало придаетъ значенія фактамъ, которые самъ же указываетъ. Можетъ быть, онъ придаетъ имъ частный и временный характеръ, смотритъ на нихъ, какъ на случайности, долженствующія исчезнуть отъ дальнѣйшихъ успѣховъ просвѣщенія въ европейскихъ капиталистахъ, чиновникахъ и оптиматахъ? Но тутъ ужь надо бы привести на помощь исторію, которую призываетъ нѣсколько разъ самъ г. Бабстъ. Она покажетъ, что съ развитіемъ просвѣщенія въ эксплуатирующихъ классахъ только форма эксплуатаціи мѣняется и дѣлается болѣе ловкою и утонченною; но сущность все-таки остается таже, пока остается попрежнему возможность эксплуатаціи. А факты, свидѣтельствующіе о необезпеченности правъ рабочихъ классовъ въ западной Европѣ, и найденные нами у г. Бабста, именно и выходятъ изъ принципа эксплуатаціи, служащаго тамъ основаніемъ почти всѣхъ общественныхъ отношеній. Но приведемъ нѣкоторые изъ этихъ фактовъ.

Въ Бреславлѣ г. Бабстъ узналъ о безпокойствѣ между рабочими одной фабрики, требовавшими возвышенія заработной платы, и о прекращеніи безпокойства военною силою. Вотъ какъ онъ объ этомъ разсказываетъ и разсуждаетъ (стр. 37—38).

«Вечеромъ, провожая меня наверхъ въ мою комнату, толстый Генрихъ сообщалъ мнѣ, что гдѣ-то около Бреславля было безпокойство между рабочими. «*Haben sie was vom Arbeiterkrawall gehört, Herr Professor*». — *Nein*. — «*Es sind Curassiere dahin gegangen, haben auseinandergejagt*». (Послали туда кирасиръ, и они разогнали работниковъ). Дѣло въ томъ, что на нѣкоторыхъ заводахъ хозяева понизили задѣльную плату, работники отказались ходить на работу, конечно начали собираться, толковать между собой. Это показалось бунтомъ, послали кирасиръ, и бѣдныхъ рабочихъ заставили разойтись и воротиться къ хозяевамъ на прежнихъ условіяхъ. Начни работники дѣйствительно бунтовать, позволь они себѣ насиліе, безчинства — тогда для охраненія общественнаго спокойствія и благочинія правительство самаго свободнаго государства въ мірѣ не только вмѣшивается, но и полное на это имѣетъ право; а какое же дѣло правительству до того, что работники не хотятъ работать за низкую плату? Употребляетъ ли когда-нибудь полиція мѣры для вынужденія у фабрикантовъ возвышенія заработной платы? Такіе случаи чрезвычайно-какъ рѣдки, а потому не слѣдуетъ притѣснять рабочихъ, иначе всѣ проповѣди о благахъ свободной промышленности останутся пустыми и лишенными всякаго смысла фраза-

ми. Кто смѣетъ меня принудить работать, когда я не сошелся въ цѣнѣ? «Да зачѣмъ же они соединяются въ общества. Это грозитъ общественной безопасности!»—Такъ велите фабрикантамъ прибавить жалованье.—Нѣтъ, это, говорятъ, будетъ противно здравымъ началамъ политической экономіи, и на этомъ основаніи стачка капиталистовъ допускается, къ нимъ являются даже на помощь королевско-прусскіе кирасиры, а такое кирасирское рѣшеніе экономическихъ вопросовъ, должно сознаться, очень вредно. Оно только доказываетъ, что въ современномъ намъ европейскомъ обществѣ *не выдохлась еще старая феодальная закваска*, и старыя привычки смотрѣть на рабочаго, какъ на человѣка подначальнаго и служащаго. Подобные примѣры полицейскаго вмѣшательства въ дѣла рабочихъ и фабрикантовъ, *къ сожалѣнію, не рѣдки*, и мы можемъ *утѣшаться только тѣмъ, что лучшіе публичные органы не перестаютъ громко и энергически возставать противъ всякаго произвольнаго вмѣшательства въ отношенія между хозяевами и рабочими*, капиталомъ и трудомъ. Такой произволъ всегда наноситъ глубокія раны промышленности, и если не навсегда, то по крайней мѣрѣ надолго оставляетъ горечь и озлобленіе между двумя сторонами, а послѣдствія этого бываютъ всегда болѣе или менѣе опасны для общественнаго спокойствія».

Разсужденія г. Бабста очень основательны; но рабочій вовсе не считаетъ *утѣшительнымъ*, что за него пишутъ въ газетахъ почтенные люди. Онъ на это смотритъ точно такъ же, какъ (приведемъ сравненіе—о ужасъ!—изъ «Свистка!») глупый ванька смотрѣлъ на господина, который ему обѣщалъ опубликовать юнкера, скрывшагося черезъ сквозной дворъ и не заплатившаго извощику денегъ.... Да и мы можемъ обратить г. Бабсту его фразу совершенно въ противномъ смыслѣ. «*Лучшіе* публичные органы *не перестаютъ громко и энергически* возставать противъ всякаго произвольнаго вмѣшательства въ отношенія между хозяевами и рабочими, капиталомъ и трудомъ; *и несмотря на то, произволъ этотъ продолжается*, и попрежнему наноситъ глубокія раны промышленности. Не печально ли это? Не говоритъ ли это намъ о безсиліи лучшихъ органовъ и пр., когда дѣло касается личныхъ интересовъ сословій?» Г. Бабстъ можетъ намъ отвѣтить, что до сихъ поръ они были безсильны; но наконецъ получатъ же силу, и достигнутъ цѣли. Но, когда же это будетъ? Да еще и будетъ ли? Призовите на помощь исторію....

Но положимъ даже, что это «кирасирское рѣшеніе экономическихъ вопросовъ», по выраженію г. Бабста, есть не болѣе, какъ случайность, хотя оно, по его же собственному замѣчанію, *случается, къ сожалѣнію, нерѣдко*.... А что же сказать объ отношеніи большихъ фабрикъ къ ремесленному производству и о цеховомъ устройствѣ, доставившемъ такіе забавные анекдоты для пятаго письма г. Бабста? Это ужь никакъ не случайность. Совершенно напротивъ: тутъ видимъ цѣлое учрежденіе, даже усовершенствованное въ послѣд-

нее время, благодаря успѣхамъ новѣйшей фабричной цивилизаціи. «Послѣ того, говоритъ самъ г. Бабстъ, какъ рушились всѣ послѣдніе остатки крѣпостной зависимости и обязательнаго труда, когда земля сбросила всѣ средневѣковыя узы, стѣсняющія свободу перехода ея изъ рукъ въ руки, слѣдовало бы, конечно, ожидать, чтобы развязали руки и остальнымъ отраслямъ народной промышленности,—но не тутъ-то было! Цеховыя учрежденія остались попрежнему въ полной силѣ; онѣ, слѣдовательно, стѣснили свободное развитіе народнаго труда, затруднили отливъ избытка земледѣльческаго народонаселенія къ промысламъ, и были, смѣло можно сказать, главной причиной бѣдствія во многихъ, даже щедро надѣленныхъ природой и благословенныхъ мѣстностяхъ южной Германіи» (стр. 99). И въ самомъ дѣлѣ,—примѣры, приводимые г. Бабстомъ, удивительны! Напр., парикмахеры тянутъ въ судъ нѣсколькихъ дѣвушекъ за то, что онѣ убирали волосы дамамъ, и тѣмъ учинили подрывъ парикмахерскому цеху. Плотники и столяры спорятъ между собою, кому принадлежитъ право постройки деревянной лѣстницы; токари не дозволяютъ столярамъ придѣлывать къ стульямъ точеныя и рѣзныя украшенія. Одинъ цехъ пирожниковъ имѣетъ право печь только слоеные пирожки безъ варенья, а другой — пирожки съ вареньемъ, но безъ масла.... Появился въ одномъ городѣ какой-то третій сортъ пирожковъ, очень понравившихся жителямъ. Но ни одинъ изъ существовавшихъ въ городѣ пирожныхъ цеховъ не имѣлъ права печь ихъ и не позволялъ никому другому. Городъ остался безъ любимыхъ пирожковъ.... Вообще, въ каждой мелочи, одинъ цехъ зорко и злобно слѣдитъ за другими, и, по словамъ г. Бабста, присутственныя мѣста завалены процессами и жалобами разныхъ цеховъ на нарушеніе ихъ правъ. И между тѣмъ ограниченіе и стѣсненіе промысловъ не только не уничтожается, но еще время отъ времени пополняется и совершенствуется въ Германіи новыми постановленіями. Въ 1845 году введены ремесленныя испытанія и регламентація промысловъ, и съ того времени мелкая промышленность въ Пруссіи стала упадать. Несмотря на столь близкій примѣръ, въ 1857 году въ Саксоніи сочиненъ былъ новый ремесленный уставъ, о которомъ г. Бабстъ отзывается, какъ о нелѣпѣйшемъ созданіи канцелярской головы. По смыслу его, «вездѣ при каждомъ удобномъ случаѣ, начальство имѣетъ право вмѣшиваться въ дѣла корпорацій, наблюдать за собраніями, за книгами. Ради ремесленныхъ корпорацій, женщинамъ запрещено заниматься разными ремеслами; ограничена также ремесленная промышленность въ деревняхъ; ни одна деревня не можетъ имѣть болѣе одного сапожника, портнаго, столяра, и то только съ разрѣшенія начальства»;

и т. д. (стр. 100). И надо замѣтить, что все это дѣлается въ видахъ покровительства ремесламъ отъ преобладанія большаго фабричнаго производства! А фабричное производство, разумѣется, процвѣтаетъ совершенно свободно и съ каждымъ годомъ все болѣе тяготѣетъ надъ мелкой промышленностью. Противъ этого возможно одно средство, по замѣчанію г. Бабста, — уничтоженіе всѣхъ стѣсненій и свободная ассоціація ремесленниковъ. Но что же, — стараются ли облегчить пути къ этому тѣ классы, отъ которыхъ зависитъ въ западной Европѣ регламентація или предоставленіе свободы мелкимъ промышленникамъ? Не заботятся ли они, напротивъ, о поставленіи всякаго рода препятствій и затрудненій на этомъ пути?...

Конечно, г. Бабстъ и тутъ находитъ возможность утѣшить себя весьма справедливой мыслью, что «свобода труда непремѣнно когда нибудь восторжествуетъ и разобьетъ въ конецъ послѣдніе остатки средневѣковыхъ промышленныхъ стѣсненій». Конечно, такъ; но мы не знаемъ, до какой степени практично такое утѣшеніе. Въ романтическихъ твореніяхъ оно очень хорошо: когда я читалъ, бывало, романы господина Загоскина, и Рафаила Михайловича Зотова, то въ сомнительныхъ случаяхъ, гдѣ герою или героинѣ угрожала опасность, я всегда успокоивалъ себя тѣмъ, что вѣдь при концѣ непремѣнно порокъ будетъ наказанъ, а добродѣтель восторжествуетъ. Но я не рѣшался прикладывать этого разсужденія къ дѣйствительной жизни, особенно когда увидѣлъ, что въ ней этого вовсе не бываетъ....

Впрочемъ, г. Бабстъ, какъ политико-экономъ, не долженъ быть упрекаемъ въ недостаткѣ практичности....

Порукою за будущее служитъ для г. Бабста общественное мнѣніе. Въ доказательство великой силы его въ Германіи, онъ приводитъ слѣдующій фактъ. «Посмотрите, — говоритъ онъ, — какое великое значеніе имѣетъ здѣсь общественное мнѣніе: весной 1857 года вышелъ проэктъ новаго ремесленнаго устава (о которомъ говорили мы выше), а въ іюнѣ того же года собрались ремесленники въ Хемницѣ и въ Росвейнѣ, протестовали противъ стѣсненія промышленности, и правительство не рѣшилось предложить устава на обсужденіе палаты». Какое, въ самомъ дѣлѣ, сильное доказательство!... Ну, а «кирасирское разрѣшеніе промышленныхъ вопросовъ» — одобряется общественнымъ мнѣніемъ? А всѣ стѣсненія цеховъ находятъ себѣ въ общественномъ мнѣніи защиту?... Да и послѣ протеста ремесленниковъ, что же сдѣлали, — сняли стѣсненія, расширили свободу промысловъ? Ничего не бывало! Отчего же это общественное мнѣніе, заставившее оставить проэктъ новаго устава, не заставило въ тоже время сдѣлать и нѣкоторыя облегченія для мелкой про-

мышлености? Не оттого ли, что здѣсь *общественное мнѣніе* (какъ угодно выражаться г. Бабсту) приняло для своего выраженія форму не совсѣмъ обычную? Не оттого ли, что хемницкія и росвейнскія сходбища были—не просто отголоскомъ общественнаго мнѣнія , а крикомъ боли притѣсняемыхъ бѣдняковъ , рѣшившихся наконецъ крикнуть, хотя это имъ и запрещено?..

Но, разумѣется, и эта уступка была сдѣлана только потому, что новыя стѣсненія, предложенныя новымъ уставомъ, были собственно никому не нужны. Иначе *общественное мнѣніе* могло бы быть сдержано «кирасирскими возраженіями». И кто бы помѣшалъ въ Хемницѣ произвести въ 1857 г. то, что въ 1859 г. производили кирасиры около Бреславля, или что въ 1849 г. прусскіе солдаты дѣлали въ Дрезденѣ? Вѣдь самому же г. Бабсту разсказывалъ старый чехъ, какъ тогда «упоенные побѣдой и озлобленные сопротивленіемъ, солдаты кидались въ дома и выбрасывали съ третьяго этажа обезоруженныхъ непріятелей, женщинъ и дѣтей, какъ они прокалывали плѣнныхъ или сбрасывали ихъ съ моста въ Эльбу» (стр. 88).

Не знаемъ , гдѣ г. Бабстъ нашелъ въ Европѣ существованіе «всеобщаго народнаго контроля» (стр. 17); но мы рѣшительно сомнѣваемся даже въ его возможности при теперешнемъ порядкѣ тамошнихъ дѣлъ. Да помилуйте, какой же тутъ «всеобщій народный контроль», когда въ одинъ мѣсяцъ путешествія, скача по желѣзной дорогѣ, изъ города въ городъ, г. Бабстъ имѣлъ возможность сдѣлать такого рода наблюденія и замѣтки.

«Въ Берлинѣ, — говоритъ онъ, — не успѣли внести мои вещи, не успѣлъ еще я сбросить пальто, а ко мнѣ уже явились за паспортомъ, — точно изъ опасной страны пріѣхалъ. И вѣдь это все Богъ знаетъ для чего. *Завелся такой порядокъ, и держится , а зачѣмъ, къ чему эти полицейскія мѣры, это няньчанье съ человѣкомъ и вѣчныя опасенія, — этого, я думаю, и самый рьяный защитникъ полицейскаго порядка хорошо объяснить не въ состояніи*» (стр. 43). Отчего же это однако держится? Неужели въ силу того, что всеобщій народный контроль существуетъ и сила общественнаго мнѣнія велика?

Берлинское статистическое бюро, бывшее до 1844 года самостоятельнымъ учрежденіемъ , было въ этомъ году подчинено департаменту торговли. Мѣра эта «вызвала справедливое неудовольствіе со стороны лучшихъ статистиковъ и ученыхъ Германіи; тогда сдѣлана уступка общественному мнѣнію, и въ 1848 г. статистическое бюро подчинено министерству внутреннихъ дѣлъ.... (стр. 56). Съ дрезденскимъ статистическимъ бюро поступлено еще лучше. «Еще въ маѣ,— говоритъ г. Бабстъ, — Энгель, директоръ его, жаловался , что ему

нѣтъ покоя отъ камеръ, и что на него особенно негодуетъ дворянская партія (Junkerthum) за нѣкоторыя данныя, имъ выставленныя относительно дворянскихъ имѣній, за напечатаніе приблизительнаго вычисленія ихъ доходовъ.... Палата саксонская сильно, должно быть, озлобилась на статистику и отказала бюро въ прибавочныхъ 2,000 талеровъ, тогда какъ она же вотировала единогласно 25,000 талеровъ на монументъ въ честь покойнаго короля.... Когда я въ августѣ проѣзжалъ опять черезъ Дрезденъ,—заключаетъ г. Бабстъ,—Энгель вышелъ уже, сказали мнѣ, въ отставку и посвятилъ себя частнымъ дѣламъ» (стр. 98).... Можетъ быть, и это тоже доказываетъ, что теперь повсюду въ Европѣ (исключая, конечно, Австрію!) «гласность допускаетъ всеобщій народный контроль» и что «потребности государственныя и общественныя принимаются всѣми близко къ сердцу?»

А до какой степени велика уже теперь сила образованія въ сравненіи съ силою грубаго произвола, объ этомъ очень краснорѣчиво можетъ свидѣтельствовать г. Бабсту исторія нѣмецкихъ университетовъ, которую онъ такъ хорошо излагаетъ въ своемъ четвертомъ письмѣ. Университетамъ ли ужь, кажется, не быть опорами образованія? Вѣдь это учрежденіе вѣковое, высшее, свободное, укоренившееся въ народной жизни, особенно въ Германіи. И что же оказалось? Университеты ограничены, стѣснены, подвергнуты преслѣдованіямъ, въ которыхъ, по словамъ г. Бабста, каждое нѣмецкое правительство какъ будто хотѣло перещеголять другъ друга.... И все это прошло такъ, какъ будто бы все было въ порядкѣ вещей. А между тѣмъ какъ безцеремонно поступали съ бѣдняжками! Приведемъ слова г. Бабста (стр. 71).

«Не будемъ говорить объ Австріи,—но даже Пруссія оказала въ дѣлѣ преслѣдованія особенное рвеніе. Вмѣсто того, чтобы предоставить преобразованіе самимъ университетамъ, вмѣсто того, чтобы обновить ихъ уничтоженіемъ остатковъ средневѣковаго устройства и расширить кругъ ихъ дѣйствія, признавъ за ними право самостоятельности и иниціативы во всемъ, что дѣйствительно ихъ касается, самостоятельности и свободы, безъ которыхъ *universitas literarum* немыслима, а не привилегій и исключительности, — нѣмецкія правительства не тронули послѣднихъ, а наложили руку на главное, на жизненную силу университетовъ, на свободу преподаванія.»

Что же это доказываетъ? Неужели опять-таки то, что нынѣ въ западной Европѣ «уваженіе къ общественному мнѣнію въ образованномъ правительствѣ воздерживаетъ его отъ произвольныхъ распоряженій»?...

Нѣтъ, трудно думать, чтобы отнынѣ въ западной Европѣ всѣ недостатки и злоупотребленія могли уничтожаться и всѣ благія

стремленія осуществляться одною силою того общественнаго мнѣнія, какое тамъ возможно нынѣ по тамошней общественной организаціи. Такъ называемое *общественное* мнѣніе въ Европѣ далеко не есть въ самомъ дѣлѣ общественное убѣжденіе всей націи, а есть обыкновенно (за исключеніемъ весьма рѣдкихъ случаевъ) мнѣніе извѣстной части общества, извѣстнаго сословія или даже кружка, иногда довольно многочисленнаго, но всегда болѣе или менѣе своекорыстнаго. Оттого-то оно и имѣетъ такъ мало значенія: съ одной стороны оно и не принимаетъ слишкомъ близко къ сердцу тѣ дѣйствія, даже самыя произвольныя и несправедливыя, которыя касаются низшихъ классовъ народа, еще безправныхъ и безгласныхъ; а съ другой стороны и самъ произволъ не слишкомъ смущается неблагопріятнымъ мнѣніемъ тѣхъ, которые сами питаютъ наклонность къ эксплуатаціи массы народной и слѣдовательно имѣютъ свой интересъ въ ея безправности и безгласности. Если разсмотрѣть дѣло ближе, то и окажется, что между грубымъ произволомъ и просвѣщеннымъ капиталомъ, несмотря на ихъ видимый разладъ, существуетъ тайный, невыговоренный союзъ, вслѣдствіе котораго они и дѣлаютъ другъ другу разныя деликатныя и трогательныя уступки, и щадятъ другъ друга, и прощаютъ мелкія оскорбленія, имѣя въ виду одно: общими силами противостоять рабочимъ классамъ, чтобы тѣ не вздумали потребовать своихъ правъ.... Самая борьба городовъ съ феодализмомъ была горяча и рѣшительна только до тѣхъ поръ, пока не начала обозначаться предъ тою и другою стороною разница между буржуазіей и работникомъ. Какъ только это различіе было понято, обѣ враждующія стороны стали сдерживать свои порывы и даже дѣлать попытки къ сближенію, какъ бы въ виду новаго, общаго врага. Это повторилось во всѣхъ переворотахъ, постигшихъ западную Европу, и безъ сомнѣнія, это обстоятельство было очень благопріятно для остатковъ феодализма, какъ для партіи уже ослабѣвавшей. Но для *мѣщанъ* эта робость, сдержанность и уступчивость была вовсе невыгодна: вмѣсто того, чтобы окончательно побѣдить слабѣвшую партію и истребить самый принципъ, ее поддерживавшій, они дали ей усилиться, изъ малодушнаго опасенія, что придется подѣлиться своими правами съ остальною массою народа. Вслѣдствіе такихъ своекорыстныхъ ошибокъ, остатки феодализма и принципы его — произволъ, насиліе и грабежъ, — до сихъ поръ еще не совсѣмъ искоренены въ западной Европѣ, и часто выказываются то здѣсь, то тамъ, въ самыхъ разнообразныхъ, даже цивилизованныхъ формахъ....

Вообще, съ измѣненіемъ формъ общественной жизни, старые принципы тоже принимаютъ другія, безконечно-различныя формы,

и многіе этимъ обманываются. Но сущность дѣла остается всегда таже, и вотъ почему необходимо, для уничтоженія зла, начинать не съ верхушки и побочныхъ частей, а съ основанія. Примѣръ этого находимъ мы опять у г. Бабста, въ разсказѣ о германскихъ университетахъ. Извѣстно, что въ XVII и въ началѣ XVIII вѣка университеты составляли реакцію всему, что только являлось новаго и смѣлаго. Это произошло вслѣдствіе того, что, утомленные въ борьбѣ съ духовенствомъ за свою самостоятельность и свободу, они отдались наконецъ въ руки тогдашней свѣтской власти и изъ свободной корпораціи сдѣлались чиновничьими учрежденіями. «Изъ нѣмецкихъ университетовъ, говоритъ г. Бабстъ, боявшихся за свои привиллегіи, подчинившихся, ради сохраненія своихъ, потерявшихъ уже всякій смыслъ корпоративныхъ формъ, вполнѣ государству, выходили самые ревностные доносщики.» (стр. 68). Такимъ образомъ, вліяніемъ враждебныхъ обстоятельствъ, къ XVII вѣку самый принципъ университетской жизни измѣнился. Вслѣдствіе этой перемѣны весь характеръ дѣйствій университетовъ сталъ совершенно другой: вмѣсто самостоятельности водворилось раболѣпство, вмѣсто стремленія къ развитію—гордость своей неподвижностью, вмѣсто дружнаго содѣйствія всякому совершенствованію—злобное стараніе мѣшать всякому развитію.... Въ XVII и началѣ XVIII вѣка это выражалось въ самыхъ грубыхъ и несносныхъ формахъ. Карпцовъ, представитель лейпцигскаго юридическаго факультета, хвалился тѣмъ, что онъ подписалъ 400 смертныхъ приговоровъ; члены гальскаго университета настояли, чтобъ выгнанъ былъ изъ него философъ Вольфъ и даже принужденъ былъ въ 24 часа оставить прусскія владѣнія, подъ опасеніемъ смертной казни; Спенера и Томазія, въ теченіе всей ихъ жизни, преслѣдовали профессора за ихъ вольнодумное направленіе, и т. п. Но времена измѣнились; смертныя казни ужь не въ ходу; всюду проникли новыя формы общежитія.... Измѣнились формы нетерпимости и насилія и въ университетахъ германскихъ; но нетерпимость и насиліе все-таки остались. Въ доказательство этого прочтите у г. Бабста то, что онъ говоритъ о положеніи приватъ-доцентовъ въ университетахъ, и то, что разсказываетъ объ исторіи Бекгауза съ Бекингомъ. По словамъ г. Бабста, во многихъ, преимущественно въ маленькихъ, нѣмецкихъ университетахъ господствуетъ въ величайшихъ размѣрахъ непотизмъ; вообще же только тотъ и достигаетъ профессуры, кто поддерживается главными ординарными профессорами. Только они имѣютъ значеніе и голосъ въ факультетѣ. Приватъ-доценты составляютъ ученый пролетаріатъ: ихъ стараются забить на второй планъ, не давать имъ читать главныхъ предметовъ, и т. п. Оттого къ нимъ и

слушателей ходитъ очень мало: всѣ находятъ болѣе выходнымъ слушать ординарныхъ профессоровъ. «потому что какъ ни свободенъ буршъ, а чиновникъ и въ немъ сидитъ» (стр. 73). Такимъ образомъ тѣснили и Бекгауза, особенно когда увидѣли, что его лекціи привлекаютъ много слушателей (съ каждаго слушателя, какъ извѣстно, получаются деньги въ пользу профессора). На него опрокинулся цѣлый юридическій факультетъ боннскаго университета: сплетни, подсматриванья за частной жизнью доцента, клеветы и явныя оскорбленія безпрерывно преслѣдовали его. Наконецъ, когда онъ объявилъ, что будетъ объяснять своимъ слушателямъ пандекты, которые до сихъ поръ читались только ординарными профессорами, тогда факультетъ составилъ опредѣленіе, по которому Бекгаузъ потерялъ право читать лекціи..... Бекгаузъ жаловался министру; министръ сказалъ, что тутъ его дѣло сторона. Тогда Бекгаузъ обратился къ самому королю, а между тѣмъ напечаталъ всю исторію.... Журналы горячо за него вступились; «но чѣмъ кончилось дѣло, не знаю», — заключаетъ г. Бабстъ....

Все это было въ нынѣшнемъ году, послѣ столькихъ перемѣнъ и маленькихъ реформъ въ устройствѣ университетовъ, послѣ столькихъ и столь громкихъ толковъ о коренной ихъ реформѣ.....Не то же ли это самое, въ сущности, что было и въ XVII вѣкѣ? И такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока не измѣнится наконецъ самый принципъ университетскаго существованія въ Германіи — отношеніе его къ государственной власти....

Желаніе помочь дѣлу *какъ нибудь* и *хоть сколько нибудь*, замазать трещину хоть на короткое время, остановиться на полдорогѣ къ цѣли, удовольствоваться полумѣрой, въ надеждѣ, что потомъ *авось* это сдѣлается само собой, по неминуемымъ законамъ прогресса,—такое направленіе дѣятельности вовсе не есть исключительное свойство русскаго человѣка, какъ полагаютъ нѣкоторые патріоты. Такъ поступали дѣятели всѣхъ народовъ Европы, и отъ этой невыдержанности происходила, разумѣется, большая часть ихъ неудачъ. Въ этомъ смыслѣ мы признаемъ, что народы западной Европы постоянно впадали въ ужасную ошибку. И тѣмъ болѣе мы удивляемся, какимъ образомъ могутъ нѣкоторые ученые люди защищать благодѣтельность пальятивныхъ мѣръ для будущаго прогресса западной Европы, и отвергать реформы общія и рѣшительныя, какъ гибельныя для ея благоденствія. По нѣкоторымъ предметамъ грѣшитъ въ этомъ отношеніи и г. Бабстъ, хотя нужно признаться, что у него въ иныхъ случаяхъ выражаются требованія довольно широкія. Говоря о предоставленіи гражданскихъ правъ евреямъ и требуя для нихъ рѣшительной полноправности, а не частныхъ льготъ, онъ приводитъ

слѣдующее сравненіе. «Если вы хотите помочь разумному и дѣльному человѣку въ его предпріятіи,—неужели вы найдете болѣе полезнымъ отпускать ему деньги по грошамъ, чѣмъ вручить ему весь капиталъ, чтобы онъ былъ въ состояніи приняться разомъ за производство» (стр. 11). Это сравненіе очень умно; но его слѣдуетъ отнесить не къ однимъ евреямъ: оно такъ же хорошо приходится и ко всѣмъ общественнымъ преобразованіямъ, необходимымъ для западной Европы.... Тратиться по мелочи тамъ рѣшительно не для чего; нужно непремѣнно пустить въ оборотъ весь капиталъ, сколько его найдется.

Впрочемъ, если правду сказать,—въ западной Европѣ часто и мелочь-то общественныхъ реформъ бываетъ фальшивая, либо краденная. Это довольно ясно, напримѣръ, по вопросу о чиновничествѣ, тоже излагаемому у г. Бабста. Видите, какое дѣло.

Бюрократія въ Пруссіи получила страшное развитіе. Штаты чиновниковъ составлены 30—40 лѣтъ тому назадъ и съ тѣхъ поръ почти не измѣнились. Тогда жалованье соотвѣтствовало цѣнамъ на жизненныя потребности и было достаточно. Теперь цѣны на все возвысились, а оклады тѣ же. Чиновники и учителя—стонутъ, и по всей Германіи раздаются громкіе толки о прибавкѣ имъ жалованья. Но откуда взять прибавку? «Возвышеніе окладовъ, говоритъ г. Бабстъ, не можетъ быть безъ возвышенія бюджета, безъ новыхъ налоговъ»; но возвышеніе задѣльной платы, при возвышеніи цѣнъ на все, бываетъ законно только для труда производительнаго; трудъ же прусскихъ чиновниковъ не только не производителенъ, но еще и обременителенъ для общества. «Въ Германіи общій и повсемѣстный говоръ, что чиновники и служащіе только мѣшаютъ своей черезъчуръ навязчивой опекой развитію народной жизни, что ихъ уже слишкомъ много сравнительно съ потребностями общества, что занятія ихъ во многихъ отношеніяхъ слишкомъ велики.—Сообразивъ все это, придемъ къ тому результату, что большую часть занятій и дѣлъ, находящихся въ рукахъ чиновниковъ, можно и пора передать обществу, самимъ гражданамъ, распустить половину служащихъ-рабочихъ и распредѣлить всю получаемую ими доселѣ задѣльную плату между остальными» (стр. 96). Отличный совѣтъ, неправда ли?...

Да, счастье наше, что мы позднѣе другихъ народовъ вступили на поприще исторической жизни. Присматриваясь къ ходу развитія народовъ западной Европы и представляя себѣ то, до чего она теперь дошла, мы можемъ питать себя лестною надеждою, что нашъ путь будетъ лучше. Что и мы должны пройти тѣмъ же путемъ,—это несомнѣнно, и даже нисколько не прискорбно для насъ. Объ этомъ говоритъ и г. Бабстъ: «неужели обидно намъ, когда мы должны

прійти къ убѣжденію, что оставаясь вполнѣ самостоятельными, мы все-та и проходимъ и проходили тѣ же эпохи историческаго развитія, какъ и остальные народы Европы? Не будь этого, мы были бы какими-то выродками человѣчества» (стр. 103). Что и мы на пути своего будущаго развитія не совершенно избѣгнемъ ошибокъ и уклоненій,—въ этомъ тоже сомнѣваться нечего. Но все-таки нашъ путь облегченъ; все-таки наше гражданское развитіе можетъ нѣсколько скорѣе перейти тѣ фазисы, которые такъ медленно переходило оно въ западной Европѣ. А главное,—мы можемъ и должны идти рѣшительнѣе и тверже, потому что уже вооружены опытомъ и знаніемъ.... Только нужно, чтобы это знаніе было дѣйствительнымъ знаніемъ, а не самообольщеніемъ, въ родѣ наивныхъ восторговъ нашей гластностью и обличительной литературой.... Обольщаться своими успѣхами и приписывать себѣ излишнее значеніе всегда вредно уже и потому, что отъ этого является нѣкоторый позывъ почить на лаврахъ, умиленно улыбаясь... Наклонность къ этому всегда замѣчается у новичковъ въ дѣлѣ и у людей, отъ природы одаренныхъ нѣсколько маниловскимъ складомъ характера; они всегда готовы сказать: «довольно! пора отдохнуть.» Но къ счастью у насъ есть такіе энергическіе дѣятели, какъ г. Бабстъ, которые своими призывами и указаніями на то, что дѣлается у другихъ, пробуждаютъ и насъ отъ дремотной лѣни.... Радуясь этому прекрасному явленію, мы рѣшились своимъ слабымъ голосомъ акомпанировать мощной рѣчи г. Бабста, съ кроткимъ намѣреніемъ замѣтить только,—что и того, что сдѣлано у другихъ, все еще слишкомъ мало....

Очерки Дона. *А. Филонова.* Спб. 1859.

Мѣсяцъ тому назадъ говорили мы о литературныхъ дѣятеляхъ, являющихся въ провинціи, и указывали между прочимъ на г. Ѳирсова, какъ на человѣка, которому провинціальная жизнь не помѣшала быть вполнѣ живымъ и современнымъ. Теперь передъ нами лежитъ новая книга, тоже сочиненная въ провинціи, но уже подающая поводъ къ соображеніямъ совершенно другаго рода. Авторъ «Очерковъ Дона», г. Филоновъ—человѣкъ петербургскій и не безъ нѣкотораго шику старается дать замѣтить это читателямъ своей книги. Разбирая игру одного актера въ роли Хлестакова, онъ замѣчаетъ, что у актера этого *«тону петербургскаго совсѣмъ не оказалось;»* говоря о московской улицѣ въ Новочеркаскѣ, г. Филоновъ вспоминаетъ о «Невскомъ проспектѣ, на которомъ красуются огромные дома и магазины съ разноязычными надписями.» Въ самомъ началѣ своихъ очерковъ, авторъ говоритъ: «не вспоминаю о тягостной

для меня разлукѣ съ Петербургомъ, гдѣ я получилъ окончательное образованіе», и пр.

Итакъ, мы имѣемъ дѣло съ петербургскимъ человѣкомъ, занесеннымъ судьбою въ провинцію и дѣлающимъ надъ нею свои наблюденія. Посмотримъ же, что такое онъ пишетъ.

Къ крайнему удивленію нашему, г. Филоновъ, «получившій въ Петербургѣ *окончательное* образованіе,» оказывается простодушнымъ и наивнымъ ребенкомъ, котораго интригуютъ и удивляютъ самыя простыя вещи, извѣстныя самому незрѣлому отроку. Онъ, напримѣръ, удивляется, что въ Новочеркаскѣ есть улицы, по которымъ ѣздитъ много экипажей и ходитъ много народу... Это необыкновенное явленіе онъ описываетъ такимъ образомъ: «почти на верстномъ протяженіи улицы, въ два ряда, *не мѣшая другъ другу*, ѣдутъ охотники и охотницы до катанья; коляски, кареты, щегольскія санки, закрытые и открытые экипажи,—все это гремитъ и летитъ предъ твоими *изумленными* очами» (стр. 11). Завидно то окончательное образованіе, которое г. Филоновъ получилъ въ Петербургѣ: поживши въ столицѣ и походивши по ея улицамъ, онъ *изумляется*, видя, что люди ѣздятъ по улицѣ, въ два ряда, не мѣшая другъ другу!... Не меньшаго удивленія автора заслужило и то обстоятельство, что въ Новочеркасскомъ соборѣ пѣвчіе поютъ, а народъ молится. Вотъ его описаніе:

»Сообщу тебѣ свои впечатлѣнія послѣ того, какъ я былъ въ первый разъ за обѣднею въ соборѣ. Служилъ тогда высокопреосвященный Іоаннъ, архіепископъ Донской и Новочеркасскій; *пѣли пѣвчіе*, раздѣлившись на два хора — собственно архіерейскіе и войсковые. *Торжественность служенія архіерейскаго*, тихій голосъ старца архипастыря, *набожно молящійся народъ*, которымъ была наполнена вся церковь, всеобщая тишина, — все это глубоко тронуло меня. Не забуду долго первой обѣдни, которую я слушалъ въ Новочеркаскѣ. Гдѣ я ни былъ послѣ того, *вездѣ расхваливалъ пѣвчихъ* и ихъ согласное пѣніе.... Послѣ моего двухнедѣльнаго пути, слушаніе обѣдни въ соборѣ было истиннымъ счастіемъ и покоемъ; рѣдко человѣку посылается въ жизни подобный благочестивый праздникъ сердца, когда, сбросивъ всѣ до одной суетныя мысли о мірѣ и себѣ, живешь уже другою жизнію; кажется, сейчасъ бы поднялся съ земли и улетѣлъ, куда несется мысль, окрыленная молитвою и пламенѣющая огнемъ ея.» (стр. 12)

Не будемъ говорить о красотахъ слога въ этомъ описаніи; но не примѣчаете ли вы въ немъ, что торжественность архіерейскаго служенія, пѣніе пѣвчихъ, народъ наполняющій церковь и молящійся— представляютъ для автора какъ будто что-то невиданное, чрезвычайное, неожиданное.... Неужели же въ самомъ дѣлѣ авторъ, полу-

чая въ Петербургѣ окончательное образованіе, не предполагалъ найти ничего подобнаго въ русскихъ губернскихъ городахъ?

Интересно также, что авторъ, отправляясь въ Новочеркаскъ на житье, ничего не зналъ о тамошнемъ памятникѣ Платову и тоже пришелъ въ изумленіе, увидавъ его. Описывая въ письмѣ къ другу свои первыя впечатлѣнія въ Новочеркаскѣ, г. Филоновъ разсказываетъ: «здѣсь стоялъ памятникъ. Кому? — я не зналъ». Описавъ потомъ очень хорошимъ слогомъ памятникъ, «его устремленныя вдаль очи, грозную осанку, богатырскую, могучую грудь, руки,» и пр., г. Филоновъ снова вопрошаетъ: «кто же онъ, этотъ величественный воинъ?» И на вопросъ этотъ отвѣчаетъ, не безъ паѳоса, слѣдующимъ образомъ;

«*Читай*, мой другъ, *читай* надпись: «Атаману графу Платову за военные подвиги съ 1770 по 1816 годы — признательные донцы». *Мое слово не въ силахъ высказать* всѣхъ мыслей и чувствованій, волновавшихъ теперь во мнѣ. *Мальчикомъ, мальчикомъ я почувствовалъ себя* при взглядѣ на могучаго Платова; стоя у подножія этого мужественнаго ратника, *грозы* дѣйствительно *грознаго* Наполеона I, *я не нашелъ словъ* въ своемъ сердцѣ для привѣтствія незабвенному въ исторіи Россіи и въ сердцѣ каждаго русскаго атаману войска донскаго. Такъ пусть же «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ» на своей «боевой лирѣ» прогремитъ ему пѣснь (стр. 7).

И затѣмъ приводится куплетъ изъ «Пѣвца»....

Какъ видно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ книги, г. Филоновъ — учитель русской словесности въ новочеркасской гимназіи. Изъ другихъ мѣстъ видно, что онъ — человѣкъ еще очень молодой, человѣкъ *новаго поколѣнія*. Вотъ нѣкоторыя подробности, сообщаемыя имъ о себѣ въ письмѣ къ другу, отъ 1 февраля 1856 года.

«Я увидѣлъ Новочеркаскъ. Церковь показалась прежде всего; при взглядѣ на нее, я сотворилъ молитву.... Не сочти за лицемѣріе этого откровеннаго моего признанія. Представь, — вѣдь ѣхалъ «*юноша*», по волѣ Государя, *въ первый разъ на должность*, юноша, взятый на седьмомъ году отъ отца и матери въ школу, подъ царское крыло, грѣвшее и хранившее его цѣлые шестнадцать лѣтъ, — ѣхалъ въ городъ, дальній и отъ родины, и отъ мѣста образованія: представь это, и не удивишься, если была тронута душа при видѣ города, гдѣ впервые суждено было мнѣ начать свою службу Царю. Поколебалось сердце; не стало въ немъ силы; не нашлось крѣпости.... И вотъ, какъ будто въ успокоеніе волнующихся мыслей, возстала церковь на привѣтъ новому члену общества; *она* издали *текла* (?) къ нему, *какъ отецъ* къ своему сыну, и говорила: «миръ тебѣ!» Благословенна Россія! Везде на ея землѣ — прежде видиѣтся крестъ церкви, потомъ дома и послѣ уже люди: это знакъ того, что вѣра — первый спаситель русскаго че-

ловѣка; что безъ нея не увидитъ онъ ни роднаго дома, ни родимыхъ родителей, ни всѣхъ присныхъ сердцу» (стр. 6).

Мы привели этотъ отрывокъ за тѣмъ, чтобы 1) показать читателямъ, что г. Филоновъ, по собственному сознанію, еще *юноша*; 2) чтобы дать образчикъ слога, которымъ онъ пишетъ; 3) чтобы раскрыть, хотя отчасти, возвышенность его стремленій. Разсмотрѣвъ три указанные пункта, и припомнивъ, что г. Филоновъ — учитель гимназіи, читатели сами могутъ вывести заключеніе о благотворности того вліянія, какое долженъ имѣть подобный учитель — на слогъ своихъ учениковъ. Всякій, кто учился въ какой нибудь школѣ, можетъ припомнить, что значитъ для подростающихъ мальчиковъ новый, молодой учитель, особенно по такому предмету, какъ словесность или исторія. Нѣкоторые почтенные люди полагаютъ, что ученикамъ рѣшительно все равно, каково преподаваніе учителя, и что они интересуются только тѣмъ, строго или нестрого будетъ онъ ставить балы. Не знаемъ, — можетъ быть, такъ и было въ тѣ времена, когда учились эти почтенные люди. Но теперь совсѣмъ не то. Поговорите съ любымъ гимназистомъ четвертаго, даже третьяго класса: вы убѣдитесь, что только отъявленные лѣнтяи да *первые ученики* цѣнятъ учителя по тому, какъ онъ разставляетъ балы. Большинство же ищетъ въ учителѣ — свѣдѣній, ума, направленія... да, направленія даже. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мы знали учителя, котораго ученики не терпѣли за то собственно, что онъ въ свои уроки постоянно старался ввертывать молчалинскія правила. Конечно, такіе учителя встрѣчаются всего чаще между людьми устарѣвшими, отсталыми, отжившими, которые держатся на своихъ мѣстахъ по какому-то непостижимому упорству, вопреки всѣмъ желаніямъ и требованіямъ—не только учениковъ, но и начальства. Намъ привелось слышать, какъ однажды на пароходѣ какой-то старикъ разсказывалъ о своей 45-ти-лѣтней службѣ въ учебномъ заведеніи. «Ужь чего со мной мальчишки не дѣлали, говорилъ онъ: —и смѣялись, и ругались, и не кланялись, и бить собирались, — а я все оставался. Пенсію выслужилъ, — и все-таки остался. Разъ меня вечеромъ за угломъ подкараулили и чуть голову не проломили; а я черезъ недѣлю выздоровѣлъ,—и все-таки остался. Въ другой разъ чернильницами меня забросали; что же? ихъ перепороли, — а я все-таки остался».... и т. д.

Разумѣется, подобный учитель не слишкомъ много пользы можетъ приносить своимъ питомцамъ. А между тѣмъ въ массѣ молодежи всегда есть искреннія, теплыя стремленія къ знанію, къ правдѣ, къ живой дѣятельности мысли и воли. Понятно, что ученики съ такимъ довѣріемъ и радостью обращаются ко всему молодому, выби-

раютъ своими любимцами учителей новыхъ, которые сами только-что сошли со школьной скамейки и слѣдовательно лучше могутъ сочувствовать всѣмъ юнымъ порывамъ. Старые учителя имѣютъ для учениковъ не то одно неудобство, что они часто не слѣдятъ за современными успѣхами науки. Это бы еще не могло развести ихъ съ молодежью. Но бѣда въ томъ, что у старыхъ людей самый складъ мыслей обыкновенно бываетъ ужь совсѣмъ другой, нежели какой нуженъ для молодежи. И это особенно надо сказать о нашемъ обществѣ, для котораго ходъ развитія облегчается предшествующей европейской исторіей, и потому совершается скорѣе, чѣмъ до сихъ поръ совершался у другихъ народовъ. У насъ для каждаго поколѣнія мѣняется задача жизни, каждое поколѣніе видитъ себя въ новой обстановкѣ, въ новыхъ условіяхъ дѣятельности. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, мы подробно говорили объ этомъ, разсуждая о томъ, почему человѣкъ, двадцать лѣтъ тому назадъ являвшійся мощнымъ Печоринымъ или привлекательнымъ Рудинымъ, и внушавшій къ себѣ всеобщее сочувствіе, теперь уже есть не что иное, какъ жалкій, негодный Обломовъ. Теперь чувствуется настоятельная надобность въ дѣлѣ,—настоящемъ, серьезномъ дѣлѣ, а не въ блестящихъ фразахъ, и не въ переваливаньи изъ кулька въ рогожку. На дѣло это нѣтъ уже мужества, нѣтъ воли у насъ, у всѣхъ насъ, несчастныхъ мучениковъ собственной лѣни и апатіи, у всѣхъ насъ, балованныхъ трусовъ, еще сильно захваченныхъ обломовщиной.... Но мы уже поняли весь вредъ, всю гадость, всю презрѣнность этой обломовщины, и мы не будемъ имѣть духа поставить ее правиломъ и идеаломъ жизни для своихъ дѣтей и учениковъ. Они выростутъ, они *должны* вырости съ любовью къ дѣлу, съ готовностью стоять за правду и не щадить ничего для пораженія зла. Они внесутъ въ свою дѣятельность —

Необузданную, дикую
Къ лютой подлости вражду
И довѣренность великую
Къ безкорыстному труду....

Именно эти люди сидятъ теперь на скамейкахъ гимназій и уѣздныхъ училищъ; именно они должны совершить то дѣло, которое пришлось не подъ силу намъ и которое съ высотъ печоринскаго байронизма, черезъ рудинскій паѳосъ, повергло насъ въ навозную кучу обломовщины. Наше дѣло теперь ужь второстепенное: мы должны подготовлять ту обстановку, которая могла бы благопріятствовать благому дѣлу возрастающаго поколѣнія; мы должны помогать возникающимъ дѣятелямъ, благословляя ихъ на тотъ путь, ко-

тораго намъ не суждено было пройти, и откровенно разсказывая имъ, какъ ничтожны, вздорны и призрачны были всѣ препятствія, которыя остановили насъ, — какъ пошлы и бестолковы были всѣ иллюзіи, которыя задерживали насъ на мѣстѣ.... И благо намъ, если хоть на это станетъ насъ, если хоть полной искренностью и отсутствіемъ претензій на благоговѣніе предъ нами новыхъ дѣятелей выкупимъ мы нашу прошедшую обломовщину!...

Но, — Боже мой! — куда занеслись мы, о чемъ мы заговорили, по поводу г. Филонова!! Къ нему-то ужь никакъ нельзя приложить всего, о чемъ мы толковали: онъ самъ еще *юноша*, и притомъ наивный, ничего не вѣдающій юноша! Онъ представляетъ любопытный примѣръ того, какимъ образомъ можно получить въ Петербургѣ окончательное образованіе и быть совершенно невиннымъ младенцемъ относительно всѣхъ предметовъ природы и общежитія. Что, напримѣръ, въ степи лѣтомъ жарко бываетъ, — онъ этому удивляется и записываетъ; что вода напираетъ на затопленную барку и заставляетъ ее скрипѣть, — этого онъ понять не можетъ; наѣхавши на водоворотъ, онъ не можетъ разгадать, — что̀ это такое.... Мы не выдумываемъ на г. Филонова, и въ доказательство приведемъ его собственный разсказъ о его наблюдательности, во время поѣздки на лодкѣ по Дону съ однимъ малороссомъ.

«*Какъ русскій*, недавно прибывшій на Донъ, *я многаго не понималъ здѣсь;* чтобы *записывать все новое и любопытное для меня*, я имѣлъ при себѣ листъ бумаги и карандашъ. Хохолъ подмѣтилъ это и началъ трунить. На Дону сидѣли дикія утки. «Что такое?» спросилъ я. — «*Сагайдаки*», отвѣчалъ серьезный хохолъ и мигнулъ своему товарищу.... Ѣхали мы мимо барки, затопленной по случаю весеннихъ обстоятельствъ; отъ напора воды она скрипѣла. «Что такое?» — «Это, *баринъ, домовой играетъ*», сказалъ хохолъ и захохоталъ, что есть мочи.... Наѣхали на водоворотъ. «Что такое?» — «Это *черти скубутся*», отвѣчалъ хохолъ» (стр. 28).

Г. Филоновъ приводитъ это за тѣмъ, чтобы показать, до какой степени лукавый народъ — эти хохлы! Читатели видятъ, много ли надобно лукавства, чтобы мистифировать этого юношу, который, «*какъ русскій, недавно прибывшій на Донъ*», не имѣетъ понятія о дикихъ уткахъ, водоворотѣ и затопленныхъ баркахъ....

Тоже самое и въ отношеніи къ общежитію. Въ одномъ мѣстѣ (стр. [illegible]) г. Филоновъ утверждаетъ, что заведеніе библіотеки въ Новочеркасскѣ будетъ очень успѣшно, и основываетъ свою мысль на томъ, что новочеркасцы «нескупы на карманъ» и любятъ изящное. «Взгляните, какъ всѣ мы нескупы на карманъ! За одну ложу въ театрѣ платимъ десять, а иногда пятьдесятъ цѣлковыхъ. Мы

бываемъ постоянными зрителями спектаклей, а они идутъ три, четыре раза въ недѣлю. Вообразите, сколько мы тратимъ на изящное искусство! Неужели пожалѣемъ трехъ рублей серебромъ въ публичную библіотеку за пользованіе ея книгами?» И не подумайте, чтобъ это была иронія. Нѣтъ, изъ соображенія представленныхъ фактовъ г. Филоновъ выводитъ, что именно стоитъ только начать, и на библіотеку всѣ подпишутся, кто тратитъ деньги на спектакли и пикники!...

Въ другомъ мѣстѣ г. Филоновъ приходитъ въ ужасъ отъ того, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія были въ новочеркасской гимназіи учители нѣмецкаго и французскаго языка, очень плохо и неправильно писавшіе по-русски! Какъ будто бы онъ не встрѣчалъ такихъ учителей и въ *настоящее время!*..,

Разсуждая о гимназической библіотекѣ, г. Филоновъ упрекаетъ ее за то, что въ ней есть «Пугайко чортовъ братъ» и «Искусство быть любимымъ своею женою», а нѣтъ сочиненій Вонлярлярскаго, Соллогуба, диссертацій Булича, Майкова, и пр. Какъ будто «Пугайко, чортовъ братъ»—много хуже сочиненій Соллогуба, или какъ будто диссертація г. Майкова о сербской письменности полезнѣе «Искусства быть любимымъ своею женою»!.. Тутъ же находимъ упрекъ, зачѣмъ нѣтъ въ гимназіи полнаго собранія законовъ. Легко сказать: оно стоитъ около 300 цѣлковыхъ.... А много ли назначается на библіотеку въ гимназіи?

Говоря о воспитаніи, г. Филоновъ выражаетъ благоговѣніе передъ рѣчью, при открытіи гимназіи, Оридовскаго за то, что въ ней сказано: надо, «*да всѣ, возделывая свои таланты, будутъ люди.*» Основываясь на этой фразѣ, г. Филоновъ подымаетъ даже вопросъ о томъ, кто первый открылъ мысль, что надо воспитывать прежде человѣка, а потомъ уже солдата или кузнеца,—Оридовскій или Пироговъ?!

Рѣчь Оридовскаго на восьми страницахъ повторяетъ общія фразы, повторявшіяся отъ начала вѣковъ, въ родѣ слѣдующихъ. «Оставить дѣтей безъ просвѣщенія — значитъ таланты ихъ погребсти въ землѣ, а общество лишать добрыхъ сочленовъ; ибо невѣжда ни къ чему не способенъ. Оставить ихъ безъ просвѣщенія—есть сдѣлать ихъ суевѣрными, противными Богу и вѣрѣ.» Или: «что-же ученость, когда противуборна; науки полезны, коль учатся имъ не для пышности, не для суетной славы, дабы блеснуть передъ свѣтомъ, но для образованія сердца, для возвышенія духа и руководства въ жизни.» Или еще: «вообразите, кто безъ просвѣщенія имѣлъ случай и благопріятствующее время обратить въ общественную пользу, а паче тогда, когда требовали нужды? Кто безъ наукъ, безъ опыт-

наго благоразумія оказалъ въ обществѣ что достопамятное для грядущихъ вѣковъ? И кто, наконецъ, безъ просвѣщенія въ государствѣ учинился важнымъ министромъ, патріотомъ для отечества?...»

Приведши всю эту рацею, г. Филоновъ восклицаетъ, что «нѣтъ силъ оторваться отъ ея краснорѣчія!» Затѣмъ дѣлаетъ замѣчаніе, что по мыслямъ, изложеннымъ въ ней, забываешь ея давность: «сдается, что слово современно намъ, нашему пробуждающемуся обществу.» Какъ будто бы всѣ эти фразы не составляютъ вѣчнаго достоянія фразеровъ всѣхъ временъ, и какъ будто рѣчь эта могла быть менѣе современною во времена Максима Грека или Кирилла Туровскаго, чѣмъ въ настоящее время, когда г. Филоновъ оправдываетъ свое невѣдѣніе о дикихъ уткахъ и затопленныхъ баркахъ тѣмъ, что онъ — русскій, недавно прибывшій на Донъ!...

Изъявивши свое умиленіе отъ краснорѣчія Ордынскаго, г. Филоновъ продолжаетъ: «рѣчи другихъ учителей и директора наполнены такими общими фразами, что мы не можемъ привести здѣсь даже отрывковъ: *общія мѣста уже весьма надоѣли!*» (стр. 177). Хороши же, должно быть, рѣчи, если ужь и г. Филоновъ нашелъ въ нихъ общія мѣста! Вообразите только, *что* должно казаться общимъ мѣстомъ *для* этого юноши, приходящаго въ умиленіе отъ рѣчи Ордовскаго и преклоняющагося предъ лукавствомъ *хохла*, который его мистифировалъ!...

Мы недавно высказывали свое удивленіе, какимъ образомъ знаменитый нынѣ *кандидатъ* петербургскаго университета, г. Миллеръ-Красовскій, умѣлъ усвоить себѣ ученіе о трехъ пощечинахъ. Признаемся, — г. Филоновъ возбуждаетъ въ насъ неменьшее удивленіе, хотя нѣсколько и въ другомъ родѣ. Мы не можемъ постигнуть, какимъ образомъ простыя и здравыя понятія о вещахъ такъ жестоко *обошли* скромнаго «юношу, взятаго на седьмомъ году» и пр.... смотри выше.... Общія понятія — объ отечествѣ, о славѣ русскаго оружія и пр., у него, конечно, вполнѣ благоразумны, и притомъ выражаются прекраснымъ слогомъ. Но мы не объ этомъ говоримъ: эти понятія-то и у г. Миллера-Красовскаго очень благонамѣренны, если угодно припомнить читателямъ; и однакожь они не помѣшали ему принять принципомъ воспитанія безусловное подавленіе всякой самостоятельности въ питомцѣ. Такъ и г. Филоновъ: при всей возвышенности своихъ общихъ понятій, онъ имѣетъ весьма наивныя, почти аскетическія воззрѣнія на жизнь, хотя и не столь жестокосердыя, какъ г. Миллеръ Красовскій. Мы видѣли, какъ простодушно удивляется г. Филоновъ при видѣ предметовъ самыхъ неудивительныхъ; мы видѣли, какъ онъ приходитъ въ восторгъ и умиленіе отъ неожиданныхъ своихъ открытій, въ родѣ того, что въ Но-

вочеркаскѣ есть памятникъ Платову, и т. п. Мы видѣли, какъ онъ сокрушается о невозможности воспитывать учениковъ гимназіи на чтеніи романовъ г. Вонлярлярскаго и диссертаціи г. Майкова. Изъ этого читатели могли уже отчасти видѣть и то, въ какой степени способенъ онъ къ той роли, о которой мы говорили выше, —роли подготовителя новыхъ людей къ общественному служенію. Приведемъ еще нѣсколько фактовъ.

Кромѣ собственно-очерковъ Дона, составляющихъ легкіе, поверхностные, краснорѣчивые и рѣшительно ничтожные фельетоны, въ книгѣ г. Филонова есть три ученыя статьи: 1) о книгѣ капитана Чуйкевича: «Подвиги козаковъ въ Пруссіи»,—статья принадлежащая къ разряду библіографическихъ трудовъ, бывшихъ въ такой славѣ лѣтъ восемь тому назадъ; 2) «Войсковой атаманъ Степанъ Ефремовъ», статья, представляющая нѣсколько любопытныхъ документовъ и нѣсколько правственныхъ размышленій, въ такомъ родѣ: «Такъ палъ человѣкъ, сильный и могучій властелинъ Дона, богатый и славный атаманъ! Сколько изумляетъ онъ насъ въ своемъ счастіи, столько сокрушаетъ своимъ несчастіемъ (*). Не могъ вмѣстить атаманъ своей силы и власти, не устоялъ, захотѣлъ большаго и палъ, никѣмъ не увлекаемый къ паденію. Такова судьба сильныхъ міра сего!...» 3) «Учебныя заведенія на Дону, 1790—1807 г.» Объ этой статьѣ скажемъ нѣсколько словъ.

Описаніе прежняго положенія мѣстныхъ училищъ — дѣло важное и близкое автору, какъ учителю. Тутъ могъ выразиться его взглядъ на ученье и на самыя начала образованности, его понятія объ отношеніи школы къ жизни, о потребностяхъ народа, принимающаго образованіе, и пр. Въ прошломъ мѣсяцѣ мы видѣли, съ какой мыслью приступилъ къ подобному же труду г. Ѳирсовъ, въ статьѣ о пермскихъ народныхъ училищахъ, и какія живыя, гуманныя, существенно-дѣльныя воззрѣнія выразилъ онъ въ очеркѣ этихъ училищъ. Ничего подобнаго не находимъ мы въ статьѣ г. Филонова объ учебныхъ заведеніяхъ на Дону. Въ статьѣ этой именно проявилась старая метода кропотливыхъ и мертвыхъ изысканій, неоживленныхъ рѣшительно никакой идеей. Въ громадныхъ размѣрахъ, примѣненная къ предметамъ обширнымъ, эта метода еще имѣетъ свои достоинства, въ смыслѣ произведенія точныхъ указателей, справочныхъ книгъ, сборниковъ сырыхъ матеріаловъ. Но въ размѣрахъ микроскопическихъ, въ примѣненіи къ предметамъ частнымъ

(*) Замѣтимъ, что Ефремовъ былъ сосланъ по обвиненію во взяткахъ и казнокрадствѣ,—и авторъ вполнѣ вѣритъ обвиненію! Каково же, послѣ этого, его милосердечіе!

и, главное, безъ сознанія того отношенія, которое должны имѣть эти части къ своему цѣлому, — труды, составленные по такой методѣ, просто забавны. Мы помнимъ, съ какимъ неудержимымъ смѣхомъ читали мы, года два тому назадъ, книжку г. Семевскаго, весьма важно и наивно утверждавшаго, что въ Великолуцкомъ уѣздѣ прежде свадьбы бываетъ сватанье, сговоръ и дѣвишникъ, на которомъ пѣсни поютъ, и что онъ, г. Семевскій, составилъ сборникъ великолуцкихъ пословицъ, въ родѣ: ученье свѣтъ, а не ученье тьма; старый другъ лучше новыхъ двухъ и т. п. Мы долго не могли вспомнить безъ смѣха, какъ-это г. Семевскій ходитъ по великолуцкому уѣзду и собираетъ такія рѣдкія пословицы.... Теперь г. Филоновъ, *записывающій* все, что найдетъ новаго и любопытнаго *для него* на Дону, — напомнилъ намъ г. Семевскаго. Говорятъ, что г. Семевскій въ послѣднее время напечаталъ нѣсколько замѣчательныхъ ученыхъ трудовъ и уже занялъ почетное мѣсто въ ряду почтенныхъ дѣятелей нашей науки. Мы этого и ожидали, и тоже самое можемъ предсказать г. Филонову: несмотря на свою юность, онъ скоро можетъ сдѣлаться *почтеннѣйшимъ* дѣятелемъ русской науки, и только *мы* будемъ по прежнему, со свойственнымъ намъ легкомысліемъ, смѣяться надъ кропотливыми изысканіями, которыхъ послѣднее слово—благоговѣніе къ краснорѣчію какого-то Оридовскаго и удивленіе, что учитель-французъ плохо писалъ по-русски.... Посудите, въ самомъ дѣлѣ, каковы должны быть плоды изысканій г. Филонова, котораго занимаютъ вотъ какія вещи. «Въ 1804 г. на актѣ училища присутствовали дворянство, генералитетъ и другіе любители просвѣщенія. Ученики говорили рѣчи на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ», и пр. (стр. 152). «26 мая 1805 года посѣтилъ училище преосв. Арсеній, епископъ Воронежскій, вмѣстѣ съ войсковымъ атаманомъ Платовымъ.... *Будучи убѣждены, что любопытно все, относящееся къ дѣтству учебнаго заведенія,* мы рѣшаемся привести тѣ рѣчи, которыя говорены учениками и учителемъ главнаго училища въ помянутое посѣщеніе» (стр. 154). И за тѣмъ приводятся рѣчи!... «Кабинетъ естественной исторіи къ 1805 г. состоялъ изъ 274 вещей, математическій — изъ 19 нумеровъ, и пр.... Подробнѣе о кабинетахъ *не смѣемъ ничего сказать»....* (стр. 159). Отчего такая несмѣлость, — неизвѣстно.

Весьма учеными и добросовѣстными изысканіями пахнутъ также слѣдующія строки, заключающія въ себѣ описаніе церемоніала открытія гимназіи въ 1805 году.

«Войсковой атаманъ Платовъ, генералитетъ, штабъ-офицеры, членъ университета, директоръ, учителя и ученики — собрались въ домѣ войсковой канцеляріи, гдѣ прочтены были приличные пункты изъ «пред-

варительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія.» Затѣмъ началось церемоніальное шествіе въ соборную церковь для выслушанія литургіи, шествіе въ слѣдующемъ порядкѣ: ученики, учителя, директоръ училищъ съ членами университета, войсковой атаманъ съ войсковыми чинами. Литургію совершалъ соборный протоіерей Алексѣй Оридовскій; во время многолѣтія Государю Императору и Августѣйшему Дому произведена была пушечная пальба; по окончаніи литургіи священство съ крестомъ, въ предшествіи хоругвей отправилось въ тотъ же войсковой домъ, гдѣ совершено было водоосвященіе...» и т. д. (стр. 160).

Занявши такимъ образомъ цѣлую страницу перечнемъ обыкновеннаго и никому особенно не интереснаго церемоніала, г. Филоновъ говоритъ: «Впрочемъ, насъ не столько занимаетъ церемоніалъ, сколько рѣчи и слова, произнесенныя при этомъ случаѣ», и распространяется, какъ мы уже сказали выше, въ похвалахъ краснорѣчію Оридовскаго, приводя даже цѣликомъ его слово.... Далѣе, — имена учениковъ, перечень учебниковъ, описаніе торжественнаго акта, опять съ рѣчами учителей и *словопреніями* учениковъ, свѣдѣнія о числѣ учащихся и наконецъ (о смѣлость!) замѣчаніе *о недостаткахъ* тогдашнихъ училищъ. И такъ исписано *сорокъ* страницъ.... Но и самыя свѣдѣнія объ учащихся и ученьи такъ и несутъ затхлой схоластикой и мыльной реторикой наивнѣйшихъ ученыхъ вымирающей старины. Вотъ, напримѣръ, факты.

«Число учащихся на Дону въ четырехъ училищахъ (въ первые годы нынѣшняго столѣтія) представляетъ довольно свѣтлую картину, говоритъ г. Филоновъ. — Сравнивъ показанія наши съ показаніями г. Воронова, *мы остаемся въ сладкомъ убѣжденіи*, что преимущество останется за донскими училищами. Вотъ исчисленіе.» И дѣйствительно, по *исчисленію* оказывается, что въ 1805 г. на Дону было учениковъ 463, тогда какъ, по «Обозрѣнію училищъ петербургскаго округа», г. Воронова, въ 1802 г. было въ Архангельской губерніи 152, въ Олонецкой 163, Псковской 386 и пр. (стр. 166). Не говоримъ ужь о томъ, что г. Филоновъ не потрудился вывести пропорцію учащихся на число жителей, безъ чего никакое сравненіе невозможно.... Гдѣ жь г. Филонову до такихъ тонкостей: онъ, я думаю, полагаетъ, что Сибирь населеннѣе Саксоніи, потому что въ Сибири три съ половиною мильона жителей, а въ Саксоніи только два. Онъ, какъ по всему видно, филологъ и библіографъ; слѣдовательно ему позволительно не имѣть ни малѣйшаго понятія о требованіяхъ сравнительной статистики. Но вотъ что любопытно: какой непостижимый оборотъ принимаетъ патріотизмъ у г. Филонова! Ему *сладко*, видите ли, быть убѣждену, что въ 1802 году въ Вологодской губерніи менѣе училось народу, чѣмъ въ Землѣ донскихъ козаковъ!

Что же тут особенно *сладкаго*, и чѣмъ объяснить странность вкуса нашего «юноши, по седьмому году взятаго», и пр.... смотри выше...

Въ объясненіи недостатковъ ученія въ 1805 — 1807 годахъ, авторъ «Очерковъ Дона» является до того наивнымъ, что внушаетъ невольное подозрѣніе, — не воспитанъ ли онъ, по методѣ г. Миллера-Красовскаго, въ принципѣ: *не разсуждай*.... Принципъ этотъ выражается у него въ двухъ явленіяхъ: во-первыхъ онъ никакъ не можетъ перевернуть предметъ на разныя стороны и открыть сущность дѣла подъ внѣшней оболочкой; а такъ,—какой стороной вещь предъ нимъ лежитъ, та только сторона и отразится въ его сознаніи,— и ужь дальнѣйшаго движенія и работы въ умѣ не ждите. Во-вторыхъ, если дѣло идетъ о старшихъ, начальникахъ, учителяхъ, преданіяхъ, предписаніяхъ и т. п., то хотя бы они показались ему и прямо дурной стороной, но онъ старается закрыть и уничтожить эту сторону увѣсистымъ силлогизмомъ, въ видѣ такого бульканья: «а все-таки они старшіе», или «а все-таки они учители, — стало быть во всякомъ случаѣ лучше насъ, и слѣдовательно не надо попускать въ себѣ развиваться мысли о дурныхъ сторонахъ ихъ....» О томъ, до какой степени сильны въ г. Филоновѣ оба эти явленія (несомнѣнные признаки воспитанія въ принципахъ г. Миллера-Красовскаго), могутъ свидѣтельствовать слѣдующіе факты.

У г. Филонова приводится нѣсколько документовъ, свидѣтельствующихъ, что многіе, при всемъ желаніи учить своихъ дѣтей, не имѣли возможности отдавать ихъ въ училище по бѣдности, а другіе бѣжали отъ ученья, ужасаясь обращенія учителей и всѣхъ училищныхъ порядковъ. Въ одномъ донесеніи директора даже прямо говорится: «а народъ, скудостію отягощенный, *хотя и желаетъ учить дѣтей*, но ежедневныя домашнія нужды ихъ отъ того отвлекаютъ: одинъ пасетъ овецъ, другой въ кузницѣ помогаетъ отцу, а третій на пашню уѣхалъ», и пр. И всѣ эти факты приводятъ г. Филонова къ тому заключенію, что въ народѣ не было любви къ просвѣщенію. «Мы обязаны сознаться, — говоритъ онъ, — что въ народѣ понятія о просвѣщеніи были самыя жалкія» (стр. 186). Ну, конечно: понятія народа виноваты....

Другой примѣръ: г. Филоновъ самъ же приводитъ нѣсколько свѣдѣній о томъ, какъ учителя были глупы, грубы и безсовѣстны. Учитель Яновскій за какіе-то пустяки колотилъ ученика по щекамъ до того, что у того кровь пошла изъ носу; учитель Арнольди одного ученика таскалъ за волосы, а другаго колотилъ по головѣ, за то, что они, въ его классѣ, писали не въ тетради, а на полулистѣ; учитель Божковскій былъ оставляемъ въ гимназіи учителемъ математики нарочно за тѣмъ, *дабы усовершенствоваться въ оной;* все ученіе было

въ долбежку, такъ что «когда отвѣчаютъ ученики, что рай былъ въ Азіи, — на вопросъ: «*что есть Азія?* — отвѣчаютъ въ однихъ мѣстахъ, что «*Азія есть растеніе*», а въ другихъ, что «*Азія есть страна*», на вопросъ же: «*какая страна — правая или лѣвая?*» — отвѣчаютъ: «*лѣвая*», и пр. (стр. 191). Напавши разъ на подобные факты, человѣкъ, избѣгнувшій принципа: «не разсуждать», — конечно могъ бы выдти отъ нихъ къ соображеніямъ весьма полезнымъ и важнымъ. Потрудившись надъ собраніемъ и распредѣленіемъ возможно-большаго количества фактовъ и сравнивши ихъ съ общимъ состояніемъ просвѣщенія и нравовъ въ то время, можно было представить весьма живую и занимательную картину внутренней жизни тогдашнихъ училищъ. А занявшись изъясненіемъ причинъ, отъ которыхъ происходилъ у насъ вездѣ такой контрастъ просвѣщенной формы съ самымъ грубымъ невѣжествомъ въ существѣ дѣла, можно бы дойти до выводовъ весьма широкихъ и плодотворныхъ. Но г. Филоновъ боится разсуждать: свои пять страничекъ, на которыхъ излагается темная сторона обученія (съ обвиненіемъ народныхъ массъ), онъ заключаетъ слѣдующими строками:

«Прибавимъ, что мы слышали множество изустныхъ разсказовъ о первыхъ учителяхъ нашей гимназіи, разсказовъ самаго возмутительнаго свойства; *но, говоря словами великаго поэта,* —

Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Всѣмъ честію, и мертвымъ и живымъ,
Къ устамъ подъявъ признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ...»

Какая удивительная кротость, и въ то же время какое своекорыстіе! Вѣдь по естественному человѣческому смыслу надо полагать, что авторъ «Очерковъ Дона» будетъ и самъ для себя того же требовать отъ учениковъ и отъ всѣхъ вообще младшихъ, — особенно когда онъ постарше будетъ... А если кто захочетъ указать ему его недостатки, того онъ почтитъ именемъ *неблагодарнаго*.... Вотъ вамъ и прогрессъ, вотъ и нравственное совершенствованіе поколѣній! Принципъ благодарности, примѣненный къ исторіи и выражающійся въ ней малодушнымъ молчаніемъ! Очень разумно! Нельзя, видите, раскрыть внутренней жизни училища за 50 лѣтъ назадъ, потому что надо помнить долгъ признательности къ наставникамъ! А тутъ еще кричатъ о гласности, объ обличеніяхъ, и хотятъ придать этому видъ любви къ общему благу.... Какое общее благо! Неблагодарность, и больше ничего.... Если бы мы были проникнуты чувствомъ признательности, столь возвышающимъ человѣческую природу, то все бы только похваливали, и нѣжнѣйшимъ, умильнѣйшимъ голоскомъ го-

ворили бы: «прежде было очень хорошо, а еще прежде—тоже очень хорошо, а теперь — тоже очень хорошо,—а впередъ будетъ — тоже очень, очень хорошо!...» Тогда мы и были бы благонравными дѣтьми, и гг. Ефимъ Дымманъ, А. Филоновъ и Н. А. Миллеръ-Красовскій остались бы нами довольны....

Итакъ вотъ наши молодые наставники и руководители, вотъ тѣ люди, которые должны готовить къ дѣятельности будущее поколѣніе!... Они съ юности берутъ себѣ принципомъ — остановиться на томъ, что предано и заповѣдано старшими, и дѣлаясь сами старшими, безъ сомнѣнія тѣ же принципы будутъ проводить и для назиданія своихъ учениковъ. Питая ихъ фантастическими бреднями, въ родѣ сочиненій Вольярлярскаго, да мертвой схоластикой, въ видѣ филологическихъ надрываній г. Майкова надъ *ерами* и *орями*, они внушаютъ уваженіе только къ формальности, избавляющей отъ всякихъ разсужденій, и къ голубиной кротости, прямехонько ввергающей человѣка въ обломовщину.... А между тѣмъ эти люди безпрестанно злоупотребляютъ именемъ Пирогова; а Пироговъ именно толкуетъ, что воспитаніе есть приготовленіе къ борьбѣ, которую человѣкъ неизбѣжно долженъ начать при самомъ вступленіи въ жизнь, если только останется честнымъ человѣкомъ и не захочетъ пасть ницъ предъ первымъ попавшимся кумиромъ....

Впрочемъ—забавная вещь!—есть жизненные факты, которые заставляютъ подняться самаго залежавшагося человѣка. Кажется, ужь чего кротче, идилличнѣе, прекраснодушнѣе, чѣмъ авторъ «Очерковъ Дона»! Онъ, какъ мы видѣли, болѣе способенъ витать въ «Замкѣ на берегахъ Дона», сочиненномъ господиномъ Зраховымъ, — нежели просто жить въ Землѣ донскихъ козаковъ: для него, кажется, не только новы, но и совершенно невѣдомы всѣ впечатлѣнья бытія, точно такъ, какъ невѣдомы дикія утки и непостижимъ водоворотъ на рѣкѣ... Но и этого *юношу* пробрала жизнь, и его заняла серьезно одна сторона ея и вызвала у него одну жизненную замѣтку, — кажется единственную во всей книгѣ. Онъ выражаетъ недовольство тѣмъ, что учительское жалованье мало и что на 393 рубля въ годъ нельзя жить въ Новочеркаскѣ.... Нашлось-таки, значитъ, явленіе, которое и его задѣло за живое!...

Впрочемъ, онъ вѣроятно уже утѣшился и примирился теперь съ своей судьбою, потому что жалованье учителямъ прибавлено. Притомъ же онъ, вѣроятно, надѣется на успѣхъ своихъ «Очерковъ Дона», которые стоятъ, — какъ вы думаете, сколько? — *полтора цѣлковыхъ!*...

Аѳины и Константинополь. Путевыя Записки *А. Милюкова.* Спб. 1859.

Турецкая имперія. Ея исторія, статистика, географія, политическое состояніе, нравы и обычаи. Съ присовокупленіемъ словаря турецкихъ словъ Сочиненіе *Альфреда де-Бессе.* Москва. 1860.

Вѣрите ли, что изъ книги въ 300 слишкомъ страницъ, съ длиннымъ заглавіемъ, напоминающимъ «Россію» г. Булгарина, — можно узнать о Турціи гораздо меньше, нежели изъ путевыхъ очерковъ г. Милюкова, въ которыхъ посвящено страничекъ сто Константинополю!... У г. Милюкова есть, напримѣръ, параллель Константинополя съ Москвою, чего вы у г. Бессе ужь никакъ не найдете. Кромѣ того, въ путевыхъ запискахъ г. Милюкова вы читаете характеристику страны и народа, научаетесь понимать хоть отчасти и современное положеніе Турціи, и значеніе историческихъ судебъ ея. Въ книгѣ г. Бессе нѣтъ ничего подобнаго. Большая часть книги занята формулярнымъ спискомъ Турціи и ея султановъ: когда родился, въ какихъ былъ походахъ, какія имѣнія пріобрѣталъ, какіе знаки отличія получалъ, не былъ ли подъ судомъ, и пр. Но главный предметъ всего формулярнаго списка, названнаго, по старой памяти, *исторіей* Турціи, составляетъ прославленіе силы русскаго оружія въ войнахъ съ турками. Цѣлая треть книги посвящена исключительно этому предмету, и безпрерывно попадаются фразы, въ родѣ слѣдующей: «штурмующіе не могли проникнуть въ крѣпость условленными путями, но увлеченные мужествомъ, они бросились на стѣны, и безъ сомнѣнія проникнули бы во внутренность города, если бъ начальство, дорожа кровію русскою, не повелѣло имъ отступить» (стр. 140). Какъ видите, даже и карамзинская манера есть у г. Бессе: чѣмъ не историкъ, — особенно для Турціи?...

За исторіей идетъ «состояніе политическое и религіозное; нравы и обычаи». Этотъ отдѣлъ занимается перечисленіемъ разныхъ предметовъ, въ родѣ того, что «части арміи въ Турціи суть: инфантерія, кавалерія, артиллерія, и пр. или, что «число придворныхъ пажей простирается до 500 человѣкъ»…. Кромѣ перечня, есть и объясненія въ такомъ родѣ: «правительственная организація, равно какъ всѣ прочія нововведенія, водворенныя Махмудомъ въ имперіи Оттоманской, отпечатлѣваютъ на всѣхъ отрасляхъ власти, за исключеніемъ отличій и правъ улемовъ, *особенность*, которая свидѣтельствуетъ о совершенномъ познаніи дѣла и которой султанъ былъ обязанъ тѣмъ,

что всѣ сіи реформы совершилъ онъ, не встрѣтивъ серьезныхъ препятствій со стороны этого важнаго сословія въ имперіи» (стр. 175). И тутъ конецъ объясненію: что это за *особенность, которая свидѣтельствуетъ*, и пр., — остается тайною г. Бессе и, можетъ быть книгопродавца Манухина, издавшаго его книгу.

Затѣмъ представленъ географическій перечень, о точности котораго можно судить по тому, что во всѣхъ турецкихъ владѣніяхъ, въ Европѣ, Азіи и Африкѣ показано 21,000 кв. миль, а о Черномъ морѣ сказано, что «оно есть не что иное, какъ обширное озеро, и имѣетъ всѣ свойства *онаго*».

Книга г. Бессе принадлежитъ, какъ видите, къ числу тѣхъ безполезныхъ и мертвыхъ произведеній, которыя являются — или какъ плодъ спекуляціи, или какъ продуктъ схоластической, безжизненной учености. Впрочемъ, скорѣе можно причислить ее къ спекуляціямъ. Для различенія этихъ двухъ родовъ существуютъ слѣдующіе признаки.

Книга-спекуляція имѣетъ громкое и длинное заглавіе, печатается неопрятно и неисправно, составляется неаккуратно, съ широкими замашками, но безъ выдержки, съ крайней небрежностью. Съ первыхъ страницъ вы видите, что книга составлена съ плеча.... Но иногда въ такой книгѣ вы встрѣчаете даже и признаки дарованія.

Книга-плодъ схоластики — тоже имѣетъ громкое и длинное заглавіе; но въ немъ всегда есть нѣкоторое глубокомысліе и претензія на скромность. Печатается она тоже не всегда опрятно, но большею частію очень исправно. Широкія замашки всегда въ ней бываютъ обрубаны въ предисловіи; а затѣмъ начинается аккуратнѣйшій, кропотливѣйшій подборъ самыхъ мелкихъ мелочей, доходящій иногда до того, что отъ буквъ, — отъ напечатанныхъ буквъ — начинаетъ пахнуть пòтомъ. Признаки дарованія въ подобныхъ книгахъ тоже иногда встрѣчаются, но уже въ чахоточномъ видѣ.

Но общее въ обоихъ этихъ родахъ книгъ — то, что изъ нихъ вы никогда не узнаете сущности предмета, его внутренняго характера и настоящаго значенія. Этому условію вполнѣ удовлетворяетъ и «Турція» г. Альфреда *де* Бессе. Мы уже замѣтили, что гораздо больше, чѣмъ изъ его книги, можно узнать о Турціи изъ путевыхъ записокъ г Милюкова, хотя онъ вовсе и не имѣлъ въ виду представить полную характеристику Турціи....

Записки г. Милюкова читаются очень легко, хотя онъ и распространяется иногда въ очень длинныхъ описаніяхъ картинъ природы (большею частію недоступныхъ описанію) и памятниковъ искусства. Насъ занялъ, между прочимъ, контрастъ, представляемый живымъ

народомъ аѳинъ съ неподвижными стамбульскими турками. Въ Аѳинахъ греки бѣгаютъ, шумятъ, толкуютъ, спорятъ, жалѣютъ, что Демосѳена теперь нѣтъ у нихъ.... Это забавное сожалѣніе, выраженное однимъ студентомъ аѳинскимъ, подробно передано г. Милюковымъ. Оно показываетъ, что и въ нынѣшнихъ грекахъ бродитъ недовольство настоящимъ и что-то такое, похожее на любовь къ національной свободѣ.... «О чемъ теперь говорить Демосѳену?» возразили студенту; и онъ, немедленно разгорячившись, началъ толковать: (стр. 47).

«Какъ о чемъ? Да развѣ Греція такъ счастлива и народъ доволенъ, правительство до того твердо и безкорыстно, что старому оратору оставалось бы только молчать отъ удовольствія! О чемъ говорить ему! Да неужели некого обличать теперь? Развѣ въ наше время онъ не нашелъ бы въ Греціи ни пронырливыхъ Филипповъ, ни продажныхъ Эсхиновъ? И вы думаете, — онъ остался бы доволенъ и молчалъ, когда у насъ строятъ мраморные дворцы, а нѣтъ нигдѣ проѣзжихъ дорогъ; когда ежегодно тратятъ десятки тысячъ драхмъ на поливку королевскаго сада, а столичныя улицы освѣщаются не газомъ и даже не масломъ, а одной кроткой луною.»

— Да вы читаете настоящую филиппику.....

«Нѣтъ, это только слабая оттоніада, возразилъ студентъ, одушевляясь еще болѣе. — Неужели, думаете вы, не возмутило бы Демосѳена это преслѣдованіе книгопечатанія и ограниченіе свободы мыслей, эти подкупы на выборахъ и интриги въ министерствѣ, эта продажность законовъ и вопіющая несправедливость нашихъ маститыхъ архонтовъ. Нѣтъ, онъ сорвалъ бы маску съ этихъ безстыдныхъ правителей и судей и заставилъ бы привести ихъ — вотъ на этотъ холмъ.»

«И онъ указалъ на то мѣсто, гдѣ былъ Ареопагъ.»

А въ самомъ дѣлѣ, — въ этомъ народѣ какъ будто есть какое-то право говорить этакія рѣчи.... Все его окружающее какъ-то оправдываетъ его восторженность. У него и Демосѳенъ былъ, и Ареопагъ былъ....

И не только шумятъ да декламируютъ аѳиняне: они серьезно интересуются политикой, серьезно учатся, и это не въ одномъ привилегированномъ классѣ, а во всѣхъ званіяхъ. Аѳинскій университетъ открытъ для всѣхъ, безъ всякой платы, и молодежь умѣетъ цѣнить это благодѣяніе. «Здѣсь, говоритъ г. Милюковъ, водятся всякаго рода студенты—даровитые и почти бездарные, богатые и почти нищіе, но нѣтъ, говорятъ, студента, который бы ничего не дѣлалъ. Того извѣстнаго типа молодаго человѣка, который надѣваетъ студентскій сюртукъ для того, чтобы блистать въ кондитерскихъ и теа-

трахъ, въ Аѳинахъ не существуетъ» (стр. 74). Само собою разумѣется, что университетъ всѣхъ принимаетъ радушно, и за то молодые люди платятъ ему самой пылкой приверженностью къ нему и къ наукѣ. «Были случаи, разсказываетъ г. Милюковъ, — что иной приходилъ въ городъ съ нѣсколькими драхмами въ карманѣ, и опредѣлялся слугою или мальчикомъ въ какой нибудь магазинъ, требуя за свои труды только кусокъ хлѣба да три часа въ день для посѣщенія лекцій».

Тоже самое, что университетъ для молодежи, составляетъ институтъ, Арсакеонъ, — для дѣвочекъ. Въ немъ есть и казенныя воспитанницы, и приходящія; большая часть приходящихъ принадлежитъ къ бѣднѣйшему классу городскихъ жителей. Почти всѣ по окончаніи курса расходятся на мѣста гувернантокъ или учительницъ въ провинціальныя школы. «А если не найдется мѣста? спросилъ нашъ путешественникъ свою прачку, у которой дочь тоже ходила въ Арсакеонъ. — «Такъ что же, отвѣчала гречанка: — развѣ образованіе помѣшаетъ ей стирать бѣлье? Она и теперь иногда помогаетъ мнѣ» (стр. 77).

Любовь къ образованію простирается до того, что, не довольствуясь школами, существующими въ Аѳинахъ и другихъ городахъ, жители деревушекъ сами часто отыскиваютъ и нанимаютъ какого нибудь бѣднаго учителя и поочередно даютъ ему постель и обѣдъ.

И все-таки этотъ народъ не имѣетъ никакого значенія, все-таки не добился внутренняго устройства, которымъ бы могъ быть доволенъ!.. И только волнуются понапрасну горячіе люди, подобные студенту, декламировавшему предъ г. Милюковымъ....

Турки — тѣ уже, кажется, благоразумнѣе: ихъ ничто не тревожитъ, ничто не занимаетъ.... Насъ недавно упрекали, на французскомъ діалектѣ, за то, что мы очень апатичны и мало интересуемся общественными дѣлами. Но насъ еще что же упрекать? Посмотрите-ко, что въ Турціи дѣлается: то ли еще увидите!... Во время житья г. Милюкова въ Константинополѣ разыгрывалась, напримѣръ, исторія съ Дунайскими княжествами. Слухи носились изумительные, французскій посланникъ торжественно снималъ свой флагъ, готова была повидимому разразиться новая война; европейское населеніе города бѣгало, хлопотало, догадывалось, кричало и безпокоилось ужасно. А турки сидѣли себѣ преспокойно въ кофейныхъ; никто и не спросилъ о томъ, чего хочетъ англичанинъ и о чемъ хлопочетъ французъ. Ни одинъ турокъ не полюбопытствовалъ даже взглянуть на торжественнѣйшую церемонію, съ пушечной пальбой, сопровождавшую снятіе французскаго флага. Франки же сами и бѣгали смотрѣть на эту торжественную сцену!... Наконецъ въ Константинополѣ разнеслись

слухи, что русская армія вступила уже въ Валахію: и тутъ ни одинъ турокъ рта не раскрылъ, пальцемъ не пошевелилъ.... Какъ сидѣлъ, курилъ себѣ въ кофейной, такъ и остался въ своемъ невозмутимомъ кейфѣ....

Вотъ это такъ дѣйствительно спокойствіе, тишина и неподвижность! На это можно полюбоваться или разсердиться, какъ кому лучше нравится.... А мы что! Насъ еще можно назвать безпокойными и неугомонными сравнительно съ мудрыми подданными Высокой Порты!... Успокоимся же, читатель, и да не возмущаютъ насъ никакіе упреки!

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ДЖОРЖЪ ЭЛІОТЪ.

Adam Bede. By George Eliot, Author of «Scenes of Clerical Life». 3 vols. Edinburgh. Blackwood and Sons. 1859.

I.

Джоржъ Эліотъ, авторъ романа «Адамъ Бидъ», читаемаго въ настоящую минуту въ двухъ переводахъ и нашею публикой, сразу причисленъ европейскою критикой къ писателямъ первокласснымъ. Первое произведеніе его — три небольшія повѣсти, изданныя подъ скромнымъ названіемъ «Сценъ изъ Клерикальнаго быта»—обличало замѣчательный талантъ, возбудило большую симпатію къ автору, имѣло значительный успѣхъ въ англійской читающей публикѣ, произвело въ литературныхъ кружкахъ толки и догадки о томъ, кто такой новый даровитый писатель, мужчина или женщина, молодой или уже искушенный житейскимъ опытомъ человѣкъ (Джоржъ Эліотъ — псевдонимъ) и заставило всѣхъ ожидать отъ него многаго. Джоржъ Эліотъ сдержалъ больше, чѣмъ обѣщалъ. За «Сценами изъ Клерикальнаго быта», какъ за произведеніемъ таланта начинающаго, можно было ждать ряда произведеній все болѣе и болѣе замѣчательныхъ, согласно съ постепеннымъ развитіемъ самого автора, и развѣ наконецъ уже — творенія совершеннаго, безукоризненнаго во всѣхъ отношеніяхъ. Едва ли впрочемъ кто простиралъ свои надежды такъ далеко. Именно первыя-то произведенія исчерпываютъ часто всѣ

способности автора, и послѣдующія представляютъ лишь развитіе этихъ способностей; новаго же открывается въ нихъ мало. «Львица родитъ не кролика сначала, говоритъ Гейне въ своихъ Reisebilder, не зайца, не собачку, а прямо льва. Госпожа Гёте родила сразу своего львенка, а онъ сразу произвелъ своего Берлихингенскаго льва. Точно такъ же сразу произвелъ Шиллеръ своихъ «Разбойниковъ», по когтямъ которыхъ можно узнать львиную породу. Позже является лишь полировка, гладкость, Natürliche Tochter и Braut von Messina.» Вспомнимъ также Диккенса и Теккерея. Послѣ первыхъ уже ихъ романовъ, имѣвшихъ успѣхъ въ публикѣ, послѣ «Ярмарки Тщеславія» и «Пиквикскаго Клуба» можно было знать, чего ждать отъ нихъ. И точно, ни тотъ, ни другой не удивили насъ никакою неожиданностью. «Адамъ Бидъ», напротивъ, представляетъ именно такую неожиданность послѣ «Сценъ изъ Клерикальнаго быта». Times, въ своей статьѣ объ Эліотѣ говоритъ, что въ сценахъ были лишь почки того, что̀ въ новомъ романѣ является пышнымъ цвѣтомъ. Но почки эти были такъ неопредѣленны, что едва ли можно было судить, что̀ изъ нихъ выйдетъ, скромный ли цвѣтъ шиповника или столиственная роза. Изъ начинающаго Джоржъ Эліотъ вдругъ является въ полной зрѣлости мысли, чувства и художническаго слога. Этотъ переходъ такъ рѣзокъ, что рецензентъ Times'а имѣлъ полное право задуматься, закрывъ книгу, надъ вопросомъ, въ силахъ ли авторъ «Адама Бида» представить нѣчто высшее въ слѣдующемъ произведеніи своемъ? Въ такой мѣрѣ романъ Эліота кажется окончательнымъ словомъ вполнѣ зрѣлаго художника.

Англійская критика встрѣтила «Адама Бида» единогласнымъ кликомъ восторга. За Эліотомъ упрочено его мѣсто въ томъ ряду писателей, гдѣ стоятъ имена Теккерея и Диккенса. Эта критика дала тонъ сужденіямъ объ Эліотѣ и въ публикѣ, и потому, прежде чѣмъ разбирать содержаніе романа «Адамъ Бидъ», мы хотимъ изложить взглядъ на него самихъ англичанъ. Изъ вызванныхъ романомъ Эліота статей, остановимся на упомянутой замѣчательной рецензіи Times'а и на статьѣ лучшаго изъ англійскихъ критическихъ обозрѣній — Westminster Review.

Въ статьѣ Times'а особенно интересна общая характеристика новаго романиста. По словамъ рецензента, съ которыми согласится всякій, кто прочиталъ «Адама Бида», романъ Эліота представляетъ рѣдкую свѣжесть стиля и теплоту чувства и еще болѣе рѣдкое соединеніе этихъ качествъ съ глубокимъ умомъ и зрѣлымъ образомъ мыслей. Съ такимъ товарищемъ, какъ Эліотъ, смѣло смѣйтесь, когда онъ смѣется, смѣло плачьте, когда онъ плачетъ. Смѣхъ вашъ не можетъ быть пустъ и суетенъ; слезы не будутъ безплодными и

щадящимъ хныканьемъ. Не бойтесь отдаться вполнѣ чарамъ этого волшебника! Главный пунктъ его вѣрованія заключается въ такой простой, такой неопровержимой аксіомѣ (truism), хотя часто нужно много годовъ житейскаго опыта, чтобы заставить насъ уразумѣть всю неопровержимость ея. Какая же это аксіома? Вотъ она въ двухъ словахъ: всѣ мы равны; сердце человѣческое вездѣ одинаково. Всѣ романисты, всѣ драматическіе писатели ставили себѣ до сихъ поръ задачей показывать различія между людьми. Они какъ будто постоянно хотятъ сказать намъ: «Здѣсь всѣ условія совершенно одинаковы; но посмотрите, какъ различны характеры, развивающіеся при этихъ условіяхъ.» Фарисей во храмѣ чувствовалъ, что онъ отличается отъ другихъ людей и благодарилъ за это Бога. И кто изъ насъ, незрѣлый опытомъ, не былъ принужденъ главнѣйшимъ образомъ замѣчать различія между собой и другими людьми, часто совершенно забывая о лежащемъ въ существѣ каждаго общемъ единствѣ? Здѣсь видимъ мы чудовищъ, тамъ ангеловъ, чуждыя намъ лица и недоступныя натуры. И лишь послѣ долгаго опыта, долгаго обращенія въ обществѣ и многихъ странныхъ открытій, становится для насъ великою истиной аксіома, которой мы и не подозрѣвали дотолѣ — именно, что каждый человѣкъ похожъ на другаго такъ же, какъ лицо похоже на свое отраженіе въ зеркалѣ.

Рецензентъ Times'а видитъ въ постоянномъ преслѣдованіи этой трудной аксіомы Теккереемъ отличіе его отъ всѣхъ предшествовавшихъ ему романистовъ. Это главный мотивъ, говоритъ онъ, всего, что написалъ Теккерей, и ключъ ко всѣмъ критическимъ сужденіямъ, вызваннымъ имъ. Нѣтъ страницы въ его сочиненіяхъ, гдѣ бы авторъ не говорилъ намъ: «Всѣ эти люди, являющіеся передъ вами, кажутся вамъ столь различными; увѣряю васъ, они всѣ одинаковы. Вы гнушаетесь этимъ бездѣльникомъ; да вы сами этотъ человѣкъ. Посмотрите, какое чудовище я изобразилъ; это чудовище — я. Подадимъ же другъ другу руки, друзья! внѣшнія различія прекрасны и забавны; но умоляю васъ — думайте больше о преобладающемъ сходствѣ, нежели о внѣшнихъ различіяхъ. Мы будемъ меньше смѣяться и меньше плакать одинъ надъ другимъ порознь, когда убѣдимся, что не существуетъ непримиримаго различія между какимъ-нибудь бѣднякомъ и лордомъ-мэромъ, между кухаркой Салли, которая наблюдаетъ за жаркимъ и нѣжно думаетъ о полисменѣ, и каждою леди, которая занята своими карманными деньгами и соображеніями, поведетъ ли ее къ ужину подъ руку Артуръ. Спору нѣтъ, люди дурны, но они не хуже насъ самихъ; мы такъ милостивы къ самимъ себѣ — даемъ такія нѣжныя имена своимъ собственнымъ недостаткамъ, находимъ столько извиненій своимъ ошибкамъ. Отче-

го бы не давать этихъ нѣжныхъ именъ и недостаткамъ другихъ? Отчего бы не быть милостивымъ и къ другимъ? Отчего бы не извинять своихъ сосѣдей? Зачѣмъ обвинять міръ поголовно?» — Какова бы ни была эта философія — вѣрна она или фальшива — но у нея великое достоинство кротости и милосердія; это выраженіе теплой, гуманной симпатіи. Примѣненіе ея къ художественнымъ произведеніямъ чрезвычайно трудно. Сравнительно легко изобразить характеръ, если мы остановимся главнѣйшимъ образомъ на пунктахъ различія и контраста. Но когда приходится лишь слегка касаться внѣшнихъ особенностей, и останавливаться преимущественно на чертахъ, которыя всѣмъ намъ общи и притомъ не представляютъ никакой рѣзкости, трудность художественнаго произведенія страшно возрастаетъ.

Признавая за новымъ романистомъ несомнѣнную оригинальность, рецензентъ Times'а находитъ тѣмъ не менѣе, что онъ слѣдуетъ по стопамъ Теккерея. Эліотъ вполнѣ овладѣлъ этою идеей, которую такъ легко исповѣдовать на словахъ, но такъ трудно усвоить сердцемъ — идею, что всѣ мы равны, что у всѣхъ насъ натуры общія и что нѣтъ существеннаго различія между низшимъ и высшимъ, между богатымъ и бѣднымъ, глупымъ и мудрымъ, лучшимъ изъ насъ и худшимъ. Вообще лишь при полной зрѣлости ума и сердца человѣкъ способенъ такъ чувствовать. Для этого надо много испытать на своемъ вѣку и много видѣть. Эліотъ обладаетъ именно этою широкой симпатіей и полной терпимостью, соединенной съ зрѣлостью мысли и художественностью выраженія, которымъ мы удивляемся въ Теккереѣ. Но здѣсь и оканчивается сравненіе. «Эліотъ, говоритъ рецензентъ, такъ рѣзко отличается отъ Теккерея въ примѣненіи общей имъ обоимъ философіи, что многіе изъ читателей нашихъ удивятся, что нашли мы въ немъ сходнаго съ великимъ живописцемъ человѣческихъ слабостей и суетъ. Въ то время какъ Теккерей, къ великому неудовольствію многихъ юныхъ леди, постоянно увѣряетъ, что у всѣхъ насъ есть въ сердцѣ дурной уголокъ, и что всѣ мы не совсѣмъ-то чисты въ своихъ дѣйствіяхъ, Эліотъ благодушно говоритъ намъ, что въ каждомъ изъ насъ есть частичка рая, что люди вовсе не такъ дурны, какъ вообще думаютъ, и что у каждаго есть въ натурѣ добрыя стороны, и свѣтлыя, симпатическія черты въ характерѣ. Романъ Эліота представляетъ намъ множество характеровъ, но всѣ они достойны сочувствія. Правда, одинъ виновенъ въ обольщеніи, другой въ убійствѣ, третій — старый жадный скряга; но авторъ въ каждомъ изъ нихъ находитъ добрую сторону, и не только извиняетъ ихъ, но въ двухъ первыхъ случаяхъ обращается къ нимъ съ сердечною симпатіей. Если на этотъ разъ онъ попалъ

въ крайность, большинство читателей проститъ ему эту ошибку, потому что она заставитъ ихъ лучше смотрѣть на бѣдную падшую человѣческую природу.»

Великая прелесть повѣсти Эліота заключается больше въ выведенныхъ въ ней лицахъ, чѣмъ въ дѣйствіи, которое образуютъ эти лица. «Всѣ они такъ вѣрны, такъ естественны, такъ полны жизни, что намъ пріятно слышать ихъ рѣчи, даже когда въ рѣчахъ ихъ нѣтъ ничего для насъ близкаго. Въ нихъ столько странныхъ прихотей, въ словахъ ихъ столько прелести, что вы совершенно забываете о недостаткѣ движенія въ повѣсти. Кромѣ того, когда разговоръ дѣйствующихъ лицъ прекращается, разсужденія автора такъ метки, описанія его такъ живы, что мы больше думаемъ о томъ, что есть, чѣмъ о томъ, чего нѣтъ.» Рецензентъ чрезвычайно метко указываетъ, какъ на характеристическую черту Эліота, на его равно гуманное отношеніе къ двумъ совершенно различнымъ по существу своему характерамъ, выведеннымъ имъ въ повѣсти. Одно изъ видныхъ мѣстъ романа занимаетъ дѣвушка Дина Моррисъ, вдохновенная проповѣдница методистка. По любви, съ которою изображена она, и по тону всего произведенія вообще мы видимъ въ авторѣ человѣка религіознаго, проникнутаго духомъ христіанства. Выводя другой типъ, представляющій совершенный контрастъ Динѣ, Эліотъ относится къ нему не только безъ горечи, свойственной человѣку радикально противуположныхъ религіозныхъ убѣжденій, но даже съ глубоко-гуманною симпатіей. Наружныя различія ничего не значатъ для автора «Адама Бида»; внѣшнія проявленія души человѣческой, какъ бы разнообразны они ни были, не заставляютъ его измѣнить вѣры въ одинаковую у всѣхъ сущность ея.

«Подобно Теккерею, продолжаетъ статья, Эліотъ особенно любитъ выставлять контрастъ между мыслью и словомъ, между сердцемъ и внѣшностью, наружною нашею маской. Онъ постоянно показываетъ намъ, что мы лучше, нежели кажется, великодушнѣе, чѣмъ думаемъ, ближе другъ къ другу, чѣмъ бы можетъ быть хотѣли. Это плодотворная тема, полная громаднаго интереса, и авторъ съ рѣдкимъ искусствомъ развиваетъ ее въ своихъ трехъ томахъ.» Въ художественномъ отношеніи рецензентъ признаетъ безукоризненнымъ строй цѣлаго въ романѣ Эліота, и дѣйствительно, всѣ, и второстепенныя, и даже мелькомъ являющіяся въ романѣ лица поражаютъ васъ своею жизненностью. Этотъ ensemble, въ которомъ актеръ, играющій лакея или даже нѣмое лицо, является такимъ же художникомъ, какъ и герой, ведущій драму, производитъ на читателя впечатлѣніе самой жизни.

Эту именно гармонію созданія имѣетъ въ виду «Вестминстерское Обозрѣніе» (о статьѣ котораго мы упомянули), ставя романъ Эліота въ число первокласныхъ произведеній искусства. Критикъ Westminster Review не пускается въ длинныя разсужденія о философіи Эліота; онъ цѣнитъ его главнымъ образомъ, какъ художника. Оцѣнка эта, по нашему мнѣнію, такъ вѣрна, такъ полна и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ сжата (она занимаетъ всего одну страницу въ статьѣ), что мы приведемъ ее цѣликомъ.

Читатель уже знаетъ, что повѣсть Эліота основана вовсе не на внѣшнемъ интересѣ. «Жизнь мирной англійской деревни, говоритъ, критикъ Westminster Review, состоящей изъ нѣсколькихъ фермеровъ и ихъ прислуги, съ придачей кузнеца, плотника, чеботаря, школьнаго учителя и приходскаго клерка, и съ пасторомъ и сквайромъ во главѣ, не представляетъ повидимому столь привлекательнаго предмета, чтобы о немъ написать три большихъ тома. Но дѣло въ томъ, что привлекательность предмета зависитъ главнымъ образомъ отъ свойства ума наблюдателя. Міръ, какъ говоритъ Карлейль, представлялся Ньютону совсѣмъ инымъ, чѣмъ Ньютоновой собакѣ. Даръ, можетъ быть наиболѣе изъ всѣхъ, отличающій генія отъ обыкновенныхъ смертныхъ, это способность видѣть дѣйствительность тамъ, гдѣ они видятъ лишь кажущіяся явленія. Авторъ «Адама Бида» обладаетъ этою способностью: проникая взглядомъ въ самую глубь внутренней жизни людей, будь это пэры или простые поселяне, онъ открываетъ намъ эти глубокіе источники неизсякаемаго интереса, вѣчно одинаково таящагося и въ деревнѣ, какъ въ городѣ, и въ хижинѣ, какъ во дворцѣ. Произведеніе его читается, какъ подлинная исторія: дѣйствующія лица его производятъ на насъ впечатлѣніе живыхъ людей, которые будучи таковыми, какъ они есть, не могли ни говорить, ни дѣйствовать иначе; жизнь каждаго изъ нихъ поражаетъ насъ своею органическою цѣлостью и субстанціальностью (consistency), которая отличаетъ существованія дѣйствительныя, и вслѣдствіе этого мы невольно чувствуемъ, что различныя событія повѣсти должны были произойти именно такъ, а не иначе. Согласно этой неизбѣжности и естественности лицъ и фактовъ, житейская драма развивается повидимому безъ всякой преднамѣренности, безъ всякой завязки: лица выростаютъ и событія происходятъ; авторъ является достовѣрнымъ и проницательнымъ историкомъ, который просто излагаетъ то, что онъ видѣлъ или изучалъ, и по временамъ прибавляетъ лишь объяснительныя замѣчанія съ цѣлью помочь пониманію читателя.»

Глубокой вѣрностью отличаются слѣдующія слова резенціи о томъ, если можно такъ сказать, органическомъ процессѣ творчества,

такимъ плѣняетъ насъ Эліотъ. «Судьямъ съ точки зрѣнія чистаго искусства, говоритъ рецензентъ, такъ же какъ и менѣе экзальтированнымъ и болѣе непосредственнымъ читателямъ, до того опротивѣли повѣсти, романы и поэмы, написанныя съ цѣлью провести какую нибудь доктрину или извѣстную мораль, что первые всякій романъ, написанный съ такимъ намѣреніемъ, заранѣе признаютъ дурнымъ, а послѣдніе оставляютъ, какъ очень скучную вещь. Но оригинальный, истинный художникъ сбиваетъ равно и приговоры критиковъ и рѣшенія читателей. Его книга можетъ быть съ начала до конца пропитана доктриной и моралью, и критика будетъ безмолвствовать, и публика будетъ довольна. Дѣло въ томъ, что мы всѣ моралисты, какъ скоро видимъ факты въ истинномъ свѣтѣ. Что такое эти рои пословицъ, живущихъ въ каждомъ языкѣ, какъ не выводы и нравоученія, выраженныя въ возможно-сжатой формѣ лучшими умами народа? Все нравственно для человѣка, умѣющаго взглянуть поглубже. Природа не допускаетъ уклоненій, но наказываетъ и всѣ наши сдѣлки съ нею. Мало того, она не хочетъ знать различій, какія мы стараемся установить, путемъ запрета, между умственнымъ и нравственнымъ зломъ, и безпощадно караетъ какъ то, такъ и другое. Такимъ образомъ тотъ, кто подставляетъ зеркало къ природѣ и помогаетъ намъ видѣть ее такою, какова она есть, не только даетъ намъ мораль, но заставляетъ и самихъ насъ сдѣлаться моралистами. Такимъ именно помощникомъ является Эліотъ.»

Понятія наши объ искусствѣ, несмотря на постоянные о немъ толки, идущіе со временъ Аристотеля, такъ шатки, такъ неопредѣленны, что даже въ такой литературѣ, какъ англійская, критикѣ приходится повторять столь простыя и повидимому до осязательности ясныя каждому понятія, какія заключаются въ послѣдней цитатѣ нашей. Какъ же въ русской-то литературѣ не быть полному хаосу въ этомъ отношеніи? И въ самомъ дѣлѣ — что ни статья, что ни книга, то своя теорія. Съ одной стороны насмѣшки надъ «искусствомъ для искусства», съ другой клики — противъ «преднамѣренности» въ творчествѣ. Здѣсь за одинъ губернскій очеркъ г. Щедрина готовы отдать всѣхъ лирическихъ поэтовъ отъ Анакреона до г. Фета; тамъ за восемь стиховъ г. Фета уступаютъ всю обличительную литературу. Какъ тутъ оріентироваться? Какъ примирить эти крайности?

«Адамъ Бидъ» принадлежитъ къ числу тѣхъ высоко-художественныхъ произведеній, по поводу которыхъ мысль невольно обращается къ этимъ разнорѣчивымъ, шаткимъ и несостоятельнымъ теоріямъ. Одна теорія борется съ другою, одна другую вытѣсняетъ и смѣняетъ; а истинное искусство идетъ себѣ своею дорогой, вѣрнымъ

и твердымъ шагомъ, словно и ему ни до кого, и до него никому нѣтъ дѣла, словно не бывало и нѣтъ никакихъ художественныхъ теорій на свѣтѣ. Точно такъ наука, точно такъ жизнь — двѣ другія независимыя силы на землѣ — идутъ несокрушимо впередъ, расширяя свои владѣнія посреди рушащихся системъ и теорій, не поддаваясь имъ и презирая ихъ узкія колодки.

II.

Дѣйствіе романа Эліота происходитъ въ деревнѣ Гейслопѣ, мѣстоположеніе которой не опредѣлено авторомъ; но онъ такъ тщательно сохранилъ въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ мѣстный говоръ со всѣми его особенностями, что англійскіе рецензенты не затрудняются на основаніи этихъ діалектическихъ примѣтъ опредѣлить настоящую сцену разсказа. Они указываютъ на сѣверную часть Лейстершира, граничащую съ Дербиширомъ, и отчасти на это послѣднее графство. Намъ до этого очень мало дѣла, потому что романъ Эліота силенъ вовсе не этнографическою своей стороной, и мы готовы считать существующими на картѣ и въ географіи и вымышленную деревню Гейслопъ и вымышленныя графства Loamshire и Stonyshire. Скажемъ болѣе — во все продолженіе чтенія «Адама Бида» на насъ непріятно дѣйствовала эта пунктуальность автора въ сохраненіи мѣстнаго говора. Можетъ быть такое впечатлѣніе производятъ разговоры большей части дѣйствующихъ лицъ въ романѣ Эліота лишь на иностраннаго читателя, не вполнѣ знакомаго съ англійскими діалектами; но вѣрнѣе, кажется, сказать, что такой пріемъ совершенно излишенъ въ произведеніи чистаго искусства. Не произвела ли бы на русскаго читателя такого же тяжелаго дѣйствія повѣсть, сценою которой избрана хоть напримѣръ Бѣлоруссія, если бъ авторъ заставлялъ постоянно своихъ дѣйствующихъ лицъ говорить на ломаномъ бѣлорусскомъ нарѣчіи? Эти didna вмѣсто did not, gell вмѣсто girl въ романѣ Эліота, понашему, могли бы и не являться въ немъ. Другое дѣло — сберечь нѣкоторые особенно меткіе идіотизмы; но отмѣчать каждую на свой ладъ произнесенную букву — ни къ чему не ведетъ.

Время дѣйствія отнесено авторомъ къ концу прошлаго столѣтія, хотя и это не составляло непремѣннаго условія для романа. Оттого, разумѣется, попадаются въ немъ и анахронизмы. Такъ напримѣръ, въ рукахъ дѣйствующихъ лицъ являются зажигательныя спички, введенныя въ общее употребленіе уже на нашей памяти.

Повѣсть Эліота такъ небогата происшествіями, и такъ полна внутреннимъ интересомъ, что передать содержаніе ея въ краткомъ

изложенiи крайне трудно. Все-таки читатель познакомится въ немъ преимущественно лишь съ внѣшнею стороной. Развѣ подчасъ поможетъ Элiотъ страницей, другой.

Главное лицо, около котораго группируются всѣ остальныя, названо уже въ самомъ заглавiи романа. Адамъ Бидъ — дюжiй плотникъ, крѣпко сложенный, съ широкой грудью и могучей рукой, длинные и гибкiе пальцы которой способны однакожь и на тонкiя работы. Онъ такъ же крѣпокъ и духомъ, какъ тѣломъ. Широкая голова, густыя, выдавшiяся и нависшiя надъ глазами брови обличаютъ врожденную силу; въ проницательномъ взглядѣ темныхъ глазъ виденъ честный и ясный умъ. Характеръ Адама практическiй; онъ полонъ безсознательнаго довѣрiя къ своимъ силамъ, независимъ и самостоятеленъ какъ въ образѣ мыслей, такъ и въ своихъ дѣйствiяхъ.

Рѣзкую противуположность ему представляетъ братъ его Сетъ. «Онъ одного почти съ нимъ роста; типъ тотъ же, и такiе же волосы и цвѣтъ лица; но разница физiономiи и выраженiя кажется какъ-будто еще разительнѣе отъ этого семейнаго сходства въ чертахъ.» Сѣрые глаза Сета не такъ оттѣнены бровями, и брови не такъ подвижны. Вмѣсто смѣлости и проницательности, замѣтныхъ во взглядѣ Адама, въ глазахъ Сета ясны довѣрчивость и простодушiе. Волосы его не такъ густы и жестки, какъ у Адама, а рѣдки и мягки, и френологъ открылъ бы подъ ними сильное развитiе органа bienveillance. Съ дѣтства еще проявилась въ братьяхъ разница характеровъ. Старуха мать ихъ, говоря объ ихъ младенчествѣ, вспоминаетъ, что Адамъ никогда не лежалъ и минуты въ люлькѣ спокойно, когда не спалъ, тогда какъ Сетъ тихо лежитъ, бывало, съ открытыми глазами. Дума Сета лишь на половину принадлежитъ практическому мiру; онъ такой же работникъ какъ и братъ, занимается тѣмъ же ремесломъ, но далеко нѣтъ въ немъ ни той преданности своему дѣлу, ни того рвенiя и усердiя, какiя отличаютъ Адама. Въ сценѣ, которою открывается романъ, мы видимъ его за работой надъ стругааньемъ двери подъ акомпаниментъ столярныхъ инструментовъ товарищей и пѣнье Адама. Онъ работаетъ пристально; но вотъ посреди шипѣнья, свиста и стука мастерской раздаются его слова: «Вотъ я и кончилъ сегодня дверь!» И онъ отставляетъ ее, какъ конченную, къ стѣнѣ.

«Всѣ мастеровые подняли головы; Джимъ Сальтъ, неуклюжiй малый съ красными волосами, оставилъ languagestrugъ, а Адамъ, быстро взглянувъ на брата съ удивленiемъ, сказалъ ему:

«— Какъ? ты думаешь, что кончилъ дверь?

«— Разумѣется, отвѣчалъ съ такимъ же удивленіемъ Сетъ: чего жь ей еще недостаетъ?

«Громкій взрывъ смѣха трехъ другихъ работниковъ заставилъ Сета осмотрѣться въ смущеніи. Адамъ не смѣялся съ остальными, но по лицу его прошла легкая улыбка, когда онъ съ большею кротостью сказалъ:

«— Да вѣдь ты филенки забылъ.

«Хохотъ раздался снова, когда Сетъ схватился руками за голову и покраснѣлъ до ушей.

«— Ура! возгласилъ маленькій человѣчекъ, прозывавшійся проволочнымъ Беномъ, выскочилъ впередъ и схватился за дверь Сета. — Надо эту дверь повѣсить на самомъ видномъ мѣстѣ мастерской и надписать на ней: «Работа Сета, методиста.»

Мечтательный и мистическій элементъ въ характерѣ Сета Бида не могъ не увлечь его въ методизмъ, потокъ котораго достигъ въ это время и до уединенной деревеньки Гейслопа. Притомъ представительницею новаго ученія явилось такое прелестное существо, что сердце Сета не могло остаться нетронутымъ даже независимо отъ религіознаго увлеченія. Товарищи готовы приписать разсѣянность Сета его фанатической приверженности новой сектѣ; но и эта приверженность и эта разсѣянность только слѣдствія его впечатлительной, нервной, непрактической натуры. Молитва, упованіе на помощь Божію, беззаботность относительно завтрашняго дня, довѣріе къ благости и мудрости провидѣнія — вотъ преобладающія черты въ нравственномъ характерѣ Сета. Все остальное, житейское обращаетъ на себя его вниманіе только какъ бы по необходимости, потому что все же онъ человѣкъ изъ плоти и крови. Мать Адама и Сета, вѣчно погруженная въ житейскія заботы женщина, никакъ не можетъ понять истиннаго смысла библейскаго изрѣченія: «не пецытеся объ утріи!» которое часто повторяетъ ей Сетъ. Сердце ея больше клонится къ религіознымъ понятіямъ и взглядамъ Адама, и она въ параллель изреченію Сета выставляетъ поговорку его брата: «на Бога надѣйся, а самъ не плошай!» God helps them as helps theirsens!) наивно думая, что и это слова Библіи.

Однажды, когда Сетъ упрекнулъ брата, что онъ отзывается о религіи слишкомъ легко, Адамъ высказалъ ему въ краткихъ словахъ свое profession de foi. Вотъ что онъ говоритъ:

«— Нѣтъ, Сетъ, мой милый; я и не думаю смѣяться надъ чьею бы то ни было религіей. Пусть каждый слѣдуетъ своей совѣсти; вотъ и все. Я думаю только, что лучше бы было, еслибъ совѣсть заставляла спокойно стоять въ церкви: тамъ многому можно научиться. Станешь, правда, ужь через-чуръ духовнымъ; а на свѣтѣ есть, кромѣ слова, и дѣло. Взгляни на каналы, на водопроводы, на рудничныя машины и

орудія, на аркрейтовскія бумаго-прядильни въ Крамфордѣ; надо знать, по моему, кое что кромѣ Писанія, чтобы дѣлать такія вещи. А послушать этихъ проповѣдниковъ, такъ человѣку только и дѣла во всю его жизнь, что закрыть глаза да смотрѣть внутрь себя. Я это знаю — у человѣка должна быть въ душѣ любовь къ Богу, а Библія — слово Божіе. Да что говорится въ Библіи? Въ ней говорится, что Господь вложилъ духъ свой въ работника, строившаго скинію, чтобы онъ смогъ сдѣлать всю рѣзную работу и всѣ украшенія, на которыя надо было искусную руку. Я думаю вотъ что: духъ Божій во всѣхъ вещахъ и во всѣхъ временахъ — въ будни и въ праздникъ — въ великихъ дѣлахъ и изобрѣтеніяхъ, въ искусствѣ и въ механикѣ. Богъ помогаетъ нашимъ головамъ и рукамъ, такъ же, какъ и душамъ. И если человѣкъ не въ рабочій часъ сдѣлаетъ что нибудь полезное — хоть бы печку выстроитъ женѣ, чтобы ей не ходить по пекарнямъ, или такъ свой огородъ обработаетъ, что у него вмѣсто одной картофелины двѣ вырастутъ, онъ дѣлаетъ больше добра, и такъ же близокъ Богу, какъ если бы бѣгалъ за проповѣдниками, и молился, и воздыхалъ.»

Слова брата не убѣждаютъ Сета, и онъ тотчасъ послѣ нихъ идетъ, весь объятый мистическими грезами, слушать юную проповѣдницу методизма, и плакать, и вздыхать съ нею, и именно, какъ говоритъ Адамъ, закрыть глаза на все кругомъ и погрузиться въ созерцаніе своей души. Эліотъ не пожалѣлъ красокъ, чтобы изобразить какъ можно ярче Дину Моррисъ, прекрасную проповѣдницу, увлекшую своимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ не только Сета, но и множество другихъ гейслопскихъ обывателей. Дина облечена такимъ ореоломъ святости, одарена такою просвѣтленной красотой, такою пророческою силой слова, что читатель понимаетъ увлеченіе простыхъ поселянъ. «Лицо ея, по словамъ автора, было невелико и продолговато, ровной прозрачной бѣлизны; щоки и подбородокъ округлялись овальною линіей; губы были полны, но тверды, ноздри нѣжны, лобъ низкій и прямой, завершенный крутой дугой посреди мягкихъ локонъ блѣдно-красноватыхъ волосъ. Того же цвѣта брови были совершенно горизонтальны и рѣзко очерчены; рѣсницы, хоть и не темнѣе, были длинны и густы, ничего не было въ лицѣ испорченнаго или неоконченнаго. Это было одно изъ тѣхъ лицъ, при видѣ которыхъ невольно вспоминаешь о бѣлыхъ цвѣтахъ съ легкими оттѣнками нѣжныхъ красокъ на чистыхъ лепесткахъ. Въ глазахъ не было особенной красоты, кромѣ выраженія; они смотрѣли такъ просто, такъ свѣтло, такъ серьёзно и вмѣстѣ такъ ласково.» На характерѣ ея отразилось вліяніе основателя секты методистовъ Весли, котораго проповѣдь она слышала въ дѣтствѣ. Кромѣ того, нервическая натура ея была и сама по себѣ склонна къ лихорадочному фанатизму и мистическимъ мечтамъ. Эти черты въ соединеніи съ

чистотой души и съ безкорыстною готовностью на жертвы для блага ближнихъ образуютъ высоко-поэтическую личность, и несмотря на нѣкоторую идеализацію, Дина Моррисъ проходитъ передъ нами какъ живая въ мастерскомъ изображеніи Эліота. Развитіе свое лучше всего объясняетъ она сама въ удивительномъ по простотѣ разсказѣ, который вызвалъ своими вопросами мистеръ Ирвинъ, ректоръ въ Гейслопѣ, пасторъ нѣсколькихъ приходовъ.

«— Я и не думала объ этомъ, сэръ (о публичномъ проповѣдываніи). Съ шестнадцатилѣтняго возраста привыкла я разговаривать съ маленькими дѣтьми и учить ихъ; иногда сердце мое переполнялось и мнѣ хотѣлось говорить въ классѣ и молиться съ больными. Но я не чувствовала призванія къ проповѣди; когда я не слишкомъ занята, я бы все сидѣла молча да думала; кажется, цѣлый бы день просидѣла я молча, утопая душой въ мысли о Богѣ, какъ тонутъ камешки въ рѣкѣ. Вѣдь мысли такъ велики — неправда ли, сэръ? Они лежатъ на насъ, какъ глубокій потокъ; и я забываю тогда, гдѣ я, и все, что ни есть вокругъ меня, и теряюсь въ мысляхъ, въ которыхъ не умѣю дать отчета, которымъ не могу найдти на словахъ ни начала, ни конца. Сколько могу припомнить, всегда такъ было со мной; но по временамъ, казалось, слова приходили мнѣ на языкъ безъ всякой воли моей, и срывались одно за другимъ, какъ слезы катятся, когда полно у насъ сердце, и мы не можемъ удержать ихъ. Это было со мною всегда въ минуты великой благодати, и я никакъ не думала, чтобы могло это случиться со мною при большомъ собраніи народа. Но, сэръ, мы какъ маленькіе дѣти; ведетъ насъ Богъ, куда и какъ — мы не знаемъ.»

На вопросъ мистера Ирвина, какъ вздумала она въ первый разъ проповѣдовать, Дина отвѣчаетъ ему:

«— Дѣло было въ воскресенье, и шла я съ братомъ Марло,—человѣкъ онъ былъ ужь старый, и проповѣдовалъ у насъ,—шла я съ нимъ всю дорогу до Геттона.... Это деревня, гдѣ народъ живетъ работой въ свинцовыхъ рудникахъ, и нѣтъ тамъ ни церкви, ни священника, и живутъ они какъ овцы безъ пастыря. Отъ Снофильда будетъ къ нимъ больше двѣнадцати миль, и поднялись мы утромъ ранехонько: время было лѣтнее; и чудно такъ поняла я любовь Божью, какъ шли мы по холмамъ; тамъ — вы знаете, сэръ — нѣту деревьевъ, какъ здѣсь, и не заслоняютъ они неба; тамъ небо раскинуто надъ тобой, словно шатеръ, и словно вѣчныя нетлѣнныя объятія распростерты надъ землею. Только не успѣли еще мы дойти до Геттона, стала вдругъ у брата Марло голова кружиться, такъ что онъ боялся, какъ бы не упасть — очень ужь онъ истомилъ себя, не по старымъ своимъ лѣтамъ, постомъ, да молитвой, да ходьбой за многія мили на проповѣдь слова Божія.... Какъ пришли мы въ деревню, народъ ждалъ его, потому что онъ назначилъ часъ и мѣсто, какъ былъ тутъ передъ этимъ, и всѣ, кому хотѣлось по-

слушать слова жизни, собрались гдѣ нибы стояли почаще, чтобы и другихъ привлечь. Но онъ чувствовалъ, что не выстоять ему на проповѣди, и долженъ былъ зайти въ первую избушку, до которой мы дошли, и лечь тамъ. А я пошла къ народу сказать, и думала: зайдемъ мы куда нибудь въ домъ, а я стану имъ читать и съ ними молиться. Только какъ шла я вдоль по улицѣ, да какъ увидала старыхъ дрожащихъ женщинъ у воротъ, да мужчинъ съ суровыми взглядами, словно и не видятъ они свѣтлаго утра воскреснаго, словно они волы безсловесные, никогда не поднимавшіе глазъ къ небу, какъ увидала я ихъ, вся душа у меня взволновалась, и вся я дрогнула и затрепетала, будто могучій духъ вселялся въ мое слабое тѣло. И пошла я туда, гдѣ собралась небольшая кучка народа, и взошла на низенькую стѣну, выложенную у зеленой окраины холма, и стала говорить, и изобильны были мои слова. И всѣ они собрались вокругъ меня изъ своихъ избушекъ, и многіе плакали надъ грѣхами своими и съ той поры обратились къ Господу. Вотъ какъ начала я проповѣдовать, сэръ....»

Даже изъ нашего поспѣшнаго перевода, въ которомъ не вполнѣ переданъ тонкій букетъ подлинника, читатель пойметъ прелесть и художественную правду изображеній Эліота. Не думайте, что выписанныя нами страницы потому особенно останавливаютъ наше вниманіе, что выдаются изъ ряда другихъ страницъ, блѣдныхъ, монотонныхъ и нужныхъ только для оттѣнка главныхъ пунктовъ повѣсти, какъ это бываетъ сплошь въ лучшихъ романахъ, и у Диккенса, и у Теккерея; напротивъ, такихъ слабыхъ страницъ насчитаешь мало въ «Адамѣ Бидѣ».

Мы сказали, что личность Дины Моррисъ нѣсколько идеализирована, но готовы уже взять назадъ это замѣчаніе. Самый характеръ этотъ идеаленъ (или, лучше сказать, рѣдко встрѣчается нами), а не изображеніе его, вѣрное жизни до послѣдней степени.

Почти въ самомъ началѣ своего романа Эліотъ приводитъ на нѣсколькихъ страницахъ цѣлую проповѣдь прекрасной методистки, и мы понимаемъ вполнѣ, почему полное любви слово ея такъ могущественно дѣйствовало на умы и сердца бѣдныхъ поселянъ, почему такъ глубоко было ея вліяніе на всѣхъ близко подходившихъ къ ней людей, и преимущественно на кроткаго, мечтательнаго Сета. Авторъ превосходно въ двухъ трехъ строкахъ характеризуетъ перешедшую въ религіозный фанатизмъ любовь Сета къ Динѣ. Онъ говоритъ:

«Сету было всего двадцать три года, и онъ только что узналъ, что значитъ любить — любить до обожанія, невольнаго въ молодомъ человѣкѣ, когда онъ чувствуетъ, что любимая женщина выше и лучше его самого. Любовь такого рода трудно отличить отъ религіознаго чувства.

Не такова ли всякая глубокая и чистая любовь къ чему бы то ни было — къ женщинѣ, къ дѣтямъ, къ искусству, къ музыкѣ? Наши ласки, наши нѣжныя слова, нашъ тихій восторгъ подъ вліяніемъ осенняго заходящаго вечера, или далекихъ колоннъ, или спокойныхъ, величавыхъ статуй, или симфоній Бетговена — всегда приводятъ насъ къ сознанію, что это лишь волны и струйки въ неизмѣримомъ океанѣ любви и красоты; волненіе наше въ высшемъ моментѣ своемъ переходитъ отъ выраженія къ безмолвію; любовь наша въ высшемъ порывѣ своемъ идетъ далѣе своего предмета и разрѣшается въ чувство божественнаго таинства.»

Сетъ убѣждаетъ Дину выйдти за него замужъ, приводитъ въ подкрѣпленіе своихъ просьбъ свидѣтельства въ пользу такого брака изъ св. писанія; но Дина остается непреклонною. Она цѣнитъ Сета и его любовь, но внутренній голосъ, въ которомъ она признаетъ волю Бога, не допускаетъ ее выйти за него. По обычаю методистовъ, она проситъ совѣта у Библіи: открываетъ ее наудачу и ей выходятъ тексты, въ которыхъ дѣвушка видитъ явное неодобреніе всякой перемѣны въ своей жизни. Колебанія Дины мало по малу исчезаютъ, и она говоритъ кроткому Сету, что рѣшилась жить и умереть безъ мужа и безъ дѣтей.

Мы однакожь не сказали еще ничего о семьѣ Дины. Она племянница Пойзера, занимающаго ферму стараго сквайра Донниторна. Ферма эта находится близь деревни Гейслопа, и Дина часто бываетъ у дяди и тетки; но главное «призваніе» ея, какъ она говоритъ, проповѣдывать слово Божіе бѣднымъ рудокопамъ въ ближайшемъ округѣ, и она проводитъ тамъ большую часть времени. Тетка Дины, мистриссъ Пойзеръ, есть одно изъ оригинальнѣйшихъ лицъ, какія когда либо выводились въ романахъ.* По меткимъ замѣчаніямъ, по незатѣйливому, но поразительному остроумію съ нею можетъ сравниться развѣ только знаменитый приспѣшникъ безсмертнаго Пиквика — Самуилъ Веллеръ. Не останавливаемся на этой восхитительной личности лишь изъ опасенія растянуть наше изложеніе. Намъ слѣдуетъ еще разсказать главныя происшествія романа.

У мистриссъ Пойзеръ, кромѣ Дины, есть еще племянница, которая съ такою же непреоборимой силой плѣнила сердце Адама Бида, какъ юная методистка его брата.

«Есть разные роды красоты, сводящіе мужчинъ съ ума на разные лады, отъ отчаяннаго безумія до тупой глупости; но есть одинъ родъ красоты, существующій, кажется, для того, чтобы кружить головы не только мужчинамъ, но и всѣмъ разумнымъ существамъ, даже женщинамъ. Эта красота похожа на красоту котятъ, или крохотныхъ пушистыхъ утятъ, производящихъ мягкій журчащій звукъ своими нѣжными

поселками, или дѣтей, только-что начинающихъ ковылять по полу и вступать въ сознательныя ссоры — красота, которая никогда не можетъ васъ разсердить, но которую — вы это чувствуете — вы готовы раздавить за неумѣнье ея понять то душевное состояніе, какое она произвела въ васъ.

«Гетти Сорель обладала именно этимъ родомъ красоты. Тетка ея, мисстрисъ Пойзеръ, увѣрявшая, что не признаетъ никакихъ личныхъ симпатій, и старавшаяся выказать себя строжайшимъ изъ менторовъ, постоянно, какъ на зло себѣ, засматривалась на прелести Гетти.»

И эта необыкновенная красота, какъ большею частью случается, не обошлась безъ суетности, безъ самонадѣянности, безъ кокетства. Не только тѣ и занимало, на что могла она производить вліяніе, въ противоположность двоюродной сестрѣ, такъ безкорыстно, изъ одной святой потребности любви, любившей всѣхъ людей, близкихъ ей и далекихъ. Суетность Гетти Сорель не мѣшала ей впрочемъ быть, на сколько она могла, полезною и дома. Она помогала теткѣ ходить за дѣтьми, помогала ей въ хозяйствѣ. Правда, мистриссъ Пойзеръ находила, что Гетти слишкомъ вѣтрена и слишкомъ легко смотритъ на свои обязанности; но она была еще такъ молода. Все перемелется—мука будетъ! замѣчалъ на жалобы жены мистеръ Пойзеръ.

Адамъ Бидъ не разбираетъ, несмотря на свою практичность, на свою проницательность, насколько Гетти обѣщаетъ быть хорошею женой и хозяйкой. Голова у него отуманена. Онъ любитъ ее тою непреоборимой любовью, которая мало думаетъ о послѣдствіяхъ.

Жениться, однакожь, онъ не можетъ, какъ бы ни хотѣлъ этого. У него нѣтъ ни независимаго положенія, ни средствъ—и онъ только надѣется добиться со временемъ и того, и другаго, а съ ними и руки Гетти Сорель. А между тѣмъ, онъ могъ бы не медля много пріобрѣсть и самостоятельность и долю въ выгодномъ предпріятіи; только стоило отказаться отъ Гетти и жениться на дочери своего хозяина, на миссъ Мери Борчъ. Адамъ не высказывалъ Гетти ни полусловомъ ни своихъ чувствъ, ни своихъ надеждъ; онъ не зналъ, встрѣтитъ ли ея сочувствіе. Трудно впрочемъ было ожидать отъ нея сочувствія: вѣдь онъ не могъ бы покупать ей дорогихъ и нарядныхъ платьевъ; въ немъ не было иныхъ достоинствъ, кромѣ трудолюбія, честности, безукоризненной жизни, сильнаго ума. Всѣ эти достоинства внутреннія; гдѣ до нихъ добираться поверхностной красавицѣ? Ей и въ голову не приходила возможность тихаго, скромнаго счастія въ союзѣ съ Адамомъ. За то сразу легкомысленная голова ея закружилась отъ невозможныхъ, несбыточныхъ плановъ.

На ферму Пойзеровъ заѣхалъ молодой владѣлецъ ея, гайслопскій сквайръ, капитанъ Артуръ Донниторнъ, можетъ быть не столько за-

тѣмъ, чтобы взглянуть на образцовое хозяйство тетки, сколько чтобы посмотрѣть на хорошенькую племянницу, о красотѣ которой всѣ кричали. Гостю пришлось остаться нѣсколько времени наединѣ съ Гетти; дѣло не обошлось безъ комплиментовъ; суетной дѣвочкѣ было лестно слушать ихъ отъ такого важнаго и притомъ такого пригожаго джентльмена. Это недолгое свиданіе было рѣшительнымъ моментомъ для всей послѣдующей судьбы Гетти.

Тутъ въ романѣ Эліота начинается подробная исторія любви Гетти къ капитану, полная несказанной прелести, глубокаго анализа и чудныхъ художественныхъ частностей. Приводить отдѣльныя мѣста изъ нея было бы тоже, что брать отдѣльные аккорды изъ симфоній Бетховена или изъ пѣсенъ Мендельсона. Любуясь подарками Дониторна, бѣдная Гетти думала, что онъ женится на ней, и отдалась ему вполнѣ. Еще пышнѣе расцвѣла она отъ чувства любви, проникнувшаго все прелестное существо ея, и еще больше кружилась голова у Адама. Онъ того и не замѣчалъ, что придавало новыя красоты предмету его слѣпой страсти. Порой ему казалось даже, будто она отвѣчаетъ его чувствамъ: любовь сообщила Гетти больше ласковости, больше нѣжности ко всѣмъ.

Влюбленные слѣпы; но иногда случай открываетъ имъ глаза. Такой случай представился Адаму Биду на праздникѣ по случаю дня рожденія капитана Дониторна. Гетти танцовала тутъ и съ капитаномъ и съ Адамомъ. Еще передъ этимъ Дониторнъ подарилъ Гетти медальонъ, въ которомъ были его и ея волоса, сплетенные вмѣстѣ. Гетти носила его на груди и таила отъ всѣхъ. На праздникѣ она вдругъ обронила медальонъ и очень этимъ смутилась. Адамъ, стоявшій неподалеку, поднялъ его, увидѣлъ въ немъ волосы, и, разумѣется, глубоко опечалился.

Сомнѣнія, ревность и вѣра въ чистоту Гетти стали съ этой минуты бороться въ сердцѣ Адама, пока другой случай не подтвердилъ его подозрѣній. Онъ нечаянно засталъ сцену прощанія капитана съ Гетти. Они обнимались и цаловались.

Адамъ не выдержалъ. Улучивъ минуту остаться наединѣ съ капитаномъ, онъ потребовалъ отъ него отчета въ его поступкахъ относительно Гетти. Капитанъ увѣрялъ, что между имъ и Гетти не было серьезной связи, и Адамъ заставилъ его написать дѣвушкѣ письмо, что онъ не можетъ жениться на ней, а потому и видѣться имъ не слѣдуетъ. Дониторнъ согласился на это; и Адамъ передалъ Гетти это сокрушительное письмо.

Послѣ письма Адамъ дней черезъ пять зашелъ на ферму, не имѣя силы побороть въ себѣ желаніе видѣть Гетти, хотя и боялся, что встрѣча съ нимъ будетъ ей тяжела. Дѣвушки не было въ комнатѣ

и Адамъ того и ждалъ, что ему скажутъ, что она больна. Но вотъ послышался знакомый ему шагъ, и мистриссъ Пойзеръ кликнула: «Иди сюда, Гетти! гдѣ ты была?»

«Адамъ принужденъ былъ оборотиться, какъ ни боялся онъ увидать перемѣну въ ея лицѣ. Онъ почти испугался, видя на немъ улыбку, какъ будто отъ удовольствія встрѣчи съ нимъ. Съ перваго взгляда въ ней какъ будто не было никакой перемѣны; только она была въ этотъ разъ въ чепцѣ, какъ ея никогда еще не видалъ Адамъ по вечерамъ. Но всмотрѣвшись, онъ замѣтилъ въ ней измѣненіе: попрежнему были румяны у нея щоки, попрежнему и такъ же часто улыбалась она, но что-то иное было у нея въ глазахъ, въ выраженіи лица, во всѣхъ движеніяхъ; она, какъ показалось Адаму, стала какъ будто серьезнѣе, старше, и не такъ уже походила на ребенка. Бѣдняжка! подумалъ Адамъ: это всегда такъ бываетъ. Это ея первое сердечное горе. Но у ней есть сила перенести его. Слава Богу!»

Гетти знала, что никому, кромѣ Адама, неизвѣстны ея отношенія къ Артуру; она встрѣтила такую гуманность въ этомъ человѣкѣ, такъ глубоко и нѣжно любившемъ ее, что сердце ея поневолѣ начало открываться болѣе теплому, чѣмъ до тѣхъ поръ, чувству къ нему. Послѣ горькаго разрыва съ капитаномъ, Гетти понемногу стала успокоиваться; казалось, она еще похорошѣла. Глядя на нее, Адамъ все больше и больше убѣждался, что въ сношеніяхъ ея съ Донниторномъ не было ничего рѣшительнаго. Эліотъ съ удивительной тонкостью анализируетъ душевное состояніе Адама. Онъ говоритъ:

«Вы вѣроятно полагаете, что Адамъ не выказалъ никакой проницательности въ своихъ соображеніяхъ, и что вообще человѣку чувствительному вовсе неприлично было поступать такъ, какъ онъ, а именно: влюбиться въ дѣвушку, которая въ сущности ничѣмъ не могла похвалиться, кромѣ красоты, приписывать ей небывалыя достоинства, не отставать отъ нея даже и послѣ того, какъ она влюбилась въ другаго, ждать милостивыхъ взглядовъ ея, какъ собака ждетъ дрожа, чтобы хозяинъ обратилъ къ ней глаза. Но въ такомъ сложномъ предметѣ, какъ человѣческая природа, согласитесь, трудно установить правила безъ исключеній. Разумѣется, за правило можно почесть, что чувствительные люди влюбляются въ самыхъ чувствительныхъ женщинъ изъ своего знакомства, видятъ насквозь всѣ милыя уловки кокетливыхъ красавицъ, никогда не считаютъ себя любимыми, когда ихъ не любятъ, перестаютъ любить при каждомъ удобномъ случаѣ, и женятся на особахъ, наиболѣе пригодныхъ для нихъ во всѣхъ отношеніяхъ — при одобреніи всѣхъ дѣвственныхъ леди въ своемъ сосѣдствѣ. Но даже и изъ этого правила въ теченіе столѣтій случаются по временамъ исклю-

ченія, и такимъ-то исключеніемъ былъ другъ мой Адамъ. Впрочемъ, что касается до меня, онъ отъ этого не теряетъ въ моемъ уваженіи: нѣтъ, я думаю даже, что глубокая любовь его къ этой прелестной, кругленькой, цвѣтущей, темноокой Гетти, которой внутреннія качества были ему вовсе неизвѣстны, что любовь эта свидѣтельствуетъ о мощи его натуры, и ужь никакъ не можетъ назваться слабостью. Скажите, развѣ увлечься прекрасной музыкой — слабость? развѣ слабость — чувствовать ея дивную гармонію, которая проникаетъ въ сокровеннѣйшіе изгибы вашего сердца, въ тончайшія фибры жизни, и сливаетъ все ваше существованіе, прошлое и настоящее, въ одну невыразимую вибрацію, размягчаетъ васъ въ одинъ мигъ всею нѣжностью, всею любовью, разсѣянными по цѣлому ряду тяжкихъ лѣтъ, сосредоточиваетъ въ одно чувство героической отваги или самопожертвованія всѣ трудно доставшіеся уроки самоотверженной симпатіи, смыкаетъ воедино вашу настоящую радость съ прошлою печалью, и настоящую печаль съ прошлою радостью? Если это не слабость, то развѣ слабость увлечься тонкою прелестью женскихъ щокъ, плечъ и рукъ, влажною глубиной молящихъ женскихъ глазъ, или нѣжнымъ дѣтскимъ ропотомъ женскихъ устъ? Красота милой женщины — та же музыка; какъ иначе опредѣлить ее? У красоты большее и высшее вліяніе, чѣмъ у женской души, которой служитъ она оболочкой, такъ же, какъ у словъ генія значеніе шире, чѣмъ у мысли, которая вызвала ихъ: нѣчто большее любви къ женщинѣ возбуждаютъ въ насъ женскіе глаза — гораздо могущественнѣйшая любовь какъ бы повѣяла на насъ и заговорила съ нами изъ нихъ отъ своего лица; въ округлыхъ плечахъ, въ нѣжныхъ съ ямочками локтяхъ плѣняетъ насъ нѣчто большее, нежели ихъ миловидность — ихъ тѣсное родство со всѣмъ нѣжнымъ и спокойнымъ, что мы когда либо знали. Благороднѣйшія натуры видятъ въ красотѣ больше этого *безличнаго* выраженія (нечего и говорить, что есть джентльмены съ крашеными и некрашеными бакенбардами, которые ничего подобнаго нигдѣ не видятъ), и по этой-то причинѣ благороднѣйшія натуры часто больше всего бываютъ слѣпы къ сущности, облеченной красотой. Оттого-то вѣроятно долго еще будетъ существовать трагизмъ въ человѣческой жизни, на зло умозрительнымъ философамъ, у которыхъ столько превосходныхъ рецептовъ для уничтоженія ошибокъ этого рода.»

Нужно ли говорить о поэтической прелести и въ то же время почти физіологической меткости этихъ замѣчаній? И такими замѣчаніями усѣяна книга Эліота. Въ нихъ столько независимаго отъ хода романа достоинства и значенія, что мы не прочь бы выписать большую часть; но тогда пришлось бы библіографическую статью превратить въ цѣлый томъ. Въ pendant къ приведенному отрывку мы выпишемъ еще два-три мѣста изъ «Адама Бида», сожалѣя, что нашъ переводъ не передастъ всей граціи и тонкости языка Эліота.

Вотъ какъ разсказываетъ Эліотъ о первой встрѣчѣ въ лѣсу Артура и Гетти Сорель:

«Въ первый разъ были они вдвоемъ наединѣ. Какая чарующая сила въ этомъ первомъ тайномъ свиданіи! Въ первыя двѣ, три минуты Артуръ не смѣлъ взглянуть на прелестную дѣвушку. Что касается Гетти, ноги ея какъ будто покоились на облакѣ, и какъ будто несли ее теплые зефиры; она забыла о своихъ розовыхъ лентахъ; она не чувствовала своихъ членовъ, словно младенческая душа ея перешла въ водяную лилію, колеблемую на ея влажной почвѣ и согрѣваемую знойными лучами лѣтняго солнца.... Гетти подняла свои длинныя влажныя рѣсницы, и встрѣтила обращенный на нее нѣжный, робкій, умоляющій взоръ. Какое пространство времени вмѣстили въ себѣ эти три минуты, когда ихъ глаза встрѣтились и руки его прикоснулись къ ней! Любовь такая простая вещь, когда намъ всего двадцать одна весна, и прелестная семнадцатилѣтняя дѣвушка трепещетъ подъ нашимъ взглядомъ, словно почка, впервые раскрывающая съ трепетнымъ восторгомъ свое сердце лучамъ утра. Эти юныя, не тронутыя горемъ жизни души влекутся другъ къ другу, какъ катятся другъ къ другу два бархатные персика, чтобы остановиться въ нѣжномъ соприкосновеніи, какъ сливаются въ одинъ потокъ два ручейка, которымъ только и нужно, что перевиться другъ съ другомъ и неразлучаясь бѣжать въ потаенныя лиственныя чащи.»

Особенно останавливаешься въ книгѣ Эліота на его удивительныхъ замѣткахъ по поводу физіономій выводимыхъ имъ лицъ. Вотъ одна изъ такихъ замѣтокъ о тайнѣ выраженія человѣческаго лица. Онъ говоритъ о прелестномъ личикѣ Гетти.

«Въ немъ былъ языкъ, превышавшій ея чувства. Есть лица, которыя природа облекла мыслью и страстью, невмѣстимыми для одной человѣческой души, бьющейся подъ ними, а выражающими радости и скорби отшедшихъ поколѣній.... Глаза говорятъ вамъ о глубокой любви, несомнѣнно существовавшей и существующей гдѣ нибудь, но не соединенной съ такими глазами — соединенной можетъ быть съ блѣдными глазами, не умѣющими ничего выразить... Точно такъ уста, говорящіе на полномъ поэзіи народномъ языкѣ, не чувствуютъ его поэзіи.»

Та же мысль проходитъ въ слѣдующихъ прекрасныхъ строкахъ:

«Въ семейномъ сходствѣ есть часто нѣчто глубоко грустное. Природа, этотъ великій трагикъ, связуетъ насъ другъ съ другомъ костями и мускулами, и разлучаетъ болѣе тонкою тканью нашего мозга; сливаетъ любовь и отвращеніе, и прикрѣпляетъ насъ нашими сердечными нитями къ существамъ, которыя на каждомъ шагу оскорбляютъ наше чувство. Мы слышимъ голосъ, тономъ собственнаго нашего голоса вы-

сказывающій презираемыя нами мысли; мы видимъ глаза — увы! — столь похожіе на глаза нашей матери — отвращающіеся отъ насъ съ холоднымъ равнодушіемъ; и наше послѣднее дорогое дитя пугаетъ насъ видомъ и манерами, напоминающими намъ сестру, съ которою мы разстались враждебно много лѣтъ тому назадъ. Отецъ, которому обязаны мы лучшимъ своимъ наслѣдіемъ — ремесленнымъ инстинктомъ, живою чувствительностью къ гармоніи, безсознательнымъ искусствомъ рукъ — возмущаетъ насъ и стыдитъ ежедневными промахами; давно скончавшаяся мать, лицо которой мы видимъ въ зеркалѣ, когда у насъ самихъ начинаютъ являться на лицѣ морщины, раздражала когда-то молодую нашу душу своимъ безпокойнымъ характеромъ и неразумною настойчивостью.»

Возвратимся, однакожь, къ исторіи Адама Бида.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ объяснительнаго письма Артура, онъ былъ ужь женихомъ Гетти. Предстоящему браку всѣ радовались на фермѣ. Пойзеры, и мужъ и жена, искренно любили и уважали трудолюбиваго и добраго Адама. Казалось, и Гетти была довольна и ждала счастья и согласія въ союзѣ съ нимъ. Назначили ужь и день свадьбы.

Дина была въ это время въ сосѣднемъ округѣ, именно въ деревнѣ Снофильдъ, и занята была тамъ своимъ обычнымъ дѣломъ — проповѣдью. Не задолго до свадьбы, Гетти вздумала отправиться къ ней и попытаться привести ее оттуда съ собой на свадьбу. И Гетти отправилась.

Прошла недѣля, приходитъ къ концу и другая, а Гетти не возвращается. Всѣ домашніе въ тревогѣ, не случилось ли чего съ нею, и всѣхъ больше, разумѣется, Адамъ. У него изболѣла душа въ эти дни, казавшіеся ему безконечными. Наконецъ онъ не могъ ужь выносить неизвѣстности, и самъ собрался въ Снофильдъ за своею невѣстой.

Дины онъ не засталъ въ Снофильдѣ: она была на проповѣди гдѣ-то дальше. И каковъ былъ ужасъ бѣднаго Адама, когда онъ узналъ, что Гетти и не думала показываться сестрѣ! О тревогахъ Адама, о его поискахъ надо прочесть въ самой книгѣ Эліота.

Воротясь въ Гейслопъ, Адамъ мучился догадками, гдѣ бы могла быть Гетти. Самою мучительной изъ нихъ было предположеніе, что въ Гетти жива еще любовь ея къ Артуру, и что вслѣдствіе этого она сознаетъ себя неправою, выходя замужъ за Адама. Капитанъ Донигорнъ былъ въ это время въ Дублинѣ. «Тамъ вѣроятно и Гетти», рѣшилъ Адамъ и задумалъ самъ отправиться туда. Онъ пошелъ за совѣтомъ къ пастору, лицу чрезвычайно живому и характеристическому въ повѣсти, съ которымъ мы, къ сожалѣнію, не

можемъ познакомить читателя ближе въ нашемъ бѣгломъ очеркѣ. Адамъ разсказалъ достопочтенному мистеру Ирвину, полагаясь на его скромность, отношенія капитана къ Гетти, и объявилъ ему о своемъ намѣреніи ѣхать въ Дублинъ. Адамъ явился къ пастору за совѣтомъ какъ разъ во время. Мистеръ Ирвинъ могъ сообщить ему только-что полученныя въ этотъ день вѣсти о его невѣстѣ... Но какія печальныя, какія ужасныя вѣсти!

Какъ пастора гейслопскаго, мистера Ирвина, извѣстили, что одна изъ прихожанокъ его, Эсѳирь Сорель, задержана по подозрѣнію въ дѣтоубійствѣ и посажена въ тюрьму.

Бѣдняжка не нашла своего обольстителя (онъ ушелъ съ полкомъ). На обратномъ пути, въ горѣ, безъ денегъ, въ колебаніи, идти ли ей въ Гейслопъ, или въ Снофильдъ къ Динѣ, она остановилась въ городѣ Стонитонѣ, гдѣ ее пріютила одна бѣдная женщина. Тутъ родила она.... Но послушаемъ ея собственнаго разсказа Динѣ, посѣтившей несчастную въ тюрьмѣ.

« — Дина! промолвила Гетти, рыдая и обвивая руками шею Дины:— я разскажу... все разскажу... я не могу больше таиться.

«Но слезы и рыданія были слишкомъ сильны. Дина нѣжно подняла ее и посадила ее опять на скамью, и сама сѣла рядомъ съ нею. Долго не могло отойти конвульсивно-сжатое горлю Гетти, но когда и успокоилась она, сестры нѣсколько времени сидѣли въ безмолвіи и мракѣ, держа другъ друга за руку. Наконецъ Гетти прошептала:

«— Я это сдѣлала, Дина... Я схоронила его въ лѣсу... моего маленькаго... а онъ плакалъ... Я слышала, какъ онъ плакалъ .. и какъ ушла... и всю ночь... и воротилась я, потому что онъ плакалъ.

«Она пріостановилась, потомъ заговорила быстро, громче, и какъ бы защищаясь:

«— Вѣдь я думала—можетъ, онъ не умретъ... можетъ, его найдетъ тамъ кто нибудь. Я не убивала его — я его сама не убивала. Я только положила его и прикрыла, а какъ пришла назадъ — его ужъ не было... Это оттого, что я была въ такомъ горѣ, Дина... я не знала, куда идти... хотѣла сначала сама себя убить, да не могла. Ахъ, я хотѣла въ рѣкѣ утопиться, да не могла. Я пошла въ Виндзоръ — убѣжала оттуда прочь — вы слышали? Я пошла къ нему: можетъ, онъ пріютитъ меня: а онъ уѣхалъ; тутъ ужь я и не знала, что мнѣ дѣлать. Домой идти я не смѣла — я бы этого не перенесла. Я бы не могла взглянуть ни на кого; надо мной бы насмѣхаться стали. Иногда я объ васъ вспоминала — думала, пойду къ вамъ — вы меня не прогоните, не станете меня позорить: я думала, все вамъ скажу. Только тогда узнали бы вѣдь и другіе, а мнѣ бы этого не снести. Больше оттого я и въ Стонитонъ пришла, что объ васъ думала; да кромѣ того боялась, придется какъ нищей мнѣ ходить—у меня ничего не было: а порой мнѣ такъ было, что надо будто скорѣе воротиться на ферму. Ахъ, ужасно это было, Дина .. та-

кая была я несчастная... Я думала, лучше бы мнѣ никогда на свѣтѣ не родиться. Такъ бы не глядѣла я на поля зеленыя — возненавидѣла я ихъ въ моемъ горѣ.

«Опять пріумолкла Гетти, словно память прошлаго останавливала ея слова.

«— Пришла я въ Стонитонъ, и такъ-то мнѣ страшно стало въ ту ночь, что я такъ близко отъ дому. Тутъ и родился у меня маленькій, а я и не ждала еще этого; и пришло мнѣ на мысль, что мнѣ бы отдѣлаться отъ него да и идти домой. Вдругъ это мнѣ на мысль пришло, какъ лежала я въ постели, и все-то не выходитъ, все-то не выходитъ изъ головы... Такъ мнѣ захотѣлось домой... Мочи моей не было одной оставаться; милостыню бы просить пришлось. Словно отъ этихъ мыслей и сила у меня явилась, и рѣшилась я встать и одѣться. Чувствовала я, что надо это сдѣлать... и сама не знаю, отчего... Я думала, сыщу прудъ, если можно, такой, какъ вотъ тотъ, что на краю поля, въ кустахъ. И какъ ушла женщина-то, мнѣ казалось, силы у меня много на что угодно... Думала я, скачаю съ плечъ все свое горе, да и домой, и никто ни про что не узнаетъ. Надѣла я шляпку свою и шаль, и вышла на темную улицу, а маленькаго подъ плащемъ спрятала; и шла я твердо, и много прошла; тутъ въ улицѣ былъ трактиръ и я зашла выпить тепленькаго да взять кусокъ хлѣба. И пошла дальше, дальше, ногъ я подъ собой не слышала. Тутъ свѣтлѣе стало — мѣсяцъ взошелъ... Ахъ, Дина! страхъ меня взялъ, какъ онъ изъ облаковъ выглянулъ на меня — никогда онъ такъ не глядѣлъ. Я свернула съ дороги въ поле, чтобы кто со мной не встрѣтился — мѣсяцъ-то мнѣ прямо въ лицо свѣтилъ. Подошла я къ стогу сѣна и думаю — тутъ и тепло мнѣ будетъ, и пролежу всю ночь. Въ стогѣ этакая ямка была; какъ въ постели можно было лечь; и легла я, и маленькому около меня тепло было; и заснула я, и проспала видно долго, потому что, какъ проснулась, было ужь утро, только не совсѣмъ еще разсвѣтало; маленькій мой кричать сталъ. Неподалеку увидала я лѣсъ... И подумала я, нѣтъ ли тамъ оврага какого, или ручья... Такъ еще рано было; я думала, оставлю тамъ ребенка и далеко успѣю уйдти, покамѣстъ люди подымутся. И стала я думать, отправлюсь домой — найму телегу и поѣду домой и скажу, что мѣста искала себѣ, да не могла найти. Такъ мнѣ этого хотѣлось, Дина — такъ хотѣлось домой. Я ужь и не помню, что я объ маленькомъ-то думала. Мнѣ кажется, ненавидѣла я его — словно тяжкая ноша какая былъ онъ мнѣ; а тутъ онъ заплакалъ опять, сердце у меня надорвалось; не смѣла я взглянуть на ручки его маленькія, на личико. А все же пошла я въ лѣсъ, и по лѣсу ходила; только воды тамъ не было...

«Гетти вздрогнула. Она молчала нѣсколько минутъ, и потомъ продолжала ужь шопотомъ:

«— Пришла я къ мѣсту, гдѣ лежали кучи щепокъ и дерну, и сѣла тутъ на пень и стала думать, что мнѣ дѣлать. И вдругъ я увидѣла, подъ орѣшникомъ ямка, словно маленькая могилка. Точно молніей меня освѣтило... положу, думаю, тутъ маленькаго, и покрою его травой и щеп-

ками. Иначе я не могла его убить. И въ одну минуту я это сдѣлала; а онъ такъ кричалъ, Дина — я *не могла* совсѣмъ его закрыть—я думала, можетъ, кто нибудь придетъ и возьметъ его, и онъ не умретъ. И побѣжала я изъ лѣсу безъ оглядки, а все слышу, кричитъ онъ; вышла въ поле, тутъ у меня силъ не стало — не могла я идти. Присѣла я къ стогу — жду, не придетъ ли кто: голодъ меня томилъ, а остался у меня только кусочекъ хлѣба; но не могла я уйдти. Ждала я такъ—часъ, другой; прошелъ работникъ — въ балахонѣ, и такъ на меня посмотрѣлъ, что я испугалась. Встала я поскорѣе и пошла. Я думала, пойдетъ онъ въ лѣсъ и, можетъ, найдетъ моего маленькаго. И пошла я прямо все, прямо, и пришла въ деревню, далеко-таки отъ лѣсу; очень мнѣ было тяжело — и устала я, и проголодалась. Достала я тутъ себѣ поѣсть, купила булку. Только страшно мнѣ было оставаться тутъ. Все мнѣ слышалось, маленькій мой кричитъ; все думалось, и другіе слышатъ — и ушла я. Только такъ я устала; а ужь опять смеркалось. Была тутъ у дороги рига — далеко отъ жилья — вотъ какъ у насъ; зайду, думаю, спрячусь тутъ подъ сѣномъ и соломой, авось никто не придетъ. Вошла я; наполовину завалено было тутъ вязанками соломы, и сѣномъ тоже. Сдѣлала я себѣ постелю, какъ можно подальше, чтобы никто меня не нашелъ; и такъ я была истомлена, такъ слаба и такъ мнѣ спать хотѣлось... Только все мнѣ слышалось, маленькій кричитъ, и не могла я заснуть; все мерещился человѣкъ этотъ, что посмотрѣлъ-то такъ на меня... Только все же видно я подъ конецъ заснула, и долго ли спала, не знаю; какъ я встала и вышла изъ риги—не то ночь была, не то утро. Только это было утро — свѣтлѣть стало, и я пошла той дорогой, откуда пришла. Мочи мнѣ не было, Дина; все слышу, маленькій кричитъ—оттого и пошла: и стало мнѣ вдругъ такъ страшно — до смерти страшно. Я думала, человѣкъ этотъ въ балахонѣ видѣлъ меня и знаетъ, что я положила тамъ маленькаго. И шла я ото всего этого. Я перестала и думать — идти домой, — я и забыла объ этомъ. Ничего я не видала, кромѣ этого мѣста въ лѣсу, гдѣ я схоронила дитя... Я его и теперь вижу. Дина! неужто я всегда его видѣть буду?

«Гетти прижалась къ Динѣ и опять задрожала. Только послѣ долгаго молчанія заговорила она снова:

«— Я никого не встрѣтила, потому что очень рано было, и пошла въ лѣсъ... Я знала дорогу къ тому мѣсту... къ мѣсту подъ орѣшникомъ: и слышала я съ каждымъ шагомъ все больше крикъ его... Я думала, онъ живъ... Не знаю, боялась ли я этого, рада ли была... Не знаю, что я чувствовала. Знаю только, что я ужь въ лѣсу была, и все слышала, плачетъ онъ... Не знаю, что я чувствовала, покамѣстъ не увидала, что маленькаго ужь нѣтъ. Когда я положила его тамъ, мнѣ хотѣлось, чтобы кто нибудь нашелъ его и чтобы онъ не умеръ; а какъ увидала я, что его нѣтъ, словно окаменѣла я отъ страха. Я ужь и не думала идти — слабость на меня такая напала. Я знала, не смочь ужь мнѣ убѣжать, и всякій, кто бы ни увидалъ меня, узналъ бы про маленькаго. Сердце у меня словно каменное стало: не могла ужь я ни думать ни о

чемъ, ни желать ничего; казалось, такъ и останусь я тутъ цѣлый вѣкъ, и никакой перемѣны ужь не будетъ больше. Но они пришли и взяли меня.

«Гетти замолкла, но опять стала дрожать, словно не все еще высказала; и Дина молчала, потому что сердце ея было такъ переполнено, что слезы предупредили бы слова. Наконецъ Гетти проговорила съ рыданіями:

«— Дина! какъ вы думаете, избавитъ ли меня Богъ, чтобы я этого крика не слыхала и не видала этого мѣста въ лѣсу, послѣ того, какъ я все вамъ разсказала?

«— Будемъ молиться, несчастная: встанемъ на колѣни и помолимся Богу милосердому.»

Мы побоялись бы дѣлать такія длинныя выписки, еслибъ не были убѣждены, что онѣ будутъ прочтены съ удовольствіемъ и познакомятъ съ превосходнымъ романомъ Эліота лучше, чѣмъ всѣ наши разсужденія о немъ.

О судьбѣ Адама остается досказать намъ немного.

Ребенка Гетти нашли мертвымъ, ее обвинили и приговорили къ смерти, но приговоръ былъ смягченъ депортаціей. На глубокую и сильную натуру Адама событіе это произвело глубокое и сильное дѣйствіе. Да и могло ли это быть иначе? Онъ такъ любилъ Гетти. Но горе, бывшее бы сокрушительнымъ для болѣе слабой души, было благотворно для Адама. Въ этомъ-то и великое значеніе несчастій и скорбей въ нашей жизни. Мы выходимъ изъ нихъ очищенными и просвѣтленными. Намъ нѣтъ уже возврата «къ прежнимъ слѣпымъ страстямъ, къ самоувѣренному порицанію, къ прежнему легкому взгляду на человѣческія страданія, къ прежнему легкомысленному суду надъ подточенной въ корню жизнью ближняго...» Кротость и снисходительность стали замѣтными чертами въ характерѣ Адама. Въ заботахъ его о матери, въ дружелюбной ласкѣ къ брату Сету проявлялась небывалая до тѣхъ поръ нѣжность. На семьѣ, на домѣ хотѣлъ онъ сосредоточить всю теплоту своего сердца; вмѣстѣ съ потерею Гетти, казалось ему, утратилась въ немъ и способность любить еще разъ въ жизни съ тою же страстью, съ тѣмъ же пыломъ. И дѣйствительно, такая жгучая, такая страстная любовь, какою мы любимъ въ первый разъ, не повторяется. Но неужто это кроткое, смягченное и расширенное горемъ сердце становится вовсе неспособнымъ къ любви, и обрекаетъ лишь на жизнь въ прошедшемъ, въ воспоминаніи о минувшихъ радостяхъ, тревогахъ и надеждахъ? Адамъ былъ еще полонъ жизни и энергіи, и послѣ первой тревожной любви ему пришлось испытать и послѣднюю, свѣтлую и миротворную любовь. «Отчего это — спрашиваетъ исто-

рикъ Гейслопа—поэты говорили такъ много прекраснаго о нашей первой любви, и такъ мало останавливались на позднѣйшей нашей любви? Или первыя стихотворенія ихъ лучшія? или меньше достоинства въ произведеніяхъ той поры, когда мысль ихъ зрѣлѣе, опытность шире и чувства глубже? Въ звонкомъ, какъ флейта, голосѣ отрока есть особенная, весенняя прелесть; но музыка глубже и полнѣе въ голосѣ мужа». И авторъ «Адамъ Бида» не составляетъ исключенія изъ замѣченнаго имъ правила. На послѣдней любви своего героя онъ останавливается не такъ долго, какъ на первой. Нельзя не пожалѣть объ этомъ, хотя и немногія страницы, написанныя Эліотомъ о любви Адама къ Динѣ, блистательно восполняютъ замѣченный имъ пробѣлъ въ произведеніяхъ поэтовъ.

Адамъ всегда симпатизировалъ Динѣ, но сѣмена той прочной любви, которая озарила такимъ теплымъ и спокойнымъ свѣтомъ его зрѣлые годы, заронились въ сердце его вѣроятно въ тѣ минуты, когда онъ терялъ первое любимое существо. Дина явилась такимъ свѣтлымъ, такимъ кроткимъ и любящимъ ангеломъ въ тюрьму несчастной Гетти! Когда въ фермѣ пересталъ раздаваться легкій шагъ и мелодическій голосъ ея красавицы сестры, Дина рѣшилась замѣнить для дяди и тетки отсутствіе ея своими утѣшеніями и заботами по хозяйству. Здоровье Адамовой матери было плохо, и Дина заходила часто къ ней. И дома, и на фермѣ, Адамъ глядѣлъ на нее съ возрастающимъ благоговѣніемъ, хоть и не сознавалъ еще, что это чувство если не сама любовь, то по крайней мѣрѣ рѣшительный шагъ къ любви.

Что касается Дины, она уже любила Адама. Она старалась побороть въ себѣ это новое для нея чувство; но оно было выше ея силъ. Мать Адама первая замѣтила любовь ея къ нему, и сказала сыну о своихъ наблюденіяхъ. Тутъ-то любовь, до сихъ поръ какъ бы дремавшая въ сердцѣ Адама, развернулась въ немъ въ полной силѣ. Онъ посватался къ Динѣ. Предложеніе это повергло дѣвушку въ бездну колебаній: она не знала, бороться ли ей съ желаніями своего сердца, отдаться ли имъ, она не умѣла рѣшить, что̀ согласно съ ея долгомъ, что̀ противно ея призванію свыше. «Съ самаго младенчества — говорила она Адаму — шла я инымъ путемъ; все мое спокойствіе, всѣ мои радости были въ томъ, что у меня нѣтъ своей собственной жизни, своихъ желаній, своихъ нуждъ, что я живу лишь въ Богѣ и въ тѣхъ изъ его созданій, скорби и радости которыхъ Онъ далъ мнѣ уразумѣть».

Дина рѣшилась разстаться на время съ Адамомъ, чтобы испытать себя и узнать волю Божію, и ушла въ Снофильдъ. Тамъ она молилась и просила указаній у Провидѣнія.

Адамъ не выдержалъ долгой разлуки и отправился самъ въ Сноофильдъ узнать рѣшеніе Дины. Они встрѣтились молча; Адамъ не спрашивалъ ничего, и Дина первая заговорила съ нимъ.

«— Адамъ, промолвила она: — это воля Божія. Душа моя такъ связана съ вашей, что безъ васъ я живу лишь половинною жизнью. И въ эту минуту, какъ вы со мной, какъ я чувствую, что сердца наши полны одинаковой любовью, во мнѣ много силы нести и творить волю Отца небеснаго, которой я не слѣдовала до сихъ поръ.

«Адамъ помолчалъ и взглянулъ въ ея открытые, любящіе глаза.

«— Мы уже не разлучимся больше, Дина, пока смерть не разлучитъ насъ.

«И они поцаловались въ глубокой радости.»

Повѣсть заключается гармоническимъ аккордомъ свадебнаго благовѣста.

Въ эпилогѣ мы видимъ черезъ нѣсколько лѣтъ добраго, кроткаго, пассивнаго Сета ласковымъ пѣстуномъ дѣтей брата и бывшей его возлюбленной.

III.

Въ изложеніи нашемъ, разумѣется, нечего искать полноты. Мы могли передать только нѣкоторыя черты главныхъ характеровъ «Адама Бида». Со второстепенными лицами, которыя, какъ мы уже упоминали, не уступаютъ главнымъ по художественной отдѣлкѣ, надо познакомиться изъ самаго романа, такъ же какъ со всею ихъ обстановкой, въ рисовкѣ которой Эліотъ является соперникомъ лучшихъ мастеровъ фламандской школы. Изумительная простота и этихъ подробностей и всего цѣлаго дѣйствуютъ на читателя сильнѣе всякихъ coups de théatre и яркихъ красокъ. Единственнымъ недостаткомъ книги мы считаемъ единственную уступку Эліота старой рутинѣ романовъ, эффектное явленіе всадника (именно Артура), съ приказомъ объ отмѣнѣ казни въ рукѣ, въ ту самую минуту, какъ Гетти идетъ на эшафотъ. Эта сцена занимаетъ всего двѣ странички — немного для трехъ толстыхъ томовъ. Но читатель такъ избалованъ съ самаго начала романа безъискуственностью и естественностію разсказа, что ему кажется чуть не непростительною по изысканности сцена, какими кипятъ почти всѣ романы Диккенса, не роняя ихъ цѣны.

Кромѣ этихъ двухъ страничекъ, по нашему мнѣнію, не за что болѣе упрекнуть Эліота въ его романѣ. Нѣкоторые упрекаютъ его,

зачѣмъ онъ не разсказалъ подробно дальнѣйшей судьбы Гетти въ изгнаніи и ея смерти. Но именно въ этомъ опущеніи видѣнъ, какъ намъ кажется, глубоко-художническій тактъ романиста. Эта неизвѣстность усиливаетъ въ насъ симпатію къ бѣдной Гетти. А именно вся книга Эліота написана какъ будто съ цѣлью заставить насъ, какъ говоритъ «Times», думать лучше о «бѣдной падшей природѣ человѣка».

Говоримъ: какъ будто; потому что вѣроятно Эліотъ не ставилъ себѣ ни этой, ни вообще какой бы то ни было дидактической цѣли. Онъ взялъ изъ всей массы человѣчества нѣсколько лицъ, къ которымъ влекла его симпатія, и постарался анализировать ихъ жизнь, не заботясь о томъ, какія примѣненія можно сдѣлать изъ его анализа. Такъ наука, изслѣдуя законы и факты природы, не хлопочетъ о томъ, что можно извлечь полезнаго для насущныхъ потребностей человѣка изъ этихъ законовъ и фактовъ. И только съ такимъ повидимому безполезнымъ, лишь изъ празднаго любопытства происшедшимъ направленіемъ, наука и искусство творятъ великое для блага человѣка. Эта безполезность есть безкорыстіе, это праздное любопытство — святое стремленіе къ познанію. Приступать къ наукѣ и къ искусству съ заданными себѣ заранѣе результатами — доказательство узости нашей натуры. Паръ открытъ не вслѣдствіе желанія изобрѣсть новый, болѣе удобный и выгодный двигатель; Джонъ Франклинъ ѣхалъ къ полюсу не съ цѣлью завести торгъ тамошнимъ льдомъ. До сихъ поръ сплошь смѣшиваютъ науку съ ея примѣненіями; сплошь требуютъ отъ искусства такой же пользы, какъ отъ поваренной книги. Это все равно, что негодовать, зачѣмъ Кювье занимался ни къ чему непримѣнимой сравнительной анатоміей, а не изобрѣлъ парафиновыхъ свѣчь, зачѣмъ Шекспиръ писалъ свои вѣчныя драмы, а не однодневные памфлеты. Искусство— слово очень неопредѣленное и далеко невыражающее понятія, которое должно бы выражать. Судя по этому слову, это что-то противоположное наукѣ. А между тѣмъ это та же наука (мы говоримъ объ искусствѣ слова) — наука о человѣкѣ, полная гипотезъ, если хотите, но полная и глубокихъ проникновеній въ человѣческую природу—наука тѣмъ болѣе высокая и трудная, что предметъ ея изслѣдованій не поддается осязательному анализу. Еслибъ мы сняли всѣ чары таинственности съ природы, еслибъ опредѣлили дѣятельность каждаго нерва въ нашемъ мозгу и всѣ ихъ взаимныя отношенія и вліянія, то и тогда могли ли бъ мы разгадать мысли и чувства лэди Макбетъ безъ проницательнаго взгляда Шекспира? Одно такое лицо, представленное во всей его жизненной полнотѣ художникомъ, стóитъ всѣхъ нашихъ психологическихъ трактатовъ.

Слова Гамлета о драматическомъ искусствѣ (whose end, both at the first, and now, was, and is, to hold, as 't were, the mirror up to nature: to show virtue her own feature, scorn her own image, and the very age and body of the time, his form and pressure) заключаютъ въ себѣ опредѣленіе и поэзіи вообще. Художникъ, разумѣется, долженъ быть прежде всего сыномъ своего времени, то есть стоять нравственно въ уровень со всѣмъ, чего достигло въ это время человѣчество въ своемъ развитіи; но дѣлать его слугою исключительно этого времени, значитъ ограничивать его кругозоръ, не позволять ему смотрѣть дальше преходящихъ нуждъ и измѣнчивыхъ стремленій.

Эліотъ своимъ романомъ отвѣчаетъ вполнѣ высказаннымъ нами требованіямъ. Философія, выведенная изъ «Адама Бида» рецензентомъ «Times'a», обличаетъ въ новомъ романистѣ человѣка и современнаго, и способнаго нравственно питать послѣдующія поколѣнія. Если вы вздумаете немедленно прилагать къ дѣлу его нравственные принципы, вы найдете, пожалуй, ихъ преждевременными для того хаотическаго состоянія общества, въ какомъ мы живемъ, но уже никакъ не покажутся они вамъ узкими. Узко и печально наше время, въ которомъ слова: терпимость и примиреніе, считаются прекрасными и благородными, но неприложимыми словами. И вѣроятно долго еще человѣчеству ждать поры, когда оно напишетъ эти слова на своемъ знамени, взамѣнъ словъ: вражда и борьба; когда «суровый отпоръ» уступитъ «пламенному натиску».

МИХ. МИХАЙЛОВЪ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

Борьба акціонеровъ разныхъ обществъ съ правленіями и совѣтами этихъ обществъ. — Увлеченіе и поэзія, прокравшіяся въ совѣты и въ правленія. — Фантазія по поводу этого предмета. — Открытіе общества вспомоществованія бѣднымъ литераторамъ. — Русскій купеческій клубъ. — Ремесленныя заведенія въ Петербургѣ. — Праздникъ Шиллера. — Лагруа въ Гугенотахъ. — Г-жа Детессье, изъ театра Variétés. — Открытіе коннаго цирка. — Объявленіе о публичныхъ лекціяхъ въ Пассажѣ. — Китайскіе фокусники-чародѣи. — Слухи о ежедневной политической газетѣ въ Москвѣ: *Наше время*. — Указатель желѣзныхъ дорогъ и навигаціи Россійской имперіи. — Матеріалы для статистики Россіи. — О смерти библіотекаря Ѳ. Ф. Цвѣтаева. — Объявленіе отъ журнала «Le Nord», и прочее.

Акціи, акціонеры, акціонерная компанія, акціонерная полемика, акціонерныя собранія—слова эти несходили съ устъ петербургскихъ жителей въ теченіе всего октября мѣсяца.... Всѣ газеты и журналы наполнены были изобличеніями дѣйствій различныхъ акціонерныхъ обществъ. Въ сентябрѣ львомъ петербургскимъ былъ— Шамиль, въ октябрѣ — г. Серно-Соловьевичъ....

— Смѣлый, неумолимый, рѣшительный, юный боецъ-акціонеръ — выступилъ противъ *увлекающагося* «Сельскаго Хозяина», который хозяйничалъ, какъ извѣстно, не совсѣмъ ловко и даже по сознанію своихъ друзей увлекался до *маленькихъ* злоупотребленій, отчего довелъ дѣла общества *до критическаго положенія*.

Перчатка, брошенная увлекающемуся «Сельскому Хозяину», была поднята тремя лицами: гг. Кокоревымъ, Байковымъ и Фонъ-Дезинымъ. Три человѣка, три силы выступили противъ одного!... Но г. Серно-Соловьевичъ остался побѣдителемъ.... на бумагѣ. Онъ, какъ Давидъ, низложилъ этихъ голіаѳовъ.

Въ послѣднихъ дняхъ октября назначено было собраніе акціонеровъ «Сельскаго Хозяина», для разсмотрѣнія его *увлеченій*.

Всѣ акціонеры (въ Петербургѣ нѣтъ теперь человѣка, который не былъ бы акціонеромъ) всполошились; тѣ, которые не имѣли акцій «Сельскаго Хозяина» нарочно покупали акціи, чтобы имѣть только удовольствіе присутствовать въ этомъ любопытномъ собраніи....

Въ день собранія всѣ петербургскіе *порядочные* люди (я разумѣю подъ этимъ людей со средствами) находились въ неизобразимомъ волненіи.

Всѣ попадавшіеся мнѣ на улицахъ въ это утро предлагали одинъ и тотъ же вопросъ, почти въ такой формѣ:

— Ну что — вы будете вечеромъ *тамъ*?

— Гдѣ тамъ?...

— Какъ гдѣ? да вѣдь сегодня общее собраніе акціонеровъ «Сельскаго Хозяина». Это лучше всякаго спектакля. Непремѣнно надобно быть тамъ.... Поѣзжайте, посмотримъ какъ-то эти господа отдѣлаются!

— Но вѣдь для этого надобно быть акціонеромъ, возражалъ я: — меня не пустятъ туда простымъ зрителемъ....

— Я тоже не акціонеръ, но я нарочно купилъ одну акцію, какъ право на входъ.... Нѣсколько моихъ знакомыхъ сдѣлали тоже — и вы....

— Но.... я впрочемъ остановился на этомъ *но*....

О счастливцы подумалъ я, имѣющіе возможность для удовлетворенія своего любопытства, своей прихоти, бросать десятки и сотни рублей, какъ я вамъ завидую! При моихъ порядочныхъ средствахъ, я едва свожу концы съ концами въ Петербургѣ и не имѣю, къ стыду моему, ни одной акціи — даже общества царскосельской желѣзной дороги, о которой одинъ изъ акціонеровъ ревизовавшихъ дѣйствіе этого общества, написалъ недавно прекрасную статью въ «Экономическомъ Указателѣ». Я рекомендую эту статью тѣмъ благороднымъ и довѣрчивымъ оптимистамъ, которые оскорблены были моими скромными вопросами о печальномъ состояніи этой дороги (См. въ сентябр. книжкѣ мои замѣтки). Но почему же мнѣ было не предложить эти вопросы? Ктому же они были предложены совершенно добродушно, — я могу увѣрить въ этомъ.

Я самъ, милостивые государи, принадлежу къ оптимистамъ. Я убѣжденъ напримѣръ, что если дѣла какого нибудь акціонернаго общества идутъ худо и дивидентъ съ каждымъ годомъ уменьшается, то видно такова уже судьба этого общества. Сохрани меня Боже, подозрѣвать какого нибудь распорядителя, директора или инспектора общества въ чемъ нибудь нечистомъ, незаконномъ и дѣлать намеки на то, что онъ наживаетъ капиталы, дома, дачи и проч.!... Я напротивъ убѣжденъ, что всѣ распорядители, директора и инспектора нашихъ разныхъ акціонерныхъ обществъ трудятся честно, безкорыстно, блюдутъ, какъ Весталки надъ священнымъ огнемъ, надъ выгодами гг. акціонеровъ.... и, оставляя свои должности, не имѣютъ не только домовъ, но насущнаго куска хлѣба! Вотъ до чего доходитъ мой оптимизмъ! Если они губятъ свои общества, то единственно по *увлеченію*...

У кого же поднимется языкъ или перо для того, чтобы нападать на *увлеченіе* и *увлекающихся* людей?

Мы всѣ страдаемъ этою поэтическою слабостію.... администраторы, *комерсанты*, ученые, и прочіе. Поэзія губитъ всѣхъ насъ, начиная съ гг. Кокорева и Байкова.

Послѣ собранія общества «Сельскій Хозяинъ», о которомъ такъ много толковалъ Петербургъ, послѣ этого знаменитаго собранія — люди практическіе, положительные не имѣютъ уже болѣе права подсмѣиваться надъ *увлеченіями* бѣдныхъ поэтовъ.

Въ этомъ собраніи было ясно, неопровержимо доказано, что Таганрогское правленіе довело дѣло до критическаго положенія, вслѣдствіе того, что оно вдалось въ поэзію, *въ увлеченіе*.

И послѣ этого находятся еще господа, которые увѣряютъ, что въ нашъ положительный, практическій вѣкъ нѣтъ мѣста для поэзіи, что будто она погибла!...

Какая нелѣпая мысль! Поэзія торжествуетъ — въ сію минуту, какъ никогда. Это очевидно. Она прокралась даже въ правленіе акціонерныхъ обществъ, завладѣла своими заклятыми врагами — такъ называемыми практическими людьми, кружитъ имъ головы и заставляетъ ихъ *увлекаться*.

Можетъ быть такое самоуправство поэзіи въ дѣлахъ коммерческихъ не совсѣмъ пріятно и выгодно для гг. акціонеровъ, но для насъ — поэтовъ, фактъ этотъ чрезвычайно лестенъ.

Пусть гг. Серно-Соловьевичъ, Погодинъ и другіе горячатся и пишутъ обличительныя статьи, какъ акціонеры, противъ тѣхъ *увлекающихся* господъ, которые распоряжаются ихъ капиталами. Они имѣютъ полное право горячо принимать къ сердцу дѣла касающіяся ихъ кармана.

Но мы не владѣющіе никакими акціями, мы поэты—неимѣющіе никакихъ капиталовъ, живущіе одними увлеченіями, только улыбаемся и думаемъ про себя:

«Какъ поэзія-то жестоко начинаетъ подшучивать надъ практическими людьми!»

Увлеченія правленій акціонерныхъ обществъ видно крайне невыгодны для гг. акціонеровъ.

По этому поводу г. Погодинъ своимъ обрывистымъ и энергическимъ слогомъ, въ статьѣ: «Троицкая дорога», замѣчаетъ:

«Правленіе есть лицо отвлеченное, а намъ нуженъ Иванъ, Григорій, Ѳедоръ, котораго бы мы могли публично отдать на позоръ общественнаго мнѣнія, или надѣть на него гражданскій вѣнокъ; съ правленія, вѣдь всякая глупость и всякая гадость, какъ съ гуся вода....»

Для того, чтобы получить понятіе объ устройствѣ нашихъ обществъ, г. Погодинъ взялъ нарочно десять акцій въ обществѣ Волжско-Донской дороги и прослушавъ отчетъ учредителей, хотѣлъ было сказать нѣсколько словъ о собраніи директоровъ....

«Какъ бы вы думали—говоритъ онъ,—меня долго не допускали говорить, стараясь замять мою рѣчь. Повѣрятъ ли гдѣ нибудь въ Европѣ, чтобы въ публичномъ собраніи частнаго общества, которое собирается съ цѣлію слышать мнѣніе объ общемъ дѣлѣ, участнику заграждались уста? За свой грошъ вездѣ хорошъ; — нѣтъ у нас можно, видно, быть дурну! Если учредители опасались, чтобы я н сказалъ чего нибудь непозволительнаго, такъ вѣдь за слова мои отвѣчать *стали бъ не они, а я—не о двухъ головахъ сущій*? Да что же можно было сказать здѣсь непозволительнаго? Ничего, вѣдь и придумать нельзя. *Каково* пропитаны полицейскимъ духомъ, любезные соотечественники, что даже въ собственномъ дѣлѣ, въ собственномъ домѣ, съ своими деньгами, имъ мерещутся все незванные подслухи и они трусятъ тѣней, заикаются, мямлятъ и обманываютъ самихъ себя. Вѣроятно, господа-учредители думали, что я предложу что нибудь несогласное съ ихъ распоряженіями. Ну, да вѣдь акціонеры не обязаны думать такъ, какъ думаютъ учредители.... *Я просто хотѣлъ уже плюнуть и уйти,* но министръ финансовъ пожелалъ услышать мое мнѣніе....» и проч.

Борьба гг. акціонеровъ съ учредителями общества, ихъ совѣтами и правленіями, какъ видите, открытая.... Изобличительное краснорѣчіе льется шумнымъ потокомъ. Ктó правъ, ктó виноватъ? На чьей сторонѣ истина? Я этого не рѣшаю, это не мое дѣло, но во всякомъ случаѣ очевидно, что совѣты, правленія, администраціи обществъ постоянно *увлекаются*, къ огорченію акціонеровъ.

Впрочемъ, несмотря на громкіе, шумные и рѣзкіе изобличенія гг. акціонеровъ — совѣты и правленія не слишкомъ боятся этихъ изобличеній; *увлекающіеся* практическіе господа, составляющіе эти правленія и совѣты знаютъ очень хорошо, что изобличители-акціонеры принадлежатъ также къ людямъ *увлекающимся* и что съ *увлекающимся непрактическими* людьми ладить всегда очень легко и удобно.

Это можно пояснить примѣромъ.

Положимъ, что я сдѣлался бы акціонеромъ какого нибудь общества. Надобно сказать, что я человѣкъ совершенно непрактическій.... Я нарочно беру въ примѣръ *самаго себя*, чтобы отвратить отъ себя всякое подозрѣніе въ желаніи изобразить какую нибудь извѣстную личность....

По этому поводу однако же я позволяю сдѣлать себѣ прежде небольшое отступленіе.

Нѣкоторые мои враги и даже друзья (разницы въ томъ нѣтъ большой, — это замѣчалъ еще Пушкинъ) единогласно обвиняютъ меня въ томъ, будто бы я въ моихъ скромныхъ замѣткахъ, постоянно выставляю или ихъ, или ихъ пріятелей.

Изображу ли я, напримѣръ, какого нибудь господина съ большими глазами, цвѣта и формы владимірскихъ вишень,—они мгновенно закричатъ: «О, да это нашъ Василій Егорычь!» потому только, что у Василья Егорыча глаза дѣйствительно нѣсколько похожи на помянутыя вишни, хотя въ остальномъ изображеніи нѣтъ ни малѣйшаго сходства съ Васильемъ Егорычемъ; они непремѣнно побѣгутъ къ Василью Егорычу и почти увѣрятъ его, что я выставилъ его въ каррикатурѣ, — и почтенный Василій Егорычъ, котораго я истинно уважаю (несмотря на его владимірскія вишни), послѣ этого станетъ обращаться со мной несравненно холоднѣе прежняго....

Заставлю ли я какое нибудь изображаемое мною лицо, несуществующее и никогда несуществовавшее въ дѣйствительности, сказать про кого нибудь: «однако надобно сознаться, что этотъ господинъ — порядочный *хамъ!*», всѣ мои друзья и враги, злобно улыбнувшись, закричатъ въ одинъ голосъ: «читали ли вы последнія замѣтки Новаго Поэта? Онъ въ нихъ отдѣлалъ своего стараго пріятеля Александра Петровича, и вообразите—сходство удивительное, какъ двѣ капли воды!» А между тѣмъ сходства нѣтъ ни малѣйшаго, — одно только, что Александръ Петровичъ употребляетъ иногда въ разговорѣ слово *хамъ*.... Хорошо еще, что Александръ Петровичъ смѣется надъ этими толками, которые доходятъ до него и что никакая глупая сплетня не можетъ измѣнить нашихъ отношеній....

Вздумается ли мнѣ предать гласности нѣсколько пошлыхъ фразъ какого нибудь отсталаго, пережившаго себя и свое время господина, всѣ начинаютъ подмигивать и толковать, что я не щажу даже людей *близкихъ* мнѣ, хотя отъ *близкихъ* мнѣ людей я никогда не слыхалъ такихъ фразъ.

Въ Петербургѣ существуетъ, очевидно, особый классъ людей, удостоивающихъ прочитывать мои замѣтки единственно для того, чтобы отыскивать въ выставляемыхъ мною лицахъ сходство съ тѣмъ, или другимъ извѣстнымъ лицомъ, или намеки на то или на другое извѣстное лицо....

Нѣтъ! Мы мало привыкли къ гласности. Гоголь остроумно замѣтилъ, что если изобразишь въ своей литературѣ какого нибудь коллежскаго асессора, то всѣ коллежскіе асессоры на Руси непремѣнно почтутъ долгомъ обидиться. Такова у насъ до сихъ поръ участь всѣхъ, изображающихъ современные нравы великихъ и маленькихъ писателей.

Если бы я вздумалъ, напримѣръ, сказать мимоходомъ, что *такой-то* господинъ, занимающій въ Германіи, во Франціи или гдѣ бы то ни было на западѣ—*такую-то* должность, нажилъ себѣ нѣсколько домовъ не совсѣмъ законно, — въ Петербургѣ, Москвѣ и Казани непремѣнно нашлись бы такіе господа, которые бы приняли это за намекъ на свой счетъ, потому только, что они занимаютъ въ этихъ городахъ подобныя должности....

— Это клевета! возопили бы они: — мы не наживали домовъ на службѣ, а если и имѣемъ ихъ, то пріобрѣли ихъ еще до вступленія въ занимаемую нами должность.

И прекрасно, господа! Я не сомнѣваюсь въ вашей честности. Вольно же вамъ всякую печатную строку принимать на свой счетъ....

Прося извиненія за это отступленіе, я обращаюсь къ самому себѣ.

Положимъ, говорю я, что я акціонеръ какого нибудь общества,— я человѣкъ непрактическій и *увлекающійся*. Положимъ, что учредители этого общества — люди съ милліонами, *слѣдовательно* чрезвычайно практическіе. Положимъ, что вслѣдствіе вліянія этихъ чрезвычайно практическихъ людей, администрація общества поручается лицу или лицамъ, которыхъ они рекомендуютъ и что эти лица, или это лицо, доводятъ общество до послѣдней крайности, то есть до ликвидаціи.

Я — человѣкъ непрактическій, добродушный, *увлекающійся*, но рѣшительный и смѣлый, надѣленный притомъ до извѣстной степени краснорѣчіемъ и владѣющій бойкимъ перомъ, — начинаю моимъ

языкомъ и перомъ разоблачать злоупотребленія администраціи общества.... Всѣ непрактическіе и рьяные акціонеры, разумѣется, присоединяются къ моему голосу и требуютъ торжественно отчета отъ общества, ревизіи его дѣйствій.

Мои рѣчи и мои статьи возбуждаютъ всеобщее любопытство. Я становлюсь въ нѣкоторомъ родѣ героемъ и воображаю, что я уничтожу практическихъ милліонеровъ съ ихъ клевретами, какъ будто для этого достаточно одного краснорѣчія!...

Предположимъ, что назначается экстраординарное собраніе для ревизіи дѣйствій воображаемаго мною общества.

Это собраніе почти вызвано мною — и я заранѣе радуюсь уже своей побѣдѣ; мои знакомые и друзья, — люди тоже, какъ и я, непрактическіе, горячіе, увлекающіеся, — предвкушаютъ также мою побѣду и съ большимъ чувствомъ пожимаютъ мнѣ руки. Они смотрятъ на меня съ нѣкоторымъ умиленіемъ, какъ на геніальнаго молодаго человѣка, что̀ мнѣ, разумѣется, очень лестно....

Наступаетъ день, въ который милліоны должны быть опозорены, а бѣдная, нагая истина должна торжествовать во всемъ блескѣ.

Зала собранія набита биткомъ. Всѣ сердца бьются нетерпѣливымъ любопытствомъ.

Всѣмъ намъ, людямъ увлекающимся, кажется, что мильонеры-учредители въ смущеніи.

Собраніе открывается.

Я выступаю обвинителемъ, познакомившись, разумѣется, какъ и слѣдуетъ, съ мельчайшими подробностями дѣйствій общества. Я во всеоружіи передъ лицомъ моихъ противниковъ.

Начинается изобличеніе по пунктамъ.

Я разгорячонъ и краснорѣчивъ, какъ никогда. Рѣчь моя во многихъ мѣстахъ прерывается одобрительнымъ гуломъ собранія. Картина дѣйствій общества, представленная мною, ужасна! Всѣ пожимаютъ плечами, покачиваютъ головами и прочее. Я торжествую.

— Ну, думаю я, окончивъ и вытирая потъ съ лица: — каково я изобличилъ ихъ? Что̀ имъ сказать противъ этого? Мильонеры съ ихъ клевретами должны погибнуть теперь окончательно въ общественномъ мнѣніи, и честь эта принадлежитъ мнѣ, одному мнѣ. Я могу воскликнуть, какъ Трибуле Гюго:

Qui donc a fait cela? (croisant les bras)
Hé bien oui, *c'est moi seul!*
Non, je ne reviens pas d'avoire eu la victoire,
Et les peuples demain refuseront d'y croire . .
Que dira l'avenir? и проч.

Въ эту минуту раздается могущественный голосъ, спокойный и твердый, одного изъ мильонеровъ.

— Я прошу слова!

Открытое и широкое чело его подернуто глубокомысленными морщинами, онъ устремляетъ на меня взоръ, исполненный достоинства. Видно, что этотъ господинъ обстрѣленъ гласностію и не боится ее нисколько, чувствуя себя твердымъ, подобно каменной стѣнѣ, и разсматривая мои краснорѣчивыя рѣчи въ видѣ горока... не болѣе.

Эта наглость меня бѣситъ, но я удерживаю себя и только бросаю на него молніеносный взглядъ.

Мильонеръ начинаетъ:

— Спасибо вамъ, душевное, русское спасибо за вашу превосходную рѣчь. Отрадно сердцу русскаго, пламенно любящему матушку святую Русь, думать, что молодое наше нынѣшнее поколѣніе пропитано такими возвышенными, благородными чувствами, одарено такими ораторскими талантами, какой вы сейчасъ обнаружили передъ нами.... Слава Господу! Въ будущемъ Россіи сомнѣваться нельзя, видя и слушая такихъ, какъ вы, молодыхъ людей и вамъ подобныхъ. Велико будетъ значеніе русскаго человѣка современемъ въ мірѣ и придутъ времена, когда весь міръ преклонится передъ русскимъ человѣкомъ. Задатки этого мы уже имѣемъ, — я укажу на васъ самихъ, благородный молодой человѣкъ. Я скажу смѣло, что вы одинъ изъ этихъ задатковъ....

Воздавъ вамъ должное и русскимъ спасибо, возблагодаривъ васъ за то, что вы собою еще разъ подтвердили мнѣ мысль, которую я ежечасно всѣмъ толкую, которой я живу и дышу, — то есть то, что русскій человѣкъ широкъ, благороденъ, уменъ, глубокъ, проницателенъ и несравненно выше всѣхъ людей земнаго шара, — я перехожу къ дѣлу.

Ваши обвиненія падаютъ на распорядителей и на всѣхъ учредителей общества, слѣдовательно и на меня, — я скажу болѣе—преимущественно на меня. Не такъ ли?

И мильонеръ смолкаетъ на минуту, какъ бы въ ожиданіи моего отвѣта.

— Да, и на *васъ*! произношу я твердо, но уже нѣсколько смягченнымъ голосомъ, потому что по добродушію моему и отчасти по слабости человѣческаго самолюбія вообще, я уже нѣсколько обезоружился лестнымъ для меня вступленіемъ мильонера. Это дурно, я знаю; но вѣдь сознаніе есть половина исправленія, а сознаніе передъ лицомъ всей Россіи, какъ это я дѣлаю теперь, можетъ считаться, конечно, уже полнымъ исправленіемъ.

— Прекрасно! продолжаетъ мильонеръ. — Не полагаете ли вы, что я стану защищать дѣйствія администраціи общества, буду увѣрять, что дѣла общества хороши, что они ведены какъ слѣдуетъ и тому подобное? Нѣтъ, это было бы противъ истины, которой я служу всю жизнь мою, какъ честный слуга служитъ своей барынѣ. Истина — моя барыня и мнѣ дороги ея интересы....

При семъ мильонеръ ударяетъ себя кулакомъ въ свою широкую грудь.

Факты, представленные вами въ вашей безподобной рѣчи, по большой части неопровержимы, — противъ этого я ничего не скажу; но мы съ вами расходимся въ томъ, что вы заподозрѣваете администрацію общества и одного изъ его главныхъ распорядителей въ томъ, что они дѣлали злоупотребленія *умышленно*, въ видахъ личной выгоды пренебрегали выборами компанейщиковъ. Въ этомъ я не могу согласиться съ вами, благородный и краснорѣчивый юноша!

Нѣтъ! (указывая на главнаго распорядителя, который скромно потупляетъ глаза) нашего почтеннѣйшаго Максима Григорьича должно обвинять не въ злоупотребленіяхъ, а развѣ упрекнуть *въ увлеченіяхъ*. Дѣйствительно, онъ *увлекался* въ слѣдствіе своей горячей натуры, но *увлекался* въ видахъ пользы общества, хотя, къ величайшему сожалѣнію, эти *увлеченія* привели общество къ печальнымъ результатамъ.

Принявъ это въ соображеніе, мы скорѣе должны сожалѣть, чѣмъ обвинять достойнаго Максима Григорьича.... И вы, молодой человѣкъ, исполненный такихъ возвышенныхъ стремленій, такихъ благородныхъ увлеченій, — вы, вѣрно, не станете бросать камня въ человѣка *увлекшагося*. Увлеченія по преимуществу свойственны молодымъ кипучимъ людямъ,—*увлекаются* только натуры горячія, широкія натуры, — и обвинять нашего почтеннаго Максима Григорьича за то, что онъ сохранилъ юношескій пылъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ и вслѣдствіе этого позволилъ себѣ *увлечься*, было бы жестоко и несправедливо... Конечно, отъ его увлеченій страдаемъ всѣ мы, или, вѣрнѣе, наши карманы, но все-таки какъ хотите, господа, а *увлеченіе* принадлежитъ къ благороднымъ свойствамъ человѣческой натуры....

Я и всѣ *увлекающіеся* и непрактическіе акціонеры были не то, чтобы тронуты этими словами, но ожесточенные противъ Максима Григорьича сердца наши немного смягчились. «Что жь? въ самомъ дѣлѣ онъ можетъ быть *увлекся!*» подумалъ я и взглянулъ въ эту минуту на Максима Григорьича.

Бѣдная жертва *увлеченій* молчала и только по временамъ моргала глазами, — она представляла плачевное зрѣлище, но несмотря однако на это, мы потребовали формальной ревизіи.

— Ревизія ревизіи розны! воскликнулъ мильонеръ-ораторъ,—положа руку на сердце, — я долженъ сказать вамъ, что если эта ревизія будетъ имѣть видъ формальнаго слѣдствія, — общество наше окончательно погибло и я противъ такой ревизіи; если же ревизія будетъ имѣть видъ, такъ сказать, домашній, если мы произведемъ ее скромно, невынося сора изъ избы — это другое дѣло — и мы съ своей стороны не прочь отъ такой ревизіи.... Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, лучше бы обойтись безъ этого.... По моему, лучше было бы обновить составъ правленія. Вы краснорѣчивый и исполненный возвышенныхъ чувствъ молодой человѣкъ (мильонеръ съ чувствомъ взглянулъ на меня), вѣроятно, не откажетесь быть членомъ правленія, а нѣтъ сомнѣнія, что вы будете выбраны въ члены единодушно, — по крайней мѣрѣ *наши* голоса въ пользу вашу. Тогда вы сойдетесь ближе съ почтеннымъ Максимомъ Григорьичемъ и убѣдитесь въ томъ, что онъ не злоупотреблялъ, а *увлекался*...

Максимъ Григорьичъ съ умиленіемъ остановилъ на мнѣ свои глазки, подернутые масломъ, и какъ будто хотѣлъ произнести:

— Да-съ, я *увлекался!*...

Но я съ негодованіемъ отвергъ предложеніе мильонера, объявивъ наотрѣзъ, что я въ правленіи быть не желаю, особенно съ Максимомъ Григорьичемъ.

Послѣ моего отвѣта, Максимъ Григорьичъ потупилъ глазки и опустилъ голову.

Затѣмъ начали собирать голоса о ревизіи. Большинство признало ее необходимымъ.

Засѣданіе было пріостановлено на четверть часа для отдыха.

Во время антракта практическіе члены общества, сторонники мильонеровъ и самые мильонеры окружили насъ, людей молодыхъ, краснорѣчивыхъ и непрактическихъ и начали разсыпаться передъ нами въ любезностяхъ, давъ намъ почувствовать, что всякая ревизія безполезна, что дѣло это надо кончить миролюбиво, не горячась; что они, мильонеры, готовы скупить у насъ всѣ акціи по ихъ первоначальной цѣнѣ, что они всѣ дальнѣйшія дѣйствія общества принимаютъ на свою отвѣтственность и не будутъ впредь допускать никакихъ *увлеченій*.

Вся наша горячность мгновенно потухла; мы согласились взять назадъ наше мнѣніе о ревизіи; буря же, кипѣвшая во мнѣ, совершенно почти утихла и окончательная рѣчь, которою я долженъ

былъ разгромить и разрушить правленіе, замерла во мнѣ, когда мильонеръ-ораторъ, въ сильномъ волненіи, со слезой на рѣсницѣ, сжалъ мою маленькую руку въ своей мощной ладони и произнесъ:

— Я надѣюсь, что мы изъ враговъ сдѣлаемся друзьями. Я увѣренъ, что вы поймете меня, а я уже васъ понялъ и глубоко уважаю.... Вы одна изъ надеждъ матушки Россіи — позвольте же мнѣ прижать васъ къ моему сердцу. Оно исполнено къ русской землѣ неограниченною любовію. Все талантливое русское мнѣ родное, вслѣдствіе того я и васъ считаю своимъ роднымъ!

У меня невольно показались на глазахъ слезы и я очутился въ объятіяхъ мильонера-оратора.

Когда засѣданіе снова открылось, — онъ объявилъ, что гг. компанейщики берутъ назадъ свои голоса о ревизіи, что ревизіи не будетъ, что они, мильонеры, скупаютъ акціи у недовольныхъ и затѣмъ берутъ все въ свое распоряженіе.

— Что жъ — мы все-таки достигли своей цѣли! сказалъ я одному акціонеру, моему другу, сходя вмѣстѣ съ нимъ съ лѣстницы, однако чувствуя какую-то внутреннюю неловкость. — Побѣда все-таки за нами. Мы ничего не потеряли на своихъ акціяхъ, а дѣла общества теперь вѣрно пойдутъ прекрасно, потому что мильонеры не за хотятъ потерять свою репутацію, — да и они, право, прибавилъ я со вздохомъ: — люди не дурные и несомнѣнно умные. Въ этомъ нельзя не сознаться... И Максимъ Григорьичъ.... кто его знаетъ— можетъ быть онъ и въ самомъ дѣлѣ *увлекался*, несчастный!..

Странно! Входя въ залу собранія я чувствовалъ въ себѣ силы — льва; выходя изъ нее, я ощущалъ кротость — ягненка, — и самъ удивлялся этому.

Кажется, впрочемъ, что всѣ мы—люди увлекающіеся и непрактическіе таковы. Въ насъ, говоря откровенно, очень мало твердости и послѣдовательности. На словахъ мы неумолимы, страшны, — а въ сущности просто добрые и сговорчивые малые, и если умный и ловкій противникъ съумѣетъ погладить во время и кстати бархатной перчаткою наше самолюбіе, — мы мгновенно слабѣемъ, разнѣживаемся, связываемъ добровольно самихъ себя и связанные отдаемся ему въ руки, а впослѣдствіи приходимъ въ ужасъ, негодованіе, изумленіе и пр., если онъ поступитъ съ нами нѣсколько круто и не согласится развязать намъ наши руки, которые мы же сами связали.

Такъ и во всемъ — не въ однихъ акціонерныхъ обществахъ!

Но какъ бы то ни было, да здравствуетъ *увлеченіе*, потому что увлекаться способны только избранныя натуры!... Конечно, тамъ,

гдѣ требуется разсчетъ, гдѣ играетъ главную роль цифра. Увлеченіе, какъ мы видѣли, бываетъ не совсѣмъ кстати; но за то, что можетъ быть возвышеннѣе увлечься, напримѣръ, какою нибудь прекрасною, благодѣтельною мыслію, преслѣдовать ее неослабно, — увлечь ею другихъ и наконецъ насладиться ея осуществленіемъ.

Это наслажденіе вполнѣ ощущаетъ теперь А. В. Дружининъ, которому, какъ я уже говорилъ, принадлежитъ первоначальная мысль учрежденія у насъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Общество открылось 8 ноября. Члены-учредители, изъ которыхъ многіе узнали только впервые изъ 238 № «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» о томъ, что они учредители, собрались въ залѣ г. министра народнаго просвѣщенія для избранія членовъ комитета, согласно § 20 устава. Членами комитета избраны слѣдующія лица:

Кавелинъ, Ковалевскій (Е. П.), Чернышевскій, Галаховъ, Дружининъ, Дудышкинъ, Заблоцкій, Ламанскій, Никитенко, Тургеневъ, Анненковъ и Краевскій.

Члены комитета избрали изъ себя:

Президентомъ общества — Е. П. Ковалевскаго.

Вице-президентомъ К. Д. Кавелина.

Секретаремъ А. Д. Галахова

и казначеемъ А. А. Краевскаго.

Всѣ люди читающіе и образованные, — я убѣжденъ въ этомъ, — пожелаютъ быть членами этого благодѣтельнаго общества, а люди со средствами будутъ, кромѣ того, поддерживать его своими пособіями. Литература въ настоящее время стремится къ тому, чтобъ сдѣлаться выразительницею общественнаго мнѣнія и представительницею общественныхъ интересовъ, насколько это можно, — и общество теперь не можетъ уже оставаться хладнокровнымъ къ участи бѣдныхъ писателей.

Мы же, люди пишущіе, должны по преимуществу принять искреннее и горячее участіе въ дѣлѣ, столь близкомъ намъ, и всѣми зависящими отъ насъ средствами способствовать къ его поддержанію и процвѣтанію.

Таково наше убѣжденіе; но при этомъ случаѣ не можемъ не замѣтить, что мы, такъ прекрасно разсуждающіе и пишущіе о пользѣ гласности, такъ горячо защищающіе коллегіальные принципы, такъ современно, здраво и зрѣло обо всемъ разсуждающіе и проч., — не умѣемъ еще взяться, какъ слѣдуетъ, ни за какое общественное дѣло. Я никого не осуждаю, а заявляю только фактъ, что всѣ мы таковы, — и осуждать насъ за это было бы нелѣпо, потому что до сихъ поръ

гражданская и общественная дѣятельность совершенно чужда намъ... Въ теоріи мы не остали ни отъ кого, а на практикѣ, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, которые представляются намъ, оказываемся очень слабы.

Я сказалъ, что первоначальная мысль учрежденія у насъ общества пособія бѣднымъ литераторамъ и ученымъ принадлежитъ г. Дружинину. Г. Дружининъ сообщилъ объ ней двумъ или тремъ своимъ литературнымъ пріятелямъ, Пріятели его сообщили своимъ пріятелямъ и такимъ образомъ собралось семь или восемь человѣкъ, которые стали собираться и толковать объ этомъ предметѣ. Они такъ увлеклись имъ, что совершенно забыли, или можетъ быть не нашли нужнымъ, сообщить объ этомъ другимъ своимъ собратамъ, которые вѣроятно желали бы принять не менѣе горячее участіе въ этомъ дѣлѣ. Все совершилось тайкомъ, келейнымъ, домашнимъ образомъ, и когда уже уставъ общества былъ Высочайше утвержденъ, гг. составители устава и учредители признали не лишнимъ расширить свой кругъ и дать знать объ этомъ нѣкоторымъ извѣстнымъ литераторамъ и журналистамъ прямо, или черезъ другихъ лицъ.

Такой образъ дѣйствія *въ настоящее время, когда гласность*.... и прочее — довольно страненъ.

И почему въ числѣ учредителей общества мы не встрѣчаемъ многихъ извѣстныхъ нашихъ литераторовъ и въ томъ числѣ г. Гончарова, тогда какъ между именами ихъ попадаются имена вовсе неизвѣстные въ литературѣ, какъ напримѣръ гг. Албертини и Бестужева-Рюмина?

Но все это мы замѣтили кстати и мимоходомъ. По всей вѣроятности г. Гончаровъ и другіе извѣстные литераторы, которыхъ мы не нашли въ спискѣ учредителей, примутъ участіе въ обществѣ и всѣ единодушно будутъ способствовать его процвѣтанію....

Въ Петербургѣ основалось еще общество, или вѣрнѣе клубъ, подъ названіемъ *русскаго купеческаго собранія*. Главная цѣль этого общества, какъ сказано въ объявленіи,—*доставить средство къ развлеченію людямъ совершеннаго возраста*. «Здѣсь, продолжаетъ объявленіе, собираться будутъ въ кругу семейномъ лица обоего пола, какъ въ купеческомъ клубѣ въ Москвѣ. Учредители общества приглашаютъ желающихъ записываться въ кандидаты.

Комиссія, (о которой мы уже кажется упоминали въ нашихъ замѣткахъ) назначенная для осмотра ремесленныхъ заведеній въ Петербургѣ подвизается очень дѣятельно, если судить по ея отчетамъ, которые представляютъ любопытные факты.

Между прочими, коммиссія нашла у одного чеканнаго цеховаго мастера въ мастерской 12 учениковъ. Мастерская — небольшая, грязная комната, въ которой нестерпимый, удушливый воздухъ. Ученики спятъ въ этой же комнаткѣ въ повалку на грязныхъ тюфякахъ, или даже вовсе безъ постельныхъ принадлежностей, на грязномъ полу.

Лѣтомъ они носятъ халаты, зимой — тулупы, сапоговъ у иныхъ вовсе нѣтъ, а у другихъ изодранные: рубахъ только по двѣ, кормятъ ихъ плохо и въ довершеніе всего милый хозяинъ бьетъ ихъ *молоткомъ по головѣ и по чемъ попало;* а работаютъ они отъ 6 часовъ утра до 9 вечера!

Замѣчательно, что по офиціальнымъ свѣдѣніямъ можно предположить, что изъ десяти хозяиновъ-мастеровыхъ, одинъ обращается съ своими учениками *почеловѣчески.*

Коммиссія сочла удобнымъ печатать только имена добросовѣстныхъ хозяевъ, — а дурныхъ и безчеловѣчныхъ хозяевъ она не называетъ по именамъ. Напрасно. Не мѣшало бы предавать позору имена послѣднихъ.

Читатели наши знаютъ, какъ во всѣхъ главныхъ городахъ Европы торжественно праздновалось столѣтіе со дня рожденія Шиллера.... И у насъ въ Петербургѣ этотъ день скромно отпраздновали только въ музыкальномъ нѣмецкомъ обществѣ (Sing-Academie), гдѣ былъ исполненъ, между прочимъ, Диѳирамбъ» Шиллера и двѣ любительницы пропѣли: «Прощаніе Гектора», положенное на музыку Шубертомъ.

Г. Гербель — издатель сочиненій Шиллера — послалъ въ комитетъ, учрежденный для празднованія столѣтняго юбилея въ память Шиллера въ Марбахѣ (мѣстѣ рожденія поэта) экземпляръ доселѣ изданныхъ имъ на русскомъ языкѣ сочиненій Шиллера, при слѣдующемъ письмѣ:

«Наступающій столѣтній юбилей Шиллера празднуется всѣми образованными народами Европы. Сочувствіе къ великому поэту отозвалось и у насъ. Имя Шиллера давно родное русскимъ. Мы съ дѣтскихъ лѣтъ учимъ его стихи, смотримъ на сценѣ его драмы; вліяніе его на молодую русскую литературу было сильно и благотворно. Въ послѣднее время сдѣлалось возможнымъ издать полное собраніе сочиненій Шиллера въ русскомъ переводѣ. Счастливый трудъ этотъ, въ которомъ приняли дѣятельное участіе наши лучшіе поэты, выпалъ на мою долю. Онъ еще не вполнѣ конченъ; но вышедшіе доселѣ шесть томовъ я рѣшился переслать вамъ, милостивые государи, какъ посильную дань моего благоговѣйнаго поклоненія генію

Шиллера, и свидѣтельство, что имя его чтится и въ Россіи наравнѣ съ націями, опередившими наше отечество въ наукѣ и искусствѣ.»

О театрахъ мы на этотъ разъ много говорить не будемъ.

Скажемъ только, что г-жа Лагруа послѣ «Нормы» и «Отелло» пѣла въ «Гугенотахъ», что успѣхъ ея въ этой оперѣ былъ такъ же блистателенъ, какъ и въ двухъ первыхъ и что петербургская публика убѣдилась вполнѣ, что г-жа Лагруа—прекрасная пѣвица и замѣчательная актриса.

Оперныя представленія въ октябрѣ не отличались разнообразіемъ. — Причиною тому была болѣзнь нѣкоторыхъ изъ артистовъ и, между прочимъ, г. Кольцоллари. Скоро мы услышимъ новаго баритона г-на Жиральдони въ «Трубадурѣ» (Trovatore), роль Леоноры будетъ пѣть г-жа Лагруа, роль Азучены г-жа Нантье-Дидье.

Г-жа Розати производитъ большой эффектъ въ балетѣ «Корсаръ». Въ самомъ дѣлѣ, она чрезвычайно мила въ этомъ балетѣ.

На французскомъ театрѣ дебютировала въ комедіи Скриба: «Une femme qui se jette par la fenêtre» г-жа *Летесье* (изъ театра Variétés), не безъ успѣха.

Возобновленный Михайловскій театръ откроется, говорятъ, въ концѣ ноября.

Конный циркъ открылъ уже свои представленія покуда въ экзерциръ-гаузѣ, въ Большой Мильонной улицѣ, напротивъ Эрмитажа.— Труппа этого цирка составлена довольно удачно.

Въ такъ-называемомъ дѣтскомъ механическомъ театрѣ даютъ представленія какіе-то китайскіе фокусники-чародѣи *Дамъ-Унгъ* и *А-Конгъ*.

«Упомянутые магики изъ Кантона, какъ извѣщаетъ афиша, «знаменитѣйшіе *ножеметатели и огнеѣды* въ поднебесной имперіи, *изобилующей* разными, европейцамъ до сихъ поръ неизвѣстными, фокусами и чарами, славятся во всей Азіи и главнѣйшихъ городахъ Европы, своею неимовѣрною и неподражаемою ловкостью, при исполненіи самыхъ труднѣйшихъ и эффектныхъ китайскихъ штукъ.

«Г. Юліусъ-Гебхартъ, пригласивъ къ себѣ,—продолжаетъ афиша,—«этихъ двухъ знаменитыхъ чародѣевъ, съ цѣлью *показать петербургскимъ жителямъ настоящихъ китайцевъ, столь интересныхъ въ современности* (это прелестно!), покорнѣйше проситъ почтеннѣйшую публику»... и прочая.

Публичныя лекціи въ Пассажѣ откроются въ концѣ ноября.

Академикъ *Железновъ* будетъ читать о «Сельскомъ Хозяйствѣ» (6 лекцій).

Г. *Ходневъ* — (12 лекцій) специальное разсмотрѣніе трехъ промышленностей: 1) полученіе сала и стеарина, 2) приготовленіе консеровъ и 3) искусственное добываніе соды.

Профессоръ Пеликанъ — физіологія питанія человѣка. Основанія целлюлярной патологіи (20 лекцій).

Генеральнаго штаба полковникъ *Романовскій* о Кавказѣ.

Академикъ *Ленцъ* о техническихъ примѣненіяхъ и о теоріи гальванизма.

Г. *Калиновскій* — о свободной торговлѣ.

Торговый домъ гг. Пахитонова, Водова и Струговщикова надѣется, сверхъ того, посвятить часть лекцій и другимъ современнымъ вопросамъ, напр. военной администраціи.

Надо предполагать, что петербургская публика поддержитъ это прекрасное предпріятіе, и что нынѣшнюю зиму аудиторія Пассажа будетъ полнѣе, чѣмъ въ прошломъ году.

Литературныхъ сюрпризовъ къ новому году готовится очень много....

Мы слышали, между-прочимъ, и изъ достовѣрныхъ источниковъ, что автору извѣстныхъ повѣстей и остроумному критику графа Соллогуба (см. разборъ комедіи «Чиновникъ» въ Русскомъ Вѣстникѣ, 1856), — *Н. Ф. Павлову* дозволено издавать въ Москвѣ *ежедневную политическую* и литературную газету, подъ заглавіемъ: «Наше время».

Это извѣстіе насъ очень радуетъ.

Укажемъ на вышедшій въ послѣднее время второй выпускъ *Матеріаловъ для статистики Россіи, собираемыхъ по вѣдомству министерства государственныхъ имуществъ.*

Въ этомъ выпускѣ заключаются: 1) извлеченія изъ свѣдѣній, собранныхъ при оцѣнкѣ земель и промысловъ казенныхъ селеній Ярославской губерніи.

I. Пахатныя земли.

II. Сѣнокосы.

III. Выгоны.

IV. Усадебныя земли.

V. Промыслы государственныхъ крестьянъ.

VI. Цѣны на земледѣльческіе продукты.

VII. Выводы и оцѣнка казенныхъ селеній.

2) среднія цѣны на рожь и другіе хлѣба, собранные оцѣночными коммиссіями и отрядами по 33 губерніямъ, 3) О величинѣ наемной платы за разныя семейныя угодья по 8 губерніямъ, 4) продажныя цѣны на земли въ Самарской губерніи, и 5) о пространствѣ земельныхъ угодій, состоящихъ въ пользованіи государственныхъ крестьянъ.

Изданъ недавно *Указатель желѣзныхъ дорогъ и навигацій Россійской имперіи, составленный по оффиціальнымъ даннымъ и соотвѣтствующій главнѣйшимъ линіямъ европейскихъ желѣзныхъ дорогъ. Одобренный департаментомъ желѣзныхъ дорогъ.*

Ухъ.... какое длинное заглавіе,—духъ захватываетъ! Для часто путешествующихъ по желѣзнымъ дорогамъ, эта брошюрка небезполезна. При брошюрѣ приложена карта желѣзныхъ дорогъ въ Россіи.

Говоря о книгахъ и брошюрахъ, невольно вспоминаешь о *Ѳедорѣ Фроловичѣ Цвѣтаевѣ*, которому была извѣстна вся русская литература, какъ никому, въ Россіи, начиная отъ перваго изданія Кантемира до послѣдней вновь вышедшей и никому неизвѣстной книжонки. Кому изъ любителей русской литературы не былъ знакомъ *Ѳедоръ Фроловичъ*? Онъ болѣе 30 лѣтъ стоялъ на стражѣ русской литературы за прилавками книжныхъ магазиновъ, начиная съ магазина Плавильщика у Синяго моста.

Онъ составлялъ смирдинскій катологе,—онъ самъ былъ живымъ катологовъ русской литературы, потому что владѣлъ изумительною памятью. Библіофилы произносили его имя съ благоговѣніемъ. Всѣ посѣтители книжныхъ магазиновъ любили его за его необыкновенную внимательность услужливость и предупредительность; всѣ литераторы послѣднихъ 30 лѣтъ, начиная съ Пушкина, дружески улыбались ему и пожимали его руку.... Добраго Ѳедора Фроловича не стало. Миръ праху его!... И, кажется, ни одинъ литераторъ не проводилъ его до могилы.... Это грустно.

Журналъ «Le Nord» просилъ насъ напечатать слѣдующее объявленіе:

«Частныя жалобы, доходившія до редакціи журнала «Le Nord» о неисправномъ полученіи въ Россіи нумеровъ этой газеты, заставляютъ, при предстоящемъ абониментѣ на новый 1860 годъ, заблаговременно обратить вниманіе читателей, *что слѣдуетъ подписаться не позже 5 декабря*, потому что только въ этомъ случаѣ россійскій и прусскій почтамты въ состояніи принять заблаговременно надлежащія мѣры къ своевременному доставленію журнала.

«Подписка на полгода и на весь 1860 годъ принимается въ почтовыхъ конторахъ: с.-петербургской, московской, варшавской, ви-

ленской, рижской, митавской, гельсингфорской и одесской, а также у коммиссіонеровъ журнала, книгопродавцевъ г. Клюзеля, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, 4, и г. Готье, въ Москвѣ, у Кузнецкаго моста, домъ Торлецкаго. Цѣна журнала «Le Nord», самаго дешеваго изъ всѣхъ заграничныхъ журналовъ въ Россіи,

за полгода — 9 р. с. въ Петербургѣ,
10 — внутри имперіи.»

ПОЛИТИКА.

Четыре мѣсяца тому назадъ, соединеніе центральной Италіи въ одно государство съ сѣверною, почти для всѣхъ казалось дѣломъ конченнымъ; три мѣсяца тому назадъ, вы пріобрѣтали имя желчнаго скептика, если отваживались говорить, что прежній порядокъ дѣлъ въ Романьѣ и Тосканѣ будетъ возстановленъ. Теперь всѣ видятъ близость реставраціи. Дѣло тянется двигателями реставраціи, повидимому, съ необыкновенной медлительностью, а между тѣмъ идетъ къ концу очень быстро. Такова натура вещей, что нужно только бездѣйствовать и вынуждать къ бездѣйствію другихъ, чтобы возрастить зло, между тѣмъ какъ основаніе чего нибудь хорошаго требуетъ страшныхъ, конвульсивныхъ усилій. Реакція не сдѣлала, кажется, ровно ничего: еще ни одинъ солдатъ не двинулся въ Романью или Тоскану для низверженія новаго порядка вещей; а онъ уже близокъ къ паденію. Въ прошедшій мѣсяцъ не было сдѣлано реакціею ничего энергическаго, а торжество ея съ каждымъ днемъ становится несомнѣннѣе. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ новаго произведено надъ Италіей? Ровно ничего. Подписаны два остальные изъ трехъ цюрихскихъ трактатовъ, именно договоры между Сардиніею и Франціею, между Сардиніею и Австріею; но ихъ подписаніе было дѣломъ чистой формальности, послѣ того какъ подписанъ былъ первый изъ трехъ договоровъ — трактатъ между Австріею и Франціею; а мы еще въ прошломъ мѣсяцѣ сообщали извѣстіе объ этомъ. Явилось письмо Наполеона къ королю сардинскому объ устройствѣ итальянскихъ дѣлъ; но оно буквально излагаетъ ту самую программу, которую мы сообщили также въ прошломъ мѣсяцѣ, недѣли за три до появленія письма. Король сардинскій отказался отъ власти, которую предлагала ему центральная Италія, и запретилъ прини-

мать ее своему родственнику, герцогу Кариньянскому, — но еще въ прошломъ мѣсяцѣ, и даже два и три мѣсяца тому назадъ, можно было предугадывать, что онъ такъ поступитъ, и мы нѣсколько разъ говорили это. Созывается конгрессъ, но Англія, Пруссія, Россія еще не выразили своего согласія участвовать въ немъ, — точно тоже положеніе было мѣсяцъ тому назадъ. Что же новаго? Рѣшительно ничего, кромѣ того, что прибавилось довольно много новообращенныхъ къ людямъ, не ожидающимъ хорошей развязки итальянскаго дѣла. Что же говорить объ этомъ дѣлѣ подробно? Довольно будетъ самымъ краткимъ образомъ перечислить мелкія происшествія, которыми ограничивались итальянскія новости въ прошломъ мѣсяцѣ.

Обнародованіе условій Цюрихскаго трактата навело въ Италіи уныніе на людей, питавшихъ до той поры маниловскія надежды. Мы не понимаемъ, отчего было унывать, когда цюрихскій трактатъ былъ просто подтвержденіемъ виллафранкскихъ условій, и императоръ французовъ постоянно повторялъ, что не можетъ отступить отъ этихъ условій. Надобно отдать ему справедливость: онъ въ этомъ дѣлѣ не хитрилъ, не обманывалъ, не скрывалъ своихъ намѣреній. Вольно же было энтузіастамъ не вѣрить его словамъ, совершенно яснымъ и твердымъ. Его письмо къ королю сардинскому навело на итальянцевъ новое, еще сильнѣйшее уныніе; и опять-таки не было имъ причинъ унывать больше прежняго, потому что письмо было только десятымъ или двадцатымъ повтореніемъ того самаго, что говорилъ онъ при каждомъ случаѣ четыре мѣсяца сряду. Не находя въ этомъ письмѣ ничего новаго, мы не можемъ привести его здѣсь; но любители репетицій, понимающіе сущность дѣла только при десятомъ его повтореніи, стали бы упрекать насъ, если бы вовсе лишили ихъ возможности прочесть вновь то самое, что излагалось у насъ много разъ; потому мы печатаемъ въ приложеніи переводъ письма, заимствуя его изъ «Санкт-Петербургскихъ Вѣдомостей», съ нѣкоторыми исправленіями по подлиннику. Здѣсь мы замѣтимъ только, что планъ устройства итальянскихъ дѣлъ, излагаемый императоромъ Наполеономъ, раздѣляется на двѣ части по отношеніямъ осуществленія разныхъ его подробностей къ волѣ различныхъ державъ. Во-первыхъ, есть вещи, исполненіе которыхъ зависитъ единственно отъ согласія императора французовъ; это возстановленіе прежнихъ правительствъ въ Тосканѣ и герцогствахъ и подчиненіе Романьи папскому владычеству. Императоръ Наполеонъ хочетъ этихъ вещей, стало быть онѣ исполнятся; это реальная часть письма. Другія вещи могутъ быть исполнены только по согласію

Австріи или итальянскихъ правительствъ, — именно объявленіе Мантуи и Вероны союзными крѣпостями, независимое устройство Венеціанской области, дарованіе благодѣтельныхъ реформъ папской области и введеніе представительнаго правленія въ Неаполѣ, въ Римѣ, въ Венеціи и такъ далѣе; объ этихъ вещахъ впередъ извѣстно, что на нихъ не согласятся правительства, воля которыхъ нужна для ихъ осуществленія; этимъ желаніямъ императора Наполеона суждено остаться прекрасными желаніями, подобно давнишнему его желанію о преобразованіяхъ въ папскомъ правительствѣ; эту часть письма мы можемъ назвать поэтической. Поэзія не составляетъ предмета нашихъ обозрѣній; оставляя ее въ сторонѣ, мы обращаемъ вниманіе читателя только на прозаическую часть письма, и если онъ потрудится сличить ее съ нашимъ изложеніемъ французской программы итальянскаго вопроса въ прошломъ мѣсяцѣ, онъ увидитъ буквальную вѣрность изложенныхъ нами тогда извѣстій.

Цюрихскій миръ и письмо императора Наполеона показали правительствамъ центральной Италіи надобность принять новыя мѣры. Были вновь созваны конституціонныя собранія въ герцогствахъ, въ Тосканѣ и въ Романьи для назначенія регентства. Всѣ собранія единогласно избрали общимъ регентомъ центральной Италіи принца Кариньянскаго, ближайшаго изъ взрослыхъ родственниковъ короля Сардинскаго. Императоръ Наполеонъ выразилъ королю Сардинскому желаніе, чтобы принцъ Кариньянскій не принималъ предлагаемой ему власти; король Сардинскій и принцъ Кариньянскій повиновались, и депутація центральной Италіи, повергнувшая къ стопамъ ихъ единодушное рѣшеніе четырехъ областей, получила отказъ. Само собою разумѣется, что принята была депутація очень любезно и милостиво, какъ принимались и всѣ прежнія депутаціи, отправлявшіяся къ королю Сардинскому или къ императору французовъ. Принцъ Кариньянскій былъ такъ милостивъ, что изложивъ причины, по которымъ долженъ былъ отказаться отъ предложенія, указалъ депутаціи на человѣка, который можетъ занять мѣсто регента и собственной властью передалъ ему это званіе. Конечно, центральная Италія, давая принцу Кариньянскому власть регента, ни мало не думала, что предоставляетъ ему власть передать это званіе кому угодно безъ ея вѣдома. Но особенно странно то, что избранникомъ принца Кариньянскаго былъ Буонкомпаньи, котораго называютъ человѣкомъ очень пріятнымъ въ обществѣ, но который показалъ себя лишеннымъ всякой энергіи и сообразительности, когда управлялъ отъ имени Сардинскаго короля Тосканою во время войны. Вмѣсто того, чтобы готовить войско, онъ занимался тогда идиллическими упраж-

неніями: строилъ оранжереи, устроивалъ цвѣточныя выставки, учреждалъ премія для архитекторовъ, за проекты какихъ-то нарядныхъ зданій, и для поэтовъ за хорошія драматическія произведенія. Благодаря такому аркадскому управленію, тосканская армія совершенно разстроилась при немъ въ одинъ мѣсяцъ, такъ что не годилась уже ровно никуда, и Гарибальди долженъ былъ заводить войско въ Тосканѣ съизнова, какъ будто Тоскана лежала въ архипелагѣ Дружбы и Согласія, а не въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Мантуи. По послѣднимъ извѣстіямъ Буонкомпаньи поѣхалъ управлять центральною Италіею, и надобно только ждать извѣстія о томъ, приметъ ли она такого регента. Намъ кажется ясна цѣль, съ которою назначенъ регентомъ такой человѣкъ.

Что жь дѣлаютъ межь тѣмъ правительства центральной Италіи? Казалось, будто бы они хотятъ наконецъ стать энергичнѣе прежняго. Давно жаловались на неспособность диктатора Романьи, полковника Чипріани; онъ отказался отъ этого сана и тогда передали диктатуру Романьи пармскому и моденскому диктатору Фарини, который энергичнѣе всѣхъ остальныхъ правителей. Носились слухи, будто бы предоставляютъ больше простора Гарибальди, который прежде былъ связанъ по рукамъ и по ногамъ. Но по послѣднимъ телеграфическимъ депешамъ, Гарибальди выходитъ въ отставку и хочетъ удалиться изъ Италіи. Какой смыслъ придавать этому извѣстію, мы еще не знаемъ: значитъ ли оно, что Гарибальди увидѣлъ невозможность не только побѣдить, но и защищаться съ честью? или его отставка значитъ только то, что онъ хочетъ разорвать всякія связи съ нерѣшительными людьми, поставить жителямъ центральной Италіи вопросъ о выборѣ между нимъ и между ними, хочетъ получить власть надъ войсками прямо отъ народа, а не отъ робкихъ правителей, чтобы начать дѣйствовать сообразно своему характеру и положенію дѣлъ? Когда читатель будетъ просматривать эту страницу, смыслъ просьбы Гарибальди объ отставкѣ уже будетъ извѣстенъ, а теперь мы можемъ сказать одно: въ тѣ дни, когда мы пишемъ это, въ центральной Италіи вѣроятно уже совершается перемѣна въ личностяхъ и характерѣ правителей, близость которой мы указывали въ прошедшемъ обозрѣніи; власть или перешла или переходитъ въ руки людей рѣшительныхъ, безстрашныхъ; но перемѣна эта по всей вѣроятности уже запоздала. Теперь дѣла будутъ идти такимъ образомъ: всѣми людьми, неимѣющими твердаго характера, то есть огромнымъ большинствомъ людей, овладѣетъ уныніе; ошибочность вялой и робкой политики, которой слѣдовали до сихъ поръ, обнаружится для всѣхъ; горсть людей, которые давно были готовы жертвовать жизнью за національное дѣло, даже безъ надежды на успѣхъ

его, возметъ въ свои руки власть, покинутую людьми слабыми или отнятую у нихъ народнымъ негодованіемъ. Эти новые правители,— кто они будутъ, Гарибальди, Маццини, Саффи, Фарини или другіе, все равно, — начнутъ самымъ энергическимъ образомъ готовиться къ вооруженной защитѣ. Но, по всей вѣроятности, не будутъ уже имѣть времени приготовиться къ ней. Когда явятся враги, энтузіазмъ народа вспыхнетъ и совершится много славныхъ, но уже безполезныхъ подвиговъ.

Теперь уже ясно выраженъ въ письмѣ императора французовъ и другихъ оффиціальныхъ документахъ планъ, по которому хотятъ произвести реставрацію: подъ рукою будутъ помогать реакціонерамъ будутъ изнурять терпѣніе и силы народа отнятіемъ у него всякой возможности установить прочное положеніе дѣлъ (это выразилось запрещеніемъ королю Сардинскому принимать королевскую власть надъ центральной Италіей и запрещеніемъ принцу Кариньянскому принимать регенство), будутъ производить заговоры и безпорядки (во Флоренціи уже открытъ заговоръ реакціонеровъ, а Фарини долженъ былъ удалить изъ Пармы предводителей реакціонной партіи, начавшихъ интриговать слишкомъ явно); этими безпорядками воспользуются, чтобы ввести иностранныя войска въ мундирахъ папы, герцога Моденскаго, эрцгерцога Тосканскаго, или и въ собственныхъ мундирахъ: тогда это уже не будетъ называться «иностраннымъ вмѣшательствомъ,» — это будетъ только «помощь, оказанная мирному населенію, просившему защиты отъ злодѣевъ и анархистовъ».

Въ остальныхъ итальянскихъ государствахъ все продолжается по прежнему. Въ Римѣ, напримѣръ, французскій посланникъ продолжаетъ дѣлать папѣ представленія о необходимости реформъ, папа сердится за это по прежнему и въ досадѣ забываетъ иногда правила учтивости, — дипломатическій міръ былъ очень скандализированъ, услышавъ, что Пій IX однажды, безъ дальнихъ разговоровъ, повернулся спиною къ герцогу Граммону, когда герцогъ твердилъ ему свои наставленія. Французскія полуоффиціальныя газеты однакожь увѣряютъ, что папа готовъ дать требуемыя реформы; важнѣйшимъ доказательствомъ готовности служитъ то, что однажды онъ сказалъ Граммону: «перестанемъ говорить объ этомъ; я подумаю и посмотрю». Разумѣется впрочемъ, что когда будетъ происходить покореніе Романьи, будутъ для формы обнародованы какія нибудь новыя постановленія или хотя обѣщанія,—ручательствомъ за это служитъ совѣтъ, данный Австріею. Реформы или обѣщанія будутъ, конечно, такія же, какъ знаменитое «удаленіе кардинала Антонелли, мѣшающаго благотворнымъ реформамъ своею гибельною властью

надъ умомъ папы». Кардиналъ носилъ два главныхъ титула: во-первыхъ, министра, во-вторыхъ, президента государственнаго совѣта, который никогда не собирается и потому ничѣмъ не занимается. Министромъ и довѣреннѣйшимъ лицомъ папы Антонелли остался, но отъ председательства въ совѣтѣ уволенъ. Такимъ образомъ, можно было сказать, что папа удовлетворилъ требованію объ отставкѣ Антонелли. Точно таково же будетъ удовлетвореніе и требованію реформъ, и все-таки можно будетъ сказать, что даны новые законы. Надобно думать, что требуемыя реформы очень важны и либеральны, если ихъ требуютъ Австрія и Франція.

Въ Неаполѣ давно носились слухи о подготовляющихся возстаніяхъ. Но если пропущено благопріятное для нихъ время войны и надеждъ, то какой успѣхъ могли бы имѣть возстанія теперь, когда реакція готова овладѣть и тѣми областями, въ которыхъ успѣло одержать перевѣсъ прогрессивное движеніе? Попытка нѣсколькихъ энтузіастовъ въ Палермо была несвоевременна, и правительство безъ труда подавило ее. Движеній болѣе сильныхъ можно ждать развѣ въ томъ случаѣ, если въ центральной Италіи вспыхнетъ народная война противъ иноземнаго вмѣшательства и на первый разъ инсургентамъ удастся одержать какіе нибудь успѣхи,—также, если Гарибальди, ставъ неограниченнымъ распорядителемъ военныхъ силъ, вторгнется въ папскія и неаполитанскія владѣнія, какъ уже грозилъ передъ своею отставкою. Иначе, неаполитанскіе либералы напрасно пожертвовали бы собою, если бы вздумали начать какое нибудь движеніе.

Въ Германіи праздновали столѣтній юбилей рожденія Шиллера; во всѣхъ большихъ городахъ Европы также совершалось это торжество великолѣпнымъ образомъ. Затѣмъ, ничего замѣчательнаго не было въ Германіи. Движеніе въ пользу единства продолжалось въ прежнемъ, пока совершенно безсильномъ и праздномъ направленіи.

Война съ марокискими племенами по западной границѣ Алжира доставила французамъ лавры, какъ и должно быть; но въ экспедиціонномъ корпусѣ явилась холера, пожравшая уже не одну тысячу людей, такъ что лавры куплены нѣсколько дорого, какъ тоже и должно быть. Испанія начинаетъ военныя дѣйствія противъ Марокко съ другой стороны

Въ Англіи начинается агитація въ пользу реформы парламентской и финансовой, но пока еще были только приготовительные митинги, а настоящія дѣйствія начнутся съ 1 декабря. Мы не говорили въ прошлый разъ о дипломатическомъ столкновеніи Англіи съ Соединенными Штатами, по поводу занятія острова Санъ-Хуана отрядомъ сѣверо-американскихъ войскъ, потому что изъ такой ничтож-

ной причины не можетъ произойти никакихъ важныхъ послѣдствій, и подобные толки годятся только для наполненія газетныхъ столбцовъ. Мы не упомянули бы объ этомъ спорѣ изъ-за маленькаго, почти пустаго и никому собственно ненужнаго островка, если бы не пришлось кстати припомнить о немъ при надобности говорить о Сѣверо-Американскихъ Штатахъ по другому случаю, о которомъ въ европейскихъ газетахъ было говорено несравненно меньше, но который очень многозначителенъ.

Въ маленькомъ городкѣ или селѣ Гарперсъ-Ферри, лежащемъ въ одномъ изъ невольническихъ штатовъ, близъ границы между свободными и невольничьими штатами, явилось нѣсколько человѣкъ аболиціонистовъ; они въ-расплохъ овладѣли арсеналомъ, находящимся тутъ, и стали провозглашать освобожденіе негровъ. Черезъ нѣсколько часовъ пришла милиція изъ сосѣднихъ невольничьихъ городовъ, аболиціонисты не положили передъ нею оружія, милиція стала усмирять ихъ силою, они отчаянно оборонялись, бо́льшая часть ихъ была убита на мѣстѣ, остальные переранены, взяты въ плѣнъ и преданы суду, который, конечно, приговоритъ ихъ къ смерти «за убійство», если не за возстаніе. По своему размѣру, случай этотъ вовсе не важенъ; но онъ очень многозначителенъ, какъ первый въ своемъ родѣ. До сихъ поръ наступательнымъ образомъ дѣйствовала партія защитниковъ невольничества; аболиціонисты, дѣйствуя словомъ, фактически держались въ оборонительномъ положеніи. Теперь, какъ видимъ, ихъ энтузіазмъ такъ раздраженъ постоянными обидами отъ защитниковъ рабства, и увѣренность въ своихъ силахъ такъ возрасла у нихъ, что являются стремленія дѣйствовать наступательно. Первая попытка была неудачна, какъ почти всегда бываютъ первыя попытки; ближайшимъ слѣдствіемъ ея будетъ усиленіе партіи защитниковъ рабства всѣми робкими людьми, боящимися крутыхъ мѣръ. Но безъ всякаго сомнѣнія, борьба станетъ постепенно принимать новый характеръ, и аболиціонисты черезъ нѣсколько времени отмстятъ за первыхъ своихъ мучениковъ, Брауна, предводителя горсти людей, геройски сражавшихся въ Гарперсъ-Ферри, и его неустрашимыхъ товарищей. Сѣверные и западные штаты будутъ постепенно проникаться мыслью о постыдности давать въ обиду своихъ политическихъ друзей, и границы рабства, до сихъ поръ расширявшіяся, начнутъ стѣсняться подъ напоромъ свободныхъ людей сѣвера и запада. Мы приводимъ здѣсь отрывокъ изъ помѣщеннаго въ Times'ѣ письма о личности Брауна, предводителя первыхъ мучениковъ за дѣло негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ, а въ приложеніи помѣщаемъ извлеченіе изъ устава общества, которое предполагалъ учредить Браунъ. Уставъ этотъ былъ найденъ въ числѣ бумагъ, найден-

ныхъ у него. Неукротимая энергія и глубокое, строгое нравственное чувство придаютъ этому уставу чрезвычайную оригинальность. Онъ интересенъ для знакомства съ понятіями людей, составляющихъ крайнюю аболиціонистскую партію. Вотъ письмо о личности Брауна.

«Браунъ, извѣстный въ Соединенныхъ Штатахъ подъ именемъ старика капитана Брауна, жестоко пострадалъ при началѣ волненій въ Канзасѣ, пять лѣтъ тому назадъ. Онъ жилъ еще не принимая никакого участія въ борьбѣ, начинавшейся тогда между приверженцами и противниками рабства въ Канзасѣ; въ его домъ ворвалась ночью шайка головорѣзовъ, пришедшихъ изъ Миссури: они разграбили и унесли все, что было цѣннаго въ небольшомъ имуществѣ, которое онъ пріобрѣлъ долгими годами скромнаго труда, сожгли домъ и нивы его и безъ всякой надобности убили одного изъ его дѣтей. Жена его скоро умерла отъ печали. Браунъ впалъ въ мономанію, холодную, необыкновенно проницательную, терпѣливую и отчаянно храбрую. Онъ собралъ небольшой отрядъ, въ которомъ рѣдко бывало десятка два человѣкъ; почти всѣ они были родомъ изъ штатовъ Новой Англіи. Обстоятельства превратили этихъ мирныхъ, можно сказать малодушныхъ, земледѣльцевъ и мастеровыхъ въ отчаянныхъ партизановъ. Въ числѣ ихъ были два сына самого Брауна. Много разъ этотъ отрядъ проникалъ далеко во внутренность Миссури, освобождалъ изъ тюремъ людей, схваченныхъ по подозрѣнію въ томъ, что помогали бѣгству невольниковъ, уводилъ съ собою на свободу цѣлыя семейства невольниковъ, разорялъ домы людей, извѣстныхъ своимъ участіемъ въ попыткахъ ввести въ Канзасъ рабство и предавалъ ихъ самихъ казни. Когда эти попытки оказались неудачны и возстановилось спокойствіе, Браунъ опять сталъ земледѣльцемъ и мирнымъ гражданиномъ. Но черезъ нѣсколько времени шайка миссурійцевъ, гнавшаяся за бѣжавшимъ невольникомъ, явилась въ Канзасѣ, обыскивала безъ всякаго законнаго права домы жителей, и производила буйства тамъ, гдѣ встрѣчала сопротивленіе. Едва успѣли миссурійцы воротиться домой, какъ Браунъ съ своими сыновьями былъ уже въ ихъ землѣ, жегъ ихъ домы, нивы, уводилъ негровъ. За его голову была назначена награда; большая партія миссурійцевъ гонялась за нимъ, и послѣдній слухъ о немъ, дошедшій до меня, говорилъ, что онъ, будучи окруженъ преслѣдователями, бросился прямо на нихъ, безвредно пробился со всѣми своими товарищами и ночью скрылъ отъ нихъ свои слѣды.»

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

ПИСЬМО ИМПЕРАТОРА ФРАНЦУЗОВЪ КЪ КОРОЛЮ САРДИНСКОМУ (ИЗЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ).

«Любезный братъ, я пишу вамъ сегодня съ цѣлью изложить вашему величеству нынѣшнее положеніе дѣлъ, напомнить вамъ прошедшее и опредѣлить вмѣстѣ съ вами путь, которому должно слѣдовать на будущее время. Обстоятельства важны: необходимо устранить обольщенія и безплодныя сожалѣнія, и заботливо обсудить дѣйствительное положеніе вещей. Такъ теперь вопросъ не въ томъ, хорошо или худо я сдѣлалъ, заключивъ Виллафранкскій миръ, а въ необходимости извлечь изъ этого трактата результаты, наиболѣе-благопріятныя для умиренія Италіи и спокойствія Европы. Прежде, чѣмъ идти дальше въ обсужденіи этого вопроса, я хочу напомнить еще разъ вашему величеству препятствія, которыя такъ затрудняли всякіе окончательные переговоры и заключеніе всякаго трактата. Война далеко не такъ сложна, какъ миръ. Въ первомъ случаѣ мы видимъ только борьбу двухъ интересовъ: нападенія и обороны. Во второмъ, напротивъ-того, надобно примирять множество интересовъ, нерѣдко противоположнаго характера. Это-то именно и случилось при заключеніи мира. Необходимо было получить трактатъ, который бы какъ можно лучше обезпечилъ независимость Италіи, удовлетворилъ Пьемонтъ и желанія населеній, нисколько не оскорбляя, притомъ, католическаго чувства или правъ государей, которыми интересуется Европа. Итакъ я полагалъ, что если австрійскій императоръ пожелаетъ откровенно вступить со мною въ соглашеніе, съ цѣлью достигнуть этихъ важныхъ результатовъ, то причины антагонизма, раздѣлявшаго въ теченіе вѣковъ мою и его имперіи, исчезнутъ, и возрожденіе Италіи можетъ осуществиться по взаимному согласію и безъ дальнѣйшаго кровопролитія. Вотъ каковы, по моему мнѣнію, существенныя условія этого возрожденія:

«Италія должна состоять изъ нѣсколькихъ независимыхъ государствъ, связанныхъ союзной лигой.

«Каждое изъ этихъ государствъ приметъ представительную систему и спасительныя реформы.

«Конфедерація должна утвердить начала итальянской народности, у которой будетъ одно знамя и одна таможенная система.

«Руководящій центръ въ Римѣ будетъ состоять изъ представителей, назначенныхъ государями на основаніи списка, приготовленнаго палатами, такъ чтобы въ этомъ нѣкотораго рода сеймѣ вліяніе владѣтельныхъ фамилій, подозрѣваемыхъ въ наклонности къ Австріи, было уравновѣшиваемо элементами, порожденными избраніемъ.

«Обезпеченіе за папой почетнаго предсѣдательства въ конфедераціи удовлетворитъ религіознымъ чувствамъ католической Европы, нравственное вліяніе папы усилится во всей Италіи и позволитъ ему сдѣлать уступки, сообразныя съ законными желаніями населеній. Планъ, сос-

тавленный мною въ минуту заключенія мира, можетъ еще осуществиться, если вашему величеству угодно будетъ благопріятствовать ему вашимъ вліяніемъ. Притомъ, на этомъ пути уже сдѣланъ значительный шагъ впередъ.

«Уступка Ломбардіи, съ опредѣленнымъ долгомъ, составляетъ свершившійся фактъ.

«Австрія отказалась отъ права содержать гарнизоны въ крѣпостяхъ Піаченцы, Феррары и Коммакіо.

«Права государей, правда, гарантированы, но независимость центральной Италіи также обезпечена формальнымъ устраненіемъ всякой мысли объ иноземномъ вмѣшательствѣ; наконецъ, Венеціянская Область должна сдѣлаться провинціей чисто-итальянской.

«Дѣйствительный интересъ вашего величества и Полуострова состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать намъ въ развитіи этого плана, для достиженія наилучшихъ результатовъ, ибо ваше величество не можете забыть, что я связанъ трактатомъ и не могу въ имѣющемъ собраться конгрессѣ уклониться отъ моихъ обязательствъ. Роль Франціи начертана заранѣе.

«Мы требуемъ, чтобы Парма и Піаченца были присоединены къ Пьемонту, потому что эти владѣнія необходимы ему съ стратегической точки зрѣнія.

«Мы требуемъ, чтобы герцогиня пармская была призвана къ управленію Моденой.

«Чтобы Тоскана, предѣлы которой, быть можетъ, расширятся, была возвращена великому герцогу Фердинанду; чтобы во всѣхъ итальянскихъ государствахъ была принята система благоразумной свободы;

«Чтобы Австрія открыто освободилась отъ постоянной причины затрудненій въ будущемъ, согласившись укрѣпить венеціанскую народность не только отдѣльнымъ представительствомъ и управленіемъ, но и итальянской арміей.

«Мы требуемъ, чтобы крѣпости Мантуа и Пескьера были признаны союзными крѣпостями;

«Наконецъ, чтобы конфедерація, основанная на дѣйствительныхъ потребностяхъ, а равно и на преданіяхъ Полуострова, за исключеніемъ всякаго иноземнаго вліянія, упрочила независимость Италіи.

«Я не пренебрегу ничѣмъ для достиженія этого великаго результата. Будьте увѣрены, ваше величество, что чувства мои не измѣнятся и что, насколько тому не будутъ противиться интересы Франціи, я всегда съ радостью буду служить дѣлу, за которое мы вмѣстѣ сражались. Дворецъ Сен-Клу, 20-го октября 1959 г.»

II.

ВРЕМЕННАЯ КОНСТИТУЦІЯ И ПОСТАНОВЛЕНІЯ ДЛЯ НАРОДА СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ.

(ТО ЕСТЬ, УСТАВЪ ВОЕННАГО ОБЩЕСТВА ДЛЯ ОСВОБОЖДЕНІЯ НЕВОЛЬНИКОВЪ).

«По соображенію, что рабство во всемъ своемъ существованіи въ Соединенныхъ Штатахъ есть нечто иное, какъ самая варварская, безпричинная и неизвинительная война одной части гражданъ противъ другой части, въ которой единственными условіями служатъ постоянное тюремное заключеніе и безнадежное порабощеніе или совершенное истребленіе, въ совершенную противность и оскорбленіе вѣчнымъ и оче-

видным истинам, изложенным в акте провозглашения независимости Соединенных Штатов;

«Мы, граждане Соединенных Штатов и угнетенный народ, который по недавнему решению верховнаго суда объявлен не имеющим никаких прав, ненарушимых для белаго человека, вместе со всеми другими людьми, униженными вследствие таких законов, определяем и постановляем себе для настоящаго времени следующия временныя конституцию и постановления к лучшему охранению нашего народа, собственности, жизни и свободы и для руководства нашими действиями:

«Статья 1. Кто имеет право быть членами нашего общества. Все лица совершеннаго возраста без различия того, будут ли они угнетенными и порабощенными гражданами, или будут происходить из угнетенных и порабощенных племен Соединенных Штатов, согласные поддерживать и защищать временную конституцию с органическими постановлениями, имеют полное право вместе с своими малолетними детьми на покровительство этой конституции.

Статья 2 говорит, что временное правительство организуемаго общества имеет три отдела: законодательный, исполнительный и судебный.

«Статья 3. Власть законодательная. Законодательную власть должен составлять конгресс или палата представителей, имеющая не менее пяти и не более десяти членов, избирающихся всеми совершеннолетними гражданами, принадлежащими к обществу, и остающихся в должности три года.

«Статья 4. Исполнительную власть составляют президент и вице-президент, избираемые всеми членами общества, также на три года.

«Статья 5. Судебную власть составляет верховный судья и четыре других судьи верховнаго суда, избираемые таким же образом.

«Следующия статьи определяют порядок суда над президентом и другими сановниками, в случае нарушения ими обязанностей, круг власти этих сановников, их жалованье и т. д., также организацию военных сил общества.

«Статья 28. Собственность. Вся, взятая в добычу или конфискованная собственность и вся собственность, производимая трудом членов обществ и их семейств, должна считаться собственностью всего общества безразлично и может быть употребляема на общую пользу. Каждое лицо, которое противозаконно удержит, утаит, употребит или без нужды израсходует такую собственность или собственность конфискованную у неприятеля, считается виновным и по улике наказывается.

Статья 29 определяет, что монета и драгоценныя вещи, конфискуемыя у неприятеля, должны составлять особенный фонд, специально назначенный для военных расходов; следующия две статьи определяют порядок распоряжения этим фондом.

Статья 32 говорит, что с пленниками должно поступать человеколюбиво: «обязанность всех лиц обоего пола, принадлежащих обществу, требует всегда и при всяких обстоятельствах обращаться с пленниками, соблюдая всевозможную уважительность и кротость и внушать такое уважение всем другим, ради страха имени всемогущаго Бога, промыслу и защите котораго мы вручаем наше дело.

«Статья 33. Добровольные. Все лица, которые добровольно освободят своих рабов и внесут свои имена в книги этого общества,

должны, пока будутъ сохранять тишину, пользоваться полнѣйшимъ покровительствомъ своей личности и собственности, хотя бы не поступили въ составъ общества, и съ ними должно поступать какъ съ друзьями, а не просто какъ съ лицами нейтральными.

«Статья 34. Нейтральные. Личность и собственность всѣхъ тѣхъ, которые не имѣютъ рабовъ и остаются безусловно нейтральными, должна быть уважаема на сколько возможно, хотя общество не обязано защищать ихъ.

Статья 35 говоритъ, что произвольное разрушеніе какой бы то ни было собственности должно быть наказываемо.

«Статья 36. Конфискуемая собственность. Вся движимая и недвижимая собственность всѣхъ лицъ, прямо или косвенно дѣйствующихъ съ врагомъ или въ пользу его, или упорно держащихъ у себя рабовъ, должна быть конфискуема всегда и повсюду.

«Статья 37 Дезертирство. Лица, уличенные по безпристрастному суду въ дезертирствѣ къ врагу, послѣ того какъ были членами общества или измѣннически отдавшіе ему собственность, оружіе, военные или съѣстные запасы, дороги, мосты, укрѣпленія или предавшіе ему людей, подвергаются смертной казни, и вся ихъ собственность конфискуется.

Слѣдующія статьи опредѣляютъ наказанія за безнравственные поступки.

«Статья 42. Бракъ, училища, воскресенье. Брачныя узы должны быть всегда уважаемы. Школы и церкви должны быть учреждаемы со всевозможной быстротой для религіознаго и другаго образованія, и первый день недѣли долженъ быть днемъ отдыха, посвященнымъ нравственному и религіозному просвѣщенію и усовершенствованію, вспоможенію страждущимъ, обученію дѣтей и непросвѣщенныхъ и распространенію внѣшней опрятности

«Статья 43. Открытое ношеніе оружія. Всѣ лица безпорочнаго поведенія, здраваго ума и надлежащаго возраста обоего пола, находящіеся въ этомъ обществѣ, поощряются къ открытому ношенію оружія.

«Статья 44. Запрещеніе носить скрытое оружіе. Никто въ границахъ завоеванной земли, кромѣ должностныхъ лицъ, и то при извѣстныхъ обстоятельствахъ, не можетъ носить скрытаго оружія, и каждый подозрѣваемый въ томъ можетъ быть арестуемъ и обыскиваемъ.

Статья 45 опредѣляетъ случаи арестованія другихъ подозрительныхъ лицъ.

«Статья 46. Эти статьи не имѣютъ цѣлью низверженіе правительства. Предъидущія статьи не должны быть истолковываемы въ смыслѣ, возбуждающемъ къ низверженію правительства какого нибудь отдѣльнаго штата или общаго правительства Соединенныхъ Штатовъ, и клонятся не къ разрушенію союза, а только къ его исправленію, и нашимъ знаменемъ будетъ знамя, подъ которымъ наши отцы сражались за независимость.»

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
АЛЕКСѢЯ ИВАНОВА ДАВЫДОВА,
КОММИССІОНЕРА МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ,

на Невскомъ Проспектѣ, противъ Арсенала Николаевскаго дворца, въ домѣ Завѣтнова,

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ИЗДАНІЕ А. Э. МЮНСТЕРА:

«ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ»

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ РУССКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

ВЪ БУДУЩЕМЪ 1860 ГОДУ (2-й ГОДЪ).

По примѣру настоящаго года, Галлерея будетъ выходить тетрадями (состоящими изъ 4-хъ портретовъ), а полное годовое изданіе будетъ состоять изъ 10-ти тетрадей (т. е. 40 портретовъ). Въ изданіе это предполагается включать портреты всѣхъ тѣхъ русскихъ людей, которые когда бы то ни было и на какомъ бы то ни было поприщѣ, преимущественно же умственною дѣятельностью своей, принесли обществу несомнѣнную пользу. Такимъ образомъ сюда войдутъ — не только современные намъ дѣятели, но и умершіе; сюда войдутъ: поэты, прозаики, публицисты, критики, ученые, журналисты, художники, государственные люди, полководцы, духовныя лица и пр.

Цѣна годовому изданію 20 руб. сер. съ доставкою на домъ; съ пересылкою во всѣ города имперіи 23 р. с.

Цѣна отдѣльной тетради 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.

Цѣна отдѣльному портрету 75 к., съ пересылкою 1 р. с.

Въ продолженіе настоящаго года вышло восемь татрадей, девятая и десятая тетрадь выйдутъ въ непродолжительномъ времени; содержаніе всѣхъ десяти тетрадей слѣдующее: С. Т. Аксаковъ, П. В. Анненковъ, князь А. И. Барятинскій, В. Г. Бенедиктовъ, К. П. Брюлловъ, И. И. Бецкій, В. Г. Бѣлинскій, Д. А. Веневитиновъ, князь П. А. Вяземскій, Н. В. Гербель, И. А. Гончаровъ, С. К. Грейгъ, Э. И. Губеръ, княгиня Е. Р. Дашко-

ва, А. В. Дружининъ, В. А. Жуковскій, К. Д. Кавелинъ, баронъ М. А. Корфъ, Н. И. Костомаровъ, А. А. Краевскій, М. Ю. Лермонтовъ, М. В. Ломоносовъ, Н. М. Львовъ, графъ Н. И. Муравьевъ-Амурскій, Н. А. Некрасовъ, А. С. Норовъ, князь В. Ѳ. Одоевскій, А. Н. Островскій, И. И. Панаевъ, А. Ѳ. Писемскій, Платонъ (Левшинъ) митрополитъ московскій, А. Н. Плещеевъ, А. П. Полонскій, князь Потемкинъ-Таврическій, А. С. Пушкинъ, графъ М. М. Сперанскій, графъ Ѳ. П. Толстой, И. С. Тургеневъ, Филаретъ митрополитъ московскій и Н. Ѳ. Щербина.

Въ концѣ года гг. подписавшимся будетъ выданъ общій заглавный листъ съ виньеткою и списокъ лицъ, помѣщенныхъ въ галлереѣ и портфель для храненія портретовъ.

Приложенія къ «Портретной Галлереѣ» на нынѣшній годъ (портфель, общій заглавный листъ и списокъ лицъ, помѣщенныхъ въ галлереѣ) будутъ выдаваемы по выходѣ 9-й и 10-й тетради, какъ гг. годовымъ подписчикамъ, такъ и лицамъ пріобрѣтающимъ за разъ 9-ю и 10-ю тетради.

Печатать дозволяется. Ноября 14 дня, 1859 года.

Цензоръ *Д. Мацкевичъ.*

ОБЪ ИЗДАНІИ
ГАЗЕТЫ «КАВКАЗЪ»
въ 1860 году.

Въ 1860 году газета «Кавказъ» будетъ издаваться по той же программѣ, съ которою постоянные читатели ея уже успѣли ознакомиться въ теченіе четырнадцати лѣтъ существованія этого мѣстнаго изданія въ краѣ, которому суждена теперь столь отрадная и блестящая будущность.

Редакція этой газеты въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ старалась дать своему изданію направленіе болѣе сообразное съ современными потребностями общественной жизни, давая кавказскимъ своимъ читателямъ всѣ политическія и прочія новости, а иногороднымъ сообщая все интересное о Кавказѣ. Двойственная цѣль эта достигается, по возможности, сообразно объему изданія, не превышающаго, по положенію, ста листовъ, а доведеннаго теперешнею редакціею до ста-сорока листовъ четкаго и убористаго шрифта, что составляетъ почти что вдвое, сравнительно прежнихъ годовъ изданія. Цѣль эта достигнута нами не повышая цѣны, и мы будемъ стараться вводить еще улучшенія, сообразно съ средствами, которыми можетъ располагать редакція.

По составу своему, газета «Кавказъ» раздѣляется на восемь постоянныхъ отдѣловъ:

I. Правительственныя распоряженія. Сюда же относятся и всѣ Высочайшіе приказы по Кавказской арміи, а также по гражданскому вѣдомству. II. Современная лѣтопись Кавказскаго и Закавказскаго края, заключающая въ себѣ вѣсти изъ разныхъ народовъ и мѣстностей края. III. Извѣстія о Россіи. IV. Политическое обозрѣніе. V. Учено-литературный отдѣлъ, или: а) статьи учено-литературнаго содержанія, преимущественно (но не исключительно) относящіяся до исторіи, этнографіи и статистикѣ Кавказскаго и Закавказскаго края; б) статьи по части изящной словесности, какъ-то: повѣсти, разсказы, стихотворенія, сцены, очерки нравовъ, біографіи, военные анекдоты, путешествія, городскія замѣтки, новости изъ міра наукъ, искусствъ, земледѣлія и промышленности; театральная хроника, библіографія и т. д. VI. Фельетонъ. Извѣстія о зрѣлищахъ въ Тифлисѣ. VII. Метеорологическія наблюденія Тифлисской магнитной обсерваторіи, и наконецъ, VIII, разныя объявленія и извѣстія о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1) Отъ тифлисскихъ подписчиковъ, въ Тифлисѣ, исключительно въ редакціи, что на Александровской площади.

2) Отъ иногородныхъ подписчиковъ, въ Тифлисѣ, въ редакціи газеты «Кавказъ».

3) Въ С.-Петербургѣ, въ Газетной экспедиціи.

4) Въ Москвѣ, въ Газетной экспедиціи и у коммиссіонера Императорскаго Московскаго университета Ѳ. О. Свѣшникова.

5) Во всѣхъ газетныхъ экспедиціяхъ, находящихся при почтамтахъ.

Подписываться также можно и во всѣхъ губернскихъ почтовыхъ конторахъ: но за исправное и своевременное доставленіе газеты редакція принимаетъ на себя отвѣтственность только передъ тѣми подписчиками, которые съ требованіями своими адресовались: въ Тифлисъ, въ редакцію газеты «Кавказъ».

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Годовая цѣна: за газету «Кавказъ» (безъ «Вѣстника» или казенныхъ прибавленій) съ доставкою и пересылкою 9 р., безъ доставки на домъ и пересылки 8 р. 50 к.

За одни казенныя прибавленія (безъ газеты «Кавказъ») съ доставкою и пересылкою 5 р. 50 к., безъ доставки на домъ и пересылки 5 р.

За газету «Кавказъ» съ казенными прибавленіями, съ доставкою и пересылкою 12 р. 50 к., безъ доставки на домъ и пересылки 12 р.

Полугодовая цѣна: за газету «Кавказъ» (безъ казенныхъ прибавленій) съ доставкою и пересылкою 5 р., безъ доставки на домъ и пересылки 4 р. 50 к.

За одни казенныя прибавленія (безъ газеты «Кавказъ») съ доставкою и пересылкою 3 р., безъ доставки на домъ и пересылки 2 р. 50 к.

За газету «Кавказъ» съ казенными прибавленіями съ доставкою и пересылкою 6 р. 50 к., безъ доставки на домъ и пересылки 6 р. сер.

Само собою разумѣется, что подписываться должно заблаговременно, дабы получать всѣ выходящіе нумера съ новаго года. Но, независимо отъ того, на газету «Кавказъ» можно подписываться всегда, съ тѣмъ, что годъ будетъ считаться съ того только нумера, предъ которымъ поступитъ подписка.

Редакторъ *Ѳедотъ Бабылевъ.*

Печатать позволяется. Ноября 14 дня, 1859 года.

Цензоръ *Д. Мацкевичъ.*

ВОСПИТАТЕЛЬНО-УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

МАГИСТРА ИМПЕРАТОРСКАГО С. ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Г. А. ЭЗОВА.

Съ усовершенствованіемъ различныхъ отраслей человѣческаго знанія все болѣе и болѣе входитъ въ убѣжденіе общества необходимость общечеловѣческаго университетстксаго образованія. Убѣжденіе это, справедливость котораго неопровержимо доказана мыслителями и учеными педагогами нашего времени, точно опредѣляетъ характеръ современнаго приготовительнаго заведенія.

Токой-то мыслію руководился я, приступая, съ разрѣшенія правительства, къ открытію воспитательно-учебнаго заведенія, для приготовленія молодыхъ людей къ поступленію въ университетъ.

Соотвѣтственно этой цѣли, программа и объемъ преподаванія будутъ постоянно соображаемы съ требованіями вступительныхъ университетскихъ экзаменовъ (*). Считаю излишнимъ упоминать

(*) Въ послѣднее время изученіе восточныхъ языковъ обратило на себя особое вниманіе правительства и общества, чему можетъ служить доказательствомъ развитіе факультета восточныхъ языковъ при С. Петербургскомъ университетѣ и постоянно-возрастающее число его студентовъ. Зная по опыту, въ какой степени недостатокъ приготовительныхъ свѣдѣній препятствуетъ успѣху университетскихъ по этому факультету занятій, я считаю полезнымъ и нахожу возможнымъ для желающихъ открыть преподованіе болѣе распространенныхъ восточныхъ языковъ: Арабскаго, Турецкаго, Татарскаго, Персидскаго, Армянскаго и Грузинскаго.

о томъ, что приготовительное образованіе въ этомъ объемѣ совершенно достаточно и для вступленія во всякое спеціальное заведеніе.

Склонности и темпераменты людей не только весьма разнообразны, но и развиваются не у всѣхъ одновременно; для успѣха-же воспитанія оно необходимо должно быть приноровлено къ степени развитія, способностямъ и темпераменту каждаго, къ тому же и основная цѣль воспитанія — правильное развитіе нравственной стороны человѣка, требуетъ, чтобы вниманіе воспитателя было сосредоточно на меньшемъ, по возможности, числѣ воспитанниковъ.

Такимъ образомъ цѣль моя — соединить научное образованіе съ нравственнымъ воспитаніемъ не могла-бы быть достигнута, еслибы я раздробилъ мою дѣятельность между многими, а потому заведеніе мое я предназначаю для весьма ограниченнаго числа воспитанниковъ, не болѣе 10 человѣкъ.

«Въ дѣлѣ воспитанія главное — намѣреніе и убѣжденіе; они зависятъ отъ воспитателей, успѣхъ-же отъ Бога».

Учебное заведеніе открыто въ началѣ сентября сего года, въ Гребецкой улицѣ, близь Владимірской церкви, въ домѣ Туляковыхъ, квар. № 31

Учредителя можно видѣть ежедневно до 11 час. утра и послѣ 5 час. по-полудни.

Магистръ Эзовъ.

Печатать дозволяется. Ноября 14 дня 1859 года.

Цензоръ *Д. Мацкевичъ.*

1860.

НУВЕЛЛИСТЪ.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ.

Нувеллистъ будетъ издаваться съ тѣмъ же направленіемъ, какъ въ прежнее время. Въ теченіе года подписчикъ получитъ самый тщательный выборъ не только произведеній для фортепіано, изъ числа появляющихся въ Европѣ, но еще весьма интересныя пьесы, написанныя собственно для Нувеллиста. Имѣя постоянно въ вид усовершенствованіе журнала и желая сдѣлать его сколь возможно болѣе полезнымъ и пріятнымъ для любителей, редакторъ совершилъ въ послѣднее время весьма удачное путешествіе по Германіи, Франціи и Италіи, съ тою цѣлію, чтобы пригласить самыхъ знаменитыхъ композиторовъ для участія въ Нувеллистѣ.

НУВЕЛЛИСТЪ съ 1-го января 1860 г. будетъ выходить тетрадями отъ 〈…〉 до 65 страницъ аккуратно въ первое число мѣсяца. Каждая тетрадь будетъ заключать въ себѣ:

1) ПЯТЬ САЛОННЫХЪ ПЬЕСЪ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО.

2) ДВА или ТРИ НОВЫЕ ТАНЦА.

3) ОДИН или ДВА РУССКІЕ РОМАНСА ДЛЯ ПѢНІЯ.

4) ДВѢ ЛЕГКІЯ ПЬЕСЫ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО, подъ названіемъ «АЛЬБОМЪ МОЛОДЫХЪ ПІАНИСТОВЪ», съ обозначеніемъ аппликатуры.

и 5) ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ, въ видѣ музыкальной газеты, содержащее въ себѣ музыкальныя статьи и современныя музыкальныя извѣстія.

Сверхъ того, въ теченіе года въ **НУВЕЛЛИСТѢ** будутъ помѣщены ЧЕТЫРЕ болѣе или менѣе трудныя пьесы ВЪ ЧЕТЫРЕ РУКИ, приложены ПОРТРЕТЫ знаменитыхъ музыкантовъ и

ПОЛНЫЙ КАТАЛОГЪ музыкальныхъ новостей. Такимъ образомъ за десять рублей серебромъ подписчикъ будетъ имѣть къ концу года собраніе музыкальныхъ пьесъ, которое обошлось бы ему, при покупкѣ отдѣльно каждой пьесы по крайней мѣрѣ во **СТО РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ**, и что еще важнѣе, собраніе пьесъ не только тщательно выбранныхъ редакціею, но и одобренныхъ первѣйшими піанистами столицы.

Редакція покорнѣйше проситъ господъ иногородныхъ, желающихъ получать **НУВЕЛЛИСТЪ**, подписываться заблаговременно, въ отклоненіе всякаго замедленія въ доставленіи журнала. Желающіе помѣщать въ **НУВЕЛЛИСТЪ** свои музыкальныя произведенія увѣдомляются, что редакція признаетъ возможнымъ отвѣчать *только тѣмъ изъ нихъ, сочиненія которыхъ будутъ напечатаны въ журналѣ.*

Цѣна годовому изданію **НУВЕЛЛИСТА**, состоящему изъ 12 тетрадей, 10 руб. сер.; съ пересылкою или доставкою на домъ 11 руб. 50 коп.

Подписка принимается ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО:

въ С. ПЕТЕРБУРГѢ, въ конторѣ **НУВЕЛЛИСТА**, въ *магазинѣ М. Бернарда*, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской № 10.

въ МОСКВѢ, у *П. Ленгольда;* въ ХАРЬКОВѢ у *Гергарда;* въ ОДЕССѢ, у *Цанотти.*

Иногородные благоволятъ адресоваться въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта.

Редакція отвѣчаетъ за вѣрную доставку только тѣхъ экземпляровъ, на которые подписка принята въ означенныхъ мѣстахъ; **НА ПОЛГОДА ПОДПИСКА НЕ ПРИНИМАЕТСЯ.**

Редакторъ и Издатель **М. БЕРНАРДЪ.**

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

С.-Петербургъ. Ноября 14-го дня. Ценсоръ *Д. Мацкеви*

встрѣчи съ вами такъ нѣжно насъ любила! И вы оставляете ее потому, что ваша мама надѣется найти для васъ невѣсту богатую! О, какой вы храбрый, благородный джентльменъ! Поѣзжайте и женитесь на той, которую вамъ выберетъ мать; пусть моя милочка умретъ здѣсь покинутою!

— Праведное небо! что вы говорите, Гетти? вскричалъ я, изумленный логикою этой маленькой женщины. Да развѣ я хотѣлъ оставить вашу сестру? Развѣ я не вызывался исполнить свое обѣщаніе? Не вашъ ли отецъ отказалъ мнѣ и взялъ съ меня обѣщаніе никогда не видѣть Тео? Что же у меня остается, кромѣ благороднаго слова и чести?

— Чести! хороша честь! Вы держите слово, данное ему, и нарушаете клятву, данную ей! Хороша честь! Будь я мужчиной, я бы дала вамъ понять, какого я мнѣнія о вашей чести! Впрочемъ, я забыла, вѣдь вы дали обязательство жить миролюбиво, и не можете.... О Джоржъ, Джоржъ! Неужели вы не замѣчаете моей горести? Я какъ полуумная не знаю, что говорю. Вы не должны бросать моей милочки. Дома не знаютъ объ этомъ. Онѣ не такъ думаютъ, какъ я; но я знаю ее лучше всѣхъ. Она умретъ, если вы ее покинете. Скажите, что вы не оставите ее! Пожалѣйте меня, мистеръ Варрингтонъ, и отдайте мнѣ назадъ мое сокровище.

Такъ это бѣдное любящее созданіе переходило отъ гнѣва къ мольбамъ, отъ негодованія къ слезамъ. Правъ ли былъ мой маленькій докторъ, говоря такимъ образомъ о болѣзни ея дорогой паціентки? Неужели не было другаго лекарства, кромѣ того, которое со слезами выпрашивала Гетти? Неужели никто другой не чувствовалъ такой же точно жестокой боли отъ ампутаціи, не испытывалъ послѣ нея изнуренія и лихорадки, не имѣлъ надежды ни на что, кромѣ смерти, а между тѣмъ поправился и хромалъ втеченіе всей своей жизни? Неужели любовь такъ самолюбива, что не замѣчаетъ чужихъ страданій? неужели наши страданія такъ сильны и исключительны, что мы не въ состояніи допустить, что другіе влюбленные могли страдать, какъ и мы? Въ этой ревностной молодой заступницѣ за свою сестру мы могли бы показать примѣръ, что нѣжное сердце могло быть поражено недугомъ любви, безмолвно страдать подъ его вліяніемъ и наконецъ выздоровѣть. Что случилось и съ самой Гетти? Ея сестра и я, торжествуя свою побѣду, въ нѣжной конфиденціальной бесѣдѣ, много разъ трактовали объ этомъ предметѣ, и, какъ эгоисты, быть можетъ, извлекали тайное удовольствіе изъ ея менѣе несчастной привязанности. Это было почти все равно, что сидѣть подлѣ камина и слышать за стѣнами дома завываніе вѣтра, — гулять по морскому берегу и смотрѣть на борьбу корабля съ бушующими

волнами. Мы только крѣпче льнули другъ къ другу, и, погруженные въ свое собственное счастіе, смотрѣли на несчастіе другихъ съ сожалѣніемъ, къ которому примѣшивалось тайное удовольствіе. Лучше говорить правду, какого бы рода она ни была. Допустимъ, что насъ разлучили, и мы бы перенесли эту разлуку; такъ по крайней мѣрѣ охотно допускаетъ теперь моя скептическая старость. Но въ то время я вполнѣ раздѣлялъ боязнь и мрачныя предчувствія моей милой маленькой Гетти. Я вѣрилъ, что для подобной разлуки нужно было принести въ жертву жизнь, составлявшую для меня лучшее сокровище въ мірѣ. Былъ ли я не правъ? — Теперь этого не скажу. Я могу сомнѣваться въ себѣ (или пожалуй не сомнѣваться, — это мое дѣло), но въ ней — никогда. Гетти нашла во мнѣ человѣка, который охотно соглашался раздѣлить ея опасенія. Нѣкоторыя изъ нихъ я долженъ былъ сообщить нашему доктору, но добрый джентльменъ зажалъ мнѣ ротъ.

— Замолчите, сказалъ онъ, съ комическимъ выраженіемъ испуга. — Я этого не долженъ слышать. Если двумъ лицамъ привелось узнать другъ друга, встрѣтиться случайно и разговориться въ моей пріемной, я въ этомъ не виноватъ! — Что сдѣлаетъ генералъ, по возвращеніи въ Лондонъ? Онъ пригласитъ меня за домъ Монтэгю, — это вѣрно, какъ вѣрно то, что я живой докторъ, и хотѣлъ бы, мой добрый сэръ, остаться живымъ.

Съ этими словами онъ сѣлъ въ свой экипажъ и оставилъ меня углубленнаго въ думы, одна другой мрачнѣе. — Не забудьте, прибавилъ онъ: — чтобы болѣе въ моихъ комнатахъ не было свиданій между вами и миссъ Гетти.

О нѣтъ! — Разумѣется этого и быть не должно! Мы люди благородные, и такъ далѣе; наше слово — свято. Къ тому же, свиданіе съ Гетти не должны ли мы считать за неоцѣненный даръ, — не должны ли мы быть вѣчно признательными ей?... Эта *капля воды* до такой степени освѣжила меня, что, мнѣ кажется, сила ея дѣйствуетъ во мнѣ по настоящее время. Я пошелъ съ Гетти къ Сого и ни разу не подумалъ о возможности возобновить наше свиданіе; зато маленькій эмиссаръ былъ предусмотрительнѣе меня, и спросилъ: хожу ли я въ музеумъ заниматься чтеніемъ? — О, да! отвѣчалъ я: — иногда хожу; я такъ убитъ горемъ, что мнѣ теперь не до чтенія; я не въ состояніи разбирать словъ на бумагѣ. Я совершенно бросилъ свои книги. Даже Покахонтасъ наскучила мнѣ. Я....

Я хотѣлъ было продолжать въ этомъ родѣ, но былъ прерванъ:

— Вздоръ! вскричала Гетти, толкнувъ своей маленькой ножкой. — Ахъ Джоржъ, вы, какъ я вижу, безразсуднѣе Гарри.

— Въ какомъ отношеніи, милое дитя мое? спросилъ я.

— Въ какіе часы вы ходите читать? — Ходите туда часа въ три. Переходите черезъ дорогу къ Тотенгэмкорту, мимо деревни, черезъ зеленую аллею, которая ведетъ къ новому лазарету. — Согласны? Если вы будете продолжать эту прогулку втеченіе недѣли, то отъ этого вамъ хуже не будетъ. Прощайте, сэръ! Прошу дальше меня не провожать.

Гетти сдѣлала книксенъ, опустила вуаль и удалилась.

Зеленая аллея, проходившая къ сѣверу отъ новаго лазарета, теперь вся застроена домами. Въ *мое* время, когда еще царствовалъ добрый старый Георгъ II, это было глухое предмѣстье Лондона, столь опасное, что жители Лондона, отправлявшіеся въ загородныя виллы и увеселительныя мѣста, возвращались ночью не иначе, какъ партіями, подъ конвоемъ лакеевъ съ фонарями; бродяги наполняли городскія предмѣстья. Гампстэдская и Гайгэтская церкви, расположенныя на пригоркѣ, занимали задній планъ въ картинѣ, которая представлялась вамъ, когда вы обращались спиной къ Лондону. Дня два-три сряду мистеръ Джоржъ Babрингтонъ имѣлъ удовольствіе любоваться этимъ пэйзажемъ, прогуливаться по направленію къ новому лазарету. Вдоль аллей разбросаны были небольшіе увеселительные домики. Помню, въ одномъ изъ этихъ домиковъ, подъ вывѣскою «Протестантскій герой», — въ четвертую мою прогулку, миловидная женщина сдѣлала любезный книксенъ и сказала: — кажется милэди еще не проѣзжала, сэръ! — Не угодно ли войти въ комнату и выпить кружку холоднаго пива?

Наконецъ, въ то время, какъ я переходилъ на обратномъ пути чрезъ Тотенгэмскую дорогу, — это было 25-го мая, — день, который нужно бы отмѣтить самымъ бѣлымъ меломъ! — я увидѣлъ ландо и на козлахъ, подлѣ кучера, моего молодаго друга Чарли, который, махая шляпой, кричалъ: Джоржъ! Джоржъ! — Я подбѣжалъ къ экипажу; колѣна мои стучали одно о другое; я такъ и думалъ, что попаду подъ колесо. Внутри ландо я увидѣлъ Гетти, а подлѣ нея мою обожаемую Тео, окруженную подушками. О, какъ исхудала ея маленькая ручка! На впалыхъ ея щочкахъ игралъ яркій румянецъ; въ глазахъ отражался какой-то странный блескъ; голосъ дрожалъ. Все это вмѣстѣ производило въ душѣ моей пытку. Не знаю, было ли это слѣдствіе печали или радости, — такъ тѣсно эти два чувства соединялись вмѣстѣ.

— Я везу ее въ Гампстэдъ прогуляться, печально сказала Гетти. Докторъ говоритъ, что для нея необходимъ чистый воздухъ.

— Я была нездорова, Джоржъ, но теперь мнѣ лучше, говоритъ Тео.

Въ эту минуту въ капеллѣ, подлѣ которой мы остановились, раздались звуки органа. Я держалъ Тео за руку; ея глаза еще разъ устремлены были въ мои глаза. Казалось, будто мы никогда не разлучались.

Не могу забыть звуковъ мотива этого псалма. Я слушалъ его всю свою жизнь. Жена моя часто играла его на клавикордахъ, и ея малютки, окруживъ ее, щебетали слова. Теперь понимаете ли вы, милые мои, почему я такъ люблю его? Потому что это была музыка, которую мы слушали во время нашего amoris redintegratio, — потому что она поддерживала во мнѣ надежду, въ періодъ моего несчастнѣйшаго существованія. Да, поистинѣ несчастнѣйшаго: скучное заточеніе мое въ Декеснѣ имѣло свою пріятность: съ нимъ соединялись отрадныя воспоминанія. Часто вспоминалъ я о нѣжной любви бѣдной Бошъ, о пьяномъ комендантѣ, о пробужденіи лѣсныхъ птицъ и о военной музыкѣ моей темницы.

Мистеръ Чарли посматривалъ съ козелъ на сестру и на меня, углубленныхъ въ созерцаніе другъ друга. Гетти слушала музыку.

— Я пойду въ капеллу, сказала она. Быть можетъ, знаменитый мистеръ Витфильдъ говоритъ сегодня проповѣдь!... Пойдемъ со мною, Чарли, а Джоржъ пусть прокатится съ Тео до Гампстэда и назадъ.

Чарли, повидимому, не имѣлъ очень сильнаго желанія быть свидѣтелемъ богослуженія, совершаемаго мистеромъ Витфильдомъ; онъ предложилъ за себя мистера Джоржа Баррингтона; но Гетти не любила, чтобы ей отказывали.

— Послушайте, сэръ, если вы не пойдете, то я никогда не помогу вамъ въ вашихъ переводахъ! вскричала она.

Юноша нехотя спустился съ козелъ и вмѣстѣ съ сестрой в[illegible]елъ въ церковь.

Можетъ ли какой моралистъ, припомнивъ мои обѣщанія, [illegible]нить меня за то, что я вскочилъ въ ландо и снова располож[illegible] подлѣ моей несравненной Тео? Положимъ, я ихъ нарушилъ; не[illegible] ли же онъ будетъ винить меня въ этомъ? — Какъ вамъ уго[illegible], высокопочтеннѣйшій сэръ! Если вы сами никогда не наруш[illegible] обѣщаній, то поздравляю васъ. Я никакъ не думаю, что мои дѣти осмѣлятся считать собственностью свои сердца и располагать ими по своему произволу. Нѣтъ, молодые люди, предоставьте ужь вашему папа сдѣлать для васъ выборъ: будьте алчущи, когда онъ говоритъ съ вами, будьте жаждущи, когда онъ вамъ приказываетъ, — а вы устраивайте браки своихъ дѣтей.

Теперь, весьма вѣроятно, вы съ нетерпѣніемъ хотите узнать, что произошло, когда папа вскочилъ въ ландо и очутился подлѣ вашей мама, окруженной подушками.

— Я приближаюсь теперь къ твоей исторіи, мой другъ, сказалъ я, взглянувъ на жену, усердно перебиравшую коклюшки.

— Къ какой это исторіи? — скажите пожалуйста! — говоритъ милэди. Вамъ бы лучше совсѣмъ ее выбросить и приблизиться къ великимъ битвамъ и геройской защитѣ....

— Крѣпости Небывалой, въ 1778 году, когда я сорвалъ эполетъ съ мистера Вашингтона, выкололъ генералу Гэту глазъ, срѣзалъ голову Чарльза Ли и снова приклеилъ ее!

— Да, да; разскажите лучше о сраженіяхъ! восклицаютъ мальчики. Даже капитанъ рѣшается признаться, что онъ готовъ слушать о всякихъ военныхъ событіяхъ, хотя бы ихъ разсказывалъ милиціонный офицеръ.

— Подождите, друзья, не торопитесь! Все въ свою очередь! Еще я не дошелъ до войны. Я еще только молодой человѣкъ, вскочившій въ ландо и очутившійся подлѣ молоденькой лэди, которую я обѣщалъ избѣгать. Я беру ея руку, которая, послѣ непродолжительнаго колебанія, остается въ моей рукѣ. — Помнишь ли, мой другъ, какъ горяча была эта рука, какъ дрожала она, какъ пульсъ ея дѣлалъ до ста двадцати ударовъ въ минуту? Какъ только ландо тронулось съ мѣста, я обратился къ миссъ Ламбертъ съ слѣдующими словами....

— Ахъ, ахъ, ахъ! хоромъ восклицаютъ дѣвочки вмѣстѣ съ французской гувернанткой, которая послѣ этого восклицанія прибавляетъ: Nous écoutons maintenant. La parole est à vous, monsieur le chevalier.

При этомъ образуется тѣсный кружокъ. Мама сидитъ по одну сторону камина, папа по другую; m-lle Эмоноръ, на которую капитанъ поглядываетъ очень умильно (глаза заболятъ, капитанъ!); двѣ дѣвочки напрягаютъ свой слухъ, подобно.... подобно.... ну, скажемъ хоть подобно нимфамъ, окружившимъ Аполлона; Джонъ и Туммасъ вносятъ самоваръ и подносы.

— Очень хорошо, говоритъ сквайръ, развертывая рукопись. Мы начинаемъ разсказывать секреты вашихъ мама и папа.

— Можете, сколько вамъ угодно, говоритъ мать семейства. Въ нихъ ничего нѣтъ такого, отъ чего бы можно было краснѣть.

И на добромъ ея лицѣ выступаетъ румянецъ.

— Но, молодые люди, прежде, чѣмъ начну, позвольте мнѣ сдѣлать два-три вопроса.

— Allons, toujours des questions, говоритъ мадмуазель, пожавъ хорошенькими плечиками.—(Намъ отрекомендовалъ ее Флоракъ, и я сильно подозрѣваю, что онъ неравнодушенъ былъ къ миленькой мадмуазель де Блуа).

И такъ, къ вопросамъ.

ГЛАВА VI.

КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ МЫ ВСѢ ВЫШЛИ ИЗЪ ЛАНДО.

— Если вамъ, капитанъ Майльзъ Варрингтонъ, случится снискать расположеніе какой нибудь лэди, — или пожалуй множества лэди,— положимъ хоть герцогини Девонширской, мистриссъ Крю, мистриссъ Фитцгербертъ, богини Венеры, мадмуазель Гиллисбергъ, это все равно,—если вамъ, повторяю я, случится снискать расположеніе какой нибудь лэди, неужели вы станете разсказывать объ этомъ за общимъ офицерскимъ столомъ?

— Извините, сэръ, я еще не такой дуракъ! отвѣчаетъ капитанъ, съ самодовольствіемъ взглянувъ въ зеркало.

— А вы, миссъ Тео, передали ли вашей матери каждое слово, сказанное вами мистеру Джо Блэйку младшему, во время сегодняшней утренней прогулки въ кустарникѣ?

— Джо Блэйку! восклицаетъ Тео, младшая.

— А вы, мадмуазель? сказали ли вы, что содержала въ себѣ записочка, пропитанная ароматомъ самыхъ нѣжныхъ духовъ, которую вы получили отъ сэра Томаса? Посмотрите, какъ она краснѣетъ! краснѣе занавѣса, клянусь честью! Ничего, мадмуазель; мы всѣ имѣемъ свои секреты (говоритъ сквайръ, дѣлая изысканный французскій поклонъ). Въ кустарникѣ, миссъ Тео, вы ничего не говорили, вы только собирали орѣхи! Ничего, Майльзъ; даже самымъ снисходительнымъ отцамъ мы не все высказываемъ,—и если я только скажу, что происходило въ ландо, на Гампстэдской дорогѣ, 25 мая 1760 года, то пусть кавалеръ Руспини выдернетъ мнѣ зубы!

— Разскажи, папа, я прошу тебя! восклицаетъ мама — а то пожалуй тебѣ придется отказать отъ мѣста Джибсону, который былъ тогда нашимъ кучеромъ. Разскажи, я этого требую!

— Что же это за тайна? спрашиваетъ мадмуазель, съ своимъ милымъ французскимъ акцентомъ, обращаясь къ моей женѣ.

— Eh, ma fille! отвѣчаетъ лэди шопотомъ. Ты вѣрно хочешь знать, что я сказала? Я сказала да! и больше ничего.

Итакъ, не я открылъ тайну, а моя жена. Это, впрочемъ, былъ одинъ только итогъ нашего разговора, въ то время, какъ ландо неслось ужасно быстро, какъ я думалъ тогда, по дорогѣ въ Гампстэдъ и обратно до церкви. Тео не соглашалась бѣжать отъ своихъ почтенныхъ родителей, ни за что въ мірѣ не соглашалась! Но мы дали другъ другу клятву: она не выходить замужъ ни за кого кромѣ меня, я — не жениться на другой, даже еслибъ мы дожили до маѳусаиловыхъ лѣтъ, и еслибъ самъ принцъ Валлійскій сдѣлалъ ей предложеніе. Она не считала себя въ правѣ взять назадъ сердце, отданное мнѣ съ согласія, даже по приказанію папа. Спустя нѣсколько времени добрый отецъ вѣроятно согласится на бракъ, говорила Тео: — и если Джорджъ сдержитъ свое слово, то, теперь ли, или черезъ двадцать лѣтъ, здѣсь или въ другомъ мірѣ, она не нарушитъ своего обѣщанія.

Когда свиданіе кончилось, лицо Гетти сіяло радостью; она видѣла на лицѣ Тео очаровательное спокойствіе. Всѣ лекарства доктора, говорила она, не въ состояніи были принести такой быстрой и огромной пользы. Совершивъ поступокъ неповиновенія, сестры воротились домой. Я долженъ былъ уступить мѣсто, которое занималъ въ теченіе кратковременнаго счастія подлѣ больной. Гетти впрыгнула въ ландо, Чарли вскочилъ на козлы. Впослѣдствіи онъ мнѣ говорилъ, что проповѣдь, которую они слушали, была прескучная.

Въ семействѣ Ламберта не одна Гетти замѣтила перемѣну въ Тео. Мнѣ сказывали, что когда сестры воротились домой, то мама обняла ихъ обѣихъ, особливо больную, съ горячностію, большею противъ обыкновенной. Для доброй Тео, сказала тетя Ламбертъ: — загородная прогулка очень полезна. Она вѣрно была на Гампстэдской дорогѣ, не правда ли? Завтра надо еще разъ прокатиться. Слава Богу, лошади милорда Ротама къ нашимъ услугамъ, и милое дитя мое можетъ пользоваться ими раза три-четыре въ недѣлю.

Что касается до встрѣчи дочерей во время прогулки съ мистеромъ Варрингтономъ, то мистрисъ Ламбертъ вовсе не думала объ этомъ. Предоставляю всякому, кто интересуется этимъ предметомъ, отгадать, могла ли мистриссъ Ламбертъ полагать, что дочь и ея обожатель когда нибудь встрѣтятся. А развѣ женщины не помогаютъ одна другой въ любовныхъ затрудненіяхъ? Не онѣ ли составляютъ планы, заводятъ интриги, разсказываютъ плѣнительныя исторіи, доставляютъ любовникамъ случаи къ свиданію, прицѣпляютъ веревочную лѣстницу, приласкиваютъ, подкупаютъ, мистифируютъ стража, обращаютъ вниманіе на посторонніе предметы, въ то время, какъ Стреѳонъ и Хлоя, подъ покровомъ сумерекъ, воркуютъ и милуются, или собираются умчать на почтовыхъ въ Гретна-Гринъ? Да, мои ми-

лые, нѣкоторые люди имѣютъ это свойство; любивши нѣжно въ молодую пору своей жизни, они продолжаютъ быть добрыми и нѣжными къ молодымъ своимъ преемникамъ, когда послѣдніе начинаютъ разъигрывать ту же самую комедію.

Миссъ Примъ совсѣмъ иное дѣло. Услышавъ, что двое молодыхъ людей привязаны другъ къ другу, она съ презрѣніемъ смотритъ на нихъ, какъ на величайшихъ глупцовъ, видитъ въ нихъ источникъ всякаго зла. А почему? Потому что у ней горбъ. Мнѣ кажется, если она увидитъ въ паркѣ пару воркующихъ голубковъ, то непремѣнно потупитъ глаза, или швырнетъ въ нихъ камнемъ; но вы видите, милые мои, что я говорю о вашей бабушкѣ Ламбертъ, представлявшей собою олицетвореніе человѣческаго добродушія; кромѣ того, въ дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь, могу ли я сказать, что она знала о немъ или нѣтъ?

Итакъ, послѣ каждой прогулки Тео, мистриссъ Ламбертъ повторяла одно и то же: дитя мое, для тебя деревенскій воздухъ лучше всякаго лекарства; надѣюсь, ты завтра еще прогуляешься, еще, еще и еще.

— Какъ ты думаешь, папа? вѣдь загородныя поѣздки нашей Тео удивительно благотворно дѣйствуютъ на ея здоровье; не правда ли, что ей должно какъ можно больше дышать деревенскимъ воздухомъ? спрашиваетъ тетушка Ламбертъ, обращаясь за ужиномъ къ генералу.

— Разумѣется. Если карета и шестерка лошадей приносятъ пользу маленькой Тео, то онѣ будутъ у нея, говоритъ Ламбертъ: — если не будетъ лошадей, то я самъ готовъ тащить ландо до самаго Гампстэда.

И такимъ образомъ этотъ добрякъ тратилъ свои гинеи, свою кровь, свою жизнь, лишь бы это доставляло его дѣтищу удовольствіе. Онъ восхищался перемѣной въ лицѣ Тео; она съ аппетитомъ съѣдала кусочекъ цыпленка, выпивала нѣсколько глотковъ негуса, который онъ приготовлялъ собственно для нея; дѣйствительно, прогулка поправляла ея здоровье въ тысячу разъ лучше самыхъ вѣрныхъ лекарствъ, которыя, Богъ знаетъ почему, оказывали очень мало пользы. Гетти просвѣтлѣла, развеселилась. Вечеръ этотъ былъ чрезвычайно похожъ на одинъ изъ вечеровъ, проведенныхъ въ Оакгорстѣ. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ съ того роковаго, жестокаго дня, о которомъ впрочемъ никто не говорилъ въ домѣ, они не имѣли еще такого чудеснаго вечера.

Но если Гетти и мать хотѣли ослѣпить добраго, простосердечнаго отца, то сама Тео была слишкомъ честна, чтобы пользоваться тимъ очаровательнымъ ослѣпленіемъ. Когда генералъ въ четвертый

или пятый разъ возвратился къ любимой темѣ разговора, о поправленіи здоровья дочери, и спросилъ: чему же это надо приписать— деревенскому ли воздуху, хинѣ или новому лекарству? — папа, неужели вы не догадываетесь? сказала Тео, положивъ руку свою на руку отца; голосъ ея дрожалъ, но глаза были совершенно открыты и свѣтлы.

— Чему же, дитя мое? спросилъ генералъ.

— Свиданію съ *нимъ!*

Мать и Гетти поблѣднѣли; сердце Тео забилось сильнѣе; продолжая глядѣть на изумленное лицо отца, она начинала тоже блѣднѣть.

— Папа, по моему мнѣнію, ничего нѣтъ дурнаго въ нашемъ свиданіи, продолжала она взволнованнымъ голосомъ: — хуже было бы съ моей стороны не сказать вамъ объ этомъ.

— Боже великій! простоналъ отецъ, освобождая свою руку съ такимъ печальнымъ выраженіемъ, что Гетти подбѣжала къ обмирающей сестрѣ, схватила ее въ свои объятія и вскричала: — Тео ничего объ этомъ не знала! Это мое дѣло.... тутъ одна я виновата.

Тео склоняется на шею сестры и цалуетъ ее двадцать, пятьдесятъ разъ.

— Женщины, женщины! вы хотите играть моей честью? вскричалъ разгнѣванный отецъ.

Тетушка Ламбертъ рыдаетъ.

— Мартинъ! Мартинъ!

— Не говорите ей ни слова! снова восклицаетъ Гетти и прислоняется къ стѣнѣ, потому что Тео, склонясь на плечо сестры, окончательно упала въ обморокъ.

На другой день я преспокойно и съ отличнымъ аппетитомъ завтракалъ, какъ вдругъ отворилась дверь и вѣрный мой Гумбо доложилъ о пріѣздѣ генерала Ламберта.

Съ перваго взгляда на лицо генерала я догадался, что вчерашнее свиданіе было ему извѣстно.

— Ваши сообщницы не измѣнили вамъ, сказалъ генералъ, какъ скоро Гумбо вышелъ изъ комнаты: — напротивъ держали вашу сторону и возстали противъ отца. Доказательство, какъ привлекательны бываютъ тайныя свиданія. Мнѣ сказала это сама Тео.

— Сообщницы! сказалъ я (быть можетъ потому, что мнѣ не хотѣлось отклонить разговоръ отъ прямой цѣли). Вы знаете, какъ нѣжно и почтительно любятъ васъ ваши дѣти. Человѣкъ, подобный вамъ, не долженъ повелѣвать въ своемъ семействѣ, не долженъ служить для него исключительнымъ закономъ.

— Перестань, Джорджъ! возразилъ генералъ. Мы хотя и разошлись, но я бы не желалъ переставать любить другъ друга, нѣтъ! Боже сохрани! Не ты ли, однакожь, далъ мнѣ обѣщаніе не встрѣчаться съ ней?

— Я и не искалъ случая встрѣтиться съ ней, сказалъ я и, разумѣется, покраснѣлъ; хотя это была правда, но въ душѣ я сознавался, что былъ неправъ.

— Ужь не хочешь ли ты сказать, что ее привезли къ тебѣ? спрашиваетъ отецъ въ сильномъ волненіи. Неужели ты хочешь прятаться за юпкой Гетти? Какая славная защита для джентльмена!

— Нѣтъ, я не хочу прятаться за бѣднымъ ребенкомъ, отвѣчалъ я.—Говорить, что это сдѣлалъ я самъ, значило бы сдѣлать попытку увернуться, а я не привыкъ къ увертвамъ. Я не отступилъ отъ буквы моего условія, но дѣйствовалъ противно его духу. Съ этой минуты я уничтожаю его совершенно.

— Вы нарушаете данное мнѣ слово!

— Я беру назадъ опрометчивое обѣщаніе, сдѣланное внезапно, въ минуту крайняго возбужденія и душевнаго безпокойства. Никто не можетъ быть связанъ словами, произнесенными въ такое время, и, что еще болѣе, мистеръ Ламбертъ, ни одинъ честный и благородный человѣкъ не рѣшится его связывать.

— Значитъ я поступилъ безчестно? вскричалъ генералъ.

— Да, если только эта фраза можетъ быть употреблена между нами! отвѣчалъ я съ горячностью. Она употреблена, и теперь уже не можетъ быть вопроса ни о любви, ни о взаимномъ уваженіи, ни о различіи возраста; если бъ вы были отцомъ моимъ — а я люблю васъ, дядюшка Ламбертъ, лучше, чѣмъ отца — я бы и тогда не перенесъ этого! Ну скажите, что я сдѣлалъ? Я видѣлся съ женщиной, которую считаю моею женой передъ Богомъ и людьми, и если она позоветъ меня, я увижусь съ ней опять. Если она придетъ ко мнѣ, то домъ и половина того, что я имѣю, будетъ принадлежать ей. Вы не имѣете права взять обратно сдѣланный мнѣ подарокъ. Неужели несправедливые упреки мадамъ Эсмондъ вы хотите наложить на это нѣжное, невинное созданіе? Вы показываете видъ, что любите дочь свою, и между тѣмъ не можете перенести для нея легкаго оскорбленія вашей гордости. По вашимъ понятіямъ, пусть она лучше погибнетъ, лишь бы только какая нибудь старуха въ Виргиніи не сказала, что мистеръ Ламбертъ пустился въ спекуляціи, чтобы сбыть съ рукъ одну изъ двухъ своихъ дочерей. Неужели же для удовлетворенія того, что вы называете честью, а я эгоизмомъ, мы должны разлучиться, должны разорвать союзъ нашихъ сердецъ, должны забыть другъ друга, — я долженъ жениться, а она выйти за-

мужъ, за кого приведется? Какой мужчина можетъ быть для моей неоцѣненной Тео тѣмъ, чѣмъ былъ для нея я? О Боже! Какая женщина можетъ замѣнить мнѣ Тео? — Пожалуй, отдайте ее завтра же хоть за принца Валлійскаго, но это будетъ трусость, это будетъ измѣна. Можемъ ли мы, можете ли вы нарушить обѣщанія, данныя нами другъ другу предъ лицомъ неба? Пожалуй, разлучите насъ, — и она у васъ умретъ: это вѣрно! Неужели вы дали клятву убить ее? Такъ убейте же, если думаете, что клятва эта васъ связываетъ. Съ своей стороны, клянусь, что я радъ вашему приходу: по крайней мѣрѣ я могу формально взять назадъ свое слово и откровенно объявить, что, по первому ея призыву, явлюсь къ ней!

Безъ всякаго сомнѣнія, эта рѣчь была произнесена съ душевными порывами и волненіемъ, принадлежавшими юности мистера Варрингтона, и съ твердымъ убѣжденіемъ, что смерть непремѣнно унесетъ одного изъ любящихъ, или обоихъ ихъ, въ другой міръ, если только произнесенъ будетъ приговоръ разлуки. Скажите, кто не вѣровалъ, что первая и пламенная любовь продолжится вѣчно? Съ тѣхъ поръ, изучая людей, наблюдая развитіе, прогрессъ и — увы! я долженъ сказать — упадокъ нѣжной страсти, я улыбаюсь теперь, вспоминая о моихъ юношескихъ заблужденіяхъ, о пылкой юношеской любви; но называйте это безумствомъ, а я все-таки держусь его; я все-таки останусь при томъ убѣжденіи, что ни тотъ, ни другая не были бы счастливы съ кѣмъ бы то ни было другимъ, и что изъ безчисленнаго множества человѣческихъ созданій, само небо опредѣлило, чтобы эти два были соединены вѣчно, неразрывно.

— Слѣдовательно, мы приходимъ къ тому, отъ чего бы я такъ охотно отклонился, сказалъ генералъ въ отвѣтъ на мою откровенную рѣчь: — къ непріятному разрыву. При встрѣчѣ съ вами, мистеръ Варрингтонъ, я васъ больше не знаю. Теперь, когда вы не хотите въ разговорѣ со мной оказывать должное моимъ лѣтамъ почтеніе, не хотите исполнять долга, требуемаго отъ всякаго джентльмена, я долженъ приказать моему семейству, моимъ дѣтямъ — а онѣ должны повиноваться мнѣ безусловно — не узнавать васъ при встрѣчѣ. По вашей чести, по мнѣнію, которое я составилъ о васъ, я, при настоящей моей горести и смущеніи, надѣялся найти въ васъ человѣка, который поможетъ мнѣ успокоиться. Богу одному извѣстно, какъ я нуждаюсь въ сочувствіи ближняго. Но вмѣсто помощи, вы ставите препятствіе на моемъ пути. Вмѣсто друга — прости меня милосердое небо! — я нахожу въ васъ врага! врага спокойствію моего дома и чести моихъ дѣтей! Врагомъ я буду считать васъ и буду знать, какъ разсчитаться съ вами, если вы попробуете еще разъ нарушить мое спокойствіе.

Сказавъ это, мистеръ Ламбертъ махнулъ рукой, надѣлъ шляпу и вышелъ изъ комнаты.

Это обстоятельство поставило меня въ крайнее недоумѣніе; я былъ убѣжденъ, что между нами началась война. Кратковременное счастіе вчерашняго дня омрачилось и исчезло. Казалось, я никогда еще не чувствовалъ себя такимъ несчастнымъ, какъ теперь, когда горечь ссоры присоединялась къ мученіямъ разлуки, и я оставался не только одинокимъ, но и безъ друзей. Втеченіе одного года постоянной пріязни, я привыкъ смотрѣть на Ламберта съ уваженіемъ и любовью, съ чувствомъ, котораго не питалъ ни къ кому изъ смертныхъ, кромѣ моего неоцѣненнаго Гарри. При одной мысли, что его лицо съ гнѣвомъ будетъ отвращено отъ меня, казалось, какъ будто солнце скрылось изъ моей сферы и кругомъ меня все покрылось мракомъ. Но все же я чувствовалъ, что, взявъ назадъ опрометчивое обѣщаніе не видаться съ Тео, я поступилъ справедливо, что моя вѣрность къ ней, какъ и ея ко мнѣ, стояли выше всѣхъ другихъ узъ, образуемыхъ долгомъ или повиновеніемъ, и что я принадлежалъ ей первѣе и главнѣе всѣхъ. Мы дали клятву другъ другу, которой не въ состояніи разрѣшить никакой родитель; всѣ священники въ христіанскомъ мірѣ засвидѣтельствуютъ и утвердятъ контрактатъ, заключенный между нашими сердцами.

Въ тотъ день, механически направляясь въ обыкновенное мое убѣжище — въ библіотеку новаго музея, я случайно встрѣтилъ тамъ Джэка Ламберта. Съ пылкостію юноши и при нетерпѣніи подѣлиться съ кѣмъ нибудь моимъ горемъ, я вывелъ его изъ комнаты, вышелъ въ садъ и излилъ передъ нимъ всю скорбь моей души. Я не очень жаловалъ Джэка: онъ былъ порядочный вѣтрогонъ, надмененъ и донельзя скученъ съ своими латинскими цитатами. Если я и обращался къ нему со всею откровенностью, то именно во время моей горести, когда я готовъ былъ прильнуть къ нему или ко всякому другому; онъ самъ страдалъ отъ нѣжной страсти къ маленькой американкѣ, такъ что на этотъ разъ я нашелъ въ немъ университетскаго джентльмена, готоваго сочувствовать несчастію ближняго. Я разсказалъ ему о моей вчерашней встрѣчѣ съ его сестрой, объ утреннемъ свиданіи съ его отцомъ и о моей рѣшимости во что бы то ни стало не разлучаться съ Тео. Узнавъ, изъ множества произнесенныхъ имъ цитатъ изъ греческихъ и латинскихъ авторовъ, что онъ беретъ мою сторону, я принялъ его за человѣка съ большимъ умомъ, крѣпко прижался къ его локтю и началъ осыпать его выраженіями дружбы, которыхъ до этой поры онъ не привыкъ отъ меня слышать. Я проводилъ его до самой квартиры генерала; дождался, пока онъ войдетъ въ другую дверь; окинулъ взглядомъ весь домъ, сти-

раясь, съ болѣзненнымъ ощущеніемъ въ душѣ. узнать по его наружному виду, что дѣлала и что думала душа моей души, и наконецъ въ кофейномъ домѣ, гдѣ ждалъ возвращенія Джэка, потребовалъ бутылку вина. Дѣлая ему такое щекотливое порученіе, я называлъ его *братомъ*. Я ласкался, льнулъ къ нему, какъ льнетъ осужденный преступникъ въ Ньюгэтѣ къ тюремщику, духовнику или всякому, кто былъ добръ, кто сказалъ ему въ его несчастіи слово утѣшенія. Я выпилъ въ кофейномъ домѣ, — носившемъ, мимоходомъ сказать, имя Джэка, — цѣлую бутылку вина и велѣлъ подать другую. Я думалъ, что Джэкъ не воротится.

Наконецъ Джэкъ явился съ лицомъ, не обѣщавшимъ много хорошаго. Онъ подошелъ къ столу, выпилъ изъ второй моей бутылки два стакана, одинъ за другимъ, и началъ исторію, которая, для меня по крайней мѣрѣ, не лишена была интереса. Бѣдная моя Тео не выходила изъ комнаты; событія вчерашняго дня сильно ее взволновали. Джэкъ пришелъ къ самому обѣду, послѣ котораго добрый отецъ сообщилъ объ утреннемъ свиданіи; онъ хотѣлъ говорить какъ можно свободнѣе и имѣлъ къ тому возможность, — потому что за столомъ сидѣлъ старшій сынъ, а Теодосія находилась въ своей комнатѣ. Генералъ разсказалъ весь нашъ разговоръ. Онъ приказалъ Гетти молчать (а та и безъ того была безмолвна, какъ мышка, бѣдненькая!), потомъ обратился къ тетушкѣ Ламбертъ (которая, само собою разумѣется, не забыла смачивать платокъ свой обиліемъ слезъ) съ грознымъ замѣчаніемъ, что онѣ всѣ противъ него, да и между собой-то готовы продать другъ друга, и наконецъ гнѣвно отвернулся отъ нихъ и спросилъ Джэка: въ какомъ видѣ представляется ему эта продѣлка?

Къ изумленію отца, матери и сестры, Джэкъ произнесъ рѣчь въ мою защиту. Онъ доказывалъ (цитируя, ужь я право не знаю, какихъ древнихъ авторитетовъ), что дѣло это вышло изъ рукъ родителей той и другой стороны; что, давъ предварительное согласіе, они не имѣютъ права судиться. Хотя онъ и не придерживается воззрѣній великихъ, почтенныхъ духовныхъ особъ, даже всего сонма особъ, на брачный обрядъ,—о чемъ можно бы сказать очень многое, — но относительно самаго брака онъ имѣетъ самыя твердыя убѣжденія, допуская даже, что браки, совершаемые передъ гражданскимъ начальствомъ и безъ священника, передъ лицомъ неба становятся ненарушимыми, неразрывными.

— Сэръ, говорилъ Джэкъ, обращаясь къ отцу: — человѣкъ не имѣетъ права, не смѣетъ разъединять два человѣческія существа, соединенныя мной, Джэкомъ Ламбертомъ, молодымъ священникомъ; а тѣмъ болѣе не имѣетъ права разъединять людей, соеди-

ненныхъ самимъ Богомъ (при этихъ словахъ, Джэкъ снялъ свою шляпу). Мой взглядъ на этотъ предметъ правиленъ и чистъ. Эти молодые люди соединены небомъ; они дали клятву другъ другу съ вашего согласія, а вѣдь вы священникъ своего семейства. Мой взглядъ на этотъ предметъ вѣренъ, и я изложу его въ двухъ-трехъ разсужденіяхъ, которыя, надѣюсь, удовлетворятъ васъ вполнѣ. Я уже удовлетворенъ, мой другъ, сказалъ отецъ; а бойкая маленькая Гетъ шепчетъ мнѣ: Джэкъ, мама и я сошьемъ тебѣ дюжину рубашекъ, — это вѣрно, какъ вѣрно, что яицы не яблоки».

«Во время нашего разговора, продолжалъ Джэкъ:—показалась сестра Теодосія, сильно взволнованная, очень блѣдная, — поцаловала отца, сѣла рядомъ съ нимъ и взяла крошечку тоста (любезный Джоржъ, да этотъ портвейнъ превосходный, я пью твое здоровье) и обмакнула въ его негусъ.

«— Ахъ Тео, тебѣ бы надо быть здѣсь и послушать проповѣдь Джэка! говоритъ Гестеръ. Онъ удивительно хорошо проповѣдуетъ!

«—Онъ говорилъ цѣлыхъ три четверти часа по шрюсбирійскимъ часамъ, замѣчаетъ отецъ: — тогда какъ я не говорилъ и вполовину такъ долго по моимъ собственнымъ часамъ. Предметомъ его проповѣди была ты, милая, прибавилъ онъ, трогая рукой Теодосію.

«— Я, папа?

«— Ты и.... и мистеръ Babрингтонъ.... и.... Джоржъ, моя душа.

«При этомъ (продолжалъ мистеръ) сестра моя прижалась къ генералу и, склонивъ голову на его плечо, заплакала.

«— Это совсѣмъ не такъ, какъ говорится въ одномъ мѣстѣ у Павзанія, — сказалъ я.

«Я улыбнулся простотѣ моего отца, подъ вліяніемъ которой онъ обнаруживалъ передъ дѣтьми свое невѣжество. Когда Улиссъ увезъ отъ отца Пенелопу, царь пустился въ погоню за женихомъ и дочерью, и умолялъ послѣднюю воротиться домой. При этомъ Улиссъ представилъ ей на выборъ: или воротиться, или ѣхать съ нимъ дальше. Дочь Икарія, выслушавъ предложеніе, опустила на свое лицо покрывало. За неимѣніемъ покрывала, моя сестра спряталась въ вашемъ камзолѣ, сэръ. Я сказалъ это, и мы всѣ захохотали; однакожь моя мать замѣтила, что еслибъ такое предложеніе было сдѣлано ей, или еслибъ Пенелопа была съ твердой волей, она въ туже минуту воротилась бы домой.

«— Но у меня, милая мама, никакой нѣтъ воли! сказала Теодосія, все еще оставаясь in gremio patris. Я не помню, чтобы подобныя ласки часто повторялись во время моей юности, продолжалъ Джэкъ. Спустя еще нѣсколько времени, я вспомнилъ о тебѣ, братъ

мой Babрингтонъ, и оставилъ моихъ родителей, настаивающихъ, чтобы Тео шла на покой. Отъ послѣднихъ событій она сдѣлалась еще слабѣе. Я вѣдь самъ испыталъ, какъ сильно извѣстная страсть волнуетъ душу, и какимъ истязаніямъ подвергаетъ ее; я не сомнѣваюсь, что предаться вполнѣ этой страсти, или дозволить ей развиться да такой степени, до какой позволяютъ себѣ женщины, которыя почти вовсе не имѣютъ философіи, — чрезвычайно вредно для здоровья. До свиданья, братъ!»

Какой быстрый переходъ отъ отчаянія къ надеждѣ! Какой потокъ счастія влился въ мою душу, какимъ яркимъ свѣтомъ озарилось все мое бытіе! — Еще бутылку портвейну! Еслибъ честный Джэкъ захотѣлъ выпить весь погребъ, я не поскупился бы заплатить за это. Надо сказать правду, въ этомъ случаѣ сочувствіе Джэка было безпредѣльно; во весь тотъ день онъ былъ необыкновенно великодушенъ. Дружба моя къ нему, клянусь, будетъ вѣчная. Еслибъ я могъ оказать ему какую нибудь услугу, напримѣръ, хоть бы дать мѣсто епископа,—клянусь Георгомъ,—я бы это сдѣлалъ. Джэкъ говоритъ, что я распѣвалъ свои стихи подъ окномъ моей возлюбленной, и что караульный прервалъ мои рапсодіи. Не знаю; знаю только, что я проснулся на другое утро веселый, счастливый, несмотря на страшную головную боль.

Не зналъ я также о томъ, долго ли продолжится мое счастье и дѣйствительно ли произошла такая перемѣна въ моемъ благородномъ врагѣ. Надо полагать, что подчиниться доводамъ и возраженіямъ, высказаннымъ мною мистеру Ламберту довольно непочтительно, было оскорбленіемъ для гордости этого почтеннаго человѣка. Но, какъ истинный христіанинъ, окончивъ разговоръ со мной, онъ, огорченный и оскорбленный жестокостью моихъ убѣжденій и страданіемъ дочери, съ печалью и уныніемъ отправился къ своимъ занятіямъ (какъ генералъ говорилъ мнѣ впослѣдствіи) и потомъ въ церковь, открытую для молитвы во всякое время, и здѣсь, на колѣнахъ, представилъ вопросъ жизни на судъ Тому, къ Которому онъ часто обращался за просвѣтлѣніемъ его ума и утѣшеніемъ; онъ убѣдился, что дочь его, оставаясь вѣрною мнѣ, была невиновна, но что виноватъ былъ онъ, требуя отъ нея безъусловной покорности. Поэтому-то доводы Джэка были приняты, прежде, чѣмъ онъ успѣлъ ихъ высказать; храброе, благородное сердце, чуждое злобы, обливавшееся кровью при видѣ страданій любимаго существа, сжимавшееся отъ присвоенія власти или отъ требованія покорности, было слишкомъ мягко, слишкомъ нѣжно; оно съ радостію забилось своимъ натуральнымъ біеніемъ, способнымъ къ воспріятію любовныхъ нѣжныхъ чувствъ.

ГЛАВА VII

ПИРАМЪ И ТИСБЕЯ.

Рассматривая дома старыя письма нѣсколько лѣтъ спустя, я нашелъ одно изъ нихъ съ слѣдующей надписью, сдѣланною рукой моей матери: *Изъ Лондона, апрѣля, 1760. Ужасное письмо моего сына.* Когда письмо это попало мнѣ въ руки, я сейчасъ его сжегъ. Я не хотѣлъ, чтобы эта исторія домашняго раздора оставалась между нашими фамильными рукописями для будущихъ Варрингтоновъ, чтобы непокорные сыновья хранили его, какъ примѣръ бывалыхъ семейныхъ смутъ. По той же самой причинѣ, я уничтожилъ письмо, посланное ко мнѣ матерью въ періодъ этой тираніи, возмущенія, горести и раздраженія.

Доведенный до безумія, до отчаянія разлукой съ моей нареченной невѣстой и справедливо считая мистриссъ Эсмондъ главной виновницей величайшаго несчастія и горести, когда либо выпадавшихъ на мою долю въ этомъ мірѣ, я написалъ въ Виргинію письмо, которое могло бы быть умѣреннѣе—это правда—но въ которомъ я старался сохранить сыновнее уваженіе къ матери. Я писалъ, что мнѣ неизвѣстны побудительныя причины, подъ вліяніемъ которыхъ она дѣйствовала къ моему вреду, но что я считалъ ее отвѣтственною за несчастіе послѣдующей жизни, которую ей угодно было добровольно отравить и сдѣлать для меня тяжелымъ бременемъ. Она разлучила меня съ добродѣтельнымъ и невиннымъ молодымъ созданіемъ, котораго надежды, здоровье и счастіе навсегда убиты были вмѣшательствомъ мистриссъ Эсмондъ. Дѣло уже было кончено, какъ я думалъ, и потому не хотѣлъ упрекать его виновницу: она должна была дать отвѣтъ въ этомъ поступкѣ одному Богу; при всемъ томъ, я не хотѣлъ скрыть отъ матери, что вредъ, который она причинила мнѣ, былъ такъ страшенъ и смертеленъ, что ни ея, ни моя жизнь не въ состояніи его исправить, что кровные узы, привязывающіе меня къ ней, были прерваны, и что я уже болѣе не могъ быть ея покорнымъ и почтительнымъ сыномъ.

Мадамъ Эсмондъ отвѣчала мнѣ съ величайшимъ достоинствомъ (ея слогъ и выраженія отличались необыкновенной изящностью и чистотой). Она не сказала ни одного упрека, ни одного жосткаго слова, но холодно дала мнѣ понять, что, прежде, чѣмъ рѣшить это дѣло, она повергала его предъ грознымъ трибуналомъ Бога и просила совѣта; что въ отношеніи своего поведенія она, какъ мать, го-

това была, со всѣмъ смиреніемъ, измѣнить его. Могъ ли я, какъ сынъ, точно такъ же отвѣтить за себя, и доказать, когда великій Судія потребуетъ отъ меня отвѣтъ, что я исполнилъ мой долгъ и чтилъ отца своего и матеры! Въ запискахъ моего дѣда есть строфа изъ Гомера, показывающая, что мы въ затрудненіяхъ нашихъ всегда обращаемся къ богамъ. Когда въ наши дѣла вмѣшается гордость, алчность, интересъ, желаніе господствовать, мы всегда обращаемся къ небу съ мольбою рѣшить ихъ въ нашу пользу? Во время великой американской войны, не обѣ ли стороны умоляли небеса о ниспосланіи успѣха оружію, пѣли Te Deum за побѣду, и смѣло выражали увѣренность, что правда и правое дѣло восторжествуютъ? Побѣда осталась за нами; но развѣ это потому, что Америка была права? Развѣ можно считать виновными тѣ націи, которыя, послѣ пораженія, сдѣлались порабощенными?

— Каждый разъ, задавая себѣ эти вопросы, я припоминаю маленькую женщину, которая тоже обращалась къ небу и прибѣгала къ своему молитвеннику, потому только, что ея сынъ захотѣлъ жениться не по ея выбору! Мы молимся, произносимъ клятвы, падаемъ на колѣни, просимъ благословенія нашимъ дѣламъ; міръ совершаетъ обычный свой путь; мы страдаемъ, боремся съ нашими страданіями, изнемогаемъ въ этой борьбѣ; мы ненавидимъ, приходимъ въ бѣшенство, льемъ потоки горячихъ слезъ; мы миримся, гонимся за однимъ предметомъ и выигрываемъ, гоняемся за другимъ и проигрываемъ, переселяемся въ другой міръ, и наше мѣсто заступаютъ другіе ратоборцы; нашъ день на исходѣ; наступаетъ ночь, занимается новое утро, и взошедшее солнце уже болѣе на насъ не свѣтитъ.

Письмо мое къ мадамъ Эсмондъ, свидѣтельствовавшее о моемъ возстаніи и неповиновеніи (быть можетъ, въ то время я гордился сочиненіемъ такого документа) я показалъ мистеру Ламберту. Я хотѣлъ дать ему понять, какого рода были мои отношенія къ матери, и что я рѣшился, несмотря ни на какія угрозы или ссоры, считать разлуку мою съ Тео не иначе, какъ вынужденною. Я готовъ былъ встрѣчаться и видѣться съ ней вездѣ и во всякое время. Слово, которое я далъ ей, обязывало меня на всю мою жизнь. Я понималъ, что Тео тѣмъ же точно была обязана мнѣ. Это зналъ и ея бѣдный отецъ. Онъ могъ разлучить насъ, какъ могъ дать ей пріемъ яду, и слабое, покорное созданіе приняло бы его и умерло; но смерть или разлука были бы его дѣяніемъ: онъ отвѣтилъ бы за то и другое. Онъ, однакожь, былъ добръ къ своимъ дѣтямъ до слабости; у него недостало бы духу предать пыткѣ чье бы то ни было сердце, а тѣмъ болѣе сердце Тео. Мы старались жить въ разлукѣ — и не могъ

ли. Онъ старался разлучить насъ; но это было болѣе, чѣмъ въ его власти. Желѣзныя ворота были заперты; но молодая чета — дѣвица внутри замка и рыцарь за стѣнами — любили другъ друга нисколько не меньше. Пирамъ и Тисбея передавали другъ другу клятвы въ любви сквозь стѣну, которая ихъ разъединяла. При всей горести и затруднительномъ положеніи, дядя Ламбертъ обладалъ значительнымъ запасомъ юмора и не могъ не видѣть, что его роль была довольно жалкая. Сквозь известь и грубую штукатурку той стѣны начиналъ проглядывать свѣтъ. Любовники сначала стали просовывать руки, потомъ головы, такъ что стѣна ни къ чему не служила, и ей оставалось или рушиться, или передвинуться на другое мѣсто.

Я забылъ, что про сходило отъ времени до времени; отъ одного дня до другаго; впрочемъ, въ этомъ ничего нѣтъ назидательнаго для будущихъ поколѣній. Когда потомки мои попадутъ въ какую бы то ни было западню, они, вѣроятно, найдутъ средства, какъ изъ нея выбраться. Помню, что я не ходилъ болѣе въ улицу Динъ; но прогулка на чистомъ воздухѣ считалась благотворною для здоровья миссъ Ламбертъ. Я досталъ славнаго коня и на немъ ѣздилъ подлѣ коляски. Старушка въ Тоттенгэмъ-Кортѣ очень скоро познакомилась съ нами и очень дружелюбно подмигивала намъ и кивала головой, когда мы проѣзжали мимо. Надо полагать, что этой доброй старушкѣ не привыкать было принимать участіе въ молодыхъ четахъ и что двери ея придорожнаго коттэджа принимали къ себѣ не одну пару влюбленныхъ.

Докторъ и деревенскій воздухъ дѣлали удивительные успѣхи въ поправленіи здоровья миссъ Ламбертъ. Гетти постоянно сопровождала ее въ качествѣ дуэньи, а мастеръ Чарли, въ праздничные дни, садился на мою лошадь, въ то время, какъ я занималъ мѣсто въ каретѣ подлѣ Тео. Сколько нѣжныхъ словъ, сколько признаній въ любви невольно приходилось слушать миссъ Гетти! съ какимъ примѣрнымъ терпѣніемъ она слушала ихъ! Не смѣю сказать, что она отправлялась слушать проповѣди методиста; но вѣрю то, что, когда мы запирали наглухо карету, она обращалась къ окну и любовалась изъ него сельской природой. Какія груды писемъ накоплялись у насъ! какая бѣготня творилась! Кривыя ноги Гумбо постоянно были въ движеніи отъ моей квартиры въ улицу Динъ; между тѣмъ, какъ мистриссъ Молли, горничная Тео, приносила мнѣ отвѣты. Несмотря на то, что осенніе листья начинали блѣднѣть, розы на щечкахъ миссъ Тео расцвѣли полнымъ цвѣтомъ, и леченіе доктора Гебердена признано было удовлетворительнымъ. Дайте припомнить, что еще случилось въ это блаженное время. Мистеръ Варрингтонъ со-

чилъ знаменитую трагедію «Покахонтасъ», которую не только принялъ мистеръ Гаррикъ (его пріятель, мистеръ Джонсонъ отозвался о ней не совсѣмъ благопріятно), но режиссеръ пригласилъ моего друга Гагана играть роль героя трагедіи—капитана Смита. Безъ этого лица въ моей трагедіи приглашеніе Гагана, можетъ статься, и не состоялось бы. Я помогалъ ему и его семейству средствами, далеко непропорціональными моимъ доходамъ, особливо во время моего раздора съ мадамъ Эсмондъ, отвѣтъ которой на мое гнѣвное посланіе въ апрѣлѣ мѣсяцѣ пришелъ ко мнѣ осенью, и послѣ того я получалъ изъ Виргиніи письма одно за другимъ, въ которыхъ на мою вражду отвѣчали враждою, на увѣщанія — увѣщаніемъ. Эти угрозы, однакожь, нисколько не страшили меня; громовыя стрѣлы моей бѣдной матери до меня не долетали; моя совѣсть доставляла мнѣ возможность совершенно иначе толковать тексты св. писанія, такъ что ея пререченія ни на волосъ не отклонили меня отъ пути, по которому я стремился для достиженія своей цѣли. Я не извѣщалъ ея объ успѣхахъ моей любви, не извѣщали объ этомъ и другіе члены моей материнской или отцовской фамиліи, хотя всѣ они были страшно вооружены противъ моей женитьбы. Я считалъ безполезнымъ бороться съ ними. По моему мнѣнію, гораздо было лучше оставить ихъ въ покоѣ, наслаждаться блаженствомъ любви и предоставить имъ полную свободу давать мнѣ совѣты.

Кромѣ мадамъ Эсмондъ, надобно признаться, я, въ безумномъ гнѣвѣ на временную разлуку, писалъ письма, исполненныя сильнѣйшаго сарказма, къ дядѣВаррингтону, къ баронессѣ Бернштейнъ, къ милорду или миледи Кастльвудъ (къ кому изъ нихъ именно, не помню): я благодарилъ ихъ за участіе, которое они принимали во мнѣ, чтобъ сохранить счастіе моей жизни. Дѣла заставили веселаго баронета и его семейство пріѣхать въ Лондонъ ранѣе обыкновеннаго. Мадамъ Бернштейнъ тоже заблагоразсудила занять прежнюю свою квартиру въ улицѣ Кларджесъ и заняться картами. Я увидѣлся съ ними. Они находили, что я поправился здоровьемъ. Изъ этого они заключали, что женитьба моя не состоится; а я не считалъ нужнымъ выводить ихъ изъ этого заблужденія. Баронесса радовалась моему веселому настроенію духа, подсмѣивалась надъ моей философіей, хвалила мое благоразуміе, называла меня свѣтскимъ человѣкомъ. Она, какъ и прежде, отъискивала мнѣ богатую невѣсту. Въ ея домѣ я наговорилъ тысячу любезностей богатой молоденькой дочери одного мыловара, которую достойная баронесса желала отдать въ мои объятія.

— Ты ухаживаешь за ней съ удивительнымъ тактомъ, говорила чрезвычайно довольная родственница:—но она не понимаетъ и поле-

занимающаго, что ты говоришь; а другая половина, я думаю, шутить съ. Этотъ ton de persiflage очень хорошъ въ нашемъ обществѣ; съ этими malicieux, милой мой племянникъ, можно говорить попроще.

Миссъ Баджъ вышла замужъ за молодаго джентльмена, съ княжескимъ титуломъ и весьма разстроеннымъ состоянiемъ, съ сосѣдняго острова. Въ домѣ баронессы я встрѣчалъ и другую миссъ, которая едва ли лучше первой понимала мой ton de persiflage. Это была лэди, видѣвшая царствованiе Iакова II. Я любилъ бесѣдовать съ ней. Еслибъ мои маленькiя дѣти не имѣли свободнаго доступа къ этой книгѣ, я бы включилъ въ нее сотни анекдотовъ о знатныхъ особахъ, которыхъ она знавала въ старину: о Георгѣ I и его дамахъ, о Сентъ-Джонѣ и Марльборо, о царствующемъ королѣ и покойномъ принцѣ Валлiйскомъ, о причинахъ распрей между ними. Эти анекдоты не могутъ интересовать мальчиковъ и дѣвочекъ. Мой сынъ Майкль вовсе не думаетъ о придворныхъ анекдотахъ; а если они его интересуютъ, то онъ можетъ получить изъ Карлтонъ-Хауза самый свѣжiй запасъ анекдотовъ, и, въ добавокъ еще, несравненно худшихъ, чѣмъ всѣ анекдоты нашей старой баронесы. Не безпокойся, милая моя жена! Напрасно ты качаешь своей напудренной головой! Папа не намѣренъ вносить въ свою дѣтскую сплетней Стараго Свѣта. Итакъ, къ исторiи. Жизнь моя проходила въ прiятнѣйшемъ изъ всѣхъ занятiй. Будучи счастливъ, я не сердился на тѣхъ, которые вовсе не дѣлали мнѣ вреда, но скорѣе прибавляли особенную прелесть моему счастiю, поставляя на моемъ пути препятствiя. Мы не составляли особенныхъ плановъ: мы знали, что наступитъ день, когда намъ уже болѣе не приведется прощаться другъ съ другомъ. Долженъ-ли этотъ день наступить черезъ годъ, или черезъ десять лѣтъ, мы приготовились ждать. Каждый день мы обсуживали наши предположенiя. Во время прогулокъ мы любовались маленькими коттэджами, которые могли бы доставить удобное помѣщенiе для молодыхъ людей съ небольшими средствами; мы выдумывали очаровательные проэкты, касавшiеся домохозяйства. Мы вполнѣ представляли собою Стрефона и Хлою. Мы воображали, что намъ совершенно будетъ достаточно маленькой хижинки и кусочка чернаго хлѣба. Гумбо и Молли стали бы служить намъ (да они, впрочемъ, и служатъ намъ по настоящее время). Въ двадцать лѣтъ кто боится бѣдности? Испытанiя должны были усилить нашу привязанность. «Плѣнительная скорбь» отъ ежедневной разлуки только увеличивала радость встрѣчи завтрашняго дня. Теряя изъ виду другъ друга, мы спѣшили домой и писали тѣ драгоцѣнныя письма, которыя въ подобныхъ обстоятельствахъ пишутъ всѣ молодые джентльмены и лэди. Хотя моя жена хранитъ ихъ въ большой сандаловой шкатулкѣ, которая стоитъ въ спальнѣ моей

дѣ, — признаюсь; я самъ какъ-то заглядывалъ въ нихъ и даже нѣкоторыя изъ нихъ находилъ недурными; но я требую, чтобы, послѣ нашей кончины, мои наслѣдники и душеприкащики сожгли ихъ не читавши; особенно возлагаю исполненіе этой обязанности на моего сына капитана, для котораго чтеніе рукописей не доставляетъ удовольствія. Секреты, которые мы довѣряли городской почтѣ, Гумбо и Молли, должны остаться между нами. Шопотъ ихъ да не достигнетъ слуха никого изъ нашихъ потомковъ.

Отъ времени до времени мы получали коротенькія письма отъ нашего милаго Гарри. Онъ все еще находился въ арміи, въ качествѣ адъютанта при генералѣ Амгерстѣ, заступившемъ мѣсто главнокомандующаго послѣ смерти знаменитаго мистера Вульфа. Въ половинѣ октября пришло извѣстіе о капитуляціи Монреаля и всей Канады. Въ постскриптѣ своего коротенькаго письма, Гарри говоритъ, что намѣренъ взять отпускъ и повидаться съ матерью, которая, по замѣчанію капитана Варрингтона, была угрюма, *какъ медвѣдь*. Я угадывалъ причину угрюмости; но когти этого звѣря не въ состояніи были вцѣпиться въ меня. Я во всей подробности описалъ брату положеніе дѣлъ моихъ въ Англіи.

25 октября насъ поразила неожиданная новость, что его величество скончался въ Кенсингтонѣ и что надъ нами уже царствуетъ Георгъ III. Помните, мы мало сожалѣли о его кончинѣ. Мы съ радостію внимали молвѣ, что новый король былъ человѣкъ скромный, прекрасной наружности, одаренный качествами рыцаря и вообще превосходными душевными свойствами; мы кричали «ура!» вмѣстѣ съ толпой вѣрноподданныхъ, привѣтствовавшихъ его восшествія. Все это на насъ, влюбленныхъ, воркованшихъ о любви, не производило особеннаго впечатлѣнія.

Впрочемъ, и то сказать, великія событія производятъ на различныхъ людей различныя впечатлѣнія. Нашъ маленькій Чарли изъ пансіона Шартро желалъ, чтобы вслѣдъ за этимъ событіемъ случилось другое подобное, — желалъ потому собственно, что, по случаю высокоторжественнаго восшествія на престолъ Георга III, докторъ Крузіусъ далъ своимъ питомцамъ праздникъ. Чарли, я, Гетти, и Тео (миссъ Тео до такой степени укрѣпилась здоровьемъ, что могла безъ труда пройти пѣшкомъ добрую милю) слышали герольдовъ, провозглашавшихъ на Лэйстерскомъ полѣ восшествіе на престолъ новаго короля, видѣли, какъ воришка стащилъ часы и цѣпочку у джентльмена, стоявшаго рядомъ съ нами; воришка этого поймали, отвели въ Брайдвеллъ, — и все это по случаю восшествія. Не умри король — и старый джентльменъ не очутился бы въ народной толпѣ, часы его остались бы цѣлы, воришка не былъ бы схваченъ и жестоко

мистечекъ. Такимъ образомъ, многіе изъ насъ, болѣе или менѣе отдаленно, были вмѣшаны въ событія этихъ великихъ перемѣнъ, и даже мы, скромная любящая чета, не избѣжали общей участи.

Вотъ какъ это было. Милордъ Ротамъ былъ большой другъ августѣйшей фамиліи, всѣ члены которой знали и уважали его за многія добродѣтели. Милордъ лучше всѣхъ зналъ и любилъ своего сосѣда и стараго сослуживца Мартина Ламберта; онъ увѣрялъ, что едва ли найдется въ свѣтѣ человѣкъ лучше этого джентльмена. Милордъ Бютъ былъ всемогущъ при своемъ государѣ. Это былъ нобльменъ, который въ началѣ своего кратковременнаго и несчастнаго владычества ревностно старался покровительствовать достойнымъ людямъ, гдѣ бы ихъ ни находилъ. Благодаря старому и постоянному другу мистера Ламберта, милордъ Бютъ былъ сильно расположенъ въ пользу послѣдняго.

Старинный пріятель нашъ мистеръ Самсонъ, попадавшій въ тюрьму и выходившій изъ нея въ послѣдніе годы, трудно сказать, какое множество разъ, — питавшій неизмѣнную ненависть къ Эсмондамъ Кастльвудскимъ и искренно уважавшій меня и брата, занималъ въ это время въ моей квартирѣ пустую кровать бѣднаго Гарри (преслѣдованія полицейскихъ принудили его бѣжать изъ своей собственной квартиры). Мнѣ пріятно было, что Самсонъ находился вблизи меня. Надо правду сказать, такого веселаго человѣка рѣдко можно встрѣтить подъ черной мантіей. Къ тому же, онъ принималъ участіе во всѣхъ моихъ рапсодіяхъ относительно миссъ Тео, никогда не уставалъ (онъ божился въ этомъ) слушать мои сужденія о ней, съ неподдѣльнымъ энтузіазмомъ восхищался «Карпецаномъ» и «Покахонтасъ» и повторялъ изъ этихъ двухъ трагедій нѣкоторыя мѣста съ такимъ чувствомъ и эффектомъ, что едва ли въ состояніи были превзойти его Барри или кузенъ Гаганъ. Самсонъ постоянно обращался между леди Маріей и тѣми ея родственниками, которые ея не отвергали. Будучи всегда въ долгу, онъ считалъ за особенное счастіе, когда ему приводилось выпить съ ними кружку пива или смѣшать слезы съ слезами друзей, переносившихъ одинаковую съ нимъ участь. Знакомство его съ ростовщиками было обширное. Онъ хвастался, что могъ достать денегъ несравненно больше, чѣмъ всякій другой джентльменъ изъ его среды. Разумѣется, долговъ своихъ онъ никогда не платилъ, зато охотно прощалъ своимъ должникамъ. При всей бѣдности, онъ всегда находилъ средства любить и помогать своей нуждавшейся маленькой сестрѣ. Говорятъ, что я люблю имѣть при себѣ паразитовъ. Признаюсь откровенно, я отъ души любилъ Самсона и уважалъ его болѣе тѣхъ людей, которые дѣйствительно заслуживали уваженія.

Услышавъ, что милордъ Бютъ поступилъ въ число царскихъ совѣтниковъ, Самсонъ утверждалъ и божился, что милордъ—большой любитель драматическаго искусства, который видѣлъ «Карпецана», восхищался имъ и могъ бы съ неподражаемымъ эффектомъ разыграть въ ней роль короля. Самсонъ клялся Юпитеромъ, что милордъ долженъ дать мнѣ мѣсто, соотвѣтствующее моимъ дарованіямъ и происхожденію. Онъ настаивалъ, чтобы я являлся къ милорду въ пріемные дни; но я не хотѣлъ. Всѣ Эсмонды одержимы были гордостью Люцифера: мое происхожденіе нисколько не хуже любаго вельможи въ Европѣ. Гдѣ находились предки этого милорда въ то время, когда Эсмонды были уже властелинами огромныхъ графствъ, были воинами, рыцарями крестовыхъ походовъ? Чѣмъ они были въ то время? нищими шотландцами, въ рубищахъ, едва прикрывавшихъ наготу, питавшимися сырой рыбой на своихъ островахъ. Но эти шотландцы теперь въ милости. «Я не завидую ему», говорилъ Самсонъ. «Онъ, я увѣренъ, сдѣлаетъ много хорошаго для васъ и для моего драгоцѣннѣйшаго, благороднѣйшаго, храбрѣйшаго капитана. Онъ это долженъ сдѣлать! «восклицалъ достойный проповѣдникъ. А когда его величество, спустя мѣсяцъ послѣ восшествія на престолъ, изъявилъ желаніе видѣть на Друрилэнскомъ театрѣ «Ричарда III», Самсонъ выходилъ изъ себя и клялся, что привудитъ его посмотрѣть и «Карпецана» на ковентгарденской сценѣ. И вотъ, однажды утромъ, онъ ворвался въ мою спальню, гдѣ я лежалъ еще въ постели, хотя уже было довольно поздно. Самсонъ махалъ газетой, которую держалъ въ рукахъ, и изъ всей силы кричалъ «ура!»

— Что съ вами, Самсонъ? спросилъ я. — Не произведенъ ли мой братъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! нѣчто получше. Ура! ура! Его величество назначилъ генералъ-майора Мартина Ламберта губернаторомъ и главноначальствующимъ острова Ямайки.

Я вскочилъ съ постели. Дѣйствительно, это была новость. Мистеръ Ламбертъ отправится въ свое владѣніе, и кто поѣдетъ съ нимъ? Наканунѣ я ужиналъ съ молодыми джентльменами въ гостинницѣ «Кокосъ». Негодяй Гумбо, получивъ записку, въ которой милая Тео сообщала мнѣ эту же самую новость, замедлилъ ее передать мнѣ. Тео просила увидѣться съ ней на старомъ мѣстѣ, въ полдень слѣдующаго дня, непремѣнно (*).

Предметомъ нашего разговора, во время первой встрѣчи, было опасеніе за будущее. Папа объявилъ о принятіи имъ назна-

(*) Въ рукописи Варрингтона не говорится ни слова, что это за «старое мѣсто». Быть можетъ, кто нибудь изъ моихъ обязательныхъ читателей сообщитъ мнѣ какъ объ этомъ, такъ и о томъ, кто такая была мистриссъ Гудисонъ.

-ченія и о скоромъ отъѣздѣ. Онъ получитъ фрегатъ въ свое распоряженіе и *возьметъ съ собой все семейство*. Милосердое небо! и намъ должно разлучиться? Знакомая намъ мертвенная блѣдность Тео снова возвратилась къ ней. Тетушка Ламбертъ видѣла, что ея дочь упала въ обморокъ. Одна изъ дѣвочекъ побѣжала въ мастерскую за спиртомъ. «Вы уѣзжаете, тетушка Ламбертъ, уѣзжаете на фрегатѣ? Вы хотите оторвать ее отъ меня? Великій Боже! тетушка Ламбертъ, я умру! Когда принесли спиртъ, Тео сдѣлалось лучше. Замѣчаете, что эти женщины привыкли встрѣчать меня: зная слабое здоровье милой Тео, они не могли удержаться отъ состраданія къ ней. Генералъ былъ такъ занятъ своими представленіями къ министрамъ, сборами въ дорогу, устройствомъ своихъ дѣлъ, что имъ не приводилось сказать ему о нашихъ маленькихъ прогулкахъ и встрѣчахъ. Когда отдано было приказаніе мистриссъ Гудисонъ шить платья для мистриссъ Ламбертъ, Гетти и Тео (мистриссъ Гудисонъ знала и работала на миссъ Молли Бенсонъ; она помнила миссъ Эсмондъ изъ Виргиніи и платье, которое шила ей на придворный балъ), когда мнѣ заказали шить платья для этихъ трехъ леди—говорила добрая мистриссъ Гудисонъ — я подумала, что дурнаго ничего не будетъ, если я исполню заказъ.

Нужно ли говорить, въ какомъ смущеніи, въ какомъ отчаяніи мистеръ Babрингтонъ воротился домой послѣ совѣщанія съ дамами о вышеприведенной новости. Кончились прогулки, кончились поѣздки въ милый Гампстедъ и Эйлингтонъ; ни Гумбо, ни Молли не будутъ относить и приносить очаровательныхъ писемъ! Гумбо такъ горько плакалъ, что мистеръ Babрингтонъ былъ тронутъ его вѣрностью; онъ далъ ему кроху на ужинъ съ бѣдной Молли, которая оказалась обладательницею его сердца. И ты несчастливъ, Гумбо: и тебя отрываютъ отъ дѣвы, которую ты любишь? Я готовъ былъ рыдать вмѣстѣ съ нимъ.

Какое торжественное совѣщаніе держалъ я въ тотъ вечеръ съ мистеромъ Самсономъ! Онъ зналъ мои дѣла, мои ожиданія, гнѣвъ моей матери. Генералъ не хотѣлъ дать согласія? Самсонъ пожалъ широкими плечами и проревѣлъ страшную клятву. Моя мать не даетъ позволенія? Такъ что же? Мужчина долженъ быть мужчиной; онъ долженъ идти по своей собственной дорогѣ. Надо быть трусомъ, чтобъ не играть въ эту игру, сулитъ ли она выигрышъ, или проигрышъ: это все равно! ораторствовалъ проповѣдникъ за бутылкой бургондскаго въ Бетфордгэдѣ, гдѣ мы обѣдали. Мнѣ бы не слѣдовало описывать нашего разговора. Насъ было двое; но мысль у обоихъ была одна. Это было въ субботу вечеромъ...

Я не сказалъ ни Тео, ни ея роднымъ о нашемъ намѣреніи. Но когда милое дитя трепетало отъ одной мысли о скоромъ отъѣздѣ, я старался успокоить ее и съ такою увѣренностію говорилъ о прекрасномъ окончаніи нашего дѣла, что Тео, печаль и радость которой зависѣли отъ выраженія моего лица (другъ мой, иногда я желалъ, чтобы оно не было такъ мрачно), не могла не довѣряться; она совершенно положилась на меня и лепетала тѣ плѣнительныя слова Руфи, которыя въ состояніи успокоить миріады нѣжныхъ сердецъ, находящихся въ положеніи моей неоцѣненной дѣвы. Наконецъ приготовленія генерала кончились; чемоданы загромоздили всѣ корридоры милой старой квартиры въ улицѣ Динъ, которую я буду помнить и любить, пока не покинетъ меня память. Итакъ, однажды, въ одинъ изъ послѣднихъ дней пребыванія семейства генерала въ Лондонѣ, когда добрый человѣкъ (такъ обыкновенно мы называли его превосходительство) пришелъ домой къ обѣду — неотраденъ былъ этотъ обѣдъ при такомъ положеніи семейства — онъ посмотрѣлъ на мѣсто, которое я занималъ въ счастливые былые дни, и вздохнулъ:

— Ахъ, Молли! я бы желалъ, чтобъ Джоржъ былъ здѣсь

— Въ самомъ дѣлѣ, Мартинъ? сказала тетушка Ламберта, бросаясь въ его объятія.

— Да, да, желалъ бы; но не желаю, Молли, чтобы ты меня задушила. Я люблю его искренно. Быть можетъ, я никогда его не увижу, уѣду и увезу съ собой предметъ его обожанія. Полагаю, дѣти, вы будете съ нимъ переписываться? Не могу запретить вамъ этого. Надѣюсь, что къ тому времени, какъ онъ перемѣнитъ свое намѣреніе, миссъ Тео не захочетъ выйти изъ повиновенія отцу и выбросить его изъ своей глупенькой головки. Правда, Тео?

— Нѣтъ, милый, дорогой, лучшій мой папа.

— Какъ! опять объятія и поцалуи! Что все это значитъ?

— Это значитъ, что... что Джоржъ въ гостиной, сказала мама.

— Неужели? любезный Джоржъ! вскричалъ генералъ. — Поди ко мнѣ, войди сюда!

И, когда я вошелъ, онъ обнялъ меня, крѣпко прижалъ къ сердцу и поцаловалъ.

Признаюсь, это меня такъ тронуло, что я упалъ на колѣни передъ этимъ добрымъ человѣкомъ и заплакалъ, какъ дитя.

— Богъ да благословитъ тебя! торопливо произнесъ онъ. Я всегда любилъ тебя, какъ сына... неправда ли, Молли? Едва не сокрушилъ своего сердца, когда поссорился съ тобой изъ-за этой маленькой... Какъ! Это еще что? всѣ стали на колѣни! Мистриссъ Ламбертъ, пожалуйста, объясните, что все это значитъ?

— Дорогой мой, милый папа! Все равно, я поѣду съ вами, сказала одна изъ стоящихъ на колѣняхъ. Я буду ждать... сколько угодно моему отцу.

— Во имя неба! закричалъ Ламбертъ: скажите мнѣ, что случилось?

Случилось вотъ что: въ то утро Джоржъ Эсмондъ Баррингтонъ и Теодосія Ламбертъ были обвѣнчаны въ Саутворкѣ. Обрядъ бракосочетанія совершенъ былъ надлежащимъ образомъ въ церкви одного изъ пріятелей высокопочтеннѣйшаго мистера Самсона.

ГЛАВА VIII.

СОДЕРЖИТЪ ВЪ СЕБѢ КОМЕДІЮ И ТРАГЕДІЮ.

Мы, которые были виновниками преступной сцены въ то утро, чувствовали себя втройнѣ виновными, увидѣвъ дѣйствіе, произведенное нами на человѣка, котораго изъ всѣхъ людей въ мірѣ мы болѣе всего любили и уважали. Ударъ доброму человѣку былъ силенъ, и намъ было больно его видѣть. Любимая дочь обманула его, не хотѣла ему повиноваться. Теперь, мой другъ, мы этого не сдѣлаемъ, да и невозможно сдѣлать. Все его семейство составило заговоръ противъ него. Дорогой, добрый другъ и отецъ! Мы знаемъ, что ты простилъ намъ этотъ проступокъ; ты простилъ его въ небесахъ, гдѣ обитаешь теперь въ свѣтломъ сонмѣ чистыхъ, непорочныхъ душъ, которыя учились на землѣ и учили другихъ любить и прощать. Любить и прощать было для этого человѣка самою легкою обязанностью. Благотворительность и спокойная покорность судьбѣ были его врожденными качествами; обидѣть кого нибудь для него было варварствомъ, звѣрствомъ, хуже, чѣмъ пытать дитя или наносить удары беременной женщинѣ. Дѣло сдѣлано: мы всѣ признали себя виновными и пали ницъ предъ человѣкомъ, котораго оскорбили. Не буду описывать сценъ прощенія, примиренія, общей любви и окончательной разлуки, когда этотъ добрый человѣкъ отправился къ мѣсту своего назначенія и корабль поплылъ въ море передъ нашими глазами, оставивъ меня и Тео на берегу. Мы стояли рука въ руку, глубоко тронутые, безмолвные, виновные. Жена моя не являлась въ мой домъ до отъѣзда отца; между бракомъ и отъѣздомъ она оставалась дома, занимая мѣсто за столомъ подлѣ отца и постель подлѣ сестры. Ламбертъ былъ добръ, какъ и всегда, но женщины почти не говорили ни слова. Тетушка Ламбертъ, по прежнему, стала хмуриться; маленькая Гетти находилась въ какомъ-то странномъ,

лихорадочномъ состояніи и безпрестанно повторяла: «скорѣе бы уѣхать, скорѣе бы уѣхать!» Хотя насъ простили и мнѣ дозволено было ходить въ домъ, но втеченіе послѣднихъ дней я обѣгалъ его и видѣлся съ женой минуту-другую на улицѣ. До отъѣзда генерала она не была моей женой. Мы отправились въ Винчестеръ и Гамптонъ провести медовый мѣсяцъ. Скучна была наша поѣздка. Съ самаго начала нѣсколько времени мы чувствовали себя совершенно одинокими, какъ будто мы похоронили дорогаго отца, какъ будто неисполненіемъ долга свели его въ могилу.

Я отдалъ приказаніе Самсону объявить о нашей женитьбѣ въ газетахъ. (Впослѣдствіи моя жена постоянно потупляла голову передъ этимъ бѣднякомъ.) Я привезъ мистриссъ Варрингтонъ въ мою старую квартиру въ Блумсбери, гдѣ помѣщенія для насъ двоихъ было достаточно и гдѣ началась наша скромная супружеская жизнь. Я написалъ къ матери письмо, въ которомъ, избѣгая подробностей, увѣдомлялъ ее, что, по случаю отъѣзда мистера Ламберта въ его губернаторство, я, какъ благородный человѣкъ, счелъ себя обязаннымъ исполнить обѣщаніе, данное его прелестнѣйшей дочери; при этомъ я упомянулъ, что намѣренъ довершить мое образованіе и занять мѣсто адвоката на родинѣ, въ нашей или въ какой нибудь другой колоніи. На это письмо мнѣ отвѣчала мистриссъ Моунтэйнъ, по приказанію мадамъ Эсмондъ, полагавшей, что для сохраненія спокойствія этотъ способъ сообщенія самый лучшій. Всѣ мои родственники пришли въ страшное бѣшенство, доставлявшее намъ немалое удовольствіе. Въ лицѣ швейцара моего дяди, когда онъ объявилъ, что господъ нѣтъ дома, было столько трагическаго выраженія, что Гаррику слѣдовало бы изучить его для того момента, когда онъ встрѣчается съ Банко. Бѣдненькая жена моя опиралась мнѣ на руку, и мы шли усиленнымъ шагомъ, отъ души смѣясь надъ такимъ пріемомъ, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, встрѣчаемся съ миледи, случайно остановившейся на улицѣ въ своей каретѣ. Я снялъ шляпу и сдѣлалъ преннзкій поклонъ. Съ чувствами родственника я спросилъ о милыхъ кузинахъ. «Мнѣ... меня удивляетъ, что вы осмѣливаетесь смотрѣть мнѣ въ лицо!» проговорила леди Варрингтонъ, задыхаясь отъ бѣшенства. «Пожалуйста, миледи, не лишайте меня этого драгоцѣннаго права», сказалъ я. «Питеръ! пошелъ!» вскричала она, обращаясь къ кучеру. «Ваше сіятельство, вѣроятно, не захотите, чтобы отъ этого умеръ ближайшій родственникъ вашего мужа!» сказалъ я. Миледи съ бѣшенствомъ поднимаетъ каретное стекло. Я цалую мою руку, снимаю шляпу и дѣлаю другой изысканный поклонъ.

Прогуливаясь вскорѣ послѣ того въ Гейдъ-Паркѣ съ дорогой моей подругой, я встрѣтилъ маленькаго нашего кузена: онъ катался

верхомъ; за нимъ слѣдовалъ грумъ. Завидѣвъ насъ издали, онъ поскакалъ къ намъ. Грумъ помчался за нимъ, крича что есть силы: «остановитесь, мастеръ Майльзъ, постойте!»

— Мнѣ не велѣно говорить съ моимъ кузеномъ, сказалъ Майльзъ: — впрочемъ, сказавъ вамъ: «пошлите отъ меня поклонъ Гарри», я съ вами не говорю. Неправда ли? Неужели это моя новая кузина? Мнѣ строго приказано не говорить съ ней. Кузина, я Майльзъ, сынъ баронета Джоржа Варрингтона. Вы, кузина, очень милы!

— Довольно, довольно, мастеръ Майльзъ! сказалъ грумъ и, въ видѣ привѣтствія намъ, прикоснулся рукой къ шляпѣ.

Мальчикъ засмѣялся, поскакалъ и, пока мы не скрылись въ боковой аллеѣ, все время глядѣлъ на насъ черезъ плечо.

— Видишь, мой другъ, какъ рѣшились обращаться съ нами наши родственники, сказалъ я моей спутницѣ.

— Какъ будто я вышла за тебя для твоихъ родственниковъ! сказала Тео.

Глаза ея смотрѣли въ мои; въ нихъ отражались и счастье и любовь. О, какъ мы были счастливы! какою свѣжею и пріятною казалась намъ зима! Какъ уютенъ былъ чайный нашъ столикъ подлѣ камина (за этимъ столикомъ нерѣдко сидѣлъ Самсонъ и приготовлялъ себѣ пуншъ)! какъ восхитительно проходилъ вечеръ въ театрѣ, куда, для безплатнаго входа, наши друзья доставляли намъ билеты и гдѣ, какъ мы надѣялись, новая пьеса «Покахонтасъ» должна была взять верхъ надъ всѣми прежними трагедіями!

Коварная старая тетка изъ улицы Кларджесъ, съ пренебреженіемъ принявшая меня и жену, по пріѣздѣ нашемъ въ Лондонъ, очень скоро смягчилась и, узнавъ покороче Тео (которую до этого она не иначе называла, какъ ничтожной деревенской дѣвчонкой), рѣшительно влюбилась въ нее и каждый день, когда у нея не бывало общества, приглашала ее на чай или ужинъ. «Въ тѣ дни, когда у меня собирается общество», говорила она, «я васъ не приглашаю. Вы уже не принадлежите къ большому свѣту. Твоя женитьба сдѣлала это совершенно невозможнымъ.» Изъ этого слѣдуетъ заключить, что ей хотѣлось, чтобы мы развлекали ее, приходили и выходили изъ ея дома по черной лѣстницѣ. Жена моя была слишкомъ благоразумна, чтобъ не забавляться этимъ пріемомъ; съ своей стороны, я долженъ отдать справедливость прислугѣ баронессы и сказать, что если бы мы были герцогъ и герцогиня, то и тогда они не могли бы принимать насъ съ большимъ уваженіемъ. Мадамъ де-Бернштейнъ чрезвычайно хохотала при моемъ разсказѣ о леди Варрингтонъ и ея каретѣ. Для нея я нарочно распространялся насчетъ миледи и разказывалъ анекдоты объ этой набожной леди и ея дочеряхъ, и до-

ставлялъ беспредѣльное удовольствіе желчной, остроумной старухѣ.

Вдовствующая графиня Кестльвудъ, поселившаяся на постоянное жительство въ кенсингтонскомъ своемъ домѣ, оказала намъ то радушіе, съ которымъ знатные люди принимаютъ своихъ бѣдныхъ родственниковъ. Раза два были мы на ея вечерахъ; но на проигрыши въ карты и на разъѣзды выходило гораздо больше денегъ, чѣмъ я опредѣлялъ, и потому мы поспѣшили отказаться отъ этихъ удовольствій и, право, объ отсутствіи нашемъ сожалѣли не болѣе, чѣмъ о другихъ людяхъ фешенебельнаго міра, которыхъ смерть, долги или другіе какіе нибудь несчастные случаи уносятъ изъ этой блистательной сферы. Моя Тео менѣе всего сожалѣла о такой потерѣ. Она явилась на одномъ изъ такихъ вечеровъ въ нарядѣ и маленькихъ украшеніяхъ, оставленныхъ ей матерью; но мнѣ казалось, что ея бѣлая шея была несравненно лучше драгоцѣнныхъ камней. Тамъ были вдовы, на старыхъ костяхъ которыхъ, обтянутыхъ морщинистой кожей, сверкали рубины и брильянты. Эти вдовы, я увѣренъ, съ радостію промѣняли бы свои убранства на красоту и свѣжесть Тео. Никто не говорилъ съ ней, кромѣ одного пріятеля мистера Вилля, Бо-Лотера, который началъ было показываться въ нашемъ кварталѣ и даже присылалъ моей женѣ записочку. Вскорѣ послѣ этого я встрѣтилъ его въ Ковентгарденѣ и обѣщалъ еще болѣе изуродовать его безобразное лицо, если только увижу его вблизи моей квартиры. Спокойствіе мадамъ Тео болѣе не нарушалось.

Единственными родственниками, навѣщавшими насъ (мадамъ де-Бернштейнъ никогда не пріѣзжала: отъ времени до времени она присылала за нами карету или освѣдомлялась о нашемъ здоровьи чрезъ свою горничную или дворецкаго), были Марія и ея мужъ, мистеръ Гаганъ; они часто раздѣляли нашу скромную трапезу. Нерѣдко являлся къ намъ Спенсеръ; онъ восхищался нашимъ аркадскимъ блаженствомъ и просилъ о сочувствіи къ его менѣе счастливой любви. Раза два-три заходилъ знаменитый докторъ Джонсонъ на чашку чаю. «На чашку? да ему мало ведра!» съ негодованіемъ возражалъ мистеръ Гумбо, потому что въ наружности доктора ничего не было пріятнаго, да и бѣлье его не отличалось особенной бѣлизной. Онъ сапѣлъ, краснѣлъ и брызгалъ слюнями, пачкалъ скатерть, кричалъ во все горло и своими любезностями страшно надоѣдалъ мадамъ Тео. «Мадамъ, вы меня не любите», говорилъ онъ, «я вижу по вашимъ манерамъ, что вы меня не любите, между тѣмъ, какъ я восхищаюсь вами и прихожу сюда собственно для васъ. Позвольте моему другу мистеру Рейнольду снять съ васъ портретъ; впрочемъ, у него не найдется такихъ красокъ, чтобы можно было изобразить

ваять румянецъ и бѣлизну.» Дѣйствительно, мистеръ Рейнольдсъ охотно снялъ бы портретъ съ моей жены; но я зналъ цѣну, которую онъ бралъ, и, признаюся, пожалѣлъ заплатить за это деньги. Теперь сожалѣю объ этомъ: по крайней мѣрѣ, дѣти мои имѣли бы понятіе о лицѣ своей матери спустя тридцать-пять лѣтъ. Для меня, мадамъ, оно нисколько не измѣнилось; для меня, мой другъ, вы все еще молоды.

Мистриссъ Варрингтонъ не столько не нравились любезности доктора Джонсона, его крикъ, брызганье слюнями и грязные ногти, сколько неблагопріятное мнѣніе, составленное имъ о моей новой трагедіи. Однажды, послѣ чаю, Гаганъ вызвался было прочитать изъ нея нѣсколько сценъ.

— Извините, сэръ, живой разговоръ лучше чтенія, сказалъ докторъ, — я самъ могу прочитать или послушать васъ въ театрѣ. Я лучше буду слушать безыскуственный лепетъ мистриссъ Варрингтонъ, чѣмъ десятисложныя слова мистера Варрингтона. Скажите же, мадамъ, какъ идутъ ваши дѣла по хозяйству, здоровъ ли его превосходительство вашъ папа, сдѣлали ли вы пудингъ и соусъ изъ свѣжаго масла. Чудный этотъ соусъ! (Докторъ до такой степени любилъ его, что уносилъ большое количество его на своей грязной манишкѣ.) Вы сдѣлали его, чтобъ показать, будто любите меня, а на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ другое.

— Дѣйствительно, сэръ! Вотъ и теперь вы уносите съ собой частицу этого соуса на вашемъ камзолѣ, сказалъ Гаганъ, съ веселымъ видомъ.

— Вы, милостивый государь, грубіянъ! проревѣлъ докторъ.—Вы незнакомы съ начальными правилами вѣжливости, требующими вести себя деликатно въ обществѣ дамъ. Мнѣ удивительно, что вы, получивъ университетское образованіе, не изучили самыхъ главныхъ правилъ приличія. Я уважаю мистриссъ Варрингтонъ и никогда не позволю себѣ дѣлать личныхъ замѣчаній о ея гостахъ въ ея присутствіи.

— Зачѣмъ же, сэръ, вы говорили о моемъ театрѣ? сказалъ Гаганъ, начиная горячиться.

— Милостивый государь, вы наглый человѣкъ! снова проревѣлъ докторъ.

— De te fabula, возразилъ актеръ. — Посмотрите лучше на камзолъ.—Мадамъ, позвольте я приготовлю пуншъ по-ирландски.

Докторъ, пыхтя, вынулъ изъ кармана сомнительнаго достоинства платокъ, отеръ имъ сначала грязную свою манишку и потомъ провелъ по лбу. Кончивъ этотъ маневръ, онъ выпустилъ изъ груди

своей гиперборейскій вздохъ; ему какъ будто хотѣлось, чтобы съ этимъ вздохомъ вылетѣлъ весь его гнѣвъ.

— Гм! такъ это относится ко мнѣ? Молодой человѣкъ, вамъ бы не слѣдовало говорить мнѣ подобныхъ вещей.

— Я ничего не говорю! Это выходитъ, что если вы неправы, то я долженъ просить у васъ извиненія! сказалъ мистеръ Гаганъ, дѣлая театральный поклонъ.

— Неправда ли, что онъ похожъ на амура! замѣтила Марія, крѣпко сжавъ руку моей жены.

Въ самомъ дѣлѣ, въ эту минуту Гаганъ былъ очень хорошъ. Щеки его разгорѣлись; положивъ руку на грудь, онъ принялъ благородную позу: ни Шамонъ, ни Касталіо не могли показать себя лучше.

— Позвольте мнѣ сдѣлать для васъ лимонадъ. Папа прислалъ мнѣ цѣлый ящикъ лимоновъ. Не прикажете ли прислать къ вамъ въ Темпль нѣсколько штукъ?

— Это недурно; а то, если они останутся въ вашемъ домѣ, мадамъ, то потеряютъ свое достоинство: они сдѣлаются сладкими, сказалъ докторъ.—Мистеръ Гаганъ, я все-таки скажу, что вы молодой грубіянъ. Го! го! я же и виноватъ!

— О, мой лордъ, мой Полидоръ! восклицала леди Марія, оставшись въ гостиной наединѣ съ моей женой.

Когда смотрю въ твои глаза, горящіе любовью,
Твой каждый взглядъ пронзаетъ сердце мнѣ,
Душа становится полна восторга.

Ты не знаешь, моя Тео, что это за перлъ мой Касталіо, мой Шамонъ! О, Боже! какъ жаль, что въ трагедіи твоего мужа онъ долженъ принять чудовищное имя капитана Смита!

На этой трагедіи основывались не только мои литературныя надежды, но и финансовые виды. Уплативъ долги брата, исполнивъ всѣ порученія матери, сдѣлавъ издержки собственно для себя, хотя и ограниченныя, но все же значительныя, я истратилъ почти все свое наслѣдство — и въ это-то время жениться! Я могъ достать денегъ: это было возможно, но слишкомъ убыточно. Я надѣялся, что моя мать, несмотря на наши ссоры, не оставитъ старшаго своего сына безъ поддержки. Я былъ здоровъ, силенъ, имѣлъ умъ, хорошихъ друзей, доброе имя и, сверхъ того, знаменитую трагедію, которую режиссёръ обѣщалъ взять для театра. Въ этомъ заключались средства къ существованію, на этомъ основывались всѣ мои разсчеты. Но вѣрна ли бываетъ ариѳметика юности? Въ молодые годы мы обыкновенно разсчитываемъ, что сотня фунтовъ — хорошій капи-

талъ, а тысяча — богатство. Какимъ образомъ съ такимъ ничтожнымъ запасомъ я рѣшился играть противъ фортуны? Помню, мнѣ удалось убѣдить добраго генерала, и онъ уѣхалъ изъ отчизны въ полномъ убѣжденіи, что его зять, на случай необходимости, имѣлъ въ своемъ распоряженіи, по крайней мѣрѣ, тысячи двѣ фунтовъ. Онъ и его дорогая Молли начали жизнь, не имѣя и того: ихъ кормили вороны. Что касается до женщинъ, то вопросъ о бѣдности служилъ для этихъ сантиментальныхъ созданій источникомъ удовольствія; тетушка Ламбертъ утверждала, что грѣшно было бы сомнѣваться, что ея дѣти не будутъ имѣть состоянія. Развѣ Богъ покидалъ праведныхъ? Развѣ честному, справедливому человѣку приводится просить милостыню? Нѣтъ, нѣтъ, мои милые! Въ этомъ отношеніи я не боюсь, увѣряю васъ. Посмотрите на меня и моего генерала!

Тео вѣрила всему, что я говорилъ, и желала, чтобы я вѣрилъ ей. Такимъ образомъ, мы начали жизнь съ трагедіей въ пять актовъ и тремя сотнями фунтовъ наличными деньгами.

Между тѣмъ, время появленія знаменитой трагедіи приближалось, и мои друзья бѣгали по городу, собирая для меня отрядъ защитниковъ въ день представленія. Я терпѣть не могъ просить милости вельможъ; но когда милордъ Ротамъ пріѣхалъ въ Лондонъ, я отправился къ нему съ женой. Изъ уваженія къ старинному своему другу, отцу Тео, онъ принялъ насъ ласково и ласково погрозилъ мнѣ пальцемъ (при чемъ жена моя потупила глаза) за то, что я похитилъ у генерала сокровище. Какъ бы то ни было, онъ обѣщалъ сдѣлать для дочери генерала все, что отъ него зависѣло, изъявилъ надежду на успѣхъ моей трагедіи, говорилъ, что слышалъ о ней много хорошаго, и взялъ нѣсколько билетовъ для себя и для своихъ знакомыхъ. Заручась этимъ патрономъ, я не нуждался въ другихъ.

— Mon cher, говорила баронесса: — въ мои лѣта, я до-смерти не люблю трагедіи; впрочемъ я сдѣлаю, что могу, и, разумѣется, пошлю моихъ людей въ ложи. Да! да! Кэзъ когда принарядится, то выглянетъ настоящимъ нобльменомъ; а Бреттъ въ моемъ платьѣ все равно, что я. Запиши за мной двѣ ложи, ближайшія къ сценѣ.

Вдовствующая графиня свидѣтельствовала свое почтеніе и очень сожалѣла, что, по случаю собранія въ ея домѣ, она и Фанни не могли ѣхать въ театръ. Что касается до дяди и леди Воррингтонъ, то нечего было и думать. Послѣ встрѣчи съ ея сіятельствомъ, легче было бы пригласить въ Друриленскій театръ королеву Елизавету. Куда же дѣвались всѣ мои друзья, весь сонмъ аристократіи, которыми такъ хвастался Самсонъ, и ради которыхъ, по словамъ его, режиссёръ ангажировалъ мистера Гагана? Гдѣ же милордъ Бютъ?...

— Развѣ я обѣщалъ, что онъ пріѣдетъ? угрюмо говорилъ онъ, нюхая табакъ.

— Да, отвѣчалъ мистеръ Гаррикъ: — обѣщали, что пріѣдутъ его величество и ея королевское высочество принцесса Валлійская.

Бѣдный Самсонъ признался, что, лаская себя тщетными надеждами, онъ, дѣйствительно, обѣщалъ появленіе въ театрѣ августѣйшихъ особъ.

На другой день, во время репетиціи, дѣла приняли еще худшій видъ. Режиссёръ бѣсновался.

— Праведное небо! вскричалъ онъ: — въ какое милое положеніе вы меня поставили! Посмотрите, сэръ, на это письмо! прочитайте его!

«Милостивый государь (говорилось въ письмѣ)! Я видѣлъ милорда и сообщилъ ему просьбу мистера Babбингтона удостоить своимъ посѣщеніемъ театръ, во время представленія трагедіи «Покахонтасъ». Милордъ—покровитель драматическаго и вообще всѣхъ свободныхъ искусствъ; несмотря на то, онъ приказалъ мнѣ сказать, что не можетъ быть въ театрѣ, а тѣмъ болѣе пригласить его величество на трагедію, въ которой главная роль отдана актеру, тайно женившемуся на дочери одного изъ близкихъ его величеству нобльменовъ.

Вашъ доброжелатель

Саундерсъ Мак'Доффъ.

Мистеру Гаррику.

Въ Королевскомъ Друрилэнскомъ театрѣ.»

Тео ждала меня послѣ репетиціи къ хорошему обѣду. Блѣдность свою я приписывалъ усталости: я не смѣлъ сообщить ей этой страшной новости.

ГЛАВА IX.

ПОКАХОНТАСЪ.

Мистеръ Babбингтонъ, зная, что англійская публика не такъ знакома съ исторіей «Покахонтасъ,» какъ виргинская, все еще любившая вспоминать объ этомъ простодушномъ и добромъ созданіи, написалъ, по совѣту друзей, небольшую балладу объ этой индѣйской принцессѣ и напечаталъ ее во всѣхъ журналахъ за нѣсколько дней до появленія на сценѣ трагедіи. Эту продѣлку Самсонъ и я считали

хитрою и замысловатою. «Это въ своемъ родѣ приманка», говорилъ восторженный проповѣдникъ»: вы увидите, что въ извѣстный намъ великій день рыбы набѣжитъ несмѣтное множество.» Онъ и Спенсеръ утверждали, что сами слышали, какъ эту поэму читали во многихъ кофейныхъ домахъ, разсуждали о ней, восхищались и приписывали сочиненіе ея Масону, Куперу и даже знаменитому Грею. Полагаю, что бѣдный Самсонъ самъ распространялъ эти слухи. Еслибъ сказали, что авторъ «Покахонтасъ» былъ Шекспиръ, онъ бы непремѣнно сталъ утверждать, что это одно изъ лучшихъ произведеній великаго поэта. Я познакомился съ храбрымъ капитаномъ Смитомъ, будучи еще мальчикомъ, въ дѣдовской библіотекѣ, гдѣ помню, какъ я сидѣлъ на колѣняхъ этого добраго старика и, держа на своихъ колѣняхъ мою любимую книгу, слушалъ описаніе подвиговъ нашего виргинскаго героя. Я любилъ читать путешествія Смита, его приключенія не только въ Америкѣ, но и Европѣ,—любилъ читать о томъ, какъ онъ попадался въ плѣнъ, жилъ въ плѣну и убѣгалъ. Снимая съ полки эту книгу, я снова становлюсь мальчикомъ, и передо мной начинаются толпиться воспоминанія о ранней моей жизни. Старикъ-дѣдушка рисовалъ для меня картинки, въ которыхъ изображалъ, какъ Смитъ дрался съ турками на Дунаѣ или какъ вели его на смерть наши индѣйскіе дикіе. О, какъ ужасна была битва, въ которой онъ одинъ боролся съ тремя турецкими гигантами, съ какимъ наслажденіемъ слушалъ я разсказъ о его борьбѣ съ Бонни-Молгро, послѣднимъ изъ этихъ трехъ чудовищъ! Какъ занимало меня имя Бонни-Молгро! въ какомъ огромномъ тюрбанѣ, съ какими огромными усами и саблей мы представляли его! Когда двое турокъ были убиты (говорится въ моей любимой старой книгѣ) и головы ихъ были срѣзаны, Смитъ и Бонни-Молгро начали драться на сѣкиракъ, кривое лезвіе которыхъ впивалось то въ одного, то въ другаго съ такою силою, что всадники съ трудомъ держались въ сѣдлахъ; особливо Смитъ: онъ получилъ такую рану, что уронилъ сѣкиру, и съ крѣпостнаго вала раздался уже крикъ, поздравлявшій турка съ побѣдой. Но, благодаря легкости коня, собственному благоразумію и ловкости, Смитъ не только уклонился отъ ударовъ турка, но успѣлъ вытащить мечъ и такъ изрубилъ своего врага, что тотъ хотя и слѣзъ коня, но не могъ стоять на ногахъ, потому что лишился головы, какъ и двое другихъ. Въ награду за этотъ подвигъ, Сигизмундъ даровалъ въ гербъ Смита три турецкія головы и три тысячи червонцевъ въ годъ пенсіи. Не обращая вниманія ни на время, ни на мѣсто (со смѣлостью, составляющей привиллегію однихъ поэтовъ), Смитъ въ моей трагедіи долженъ былъ совершить тѣ же самые подвиги на берегахъ Потомака и Джемса.

Вотъ стихи, которые, по нашему мнѣнію, должны были заманить въ театръ публику:

ПОКАХОНТАСЪ.

Съ утомленной рукой и разбитымъ мечемъ
Невозможно держаться въ бою....
Куда ни взгляни, всюду туча враговъ,
А рыцарь одинъ: ему трудно бороться.
На валу у враговъ крикъ побѣдный раздался
И по дикой пустынѣ широко разлился.
А рыцарь одинъ! Онъ израненъ, избитъ,
И палъ наконецъ, защищая свободу.

Вотъ костеръ роковой передъ нимъ разложенъ,
Факелъ смерти пылаетъ!
Тяжело умирать смертью медленной!
Жизнь кому не мила? Кто жь спасетъ храбреца?
Вкругъ него раздаются ужь адскіе крики....
Толпа дикихъ кружится и пляшетъ....
А рыцарь одинъ! гордо смотритъ на нихъ,
Обнаживъ свою грудь для удара.

Кто прикроетъ щитомъ его храброе сердце?
Лезвіе кто ножа отведетъ отъ груди?
Изъ средины толпы подбѣгаетъ къ нему
Красоты необъятной индіанская дѣва.
Она стала предъ нимъ, обратясь къ дикарямъ,
«Сбросьте цѣпи съ него!» закричала.
«Вамъ приказываетъ царская дочь.
Ей даровано право прощать!»

И безъ страха она отвела отъ него
Занесенный топоръ, кровожаждущій ножъ,
И прильнула она съ чувствомъ нѣжной любви къ сердцу рыцаря.
И для рыцаря стала грудь ея самымъ крѣпкимъ щитомъ.
Въ пухатанскихъ лѣсахъ, вкругъ индѣйскихъ огней
И теперь говорятъ, какъ дочь царская
Спасла жизнь иноземцу-врагу.

Не считаю за нужное описывать подробное содержаніе трагедіи, потому что дѣти мои во всякое время могутъ снять ее съ полки и прочитать. Не стану также, позвольте прибавить, вызываться прочитать ее вслухъ моимъ молодымъ людямъ послѣ того, какъ Майльзъ и проповѣдникъ заснули въ прошедшіе святки, когда я, по просьбѣ мама, прочиталъ не болѣе двухъ актовъ. Впрочемъ, всякій, кто имѣетъ малѣйшее понятіе о театральныхъ пьесахъ и ро-

манахъ, очень скоро можетъ набросать контуръ и дополнить картину по своему произволу. Индѣйскій король; хорошенькая принцесса; ея служанка влюблена въ слугу британскаго капитана; измѣнникъ въ англійской крѣпости; одинъ храбрый индѣйскій воинъ питаетъ несчастную страсть къ Покахонтасъ; врачъ и жрецъ индѣйцевъ (эту роль превосходно игралъ Палмеръ), способный на всякое предательство, хитрость и преступленіе, придумываетъ истязаніе и смерть англійскому плѣннику; прибавьте къ этому дикую мѣстность, воинственные пляски и крики (которые Гумбо превосходно перенялъ у краснокожихъ индѣйцевъ), прибытіе англійскаго флота, напоминающее о послѣднихъ блистательныхъ побѣдахъ въ Канадѣ, рѣшимость британцевъ всегда управлять и дѣлать завоеванія въ Америкѣ: какъ бы тутъ, кажется, не надѣяться на успѣхъ трагедіи?

Я уже сказалъ о зловѣщихъ признакахъ предшествовавшаго дня, о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ капризнымъ, завистливымъ и трусливымъ режиссёромъ, и наконецъ о сильномъ предубѣжденіи противъ пьесы въ извѣстномъ сословіи. Что же тутъ удивительнаго, спрашиваю я, если «Покахонтасъ» не суждено было одержать побѣды? Я презрительно смѣюсь надъ злобой критиковъ, которые нашли недостатки въ исполненіи. Славные критики, нечего сказать! По ихъ мнѣнію, «Карнеціанъ» былъ мастерскимъ произведеніемъ, между тѣмъ, какъ *далеко превосходнѣе его и тщательнѣе обработанное сочиненіе* осыпано было насмѣшками! Утвердительно говорю, что Гаганъ съигралъ свою роль такъ отчетливо, такъ восхитительно, что немудрено, если *извѣстный актеръ и режиссеръ* позавидовалъ ему, и что еслибъ не сторонній заговоръ, то трагедія увѣнчалась бы полнымъ успѣхомъ. Заранѣе былъ данъ приказъ, чтобы пьеса пала; такъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ мнѣ Самсонъ и утверждалъ, что Гаррикъ самъ не хотѣлъ успѣха этой пьесѣ, что онъ никогда еще не былъ въ такомъ бѣшенствѣ, какъ во время величественной сцены во второмъ актѣ, гдѣ къ Смиту (бѣдный Гаганъ), привязанному къ столбу, подбѣгаетъ Покахонтасъ и спасаетъ его: въ этой сценѣ весь театръ дрожалъ отъ рукоплесканій и сочувствія.

Всякій обладающій въ достаточной степени любопытствомъ можетъ обратиться къ печатной трагедіи (первое изданіе in octavo, а послѣдующее, роскошное — in quarto, вмѣстѣ съ собраніемъ моихъ сочиненій и поэмъ, оригинальныхъ и переводныхъ) и посмотрѣть, дѣйствительно ли эта сцена не имѣетъ достоинствъ, дѣйствительно ли стихи не изящны, языкъ не богатъ и не благороденъ. Одной изъ причинъ неудачи была самая строгая историческая вѣрность.

Я самъ скопировалъ въ музеумѣ и очень вѣрно раскрасилъ фигуру сэра Вальтера Ралэй, въ манжетахъ и съ бородой: мы одѣли Гагана точь въ точь по этому рисунку, и, право, никто не могъ бы показаться лучше его. Миссъ Притчардъ, въ роли Покахонтасъ, я одѣлъ въ костюмъ красной индіанки, знакомый мнѣ съ самаго дѣтства. Возможно ли повѣрить, что, при ея появленіи, весь театръ началъ смѣяться! Публика, однакожь, привыкла къ ней; но въ тотъ моментъ, когда она бросилась въ объятія плѣнника и у многихъ на глазахъ навернулись уже слезы, вдругъ въ партерѣ заревѣлъ кто-то: «Браво! Бель-Саважъ цалуетъ Сарацина! (*) При этомъ восклицаніи, поднялся въ партерѣ необузданный хохотъ и нѣсколько разъ повторялся страшными взрывами во все представленіе. Невѣжественвенная публика не знала, что Покахонтасъ-то и была той самой Бель-Саважъ, отъ которой гостинница получила свое названіе. Пріятель мой въ партерѣ повторялъ эту выходку до конца пьесы: каждое новое дѣйствующее лицо онъ привѣтствовалъ именемъ какой нибудь таверны: такъ, напримѣръ, англійскаго губернатора съ длинной бородой назвалъ «козломъ въ ботфортахъ», его помощника, лицо котораго, дѣйствительно, было очень кругло—«упитаннымъ быкомъ», и т. д. Въ заключеніе всего, занавѣсъ опустилась среди пронзительнаго свиста и шиканья, которыми особенно осыпали бѣднаго Гагана, каждый разъ, какъ онъ являлся на сцену и отворялъ ротъ. Самсонъ видѣлъ мистера Вилля въ литерныхъ ложахъ, съ милыми знакомками, и нисколько не сомнѣвался, что этотъ вѣроломный негодяй былъ однимъ изъ главныхъ заговорщиковъ. «Я бы вышвырнулъ его изъ ложи въ партеръ», говорилъ преданный Самсонъ (и, я знаю, у него достало бы духу исполнить эту угрозу), «но я замѣтилъ въ фойе двухъ агентовъ мистера Набоба и долженъ былъ держаться отъ нихъ какъ можно дальше.» Такимъ образомъ, яйца, которыя мы несли на рынокъ и высчитывали уже барыши, разбились, и бѣдныя надежды наши рушились!

Передъ поднятіемъ занавѣса, я взглянулъ со сцены въ театръ и увидѣлъ, что онъ былъ полонъ. При этомъ я замѣтилъ мистера Джонсона въ камзолѣ, шитомъ золотомъ; подлѣ него находился мистеръ Рейнольдъ. Послѣдній ничего не слышалъ, а первый ничего не видѣлъ. Они пришли въ театръ, вѣроятно, для того, чтобы составить мнѣніе о моей бѣдной трагедіи. Въ нижней галлереѣ я увидѣлъ леди Марію (я узналъ ее по шляпкѣ). Оттуда она не разъ любовалась своимъ великимъ актеромъ, исполнявшимъ главныя роли въ различныхъ пьесахъ. Что касается до Тео, она откровенно призна-

(*) *Belle Savage* и *Saracen's Head*—названія двухъ лондонскихъ гостинницъ.

лась, что если я не прикажу, то она лучше останется дома. Конечно, я и не думалъ приказывать: я зналъ, что, въ случаѣ неудачи, мнѣ было бы невыносимо больно смотрѣть на ея страданія, и потому охотно согласился на ея желаніе.

При довольно спокойномъ характерѣ и, смѣю сказать, при способности хладнокровно переносить капризы фортуны, я, послѣ легкаго обѣда въ Бедфордѣ, отправился въ театръ за нѣсколько времени до начала спектакля и рѣшился было остаться тамъ, пока не узнаю, чѣмъ увѣнчается мое произведеніе—побѣдой или пораженіемъ. Признаюсь теперь, я не могъ не предвидѣть, чѣмъ должна была кончиться участь этого дня. Въ общемъ видѣ всего, что окружало меня, было что-то мрачное, зловѣщее. У миссъ Притчардъ болѣла голова; цирульникъ, которому заказанъ былъ парикъ для Гагана, напудрилъ его чудовищнымъ образомъ; всѣ лица джентльменовъ и леди, занимавшихъ зеленую комнату, носили отпечатокъ какого-то сомнѣнія, и режиссёръ (бойкій на слова, чтобы не сказать—дерзкій, джентльменъ, въ тотъ вечеръ казался на мой взглядъ такимъ серьёзнымъ, какъ факельщикъ во время похоронъ), имѣлъ дерзость сказать мнѣ: «Ради Бога, мистеръ Варрингтонъ, идите въ Бедфордъ и выпейте тамъ стаканъ пунша; не пугайте насъ, пожалуйста, своимъ печальнымъ лицомъ.» «Милостивый государь! сказалъ я», за пять шиллинговъ я имѣю право судить о выраженіи вашего лица; но я не давалъ еще вамъ права дѣлать замѣчанія насчетъ моего лица».—«Сэръ!» возразилъ онъ съ досадой, «я отъ души желаю никогда не видѣть вашего лица!» «Ваше лицо», продолжалъ я, «часто меня забавляло: оно чрезвычайно комично, когда его подмалюютъ для роли Абеля Дроггера....» И, дѣйствительно, я всегда отдавалъ справедливость мистеру Гаррику, находя, что въ обыкновенной комедіи онъ несравненъ.

Я поклонился ему и ушелъ въ кофейню. Прошло пять лѣтъ, и я ни слова не говорилъ съ этимъ джентльменомъ. Послѣ этого промежутка времени, мы случайно встрѣтились въ домѣ одного нобльмена, и мистеръ Гаррикъ попросилъ у меня извиненія. Я сказалъ, что совсѣмъ забылъ объ обстоятельствѣ, на которое онъ намекалъ, и что, безъ всякаго сомнѣнія, въ первое представленіе всякой пьесы какъ авторъ, такъ и режиссёръ бываютъ въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи. «Кромѣ того», прибавилъ я, «тому, кто не созданъ для театра, стыдиться нечего. А вы, мистеръ Гаррикъ, созданы для театра.» Я разсчитывалъ, что онъ останется доволенъ этимъ комплиментомъ, и не ошибся въ своемъ разсчетѣ.

Вѣрный Самсонъ прибѣжалъ ко мнѣ въ концѣ перваго акта сказать, что все пока идетъ довольно хорошо, хотя и признался, что

при первомъ появленіи миссъ Притчардъ, одѣтой точь въ точь, какъ индѣйская принцесса, въ театрѣ поднялся смѣхъ.

— Что же мнѣ дѣлать, Самсонъ? сказалъ я, наливая ему стаканъ добраго пунша:—что мнѣ дѣлать, если индѣйцы такъ одѣваются?

Это тоже служитъ доказательствомъ, что историческая вѣрность была причиною паденія моей трагедіи. Въ этомъ отношеніи я нисколько не стыжусь за нее.

Послѣ втораго акта мой адъютантъ прискакалъ съ поля битвы съ весьма нерадостнымъ извѣстіемъ. Не понимаю, отчего это такъ, нервный и раздражительный до начала представленія, я вдругъ сдѣлался хладнокровнымъ и веселымъ (*).

«Неужели дѣла идутъ дурно?» сказалъ я, потребовалъ счетъ, надѣлъ шляпу и пошелъ въ театръ такъ спокойно, какъ будто отправился на обѣдъ къ своимъ друзьямъ въ Темпль. Вѣрный мой адъютантъ шелъ рядомъ со мной, поддерживалъ меня подъ локоть, прогонялъ съ дороги факельщиковъ и безпрестанно восклицалъ: «клянусь Георгомъ, мистеръ Варрингтонъ, вы обладаете необыкновеннымъ присутствіемъ духа: вы настоящій троянецъ.» Да, отвѣчалъ я, «въ Троѣ были храбрые люди; но — увы!—ихъ постигла горькая участь.»

Во всякомъ случаѣ, никто не смѣетъ сказать, что я не могъ спокойно перенести моего несчастія. Я не могъ заглушить ропота неудовольствія и шума публики, какъ иной морякъ не въ состояніи заглушить свистъ и завыванье бури, застигшей его корабль. Я рѣшилъ, что бушующія волны и сломанныя мачты не устрашатъ неустрашимаго, и льстилъ себя надеждою, что перенесу это бѣдствіе, не отступя ни на шагъ.—«Мадамъ», говорилъ Самсонъ моей женѣ, «вашъ мужъ былъ неустрашимѣе Регула.» Несправедливо, по моему мнѣнію, говорить о людяхъ паразитнаго свойства, что они неспособны быть вѣрными во время несчастія. Находился ли я въ хорошихъ обстоятельствахъ, или въ весьма неблагопріятныхъ, мистеръ Самсонъ въ одинаковой степени былъ преданъ мнѣ и раздѣлялъ съ нами корку хлѣба съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и самый лакомый кусокъ.

Я занялъ на сценѣ мѣсто, откуда могъ смотрѣть на исполнителей моей бѣдной пьесы и на часть публики, произносившей мой приговоръ. Мнѣ кажется, что актеры изъ сожалѣнія предоставили мнѣ самое лучшее мѣсто. Но, надобно правду сказать, я такъ мало былъ огорченъ, какъ и всякій изъ зрителей, и по выраженію моего

(*) Авторъ, только что передъ этимъ хваставшійся своимъ спокойствіемъ, противорѣчитъ здѣсь самому себѣ. Вѣроятно, онъ, дѣлая оцѣнку себѣ, ошибался, какъ ошибались и многіе другіе, кромѣ его.

лица никто не могъ заключить, что я былъ несчастнымъ героемъ того вечера.

Моя милая Тео, когда я воротился домой, казалась такою озабоченною и блѣдною, что я по лицу этого неоцѣненнаго созданія сейчасъ же узналъ, что извѣстіе о гибели трагедіи предупредило мое возвращеніе. Послѣ спектакля должны были притти Спенсеръ, Самсонъ, кузенъ Гаганъ и миледи Марія—поздравить автора. О, Боже! миссъ Притчардъ тоже была приглашена; но она прислала сказать, что ей гораздо хуже и что, какъ я самъ долженъ былъ понять, ей не до ужина. Мой другъ садовникъ изъ Бедфордъ-Гауза прислалъ женѣ лучшіе цвѣты для украшенія ея небольшаго стола. И вотъ передо мной эти маленькіе цвѣтныя знамена, а битва, между тѣмъ, потеряна! Я довольно спокойно переносилъ пораженіе, но когда смотрѣлъ черезъ столъ на плѣнительное, блѣдное лицо жены и на эти безъискусственные трофеи, выставленные ею для своего героя, признаюсь, твердость духа измѣняла мнѣ, и сердце мое переносило такія пытки, какихъ, быть можетъ, еще никто не испытывалъ.

Нашъ ужинъ, можно себѣ представить, былъ довольно скученъ, несмотря на всѣ старанія оживить его веселой бесѣдой. Къ счастію, въ это время старуха мистриссъ Гаганъ была очень нездорова: ея болѣзнь и неизбѣжно связанныя съ ней нѣкоторыя случайности послужили для нашей бесѣды величайшимъ облегченіемъ. Кромѣ того, въ запасѣ для разговора была предстоящая женитьба его величества, о которой вездѣ такъ много говорили. (Какъ хорошо я помню самыя ничтожныя событія того дня, даже до свистка какого-то плотника, стоявшаго подлѣ меня, въ минуту опущенія занавѣса.) Мы говорили о смерти добраго мистера Ричардсона, автора «Памелы» и «Клариссы», произведеніями котораго мы всѣ восхищались. Во время разговора о Клариссѣ, жена моя раза два принималась плакать. «Душа моя!» говорила она, «ты знаешь, что мама и я, читая эту книгу, не могли удерживать слезъ. О, милая, дорогая мама! какъ бы я желала, чтобы теперь ты находилась при мнѣ!» Эти слова служили поводомъ къ новому потоку слезъ, потому что Тео имѣла полное право плакать объ отсутствующей матери. Мы сдѣлали пуншъ съ ямайскими лимонами и выпили за здоровье его превосходительства губернатора Ямайки; за вторымъ тостомъ я налилъ стаканъ и съ улыбающимся лицомъ пожелалъ лучшаго счастія!

Этого было слишкомъ много. Обѣ женщины бросились другъ другу въ объятія и оросили носовые платки своими слезами.

— О, Марія! скажи, скажи, какъ добръ, какъ благороденъ мой Джоржъ! рыдая, восклицала Тео.

— Посмотри на моего Гагана! всхлипывая, отвѣчала Марія: — какъ величественъ, какъ неподражаемъ былъ онъ въ своей роли! Это былъ какой-то звѣрскій заговоръ, и я.... я вонзила бы этотъ ножъ въ черное сердце мистера Гаррика... гнусное созданіе!

Съ этими словами она схватила ножикъ; но въ тотъ же моментъ, бросивъ его назадъ, пылкое созданіе подбѣжало къ мужу и крѣпко обняло его въ присутствіи нашего маленькаго общества.

Не думаю, чтобы кто нибудь сдѣлалъ то же самое. Мы всѣ находились въ состояніи чрезмѣрнаго возбужденія и энтузіазма. Въ минуты скорби къ намъ является на утѣшеніе любовь и надѣляетъ насъ такими нѣжными ласками, что мы забываемъ о нашей скорби и почти не желаемъ ея прекращенія.

Спустя дня два или три, въ день моего рожденія, въ кабинетъ мой принесли конвертъ, содержавшій въ себѣ слѣдующее стихотвореніе:

ОТЪ ПОКАХОНТАСЪ.

Какимъ блѣднымъ, усталымъ мой рыцарь
Воротился изъ тяжкой борьбы!
На меня съ какой грустью онъ смотритъ!
«Милый другъ! не скрывай твоихъ ранъ.
Уже ли ты думаешь, что дочь Альбіона
Не съумѣетъ любить тебя лучше дикарки?

Святой мой долгъ быть другомъ мужа,
Беречь, его хранить отъ бѣдъ.
Болѣзнь иль горе съ нимъ случится,
Не сѣтовать на нихъ, а услаждать ихъ горечь.
Грудь друга своею грудью заслонять
Отъ всѣхъ отравленныхъ ударовъ рока.
Тяжелой раны боль была бы мнѣ отрадой;
Я благодарна бы была рукѣ, вонзившей стрѣлу.
Повѣрь, что сердце это не знало бъ лучшаго блаженства,
Узнавъ, какъ облегчать твои тяжелыя страданья!

Не говорю, что стихи хороши, но они мнѣ нравятся. Лицо ихъ автора (плѣнительный молодой голосъ котораго мнѣ слышится теперь, когда я прочитываю эти строфы), казалось мнѣ, когда я вошелъ въ гостиную послѣ полученія стиховъ, когда увидѣлъ на щекахъ его нѣжный румянецъ, когда услышалъ благословеніе, — это лицо, повторяю я, было прекраснѣе всякаго лица, какое только можно себѣ представить.

ГЛАВА X.

СТѢСНЕННЫЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА.

Я уже описалъ состояніе моихъ чувствъ, какъ пожилаго джентльмена, хладнокровно разсматривающаго безразсудный шагъ въ супружескую жизнь. Сдѣлать этотъ шагъ я убѣдилъ мою дорогую подругу въ то время, когда оба только что вышли изъ втораго десятка лѣтъ нашей жизни. Какъ мужчина и отецъ, съ полнымъ сознаніемъ необходимости имѣть за обѣдомъ бараньи котлеты и разсчитываться съ булочникомъ, какъ отецъ множества дѣтей, которыя завтра же можетъ быть убѣгутъ въ Грэтна-Гринъ и, въ оправданіе своего проступка, приведутъ примѣръ ихъ папа и мама, я знаю, что мнѣ слѣдуетъ быть очень осторожнымъ въ описаніи ранняго періода супружеской жизни Джоржа Babрингтона, эсквайра, и Теодосіи, его жены, слѣдуетъ признаться въ винѣ своей, принять серьёзное выраженіе и, сидя здѣсь, въ покойномъ креслѣ, показывать видъ, что я сижу подъ бѣлымъ покрываломъ, на скамьѣ, предназначенной для кающихся преступниковъ, и выставляю себя напоказъ, для предостереженія безразсудной, пылкой юности.

Но, правду сказать, наша супружеская жизнь, въ которой мои милые родственники видѣли что-то зловѣщее, обманула ожиданіе всѣхъ этихъ благоразумныхъ и респектабельныхъ людей. Конечно, въ ней были своего рода испытанія; но я могу вспоминать о нихъ безъ всякой горечи; въ ней были глубокія горести, но время, по неисповѣдимой волѣ судебъ, служило для насъ лучшимъ утѣшителемъ; были дни нищеты, но мы перенесли ихъ терпѣливо, къ удивленію сострадательныхъ родственниковъ; были наконецъ и драгоцѣнныя награды, были дни блаженства столь безпредѣльнаго, что я не смѣю довѣрить ихъ этой страницѣ, не смѣю говорить о нихъ безъ благоговѣнія и, притомъ, предъ Тѣмъ, Кому всѣ люди возсылаютъ молитвы свои и благодарность. Жениться безъ средствъ и грѣшно и опасно, — это въ своемъ родѣ преступленіе противъ нашихъ общественныхъ узаконеній; но это преступленіе ежегодно совершается десятками тысячъ подобныхъ намъ созданій: они женятся, не имѣя ничего, кромѣ надежды на Бога, здоровья и желанія трудиться. Неужели молодые люди, вступая въ супружескую жизнь, не должны принимать въ разсчетъ надежды, не должны начинать своего хозяйства, пока ихъ коттэджъ не будетъ совершенно меблированъ, пока кладовая и погребъ не будутъ биткомъ набиты запасами, пока буфетъ не

будетъ заставленъ серебромъ и желѣзный сундукъ не наполнится деньгами? Увеличеніе народа прекратилось бы, еслибъ законы, учреждаемые высшимъ сословіемъ общества, были обязательны для всѣхъ. Молодые люди большаго свѣта въ шелковыхъ чулкахъ и бальныхъ башмакахъ дрожатъ отъ страха на берегу холостой жизни и ждутъ по цѣлымъ годамъ, пока не отыщутъ моста или золотой ладьи, чтобъ перебраться на другой берегъ; между тѣмъ, какъ бѣднякъ не боится замочить своихъ голыхъ ногъ, смѣло опускаетъ ихъ въ стремнину и, поручая себя судьбѣ и своей силѣ, переплываетъ на тотъ берегъ. И то сказать, кому пріятно было бы обречь свою дочь нищетѣ? Кто бы посовѣтовалъ своему сыну перенесть безчисленныя бѣдствія бѣдной женатой жизни, кто бы рѣшился удалить любимую дочь отъ комфорта и достатка и подвергнуть ее долгамъ бѣдности, всякаго рода лишеніямъ, отчужденію отъ друзей и множеству мрачныхъ послѣдствій отъ стѣсненныхъ обстоятельствъ? Я смотрю на жену и прошу у нея прощенія за то, что наложилъ на нее бремя, почти невыносимое для такого нѣжнаго созданія. Я вспоминаю перенесенныя ею испытанія, благодарю за нихъ и за ту неизмѣнную любовь и постоянство, которыми Богъ благословилъ ее и даровалъ ей силы все перенести. Вообще я плохой судья супружескаго вопроса: моя собственная женитьба была такъ безразсудна и въ то же время такъ счастлива, что я никакъ не рѣшаюсь давать совѣтовъ молодымъ людямъ. Я переносилъ нищету и находилъ ее не иначе, какъ сносною; не испытай я ея, и я бы не зналъ, что̀ такое преданность, признательность друзей, невыразимыя минуты радости и утѣшенія, сопровождающія отъ времени до времени скудную трапезу, жалкій огонекъ въ каминѣ, и облегчающія продолжительный дневной трудъ. Относительно участи людей порядочныхъ, но бѣдныхъ, одно, по крайней мѣрѣ, достовѣрно, что на нее часто расточаютъ много излишняго сожалѣнія. Великодушные великосвѣтскіе люди, которые иногда выходятъ изъ яркаго свѣта своихъ богатствъ въ мракъ тѣсной нашей жизни, становились слѣпыми, между тѣмъ, какъ мы все видѣли ясно и на все смотрѣли весело: они удивлялись нашему смиренію, съ которымъ мы пили дешевое пиво, нашему самодовольствію, съ которымъ мы читали молитву, садясь за кусокъ холодной баранины.

Добрый генералъ, мой тесть, женился на своей Молли, будучи субалтернъ-офицеромъ пѣхотнаго полка и имѣя кошелекъ едва ли полнѣе моего. У нихъ были свои приливы и отливы счастія. Я думаю (хотя жена моя никогда не признается въ этомъ), они женились, какъ женятся многіе въ своей молодости, не спросивъ позволенія родителей. Во всякомъ случаѣ, они такъ довольны были своимъ по-

ложеніемъ, что не сожалѣли о дѣтяхъ своихъ и не страшились мысли о трудностяхъ, которыя намъ привелось бы испытать втеченіе нашей супружеской жизни. Когда я говорилъ съ мистеромъ Ламбертомъ о состояніи моихъ капиталовъ, то, мнѣ кажется, обманывалъ и себя и его. Въ полномъ убѣжденіи, что у меня есть до двухъ тысячъ фунтовъ, онъ отправился въ Ямайку, совершенно спокойный, что его милая любимая дочь обезпечена, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько лѣтъ. Уплативъ значительную сумму денегъ за наряды и необходимыя платья для семейства, этотъ достойный человѣкъ уѣхалъ немного развѣ богаче своего зятя. Нѣсколько бездѣлушекъ, нѣсколько блондъ тетушки Ламбертъ и двадцать новенькихъ гиней въ кошелькѣ, сшитомъ матерью и дочерью, составляли все приданое моей Тео. Но, соображая свой денежный запасъ, я разсчитывалъ на значительную сумму, которую мнѣ должна была моя почтенная мать и которой эта рѣшительная старая леди не хотѣла признать долгомъ до того дня, когда призвана была изъ всѣхъ долговъ уплатить послѣдній. Она говорила, что деньги, истраченныя мною для нея, употреблены на улучшеніе и поддержку имѣнія, которое послѣ ея смерти будетъ принадлежать мнѣ. Лишнія же деньги свои она берегла для бѣднаго моего брата, который ничего не имѣлъ и который никогда бы не истратилъ своего маленькаго капитала, еслибъ не воображалъ себя *единственнымъ наслѣдникомъ* виргинскаго помѣстья, *какимъ онъ и былъ бы* — добрая леди во многихъ своихъ письмахъ дѣлала удареніе на эти слова — еслибъ не родился получасомъ позже. Онъ отличался теперь, проливая кровь свою за короля и отечество. Когда я кончилъ занятія по части изученія законовъ и драматическихъ сочиненій, мадамъ Эсмондъ увѣдомила меня, что я могу воротиться домой и занять мѣсто въ нашей колоніи,— мѣсто, на которое давало мнѣ право мое происхожденіе. Это предложеніе она повторяла мнѣ неоднократно чрезъ Моунтэйнъ, до полученія извѣстій о моей женитьбѣ.

Не считаю за нужное припоминать выраженія материнскаго негодованія по поводу сдѣланнаго мною шага. По возстановленіи спокойствія въ Канадѣ, добрый мой Гарри взялъ отпускъ и пріѣхалъ въ Виргинію. Въ письмахъ ко мнѣ, онъ описывалъ пріемъ его и великолѣпныя празднества, данныя матерью въ честь ея сына. Кастльвудъ, совершенно заброшенный съ тѣхъ поръ, какъ мы уѣхали въ Европу, снова открылся для нашихъ колоніальныхъ друзей. Другъ Вульфа и квебекскій воинъ былъ принятъ всѣми знакомыми съ надлежащими почестями. Правда, возникали непріятныя сцены изъ-за того, что братъ мой старался поддержать дружбу съ полковникомъ Вашингтономъ, изъ Монтъ-Вернона, восхвалять котораго Гарри ни-

когда не уставалъ. Дѣйствительно, я приписываю этому джентльмену всѣ добродѣтели. Въ борьбѣ, кончившейся, спустя нѣсколько лѣтъ столь пагубно для Англіи, я въ числѣ другихъ, самыхъ преданнѣйшихъ его друзей, всегда буду восхищаться постоянствомъ и успѣхами генерала Вашингтона.

Баталіи между Гарри и нашей матерью повторялись, судя по его письмамъ, довольно часто. и я удивлялся, зачѣмъ онъ оставался дома. Одну изъ причинъ тому я довольно ясно представлялъ себѣ въ умѣ, но не хотѣлъ сообщить ея мастриссъ Варрингтонъ. Мы оба разсуждали о романтичной любви нашей милой маленькой Гетти къ моему брату и удивлялись, отчего онъ не открылъ ея. Вѣроятно, объ этомъ не нужно было и говорить: моему джентльмену понравилась молоденькая леди лучше, чѣмъ Гетти, и поэтому онъ нашелъ необходимымъ продлить свое пребываніе въ Виргиніи.

Вскорѣ послѣ того мы получили письмо отъ Гарри, въ которомъ если не заключалоеь полнаго признанія, то, по крайней мѣрѣ, былъ намекъ на этотъ интересный фактъ. Особы, описываемой въ письмѣ, онъ не называлъ по имени; это было существо, полное совершенства и красоты. Жена моя просила показать ей письмо. Я не могъ отказать и отдалъ письмо съ печальнымъ лицомъ. Къ крайнему моему изумленію, она прочитала его, не обнаруживъ ни малѣйшаго признака сожалѣнія.

— Душа моя, я и прежде думалъ объ этомъ, сказалъ я.—Вполнѣ раздѣляю твои обманутыя ожиданія относительно бѣдной Гетти.

— Ахъ, бѣдная Гетти! произнесла Тео, потупивъ взоры.

— Эта любовь никогда бы не обнаружилась, замѣтилъ я.

— Нѣтъ.... они не были бы счастливы, вздохнувъ, сказала Тео.

— Какъ странно, что онъ не открылъ ея тайны! продолжалъ я. Тео пристально посмотрѣла на меня съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ.

— Скажи, пожалуйста, что̀ значитъ этотъ взглядъ? спросилъ я.

— Ничего, мой другъ.... рѣшительно ничего! Меня это нисколько не удивляетъ! отвѣчала Тео.

— Что̀? спросилъ я: — неужели тутъ можетъ быть кто нибудь другой?

— Я ничего подобнаго не говорила, Джоржъ! сказала Тео съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ. — Впрочемъ, если Гетти могла преодолѣть свое ребяческое заблужденіе, то развѣ мы не должны радоваться этому? Неужели вы думаете, что только вы, мужчины, имѣете право влюбляться и охладѣвать?

— Это еще что! сказалъ я, съ какимъ-то страннымъ ощущеніемъ: — не думаешь ли ты сказать, что ты любила кого нибудь, кромѣ меня?

— О, Джоржъ! произнесла Тео съ подавленнымъ вздохомъ. — Когда я была въ пансіонѣ, туда приходилъ мальчикъ изъ школы доктора Бакхауза; у него были такіе хорошенькіе глазки.... я такъ удивилась, встрѣтивъ его за прилавкомъ въ магазинѣ мистера Григга, когда пришла купить одѣяльце для нашего малютки.... я хотѣла сказать тебѣ объ этомъ и не знала, какъ.

Я нарочно отправился посмотрѣть на это созданіе съ хорошенькими глазками, и увидѣлъ маленькаго кривоногаго человѣка въ синемъ камлотовомъ кафтанѣ; рыжіе волосы его были перевязаны грязной лентой. Но я, руководимый великодушіемъ, не хотѣлъ упрекать имъ мою жену; она даже не узнаетъ, что я видѣлъ этого человѣка, пока не прочитаетъ моего признанія на этой страницѣ. Если бы жены наши видѣли, что̀ мы дѣлаемъ втихомолку отъ нихъ, стали ли бы онѣ любить насъ такъ, какъ любятъ? Неужели и мы столько же ошибаемся въ нихъ, сколько и онѣ въ насъ? Я смотрю на открытое лицо моей жены и думаю, что она меня никогда не обманывала.

Я не хочу, чтобы молодежь моя подражала моему собственному безразсудству, и потому не скажу, съ какимъ небольшимъ капиталомъ мистриссъ Тео и я начали жизнь. Несчастная трагедія ничего не принесла, несмотря на то, что рецензенты отзывались объ ея достоинствахъ, когда впослѣдствіи она явилась въ печати, весьма благопріятно; даже самъ мистеръ Кембль сдѣлалъ мнѣ честь—похвалилъ ее. Добрый нашъ другъ, лордъ Ротамъ, намѣревался было издать ее по подпискѣ и прислалъ мнѣ банковый билетъ, съ тѣмъ, чтобы я выдалъ ему сто экземпляровъ для его знакомыхъ; но я всегда гнушался этимъ способомъ пріобрѣтенія денегъ и, предпочитая переносить бѣдность sine dota, заперъ въ бюро рукопись вмѣстѣ съ стихами бѣдной Тео на первой страницѣ. Не понимаю, отчего эта пьеса произвела такое негодованіе при дворѣ. Неужели только оттого, что главную роль игралъ актеръ, тайно женившійся на дочери графа? Впрочемъ, мнѣ говорили, что выраженія, вложенныя въ уста нѣкоторыхъ индѣйцевъ (возстававшихъ противъ властолюбія, британскаго желанія господствовать и т. п.), признаны были опасными и не конституціонными, такъ что отъ меня отнята была и та небольшая надежда на королевскую милость, которую я еще могъ бы питать.

Что̀ же оставалось дѣлать? Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ неудачи трагедіи, я, сосчитавъ остатки моего богатства (счетъ этотъ

не требовалъ много времени и не былъ затруднителенъ), пришелъ къ заключенію, что намъ нужно проститься съ хорошенькой квартирой въ Блумсбири. На этомъ основаніи я объявилъ хозяйкѣ дома, что для поправленія здоровья моей жены необходимъ сельскій воздухъ. Мы переѣхали, однакожь, не далѣе Ламбета. Преданный Гумбо и Молли послѣдовали за нами. Здѣсь, несмотря на нашу бѣдность, намъ прислуживали лакей въ ливреѣ и горничная, какъ будто мы были люди значительные. Само собою разумѣется, милые родственники наши вопіяли противъ нашей расточительности. И то сказать, кому же, какъ не имъ, отъискивать въ насъ недостатки и разглашать ихъ всему свѣту?

Однажды, возвращаясь изъ Лондона, гдѣ я долженъ былъ повидаться съ нѣкоторыми книгопродавцами, я увидѣлъ передъ гостинницей, вблизи нашей квартиры, знакомую мнѣ золоченую карету, гербы и ливрею. Нѣсколько праздныхъ обитателей нашего мѣстечка окружили великолѣпную колесницу и съ подобострастіемъ смотрѣли на облитыхъ золотомъ лакеевъ, тянувшихъ пиво изъ блестящихъ кружекъ. Войдя въ домъ, я увидѣлъ, что въ нашей маленькой гостиной (изъ оконъ которой представлялся восхитительный видъ рѣки, покрытой лодками и шлюбками, а за ней высились старинныя башни и деревья архіепископскаго дворца и сада), противъ жены моей сидѣла миледи Кастльвудъ. Мистриссъ Тео, не одаренная особеннымъ умѣньемъ описывать людей и сцены, разсказала мнѣ, по отъѣздѣ миледи, всѣ подробности разговора съ ея сіятельствомъ.

— Пока вы были въ клубѣ, сказала миледи: — веселились съ своими друзьями, пили пуншъ и кофе, я все время сидѣла здѣсь и разговаривала съ кузиной Тео. Согласитесь, что ей скучно сидѣть одной и ничего не дѣлать, кромѣ чепчиковъ да рубашечекъ. Ничего, моя душа! надѣюсь, у васъ скоро будетъ компаньйонъ, который въ отсутствіе кузена Джоржа станетъ васъ развлекать!.. Какая миленькая квартирка у васъ! ну, просто прелесть! Новый домъ, который мы заняли, въ двадцать разъ громаднѣе, сверху донизу покрытъ золотомъ; но онъ мнѣ не такъ нравится, какъ вашъ коттэджъ. Правду говорятъ, что и богатство и бѣдность имѣютъ свои пріятности. Когда мы жили въ Албани — гдѣ я сама все дѣлала: мела полы, кипятила воду, помогала прачкѣ,—словомъ сказать, все, все — я была тогда такъ же счастлива, какъ и теперь. У насъ всего былъ одинъ негръ.... Кузенъ Джоржъ, отчего вы не продадите вашего Гумбо? Вѣдь онъ у васъ совершенно лишній; онъ только лѣнится, сплетничаетъ да волочится за вашей горничной.

Въ этомъ родѣ тараторила миледи, въ совершенно хорошемъ расположеніи духа, пока не наступилъ часъ ея отъѣзда. Тутъ она вы-

нула чудесный репетиръ и сказала, что время ѣхать съ визитомъ къ ея величеству, въ Букингэмскій дворецъ.

— Смотрите же, Джоржъ, пріѣзжайте къ намъ, сказала миледи, дѣлая мнѣ изъ окна золоченой кареты прощальный привѣтъ. — На-счетъ этого мы съ Тео все устроили!

— Наконецъ-то, сказалъ я, когда облитые золотомъ лакеи вскочили на запятки и наша великолѣпная маленькая покровительница оставила насъ: — она одна не устрашилась нашей бѣдности, она одна не постыдилась навѣстить кровныхъ родныхъ.

— Не постыдилась! сказала Тео, принимаясь за шитье для какого-то лиллипута. — Надо отдать ей справедливость, она въ какой угодно кухнѣ и въ какомъ угодно дворцѣ будетъ совершенно какъ дома. Она уже успѣла дать мнѣ и Молли двадцать уроковъ относительно хозяйства. Вѣдь она сама признается, что въ Албани она и стряпала, и обметала комнаты, и доила корову.

— Въ ней вовсе нѣтъ гордости, прибавилъ я. — Съ ея стороны очень мило пригласить насъ обѣдать съ ней и милордомъ. Когда-то дядя Babрингтонъ вздумаетъ предложить намъ черствую корку хлѣба и стаканъ своего знаменитаго пива?

— Да, да, это очень милое приглашеніе, сказала Тео, бросивъ на меня лукавый взглядъ. — Но, мой другъ, ты не знаешь еще всѣхъ условій!

При этомъ жена моя, очень вѣрно подражая акценту миледи и смѣясь, разсказала мнѣ, въ чемъ заключались эти условія.

— Она вынула изъ кармана бумажникъ, говорила Тео: — и объявила дни, въ которые не бываетъ дома и въ которые принимаетъ гостей. По понедѣльникамъ она принимаетъ герцога и герцогиню, съ различными членами дома милорда и ихъ женами. По вторникамъ у ней собиралось нѣсколько графовъ, два епископа и посланники: «разумѣется, въ эти дни вы не захотите къ намъ пріѣхать?» сказала графиня: «вы такъ бѣдны, что вамъ нельзя быть въ обществѣ такихъ людей, — вы это сами знаете. Да чего! въ эти дни и мой отецъ не обѣдаетъ съ нами: такое общество не по немъ... съѣстъ гдѣ нибудь кусокъ холоднаго мяса — и довольно.» Я сказала ей на это, что мистеръ Babрингтонъ только и можетъ находиться въ лучшемъ обществѣ, и предложила миледи пригласить насъ въ тотъ день, когда у нея будетъ обѣдать архіепископъ кантерберійскій, въ каретѣ котораго мы можемъ воротиться въ Ламбетъ. — А какая она экономка! продолжала Тео. «Я думала было привезти съ собой чепчички моего малютки и другія вещицы, изъ которыхъ милордъ уже выросъ; но вѣдь вы знаете, душа моя, что они мнѣ самой понадобятся.»

— Итакъ, мы лишились этого прибавленія къ нашему гардеробу, улыбаясь, сказала Тео. — Молли и я должны будемъ употребить всѣ свои усилія, чтобъ обойтись безъ этой милости ея сіятельства. «Бѣдные, должны быть бѣдными», сказала графиня, съ своей обычною бойкостью, «должны довольствоваться тѣмъ, что имѣютъ. Что бы намъ сдѣлать для этой несчастной Маріи? право, не знаю! Пригласить ее къ себѣ, какъ васъ приглашаемъ, невозможно: вы бѣдны, а она, дочь графа, вышла замужъ за актера! Согласитесь, душа моя, это ужасно! Ея величество и принцесса обѣ говорили объ этомъ! Всѣ благородныя фамиліи въ этомъ королевствѣ сожалѣютъ насъ. Но все же у меня есть планъ помочь этимъ несчастнымъ, и я уже отправила къ нимъ Симонса, нашего грума, переговорить объ этомъ.»

Планъ этотъ заключался въ томъ, что Гаганъ, кончившій почти полный курсъ Дублинскаго университета, долженъ былъ отправиться туда, получить ученую степень и поступить въ духовное сословіе: «тогда», прибавила графиня, «мы бы доставили ему мѣсто домашняго священника.» Здѣсь я могу упомянуть, что этотъ благодѣтельный планъ приведенъ былъ въ исполненіе мѣсяцевъ двадцать спустя, когда я самъ могъ оказать услугу мистеру Гагану, который во все время нашего горестнаго положенія былъ однимъ изъ самыхъ добрыхъ и лучшихъ нашихъ друзей. Только тогда Кастльвудъ исполнилъ свое обѣщаніе: онъ доставилъ Гагану мѣсто священника въ одной изъ нашихъ колоній, гдѣ Гаганъ отличилъ себя въ качествѣ воина и проповѣдника, какъ мы сейчасъ объ этомъ узнаемъ; но его сіятельство ни одной гинеей не хотѣлъ помочь ни сестрѣ, ни родственнику, во время ихъ крайности. Благодаря Бога, я никогда не просилъ его о помощи, хотя, надо отдать ему справедливость, никто, кромѣ его, не радовался такъ искренно, когда кончились дни нашего бѣдствія.

Что касается до дяди Варрингтона и его добродѣтельной жены и дочерей, то позвольте и имъ отдать справедливость и объявить, что, во весь періодъ моего испытанія, сожалѣніе ихъ о моей бѣдности было сильно и неизмѣнно. У меня все еще были друзья, которые видѣлись съ ними и, какъ водится между друзьями, сообщали мнѣ ихъ мнѣнія и разговоры: я ни разу не слышалъ, чтобы они сказали обо мнѣ или о женѣ хоть одно доброе слово. Даже о трагедіи моей они говорили какъ о важномъ преступленіи, злобно называя автора развратнымъ негодяемъ, который когда либо таскался по улицѣ Грабъ, въ лохмотьяхъ и грязи. Они не подали мнѣ руки помощи. Еслибъ жена моя вздумала попросить у нихъ милостыни, они не бросили бы ей двухъ пенсовъ. Разъ шесть въ недѣлю они ходили въ

церковь. Они были членами множества благотворительныхъ обществъ. Ихъ родъ извѣстенъ восемьнадцать столѣтій и будетъ процвѣтать до скончанія вѣка. Они будутъ благодарить небо, что созданы не такъ, какъ другіе; они всегда будутъ отталкивать отъ себя несчастныхъ, бѣдныхъ и убитыхъ горемъ.

Не стану припоминать о страшныхъ сомнѣніяхъ и опасеніяхъ, начинавшихъ тревожить меня. Мнѣ не удавался ни одинъ планъ, который придумывалъ я для пріобрѣтенія работы и увеличенія денежныхъ средствъ. Наконецъ я обратился къ мистеру Джонсону. Припоминая радушіе, съ которымъ онъ меня принялъ, мнѣ становится стыдно за рѣзкія слова, употребленныя мною насчетъ его манеръ и поведенія. Я разсказалъ ему мою исторію, объяснилъ затруднительность моего положенія, обстоятельства моей женитьбы и мою перспективу. Онъ никакъ не хотѣлъ допустить, что все это имѣетъ мрачный характеръ, или, si male nunc, что это будетъ продолжительно. У меня были въ виду шансы, правда, очень невѣрные, получить мѣсто въ Англіи; наслѣдство должно быть моимъ, нескоро,—это правда, и во всякомъ случаѣ осталось бы наслѣднику, котораго я ожидалъ. Я имѣлъ небольшой запасъ денегъ для текущихъ безотлагательныхъ потребностей. Я надѣялся пріобрѣсть замѣчательный успѣхъ на литературномъ поприщѣ; но въ этомъ отношеніи мистеръ Джонсонъ совершенно разочаровалъ меня, сказавъ, что, послѣ представленія моей трагедіи, нельзя не сомнѣваться, что природа одарила меня тѣми особенными способностями, которыя необходимы для пріобрѣтенія такого успѣха. Наконецъ мнѣ стоило только подчинить себя материнскому управленію, воротиться въ Виргинію; а тамъ для меня все было готово. «О чемъ же вы горюете, сэръ!» вскричалъ мистеръ Джонсонъ: «такія деньги, какія вы имѣете, были бы для меня богатствомъ, когда я вступилъ въ свѣтъ; при нихъ пріятель мой мистеръ Гольдсмитъ завелъ бы карету въ шестерню. Въ ваши лѣта, съ вашими надеждами, съ двумя сотнями фунтовъ стерлинговъ, какой молодой человѣкъ станетъ предаваться отчаянію! Вы только вспомните, сэръ, что можете прожить безъ нужды цѣлый годъ; а кто знаетъ, что случится въ этотъ промежутокъ. Быть можетъ, вамъ будутъ помогать здѣшніе родственники, можетъ статься, васъ введутъ во владѣніе виргинскимъ помѣстьемъ, или, наконецъ, совершенно неожиданно вы можете получить огромное богатство.» Втеченіе того года я ничего не получилъ, а онъ получилъ. Милордъ Бютъ назначилъ мистеру Джонсону пенсію, возбудившую во всей улицѣ Грабъ негодованіе на знаменитаго писателя, который выпустилъ въ свѣтъ свое собственное, очень нелестное мнѣніе насчетъ пенсій вообще и пенсіонеровъ въ особенности.

Несмотря на то, мистеръ Джонсонъ не осуждалъ моихъ литературныхъ проектовъ; онъ обѣщалъ доставить мнѣ работу отъ книгопродавцевъ и свято исполнилъ свое обѣщаніе.

— Только вотъ что, сказалъ онъ: — вы не должны показываться къ нимъ in forma pauperis. Нельзя ли вамъ у кого нибудь изъ знакомыхъ достать карету, въ которой мы съѣздимъ къ нимъ? Вы надѣнете шляпу съ плюмажемъ и лучшій камзолъ, такъ что мы явимся къ нимъ, сэръ, какъ будто этимъ дѣлаемъ имъ честь.

Эта хитрость удалась превосходно и въ первые визиты доставила мнѣ уваженіе. Но когда книгопродавцы узнали, что я беру деньги за свои труды, спины ихъ перестали гнуться, и они обходились со мной съ крайне непріятною фамильярностью. Однажды я услышалъ, какъ одинъ изъ нихъ, бывшій нѣкогда лакеемъ, сказалъ: «о, это Покахонтасъ! пусть подождетъ!» Мальчикъ передалъ мнѣ эти слова. — «Пусть подождетъ!» вскричалъ я, пылая бѣшенствомъ и заглянувъ въ его кабинетъ. «Я не привыкъ сидѣть въ передней.» Дѣло другое *вы:* вамъ это идетъ! «Сказавъ это, я хлопнулъ дверью и выбѣжалъ изъ лавки на улицу Поллъ-Моллъ въ величайшемъ гнѣвѣ.

А, между тѣмъ, мистеръ Д. былъ правъ. Я пришелъ къ нему если не просить милости, то, во всякомъ случаѣ, предложить ему сдѣлку и, само собою разумѣется, долженъ былъ ждать, когда онъ выберетъ удобную минуту для пріема. Въ дни, болѣе благопріятные, я просилъ извиненія у этого джентльмена, и добродушный авторъ «Музы въ ливреѣ» помирился со мной очень охотно.

Въ другомъ мѣстѣ, куда я обратился за работой, надо полагать, или я держалъ себя благоразумнѣе, или мистеръ Джонсонъ былъ счастливѣе: онъ предоставилъ мнѣ случай заниматься переводами съ иностранныхъ языковъ, которые, къ счастію, я зналъ. Тяжелый трудъ цѣлаго дня вознаграждался нѣсколькими шиллингами, такъ что недѣля этого труда едва-едва доставляла мнѣ гинею, да и ту низкіе торгаши, нанимавшіе меня, швыряли мнѣ съ видомъ покровительства, оскорблявшаго достоинство благороднаго человѣка. Теперь, когда я просматриваю статьи своей работы, за которыя получилъ нѣсколько ничтожныхъ шиллинговъ, во мнѣ пробуждаются самыя тяжелыя, самыя горькія воспоминанія. Я припоминаю сомнѣнія и боязнь, волновавшія меня, когда я смотрѣлъ на жену, нянчившую малютку и глядѣвшую мнѣ въ лицо съ притворной улыбкой, которою тщетно старалась она скрыть свои опасенія. Въ тѣ минуты я снова вступалъ въ борьбу съ гордостью; снова открылись раны, жгучую боль которыхъ я всѣми силами старался перенесть. Есть нѣсколько несправедливыхъ поступковъ противъ меня, которые не

знаю, какъ мнѣ забыть, и которые каждый разъ, когда вспоминаю о нихъ, возбуждаютъ во мнѣ прежнее негодованіе. Уныніе и мракъ окружаютъ меня до тѣхъ поръ, пока не пробудится воспоминаніе о той любви и нѣжности, которыя, при этомъ мракѣ и уныніи, служили для меня лучезарнымъ свѣтомъ и отраднымъ утѣшеніемъ.

ГЛАВА XI.

ЛУИДОРЪ МАЙЛЬЗА.

Маленькій Майльзъ явился въ этотъ свѣтъ спустя нѣсколько дней послѣ рожденія всемилостиваго принца, который командуетъ его полкомъ. Иллюминація и пушечная пальба привѣтствовали рожденіе принца Георга; толпамъ народа дозволено было видѣть его, въ то время, какъ онъ, охраняемый няньками, лежалъ во дворцѣ за золотыми рѣшетками. Немного нянекъ окружали колыбель нашего маленькаго принца. Кромѣ преданнаго Гумбо и доброй Молли, которые любили и восхищались наслѣдникомъ моей нищеты такъ нелицемѣрно, какъ только могли пожелать наши сердца, не привѣтствовали его ни вельможи, ни царедворцы. Отчего же нашъ сынъ не былъ названъ Джоржемъ, подобно своему ровеснику, и по имени своего отца? Я далъ ему имя маленькаго повѣсы моей фамиліи, — имя, которое носили многія поколѣніяВаррингтоновъ. Любовь и добросердечіе бѣднаго Майльза до такой степени тронули меня въ то время, когда чувства эти были рѣдки между моими кровными, что Тео и я согласились назвать нашего первенца именемъ этого единственнаго маленькаго друга.

Мы написали нашимъ родителямъ объ этомъ важномъ событіи и смѣло напечатали въ «Dayly Advertiser» о днѣ и мѣстѣ рожденія нашего ребенка. «Милый мой», писала тетка Бернштейнъ въ отвѣтъ на мое извѣщеніе, «къ чему ты объявляешь всему свѣту, что живешь въ такомъ *захолустьи?*. Цалую заочно маленькую мама и посылаю гостинецъ для ея малютки.» Гостинецъ этотъ былъ не что иное, какъ прекрасное шелковое покрывало, окаймленное самыми тонкими кружевами. Оно было очень некстати: кружева, по своей цѣнности, принесли бы гораздо больше пользы; но Тео и Молли были въ восторгѣ отъ подарка, и колыбель моего старшаго сына имѣла покрывало, какъ у любаго нобльмена.

Добрый докторъ Геберденъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ навѣстить мою жену. Онъ отрекомендовалъ намъ знакомаго своего врача, жившаго по сосѣдству съ нами, который и принялъ Тео на свое попе-

ченіе. Къ счастію, моя милая паціентка не нуждалась въ пособіи врача. Ей со всею готовностью могли оказать необходимую помощь хозяйка нашего дома и наша вѣрная служанка. И вотъ скромный уголокъ нашъ снова украсился появленіемъ позлащенной кареты леди Кастльвудъ. Миледи привезла съ собой въ серебряномъ сосудѣ какого-то желе, которое, по ея мнѣнію, должно было понравиться Тео и которое, безъ всякаго сомнѣнія, подавали наканунѣ за ея банкетомъ. Она разсказала намъ о всѣхъ придворныхъ церемоніалахъ, о роскоши и пиршествахъ по случаю рожденія наслѣдника британскаго престола. Случилось такъ, что въ одинъ изъ дней, когда карета графини блистала у нашихъ маленькихъ воротъ, меня навѣстилъ добрый мистеръ Джонсонъ. Онъ былъ пораженъ великолѣпіемъ графини и сдѣлалъ ей нѣсколько поклоновъ, скорѣе почтительныхъ, чѣмъ граціозныхъ. Миледи очень ласково называла меня кузеномъ и съ величайшей благосклонностью помогла мнѣ переложить желе изъ серебрянаго сосуда въ глиняный. Мистеръ Джонсонъ попробовалъ этого лакомства и нашелъ его превосходнымъ.

— Вельможамъ, сказалъ онъ: — счастье во всемъ. Они могутъ нанимать отличныхъ знатоковъ поварскаго искусства и собирать вокругъ своего стола отличныхъ остроумцевъ. Если, какъ вы предполагаете, сэръ—а судя по наружности этого желе, предположеніе ваше весьма справедливо — если это лакомство показывалось уже за столомъ ея сіятельства, то оно видѣло избранное общество. Оно дрожало подъ взглядами знаменитыхъ красавицъ, къ нему прикасались ихъ розовыя губки, оно привлекало къ себѣ вниманіе всего общества наровнѣ съ фруктами, тортами и кремами, которые, безъ всякаго сомнѣнія, были такъ же усладительны, какъ и это желе.

Говоря такимъ образомъ, добрый докторъ уничтожилъ значительную часть благотворительнаго приношенія леди Кастльвудъ; хоть относительно эпитета *усладительный* я долженъ сказать, что бѣдная моя жена, попробовавъ желе, отодвинула его, какъ очень невкусное блюдо, а Молли, вздернувъ голову, объявила, что оно прокисло.

Мой сынъ, по крайней мѣрѣ, можетъ сказать, что его крестной матерью была дочь графа. Эта обязанность была исполнена его кузиной, бѣдной леди Маріей, которой ласки и вниманіе къ матери и ребенку превосходили всякую похвалу и которая, потерявъ единственный случай наслаждаться материнскимъ счастіемъ, горевала о своей потерѣ надъ нашимъ ребенкомъ, такъ что трогательно было смотрѣть на нее. Капитанъ Майльзъ отличный джентльменъ во всѣхъ отношеніяхъ, его гусарская форма роскошна какъ нельзя болѣе; но у него слишкомъ доброе сердце, и онъ, мы надѣемся, во

всю свою жизнь будетъ признательнымъ, вспоминая, что его младенческіе члены завертывали въ одѣяльца, приготовленныя для ребенка бѣднаго актера. Самсонъ крестилъ его въ той самой церкви, гдѣ совершенъ былъ обрядъ нашего бракосочетанія, и никогда еще молитвы не читались съ такимъ чувствомъ и выразительностью, какъ при этомъ случаѣ; только при концѣ обряда голосъ измѣнилъ мистеру Самсону: тогда онъ и вся конгрегація не могли удержаться отъ слезъ. — «Самъ мистеръ Гаррикъ», говорилъ Гаганъ, «не прочиталъ бы этихъ словъ такъ превосходно.» Я увѣренъ, что еще ни одинъ невинный младенецъ, вступая въ этотъ свѣтъ, не былъ сопровождаемъ желаніями и благословеніями болѣе нѣжными и искренними.

Однако, я еще не сказалъ, какимъ образомъ случилось, что капитанъ нашъ носитъ имя Майльза. Дня за два до крещенія, когда мы все еще полагали, что первенецъ нашъ долженъ носить имя отца, у воротъ нашего коттэджа послышался стукъ копытъ маленькой лошадки, и вслѣдъ затѣмъ нашъ кузенъ Майльзъ позвонилъ въ колокольчикъ. Я увѣренъ, что онъ предпринялъ эту поѣздку не спросясь своихъ почтенныхъ родителей.

— Вы знаете, сказалъ онъ: — кузенъ Гарри подарилъ мнѣ лошадку, и я не могу не любить васъ, потому что вы такъ похожи на него, и потому, что дома у насъ говорятъ о васъ такія вещи, что стыдно слушать. Я привезъ вашему малюткѣ свистульку и кораллъ, которые подарила мнѣ моя крестная мать леди Соклинъ, и если вы, кузенъ Джорджъ, дѣйствительно бѣдны, то вотъ вамъ золотой луидоръ, который имѣетъ цѣну; но для меня онъ безполезенъ, потому что, какъ вамъ извѣстно, я не могу его истратить.

Мы провели мальчика въ комнату Тео (онъ поднялся по лѣстницѣ, стуча охотничьими сапогами, которыми очень гордился); Тео поцаловала его и благодарила. Луидоръ и теперь еще хранится въ ея кошелькѣ.

Моя мать, въ письмѣ, писанномъ, по обыкновенію, ея посланницей, увѣдомляла меня о своемъ королевскомъ изумленіи и неудовольствіи, въ которыя она была повергнута, узнавъ, что мой сынъ названъ Майльзомъ—именемъ, совершенно неизвѣстнымъ въ фамиліи Эсмондъ. Въ то время я не счелъ за нужное объяснять этому причину; но когда, спустя нѣсколько лѣтъ, я разсказалъ мадамъ Эсмондъ, по какому случаю сынъ мой названъ этимъ именемъ, я видѣлъ, какъ по морщинистымъ щекамъ ея катились слезы, и слышалъ, какъ она распрашивала Гумбо о мальчикѣ, подарившемъ свое имя *нашему* Майльзу.

ГЛАВА XII.

ГОРЕ И УТѢШЕНІЕ.

Въ дни моей юности, когда Гарри и я были такъ непочтительны къ нашему наставнику, возможно ли мнѣ было думать, что мистеръ Эсмондъ Варрингтонъ самъ сдѣлается вожатымъ медвѣдя? Моя мать, когда мы снова жили вмѣстѣ, не рѣшалась прямо говорить объ этомъ періодѣ моей жизни: она только намекала на него, говоря: «то ужасное время, мой другъ, о которомъ я не могу вспомнить равнодушно»; «тѣ страшные годы, когда между нами поселился раздоръ». Когда мой ученикъ, почтенный и признательный человѣкъ, высылалъ мнѣ въ Джемстоунъ по нѣскольку бочекъ той жидкости, которая доставила ему огромное богатство, мадамъ Эсмондъ называла его моимъ пріятелемъ въ Англіи, моимъ богатымъ ламбетскимъ пріятелемъ и пр., но никогда по имени; она не отвѣдала даже ни одной капли его пива. Въ варрингтонскомъ помѣстьи мы варили свое собственное: но добрый мистеръ Фокеръ не перестаетъ присылать въ Ипсвичъ ежегодно пары бочекъ своего произведенія. Его сынъ—молодой франтъ; отецъ — весьма почтенный и добрый джентльменъ. Знакомство съ нимъ я приписываю моему особенному счастію, потому что чрезъ него я получалъ гинеи въ самую тяжелую пору моей жизни.

Для меня не столько дороги были эти деньги, сколько обязанность гувернера, которую я принялъ на себя, и надежды, которыя подавала мнѣ эта обязанность. Пивоваренный заводъ мистера Фокера въ Ламбетѣ стоялъ въ то время близъ поля Педларъ. Докторъ, наблюдавшій за моей женой въ послѣдній періодъ ея беременности, лечилъ въ то же время и богатое семейство пивовара. Мистеръ Фокеръ родомъ баварецъ; настоящее его имя Uœlker. Я полагаю, что мистеръ Лансъ, нашъ докторъ, познакомилъ его съ моимъ именемъ и исторіей. Почтенный докторъ часто курилъ виргинскій табакъ въ моемъ садикѣ и искренно полюбилъ меня и мое семейство. Онъ ввелъ въ мой домъ своего патрона, и когда послѣдній увидѣлъ, что мнѣ знакомъ его родной языкъ, что я умѣлъ пропѣть: «принцъ Евгеній храбрый наѣздникъ»—пѣсню, вывезенную моимъ дѣдомъ изъ походовъ Марльборо, — онъ отъ души привязался ко мнѣ; жена его предложила къ услугамъ мистриссъ Варрингтонъ свой портшезъ и карету, его дочь страстно полюбила нашего малютку (и, надо отдать справедливость капитану, ребенкомъ онъ былъ прекрасенъ,

зато теперь, при своей косичкѣ, онъ страшно безобразенъ). Съ его сыномъ и наслѣдникомъ чрезвычайно дурно обходились въ Вестминстерской школѣ (собственно потому, что отецъ его былъ пивоваръ); поэтому родители просили меня принять его на мое попеченіе и платили мнѣ за его воспитаніе довольно значительную сумму.

Мистеръ Фокеръ былъ проницательный дѣловой человѣкъ; а какъ онъ и его семейство принимали во мнѣ и въ моемъ семействѣ живое участіе, то я откровенно сообщилъ ему о положеніи моихъ финансовъ. Эта откровенность еще болѣе усилила въ немъ любовь ко мнѣ и уваженіе. Онъ смѣялся надъ разсказами о помощи, которую оказывали намъ наши родные, о покрывалѣ тетки, о тухломъ желе леди Кастльвудъ и о презрѣніи ледиВаррингтонъ; но, съ тѣмъ вмѣстѣ, у него навертывались слезы, когда мы говорили о луидорѣ маленькаго Майльза. Что касается до Самсона и Гагана, то онъ говорилъ: пусть они пьютъ пива у меня сколько душѣ угодно. Онъ послалъ жену свою навѣстить леди Марію и оказывалъ послѣдней всевозможное уваженіе и вниманіе, когда она посѣщала его домъ. Когда мистеръ Гаганъ уѣзжалъ въ Дублинъ, за полученіемъ ученой степени, леди Марія оставалась въ домѣ мистера Фокера; щедрый кошелекъ пивовара былъ открытъ для нашего друга, и этотъ кошелекъ доставилъ Гагану возможность отправиться въ далекій путь.

Когда мистеръ Фокеръ близко ознакомился съ моими дѣлами и моимъ положеніемъ, онъ не иначе говорилъ обо мнѣ, какъ съ энтузіазмомъ, какъ будто въ моемъ поведеніи было что-то необыкновенно добродѣтельное. Я разсказалъ ему, что моя мать копила деньги для Гарри и что оба они были у меня въ долгу. Разумѣется, я объяснилъ, почему Гарри, истрачивая мои деньги, считалъ ихъ своею собственностью, почему нельзя было вразумить мадамъ Эсмондъ, что она поступаетъ со мной безчеловѣчно. Въ концѣ 1762 года Гарри прислалъ мнѣ значительную сумму на покупку патента и въ то же время просилъ меня вспомнить, что онъ въ долгу у меня, и что если я нуждаюсь, то могу обратиться къ его агентамъ. Онъ не зналъ, въ какой крайней нуждѣ находился я, не зналъ, какъ поглощенъ былъ мой маленькій капиталъ.

Взять деньги брата я не рѣшался—это замедлило бы его производство — и, весьма естественно, я не обращался къ агентамъ его, хотя, признаться, не разъ покушался. Зная также ограниченныя средства добраго генерала Ламберта, я не хотѣлъ стѣснять его просьбой о пособіи. Эти простые поступки, выражавшіе одно только терпѣніе, моему почтенному пивовару угодно было принимать за примѣры возвышенной добродѣтели. И что же сдѣлалъ мой джентльменъ? Онъ написалъ моему брату въ Америку, выставляя меня и же-

ну самыми удивительными изъ человѣческихъ созданій; онъ сдѣлалъ визитъ мадамъ де-Бернштейнъ, которая никогда не говорила мнѣ объ этомъ, но я замѣтилъ, что съ того времени она обходилась съ нами чрезвычайно почтительно и ласково, что, со стороны женщины самолюбивой и свѣтской, было крайне для меня удивительно. Впослѣдствіи я спросилъ мистера Фокера, какимъ образомъ онъ пріобрѣлъ доступъ къ баронессѣ. Мистеръ Фокеръ захохоталъ. «Хороша баронесса!» сказалъ онъ. «Я зналъ барона, когда онъ былъ *лакеемъ* въ Мюнихѣ, а я — ученикомъ пивовара. Полагаю, лучше было бы для нашего семейства, еслибъ оно не любопытствовало насчетъ біографіи нашего дяди барона.

Такимъ образомъ, часть моей жизни, которая должна бы быть самою печальною, въ сущности была какъ нельзя болѣе пріятна, чрезъ моихъ друзей, чрезъ стеченіе счастливыхъ обстоятельствъ. Медвѣженокъ, котораго я водилъ, былъ смышленъ и переимчивъ и очень охотно плясалъ по моей дудкѣ. Во всякомъ случаѣ, лучше было водить медвѣдя, чѣмъ толкаться у дверей книгопродавцевъ — выжидать удовольствія или каприза режиссёровъ! Моя жена и я, втеченіе нашего изгнанія — такъ называли мы то время — проводили очень пріятные вечера въ кругу нашихъ друзей и благодѣтелей. Не лишены мы были и возвышенныхъ удовольствій: мистриссъ Фокеръ и мистриссъ Babbингтонъ прекрасно пѣли дуэты; а иногда, находясь въ хорошемъ расположеніи, я читалъ въ нашемъ дружескомъ кружкѣ трагедію «Покахонтосъ», и читалъ, по словамъ мистера Фокера, несравненно лучше Гагана.

Послѣ маленькой шалости Майльза Babbингтона-младшаго, я не видѣлъ его и рѣдко слышалъ о моихъ родственникахъ съ отцовской стороны. Сэръ Майльзъ постоянно находился при дворѣ. Онъ былъ покорнѣйшимъ слугою всякаго министра. Удивляюсь, отчего втеченіе кратковременнаго управленія перваго любимца короля онъ не поддѣлывалъ чистаго англійскаго языка подъ шотландскій акцентъ. Однажды я увидѣлъ его, возвращавшагося вмѣстѣ съ женой изъ дворца, гдѣ представляли они его величеству новобрачную дочь свою, мистриссъ Клэйпуль. На рукахъ у меня былъ нашъ малютка. Дядя и тетка гнѣвно посмотрѣли на меня изъ окна золотой своей кареты. Лакеи безсмысленно смотрѣли на свои букеты. Еслибъ на мнѣ надѣта была шапка-невидимка, то и тогда, мнѣ кажется, братъ моего отца не проѣхалъ бы мимо меня съ бо̀льшимъ равнодушіемъ.

Не слишкомъ охотно и не часто пользовались мы страннымъ приглашеніемъ леди Кастльвудъ пріѣзжать къ ней на чай или ужинъ, когда въ ея домѣ не было гостей. Старикъ ванъ-день-Бошъ, чело-

вѣкъ съ тонкимъ умомъ и удивительною способностью наживать деньгу, не находилъ удовольствія въ бесѣдѣ съ посторонними людьми. Онъ ни съ кѣмъ не говорилъ, кромѣ дочери, которая разсуждала о домашнихъ и биржевыхъ дѣлахъ, о повышеніи и пониженіи курсовъ, объ увеличеніи и сбытѣ мызныхъ продуктовъ, съ такимъ же точно знаніемъ дѣла и дальновидностью, какъ и старикъ-отецъ. Милорда Кастльвуда часто не было дома; миледи не обращала особеннаго вниманія на его отсутствіе. Она откровенно говорила женѣ моей:

— Милордъ и мой отецъ никакъ не могутъ сойтись. Милордъ безпрестанно нуждается въ деньгахъ, а отецъ держитъ ихъ подъ замкомъ. Еслибъ милорду дали на руки всѣ деньги, онъ бы скоро промоталъ ихъ, и тогда что̀ сталось бы съ нашей благородной фамиліей? Мы, душа, платимъ за все наличными денежками (кромѣ карточныхъ долговъ, которыхъ мы и не хотимъ имѣть). Мы платимъ поварамъ, платимъ за лошадей, за вина, портнымъ, всѣмъ, всѣмъ рѣшительно, и это для нихъ счастье: милордъ ничего бы не платилъ! Впрочемъ, мы всегда заботимся, чтобъ у него была гинея въ карманѣ и чтобы онъ выѣзжалъ, какъ настоящій нобльменъ! Ахъ, сколько онъ былъ долженъ до насъ, одному Богу извѣстно! Я и отецъ стараемся сдѣлать его человѣкомъ респектабельнымъ; но это не шутка, душа моя! Представь! онъ готовъ растопить все серебро, и хорошо еще, что ключи отъ кладовой папа держитъ при себѣ. Когда мы отправляемся въ Кастльвудъ, отецъ ѣдетъ со мной, вооруженный... да и всѣ люди вооруженные!

— Праведное небо! вскричала Тео:—неужели ваше сіятельство хотите сказать, что подозрѣваете своего мужа въ намѣреніи....

— О, нѣтъ! совсѣмъ не то! И опять, съ другой стороны, неужели вы думаете, что я повѣрю нашему брату Виллю значительную сумму? Я скорѣе довѣрю кошкѣ крынку молока! Да, душа моя, я вамъ скажу— небольшое удовольствіе быть великосвѣтской женщиной, и если я купила графскую корону, то заплатила за нее хорошую цѣну, — это правда!

Такъ точно и милордъ Кастльвудъ заплатилъ хорошую цѣну за выкупъ своего помѣстья, за устройство домовъ и конюшень, за уплату долговъ. Онъ былъ рабомъ своей маленькой жены и ея отца. Не удивительно, что общество этого старика не нравилось бѣдной жертвѣ и что милордъ съ радостью убѣгалъ изъ своего прекраснаго дома или въ клубъ, когда былъ при деньгахъ, или въ общества другихъ людей, кромѣ тѣхъ, которыхъ встрѣчалъ дома. Водить медвѣдя, какъ я водилъ, занятіе, конечно, не очень пріятное; ждать въ прихожей книгопродавца, пока его милости угодно будетъ кончить свой

обѣдъ и дать мнѣ аудіенцію, тоже тяжелый трудъ, особливо для человѣка съ моимъ именемъ и моей гордостью; но я бы не промѣнялъ моей нищеты на униженіе Кастльвуда, не предпочелъ бы его жалкой зависимости моей собственной. Я трудами доставалъ себѣ хлѣбъ, и никто не можетъ сказать, что я льстилъ моимъ патронамъ, или раболѣпствовалъ передъ ними, или въ моихъ сношеніяхъ съ ними не иначе держалъ себя, какъ серьёзно, гордо и даже несносно.

Существо, которое судьба сдѣлала спутницей моей въ жизни, съ такимъ спокойствіемъ и такъ безропотно переносила нищету, что скупая фортуна сжалилась надъ ней и, подобно дикому чудовищу въ волшебныхъ сказкахъ, смягчилась добродушіемъ и веселостью этого кроткаго, безхитростнаго созданія. Какъ бѣдна ни была она, но всѣ знавшіе ее видѣли въ ней истинно благородную леди; всѣ мелкіе торговцы, всѣ жители нашего мѣстечка оказывали ей такое же уваженіе, какъ и самымъ богатѣйшимъ нашимъ сосѣдямъ. «Душа моя», говорила мистриссъ Фокеръ женѣ моей, выѣзжая съ ней въ своей каретѣ, «вы кажетесь госпожей этой кареты, а я — вашей горничной.» Наши домохозяйки обожали ее; всѣ торговцы исполняли ея незначительные заказы такъ охотно, какъ будто ихъ дѣлала какая нибудь графиня, какъ будто они были убѣждены, что отъ угожденія ей зависитъ ихъ богатство.

Добрые родители моего медвѣжонка одолжали намъ карету свою иногда прогуляться, а иногда съѣздить къ нашимъ знакомымъ. Говоря всю правду, я долженъ признаться, что мы заѣзжали однажды въ коттэджъ подъ вывѣской «Протестантскій Герой» и тамъ, въ саду, пили силлабобъ (*). Хозяйка коттэджа во все это время не хотѣла называть жену мою иначе, какъ ея сіятельствомъ. Мы посѣтили и мистера Джонсона; пили чай у него, вмѣстѣ съ талантливымъ мистеромъ Гольдсмитомъ. Докторъ Джонсонъ провожалъ жену мою до самой кареты. Чаще всего мы посѣщали тетушку Бернштейнъ. Я даже началъ дѣлаться ревнивымъ, потому что баронесса оказывала удивительное расположеніе къ Тео.

Это расположеніе возрасло до такой степени, что баронесса готова была проводить съ ней большую часть дней въ недѣлѣ, готова была не разлучаться съ ней. Ребенокъ Тео и ея мужъ были для нея несноснѣйшими созданіями, и она, шутя, показывала видъ, что ненавидитъ насъ за то, что мы отрывали отъ нея ея фаворитку. Конечно, жена моя достойна была того, чтобы ее любили; но частыя, принужденныя отлучки и постоянное затрудненіе видѣться съ ней

(*) *Sillabub* — питье, приготовляемое изъ молока, съ сахаромъ и небольшаго количества вина.

обратили расположеніе моей тетки въ своего рода страсть. Баронесса обременяла ее записками, имѣвшими характеръ любовныхъ писемъ; ея люди почти безвыходно толкались на нашей кухнѣ. Если жена моя долго не являлась къ ней, она умоляла ее пріѣхать и, при встрѣчѣ, жестоко бранила меня. Однажды, когда ребенокъ нашъ захворалъ, мадамъ Бернштейнъ три дня сряду пріѣзжала въ Ламбетъ, клялась, что маленькій Майльзъ совершенно здоровъ и что мы нарочно выдумываемъ болѣзни, чтобъ только огорчать ее.

Властолюбивая графиня Кастльвудъ держала себя такъ непринужденно въ отношеніи къ старой своей теткѣ, такъ любезна была въ сношеніяхъ съ ней, какъ и со всѣми другими, большими и малыми. «Не понимаю, право, не понимаю», говорила графиня, «почему вы кланяетесь этой старухѣ! Вы скажете, потому, что она настоящая леди! Вздоръ! Она точно такая же леди, какъ и всѣ другія; я сама нисколько не хуже ихъ, съ ихъ высокими каблуками и надменными манерами! Вы скажете, что нѣкогда она была красавицей? Снимите парикъ съ нея, смойте румяны, выньте у ней зубы, и что тогда выйдетъ изъ вашей красавицы, желала бы я знать! Сложите это все въ картонку, и ваша красавица обратится въ морщинистую старуху.» Дѣйствительно, маленькая американка говорила правду. Всякая красота должна наконецъ поблекнуть, цвѣтокъ увядаетъ и въ землѣ и на деревѣ. Вы видите передъ собой старость, не пользующуюся ничьимъ уваженіемъ; видите сѣдины, спрятанныя или окрашенныя. Баронесса все еще жила для свѣта, опираясь на костыль, бродила въ немъ и льнула къ нему. Уже восемьдесятъ лѣтъ, какъ она обращалась въ немъ и вкушала отъ древа запрещеннаго и дозволеннаго. Она имѣла красоту, питалась удовольствіями, лестью, и съ тѣмъ вмѣстѣ сколько страстей бушевало въ ея груди, сколько испытала она разочарованія, пораженій, уничиженія! сколько шиповъ скрывалось для нея подъ пышными розами, сколько жалящихъ пчелъ—въ сладкихъ плодахъ!

— Ты не красавица, говорила она женѣ моей:—и должна благодарить за это свои звѣзды. (Если она противорѣчила себѣ въ своихъ сужденіяхъ, то можно извинить ее: мы сами иногда дѣлаемъ то же самое.) Не говори мнѣ, что твой мужъ доволенъ твоимъ личикомъ и что ты не хочешь, чтобы тобой восхищались другіе! Это общая наша слабость. Всякая женщина болѣе всего хотѣла бы быть красавицей, какъ бы она ни была богата, добра, хотя бы имѣла всѣ дары волшебницы! Взгляни на этотъ портретъ: я знаю, что онъ довольно дуренъ и что глупый хвастунъ Кнеллеръ не умѣлъ написать глазъ и придать ему надлежащаго выраженія и колорита. Какія чудныя формы имѣла я въ ту пору, а теперь, посмотри на эту

морщинистую старую шею! Зачѣмъ періодъ нашей красоты такъ скоротеченъ? Я помню мадмуазель де-Ланкло: она была старше меня, но красота ея хорошо сохранилась. Мы не можемъ скрыть своей старости. Я родилась въ послѣднемъ году царствованія короля Іакова. Я еще не такъ стара: мнѣ только семьдесятъ-шесть. А, между тѣмъ, какія руины я представляю собою: не правда ли, какъ жестоко, что наше время скоротечно?

При этомъ жена моя сказала неоспоримую истину, что время для всѣхъ вообще проходитъ незамѣтно.

— Ха, ха! вскричала баронесса.—А развѣ Адамъ не прожилъ почти тысячи лѣтъ, и развѣ Ева не была прекрасна во все это время? Этимъ вопросомъ я часто ставила втупикъ мистера Тушера... бѣдный мистеръ Тушеръ! Скажите, пожалуйста, что мы сдѣлали послѣ того, что наша жизнь такъ страшно сократилась?

— Неужели ваша жизнь такая счастливая, что вы хотѣли бы ея продолженія? спрашиваетъ собесѣдница баронессы. — Неужели вы, такая любительница остроумія, никогда не читали превосходнаго описанія Сфифта въ «Путешествіи Гулливера» людей, которые никогда не умираютъ? Папа и мужъ мой говорятъ, что это одно изъ лучшихъ и сильныхъ назидательныхъ сочиненій. По моему, лучше вовсе не жить, чѣмъ жить безъ любви, и я увѣрена, продолжала жена моя, приложивъ къ глазамъ платокъ:—еслибъ что нибудь случилось съ моимъ неоцѣненнымъ Джорджемъ, я въ тотъ же моментъ пожелала бы итти за нимъ въ другой міръ.

— А кто меня любитъ въ другомъ мірѣ? Я совершенно одинока, дитя мое; вотъ почему мнѣ пріятнѣе оставаться здѣсь, сказала баронесса, встревоженнымъ, почти плачевнымъ тономъ. — Здѣсь хоть вы, по крайней мѣрѣ, любите меня, да благословитъ васъ небо! Хотя я безпрестанно бранюсь, хотя у меня несносный характеръ, но я знаю, что слуги мои доставятъ мнѣ покой, что они подымутся въ какой угодно часъ ночи и никогда не скажутъ сердитаго слова. Я люблю карты: безъ нихъ жизнь была бы мнѣ въ тягость. Для меня только это одно удовольствіе и осталось. Послѣ того, какъ выпали два послѣдніе зуба, я не могу порядочно пообѣдать. На старости все насъ покидаетъ. Однѣ только карты остались мнѣ!

Тутъ баронесса начала дремать. При малѣйшемъ шелестѣ платья или движеніи моей жены, она просыпалась, воображая, что Тео намѣрена ее оставить.

— Не уѣзжай, моя милочка: я не могу оставаться одна. Я не нуждаюсь въ твоемъ разговорѣ. Мнѣ пріятно смотрѣть на твое личико. Оно несравненно пріятнѣе страшнаго стараго лица моей Бреттъ, на которое я насмотрѣлась уже вдоволь.

— Здравствуйте, баронесса! Вы все за картами? (Здѣсь представимъ себѣ, что благородная графиня прерываетъ игру, которой занимались Тео и тетка Бернштейнъ.) Я и милордъ Эсмондъ пріѣхали васъ навѣстить! Эсмондъ, подойди къ бабушкѣ и дай ручку; скажи, что твое сіятельство хорошій мальчикъ!

— Мое сіятельство хорошій мальчикъ, сказалъ ребенокъ.

Тео часто и очень живо представляла мнѣ эту сцену.

— А если онъ хорошій мальчикъ, то, вѣрно, не пойдетъ по стопамъ своего родителя, сказала графиня самымъ громкимъ голосомъ.

Ей угодно было воображать, что тетушка Бернштейнъ была глуха, и поэтому всегда кричала, что было мочи.

— Ваше сіятельство, кажется, рѣшились исправить моего племянника, замѣтила тетушка Бернштейнъ, приходившая въ сильное смущеніе въ присутствіи молодой графини.

— Да, онъ оказался несравненно хуже, чѣмъ я думала. Эззи, я говорю о твоемъ папа. Еслибъ не твоя мама, сынъ мой, то Богъ знаетъ, что̀ бы изъ тебя вышло! Мы отправляемся съ визитомъ къ маленькому королевскому высочеству. Очень жаль, что ваше сіятельство сегодня не совсѣмъ здоровы. И то сказать: нельзя же быть вѣчно молодымъ.... и—о Боже!—какъ мы измѣняемся съ наступленіемъ старости!... Эззи, поди и поцалуй ту леди. У нея тоже есть маленькій мальчикъ.... Ахъ, Боже! Вѣдь внизу это вашъ малютка?

Дѣйствительно, мистеръ Майльзъ находился внизу, по особымъ причинамъ, неизбѣжно связаннымъ съ посѣщеніями тетушки Бернштейнъ; посѣщенія эти повторялись такъ часто, что Тео никакъ не рѣшалась оставлять ребенка.

— Такъ вы принесли сюда и вашего ребенка? О, хитрая! говорила графиня.—Вы, вѣрно, гонитесь за деньгами этой старухи? Перестаньте, пожалуйста: не пугайтесь! Вѣдь она ни слова не слышитъ. Пойдемъ, Эззи! Прощайте, тетушка!

И графиня, шелестя своимъ великолѣпнымъ платьемъ, вышла изъ гостиной.

Слышала ли ее баронесса, или нѣтъ? Куда дѣвались то остроуміе, та находчивость, которыми эта старуха давно славилась? Куда дѣвались огонь и блескъ ея глазъ? Съ другими людьми она была всегда находчива, никогда не скупилась на сарказмы. Когда ее посѣщали вдовствующая графиня Кастльвудъ и леди Фанни (эти высокія леди обходились съ моей женой съ неподражаемымъ равнодушіемъ и очаровательной вѣжливостью), баронесса, въ ихъ обществѣ, принимала на себя величественный, непринужденный и даже повелительный видъ. Передъ ними она нарочно старалась быть ласковою и любезною съ мистрисъ Station Station Варрингтонъ, въ ея отсутствіи выхваляла ея благовос-

питанность и говорила, что если племянникъ ея и женился безразсудно, зато онъ взялъ очаровательную жену. Словомъ, я такъ васъ хвалила имъ, говорила баронесса, что онѣ готовы были выцарапать вамъ глаза. Передъ маленькой американкой она была неспокойна и трепетала. До такой степени она ея боялась, что не смѣла отказать отъ дому, не смѣла даже за-глаза порицать ее. При всей ненависти вдовствующей графини Кастльвудъ и леди Фанни къ Тео, онѣ, однакожь, не выцарапали ей глазъ. Однажды онѣ подъѣхали къ нашему коттэджу въ Ламбетѣ, гдѣ жена моя сидѣла у открытаго окна, няньчила ребенка и видѣла въ лицо подъѣхавшихъ гостей. Гигантскаго роста лакей мѣрнымъ шагомъ прошелъ по нашему садику и подалъ въ двери визитныя карточки ихъ сіятельствъ. Ихъ ненависть столько же огорчала насъ, сколько посѣщеніе доставляло удовольствія. Какъ скоро другъ нашъ пивоваръ одолжилъ карету намъ, мистриссъ Варрингтонъ поѣхала въ Кенсингтонъ, и Гумбо передалъ гиганту наши карточки въ замѣнъ привезенныхъ намъ высокородными графинями.

Баронесса тоже имѣла карету, но одолжала ее намъ очень рѣдко: она позволяла Тео, ея служанкѣ и ребенку отправляться изъ улицы Кларджесъ пѣшкомъ, иногда подъ дождемъ, извиняясь тѣмъ, что боится потревожить кучера. Послѣ двухъ подобныхъ возвращеній, жена моя была напугана какими-то грубіянами по ту сторону Вестминстерскаго моста, и тогда я откровенно сказалъ баронессѣ, что рѣшительно не позволю мистриссъ Варрингтонъ бывать у нея, если она не доставитъ женѣ возможности благополучно возвращаться домой. Послѣ этого избалованный кучеръ долженъ былъ садиться на козлы и по темнымъ улицамъ пробираться въ Ламбетъ. Онъ ворчалъ на мои шиллинги: глупецъ! онъ не зналъ, какъ у меня мало ихъ было. Наша бѣдность имѣла приличную наружность. Мои родственники не думали облегчить ея, а я, съ своей стороны, никогда не жаловался. Не знаю, откуда падали гинеи Самсону; но, помню, однажды онъ принесъ мнѣ десять гиней, и, признаюсь, въ жизнь мою эти деньги не приходили ко мнѣ такъ кстати. Онъ заглядывалъ въ люльку спящаго мистера Майльза, и, каждый разъ, когда уходилъ отъ насъ, я находилъ въ розовой ручонкѣ малютки золотую монету. Да, любовь уже есть драгоцѣнность. Эти благодѣянія останутся неизгладимыми въ моемъ сердцѣ. Они то же, что драгоцѣнные фонтаны среди песчаной степи, то же, что привѣтные огоньки, освѣщающіе уныніе и мракъ въ нашей душѣ.

Этотъ достойный проповѣдникъ охотно удѣлялъ свое время и баронессѣ Бернштейнъ, по первому ея призыву, все равно, требовалось ли оно для картъ, или назидательныхъ поученій. Зная баро-

нессу много лѣтъ, Самсонъ предупреждалъ насъ, что она приближалась къ могилѣ. Представляя намъ быстрое развитіе ея болѣзни и вѣроятность роковаго ея исхода, мистеръ Самсонъ говорилъ, въ весьма трогательныхъ выраженіяхъ, о необходимости приготовить старуху къ будущей жизни, о суетѣ здѣшняго міра и о надеждѣ на счастіе въ другомъ мірѣ, доступной для всѣхъ покаявшихся грѣшниковъ.

— Нѣкогда я самъ былъ величайшимъ грѣшникомъ, говорилъ проповѣдникъ, склонивъ голову на грудь. — Богу извѣстно это, и я молю Его о прощеніи. Я боюсь, сэръ, что состояніе души вашей тетки, баронессы, не подготовлено еще къ той перемѣнѣ, которая для нея неизбѣжна и очень близка. Самъ я ни болѣе, ни менѣе, какъ бѣдное слабое созданіе; ни одинъ заточенный въ Ньюгэтѣ не признался бы въ этомъ съ такимъ смиреніемъ и такъ чистосердечно. Въ послѣднее время, я нѣсколько разъ искалъ случая поговорить объ этомъ предметѣ съ баронессой; но всякій разъ она принимала меня чрезвычайно грубо. «Самсонъ», говорила она мнѣ, «если вѣ пришли играть въ карты, то я очень рада; но я буду благодарна, если избавите меня отъ вашихъ проповѣдей.» Что же я стану дѣлать? Послѣ того я еще заходилъ раза два; но мистеръ Кэзъ объявилъ, что баронесса не можетъ видѣть меня. Дѣйствительно, мадамъ Бернштейнъ говорила женѣ моей, которой никогда не отказывали, что Самсонъ сдѣлался несноснымъ, а что касается до его проповѣдей, то «я сама была женой епископа и неужели стану нуждаться въ поученіяхъ этого созданія?»

Да, эта старуха не любила ни докторовъ, ни пасторовъ. Показывая видъ, что моя жена нездорова и что для нашего добраго доктора Гебердена удобнѣе навѣщать ее въ улицѣ Кларджесъ, чѣмъ ѣздить въ Ламбетъ, мы упросили доктора видѣться съ Тео въ домѣ нашей тетки и, если можно, предложить баронессѣ свои совѣты. Мы заставили Бригиту описать недуги ея госпожи, и докторъ подтвердилъ наше мнѣніе, что болѣзнь баронессы очень серьёзна и могла кончиться въ весьма непродолжительномъ времени. Сонливость, которую мы замѣчали въ ней, можно было приписать наркотическимъ средствамъ, которыя она употребляла, чтобъ заглушить свои страданія. Однажды, когда мы двое сидѣли у нея (мастеръ Майльзъ въ это время отнятъ былъ отъ груди, и его мама могла оставить его на попеченіи вѣрной Молли), баронесса заснула за картами. Слугамъ, вошедшимъ накрывать ужинъ (она не могла отказать себѣ въ этомъ удовольствіи, несмотря ни на наши увѣщанія, ни на совѣты доктора быть какъ можно воздержнѣе), мы приказали притихнуть, а сами молча, какъ это дѣлали и прежде, ожидали ея пробужденія.

Проснувшись, она пристально посмотрѣла на меня, разбросала карты по столу, потомъ собрала ихъ и сказала: «Генри! я долго спала?» Сначала я подумалъ, что она принимаетъ меня за брата; но баронесса быстро продолжала говорить, устремивъ глаза на какой-то невидимый отдаленный предметъ: «Другъ мой! это ни къ чему не поведетъ: я не могу быть полезна для тебя. Я люблю карты, театръ и дворъ. Ахъ, Гарри, ты не все еще знаешь!» Тутъ голосъ ея перемѣнился, и она вздернула голову. «Его отецъ женился на Аннѣ Гэйдъ, и, конечно, кровь Эсмонда такъ же благородна, какъ и всякаго небльмена. Мама, вы должны обходиться со мной съ большимъ уваженіемъ. Vos sermons me fatiguent; entendez-vous? faites place à mon Altesse royale: mesdames, me connaissez-vous? je fui la...» При этихъ словахъ она разразилась истерическими криками и смѣхомъ. Перепуганные, мы подбѣжали къ ней. «Oui, Henry», сказала она, «il a juré de m'epouser et les princes tiennent parole — n'est ce pas? Oh! oui, ils tiennent parole; si non, tu le tueras, cousin; tu le... ah! que je suis folle!» Жалобные вопли и истерическій хохотъ снова начались. Прежде, чѣмъ испуганные люди явились на нашъ призывъ, настроеніе духа бѣднаго созданія перемѣнилось; но все же она находилась подъ вліяніемъ прежняго обольщенія, что я былъ Генри былыхъ временъ, который любилъ ее и былъ ею покинутъ и кости котораго лежали на далекомъ западѣ, на берегахъ Потомака.

Жена моя и женщины уложили бѣдную баронессу въ постель, между тѣмъ какъ я побѣжалъ за докторомъ. Она бредила втеченіе всей ночи и подъ утро заснула съ помощью усиленнаго пріема опія. Послѣ сна бредъ миновалъ; но трудно было разбирать ея слова; параличъ поразилъ ей руку и бокъ.

Не считаю за нужное описывать ни развитія, ни окончанія ея болѣзни, ни наблюденій своихъ за постепеннымъ, но быстрымъ потуханіемъ жизни. Бывали промежутки, въ которые она находилась въ полномъ самосознаніи; но промежутки эти были весьма непродолжительны. Бѣдное, дряхлое созданіе, лежа въ постели, воображало себя снова молодою и, безъ всякой связи и послѣдовательности, говорило о сценахъ и событіяхъ раннихъ своихъ дней. Потомъ она снова обращалась ко мнѣ, называя меня Генри, просила отмстить за какое то оскорбленіе, — но за какое именно, трудно было узнать изъ ея несвязныхъ словъ.—Онѣ постоянно были такими, говорила она: — онѣ никогда не любили, ни мужчины, ни женщины; онѣ бросали ихъ. Je me vengerai! o, oui, je me vengerai! Я знаю ихъ всѣхъ, — знаю, знаю! Я представлю списокъ Судіи всего міра. Пожалуйста, не говорите мнѣ! Его религію нельзя назвать истинной. Я пойду въ домъ моей матери, хотя она меня и не любитъ. Она никог-

да не любила меня. Почему? потому ли, что я слишкомъ порочна? Ah! Pitié, pitié, ô mon pere! Я во всемъ признаюсь...

При этомъ несчастная, разбитая параличемъ, леди сдѣлала въ постели сильное движеніе.

Задерните пологъ этой постели. Безъ страха я не могу вспоминать тѣ несвязныя слова, скороговоркой произносимыя въ тѣни полога, въ то время, когда блѣдная жена моя сидѣла подлѣ кровати, держа на колѣняхъ молитвенникъ. Слуги на цыпочкахъ сновали по комнатѣ; въ сосѣдней комнатѣ однообразно стучалъ часовой маятникъ и глухо звонилъ колокольчикъ, возвѣщая объ улетающемъ времени; лучи заходящаго солнца падали на портретъ Беатриксы, изображенной въ періодъ ея красоты, съ стыдливымъ румянцемъ, съ улыбающимися зубками, съ волнистыми прядями каштановыхъ волосъ, съ глазами, повидимому, смотрѣвшими на полуосвѣщенную фигуру, стѣнавшую въ постели. Сначала я не могъ понять, отчего слуги моей тетки сильно желали, чтобы мы вышли изъ комнаты. Но когда совершенно стемнѣло, въ спальню баронессы вошелъ лакей и шопотомъ сказалъ что-то горничной; тогда Бреттъ, колеблясь, попросила насъ спуститься внизъ, потому что... потому что пришелъ священникъ навѣстить баронессу. Я не сказалъ тогда женѣ моей, кто былъ этотъ священникъ; но въ то время, какъ этотъ джентльменъ шмыгнулъ мимо насъ и началъ подниматься на лѣстницу, я увидѣлъ, что онъ принадлежалъ къ католическому духовенству. Баронесса не говорила уже ни слова, когда Тео на другой день навѣстила ее; она никого не узнавала и перешла въ вѣчность совершенно безсознательно. Родственники прилежно навѣщали ее во время болѣзни, несмотря на то, что кромѣ насъ, она никого не принимала. Но когда баронесса умерла и мы спустились въ гостинную, тамъ собрались всѣ наши родные: мы увидѣли тамъ и Кастльвуда съ его блѣднымъ лицомъ, и вдовствующую графиню Кастльвудъ, и мистера Вилля. При нашемъ появленіи, они звѣрски посмотрѣли на насъ. Какъ коршуны собрались они надъ своей добычей.

По вскрытіи духовнаго завѣщанія тетки, мы узнали, что оно было составлено за пять лѣтъ до ея смерти. По этому завѣщанію все, что имѣла баронесса, предоставлялось ея дорогому племяннику, Генри-Эсмонду Наррингтону изъ Кастльвуда, въ Виргиніи, «въ знакъ искренней любви и воспоминанія объ имени, которое онъ носилъ». Наслѣдство не было велико. Ея средства заключались преимущественно въ пенсіи, получаемой отъ короны (за какія услуги, не умѣю

«— Скажите пожалуйста, сэръ, прежде, чѣмъ рѣшиться на этотъ поступокъ, не лучше ли вамъ было посмотрѣть на прочихъ членовъ моего семейства? спросила мадамъ.—Дина, славная высокая дѣвка и не очень смугла; Клеопатра дала слово выйти замужъ за Аякса-кузнеца, но мы бы могли нарушить это обѣщаніе. Если это возможно сдѣлать съ аптекаремъ, то еще возможнѣе съ кузнецомъ. Мужъ Марты бѣжалъ, и....

«При этомъ, неоцѣненный мой братъ, признаюсь, я разразился страшнымъ проклятіемъ. Я не могъ удержаться. Ты знаешь, что когда человѣкъ бываетъ сердитъ, то крѣпкое словцо удивительно какъ облегчаетъ. Не будь этого средства, мнѣ кажется, я сошелъ бы съ ума.

«— Проклятія, богохульство, неблагодарность, неповиновеніе! говорила мать, то опираясь на черепаховую трость, то размахивая ею, какъ театральная королева.—Въ этомъ-то состоитъ вся моя награда! О, Небо! что я сдѣлала, за что заслужила я такое наказаніе? Ужели я наказываюсь за грѣхи моихъ отцовъ? И отъ кого мои дѣти наслѣдовали такую гордость? Въ молодости своей развѣ я была горда? Когда папа приказалъ мнѣ выйти замужъ, развѣ я не повиновалась? Хотя разъ приходила ли мнѣ въ голову мысль о неповиновеніи? Никогда. Моя вина, признаюсь, заключается въ томъ, что я сосредоточила на тебѣ всю свою любовь, совсѣмъ забывъ старшаго брата. (Въ этихъ словахъ, любезный братъ, есть нѣкоторая правда.) Я отвернулась отъ Исава и прилѣпилась къ Іакову. И вотъ моя награда! Тщетно я останавливала мои мысли на этомъ мірѣ и его приманкахъ. Все мое честолюбіе заключалось въ томъ, чтобы видѣть сына моего счастливымъ. Чтобъ составить для него капиталъ, я трудилась и дѣлала сбереженія. Чтобъ доставить выгоды младшему сыну, я, не обращая вниманія на справедливость, отнимала долю отъ старшаго. И вотъ до чего дожила я! Подъ моей кровлей онъ обольщаетъ дочь ключницы и на мой справедливый гнѣвъ отвѣчаетъ клятвами и богохульствомъ!

«— Я не думалъ обольщать, мадамъ! отвѣчалъ я.—Если я произнесъ нѣсколько опрометчивыхъ, непозволительныхъ словъ, то прошу у васъ прощенія. За то и ваши слова святаго выведутъ изъ терпѣнія. Я не хочу и не позволю оскорблять личности этой леди, не позволю этого никому изъ смертныхъ, даже моей матери. Нѣтъ, милая миссъ Моунтэйнъ, не позволю! Если мадамъ Эсмондъ угодно называть мои намѣренія безчестными, то пусть же слова и поступки мои разувѣрятъ ее.

«Говоря это, я опустился на колѣни и взялъ руку моей обожаемой Фанни.

«— Если вы, миссъ, сказалъ я, примете это сердце и руку, онѣ будутъ вашими навѣкъ.

«— *Вы*, и только вы одни, отвѣчала Фанни, съ величавымъ книксеномъ:—не сказали ни одного непочтительнаго слова, не допускали сомнѣнія въ моей честности. Только мадамъ Эсмондъ, мнѣ кажется, въ состояніи имѣть о мнѣ невыгодное мнѣніе. Послѣ тѣхъ словъ, которыя вамъ миледи, угодно было сказать, я, безъ сомнѣнія, не могу оставаться въ вашемъ домѣ.

«— Безъ всякаго сомнѣнія, мадамъ, и чѣмъ скорѣе вы его оставите, тѣмъ лучше, возразила мать.

«— Если васъ выгоняютъ изъ дома матери, то мой домъ, миссъ Моунтэйнъ, къ вашимъ услугамъ, сказалъ я, съ низкимъ поклономъ.—Теперь онъ почти совсѣмъ готовъ. Если вы хотите занять его и оставаться въ немъ, то онъ вашъ навсегда. Мадамъ Эсмондъ оскорбила вашу честь: позвольте же мнѣ сдѣлать вамъ удовлетвореніе.

«Не помню, чтò еще говорилъ я тогда; но ты можешь себѣ представить, что эта сцена сильно меня взволновала. Между тѣмъ, въ комнату вошла мистриссъ Моунтэйнъ, и прелестнѣйшая Фанни, бросясь въ объятія матери, приникла головой къ ея плечу и зарыдала. Во время этой сцены мадамъ Эсмондъ сидѣла въ креслѣ, блѣдная, какъ мраморъ. Когда я разсказывалъ Моунтэйнъ мое намѣреніе (бѣдненькая! она вовсе не подозрѣвала нашей любви другъ къ другу), моя мать раза два внятно произнесла: «я наказана за мои преступленія!»

«Чтò подразумѣвала моя мать подъ словомъ преступленія я не понималъ, да и не обращалъ на это особеннаго вниманія: вѣдь тебѣ извѣстны всѣ ея манеры и ея изрѣченія, когда она бываетъ сердита. Моунтэйнъ сказала мнѣ во время нашей бесѣды въ тавернѣ, куда она немедленно перебралась вмѣстѣ съ дочерью и со всѣмъ ея имуществомъ, что послѣ этой исторіи не только онѣ не хотѣли оставаться въ домѣ мадамъ Эсмондъ; но и сама мадамъ рѣшилась уѣхать. Она призвала своихъ слугъ и объявила намѣреніе уѣхать сейчасъ же въ Кастльвудъ. Признаюсь тебѣ, съ болѣзненнымъ, тяжелымъ чувствомъ увидѣлъ я изъ-за сторы таверны фамильную карету въ шестерку лошадей, сопровождаемую толпою слугъ верхомъ на мулахъ и лошадяхъ.

«Дѣйствительно, послѣ словъ мадамъ Эсмондъ, сказанныхъ моей непорочной Фанни, для этого бѣднаго ребенка и ея матери невозможно было оставаться въ нашемъ домѣ. Моунтэйнъ говорила, что отправится къ своимъ родственникамъ въ Европу и уже условливалась съ однимъ шкиперомъ насчетъ переѣзда: до такой степени было

серьёзно ея намѣреніе оставить Америку, и до такой степени она считала несбыточнымъ брачный союзъ между мной и моимъ ангеломъ. Къ счастію, каюта была занята семействомъ одного джентльмена изъ Сѣверной Каролины, и до отплытія слѣдующаго корабля (который привезетъ это письмо къ моему любезному Джоржу) они согласились жить у меня. Къ нимъ пріѣзжали съ поздравленіемъ всѣ сосѣднія леди. Надѣюсь, что мадамъ Эсмондъ помирится съ нами еще до свадьбы. Отецъ Фанни былъ британскимъ офицеромъ; а нашъ былъ не больше того. Современемъ мы посѣтимъ Европу. Я еще разъ увижу мѣсто, гдѣ провелъ мою молодость и гдѣ надѣлалъ множество проказъ, отъ которыхъ меня избавилъ мой милый братъ.

«Мистриссъ Моунтэйнъ и моя невѣста свидѣтельствуютъ тебѣ и моей сестрѣ глубочайшее почтеніе. Мы слышимъ, что его превосходительство генералъ Ламбертъ пользуется въ Ямайкѣ всеобщимъ уваженіемъ. Я буду писать дорогимъ моимъ друзьямъ *о моемъ счастіи*. Надѣюсь, въ немъ приметъ участіе и неоцѣненный братъ душевно любящаго и преданнаго

Г. Э. В.

«P. S. Пока Моунтэйнъ не сказала мнѣ, что мадамъ Эсмондъ удерживала деньги, опредѣленныя на твое содержаніе, я объ этомъ вовсе не зналъ; не зналъ также и о томъ, что она заставила тебя заплатить за разныя вещи для виргинскаго имѣнья весьма значительную сумму — почти 1,000 фунтовъ, какъ говоритъ Моунтэйнъ. Къ этому нужно еще прибавить выкупъ мой изъ тюрьмы. Сдѣлай милость, дорогой мой братъ, требуй отъ меня *какую угодно сумму*, но не иначе, какъ *частнымъ образомъ*, чрезъ торговый домъ Горна, и Сандона, въ Вильямсбургѣ. Въ настоящее время они перевели на тебя вексель въ 225 фунтовъ, которые ты можешь получить отъ ихъ лондонскихъ агентовъ, по первому востребованію. *Въ отвѣтномъ письмѣ ко мнѣ, пожалуйста, не упоминай объ этомъ:* нѣтъ ничего хуже, когда женщины ввяжутся въ денежные разсчеты. Изъ этихъ денегъ ты можешь употребить 5 ф. на покупку шляпки сестрѣ или что̀ ей вздумается и на игрушку для моего племянника отъ *дяди Галя.*»

Заключеніе, къ которому мы пришли по прочтеніи этого документа, состояло въ томъ, что за слогомъ и правописаніемъ въ письмѣ моего бѣднаго Гарри наблюдали женщины и что приписка была сдѣлана безъ ихъ вѣдома. Мы убѣдились, что виргинскій сквайръ находился подъ женскимъ управленіемъ, какъ находились до него Геркулесъ, Самсонъ и fortes multi.

ГЛАВА XIV.

ОТКРЫТІЕ ГАВАНИ.

Едва ли моя мать осталась довольна, услышавъ о томъ, что я получилъ въ Англіи мѣсто. Она, быть можетъ, съ тою цѣлью и прекратила высылать деньги на мое содержаніе, чтобы заставить меня сдаться ей, — возвратиться въ Виргинію и быть отъ нея въ зависимости. До самой ея смерти, ни я, ни она не подавали ни малѣйшаго повода къ денежному разсчету. Она перестала высылать мнѣ деньги, и я не говорилъ ни слова, но старался жить безъ ея помощи. Я никогда не слышалъ ни ея раскаянія, ни признанія въ своей несправедливости, и если зналъ объ этомъ, то только изъ письма Гарри. Впослѣдствіи, когда мы встрѣтились, мадамъ Эсмондъ, кроткимъ своимъ поведеніемъ, необыкновеннымъ уваженіемъ и любовью къ моей женѣ, хотѣла, кажется, чтобы я понялъ ея безмолвное сознаніе въ своей винѣ; но она не извинялась въ этомъ, да и я не требовалъ извиненія. Гарри былъ устроенъ (я не могъ завидовать его его благоденствію); всѣ сбереженія моей матери и всѣ экономическіе проэкты ея послужили мнѣ же въ пользу, въ пользу ея наслѣдника. Было время, когда нѣсколько гиней принесли бы мнѣ гораздо больше пользы, чѣмъ сотни, которыя бы явились ко мнѣ, когда я не нуждался. Періодъ моей нужды давно миновалъ. Мнѣ не нужно было прибѣгать къ постыдному скряжничеству. У меня во всемъ было изобиліе, и мадамъ Эсмондъ могла только увеличить моѐ состояніе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что она душевно страдала отъ одной мысли, что въ то время, когда дѣти были голодны, она не подала имъ куска хлѣба, что чужіе облегчали нужду, отъ которой отвернулось ея гордое сердце. Гордое сердце? Да развѣ она горда больше, чѣмъ я? Для прекращенія холодности, существовавшей между нами втеченіе многихъ лѣтъ, достаточно было одного ласковаго слова; но ни она, ни я не хотѣли его произнести. Когда я дѣлаю что нибудь дурное и сознаю это, я охотно прошу прощенія; я дѣлаю это для удовлетворенія своей гордости, изъ уваженія къ самому себѣ. Поэтому-то мнѣ кажется, я едва ли могъ когда нибудь унизить себя до подлости. Не знаю, какія чувства должны быть у тѣхъ людей, вся жизнь которыхъ состоитъ изъ длинной цѣпи лжи, обмана, ухищреній. Изъ какихъ людей составляется ихъ общество, когда они бываютъ одни? Я ежедневно встрѣчаю людей, у которыхъ каждая улыбка прикрываетъ обманъ, каждый взглядъ обнаружи-

ваетъ лицемѣрство. Неужели эти люди не снимаютъ маски даже передъ своею совѣстью? Мнѣ кажется, если я намѣренъ простить обиду, то дѣлаю это не по долгу христіанина, обязаннаго прощать обиды, но потому, что я могу забыть свой долгъ и считать позорнымъ требованіе уплаты. Въ жизни моей я знавалъ два существа, для которыхъ прощеніе не составляло особеннаго труда. Я умѣю забывать, но не прощать. Неужели мы, и безъ того уже гордые, должны гордиться своею гордостью?

Итакъ, я не обнаружилъ ни малѣйшаго признака покорности моей матери, и втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ мы жили въ какомъ-то отчужденіи, прерываемомъ отъ времени до времени обмѣною нѣсколькихъ словъ между ею и моей женой (это случалось, обыкновенно, при объявленіи ей о приращеніи нашего семейства и тому подобныхъ событіяхъ), Послѣ затрудненій, возникшихъ въ Америкѣ, по случаю узаконенія о пошлинамъ, я поставленъ былъ въ затруднительное положеніе въ Лондонѣ. Хотя я находился на сторонѣ торіевъ въ этой ссорѣ (на сторонѣ очень слабой во многихъ отношеніяхъ) и нисколько не сомнѣвался, что правительство имѣло полное право взимать подати въ колоніяхъ, но во время переговоровъ и преній по этому предмету я написалъ одному изъ членовъ виргинской палаты депутатовъ и распубликовалъ въ газетахъ дерзкое письмо, въ которомъ такъ свободно и подробно изложилъ всегдашнее нахальство въ дѣйствіяхъ метрополіи къ своимъ колоніямъ, выразилъ мнѣнія столь непріятныя для лицъ, облеченнныхъ властью, что меня лишили мѣста надзирателя за экипажами, къ невыразимому ужасу дяди, который никакъ не могъ любить людей, попавшихъ въ опалу. Онъ безпредѣльно любилъ мою жену и сына, но мнѣ оказывалъ какое-то пренебреженіе, смѣшанное съ сожалѣніемъ, чрезвычайно меня забавлявшимъ. Онъ, по врожденному чувству, постоянно питалъ пренебреженіе къ нищетѣ и любилъ успѣхъ и счастіе. Всякое мнѣніе, уклонявшееся отъ обыкновенной рутины, наводило ужасъ на него; всякая истина заставляла его блѣднѣть. Онъ имѣлъ, однакожь, нѣкоторую теплоту въ своемъ сердцѣ и непритворную любовь къ близкимъ роднымъ. Несмотря на страшные удары, которые я наносилъ ему, онъ продолжалъ навѣщать Тео и ея дитя (при встрѣчѣ со мной, онъ только кланялся мнѣ, и то весьма неохотно). Хотя образъ мыслей моихъ и непринужденныя выраженія не нравились ему, но, на первыхъ порахъ нашего разрыва, онъ отъ времени до времени удостоивалъ меня своимъ разговоромъ и при этомъ смотрѣлъ на меня, какъ на жалкое погибшее созданіе, лишенное всякой надежды и помощи. Дѣлать нечего, я долженъ былъ составить новый планъ для своей жизни. Уплата

братомъ Гарри долга давала мнѣ возможность прожить нѣсколько мѣсяцевъ или, пожалуй, нѣсколько лѣтъ. Странная безпечность юношескихъ лѣтъ! часто повторяю *я*. Скажите, чему приписать обстоятельство, что мы, при всей своей бѣдности, никогда не роптали на судьбу, не предавались отчаянію?

Въ это время свалился и умеръ отъ удара дядя короля, герцогъ кумберлэндскій, и, странно сказать, его смерть произвела значительную перемѣну въ моемъ счастіи. Бѣдный мой сэръ Майльзъ Варрингтонъ не пропускалъ ни одной церемоніи при дворѣ. Онъ участвовалъ во всѣхъ придворныхъ собраніяхъ, крестинахъ, балахъ, похоронахъ. Заболѣвалъ ли кто изъ членовъ королевской фамиліи, онъ безотлучно находился при постели больнаго. Само собою разумѣется, онъ не могъ не участвовать и при погребеніи толстаго герцога. Во время церемоніи онъ пробылъ нѣсколько часовъ съ открытой головой подъ проливнымъ дождемъ, сильно простудился и получилъ воспаленіе въ горлѣ. До меня еще не успѣли дойти слухи о его болѣзни, какъ однажды утромъ въ мою блюмсбирійскую квартиру явился адвокатъ и, здороваясь со мной, назвалъ меня *сэромъ Джорджемъ Варрингтономъ*.

Боязнь за будущее миновала. Мы похоронили бѣднаго джентльмена рядомъ съ его маленькимъ-сыномъ, въ фамильномъ склепѣ, гдѣ покоились многіе его предки. Маленькій Майльзъ и *я* впереди всѣхъ другихъ провожали гробъ покойнаго. Поселяне кланялись намъ, поселянки дѣлали книксены: они заранѣе старались заискать наше расположеніе. Вдова и дочь сейчасъ же послѣ похоронъ уѣхали въ Батъ; а я съ своимъ семействомъ занялъ домъ, которымъ владѣю уже тридцать лѣтъ. Повремени, мой сынъ! Имѣй небольшое терпѣніе, и я буду спать подъ тѣми же тисовыми деревьями; поселяне и передъ тобой будутъ снимать шапки и называть тебя сэромъ Майльзомъ.

Описаніе счастливой провинціальной жизни весьма просто; его можно изложить въ нѣсколькихъ словахъ. Книги управляющаго показываютъ, сколько взыскано арендной платы и сколько сложено со счетовъ, сколько полей было засѣяно хлѣбомъ и сколько оставалось подъ паромъ; какіе посѣтители бывали у насъ, долго ли оставались въ нашемъ домѣ, сколько пенсіонеровъ было у моей жены, какъ ихъ лечили, какъ получали они облегченіе и какъ умирали, — все это легко извлечь изъ семейной хроники, которую можетъ прочитать всякій изъ моихъ наслѣдниковъ, если только вздумаетъ принять на себя этотъ трудъ. Прекрасный, щегольской домъ въ улицѣ Гиллъ, занимаемый моимъ предшественникомъ, намъ не понравился: мы заняли другой, не столь громадный, въ которомъ, однакожь, мы ис-

тратили очень много денегъ. Мы не старались, подобно дядѣ моему, блистать ливреями, экипажами, серебромъ; зато пиво наше было гораздо крѣпче, и милостыни моей жены обходились дороже милостыни вдовствующей леди Варрингтонъ. Безъ сомнѣнія, она не находила ничего дурнаго въ нашествіи филистимлянъ; она заставила насъ заплатить за всѣ вещи, оставленныя ею въ нашемъ сельскомъ домѣ, и я безъ малѣйшаго ропота исполнилъ всѣ ея требованія. Какую страшную цѣну назначила она за нѣкоторыя тепличныя растенія, — за эти ужасные старые клавикорды! Шитье по канвѣ даровитой Доры и очаровательной Флоры пошли такъ дорого, что еслибъ это были оригинальныя произведенія Тиціана или Вандика, то и за нихъ не было бы назначено такой высокой цѣны. Хотя мы за все заплатили такъ щедро, хотя мы, безъ хвастовства могу сказать, были добрѣе къ бѣднымъ, чѣмъ миледи, но втеченіе нѣкотораго времени мы пользовались весьма дурной репутаціей: на мой счетъ повсюду разсказывали невыгодныя исторіи. Я думалъ было, что послѣ смерти дяди займу его мѣсто въ парламентѣ; но я сдѣлалъ открытіе — самъ не знаю, впрочемъ, какимъ образомъ—что меня считали за человѣка съ весьма опасными мнѣніями. Подкупать я не хотѣлъ, какъ не хотѣлъ приневоливать моихъ поселянъ къ подачѣ голосовъ въ мою пользу при выборахъ 1768 г. Изъ Вайтгола пріѣхалъ джентльменъ съ полнымъ карманомъ банковыхъ билетовъ, и я увидѣлъ, что съ такимъ соперникомъ бороться трудно.

Bon Dieu! Теперь, когда мы были спокойны въ отношеніи средствъ къ жизни, когда покорные поселяне снимали шляпы намъ, когда мы ѣздили съ визитами къ нашимъ знакомымъ или въ сосѣдніе города, въ большой фамильной каретѣ, въ четверку жирныхъ лошадей, мы часто съ сожалѣніемъ вспоминали о нашей бѣдности, о нашемъ миломъ маленькомъ коттэджѣ въ Ламбетѣ, гдѣ нужда не отходила отъ нашего порога. Я часто снова хотѣлъ водить медвѣдя и утверждалъ, что переводы для книгопродавцевъ трудъ не очень тяжелый. Во время поѣздки въ Лондонъ, мы сдѣлали сантиментальныя путешествія во всѣ мѣста, болѣе или менѣе близкія намъ по воспоминаніямъ минувшей молодости. Моя жена обняла всѣхъ прежнихъ домохозяекъ. Само собою разумѣется, мы приглашали всѣхъ своихъ друзей раздѣлить съ нами комфортъ нашего новаго дома. Высокопочтенный мистеръ Гаганъ и его леди посѣщали насъ неоднократно. Нерѣдко бывалъ у насъ и другой несчастный Левитъ. мистеръ Самсонъ, и гостилъ сколько ему было угодно. Обѣщался побывать въ нашемъ домѣ и мистеръ Джонсонъ, но не былъ. Я полагаю, что нашъ домъ былъ скученъ. Я самъ, бывало, по цѣлымъ днямъ не говорилъ ни слова, и знаю, что угрюмостью своей наво-

дилъ уныніе на очаровательнѣйшую женщину. Охоты я не любилъ. Убить одну куропатку, потомъ другую, третью имѣло для меня какое-то скучное однообразіе, и я удивлялся, почему другіе находили удовольствіе и проводили дни за днями въ повтореніи этого рода убійства. Послѣ обѣда, когда снимали скатерть, у нихъ начиналась бесѣда объ охотѣ и продолжалась до ужина. При этомъ я слушалъ и молчалъ, а иногда и засыпалъ. Не удивительно, что въ нашемъ обществѣ я не пользовался популярностью.

И къ чему я говорю объ этомъ? Буря кончилась, скалы остались въ сторонѣ, корабль вошелъ въ гавань, и моряку только остается радоваться. О чемъ же это вы скучали во время вояжа? ужь не о Сузаннѣ ли? ужь не боялись ли вы ея измѣны? Во-первыхъ, Сузанна и все семейство могутъ заглянуть въ шханечный журналъ Вильяма, и потому, мадамъ, я не намѣренъ записывать въ него моихъ секретовъ. Нѣтъ, Сузанна, отъ тебя я не скрывалъ секретовъ. Кромѣ тебя, я никого не любилъ. Я видѣлъ женщинъ прекраснѣе тебя; но ни одна изъ нихъ не понравилась мнѣ. Я встрѣчалъ мистриссъ Картеръ и миссъ Мулсо, мистриссъ Траль и мадамъ Кауфманъ, ангелоподобную Гуннингсъ и ея свѣтлость принцессу Девонширскую, встрѣчалъ безсчетное множество красавицъ, ни подъ какимъ видомъ не ангелоподобныхъ; но ни одна изъ нихъ не ослѣпила меня своей красотой. Да, молодые люди, можетъ статься, я заставлялъ вашу мать вести самую скучную жизнь и былъ въ отношеніи къ ней настоящимъ Рауломъ Синей-Бородой; но въ моемъ тайномъ кабинетѣ не было другихъ головъ. По минованіи первыхъ порывовъ удовольствія отъ обладанія княжествомъ, корона начала быстро надоѣдать мнѣ. Когда надѣнетъ ее Майльзъ, то, быть можетъ, онъ будетъ совсѣмъ другимъ властелиномъ. Онъ можетъ пять дней въ недѣлѣ посвящать охотѣ и находить въ этомъ безпредѣльное удовольствіе... Едва наступилъ для меня періодъ благоденствія, какъ я уже началъ скучать открывавшейся передо мной перспективой: я скучалъ въ эдемѣ и говорилъ: «неужели тутъ все? Неужели нѣтъ львовъ, которые бы кусались, нѣтъ дождя, нѣтъ въ розовыхъ кустахъ шиповъ, которые бы кололи васъ, когда вы въ нихъ садитесь? Одна только Ева, всегда очаровательная и нѣжная, одни только фиги къ обѣду и ужину, отъ конца одной недѣли до конца другой? Неужели же мнѣ нужно признаться во всемъ? Если признаніемъ я могу очистить грудь свою, то слушайте!

. . . .

Здѣсь изъ рукописи сэра Джоржа Баррингтона вырваны три страницы. Издатель искренно объ этомъ сожалѣетъ.

Мнѣ знакомы догматы и обряды римской церкви; но, воспитанный въ другомъ религіозномъ убѣжденіи, я не могу не сомнѣваться и не удивляться въ томъ, дѣйствительно ли католики, во время исповѣди, признаются во всемъ. Дѣлаемъ ли это мы сами, протестанты, и неужели нужно приписать воспитанію ту разницу, которая существуетъ между нами и католиками? Мы, покрайней мѣрѣ, не привыкли думать, что католическіе священники или міряне чистосердечнѣе и откровеннѣе насъ. Это приводитъ меня къ старому вопросу: всякій ли человѣкъ способенъ признаваться во всемъ? Извѣстна ли вся моя жизнь вонъ этому милому созданію, которое раздѣляло ее со мной втеченіе тридцати лѣтъ, которое, когда я высказывалъ свою печаль, готово было всѣми своими силами устранить ее, которое наблюдало за мной въ минуту угрюмаго настроенія духа, и, когда я молчалъ, оно тоже оставалось безмолвнымъ, или съ очаровательнымъ притворствомъ, свойственнымъ всѣмъ женщинамъ, улыбалась и принимала спокойный видъ, стараясь показать, что ее вовсе не безпокоитъ моя угрюмость; она даже не любопытствовала узнавать тайны своего мужа. Милая притворщица! Развѣ я не замѣчалъ, какъ она скрывала отъ отцовскаго гнѣва проказы своего сына? Развѣ я не зналъ, какъ она утаивала небольшую часть денегъ, отпускаемыхъ на домашніе расходы, чтобъ заплатить за его маленькія прихоти. Она говорила со мной съ спокойнымъ лицомъ, какъ будто я не зналъ, что нашъ почтенный капитанъ имѣлъ сдѣлки съ родственниками и что нашъ ученый мужъ, по полученіи степени, имѣлъ крайнюю необходимость разсчитаться съ нѣкоторыми изъ университетскихъ торгашей? Да, съ самыхъ раннихъ дней ты, умная женщина, всегда что нибудь скрывала отъ меня: одинъ стянулъ варенье изъ буфета, другой напроказилъ въ школѣ, третій, негодный забіяка, въ порывѣ гнѣва, швырнулъ чернильницей въ мама, а мнѣ сказали, что платье и коверъ запачканы случайно. Всѣ мы многое скрываемъ другъ отъ друга, у насъ у всѣхъ есть свои тайны. Всѣ мы болѣе или менѣе скрытны. Мы грѣшимъ втихомолку и, надо надѣяться, втихомолку каемся въ своихъ прегрѣшеніяхъ. Вонъ та неоцѣненная женщина готова отдать свою ногу, избавить мою отъ мучительной подагры; но когда со мной дѣлается припадокъ этой болѣзни, то о немъ знаютъ только однѣ мои туфли. Въ концѣ романа или театральной пьесы, герой и героиня женятся или умираютъ. Судьба ихъ зависитъ отъ произвола поэта. Онъ кричитъ «ура!» молодой четѣ, пока почтовая коляска, увозящая ихъ, не скроется за угломъ, или приноситъ гробъ, со всѣми траурными принадлежностями, и зарываетъ ихъ въ могилу. Но неужели же съ женитьбой мистера Рандама или мистера Томаса все и кон-

чается? Неужели у нихъ не бываютъ семейныя ссоры? неужели никакія искушенія не побѣждаютъ насъ, или мы не побѣждаемъ искушеній? Сирены напѣвали свои сладостныя пѣсни долго послѣ женитьбы Улисса, поклонники Пенелопы долго нашептывали ей о своей любви; такъ что онъ и она имѣли много скучныхъ дней, исполненныхъ сомнѣнія и заботы,—дней, выпадающихъ и на нашу долю. Относительно денегъ, благодаря полученному наслѣдству, я не заботился; но развѣ кромѣ нужды въ деньгахъ у баронетовъ нѣтъ другихъ заботъ? Мои лондонскіе друзья поздравляли меня съ счастіемъ. Конечно, кому непріятно быть господиномъ хорошаго дома и хорошаго помѣстья? Но можетъ ли Гумбо запереть дверь и не впускать въ нее уныніе? Можетъ ли онъ утопить это непріятное чувство въ морѣ краснаго вина? Спокойнѣе ли бываетъ сонъ того человѣка, который имѣетъ возможность спать двадцать-четыре часа сряду? Проясняется ли умъ его послѣ проповѣди скучнаго стараго пастора, послѣ десяти минутъ пустой болтовни и лести деревенскаго аптекаря, послѣ бесѣды съ сэромъ Джономъ и сэромъ Томасомъ и ихъ женами, которые проѣхали, при лунномъ свѣтѣ, десять грязныхъ миль, для того, чтобы съѣсть кусокъ баранины и сыграть робберъ? Кто говоритъ, пріятно, когда торговцы кланяются дверцамъ вашей кареты, когда къ трехмѣсячнымъ засѣданіямъ для васъ приготовляютъ квартиру, когда ваша жена занимаетъ за обѣдомъ второе или третье мѣсто; но эти удовольствія скоро теряютъ свою прелесть; они имѣютъ даже свои неудобства. Въ нашей части округа, втеченіе семи лѣтъ послѣ пріѣзда въ Варрингтонское помѣстье, нашими лучшими сосѣдями были милордъ Тотбири и сэръ Джонъ Модбрукъ. По происхожденію мы гораздо старше Модбруковъ; слѣдовательно во время обѣда на мою долю всегда выпадало быть кавалеромъ милэди Тотбири, на долю того, который послѣ обѣда становился глухимъ, нѣмымъ и соннымъ; а если мнѣ случалось быть кавалеромъ лэди Модбрукъ, то ея неугомонное пустословіе надоѣдало даже женѣ моей, знавшей, въ какое бѣшенство приходилъ я отъ неумѣстной и пустой болтовни. Наконецъ я уѣзжаю въ Лондонъ. Показываю языкъ доктору Гебердену и прочитываю каталогъ моихъ недуговъ. «Все вздоръ, любезный сэръ Джоржъ!» говоритъ безчувственный докторъ. «Головная боль, скука, безсонница, дурное расположеніе духа (неправда, докторъ; сэръ Джоржъ постоянно бываетъ въ превосходномъ расположеніи духа, только нерѣдко на него находитъ уныніе! говоритъ моя жена). Безсонница, дурное расположеніе духа, продолжаетъ непреклонный докторъ. Милэди, позвольте мнѣ быть откровеннымъ, — вашего мужа погубило наслѣдство. Немно-

го бѣдности, да побольше занятій, помогутъ ему лучше всякаго лѣкарства.

— Да; мнѣ лучше было бы имѣть характеръ брата Гарри. Его письма исполнены были веселости и одушевленія. Имѣнье его улучшалось; его негры умножались; онъ былъ членомъ нашего House of Burgesses; обожалъ жену; будь у него ребенокъ, и онъ считалъ бы себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Еслибъ вмѣсто меня господиномъ варрингтонскаго помѣстья бы[illegible]арри, его любили бы во всемъ округѣ; онъ былъ бы распорядителемъ на всѣхъ конскихъ скачкахъ, веселымъ товарищемъ записныхъ охотниковъ, лучшимъ гостемъ во всѣхъ сосѣднихъ господскихъ домахъ, гдѣ почти никто не оказывалъ мнѣ радушія при видѣ моего угрюмаго лица. Что касается до жены, то ее, мнѣ кажется, любилъ весь свѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сожалѣлъ о ней. Не знаю, какимъ образомъ распространился слухъ, съ которымъ всѣ соглашались, будто бы я обхожусь съ ней жестоко и что я ревнивъ, какъ Рауль-Синяя-Борода. О Боже! Тутъ есть правда; я имѣлъ множество мрачныхъ часовъ; я провожу дни въ безпрерывномъ молчаніи; разговоръ глупцовъ возмущаетъ меня, и, питая къ нимъ отвращеніе, иногда я не знаю, какъ скрыть это чувство, или, вѣрнѣе, никогда не скрывалъ его. Мнѣ кажется, что съ лѣтами я становлюсь сообщительнѣе; я не могу считать себя выше капитана Майльза, потому только что не люблю кричать и гоняться за лисицей; впрочемъ, въ этомъ отношеніи, я смиренно сознаюсь, что онъ меня превосходнѣе. Ему дано было совсѣмъ другое воспитаніе; онъ находилъ удовольствіе въ такихъ вещахъ, о которыхъ я не имѣлъ понятія. Если я слѣпъ, то это еще не значитъ, что во всемъ мірѣ мрачно. Теперь я почтительно и со всѣмъ вниманіемъ слушаю, когда сквайръ Коджерсъ разсказываетъ объ охотѣ. Отъ души смѣюсь, слушая гарнированные анекдоты капитана Ратльтона. Подхожу къ клавикордамъ съ старой миссъ Гомби (нашей сосѣдки, изъ Беклесъ) и съ напряженнымъ вниманіемъ прислушиваюсь къ ея щебетанью старинныхъ пѣсенокъ. Я терпѣливо играю въ вистъ. Словомъ, я стараюсь исполнить всѣ требованія свѣта; но все же я имѣю право быть угрюмымъ и углубляться въ самого себя, потому что цѣлое утро занимаюсь чтеніемъ Монтэня.

Зная, подъ чьимъ вліяніемъ находился мой братъ, я нисколько не удивился, увидѣвъ имя его въ спискѣ виргинскихъ депутатовъ, утверждавшихъ, что единственное право налагать подати на жителей нашей колоніи принадлежитъ и всегда принадлежало, по закону, палатѣ депутатовъ, которая, поэтому, и пригласила другія колоніи просить королевскаго содѣйствія къ возстановленію нарушенныхъ

краѣ Америки. Около этого-то времени, именно года три спустя послѣ того, какъ мы поселились въ новомъ нашемъ англійскомъ помѣстьи, — и началась переписка между нами и мадамъ Эсмондъ. Прерванныя отношенія наши были приведены въ прежній порядокъ моей женой (женщина всегда найдетъ къ этому тотъ или другой поводъ). Мистеръ Майльзъ заболѣлъ оспой, отъ которой чудеснымъ образомъ поправился, нисколько не утративъ своей красоты. По случаю этого выздоровленія мать пишетъ маленькое письмецо къ бабушкѣ счастливаго малютки. Она старается очаровать ее всякаго рода скромными фразами и покорными приношеніями любви и уваженія, разсказываетъ анекдоты о признакахъ генія въ малюткѣ (не знаю, что воспрепятствовало развитію этого генія въ нашемъ храбромъ молодомъ офицерѣ?), и должно быть послала къ бабушкѣ локонъ волосъ этого милашки, потому что старая лэди въ отвѣтномъ письмѣ своемъ благодарила за подобный подарокъ. Удивляюсь, какимъ образомъ позволили этому подарку пройти вильямсбургскую таможню безпошлинно? Въ замѣнъ этой примирительной жертвы и тайно провезенныхъ выраженій покорности, приходитъ благосклонное письмо отъ Миледи Кастльвудъ. Она съ негодованіемъ отзывалась объ опасномъ духѣ, господствующемъ въ колоніи; ей горько было подумать, что ея несчастный сынъ водится съ людьми, которые, по ея мнѣнію, не болѣе не менѣе, какъ разбойники и измѣнники. Впрочемъ она не удивляется тому, что *у него такіе друзья и совѣтники*. Можно ли было отъ *жены, взятой изъ низкаго сословія*, ожидать сочувствія къ людямъ заслуженнымъ и вполнѣ преданнымъ правительству? Для монархіи наступало тяжелое время (жители Америки вовсе нерасположены платить пошлину, и требовали, чтобы все для нихъ дѣлалось безъ пожертвованій съ ихъ стороны), а она помнила, что въ такое время Эсмонды, — особливо ея отецъ, маркизъ, — были вѣрны своимъ государямъ. Ей не извѣстны были мнѣнія, господствовавшія въ Англіи, хотя она и могла судить о нихъ по мнѣнію *вновь созданнаго* лорда Чатама. Она молила небо, чтобы хотя одинъ изъ ея сыновей не былъ на сторонѣ *возмущенія*. Впослѣдствіи, когда намъ привелось разсматривать въ Виргиніи старинныя фамильныя бумаги, мы нашли *«Письма отъ моей дочери — леди Babbингтонъ»*, — тщательно сложенныя и перевязанныя ленточкой. Миледи Тео никакъ не хотѣла, чтобы я раскрылъ ихъ; — они, я думаю, были до такой степени переполнены похвалами ея мужу, что Тео, вѣроятно, не хотѣла, чтобы отъ чтенія ихъ пострадало мое тщеславіе.

Въ письмахъ своихъ мадамъ Эсмондъ сообщала нѣсколько словъ о Гарри и его женѣ. «Двѣ женщины, писала она: — попрежнему и во всемъ управляютъ моимъ бѣднымъ сыномъ въ Фаннистонѣ (такъ

угодно Гарри называть свой домъ). Должно быть, онѣ копятъ деньги, потому что до меня доходятъ *грязныя исторіи* объ образѣ ихъ жизни. *Монтвернонскій джентльменъ* остается его лучшимъ другомъ; по совѣту его Гарри подастъ мнѣнія въ нашей палатѣ. Не понимаю, для чего Гарри бережетъ деньги? Я слышала, что когда онъ отправлялся въ своихъ экипажахъ къ лорду Боттстурту, то изъ пяти негровъ, провожавшихъ его, то[illegible]воихъ были сапоги. Дѣло другое я: я имѣла основаніе дѣ[illegible]береженія. У меня есть сыновья, которымъ я желала что нибуд[illegible]ить; но у него нѣтъ дѣтей; чрезъ это, впрочемъ, онъ избавленъ отъ многихъ горестей, потому что небо въ премудрости своей низпосылаетъ намъ, чрезъ нашихъ дѣтей, испытанія, которыя мы обязаны переносить. Теща его захворала, — присовокупляла мадамъ Эсмондъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ. Съ самаго дня женитьбы, мой бѣдный Гарри душой привязался къ этимъ двумъ хитрымъ женщинамъ, и онѣ управляютъ имъ по своему произволу. Можетъ ли что нибудь болѣе этого противорѣчить здравому смыслу и изреченіямъ св. писанія. Не намъ ли говорили: *жена да повинуется мужу*? Еслибъ мистеръ Варрингтонъ жилъ, я бы всѣми силами старалась слѣдовать этому священному правилу, постоянно памятуя, что къ женщинѣ ничто такъ нейдетъ какъ *кротость и послушаніе*.»

Вскорѣ послѣ этого мы получили письмо за чорной печатью. Мадамъ Эсмондъ извѣщала насъ о смерти дорогой нашей, доброй Моунтэйнъ, о которой я сожалѣлъ отъ искренняго сердца, вспоминая ея непритворную къ намъ любовь во время нашего дѣтства. Гарри съ свойственнымъ ему чистосердечіемъ оплакивалъ эту утрату. Мадамъ Эсмондъ, упоминая объ этомъ обстоятельствѣ, говорила: «Бывшая ключница моя, мистриссъ Моунтэйнъ, предчувствуя конецъ, прислала за мной, желая въ послѣдній разъ увидѣться со мной на смертномъ одрѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, она намѣревалась просить у меня прощенія за свою измѣну. Я послала сказать, что *по долгу христіанки* прощаю, и при этомъ выразила совершенную надежду (хотя, признаться, и сомнѣвалась), что она вполнѣ сознаетъ свою виновность въ отношеніи ко мнѣ. Я разсуждала, что наша встрѣча поведетъ только къ дальнѣйшимъ непріятностямъ. Если она каялась въ своихъ грѣхахъ *хотя бы и въ одиннадцать часовъ*, это было еще не поздно, и я полагала, что она посвятитъ своему раскаянію послѣднія минуты. Можете же себѣ представить ея жалкое и закоснѣлое состояніе. Она велѣла сказать чрезъ служанку Дину, которую я къ ней отправила съ цѣлебными лѣкарствами, *для ея тѣла и души*, что ея поступки ко мнѣ не требуютъ покаянія, и что она проситъ оставить ее въ покоѣ! Бѣдная Дина раздала лѣкарства нег-

рамъ, которые съ радостію приняли ихъ, между тѣмъ какъ горячка быстро съѣдала Моунтэйнъ. Вотъ до чего дошло извращеніе человѣческаго рода! Это бѣдное созданіе было *слишкомъ горде*, чтобы принять мои лѣкарства; а теперь не въ состояніи помочь ей никакіе доктора, никакія лѣкарства. Вы пишете, что вашъ маленькій Майльзъ страдаетъ коликой. Вотъ *мое* лѣкарство отъ этой болѣзни; напишите мнѣ, произведетъ ли [illegible]ебное дѣйствіе и пр., и пр.» Тутъ слѣдовалъ рецептъ лѣкар[illegible]орое ты не принималъ, мой сынъ, мой наслѣдникъ, моя гор[illegible]не принималъ потому, что у твоей нѣжной матери былъ свой собственный порошокъ, съ помощью котораго изцѣлялись всѣ дѣтскіе недуги нашего первенца. Неправда ли, какъ хорошо слова этихъ двухъ леди согласовались съ истиной? Я боюсь, что миледи Тео невсегда б[illegible] чистосердечна: иначе какимъ образомъ объяснить слѣдующія фразы въ одномъ изъ писемъ мадамъ Эсмондъ: «Пріятно слышать, что порошки [illegible] помогли милому малюткѣ. Послѣ двухъ-трехъ пріемовъ, *дѣйствіе ихъ удивительно*; они служили благодѣтельнымъ средствомъ къ облегченію многихъ лицъ, окружающихъ меня,—дѣтей и взрослыхъ, бѣлыхъ и цвѣтныхъ. Посылаю моему внуку индійскій лукъ и стрѣлы. Неужели эти потухающіе отъ старости глаза не увидятъ его въ Кастльвудѣ? Неужели сэръ Джоржъ такъ занятъ своими книгами и политическими дѣлами, что не можетъ удѣлить своей матери нѣсколькихъ мѣсяцевъ? Я теперь совершенно одинока. Комната моего сына сохраняетъ тотъ самый видъ, въ какомъ онъ ее оставилъ: на полкахъ стоятъ тѣже самыя книги, надъ кроватью висятъ маленькій кинжалъ и охотничье ружье, надъ каминомъ портретъ моего отца. Я ничего не позволяю измѣнять ни въ его комнатѣ, ни въ комнатѣ его брата. Иногда мнѣ представляется, что я вижу дѣтей, играющихъ вблизи меня, вижу голову отца въ томъ положеніи, какъ онъ дремалъ въ своемъ креслѣ. Моя голова становится почти такою же бѣлою, какъ у него. Ужели и въ самомъ дѣлѣ я не увижу моихъ дѣтей въ этомъ мірѣ? Да будетъ воля Господня!»

ГЛАВА XV.

ВЪ ВИРГИНІИ.

Столь убѣдительное воззваніе нашей матери въ состояніи было бы, мнѣ кажется, смягчить сердца, черствѣе нашихъ. И вотъ мы заговорили о поспѣшномъ отъѣздѣ въ Виргинію и о приготовленіи всѣхъ каютъ на кораблѣ «Молодая Рахель», для нашего помѣщенія. Но, какъ нарочно, у насъ захворалъ ребенокъ, для котораго

вояжъ былъ опасенъ, и съ которымъ мать никакъ не могла разстаться. Въ тотъ годъ «Молодая Рахель» совершила свое плаваніе безъ насъ. На слѣдующій годъ встрѣтилось другое затрудненіе: первый приступъ ко мнѣ подагры (я съ ней долго возился; зато впослѣдствіи она очистила мои умственныя способности и оживила мой духъ); вслѣдъ затѣмъ [illegible] новая причина къ отмѣнѣ поѣздки, заключавшаяся въ [illegible]мъ извѣстіи съ Ямайки. Года два спустя послѣ нашего во[illegible]ъ варрингтонскомъ помѣстьи, добрый нашъ, дорогой генералъ возвратился изъ своего губернаторства, немного побогаче въ житейскихъ благахъ, но зато онъ понесъ утрату, которую не могли вознаградить никакія богатства, и послѣ которой онъ не счи[illegible] за нужное оставаться въ Вестъ-Индіи. Бѣдная мать моей Те[illegible]ый нѣжный и преданный нашъ другъ — умерла за гран[illegible]тъ горячки. Послѣдними словами ея было сожалѣніе, что е[illegible] привелось увидѣть ни нашихъ дѣтей, ни насъ самихъ благоденствующими.

— Она видитъ насъ и теперь, хотя мы ее не можемъ видѣть; и она благодаритъ тебя, Джоржъ, за твою любовь къ ея дѣтямъ,—говорилъ мужъ мистриссъ Ламбертъ.

Мы думали, что генералъ не долго проживетъ до соединенія съ ней. Его любовь къ женѣ была его счастіемъ, главнѣйшимъ предметомъ всей его жизни. Быть въ разлукѣ съ ней значило тоже самое, что не жить на свѣтѣ. Грустно было смотрѣть на добраго старика, когда онъ сидѣлъ въ семейномъ нашемъ кругу. Моя жена, своими манерами, звуками голоса и жестами, постоянно напоминала опустѣлому сердцу бѣднаго вдовца его подругу. Для его развлеченія мы готовы были сдѣлать все, что отъ насъ зависѣло. Маленькая Гетти была теперь въ цѣломъ мірѣ его главной опорой и утѣшеніемъ. Генералъ говорилъ, что въ Ямайкѣ она отказалась отъ многихъ выгодныхъ предложеній, и что по возвращеніи въ Англію наслѣдникъ лорда Ротама палъ къ ея ногамъ. Но, по словамъ Гетти, она считала за счастіе оставаться при отцѣ. Пока она ему не наскучила, ей не нужно было мужа.

— О, нѣтъ! сказали мы, когда сдѣлано было это послѣднее и самое выгодное предложеніе: — пусть генералъ остается въ нашемъ помѣстьи на шесть мѣсяцевъ, а другіе шесть — вы можете провести съ нимъ въ Оакгорстѣ.

Но Гетти утверждала, что Оакгорстъ, послѣ смерти, потерялъ для генерала всю свою прелесть, и что она ни за кого не выйдетъ замужъ, ни за деньги, ни за графскія короны! Когда мы разсуждали объ этомъ предметѣ, генералъ серьезно говорилъ, что Гетти не имѣла ни малѣйшаго желанія выдти замужъ, вѣроятно потому, что

была разочарована въ дни своей юности, — хотя объ этомъ разочарованіи она не говорила ни слова; съ своей стороны, мы, уважая ея чувства, оставались молчаливыми. Мой братъ Ламбертъ имѣлъ въ это время приходъ недалеко отъ Винчестера, и жену, которая должна была служить украшеніемъ его паствы. Мы не очень жаловали эту леди, хотя каждый разъ, когда она пріѣзжала къ намъ, оказывали ей всевозможныя радушіе. *Ея* воззрѣніе на рѣшимость бѣдной нашей Гетти [illegible]ся безбрачною вовсе не согласовалось съ моимъ взглядомъ. Мистриссъ Джэкъ страшно любила тараторить, имѣла привычку говорить нисколько не стѣсняясь, и чрезвычайно гордилась искусствомъ огорчать своихъ родныхъ и знакомыхъ.

— Любезный сэръ Джорджъ, — угодно было ей сказать однажды: я часто говорила нашей [illegible] Тео, что не хотѣла бы такъ часто видѣть мою хорошенькую сестру въ нашемъ домѣ, особливо когда я бываю наверху, а она приготовляетъ чай для Джэка; она всегда явится тогда, когда мнѣ нужно быть или на кухнѣ или въ дѣтской; — всегда вырядится въ лучшее платье, между тѣмъ какъ я стряпаю пироги или пуддинги, или смотрю за дѣтьми. Конечно, я вполнѣ увѣрена въ Томѣ. Желала бы я видѣть, что онъ заглядывается на другихъ женщинъ! Точно такъ же я увѣрена и въ Джемимѣ: но все же, когда бываю наверху, имъ не слѣдуетъ оставаться наединѣ въ *моемъ* домѣ, — это вѣрно! Это я сказала и сестрѣ Варрингтонъ.

— Не слѣдуетъ ли мнѣ понимать изъ вашихъ словъ, сказалъ генералъ: — что вы сдѣлали честь миледи Варрингтонъ, предостерегая ее противъ родной сестры, а моей дочери, миссъ Гестеръ?

— Да, папа, — вы угадали. Обязанность должна быть обязанностью, женщина останется женщиной, мужчина мужчиной, — это всѣмъ извѣстно. Пожалуйста не говорите. Онъ вѣдь мужчина. Всякій мужчина будетъ мужчиной, при всемъ его цѣломудріи.

— У васъ самихъ есть замужняя сестра, у которой вы гостили въ то время, когда сынъ мой Джэкъ имѣлъ счастіе впервые познакомиться съ вами, — замѣтилъ генералъ.

— Конечно; у меня есть замужняя сестра, — это всѣмъ извѣстно; я любила дѣтей ея, какъ мать.

— Не долженъ ли же я сдѣлать выводъ изъ вашего разговора, что ваши прелести оказались сильнымъ искушеніемъ для мужа вашей сестры?

— Какъ вамъ не стыдно, генералъ! Я не понимаю, какъ вы можете сказать, что я говорила подобный вздоръ! вскричала мистриссъ Джэкъ, вся вспыхнувъ.

— А развѣ вы не замѣчаете, my dear madam,—что сами внушили это не только относительно себя, но относительно моихъ двухъ дочерей?

— Никогда, никогда и никогда! — говорю это, какъ истинная христіанка. Съ вашей стороны, милостивый государь, жестоко выдумывать подобныя вещи. Я только и сказала, что моей хорошенькой сестрѣ не слѣдуетъ безпрестанно вертѣться въ нашемъ домѣ! Тео теперь находится въ такомъ же точно положеніи, и я предостерегла ее. Вотъ и все тутъ.

— Не замѣтили ли вы, моя добрая мадамъ, что бѣдная Гетти украла у васъ серебряныя ложки? Когда я сегодня пришелъ къ завтраку, въ столовой была только одна моя дочь, и на столѣ лежало множество серебряныхъ приборовъ.

— Помилуйте, сэръ! Сказала ли я хоть слово о ложкахъ? Обвиняла ли я бѣдную Гетти? Умри я сію же минуту на этомъ коврѣ, если только я сдѣлала это! Со мной всегда такъ обходятся. Я и Томъ давно это замѣтили.... я только сдѣлала свое дѣло.

При этомъ мистриссъ Джэкъ расплакалась и выбѣжала изъ комнаты.

— Неужели эта женщина имѣла наглость говорить тебѣ такія вещи, дитя мое? — спросилъ генералъ, когда Тео заняла свое мѣсто за чайнымъ столомъ.

— Съ тѣхъ поръ, какъ они пріѣхали сюда, она твердитъ мнѣ это каждый день. Твердитъ въ моемъ будуарѣ, твердитъ въ дѣтской.... вездѣ, вездѣ. Только и слышишь: «я бы не позволила сестрѣ своей заглядывать туда, куда ее не просятъ.»

— Какъ пріятно имѣть любезныхъ и воспитанныхъ родственницъ, замѣтилъ я.

— Твоя бѣдная мать щадила эту женщину, — простоналъ Ламбертъ.

— Наша мать желала ей добра, папа, сказала Тео, цалуя отца.

— Правда твоя, мой другъ.

— И я увидѣлъ, что оба они молились.

Надо признаться, что любить иныхъ родственниковъ—задача не очень легкая; жить съ иными сосѣдями — небольшое удовольствіе. На другой день по всѣмъ пріемамъ Джэка Ламберта видно было, что жена передала ему содержаніе вчерашняго разговора. Джэкъ былъ угрюмъ, но сохранялъ свое достоинство. Онъ былъ сердитъ, но его гнѣвъ не вредилъ его аппетиту. Онъ сказалъ намъ проповѣдь, которая была чрезвычайно скучна. Маленькій Майльзъ, еще разъ одѣтый въ трауръ, сидѣлъ подлѣ дѣда; его ручонка лежала въ рукѣ этого добраго старика.

Не хочетъ ли онъ остаться въ Англіи и присматривать за домомъ во время нашей поѣздки въ Виргинію? спрашивалъ старикъ. Нѣтъ. Домашнее хозяйство слѣдовало передать въ полное распоряженіе Гетти. Ключи дворецкаго нужно было вручить генералу; потому что Гумбо,—не безъ особеннаго удовольствія, какъ я полагалъ,—долженъ былъ ѣхать вмѣстѣ съ нами въ Виргинію. Онъ, какъ можно догадаться, соединился брачными узами съ мистриссъ Молли, и населилъ коттеджъ въ моемъ паркѣ смуглыми гумбятами. Итакъ, оставивъ домъ на попеченіе добраго генерала и его дочери, мы отправились въ Лондонъ и оттуда въ Бристоль, и тамъ доставили доброхотному нашему агенту случай объявить намъ, что онъ будетъ возсылать къ небу теплыя молитвы о благополучномъ совершеніи нашего плаванія, доставили ему случай побожиться, что такихъ милыхъ дѣтей, какъ наши (въ это время для [illegible]щества Майльзу у насъ былъ еще ребенокъ), онъ не видывалъ [illegible] на одномъ кораблѣ. Плаваніе наше совершилось благополучно. Трудно выразить чувства, наполнявшія наши сердца въ то время, какъ мы въ Ричмондѣ вышли изъ шлюбки! На берегу насъ ожидала карета и толпа негровъ; — подлѣ нихъ находился, верхомъ на конѣ, какой-то джентльменъ, который, завидѣвъ насъ, спрыгнулъ съ сѣдла и бросился въ наши объятія. Не нужно говорить, что минута встрѣчи съ неоцѣненнымъ братомъ Гарри была для насъ минутою неизъяснимаго восторга. Онъ ѣхалъ съ нами почти до самаго дома матери. Какъ теперь вижу ее на крыльцѣ этого дома вижу какъ Тео пала предъ ней на колѣни, прося ея благословенія.

Гарри, какъ я уже сказалъ, ѣхалъ съ нами до самаго дома; но не хотѣлъ, — употребляя его выраженіе,—своимъ приходомъ отравить наше удовольствіе.«Мадамъ Эсмондъ видитъ меня, сказалъ Гарри:—я съ ней въ хорошихъ отношеніяхъ; только Фанни и она избѣгаютъ встрѣчи другъ съ другомъ; хотя могу утвердительно сказать, что онѣ любятъ другъ друга. Когда ты будешь свободенъ, Джоржъ, то приходи ко мнѣ въ таверну. Завтра я буду имѣть честь представить милэди Тео ея сестру. Вчера я случайно узналъ въ городѣ о прибытіи корабля и дождался вашего пріѣзда. Я послалъ негра сказать женѣ, чтобы она явилась къ милэди Варрингтонъ.» Сказавъ это, Гарри выскочилъ изъ кареты, предоставивъ намъ одинимъ встрѣчу съ матерью.

Во время разлуки съ мадамъ Эсмондъ, я бывалъ въ высшихъ слояхъ общества; Тео и я являлись съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ королю и королевѣ; но мы не видѣли особы величественнѣе моей матери. Со всѣмъ радушіемъ она встрѣтила насъ, подняла жену мою съ колѣнъ, обняла и повела ее въ внутренніе аппар-